

№ 177

Тенрихъ Сенкевичъ.

№ 17
73

QUO VADIS?...

829-9
6778

(КУДА ГРЯДЕШЬ?..)

Романъ изъ временъ Нерона.

въ 11 частяхъ, съ эпилогомъ.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

1634-0

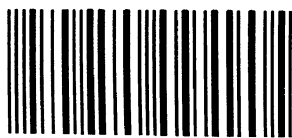
Ф. В. ДОМБРОВСКАГО.

съ предисловіемъ и прииѣчаніями переводчика.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

1897.

2007112456

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время немного найдется писателей, равныхъ Сенкевичу какъ по тонкости психологическаго анализа, такъ и по яркости красокъ, юмора и плодovitости. Его, прямо таки, можно назвать крупной литературной силой и плодovitость его на литературномъ поприщѣ начинаетъ быть даже поразительной. То онъ пишетъ историческіе романы, изобилующіе художественными красотами; то современные, преисполненные анализа чувствъ; то религіозные, построенные на морали и философіи. Кромѣ большихъ историческихъ романовъ, прекрасно написанныхъ и преисполненныхъ блестящаго юмора и картинъ, послѣдніе три романа: „Безъ догмата“, „Семья Поланецкихъ“ и „Quo vadis?“ дали Сенкевичу міровую извѣстность и приобрѣли поклонниковъ среди всего образованнаго міра. Являясь яримъ послѣдователемъ тенденцій въ искусствѣ различныхъ націй, онъ производитъ своихъ героевъ — въ характерные герои, которые заставляютъ читателя то сильно призадумываться, то плакать, то смѣяться до слезъ. Правда, онъ нѣкоторыхъ изъ своихъ героевъ передѣлываетъ по нѣскольку разъ, придавая имъ одинъ и тотъ же типъ, какъ это мы видимъ въ Кмитицѣ и Богунѣ въ историческихъ романахъ, а также въ Плошовскомъ и Петроніѣ въ романахъ „Безъ догмата“ и „Quo vadis?“, но эта характерная передѣлка не бросается въ глаза и каждый его

герой остается героемъ до конца, выдержаннымъ и исполненнымъ во всѣхъ своихъ художественныхъ чертахъ. Въ романѣ „Безъ догмата“ Сенкевичъ въ лицѣ скептика Плошовскаго разрушаетъ путемъ безошаднаго анализа всѣ вѣрованія и теоріи, а въ то же время замѣчаетъ, что масса всевозможныхъ его системъ превращается въ какую то пустыню, въ которой онъ не можетъ ориентироваться, и чтобы спастись отъ сомнѣній, хватается за случайную былинку, уцѣлѣвшую отъ вліянія стихій. Точно также и въ предлагаемомъ романѣ мы видимъ изящнаго скептика Петронія, того же Плошовскаго, перенесеннаго въ древній классическій міръ, сознающаго непрочность жизни и возмущающагося при видѣ лохмотьевъ, въ которыя одѣты христіане; онъ считаетъ ихъ вѣру невѣжественной и скучной, отрицающей искусство и радости жизни. На немъ и на его племянникѣ Виниціѣ, влюбленномъ въ христіанку Лигію, основанъ весь романъ, которымъ положительно можно увлечься. Кромѣ того, Сенкевичъ ужасный поклонникъ силы. Его герои-атлеты: Подбиента, Бартекъ побѣдитель и Урсъ не имѣютъ себѣ равныхъ по силѣ. Первый однимъ взмахомъ сабли срубаетъ нѣсколько головъ; второй разбиваетъ десятки тюркосовъ прикладомъ; третій свертываетъ шею туру и проч. Всѣ эти лица хоть и сходны между собою, но чрезвычайно типичны. Въ лицѣ Петронія мы видимъ такого скептика, который хоть и сознаетъ, что еслибъ всѣ вдругъ сдѣлались христіанами, то, быть можетъ, и ему жилось-бы лучше, но самъ христіаниномъ быть не можетъ, что эта вѣра не для него, такъ какъ онъ не можетъ полюбить, согласно христіанскому ученію, такихъ людей какъ Неронъ; рабовъ, исполняющихъ черныя работы или жителей Затибрія или Субуры, отъ которыхъ пахнетъ потомъ, бобами и чеснокомъ. Этотъ эстетикъ, какъ и всѣ его герои, остается эстетикомъ до конца, оканчивая жизнь свою самоубійствомъ при изящной обстановкѣ триклиніума и въ присутствіи не менѣе изящныхъ гостей, которые

пировали за его столомъ. Предлагаемый романъ преисполненъ не только картинной увлекательности, но и художественной обрисовки лицъ классическаго міра, въ которомъ царствовали развратъ и безправіе. Читая, его, невольно приходится плакать, смѣяться, приходиться въ ужасъ и отчаяніе.

Такъ какъ романъ изобилуетъ массой дѣйствующихъ лицъ изъ классическаго міра, а также словами изъ классической древности, то, въ виду этого, я счелъ необходимымъ отмѣтить все, быть можетъ, непонятное для многихъ, особыми примѣчаніями, которыя и помѣщены въ концѣ книги подъ соответствующими нифрами, находящимися въ текстѣ книги.

Переводчикъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Петроній ¹⁾ проснулся около полудня и, по обыкновенію, очень измученнымъ. Наканунѣ этого дня онъ былъ у Нерона на пиру, который продолжался до поздней ночи. Съ нѣкотораго времени, его здоровье начало портиться, и онъ самъ разсказывалъ, что, просыпаясь по утрамъ, онъ какъ будто чувствовалъ себя омертвѣлымъ и лишенымъ силъ собрать и привести въ порядокъ свои мысли. Только утреннія ванны и усердное массажированіе его невольниками содѣйствовали кровообращенію его застывавшихъ нервъ; эти манипуляціи какъ бы пробуждали его и возвращали ему силы, такъ что онъ выходилъ изъ олаотеки, т. е., послѣдняго баннаго придѣла, совершенно освѣженнымъ, съ блестящими, веселыми глазами, помолодѣвшимъ и преисполненнымъ жизни, такъ что самъ Оттонъ не могъ соперничать съ нимъ. Словомъ, онъ дѣлался настоящимъ, какъ его называли, «*arbiter elegantiarum*».

Онъ бывалъ очень рѣдко въ общественныхъ баняхъ ²⁾, развѣ только въ то время, когда въ нихъ былъ какойнибудь краснорѣчивый риторъ, о которомъ много говорили въ городѣ, или когда въ эфебіяхъ ³⁾ происходили какіянибудь любопытныя состязанія. Къ тому же, въ его инсули ⁴⁾ были устроены собственные купальни, которыя ему перестроилъ и расширилъ Целлеръ, извѣстный единомышленникъ Севера: онъ съ такимъ вкусомъ устроилъ ихъ, что самъ Неронъ отдавалъ имъ предпочтеніе надъ цезарскими, хотя послѣднія были просторнѣе и несравненно богаче.

И такъ, послѣ пира, на которомъ онъ, соскучившись шутствомъ Ватинія ⁵⁾, принялъ участіе въ бесѣдѣ Нерона съ Луканомъ и Сенекой о томъ, есть ли у женщины душа—онъ всталъ очень поздно и принялъ ванну. Двое сильныхъ бальнеаторовъ ⁶⁾ положили его на кипарисной скамьѣ, покрытой бѣлой египетской биссой, и, обмакивая свои руки въ ароматическомъ маслѣ, начали растирать его статное тѣло, между тѣмъ какъ онъ лежалъ съ закрытыми глазами и ждалъ, пока теплое масло проникнетъ въ кожу и изгонитъ изъ него усталость и изнуреніе.

Наконецъ, чрезъ нѣкоторое время, Петроній заговорилъ: открывъ глаза, онъ началъ разспрашивать о погодѣ, а затѣмъ о геммахъ ⁷⁾, которые обѣщали ему прислать ювелиръ Идоменъ для обозрѣнія. Оказалось, что погода прекрасная съ легкимъ вѣтеркомъ, который дулъ отъ Албанскихъ горъ ⁸⁾, но что еще геммы не присланы. Петроній опять закрылъ глаза и въ то же время приказалъ, чтобы его перенесли въ тепидаріумъ ⁹⁾. Въ этотъ моментъ, изъ-за занавѣси на дверяхъ, показался номенклаторъ ¹⁰⁾ и доложилъ, что молодой Маркъ Виницій, только что вернувшійся изъ Малой Азій, желаетъ видѣть его.

Петроній приказалъ впустить его въ тепидаріумъ и самъ перешелъ туда.

Виницій былъ сынъ старшей сестры его, вышедшей замужъ за Марція Виниція, консула времени Тиверія. Въ настоящее время, молодой человѣкъ служилъ подъ начальствомъ Корбулона, сражавшагося съ парянами, и теперь, по окончаніи войны, возвратился домой. Петроній питалъ къ нему нѣкоторую слабость, равную привязанности, потому что Маркъ былъ красивый, атлетическаго сложенія, юноша, который умѣлъ владѣть собою и не поддаваться эстетической испорченности: а это Петроній цѣнилъ выше всего.

— Привѣтъ мой Петронію! сказалъ молодой человѣкъ, входя твердыми шагами въ тепидаріумъ:—да наградятъ тебя всѣ боги благополучіемъ, въ особенности Асклепадъ и Киприда, подъ покровительствомъ которыхъ тебя не встрѣтитъ ни какое зло.

— Привѣтствую и я тебя въ Римѣ и желаю сладкаго отдыха послѣ войны, отвѣтилъ Петроній, протягивая ему руку изъ подъ мягкой «карбасовой» ткани, въ которую онъ былъ завернутъ.—Что слышно въ Арменіи и не былъ ли въ Виеиміи?

Во свое время Петроній былъ губернаторомъ Виеиміи и, надо сказать, управлялъ ею хоть строго, но справедливо. Это, конечно

было странно и не соответствовало его характеру, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ своей слабостью и любовью къ роскоши. Поэтому-то онъ и любилъ вспоминать то время, которое доказывало ему, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибъ счумѣлъ или захотѣлъ.

— Да, мнѣ представился случай побывать въ Гераклин, отвѣчалъ Виницій.—Я былъ посланъ туда Корбулономъ для сбора вспомогательныхъ войскъ.

— Ахъ, ужъ эта Гераклія!.. Тамъ я познакомился съ одною молодою дѣвушкой изъ Колхиды, за которую отдалъ бы всѣхъ здѣшнихъ, не исключая и Поппей. Но это было давно и кануло въ Лету. Лучше скажи мнѣ, что слышно между пареями? Правду сказать, мнѣ ужъ надоѣли всѣ эти вологезы, тирядаты, тигрофезы и всѣ варвары¹¹⁾, которые, какъ доказываетъ молодая Арулень¹²⁾, ходятъ у себя на четверенькахъ и только въ нашемъ присутствіи хотять казаться людьми. Но теперь о нихъ много говорятъ, потому что опасно говорить о чемъ нибудь другомъ.

— Да, эта война неудачна, и еслибъ не Корбулонъ, то она могла-бы превратиться въ величайшее бѣдствіе.

— Корбулонъ!.. Клянусь Бахусомъ, что онъ настоящій божокъ войны: истый Марсъ, великій вождь, а вмѣстѣ съ тѣмъ запальчивый и глупый. Я люблю его, хоть бы потому, что Неронъ боится его.

— Ну, Корбулонъ далеко не глупый человѣкъ.

— Можетъ быть ты и правъ, но это все равно. Глупость, какъ доказываетъ Пирронъ¹³⁾, ничѣмъ не отличается отъ мудрости и нисколько не лучше нея...

Виницій началъ рассказывать о войнѣ. Петроній зажмурилъ глаза. Молодой человѣкъ, замѣтивъ его изнуренное и отчасти исхудалое лицо, перемѣнилъ разговоръ и спросилъ его о здоровьи.

Петроній открылъ глаза.

Здоровье!.. Да, Петроній чувствовалъ себя больнымъ. Разумѣется, онъ еще не дошелъ до того состоянія какъ молодой Сизеннъ¹⁴⁾, который лишился чувствъ до такой степени, что когда его принесли въ баню, то онъ спрашивалъ: «сизу-ли я?» Именно, онъ только былъ нездоровъ. Поэтому-то Виницій и поручалъ его покровительству Асклеяда и Киприды. Но Петроній не вѣрилъ въ Асклеяда, такъ какъ не зналъ, чѣмъ онъ былъ сыномъ: Арсиной или Кориды. А если сама мать была не увѣрена въ этомъ, то что же

можно сказать объ отцѣ? Да и кто теперь можетъ поручиться, даже за собственнаго отца!

Петроній размѣялся и продолжалъ:

— Правда, два года тому назадъ, я послалъ въ Епидоръ три дюжины живыхъ «пашкотовъ» и кубокъ золота; но знаешь-ли почему? Потому что я заранѣе рѣшилъ, что если мои жертвоприношенія не помогутъ, то и не повредятъ. Если еще люди приносятъ жертвы на алтари божествъ, то потому, что они думаютъ и разсуждаютъ, какъ и я. Всѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, однихъ мельниковъ, которые возятъ на мулахъ путешественниковъ отъ порта Капена. Кромѣ Асклеіада, я имѣлъ дѣло и съ асклеіадами¹⁵⁾. Это было въ прошломъ году, когда у меня болѣлъ мочевой пузырь: они совершали за меня инкубацію¹⁶⁾ и лежали въ храмѣ. Я зналъ, что они плуты, но опять таки подумалъ: да мнѣ какое дѣло! Вѣдь весь свѣтъ держится на плутовствѣ и самая жизнь—тоже плутовство и самообманъ; да и душа—одно лукавство. Однако, нужно обладать достаточнымъ умомъ, чтобы отличить пріятные самообманы отъ непріятныхъ. Я приказалъ отапливать свой гипокаустъ¹⁷⁾ кедровыми дровами, посыпанными амброй, такъ какъ предпочитаю пріятный аромат испорченному воздуху. Что касается Киприды, покровительству которой ты меня поручаешь, то я ужъ испыталъ силу ея покровительства настолько, что и теперь чувствую стрѣльбу въ правой ногѣ. Впрочемъ, она добрая богиня! Я думаю, что и ты, раньше или позже, пошлешь на ея жертвенникъ бѣлыхъ голубей.

— Да, отвѣтилъ Виницій,— хотя меня не коснулись стрѣлы пареянъ, но въ меня неожиданно угодилъ дротикъ Амура... Это было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ.

— Клянусь бѣлыми колѣнями Харитъ¹⁸⁾, что ты расскажешь мнѣ объ этомъ, при первомъ свободномъ времени! воскликнулъ Петроній.

— Именно, я и пришелъ посоветоваться съ тобою...

Разговоръ ихъ былъ прерванъ эпиляторами¹⁹⁾, которые вошли въ этотъ моментъ и занялись Петроніемъ. Послѣдній пригласилъ Марка послѣдовать за нимъ въ ванну съ теплой водою. Молодой человекъ скинулъ свою тунику²⁰⁾ и вошелъ въ ванну.

— Я ужъ не спрашиваю, продолжалъ Петроній,— пользуешься-ли взаимностью... Еслибъ Лизиппъ²¹⁾ увидалъ тебя,—прибавилъ онъ, смотря на молодое, точно изъ мрамора изваянное, тѣло Виниція,—

то ты украшалъ-бы теперь Палатинскія ворота, въ видѣ Геркулеса въ молодыхъ годахъ.

Молодой человекъ самодовольно улыбнулся и началъ нырять въ ваннѣ, расплескивая теплую воду на мозаическій полъ, представляющій рисунокъ Геры въ моментъ, когда она умоляетъ Сонъ усыпить Зевса. Петроній смотрѣлъ на него взглядомъ художника-знатока.

Когда они оба вышли изъ ванны и отдались въ распоряженіе эпиляторовъ, въ тепидаріумъ вошелъ лекторъ съ бронзовымъ ящичкомъ на животѣ и свитками бумагъ.

— Не желаешь-ли послушать? спросилъ Петроній.

— Охотно, если только это твое сочиненіе! отвѣтилъ Винцій.— А если не твое, то я предпочитаю разговаривать. Въдѣ теперь поэты ловятъ людей на всѣхъ углахъ улицъ.

— Да, да! Нельзя пройти ни около Базиліки, ни мимо термовъ, ни бібліотеки, ни книжной лавки, чтобы не наткнуться на какого-нибудь жестикулирующаго, какъ обезьяна, поэта. Агриппа, пріѣхавшій сюда съ Востока, принялъ ихъ вначалѣ за сумашедшихъ. Но, что дѣлать: теперь такое время... Самъ цезарь пишетъ стихи и всѣ подражаютъ ему. Одно не хорошо, что нельзя сочинять стиховъ лучше цезаря, а потому я отчасти побаиваюсь Лукана²²)... Впрочемъ, я пишу прозой, въ которой не щаю ни себя, ни другихъ. То, что лекторъ намѣревался прочесть, касается послѣдней воли бѣднаго Фабриція Вейентона²³).

— Почему: «бѣднаго?»

— Потому что ему приказано позаняться Одиссеей и не возвращаться къ домашнему очагу до новыхъ распоряженій. Но эта ~~Одиссея~~ будетъ для него легче, чѣмъ самому Одиссею, потому что его ~~зна~~ не Пенелопа. Конечно, я не скажу тебѣ, что это глупо, но здѣсь каждый обязанъ смотрѣть на все поверхностно, сквозь пальцы. Теперь скучна и книга того автора, который изгнанъ... Вези только и слышно: «Скандалъ! скандалъ!» Быть можетъ, нѣкоторыя вещи Фабрицій выдумалъ; но я, какъ знающій городъ, нашихъ патриціевъ и женщинъ, увѣряю, что все, написанное имъ, глупѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Въ свою очередь, каждый ищетъ себя въ этой рукописи съ опаской и страхомъ, а знаковыхъ — съ пріятностью и удовольствіемъ. Въ книжномъ магазинѣ вирнуса сто человекъ переписываютъ эту книгу подъ диктовку, и глупѣе ея обезпеченъ.

— А о тебѣ тамъ говорится?

— Да; но авторъ ошибся, потому что я гораздо хуже и менѣе плоскъ, чѣмъ онъ меня изобразилъ. Видишь-ли... Мы здѣсь давно ужъ потеряли чувства того, что хорошо и что скверно; да и мнѣ самому кажется, что это правда; что здѣсь нѣтъ никакой разницы; по крайней мѣрѣ, я ее не вижу, хотя Сенека, Мусоній и Трасей²⁴) притворяются, что видятъ ее. Конечно, мнѣ это все равно и, клянусь Геркулесомъ, я говорю то, что думаю!.. Я только пользуюсь однимъ преимуществомъ, что самъ понимаю все и могу отличить красоту отъ уродства; а этого-то нашъ рыжебородый поэтъ, наѣздникъ, пѣвецъ, танцоръ и актеръ не понимаетъ.

— Однако, мнѣ жаль Фабриція!.. Онъ хорошій товарищъ.

— Да, его погубило самолюбіе... Его всѣ подозрѣвали, но никто и ничего не зналъ-бы, еслибъ онъ самъ не рассказывалъ всѣмъ подъ секретомъ. Ты слышалъ исторію Руфина?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, перейдемъ въ фригидаріумъ²⁵); тамъ мы прохладимся и я расскажу тебѣ.

И они перешли въ фригидаріумъ, посерединѣ котораго билъ фонтанъ свѣтло-розовой воды, издававшій запахъ фіалки. Сѣвъ въ нишахъ, устланныхъ шелковой матеріей, они стали охлаждаться. Нѣкоторое время царствовало молчаніе. Виницій смотрѣлъ задумчиво на бронзоваго фауна, который перегнулъ чрезъ плечо нимфу съ жадностью искалъ ея губы для поцѣлуя.

— Этоть—правъ, отозвался онъ, кивнувъ головою на фауна:— Это въ жизни самое пріятное.

— Да, отчасти. Но ты, кромѣ того, любишь войну, которой я ненавижу, такъ какъ подъ полотняными палатками трещаютъ ногти и липаются розоваго цвѣта. Впрочемъ, у cadaго свой вкусъ. Напримѣръ, нашъ рыжебородый любитъ собственное пѣніе, а старыи Скваръ²⁶)—свою коринѣскую вазу, которую ставитъ на ночь у своей постели и цѣлуетъ ее, если ему не спится. Такимъ образомъ, онъ ужъ выпѣловалъ всѣ ея края... Но, скажи мнѣ, пожалуйста, ты пишешь стихи?

— Нѣтъ. Еще ни разу не удалось мнѣ сложить ни одного гексаметра.

— А не играешь-ли на лютнѣ и не поешь-ли?

— Нѣтъ.

— И не правишь лошадьми?

— Однажды правилъ въ Антиохіи, но неудачно.

— Въ такомъ случаѣ, я спокоенъ за тебя. Ну, а къ какимъ сторонникамъ въ циркѣ ты причисляешь себя?

— Къ зеленымъ.

— Тѣмъ лучше, и я тѣмъ больше спокоенъ, потому что у тебя громадное состояніе, хотя ты не такъ богатъ, какъ Сенека или Палладъ... Видишь-ли, я это говорю въ виду того, что у насъ теперь хорошо писать стихи и играть на лютнѣ; декламировать и состязаться въ циркѣ; но, во всякомъ случаѣ, лучше ничего этого не дѣлать, а только удивляться, когда все это продѣлываетъ рыжебородый. Вѣдь ты красивый малый, и если что грозитъ тебѣ, такъ это любовь Поппеи²⁷⁾, которая можетъ влюбиться въ тебя. Но она чрезвычайно опытна для этого. Она ужъ достаточно насладила любовію при двухъ первыхъ мужьяхъ, а при третьемъ ей ужъ захочется чего нибудь, изъ ряда вонъ выходящаго... Знаешь-ли: этотъ глупый Оттонъ²⁸⁾ любитъ ее по сей часъ до безумія. Теперь онъ ходитъ по испанскимъ скаламъ и до того тяжело вздыхаетъ, что даже забылъ всѣ свои прежнія привычки и совершенно пересталъ заниматься собою... Теперь ему достаточно трехъ часовъ въ сутки для упорядоченія своей шевелюры... Но, кто могъ ожидать этого отъ Оттона!

— Я понимаю его; но я, будучи на его мѣстѣ, сдѣлалъ-бы что нибудь иное.

— Что именно?

— Я-бы создалъ себѣ хорошій легіонъ изъ тамошнихъ горцевъ: вѣдь иберійцы—бравые солдаты.

— Ахъ, Виницій, Виницій!.. Мнѣ, право, хочется тебѣ сказать, что ты не былъ-бы способенъ на это, и знаешь-ли почему? Такія вещи только дѣлаются, но о нихъ не говорится, даже условно. Что касается меня, то я, будучи на его мѣстѣ, посмѣлся-бы надъ Поппеей и надъ этимъ рыжебородымъ, и сформировалъ-бы себѣ легіонъ не изъ бравыхъ иберійцевъ, а изъ иберіекъ. Кромѣ того, написалъ-бы писать эпиграммы, которыя, конечно, не сталъ-бы читать никому, какъ это дѣлалъ бѣдный Руфинъ.

— Вѣдь ты хотѣлъ мнѣ рассказать его исторію.

— И расскажу ее въ унктуаріумѣ²⁹⁾.

Но въ унктуаріумѣ вниманіе Виниція было отвлечено совѣмъ

другими предметами, а именно, чудными невольницами, которыя ожидали ихъ. Двѣ изъ нихъ, арабки, похожія на великолѣпныя изваянія изъ чернаго дерева, принялись растирать ихъ тѣла нѣжными пахучими арабскими маслами; двѣ инныя, фригійки, назначенныя для прически, держали въ рукахъ, мягкихъ и гибкихъ, какъ змѣи,—по стальному зеркалу и по гребенкѣ; двѣ остальные, гречанки, похожія на богинь, ожидали момента ваятельной укладки сборокъ на тогахъ своихъ господъ.

— Глянусь Зевсомъ, какой у тебя прекрасный выборъ! воскликнулъ Маркъ.

— Предпочитаю выборъ, чѣмъ количество, отвѣтилъ Петроній. — Вся моя «фамилія» ³⁰⁾ въ Римѣ не превышаетъ четырехъ сотъ головъ, и, по моему мнѣнію, это достаточное количество для услугъ: одни только выскочки могутъ желать большаго.

— Да, по моему, красивѣйшими тѣлами, пожалуй, не обладаетъ и самъ нашъ рыжебородый, сказалъ Виницій, раздымая ноздри.

— Ну, вѣдь ты мой родственникъ, отвѣтилъ Петроній съ пріятельскою небрежностью,—и я еще не изжился такъ, какъ Бассъ ³¹⁾ и не такой педантъ, какъ Авлій Плавтій.

Услышавъ послѣднее имя, Виницій забылъ на время о гречанкахъ и, приподнявъ голову, живо спросилъ:

— Откуда тебѣ пришла мысль о Плавтій?.. Вѣдь я жилъ въ его домѣ нѣсколько дней, когда вывихнулъ себѣ руку. Это было за городомъ. Я сильно страдалъ. Въ это время ѣхалъ Плавтій и, видя, что я страдаю, взялъ меня къ себѣ въ домъ, гдѣ его невольникъ, лекаръ Меріонъ, вправилъ мнѣ руку и вылѣчилъ меня... Я самъ бы хотѣлъ напомнить тебѣ о немъ.

— Зачѣмъ? Ты ужъ не влюбился-ли, случайно, въ Помпонію ³²⁾. Въ такомъ случаѣ, мнѣ жаль тебя: не молода и ужъ чересчуръ до бродѣтельна... Худшаго я ничего не могу себѣ представить въ союзу Плавтія съ нею?... Бррр!...

— Совсѣмъ не въ Помпонію!... ха, ха!

— Такъ въ кого-же?

— Еслибъ я самъ зналъ—въ кого!... А то даже не знаю ея имени: ее зовутъ Лигіей или Калиной. Дома-то ее называютъ Лигіей, такъ какъ она лигійскаго происхожденія, а имѣетъ еще въ варское имя—Калины. Но какой странный домъ у этихъ Плавтій!

тѣвъ: въ немъ народу, что пчель въ ульѣ, а такъ тихо, какъ въ Субіакскихъ рощахъ³³). Пребывая въ немъ нѣсколько дней, я даже не подозрѣвалъ, что тамъ живетъ божество, въ видѣ прекрасной дѣвушки, пока однажды утромъ, случайно не увидалъ ее моющею въ садовомъ фонтанѣ. И клянусь тебѣ тою пѣной, изъ которой возстала Афродита, что лучи зари какъ будто насвѣзъ пронизывали ея тѣло, и мнѣ казалось, что когда солнце взойдетъ, то она исчезнетъ въ свѣтѣ его, какъ исчезаетъ утренняя заря. После того, я видѣлъ ее еще два раза, и съ этой минуты не знаю ни покоя, ни какія еще могутъ быть другія желанія. Теперь я не хочу знать, что дастъ мнѣ городъ; не хочу ни женщинъ, ни золота, ни коринтской жѣды, ни янтаря, ни жемчугу, ни вина, ни пиръшествъ: одно мое желаніе—владѣть Лигіей. Искренно и чистосердечно признаюсь тебѣ, Петроній, что я почему-то тоскую по ней, какъ тосковалъ по Панситѣ Сонгъ, изображенный на полу твоего тепидаріума; скучаю и томлюсь по цѣлымъ днямъ и ночамъ.

— Если она невольница, то купи ее.

— Нѣтъ, она не невольница.

— Такъ кто-же она? Быть можетъ, отпущеница?

— Не будучи никогда невольницей, не можетъ быть и отпущеницей.

— Кто-же, наконецъ?

— Не знаю: кажется, королевна или что-то въ этомъ родѣ.

— Ты возбуждаешь мое любопытство, Виницій... Говори!

— Если ты выслушаешь меня, то я сейчасъ удовлетворю свою біографія коротка. Быть можетъ, ты слышалъ о Ванніѣ, свевскомъ королѣ, который былъ изгнанъ изъ края, долгое время пребывалъ въ Римѣ, прославился счастливою игрою въ кости и отличался своими состязаніями?... Цезарь Друзъ снова возвелъ его на престолъ. Въ сущности, Ванній былъ порядочнымъ человекомъ: сначала онъ отлично управлялъ народомъ и велъ счастливо войны; но, затѣмъ онъ началъ черезчуръ драть кожу не только съ ближайшихъ сосѣдей, но и съ собственныхъ подданныхъ, свевовъ. Въ виду этого, два племянника его, Ванги и Сидо, сыновья Виблія, короля гермундуровъ³⁴) заставили его опять поѣхать въ Римъ... и попробовать счастья въ кости.

— О, я отлично помню времена Клавдія.

— Да!.. Настала война. Ванній призвалъ на помощь язиговъ,

а его милые племянники — лигійцевъ. Послѣдніе, наслышавшись о богатствѣ Ваннія обольщенные надеждой на крупную добычу, при- были въ такомъ количествѣ, что самъ цезарь Клавдій выразилъ опасеніе за спокойствіе своихъ границъ. Хотя Клавдій не хотѣлъ вмѣшиваться въ варварскія войны, однакожь написалъ къ Атталію Гистеру, который командовалъ наддунайской «легіей»³⁵), чтобы онъ неукоснительно слѣдилъ за ходомъ войны и не позволялъ воз- мущать нашего спокойствія вторженіемъ въ наши владѣнія. Въ виду такого предписанія, Гистеръ потребовалъ отъ лигійцевъ обѣщанія не переходить нашихъ границъ, на что послѣдніе не только согласились, да еще, въ видѣ гарантіи, дали намъ заложниковъ, между которыми находилась жена и дочь ихъ вождя... Вѣдь тебѣ извѣстно, что варварскіе народы ходятъ на войну съ своими семьями: женами и дѣтьми... Ну, вотъ, моя Лигія и есть дочь этого вождя.

— Откуда тебѣ все это извѣстно?

— Это мнѣ говорилъ самъ Плавтій. Дѣйствительно, лигійцы не перешли границъ, но варвары какъ являются ураганомъ, такъ и ухо- дятъ ураганомъ. Такимъ образомъ, исчезли и лигійцы, вмѣстѣ съ своими турьими рогами на головахъ. Избивъ Ванніевскихъ световъ и язиговъ, хотя король ихъ и былъ убитъ, они ушли съ большой до- бычей, а заложницъ оставили у Гистера. Вскорѣ мать Лигіи умерла, а Гистеръ, не зная, что дѣлать съ ребенкомъ, отослалъ его къ вла- дѣтелю всей Германіи, Помпонію. Этотъ послѣдній, окончивъ войну съ каттами, вернулся въ Римъ, въ которомъ Клавдій, какъ из- вѣстно, позволилъ ему отпраздновать свою побѣду. Дѣвочка шла тогда за колесницей побѣдителя, но по окончаніи торжествъ,—такъ какъ заложницы нельзя было считать плѣнницей, кромѣ того и Пом- поній не зналъ, что съ нею дѣлать,—онъ отдалъ ее своей сестрѣ, Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавтія. Такимъ образомъ, она выросла въ домѣ, въ которомъ все, начиная отъ господъ и кончая птицами въ курятникѣ,—преисполнено добродѣтели. Ну, значитъ и она до- бродѣтельна, какъ сама Грецина и настолько прекрасна, что даже Поппея казалась бы при ней, какъ осенняя фи́га при гисперійскомъ яблокѣ.

— Ну, и что же?

— Повторяю, что съ момента, когда я увидѣлъ ее у фонтана и когда, казалось, лучи зари пронизывали насквозь ея прозрачное тѣло,—я остался безъ памяти отъ любви къ ней.

— Значить, она такъ прозрачна, какъ лампредка или молодая сардинка?

— Не шути, Петроній! а если тебя смущаетъ моя свобода, съ какою я самъ говорю о моей страсти, такъ вѣдь ты знаешь, что и подь цвѣтнымъ платьемъ могутъ скрываться глубокія раны. Нужно замѣтить, что я, возвращаясь изъ Азіи, проспалъ одну ночь въ храмѣ Мопса³⁶)—съ цѣлію увидѣть вѣщій сонъ. И, вотъ, я видѣлъ во снѣ самого божка, который предсказалъ мнѣ, что въ моей жизни настанетъ большая перемена, вслѣдствіе любви.

— Плиній говоритъ, что онъ не вѣритъ въ боговъ, а только въ сны. И, быть можетъ, онъ правъ. Что касается моихъ шутокъ, то онѣ нисколько не мѣшаютъ мнѣ думать, что все таки существуетъ одно божество—превѣчное, всемогущее и творческое,—*Venus Genitrix*³⁷). Оно сосредоточиваетъ все: душу, тѣло и матерію. Вѣдь Ероть вызвалъ свѣтъ изъ хаоса³⁸), а хорошо ли онъ сдѣлалъ—это дѣло другое; но если свѣтъ существуетъ, то мы должны признать его могущество, хоть можемъ и не благословлять его...

— Ахъ, Петроній! Легче философствовать, чѣмъ дать добрый совѣтъ.

— Однако, чего ты хочешь отъ меня?

— Хочу обладать Лигіей; хочу, чтобы мои руки обнимали ее и прижимали къ груди: хочу дышать ея дыханьемъ. Еслибъ она была невольницей, то я отдалъ бы за нея Авлію сто дѣвушекъ, которымъ приказалъ бы побѣлить извѣстью ноги, въ знакъ того, что ихъ въ первый разъ назначили въ продажу. Я хочу имѣть ее въ своемъ домѣ до тѣхъ поръ, пока голова моя сдѣлается такъ бѣлой, какъ бѣла верхушка горы Соракты зимою.

— Хоть она, какъ ты говоришь, не невольница, но все же принадлежитъ къ «фамиліи» Плавтія; а такъ какъ она считается оставленнымъ своимъ племенемъ ребенкомъ, то и можетъ быть причислена къ числу невольницъ, и Плавтій могъ бы уступить ее, еслибъ захотѣлъ.

— Да развѣ ты не знаешь Помпоніи Грецины. Впрочемъ, они оба привязаны къ ней, какъ къ родному дѣтищу.

— Я знаю Помпонію: настоящій кипарисъ, и еслибъ она не была женою Авлія, то ее можно нанимать плакальщицей: вѣчно печальна. По смерти Юліи она не снимала съ себя черной «столи» (платья) и, вообще выглядывала, какъ будто она при жизни хо-

дила по лугу, поросшему асфоделиями³⁹⁾. Притомъ она такая «ци-
vica»⁴⁰⁾, что между нашими четыре и пятикратными разводками ка-
жутся фениксомъ... Ахъ, да, кстати!.. Ты слышалъ, что фениксъ
въ самомъ дѣлѣ возродился въ горномъ Египтѣ, что, какъ извѣстно,
случается не менѣе, какъ черезъ 300 лѣтъ одинъ разъ⁴¹⁾.

— Ахъ, Петроній! О фениксѣ мы поговоримъ въ другой разъ.

— Что-жъ я тебѣ скажу, мой милый Маркъ! Я знаю Плавтія,
который хоть и порицаетъ мой образъ жизни, по все-таки питаетъ
ко мнѣ нѣкоторую слабость, а быть можетъ даже и уважаетъ меня
больше другихъ: онъ знаетъ, что я никогда не былъ доносчикомъ,
какъ напр. Домитій Афръ⁴²⁾, Тигелинъ⁴³⁾ и вся плеяда пріятелей Аге-
нобарба⁴⁴⁾. Не притворяясь стойкомъ, я часто однако морщился, видя
жестокіе поступки Нерона, на которые Сенека и Бурра⁴⁵⁾ смотрѣли
сквозь пальцы... Но если ты мнишь, что я могу что-нибудь сдѣлать
у Авлія, то я весь къ твоимъ услугамъ.

— Я думаю—можешь. Ты имѣешь на него вліяніе; кромѣ того,
обладаешь краснорѣчіемъ, и еслибъ ты вошелъ въ мое положеніе,
да поговорилъ съ Плавтіемъ...

— Ты ошибаешься въ моемъ вліяніи и краснорѣчій; но если
только въ томъ дѣло, то я охотно поговорю съ нимъ, какъ только
они переѣдутъ въ городъ.

— Они ужъ переѣхали, два дня тому назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ въ триклиніумъ⁴⁶⁾, въ которомъ
насъ ждетъ завтракъ, а затѣмъ, подкрѣпивъ наши силы, прикажемъ
нести насъ къ Плавтію.

— Ты всегда былъ добръ для меня, съ радостью сказалъ Ви-
ницій;— но теперь, въ благодарность за это, я прикажу поставить
посерединѣ своихъ ларей⁴⁷⁾ твое изваяніе, такое-же красивое, какъ это,
и буду совершать ему жертвоприношенія.

Причемъ Виницій повернулся въ сторону изваяній, украшав-
шихъ одну изъ стѣнъ ароматической свѣтлицы и указалъ рукою на
изваяніе фигуры Петронія, представленнаго въ видѣ Гермеса, съ
посохомъ въ рукахъ.

— Клянусь свѣтомъ Гелія⁴⁸⁾! прибавилъ онъ,—если божествен-
ный Александръ былъ похожъ на тебя, то нельзя удивляться его
Еленѣ⁴⁹⁾!

Въ этомъ восклицаніи было столько-же искренности, сколько и
лести, потому что Петроній, хоть и былъ старше годами и менѣе

атлетиченъ, но казался красивѣе Виниція. Римскія женщины восхищались не только гибкостью его ума и вкуса, благодаря которымъ онъ получилъ кличку арбитра элегантии, но и его тѣломъ. Такое же восхищеніе можно было замѣтить и у его невольницъ — гречанокъ изъ Косъ, которыя теперь укладывали сборки его тоги. Одна изъ нихъ, Евника, тайно любившая его, смотрѣла на него съ благоговѣніемъ. Но Петроній не обращалъ на нея вниманія и, только улыбнувшись Виницію, процитировалъ ему мнѣніе Сенеки о женщинахъ:

Animal impudens... etc.

А затѣмъ, взявъ его подъ руку, вышелъ съ нимъ въ триклиніумъ.

Между тѣмъ въ унктуаріумъ двѣ гречанки, фригійки и арабки начали убирать сосуды съ ароматическими маслами. Въ тотъ-же моментъ, изъ за полуоткрытой котары ⁵⁰⁾ отъ фригидаріума показались головы бальнеаторовъ и раздалось тихое: „дсс!“ На этотъ зовъ, одна изъ гречанокъ, обѣ фригійки и эфіопки моментально исчезли за котарой. Очевидно, въ термахъ ⁵¹⁾ наступала минута распутства и своеволия, на которыя „инспекторъ“ смотрѣлъ сквозь пальцы, такъ какъ и самъ нерѣдко принималъ участіе въ подобныхъ разгулахъ. Петроній тоже замѣтилъ это, но, какъ человекъ разсудительный и врагъ наказаній, допускалъ свободу.

Въ унктуаріумъ осталась только одна Евника. Она прислушивалась нѣкоторое время къ голосамъ и смѣху уходящихъ и наконецъ, взявъ табуретъ, выложенный янтаремъ и слоновой костью, на которомъ, минуто тому назадъ, сидѣлъ Петроній, осторожно подвинула его къ изваянію своего господина.

Унктуаріумъ былъ освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, ломавшимъ лучи свои въ цвѣтныхъ мраморахъ, которыми были выложены стѣны, отражавшихъ ихъ въ центръ свѣтлицы.

Евника стала на табуретъ и, сравнившись съ высотой изваянія, обняла его за шею; затѣмъ она отбросила назадъ свои бѣлокурые волосы и, прижимая свое розовое тѣло къ холодному бѣлому мрамору, начала цѣловать въ безжизненные уста статуи Петронія.

II.

Послѣ закуски, названнѣй завтракомъ,—къ которому они сѣли въ то время, когда обыкновенные смертные давно ужъ пообѣдали, а нѣкоторые и полудновали,—Петроній предложилъ вздремнуть. По его мнѣнію, было еще рано для визитовъ. Конечно, есть люди, которые начинаютъ посѣщать своихъ знакомыхъ съ ранняго утра, считая этотъ обычай древне-римскимъ, но онъ, Петроній, находилъ его варварскимъ. Для этого было самое лучшее время пополудни и не ранѣе, чѣмъ солнце пройдетъ въ сторону храма Юпитера Капитолійскаго и станетъ некоса посматривать на Форумъ⁵²). Осенью въ Италиіи бывастъ еще жарко и люди охотно спятъ послѣ обѣда. Между тѣмъ, очень пріятно послушать рокоть и шумъ фонтана и, послѣ обязательной прогулки по атриуму⁵³), вздремнуть въ красноватомъ освѣщеніи солнца, проникающаго чрезъ пурпурный веларій⁵⁴).

Виницій согласился на его предложеніе и они начали прохаживаться по атриуму, небрежно разговаривая о томъ, что слышно въ Палатинѣ и въ городѣ, и отчасти философствуя о жизни. Затѣмъ Петроній отправился въ кубикулумъ⁵⁵); но онъ не могъ заснуть и чрезъ полчаса вышелъ къ Виницію. Приказавъ невольнику принести вербены, онъ началъ нюхать ее и натирать виски и руки.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ это оживляетъ и отрезвляетъ, сказалъ онъ Виницію.—Ну, вотъ, теперь я совсѣмъ готовъ.

Паланкинъ давно ужъ ожидалъ ихъ, а потому они тотчасъ сѣли и приказали нести себя въ улицу Патриціевъ, въ домъ Плавтія. Инсула, или жилище Петронія находилось въ южной сторонѣ Палатина⁵⁶), около, такъ называемыхъ, Каринъ. Поэтому, кратчайшій путь лежалъ ниже Форума. Но такъ какъ Петроній рѣшилъ зайти къ ювелиру Идомону, то и приказалъ нести себя чрезъ Vicus Apollinis и Форумъ, въ сторону Vicus Sceleratus, на углу которой находилось много различныхъ тавернъ.

Гиганты-арабы, упреждаемые невольниками, называемыми „педисеквами“, свободно двинулись въ путь. Петроній, молча, обнюхивалъ свои руки, отъ которыхъ пахло вербеной, и какъ будто надъ чѣмъ то призадумался. Наконецъ, послѣ нѣ котораго молчанія, онъ отозвался:

— Мнѣ пришло въ голову, что если твоя лѣсная богиня не

невольница, то она могла-бы свободно оставить домъ Плавтія и перейти—въ твою. Ты окружилъ-бы ее любовью и богатствомъ, какъ я мою божественную Хризотему, которою, говоря между нами, я столько же доволенъ, сколько и она мною.

Маркъ отрицательно покачалъ головою.

— Не желаешь?.. Въ худшемъ случаѣ, дѣло дошло-бы до цезаря, и ты можешь быть увѣренъ, что нашъ рыжебородый, хоть-бы по моему вліянію, будетъ на твоей сторонѣ.

— Ты не знаешь Лигіи! отвѣтилъ Винцій.

— Въ такомъ случаѣ, позволь и тебя спросить: откуда ты ее знаешь? Вѣдь ты знакомъ съ нею только съ виду? Ты говорилъ съ нею и признавался въ любви?

— Нѣтъ, я видѣлъ ее первый разъ у фонтана, а потомъ встрѣтилъ еще два раза. Вѣдь я жилъ, во время моего пребыванія въ домѣ Плавтія, въ боковой виллѣ, предназначенной для гостей, и, благодаря моей больной рукѣ, не могъ присутствовать за общимъ столомъ. Только наканунѣ моего отъѣзда, я встрѣтился съ нею за ужиномъ, да и здѣсь не могъ сказать ни слова, потому что былъ вынужденъ слушать разсказъ Авлія о его побѣдахъ въ Британіи и объ упадкѣ мелкаго хозяйства въ Италіи, причиной котораго являлся Лициній Столонъ⁵⁷). Вообще, я не знаю, можетъ-ли Плавтіій говорить о чемъ нибудь другомъ, и ты не думай, что на сей разъ ты отдѣлаешься отъ его разсказовъ; развѣ только самъ заведешь рѣчь о чемъ нибудь другомъ, хоть объ изнѣженности нынѣшняго времени. Они тамъ держатъ фазановъ въ своихъ курятникахъ, но не ѣдятъ ихъ, въ виду того, что каждый съѣденный фазанъ приближаетъ конецъ Римскаго величія... Второй разъ я встрѣтилъ ее около садовой цистерны, со свѣже-вырванной тростинкой въ рукѣ, которую она погружала въ воду и кропила растущія вокругъ ирисы. Посмотри на мои колѣни. Клянусь Геракломъ! они не дрожали, когда наши войска шли съ воемъ тучъ на пареянъ, но здѣсь, у цистерны, подкосились, и я, какъ ребенокъ, носящій буллу на шеѣ⁵⁸), долго не могъ слова сказать.

Петроній взглянулъ на него съ нѣкоторою завистью.

— Счастливецъ! сказалъ онъ:—Хоть-бы свѣтъ и жизнь были невыносимы, но въ нихъ все таки останется вѣчно одно хорошее—молодость... И ты не заговорилъ съ нею?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Напротивъ. Придя въ себя, я сказалъ ей, что возвратился

изъ Азіи; что, подвѣзжая къ городу, вывихнулъ себѣ руку и что очень страдалъ; но въ моментъ, когда мнѣ приходится оставить этотъ гостепріимный домъ, я замѣчаю, что страданіе въ немъ стоитъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь удовольствіе; что болѣзнь лучше, чѣмъ гдѣ нибудь здоровье. Она слушала меня смущенно съ потушенной головой и что то чертя тростникомъ по шафрановому песку. Затѣмъ она подняла на меня свои глаза, еще разъ взглянула на свой чертежъ и опять на меня, какъ-бы желая что-то сказать и вдругъ убѣжала, точно Амадриада⁵⁹⁾ передъ глупымъ фауномъ.

— Вѣроятно, у нея красивые глаза?

— Точно море, въ которомъ я и утонулъ, и повѣрь мнѣ, что вода Архипелага нисколько не голубѣе ея глазъ... Вскорѣ прибѣжалъ маленькій Плавтикъ и началъ о чемъ-то спрашивать ее; но я не понималъ, чего онъ хотѣлъ отъ нея и о чемъ спрашивалъ.

— Объ Аѳинахъ! воскликнулъ Петроній. — Надо снять повязку съ глазъ этого мальчика, которые завязалъ ему Еротъ, иначе, онъ разобьетъ себѣ голову о колонны храма Венеры!.. Эхъ, весенняя почка на древѣ жизни! прибавилъ Петроній, — первая вѣтка винограда! Въместо того, чтобы идти къ Платію, тебя-бы нужно пойти въ домъ Гелотія, въ школу неопытныхъ юношей, въ которой учатъ жизни⁶⁰⁾!

— Я не понимаю тебя, что ты хочешь этимъ сказать?

— Что она начертила на песокъ? Имя-ли Амура; сердце-ли, пронзенное дротикомъ, или что другое, изъ чего ты могъ-бы заключить, что Сатиръ ужъ нашептывалъ въ ухо этой нимфѣ о тайныхъ прелестяхъ жизни?.. Нужно было рассмотреть чертежъ...

— Я раньше одѣлъ тогу, чѣмъ ты думаешь, возразилъ Виницій, — и прежде чѣмъ прибѣжалъ къ ней маленькій Авлій, я посмотрѣлъ на ея таинственные знаки на песокъ. Вѣдь я знаю, что какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ у дѣвушекъ принято чертить на песокъ свои признанія, которыхъ онѣ не могутъ высказать словами. Но ты угадай, что она начертила?

— Если не то, что я сказалъ, то не угадаю.

— Рыбу.

— Что?!

— Рыбу! Можетъ быть, это означаетъ, что въ ея жилахъ еще течетъ холодная кровь? — не знаю! Но ты, назвавшій меня весенней почкой на древѣ жизни, можешь объяснить мнѣ этотъ рисунокъ.

— Carissime! Ты лучше спроси объ этомъ Плинія ⁶¹⁾: онъ зна-токъ рыбъ. Еслибъ старый Апицій ⁶²⁾ былъ живъ, то, быть можетъ, и онъ могъ-бы сказать тебѣ кое-что, такъ какъ съѣлъ въ теченіе своей жизни рыбъ больше, чѣмъ ихъ можетъ помѣститься въ Неаполитанскомъ заливѣ.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ былъ прерванъ шумомъ людныхъ улицъ, по которымъ ихъ несли. Пройдя улицу Аполлона, они свернули на Форумъ Боаріумъ ⁶³⁾, а затѣмъ вошли на Форумъ Рома-нумъ ⁶⁴⁾. Здѣсь, въ хорошую погоду, передъ заходомъ солнца, толпи-лась масса празднаго народа. Люди всякихъ званій, прогуливаясь между колоннами, разсказывали и слушали новости; любовались по-сплками знаменитыхъ людей и заглядывали въ ювелирные и книжные магазины, мѣняльныя лавки и разныя другія, которыми были пере-полнены дома, занимающіе часть рынка, расположеннаго противъ Ка-питолія ⁶⁵⁾. Половина Форума, находящаяся у стѣнъ замка, была ужъ въ тѣни, тогда какъ колонны храмовъ, стоящихъ выше, еще золо-тили блескомъ заходящаго солнца. Ниже лежація колонны бро-сали длинныя тѣни на мраморныя плиты. Вездѣ ихъ было такъ много, что взглядъ терялся среди нихъ, какъ въ лѣсу. Казалось, что этимъ строеніямъ и колоннамъ очень тѣсно, такъ какъ они то какъ будто расходились вправо и влево, то лѣзли въ гору, въ видѣ пирамидъ, то прижимались къ утесистымъ стѣнамъ замка или одна къ другой, въ видѣ большихъ и меньшихъ, толстыхъ и тонкихъ, золотистыхъ и бѣлыхъ шней, которые какъ будто разцвѣтали подъ архитравами и широкими листьями аганта или завивались въ іонскіе рога, а то заканчивались простымъ дорическимъ квадратомъ. Надъ этимъ лѣсомъ колоннъ блестяли цвѣтныя триглыфы; изъ тимпановъ выглядывали изваянныя фигуры боговъ; золоченыя колесницы, запря-женныя четверками лихихъ коней, какъ будто хотѣли улетѣть со счетовъ въ тотъ голубой воздухъ, который спокойно опускался надъ скучившимся городомъ храмовъ. Посерединѣ рынка плыла живая лава народа, прогуливавшагося подъ луками базилики Юлія Цезаря; одни сидѣли на ступеняхъ лѣтницы Кастора и Полукса, а другія кружились вокругъ храмовъ Весты, на подобіе разноцвѣтныхъ бабочекъ и жуковъ на громаднѣйшемъ бѣломраморномъ фонѣ. Сверху, ко громаднымъ ступенямъ со стороны храма Юпитера Громовержца («*Jovī optimo maximo*»), плыли новыя волны; на рострахъ ⁶⁶⁾ говорили рѣчи народные ораторы; мѣстами раздавались крики тор-

говцевъ, продающихъ фрукты, вино или воду, смѣшанную съ фиговымъ сокомъ, для питья; слышались голоса шарлатановъ, предлагавшихъ цѣлительныя лекарства; ворожей, угадывателей скрытыхъ сокровищъ и толкователей сновъ. Тамъ и сямъ, между разговорнымъ шумомъ и криками, смѣшивались звуки сестръ, египетскихъ самбуковъ и греческихъ флейтъ⁶⁷). Кое гдѣ видѣлись больные, благочестивые или опечаленные люди, несшія свои жертвы въ разные храмы. Среди людей, на каменные плиты съ жадностью слетались къ жертвенному зерну стайки голубей, похожихъ на движущіяся, пестрыя и темныя, пятна, то моментально шумно взвиваясь вверхъ или опускаясь на мѣста, освобожденные народомъ. Отъ времени до времени, толпы разступались передъ носилками, изъ которыхъ выглядывали красивыя женскія лица или головы сановниковъ и военовъ, черты лицъ которыхъ какъ будто застыли или засохли отъ излишества жизни. Разноязычныя толпы громко произносили ихъ имена, съ прибавленіемъ прозвищъ, насмѣшекъ или похвалъ. По временамъ, между безалаберными группами проскальзывали равномерными шагами отряды солдатъ или вигилей⁶⁸), наблюдавшихъ за порядкомъ и благочиніемъ. Греческій разговоръ слышался наравнѣ съ латинскимъ.

Виницій, давно ужъ не бывавшій въ городѣ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на эти рои народа и на этотъ Форумъ Романумъ, залитый лучами свѣта. Петроній, угадавшій мысль своего спутника, назвалъ этотъ видъ «гнѣздомъ квиритовъ—безъ квиритовъ»⁶⁹). Дѣйствительно, мѣстное населеніе терялось въ этой разношерстной толпѣ, состоявшей изъ разныхъ расъ и народовъ. Здѣсь были эіопы, бѣлокурые гиганты далекаго запада, британцы, галлы и германцы, косоглазые жители Сѣрикума, Ефратскіе и Индускіе жители съ бородами кирпичнаго цвѣта; сирійцы съ береговъ Оронта съ черными слазавыми глазами; сухощавые жители арабскихъ пустынь; жиды со впалыми грудями, египціане съ вѣчно равнодушной улыбкой на лицѣ; нумиды и афры; греки съ Эллады, властвовавшіе вмѣстѣ съ римлянами въ городѣ и проводившіе послѣднихъ своимъ умомъ, знаніемъ, искусствомъ и обманомъ; греки съ острововъ Малой Азіи, Египта, Италіи и Нарбонской Галліи. Въ толпахъ невольниковъ съ продыравленными ушамъ было не мало и свободныхъ праздныхъ людей, которыхъ цезарь забавлялъ, кормилъ и даже одѣвалъ. Не было недостатка и въ добровольныхъ пріѣзжихъ, соблазненныхъ

жизнью колоссальнаго города и легкостью нажимы въ немъ. Здѣсь были также торговцы и жрецы изъ храмовъ: Сераниса, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ;—Изиды, на жертвенникъ которой приносили больше жертвъ, чѣмъ въ храмъ кашитойскаго Юпитера;—Цибеллы, носящія въ рукахъ золотые плоды кукурузы; жрецы путешествующихъ божествъ; восточныя танцовщицы съ искрящимися митрами; продавцы амулетовъ; усмирители змѣй; халдейскіе маги и наконецъ люди безъ опредѣленныхъ занятій, которые работали по-денно въ тибрянскихъ хлѣбныхъ амбарахъ, дрались изъ за лотерейныхъ билетовъ въ циркахъ и проводили ночи въ разваливавшихся постоянно затибрянскихъ домахъ, а теплые солнечные дни — въ крышпортникахъ, въ грязныхъ харчевняхъ Сѹбуры, на мосту Мильвія или передъ пнсулами богачей, гдѣ имъ, время отъ времени, выбрасывали объѣдки со стола невольниковъ.

Петронія всѣ знали въ этой толпѣ, и до слуха Виниція постоянно долетали слова: «*Nic est!*»! — «*Это онъ!*! Его любили за щедрость, но, главнымъ образомъ, его популярность возросла съ тѣхъ поръ, когда онъ замолвилъ словечко у цезаря относительно отѣмни приговоровъ смертной казни всей «*фамиліи*», т. е., на всѣхъ безъ исключенія пола и вѣка невольниковъ префекта Педанія Секунда, за то, что одинъ изъ нихъ, въ моментъ озлобленія убилъ этого жестокаго человѣка. Хотя Петроній говорилъ во всеуслышаніе, что это для него все равно, что онъ говорилъ съ цезаремъ по этому поводу какъ частное лицо, потому что эстетическія чувства его возмущались при мысли объ этой варварской рѣзнѣ, достойной какихъ нибудь сциговъ, а не римлянъ; но, тѣмъ не менѣе, народъ, возмущившійся противъ поголовной рѣзни, съ той поры началъ любить Петронія.

Но послѣдній не обращалъ на него вниманія. Онъ зналъ что тотъ-же народъ любилъ и Британика ⁷⁰⁾, котораго отравилъ Неронъ, и Агриппину, которую онъ-же лишилъ жизни; и Октавію, задушенную имъ-же на Пандатаріи, по предварительному вскрытію венъ въ горячей водѣ; и Рувелія Плавтія, изгнаннаго изъ Рима; и Трасся, которому угрожала смерть каждое утро. А такая народная любовь служила сквернымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ больше что, скептическій Петроній вѣрилъ въ предразсудки. Въ виду этого, онъ презиралъ народъ вдвойнѣ: какъ аристократъ и какъ эстетикъ. Люди, отъ которыхъ пахло жареными бобами, носимыми за пазухой, и притомъ

вѣчно охрипшіе и вспотѣвшіе отъ игры въ «мору» по угламъ улицъ и въ перистиллахъ, — не заслуживали въ его глазахъ званія людей.

Не отвѣчая на рукоплесканія и посылаемые ему воздушные поцѣлуи, онъ рассказывалъ Марку дѣло префекта Секунда, насмѣхаясь притомъ надъ измѣнчивостью уличной сволочи, которая, на слѣдующій день послѣ грознаго возмущенія, встрѣчала аплодисментами Нерона, проѣзжавшаго въ храмъ Юпитера Сталора. Наконецъ, дойдя до книжной лавки Авирна, Петроній велѣлъ остановиться, вышелъ изъ носилокъ, купилъ красиво оправленную рукопись и передалъ ее Марку.

— Это тебѣ отъ меня въ подарокъ, сказалъ онъ.

— Благодарю! отвѣтилъ Виницій, смотря на титулъ книги:— «Сатириконъ!»... Это что-то новое. Чье это?

— Мое. Но я не пойду по слѣдамъ Руфина, исторію котораго я обѣщаль тебѣ рассказать, ни по слѣдамъ Фабриція Веентона; поэтому никто не знаетъ о томъ, что я пишу, а ты никому не говори...

— Вѣдь ты говорилъ, что не пишешь стихотвореній, сказалъ Маркъ, заглядывая внутрь книги:— а здѣсь, какъ я вижу, вся проза испещрена стихотвореніями.

— Когда будешь читать, обрати вниманіе на «Пиръ Трималхиона». Что касается стиховъ, то они, съ того времени какъ Неронъ сталъ писать свою эпопею, сдѣлались для меня омерзительными. Вителлій, желая облегчить свой желудокъ отъ впечатлѣній, производимыхъ этой эпопеей, употребляетъ палочку изъ слоновой кости, которою щечочетъ въ горлѣ; другіе не пренебрегаютъ услугами фламинговыхъ перьевъ, обмакиваемыхъ въ прованское масло или въ отваръ душицы (богородской травы), а я читаю поэзію Нерона—и дѣйствіе одинаковое. Потому я могу хвалить ихъ, хотя не съ чистою совѣстью, за то съ чистымъ желудкомъ.

Петроній опять велѣлъ остановиться передъ ювелирнымъ магазиномъ Идомена и, покончивъ съ нимъ, приказалъ нести себя прямо къ Авлію Плавтію.

— Я расскажу тебѣ по дорогѣ, что значитъ авторское самолюбіе, сказалъ Петроній,—и исторію Руфина.

Но, прежде чѣмъ онъ началъ свой рассказъ, носильщики повернули въ улицу Патриціевъ и вскорѣ очутились у дома Плавтія.

Молодой, бравый япторъ ⁷¹⁾ открылъ имъ дверь, ведущую въ остіумъ ⁷²⁾, надъ которою висѣла сорока въ кѣткѣ и привѣтствовала ихъ трескучимъ словомъ: «salve».

По пути изъ вторыхъ сѣней въ собственно атриумъ, Маркъ отозвался:

— Ты замѣтилъ, что здѣсь и привратникъ безъ цѣпи?

— Да, это странный домъ, отвѣтилъ Петроній вполголоса.—

Но развѣ ты не знаешь, что Помпонію Грецину подозреваютъ въ почитаніи восточнаго предразсудка, основаннаго на ученіи какого-то Христа. Мнѣ кажется, что распространенію этихъ сплетней Помпонія обязана Криспиниллѣ, которая не можетъ переварить того, что она всю жизнь удовлетворяется однимъ мужемъ. «Univira»!... Въ настоящее время въ Римѣ легче получить тарелку рису съ «норикумъ» ⁷³⁾ чѣмъ съ добрымъ словомъ. Ее судили домашнимъ судомъ...

— Да, ты правъ: именно, это замѣчательно странный домъ. Потому я расскажу тебѣ, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ...

Оба вошли въ атриумъ, составляющій переднюю часть дома.— Завѣдующій имъ невольникъ, называемый *atriensis*, послалъ поменклатора доложить о прибытіи гостей; въ то-же время рабы подвинули имъ стулья и подставки подъ ноги. Петроній, представлявшій себѣ, что въ этомъ мрачномъ домѣ царствуетъ вѣчная скука, съ удивленіемъ смотрѣлъ вокругъ, чувствуя свою ошибку, потому что атриумъ производитъ веселое впечатлѣніе. Сверху, черезъ большое отверстіе, врывался яркій свѣтъ солнца, распадавшійся въ тысячи искорокъ въ квадратномъ бассейнѣ съ фонтаномъ посерединѣ, — предназначенномъ для скопленія воды во время дождя, падавшаго черезъ отверстіе въ верху. Резервуаръ этотъ, называемый «имплювиемъ» былъ окруженъ анемонами и лиліями. Очевидно, въ домѣ обожали лиліи, такъ какъ онѣ были насажены цѣлыми курттинами: тамъ были бѣлыя, красныя, оранжевыя и др. Кромѣ того, здѣсь-же росли синіе ирисы, нѣжныя лепестки которыхъ были посеребрены водяною пылью. Среди мокрыхъ мховъ, въ которыхъ были скрыты горшки съ лиліями, и среди листьевъ виднѣлись бронзовыя изваяныица, въ видѣ дѣтей и мелкихъ водяныхъ птичекъ. Въ одномъ углу резервуара стояла бронзовая лань съ согнутой къ водѣ и запндѣвѣвшей сырой головой, какъ-бы намѣреваясь напиться. Полъ атриума былъ сдѣланъ изъ мозаики; стѣны облицованы частью краснымъ мраморомъ и отчасти — раскрашеннымъ деревомъ, на которомъ были изображены рыбы, птицы

и грыбы. Двери въ боковыя комнаты были отдѣланы черепахой и даже слоновою костью; у стѣнъ, между дверями, стояли изваянія предковъ Авлія. Вездѣ былъ видѣнъ достатокъ, хоть и далекій отъ расточительности, но исполнѣ благородный и самостоятельный.

Хотя Петроній жилъ гораздо пышнѣе, но онъ не могъ найти здѣсь ни одной вещи, которая вызвала-бы отвращеніе къ его избалованному вкусу, на что впрочемъ онъ и обратилъ вниманіе Виниція. Въ это время невольникъ «веларій» ⁷⁴⁾, приподнялъ дверную занавѣсь, отдѣляющую атриумъ отъ таблинума ⁷⁵⁾ и въ глубинѣ комнатъ, показался Авлій Плавтій.

Это былъ человекъ преклонныхъ лѣтъ, съ посѣдѣвшей головой, но бодрый съ энергичнымъ лицомъ, похожимъ на орлиную голову, на которомъ было замѣтно нѣкоторое удивленіе и даже безпокойство по поводу неожиданнаго посѣщенія его нероновскимъ пріятелемъ, другомъ и наушникомъ.

Но Петроній былъ чрезчуръ свѣтскимъ и прозорливымъ человекомъ, чтобы не замѣтить этого. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ объявилъ съ свободой свѣтскаго человека, что онъ явился поблагодарить его за радушный пріемъ и уходъ за больнымъ племянникомъ, сыномъ его сестры, и что единственно одна благодарность привела его къ нему, какъ къ старому пріятелю, съ которымъ онъ былъ давно знакомъ.

Съ своей стороны, Авлій выразилъ увѣреніе, что онъ очень радъ видѣть у себя дорогаго гостя; а что касается благодарности, то объяснилъ, что онъ самъ считаетъ себя обязаннымъ ему и благодарнымъ, хотя, Петроній и не подозрѣваетъ за что.

И дѣйствительно, послѣдній не догадывался, за что Плавтій могъ быть благодарнымъ ему, и напрасно онъ поднялъ свои орѣховые глаза, ломая голову и стараясь вспомнить, когда онъ оказалъ какую-нибудь услугу ему или кому либо другому, кромѣ той, которую общалъ Виницію. Быть можетъ и оказалъ, но, вѣрно, случайно.

— Я очень люблю и уважаю Веспасіана, прибавилъ Плавтій,— а ты спасъ ему жизнь. Помнишь, какъ онъ заснулъ, когда цезарь читалъ свои стихотворенія?

— Это ужъ его счастье, что онъ не слыхалъ ихъ, возразилъ Петроній.— Но не отрицаю, что могло случиться несчастье, потому что нашъ рыжебородый хотѣлъ послать къ нему центуріона ⁷⁶⁾ съ дружескимъ совѣтомъ вскрыть себѣ вены.

— Но ты, Петроній, осмѣялъ его...

— Да... точное, я сказалъ ему, что если Орфей усмирялъ своими пѣснями дикихъ бестій, то его торжество должно быть больше, такъ какъ онъ сумѣлъ усѣпить Веспасіана. Вообще, нашего агенобарба можно порицать во всемъ, но такъ, чтобы въ этомъ порицаніи чувствовалась лесть, и наша божественная Поппея прекрасно понимаетъ это.

— Къ несчастью, теперь такія времена!.. Жаль, что у меня недостаетъ двухъ зубовъ во рту, которые мнѣ выбилъ камнемъ одинъ британецъ: потому-то я и говорю со свистомъ. Однако-жъ, лучшее время моей жизни я провелъ въ Британіи...

Петроній, изъ опасенія, чтобы старій вожьдъ не сталъ рассказывать о своихъ войнахъ, переѣбилъ разговоръ и рассказалъ, что въ окрестностяхъ Пренеста крестьяне нашли мертвого волченка съ двумя головами и что въ прощлую бурю молнія оторвала уголь въ храмъ Луны. Какъ для поздней осени—это была неслыханная вещь. Нѣкій Котта, рассказывавшій ему объ этомъ, добавилъ, что жрецы несчастнаго храма предсказываютъ по этому случаю несчастье для всего города или, по меньшей мѣрѣ, руйну какого-либо большого дома и что такое несчастье можно предотвратить только чрезвычайными жертвоприношеніями.

Авлій, выслушавъ рассказъ Петронія, выразилъ свое мнѣніе, что такими предзнаменованіями нельзя пренебрегать; что боги, быть можетъ, разсердились за все народныя злодѣянія, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если они потребуютъ извѣстныхъ жертвъ, для предотвращения несчастій, и эти жертвы будутъ вполне умѣстны.

— Твой домъ, Авлій, хотя и не особенно великъ, возразилъ на это Петроній, — но въ немъ живетъ великій человекъ. Мой немножко великъ для такого маленькаго человекъ, какъ я, но въ то-же время онъ и малъ. Если дѣло идетъ о руйнѣ такого большого дома, какъ напримѣръ «*domus transitoria*», то оплотятся-ли намъ тѣ жертвоприношенія, которыя мы должны совершить для предотвращения бѣдствія?

Плавтій промолчалъ на это. Такая осторожность задѣла даже Петронія, потому что, при всей неспособности отличить зла отъ добра, онъ никогда не былъ донощикомъ и съ нимъ можно было разговаривать съ полной безопасностью. Въ виду этого, онъ опять

перемѣнилъ разговоръ и началъ расхваливать домъ Плавтія и его вкусъ.

— Да, это старое жилище, отвѣтилъ Авлій,—въ которомъ я ничего не измѣнилъ съ того времени, какъ получилъ его въ наслѣдство.

Когда открылась котара, отдѣляющая атриумъ отъ таблинума, домъ сдѣлался сквознымъ, такъ что чрезъ слѣдующій перистиль и находящуюся за нимъ залу, называемую «оссу», можно было видѣть садъ, расположенный вдали какъ свѣтлая картина, вдѣланная въ темную рамку зелени. Веселый дѣтскій смѣхъ доносился до атриума.

— Ахъ, Авлій! воскликнулъ Петроній,—позволь намъ вблизи послушать этотъ искренній смѣхъ, котораго, какъ извѣстно, теперь нигдѣ не услышишь.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣтилъ, вставая, Плавтій.— Это мой маленькій Авлій и Лигія играютъ въ мячъ. Что касается смѣха, то, какъ я думаю, вся твоя жизнь проходитъ въ немъ.

— Да вѣдь и самая жизнь достойна смѣха, а потому и смѣюсь; но здѣсь этотъ смѣхъ звучитъ иначе.

— Но ты, Петроній, прибавилъ Маркъ,—смѣешься не днемъ, а только по ночамъ.

Разговаривая такъ, они прошли чрезъ всю длину дома и очутились въ саду, гдѣ Лигія и маленький Авлій играли въ мячи, которые невольницы, спеціально назначенныя для игры и называемыя «spheristae», поднимали ихъ и подавали въ руки. Петроній бросилъ мимолетный взглядъ на Лигію. Маленькій Авлій, увидѣвъ Вницію, подбѣжалъ къ нему поздороваться, а между тѣмъ онъ, проходя мимо, молодой дѣвушки, которая стояла съ мячемъ въ рукахъ, съ слегка растрепанными волосами, румяная и запыхавшаяся,—глубоко поклонился ей.

Въ саду или, точнѣе, въ садовомъ триклиніи, затѣненномъ растеніями плюща, винограда и козымъ зельемъ, сидѣла Помпонія Грецина, и гости пошли здороваться съ нею. Петроній, хоть и не посѣщалъ домъ Плавтія, но былъ знакомъ съ хозяйкой, такъ какъ видѣлся съ нею у Антистіи, дочери Рувелія Плавтія, а затѣмъ въ домахъ Сенеки и Поліона. Онъ не могъ воздержаться отъ удивленія, увидѣвъ ее печальное, но въ то-же время веселое, благородное лицо, тонкіе жесты и слышаласковыя слова. Она до такой степени спутала его понятія о женщинахъ, что онъ испорченный до мозга

костей и самоуверенный, как никто в Риме, человек не только почувствовал к ней уважение, но даже потерял свою самоуверенность. В настоящий момент, благодаря ей за попечение о племяннике, он невольно произнес слово: «domina», которое никогда не приходило ему в голову, если он, например, разговаривал с Кальвией Криспиниллой, Скрибонией, Валерией, Солиной и другими женщинами большого света. Поздоровавшись и поблагодарив ее за Марка, он начал упрекать ее, что она выходит очень редко и что он не встречает ее ни в цирке, ни в амфитеатре. В виду этого, почтенная дама, положив свою руку в ладонь мужа, который сел рядом, спокойно ответила:

— Куда нам, старикам!... Мы оба устарели и привыкли к домашнему затишью.

Петроний хотел возражать, но Плавтий перебил его своим свистящим голосом:

— Къ тому-же мы съ каждымъ днемъ дѣлаемся чуждыми среди тѣхъ людей, которые даже нашихъ римскихъ боговъ называютъ греческими именами.

— Наши боги съ нѣкотораго времени сдѣлались только риторическими изваяніями, небрежно ответил Петроний; — но такъ какъ риторикѣ насъ учили греки, то мнѣ самому легче, напримеръ, сказать: Гере, чѣмъ Юнона.

Причемъ онъ взглянулъ на Помпонію, какъ бы въ знакъ того, что въ ея присутствіи никакое другое божество не могло прийти ему на мысль, а затѣмъ началъ опровергать то, что она сказала о старости:

— Правда, люди быстро старѣютъ, но только тѣ, которые живутъ иною жизнью; но есть лица, о которыхъ, кажется, Сатурнъ совсѣмъ позабылъ.

Пожалуй, Петроний сказалъ это искренно, потому что Помпонія, хотя и прожила большую половину жизни, но сохранила необыкновенную свѣжесть лица, а такъ какъ она обладала маленькой головкой и лицомъ, то, по временамъ, не смотря на черное платье, нѣкоторую серьезность и грусть, производила впечатлѣніе совсѣмъ молодой женщины.

Между тѣмъ, маленькій Авлій, очень подружившійся съ Маркомъ во время его пребыванія въ ихъ домѣ, подошелъ къ послѣднему и пригласилъ поиграть съ нимъ въ мячъ. За ребенкомъ, въ триклиній во-

шла и молодая дѣвушка Лигія. Стоя подъ занавѣсью изъ плюща съ дрожащими просвѣтами отъ солнца, она показалась Петронію красивѣе, чѣмъ при первомъ взглядѣ: дѣйствительно, она была похожа на нимфу. Онъ еще не говорилъ съ нею, а потому поднялся съ мѣста, склонилъ предъ нею голову и, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, процитировалъ слова, которыми Одисей привѣтствовалъ Навзикаю:

„Смертная-ли ты, или божество,
Обитательница-ль міра сего,
Благословенны мать съ отцомъ твоимъ,
Благословенны братья“...

Даже Помпоніи понравилась кудрявая любезность этого вельможи. Что касается Лигіи, она слушала его смущенно и потушивъ голову. Но затѣмъ, постепенно, въ уголкахъ ея губокъ начала складываться плутовская улыбка, на лицѣ проявлялась борьба между дѣвичьею стыдливостью и желаніемъ отвѣтить. Очевидно, желаніе превозмогло, такъ какъ она вглянула на Петронія и отвѣтила ему словами той-же Навзикаи, процитировавъ залпомъ, точно на урокъ:

„И ты не кто нибудь:—ума палата:
” . . . . .

И, повернувшись на мѣстѣ, она порхнула, какъ испуганная птичка. Въ свою очередь, Петроній удивился: онъ не ожидалъ услышать отъ дѣвушки Гомеровской цитаты, потому что былъ предупрежденъ Виниціемъ о ея варварскомъ происхожденіи. Онъ взглянулъ вопросительнымъ взглядомъ на Помпонію; но та не могла ему отвѣтить: она смотрѣла въ эту минуту на мужа, на лицѣ котораго проявилась замѣтная гордость.

Дѣйствительно, онъ гордился и не могъ этого скрыть, во-первыхъ, потому что былъ привязанъ къ Лигіи, какъ къ родному ребенку; во-вторыхъ, потому что, не смотря на свои старо-римскія предубѣжденія ко всему греческому, онъ считалъ грековъ высоко воспитанными. Самъ онъ никогда не могъ научиться по гречески, о чемъ скрыто сожалѣлъ; но теперь былъ радъ, что этому жеманному господину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литератору, считавшему ихъ домъ варварскимъ, отвѣтили въ немъ языкомъ Гомера.

— У насъ въ домѣ есть грекъ-педагогъ, отвѣтилъ онъ Петронію,—который учить нашего мальчика; ну, а она прислушивается

къ его урокамъ. Еще совсѣмъ зелена, но очень милая дѣвчурка, и мы оба привыкли къ ней.

Петроній началъ смотрѣть чрезъ изгибы плюща и каприфолія въ садъ и на играющихъ въ мячи. Виницій спялъ свою тогу и, оставшись въ туникѣ, подбрасывалъ въ верхъ мячъ, который, стоящая противъ него съ поднятыми руками, Лигія старалась поймать. Съ самаго начала, молодая дѣвушка не произвела на Петронія никакого впечатлѣнія и показалась ему худенькой; но, увидѣвъ ее въ триклиніумѣ, онъ невольно подумалъ, что такъ можетъ выглядѣть только утренняя заря и, какъ знатокъ женщинъ, оцѣнилъ ее. Онъ все замѣтилъ, все разсмотрѣлъ: и розовое прозрачное лицо; и свѣжія уста, сложенные какъ-бы для поцѣлуя; и голубые, какъ лазурь моря, глаза; и алебастровую бѣлизну лба; и густоту темныхъ волосъ, съ янтарнымъ, отблѣнкомъ или блескомъ коринтской мѣди и красивую шею; и божественныя плечи и весь торсъ, гибкій, статный и молодой, молодостью свѣже распустившагося цвѣтка. Въ немъ проснулся артистъ-художникъ и почитатель красоты, который ясно видѣлъ и чувствовалъ, что подлѣ изваяніемъ этой дѣвушки можно было-бы подписать: «Весна». Но онъ вдругъ вспомнилъ свою Хризотему и ему хотѣлось разсмѣяться. Теперь она представилась ему съ своей золотистой пудрой на волосахъ и подведенными бровями баснословно увядшей, чѣмъ то въ родѣ пожелтѣвшей и ронявшей лепестки розы. Однако-же, его Хризотемѣ завидовалъ весь Римъ. Затѣмъ онъ вспомнилъ Пощею, и она показалась ему бездушной, восковой маской. Въ этой же дѣвушкѣ сосредоточилась не только весна, но и сама лучеиспускающая Психея, которая просвѣчивала черезъ ся розовое тѣло, какъ свѣтъ лампы черезъ стекло.

— «Виницій правъ, подумалъ онъ, — а моя Хризотема ужъ стара, стара... какъ Троя!»

Причемъ онъ повернулся къ хозяйкѣ дома и, указавъ на садъ, произнесъ:

— Теперь я понимаю васъ, *domina*, что, имѣя такихъ двухъ дѣтей, вы предпочитаете свой домъ всѣмъ пирамъ въ Палатинѣ и зрѣлищамъ въ циркѣ.

— Да, отвѣтила она, устремляя свой взглядъ въ сторону маленькаго Авлія и Лигіи.

Старый вождь началъ рассказывать біографію дѣвушки и исторію, которую слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ Ателія Ги-

стера, о живущемъ въ постоянномъ мракѣ свевскомъ народѣ—лигіяхъ.

Между тѣмъ молодежь кончила игру въ мячъ и начала прогуливаться по садовымъ аллеямъ, мелькая на зеленѣющемъ фонѣ миртъ и кипарисовъ тремя бѣлыми изваяніями. Лигія держала мальчика за руку. Погулявъ немного, они сѣли на скамейкѣ у водоема, называемаго «писцина», занимающаго середину сада. Но, спустя минуту, мальчикъ вскочилъ и побѣжалъ къ пруду пугать рыбу въ прозрачной водѣ, а Маркъ продолжалъ, начатый во время прогулки, разговоръ:

— Да, сказалъ онъ дрожащимъ, притишеннымъ голосомъ:— Едва я успѣлъ скинуть съ себя претексту ⁷⁷⁾, какъ ужъ меня послали въ азійскіе легіи, и я не зналъ ни города, ни жизни, ни любви. Знаю, отчасти, Анакреона и Горація, но не сдумѣлъ-бы продекламировать изъ нихъ ни одного стиха, какъ декламируетъ ихъ Петроній, — въ особенности въ тотъ моментъ, когда разумъ какъ будто тупѣетъ отъ благоговѣнія и собственныя слова забываются. Будучи мальчикомъ, я ходилъ въ школу Мусонія, который говорилъ намъ, что все счастье основывается на желаніи того, чего хотятъ боги, а все остальное зависитъ отъ нашей воли. Однако, я думаю, что есть иное, высшее счастье, которое отнюдь не зависитъ отъ воли и которое можетъ создать только одна любовь. Если въ этомъ счастьи нуждаются сами боги, то и я, о, Лигія, идя по ихъ слѣдамъ и не испытавъ еще любви, ищу той женщины, которая удостоила-бы меня своею любовью.

Маркъ замолчалъ, и только слышенъ былъ легкій плескъ воды, въ которую маленькій Авлій бросалъ камешки, чтобъ всполошить рыбу. Однако, чрезъ минуту онъ опять заговорилъ, еще тише и мягче:

— Вѣдь ты знаешь Тита, сына Веспасіана? Говорятъ, что онъ, едва вышелъ изъ младенческаго возраста, какъ ужъ до того полюбилъ Веронику, что тоска по ней чуть не лишила его жизни... Я тоже сдумѣю такъ полюбить, Лигія!.. Богатство, слава, власть—одна тщета, дымъ! Богатый найдетъ богаче себя; славнаго—затмить чужая, большая слава; могущественнаго—побѣдить могущественнѣйшій... Можетъ-ли самъ цезарь, или даже какой-нибудь божокъ, испытывать больше удовольствій или быть счастливѣе, чѣмъ обыкновенный смертный въ минуту, когда у его груди дышетъ дорогая грудь

или когда цѣлуешь въ любимыя уста... Значить, любовь боговъ одинакова съ нашею и сравниваетъ насъ съ ними...

Лигія слушала его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и удивленіемъ, какъ слушала-бы звуки греческой флейты или цитры. По временамъ, ей казалось, что Маркъ напѣваетъ ей какую-то пѣсню, которая проникаетъ въ уши ея, услаждаетъ слухъ, волнуетъ кровь, томитъ сердце и заставляетъ биться его отъ какихъ-то непонятныхъ ей страха и радости... Ей казалось, что онъ говоритъ нѣчто такое, что она чувствовала раньше, но въ чемъ она не могла дать себѣ яснаго отчета. Она понимала, что Виницій желаетъ пробудить въ ней чувства, которыя еще дремали въ ней, и что въ этотъ моментъ туманный, смутный сонъ воплощается и приобретаетъ ясный, пріятный и желаемый образъ.

Тѣмъ временемъ солнце ужъ закатилось за Тибръ и остановилось низко за Яникульской горой. На неподвижные кипарисы еще падалъ красный отблескъ его и весь воздухъ какъ будто былъ пропитанъ имъ. Лигія взглянула своими голубыми глазами, точно пробудившимися отъ сна, на Марка, и онъ показался ей въ этихъ вечернихъ отблескахъ красивѣе всѣхъ людей, греческихъ и римскихъ божествъ, изваянія которыхъ она видала на фронтонахъ храмовъ. Между тѣмъ, онъ взялъ ее за кисть руки и, привлекая слегка къ себѣ, спросилъ:

— Неужели ты, Лигія, не догадываешься, что я говорю о тебѣ?

— Нѣтъ! отвѣтила она такъ тихо, что Маркъ еле услышалъ ее.

Но онъ не повѣрилъ ей и, сжимая ея руку все сильнѣе, можетъ быть, привлекъ-бы ее къ сердцу, которое сильно билось въ его груди, подъ вліяніемъ страстей, проснувшихся въ немъ благодаря близости этой чудной дѣвушки; можетъ быть, наговорилъ-бы ей множество пламенныхъ комплиментовъ, но въ это время по аллеѣ, окаймленной рамкою изъ миртъ, показался старикъ Авлій.

— Вотъ ужъ и солнце заходитъ, сказалъ онъ, подходя къ нимъ.—Берегитесь вечерняго холода и не шутите съ Либитиной ⁷⁸)...

— Нѣтъ, ничего... отвѣтилъ Виницій. — Хотя я и безъ тоги, но не чувствую холода.

— А между тѣмъ только полъ-круга его виднѣется изъ-за горъ, продолжалъ старій воинъ.— Вѣдь здѣсь не такой прекрасный климатъ, какъ въ Сициліи, гдѣ по вечерамъ, на рынкахъ, собирается народъ, чтобы хоровымъ пѣніемъ проститься съ уходящимъ Фебомъ.

И, забывъ, что минутоу тому назадъ онъ предостерегалъ ихъ отъ Либитины, онъ началъ разсказывать о Сицили, гдѣ у него были свои помѣстья и большое сельское хозяйство, которое онъ любилъ. Онъ вспоминалъ о томъ, что ему ужъ нѣсколько разъ приходила мысль переселиться въ Сицилію и тамъ дожидаться конца своей жизни. Для него достаточно было и того снѣга, который ужъ убѣдиль его голову. Еще листъ не опадаль и надъ городомъ еще ласково и нѣжно улыбалось солнце; но когда виноградъ пожелтѣетъ, когда въ Албанскихъ горахъ выпадетъ снѣгъ и боги пошлютъ на Кампанью пронизывающіе вѣтры, тогда, кто знаетъ?—быть можетъ, онъ переселится со всѣмъ своимъ семействомъ въ тихое деревенское жилище.

— Какъ! ты намѣреваешься оставить Римъ, Плавтій? спросилъ его съ безпокойствомъ Маркъ.

— Да, это мое давнишнее желаніе, потому что въ Сицилиі спокойнѣе и безопаснѣе.

И онъ опять началъ расхваливать свои сады, хозяйство, скотъ и постройки среди зелени и горъ, поросшихъ клеверомъ и чаберомъ, въ которыхъ жужжать рой пчелъ. Но Виницій не обращалъ вниманія на эту вокалическую ноту и только думалъ о томъ, какъ-бы ему не лишиться Лигіи, въ виду чего и посмотрѣлъ въ сторону Петроніи, какъ будто ожидая отъ него помощи.

Но этотъ послѣдній сидѣлъ съ Помпоніей и любовался заходящимъ солнцемъ, садомъ и лицами, стоявшими у пруда. Ихъ бѣлая одежда, точно нарисованная на темномъ фонѣ мртвъ, обливались золотомъ отъ вечерняго солнца. Ужъ на небѣ начала окрашиваться заря и мѣняться изъ пурпурнаго въ фіолетовый и опаловый цвѣта. Сводъ неба сдѣлался лилейнымъ; черныя сплуты кипарисовъ выдѣлялись рельефнѣе, чѣмъ днемъ. Какъ въ людяхъ, такъ и въ растеніяхъ всего сада наступало какое-то пріятное вечернее затишье.

Петроній былъ пораженъ этимъ спокойствіемъ, въ особенности, видя его въ лицахъ Помпоніи, стараго Плавтія, его сына и Лигіи, въ которыхъ было что-то такое, чего онъ не видывалъ у окружающихъ его каждый день: въ нихъ видѣнъ былъ какой-то блескъ, какое-то сіяніе, смиреніе и тишина, протекавшія именно изъ той жизни, какую они вели и какую всѣ жили. И онъ не безъ удивленія подумалъ, что, именно, здѣсь и могла быть та красота и прелесть, которыхъ онъ никогда не испыталъ, хотя и стремился къ нимъ. Онъ не могъ скрыть этой мысли и, обратившись къ Помпоніи, сказалъ:

— Я думаю о томъ, насколько вашъ мѣръ отмѣняетъ отъ того, которымъ владѣеть Неронъ.

— Мѣромъ владѣеть не Неронъ, а Богъ! отвѣтила она просто, смотря на вечернюю зарю.

Настало минутное молчаніе. Вблизи триklinія послышались шаги стараго воина, Марка, Лигія и мальчика; но прежде чѣмъ они подошли, Петроній спросилъ:

— А, значитъ, ты вѣруешь въ боговъ, Помпонія?

— Вѣрую въ Бога, единственнаго, справедливаго, вездѣущаго и всемогущаго! отвѣтила жена Плавтія.

III.

— Вѣруетъ въ Бога, единственнаго, справедливаго вездѣущаго и всемогущаго,—повторилъ Петроній, сбѣвъ въ носилки и оставшись наединѣ съ Маркомъ. Если Богъ всемогущъ, то онъ управляетъ жизнью и смертью; а если справедливъ, то тѣмъ основательнѣе не-посылаетъ смерть. Но зачѣмъ Помпонія носить трауръ по Юлію? Сожалѣя о ней, она порицаетъ своего Бога. Я непремѣнно скажу это нашей рыжебородой обезьянѣ, такъ какъ увѣренъ, что въ диалектикѣ не уступлю даже Сократу. Что касается женщинъ, я убѣжденъ, что у каждой есть три или четыре души, но ни одной изъ нихъ нѣтъ умной. Пусть-бы Помпонія бесѣдовала себѣ по этому предмету съ Сенекой или Корнутомъ, чѣмъ, въ сущности, есть ихъ великій Логосъ... Пусть-бы себѣ они вызывали тѣни Ксенофонта, Парменида, Зинона и Платона, скачущихъ въ Кимерійскихъ⁷⁹⁾ краяхъ, какъ чижи въ клѣткѣ. Но вѣдь я хотѣлъ говорить съ нею и Плавтіемъ совсѣмъ о другомъ!.. Клянусь брюхомъ египетской Изиды, что если-бы я прямо сказалъ, зачѣмъ мы пришли, то увѣренъ, что вся ихъ добродѣтель зазвенѣла-бы какъ мѣдный щитъ, по которому кто нибудь ударилъ палкой! Но я не посмѣлъ. Вѣришь-ли, Маркъ, я смѣялся въ душѣ! Хоть павлины красивыя птицы, но кричатъ черезчуръ пронзительно, и я побоялся ихъ крика. Тѣмъ не менѣе, я хвалю твой выборъ: настоящая зоря... съ розовыми пальчиками... И знаешь-ли, она напомнила мнѣ весну! но не нашу, итальянскую, которая сле покрывается цвѣтомъ, а ту, которую я видалъ когда-то въ Гельвеціи, молодую, свѣтлую, зеленую... Я не восхищаюсь твоей блѣдной Селеной, но, знай, Маркъ, что ты любишь Діану и что

Авлій и Помпонія готовы разорвать тебя какъ собаки, разорвавшіе Актеона ⁸⁰⁾, за твою любовь къ ней.

Виницій помолчалъ минуту и затѣмъ началъ отрывистымъ голосомъ:

— Я и прежде, пламенно желалъ обладать ею а теперь эти желанія удвоились. Когда я взялъ ее за руку, то весь воспламенился и меня какъ будто охватилъ огонь... Я долженъ и буду обладать ею. Еслибъ я былъ Зевсомъ, то окружилъ бы ее тучей, какъ онъ окружилъ Іо, или снизошелъ на нее дождемъ, какъ онъ снизошелъ на Данаю. Я хочу цѣловать ее въ уста до боли, до самозабвенія, чтобы слышать ея крикъ въ моихъ объятіяхъ... Я готовъ убить Авлія и Помпонію, только бы увести ее въ мой домъ!.. Нѣтъ, ужъ видно сегодня мнѣ всю ночь не спать. Я прикажу сѣчь когонибудь изъ моихъ невольниковъ, чтобы слушать его стоны и успокоить свои страданія...

— Успокойся! сказала Петроній:— у тебя все такія желанія, точно ты не трибунъ, а какой то плотникъ изъ Субуры.

— Мнѣ все равно!.. Я долженъ обладать ею. Я обратился къ тебѣ за совѣтомъ, и если ты не найдешь, что отвѣтить, то я самъ себя посовѣтую... Авлія считаетъ Лигію своею дочерью и я не могу смотрѣть на нее, какъ на невольницу. А разъ ужъ нѣтъ другаго исхода, то пусть она затчетъ нитками дверь моего дома, смажетъ косяки ихъ волчьимъ саломъ и займетъ мѣсто, какъ жена, у моего очага ⁸¹⁾.

— Успокойся, безумный потомокъ консуловъ! Не для того мы приводимъ варваровъ на цѣпяхъ и веревкахъ, чтобы жениться на ихъ дочеряхъ. Берегись крайностей. Изгони изъ себя все прямые и честные помыслы и дай время себѣ и мнѣ подумать. Мнѣ тоже Хризотема казалась дочерью Юпитера, однако же я не женился на ней; точно также поступилъ Неронъ съ Актеей, хоть ее и считали дочерью короля Атталы... Успокойся и помни, что если она захочетъ оставить Плавтіевъ, то они не имѣютъ права удержать ее. Кромѣ того, ты долженъ знать, что не только ты самъ пламенѣешь, но и въ нее Ероть забросилъ искру пылающаго свѣта... Я это замѣтилъ, а мнѣ можно повѣрить. Имѣй терпѣніе. На все можно найти средство, но я сегодня не способенъ искать, потому что много думалъ и усталъ. Завтра я непременно подумаю о твоей любви, и не будь я Петроніемъ, если не придумаю какого либо средства.

Оба умолкли. Наконецъ, чрезъ нѣкоторое время, Виницій заговорилъ спокойнѣе:

— Благодарю, отозвался онъ:—и да наградишь тебя Фортуна своими щедротами.

— Только ты будь терпѣливъ.

— Куда приказаль нестисебя?

— Къ Хризотемъ...

— Счастливецъ!.. По крайней мѣрѣ, ты обладаешь тою, которую любишь.

— Я?! Ты знаешь, она забавляетъ меня тѣмъ, что измѣняетъ мнѣ съ моимъ собственнымъ отпущенникомъ, лютникомъ Теокомомъ, и думаетъ, что я этого не замѣчаю. Когда-то я любилъ ее, а теперь меня смѣшить ея ложь и глупость. Пойдемъ вмѣстѣ со мною, и если она станетъ кокетничать съ тобою и писать на столѣ пальцемъ, омоченнымъ въ вино, то знай, что я не ревнивъ.

И онъ приказаль носильщикамъ нести ихъ къ Хризотемъ. Въ передней Петроній положилъ руку на плечо Виниція и сказалъ:

— Постой! кажется, я придумаль средство...

— Да награждать тебя всѣ боги...

— Да; и я думаю, что средство безошибочное. Знаешь что, Маркъ?

— Слушаю тебя, мой Аэней ⁸².)

— Чрезъ нѣсколько дней, твоя божественная Лигія отвѣдаетъ въ твоемъ домѣ зерна Деметрiи ⁸³).

— Ты больше, чѣмъ Цезарь! воскликнулъ Маркъ, въ величайшемъ восторгѣ.

IV.

Петронiй сдержалъ свое слово.

На слѣдующiй день, послѣ посѣщенiя Хризотемы, онъ проспалъ почти цѣлый день, а вечеромъ приказаль отнести себя въ Палатинъ, въ которомъ дружески бесѣдовалъ съ Нерономъ. Результатомъ его разговора было то, что на третiй день въ домъ Плавтiя явился центурiонъ, во главѣ нѣсколькихъ преторiанскихъ солдатовъ.

Время царствованiя Нерона было ужасное, и послы этого рода являлись, чаще всего, предвѣстниками смерти. Въ моментъ, когда центурiонъ постукалъ молоткомъ въ дверь Авлiя и когда наизратель

за атриумом оповѣстили хозяина, что въ сѣняхъ его ждуть солдаты, въ домѣ произошелъ переполохъ и семья съ воплями окружила старика, такъ какъ никто не сомнѣвался, что надъ нимъ стряслось какое-то несчастье. Помпонія, обнявъ его шею, прижалась къ его груди, а поспѣвшія губы быстро шептали отрывистыя слова; Лиція съ поблѣднѣвшимъ лицомъ цѣловала его руки; маленькій Авлій цѣплялся за его тогу; изъ корридоровъ и комнатъ, находящихся во второмъ этажѣ и предназначенныхъ для женской прислуги, а также изъ людской, рабочей, бани, изъ нижнихъ жилищъ со сводами, словомъ со всего дома начали сходитья невольники и невольницы. Послышался плачь и возгласы: «heu! heu! me miserium!» Женщины ужъ начали царапать свои лица, а нѣкоторые покрывать свои головы платками, въ знакъ печали.

Но старый вождь, привыкшій прямо смотрѣть смерти въ глаза, оставался спокойнымъ, и только его орлиное лицо какъ будто окаменѣло. Приказавъ невольникамъ замолчать и разойтись, онъ сказалъ женѣ:

— Пусти, Помпонія, и если ужъ настала часть моей смерти, то мы еще успѣемъ попрощаться.

И онъ слегка отстранилъ ее.

— Дай Богъ, чтобы твоя судьба была и моею!

Причемъ она тотчасъ стала на колѣни и начала молиться такою пламенною молитвой, какую можетъ вызвать только страхъ за жизнь дорогаго существа.

Плавтій пошелъ въ атриумъ, гдѣ его ожидалъ центуріонъ. Это былъ старый Кай Гаста, бывшій его подчиненный и товарищъ въ британскихъ войнахъ.

— Привѣтъ тебѣ, начальникъ, сказалъ Кай. — Я пришелъ къ тебѣ съ приказомъ и поклономъ отъ цезаря. Вотъ таблетка и знакъ, что я явился отъ его имени.

— Очень благодаренъ цезарю за его поклонъ, а приказаніе исполню, отвѣтилъ Авлій. — Здравствуй и ты, Кай. Говори, съ какимъ порученіемъ ты пришелъ ко мнѣ.

— Цезарь узналъ, началъ Гаста, — что въ твоёмъ домѣ пребываетъ дочь короля лигійскаго, которая еще при жизни Клавдія отдана въ качествѣ заложницы римлянамъ, что они не перейдутъ чрезъ границы нашей Имперіи и никогда не прикоснутся къ нимъ. Божественный Неронъ благодаренъ тебѣ за то, что ты многіе годы

оказывалъ ей гостепріимство. Теперь, не желая болѣе обременять тебя и имѣя въ виду, что дѣвушка, какъ заложница, должна находиться подъ его покровительствомъ, а также и сената, приказываетъ тебѣ передать ее мнѣ.

Авлій былъ истый солдатъ и настолько закаленъ, что не могъ позволить себѣ высказать какихъ нибудь жалобъ или упрековъ; но глубокія морщины его внезапнаго гнѣва и боли сердца ясно выразились на его челѣ. Передъ такими морщинами нѣкогда дрожали британскіе легіоны, такъ что Гаста и въ настоящее время испугался ихъ. Но Плавтій, въ данную минуту, чувствовалъ себя безоружнымъ: онъ только смотрѣлъ на таблетку и на знакъ, а затѣмъ, взглянувъ на стараго центуріона, спокойно сказалъ:

— Подожди меня здѣсь, Кай, въ атриумѣ, пока я приготовлю заложницу и выдамъ ее тебѣ.

Съ этими словами онъ пошелъ въ другой конецъ дома, въ залу, въ которой вся семья ожидала его съ беспокойствомъ и тревогой.

— Успокойтесь! сказалъ онъ:— Никому не угрожаетъ ни смерть, ни изгнаніе на далекіе острова, а все-же цезарскій посольскій явился къ намъ съ неприятными извѣстіями. Дѣло касается Лигіи.

— Лигіи! воскликнула Помпонія.

— Да, отвѣтилъ старикъ и обратился къ молодой дѣвушкѣ:— Ты, Лигія, воспитывалась въ нашемъ домѣ, какъ родное дѣтище и оба мы любимъ тебя, какъ дочь. Но, вѣдь ты знаешь, что находишься въ Римѣ, какъ заложница, оставленная твоимъ народомъ. Съ настоящей минуты, наша опека надъ тобою кончается и дальнѣйшая судьба твоя зависить отъ цезаря, который и отнимаетъ тебя отъ насъ.

Хотя Авлій говорилъ это съ виду спокойно, но какимъ-то страннымъ голосомъ. Лигія слушала его, моргая глазами и какъ-бы не понимая, въ чемъ дѣло. Лицо Помпоніи поблѣднѣло. Въ дверяхъ, ведущихъ изъ корридора въ залу, опять начали показываться испуганныя лица рабовъ.

— И воля цезаря должна быть исполнена! прибавилъ Плавтій.

— Авлій! произнесла Помпонія, обнимая дѣвушку, какъ-бы желая защитить ее:— лучше-бы ей умереть!

— Мама! мама! воскликнула Лигія, прижимаясь къ ея груди, и больше не могла сказать, изъ-за рыданій, ни слова.

На лицѣ Авлія опять изобразилась гнѣвъ и страданіе.

— Еслибъ я былъ одинъ на свѣтѣ, мрачно сказалъ онъ,— то не отдалъ-бы ее живую, и мои родственники могли-бы, еще сегодня, совершить за насъ жертвоприношенія «*Jovi liberatori*»... Но я не имѣю права губить себя и нашего ребенка, который можетъ дожить до болѣе счастливыхъ дней... Я сегодня-же отправлюсь къ цезарю и буду умолять его отмѣнить приказъ. Выслушаетъ-ли онъ меня или нѣтъ—я не знаю. А пока, будь здорова, Лигія, и знай, что я и Помпонія всегда благословляемъ тотъ день, когда ты въ первый разъ вошла подъ нашъ кровъ и заняла мѣсто у нашего очага.

Съ этими словами, онъ положилъ руку на ея голову, и хотъ старался сохратить свое спокойствіе, однакожъ, въ моментъ, когда Лигія подняла на него свои глаза, заливавшіеся слезами, а затѣмъ схватила его руку и прижала къ губамъ, голосъ его дрогнулъ и въ немъ послышалось отцовское страданіе.

— Прощай, радость наша, прощай свѣтъ очей нашихъ! сказалъ онъ и быстро пошелъ въ атриумъ, чтобы не дать овладѣть собою чувствительности, не достойной римлянина и воина.

Въ то-же время, Помпонія отвела Лигію въ кубикюлюмъ, начала успокоивать ее, утѣшать, ободрять и уговаривать словами, странно звучащими въ домѣ, въ которомъ, рядомъ съ прилегающей комнатою, еще находился ларарій и очагъ, на которомъ Плавтій, вѣрный древнему обычаю, совершалъ жертвоприношенія домашнимъ богамъ. Итакъ, насталъ часъ испытаній. Въ свое время, Виргилій пронзилъ грудь собственной дочери съ цѣлю освобожденія ее изъ рукъ Аппія; еще раньше—Лукреція добровольно лишила себя жизни изъ-за позора, а вѣдь домъ цезаря былъ не больше, какъ вертепъ позора, зла и разврата.

— Но, мы, Лигія, знаемъ, почему не имѣемъ права налагать на себя руки! прибавила старушка.

Да, тотъ законъ, подъ покровительствомъ котораго онѣ обѣ живутъ, совсѣмъ иной, больше, священнѣе; тѣмъ не менѣе онъ позволяетъ защищаться отъ зла и позора, хотъ-бы за эту защиту пришлось заплатить тяжкими муками и жизнью. Кто чистымъ выходитъ изъ обители разврата и испорченности, то тѣмъ большая его заслуга. Именно, земной міръ считается такою обителью, но, къ счастью, сама жизнь—одно мгновеніе ока. Воскресаютъ только изъ мертвыхъ, а мертвымъ ужъ не можетъ приказывать Неронъ: на то

есть Божеское милосердіе, которое, вмѣсто страданій и слезъ, ниспосылаетъ вѣчную радость и веселье...

Такъ философствовала Грецина, уговаривая Лигію, послѣ чего начала говорить и о себѣ. Хотя она была спокойна, но и ея грудь раздирали мучительныя раны. Съ глазъ ея мужа еще не сошло то бѣльмо, чрезъ которое онъ еще не могъ прозрѣть свѣтлыми очами на Истину и изъ-за котораго она не могла воспитывать своего сына въ христіанской вѣрѣ. При одной мысли, что это можетъ продолжаться до конца жизни и что когда-нибудь настанетъ моментъ, что ей придется разстаться съ ними, она приходила въ содроганіе. А тотъ моментъ во сто разъ страшнѣе, чѣмъ настоящій, который они теперь обѣ оплакиваютъ и изъ-за котораго страдаютъ; она даже не можетъ представить себѣ, возможно-ли счастье безъ нихъ, даже въ небѣ. И то ужъ она проплакала много ночей и провела ихъ въ молитвѣ, умоляя о милосердіи надъ нею. Но она не отчаивается и приноситъ всѣ свои страданія въ жертву Богу, на Котораго уповаеть. Теперь, когда она получила новый ударъ и когда, благодаря жестокому приказу Нерона у нея отнимають дорогое существо, названное мужемъ „свѣтомъ ихъ очей“, она еще больше уповаеть и вѣритъ, что есть Сила, выше Нероновой, а Милосердіе—силнѣе его гнѣва.

И старушка еще больше прижала головку молодой дѣвушки къ своей груди. Бѣдная Лигія неволью опустилаcь на колѣни и, скрывъ свое лицо въ складкахъ ея пеплона, стояла такъ долгое время. Наконецъ, когда она встала, ея лицо было уже почти спокойно.

— Жаль мнѣ тебя, мама, жаль отца и брата, сказала она,— но я знаю, что никакое сопротивленіе не поможетъ, а только погубить всѣхъ. Поэтому я общаюсь никогда не забыть твоихъ словъ ни въ домѣ цезаря и нигдѣ.

Она еще разъ обняла старушку, а потомъ, когда обѣ вышли въ оесус, начала прощаться съ маленькимъ Авліемъ, съ старикомъ учителемъ-грекомъ, съ своей бывшей няней, гардеробщицей и всѣми невольниками.

Одинъ изъ нихъ высокій плечистый лигіецъ, Урсъ, прибывшій въ свое время съ матерью Лигіи, съ нею и другими служителями въ римскій обозъ, бросился къ ногамъ ея и Помпоніи.

— О, домина! воскликнулъ онъ, — позвольте и мнѣ идти съ моею госпожей, служить ей и охранять въ домѣ цезаря.

— Да вѣдь ты ея слуга, отвѣтила Грецина,— и потому дол-

женъ идти съ нею; но я не знаю, допустятъ-ли тебя до дверей цезаря и какимъ образомъ ты станешь охранять ее?

— Не знаю, домина! одно лишь вѣдаю, что желѣзо ломается въ мощхъ рукахъ, какъ дерево.

Плавтій, вошедшій въ эту минуту и узнавшій въ чемъ дѣло, отнюдь не противился желанію Урса и объяснилъ, что они не имѣютъ права задерживать его. Отсылая Лигію, какъ заложницу, они обязаны отпустить съ нею и ея свиту, которая тоже должна перейти подъ покровительство цезаря.

Причемъ онъ шепнулъ женѣ, что, въ качествѣ собственной свиты Лигіи, она можетъ подарить ей нѣсколько своихъ невольницъ, которыхъ центуріонъ обязанъ принять, какъ лицъ, близко стоящихъ къ ней и находящихся въ ея услуженіи.

Это было нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Лигіи. Помпонія тоже обрадовалась, что можетъ окружить ее слугамъ по собственному выбору. Поэтому, кромѣ Урса, она назначила къ ней старую няню, двухъ кипріекъ, для прически, и двухъ германокъ, для услугъ при ваннахъ. Выборъ ея палъ исключительно на лицъ, псовѣдывавшихъ новую вѣру, а такъ какъ Урсъ псовѣдывалъ ее уже много лѣтъ, то Помпонія могла разсчитывать на вѣрность и преданность свиты, утѣшая себя мыслью, что зерно правды будетъ посеяно и въ палатахъ цезаря.

Въ то-же время она написала нѣсколько словъ Нероновой отпущеницѣ Актеѣ, поручая ей надзоръ и опеку за Лигіей. Хотя Помпонія ни разу не видала ее на собраніяхъ послѣдователей новой вѣры, однако слышала отъ христіанъ, что Актея читала письма Св. Павла изъ Тарса и не отказывала имъ ни въ какихъ услугахъ. Кромѣ того, ей было извѣстно, что молодая отпущеница, бывшая наложницей Нерона, чрезвычайно скучаетъ, считается всѣми отмѣннымъ существомъ среди Нероновыхъ женщинъ и что она, вообще, добрый геній Палатинскаго дворца.

Гаста охотно взялся передать лично письмо Актеѣ. Считая весьма натуральнымъ, что дочь короля должна имѣть свою свиту и слугъ, онъ не отказывался прихватить ихъ съ собою, а только удивлялся малому количеству ихъ. Однако, онъ просилъ поспѣшить, изъ опасенія, чтобы его не заподозрили въ нерадѣніи при исполненіи своихъ обязанностей.

Настала послѣдняя минута разставанья. Глаза Помпоніи и Лигіи

опять залились слезами; Авлій еще разъ положилъ руку на голову дѣвушки и затѣмъ солдаты, сопровождаемые криками и угрозами маленькаго Авлія, который показывалъ свои безпомощные кулачки центуріону,—увели Лигію во дворецъ цезаря.

Когда всѣ ушли, старый воинъ приказалъ приготовить для себя посланки и, запершись съ женой въ прилегающей къ залѣ пинакотеки⁸⁴), сказалъ ей:

— Слушай, Помпонія, я сейчасъ отправлюсь къ цезарю, хоть и увѣренъ, что напрасно. Говорятъ тоже, что Сенска теперь ничего не значить, но я найду и къ нему... Да, въ настоящее тяжелое время больше значуть всякіе Софоніи, Тигелины, Петроніи или Ватиніи... Что касается цезаря, то, быть можетъ, онъ никогда въ жизни даже не слыхалъ о какихъ-то лицѣцахъ, а если потребовалъ выдачи заложницы, то ему вѣрно кто-нибудь сказалъ о ней, и легко догадаться, кто это сдѣлалъ.

— Петроній? взглянуть на мужа, сказала Помпонія.

— Больше никому.

Настало молчаніе, во время котораго Плавтій подумалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Вотъ, что значить впустить въ свой домъ кого-нибудь изъ этихъ безсовѣстныхъ людей. Да будетъ проклятъ тотъ моментъ, въ который Виницій переступилъ порогъ нашего дома! Вѣдь онъ привелъ къ намъ Петронія!.. Бѣдная Лигія!... потому что имъ нужна не заложница, а наложница!

И его голосъ сдѣлался еще больше свистящимъ отъ безсильнаго гнѣва и отчаянія. Нѣкоторое время, въ немъ происходила сильная борьба, и только стиснутые кулаки свидѣтельствовали, какъ она тяжела для него.

— До настоящаго времени, я почиталъ нашихъ боговъ, продолжалъ онъ:—но теперь убѣжденъ, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ одного, злого, бѣшеннаго, чудовищнаго—Нерона.

— Ахъ, Авлій, возразила жена:—вѣдь Неронъ одна ничтожная горсть праха въ сравненіи съ Богомъ.

Плавтій заходилъ большими шагами по мозаическому полу пинакотеки. Въ своей жизни онъ видѣлъ и дѣлалъ великія и малыя дѣла, но никогда не испыталъ большихъ несчастій, потому не привыкъ къ нимъ. Старый солдатъ привязался къ Лигіи больше, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, и теперь не могъ примириться съ мыслью,

что потерялъ ее безвозвратно. Кромѣ того, онъ считалъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ; что на него наложена ненавистная ему рука, которую онъ хоть и презиралъ, но въ то-же время не могъ сбросить ее, чувствуя свое безсиліе.

Наконецъ, онъ обуздалъ свой гнѣвъ, мѣшавшій ему мыслить, и произнесъ:

— Мнѣ кажется, что Петроній отнялъ ее у насъ не для цезаря, такъ какъ едва-ли онъ рѣшился-бы пойти противъ Поппеи; а слѣдовательно: или для себя, или для Виниція... Но я сегодня-же узнаю объ этомъ.

Черезъ минуту его уносили по направленію къ Палатину, а Помпонія пошла къ сыну, который не переставалъ плакать по сестрѣ и грозить цезарю.

V.

Плавтій не ошибался, думая, что его не допустятъ къ Нерону. Ему отвѣтили, что цезарь занятъ гнѣіемъ съ лютистомъ Терпнсомъ и что, вообще, онъ не принимаетъ лицъ, которыхъ самъ не призывалъ. Другими словами, это значило, чтобы онъ не пробовалъ и на будущее время увидѣться съ нимъ.

За то Сенека, какъ ни былъ онъ боленъ, принялъ стараго вождя съ подобающей ему честью; но, выслушавъ, въ чемъ дѣло, горько улыбнулся и отвѣтилъ:

— Я только могу сдѣлать тебѣ одну услугу, благородный Плавтій, — это никогда не обнаруживать цезарю, что мое сердце страдаетъ вмѣстѣ съ твоимъ. Я охотно согласился-бы помочь тебѣ; но если цезарь заподозритъ меня въ малѣйшемъ сочувствіи, то знай, что онъ ни за что не отдастъ Лигіи, хоть-бы не имѣлъ никакихъ причинъ удерживать ее, а только ради того, чтобы сдѣлать мнѣ на зло.

Точно также онъ не совѣтовалъ ему обращаться ни къ Тигелину, ни къ Ватинію, ни къ Вителію. Быть можетъ, ихъ можно было-бы подкупить и они согласились сдѣлать это на зло Петронію, вліяніе котораго старались подорвать; но они навѣрное проговорились-бы, насколько Лигія дорога для Плавтіевъ, а тогда цезарь тѣмъ болѣе не отдастъ-бы ее.

Послѣ этого замѣчанія стараго мудреца не оставалось ничего

сказать, но послѣдній продолжалъ огорчительно пронизывать и противорѣчить самому себѣ:

— Ты долго молчалъ, Авлій, молчалъ цѣлые годы, а цезарь не любить тѣхъ, которые молчатъ! Какъ-же ты могъ не восхищаться его красотою, добродѣтелью, пѣніемъ, декламаціей, его вѣдой и стихами! Какъ ты осмѣлился не одобрить смерти Британика, не сказать похвальнаго слова въ честь матерубіицы и не пожелать ему всяческихъ благъ по поводу удушенія Октавіи. Да, Авлій, ты страдаешь отсутствіемъ дальновидности и прозорливости, которыхъ у всѣхъ насъ, счастливо живущихъ при дворѣ, больше чѣмъ надобно.

Причемъ онъ взялъ кубокъ, который всегда носилъ у пояса, почерпнулъ имъ воды изъ фонтана инплювіумъ, освѣжилъ запекшіеся губы и продолжалъ:

— О, у Нерона благодарное сердце! Онъ любитъ тебя, потому что ты служилъ Риму и прославилъ имя его на всѣхъ концахъ свѣта; любитъ и меня, потому что я былъ его учителемъ въ молодости. Поэтому я знаю, что эта вода не отравлена и пью ее спокойно. Вино въ моемъ домѣ представляетъ больше опасности; но если ты желаешь удовлетворить жажду, то смѣло пей эту воду: она проведена изъ Албанскихъ горъ; желая отравить ее, нужно отравить всѣ римскіе фонтаны... И вотъ, какъ самъ видишь, еще можно жить на этомъ свѣтѣ въ полной безопасности, а подъ старость—умереть спокойно. Я, точно, боленъ, но у меня скорѣе болитъ душа, а не тѣло.

Сенека говорилъ правду: у него не доставало той силы душевной, какою, напримѣръ, обладали Корнутъ или Трасей; поэтому его жизнь сложилась изъ ряда уступокъ и вольныхъ преступленій. Онъ самъ чувствовалъ и понималъ, что послѣдователь правилъ Зенона изъ Циты долженъ былъ идти другой дорогой, благодаря чему страдалъ больше, чѣмъ отъ страха умереть.

Но Плавтъ прервалъ его огорчительныя размышленія:

— Благородный Анней! отозвался онъ:—Я знаю, чѣмъ цезарь заплатилъ тебѣ за его воспитаніе. Но виновникъ похищенія нашего ребенка—Петроній. Укажи мнѣ способъ или дай средство повліять на него и наконецъ самъ употреби свое краснорѣчіе, какою вдохновить тебя твоя старость.

— Петроній и я—люди разныхъ лагерей. Никакихъ средствъ повліять на него я не имѣю и онъ не поддастся ничему вліянію. Можетъ быть, что при всей своей испорченности, онъ лучше другихъ

негодяевъ, которыми Неронъ окружаетъ себя, но доказывать ему, что онъ совершилъ зло, это — тратить понапрасну слова и время, потому что онъ давно ужъ потерялъ способность отличать добро отъ зла. Скажи ему самъ, что его поступокъ некрасивъ и онъ, быть можетъ, устыдится. Я тоже, когда увижусь съ нимъ, скажу: твой поступокъ достоинъ отпущенника! и если это не поможетъ, то ужъ ничего не сдѣлаешь.

— Благодарю и за это! отвѣтилъ Плавтій и ушелъ.

Онъ приказалъ отнести себя къ Виницію, котораго засталъ фехтующимся съ домашнимъ учителемъ фехтованія. При видѣ молодого человѣка, спокойно упражняющагося въ то время, когда, быть можетъ, самъ совершилъ посягательство на Лигію, Плавтій страшно выплилъ и осыпалъ его потокомъ горькихъ упрековъ и оскорбленій. Между тѣмъ, Виницій, узнавъ, что Лигію похитили, до того поблѣднѣлъ, что Авлій опѣшилъ и больше не могъ упрекать его въ сообщничествѣ. На лбу молодого человѣка выступили крупныя капли пота, а затѣмъ кровь, отхлынувшая къ сердцу, опять прилила къ лицу, глаза засверкали огнемъ и заметали молніи и онъ началъ растерянно задавать вопросы. Ревность и бѣшенство кипѣли въ немъ. Ему казалось, что Лигія, переступивъ порогъ дворца цезаря, навсегда потеряна для него. Но когда Авлій произнесъ имя Петронія, подозрѣніе молніей промелькнуло въ головѣ молодого солдата, что Петроній подшутилъ надъ нимъ и, подаркомъ Лигіи Нерону, хотѣлъ снискать себѣ новыя милости цезаря, или-же самъ похитилъ ее для себя. Онъ допускалъ, что если кто одинъ разъ увидѣлъ эту молодую дѣвушку, то непременно пожелаетъ овладѣть ею.

Наслѣдственное безразсудство въ его родѣ было присуще и ему, и онъ бѣсился, какъ разъяренная лошадь, а это отнимало у него самообладаніе и спокойное присутствіе духа.

— Послушай, Авлій, началъ онъ отрывисто, — ступай къ себѣ и ожидай меня... Будь увѣренъ, что еслибъ Петроній былъ моимъ отцомъ, то я и его не пощадилъ-бы за обиду Лигіи. Снупай домой и жди меня... Ни Петроній, ни цезарь не будутъ владѣть ею!

Причемъ онъ обратилъ сжатые кулаки къ восковымъ маскамъ, стоявшимъ одѣтыми въ атріумѣ, и воскликнулъ:

— Клянусь этими смертными масками, что я убью ее и себя! Онъ вскочилъ и, бросивъ Авлію на ходу фразу: «жди меня»!

какъ безумный, выбѣжалъ изъ атриума и помчался къ Петронію, толкая по дорогѣ прохожихъ.

Плавтій вернулся домой ободренный. Онъ думалъ такъ: если Петроній уговорилъ цезаря отнять у него Лигію, чтобы отдать ее Виницію, то послѣдній приведетъ ее домой. Кромя того, его утѣшила мысль, что если молодая дѣвушка не будетъ спасена, то, во всякомъ случаѣ—отомщена и позоръ ея—смытъ смертью. Онъ былъ увѣренъ, что Маркъ сдержитъ свое обѣщаніе, такъ какъ видѣлъ его обѣщаніе и зналъ врожденную запальчивость. Да и онъ самъ, хоть и любилъ Лигію, какъ родную дочь, предпочиталъ убить ее, чѣмъ отдать цезарю, и если-бы не взгляды на собственнаго сына, потомка его рода, то онъ навѣрное сдѣлалъ-бы это. Авлій былъ солдатъ, въ буквальномъ значеніи слова, который едва-ли слыхалъ о стойкахъ, но по характеру не былъ далекъ отъ нихъ и, по его понятіямъ и гордости, онъ предпочиталъ смерть позору.

Вернувшись домой, онъ ободрилъ и успокоилъ жену; оба начали ожидать извѣстій отъ Марка. По временамъ, когда въ атриумѣ раздавались шаги кого нибудь изъ невольниковъ, они думали, что это Виницій ведетъ ихъ дочь и готовы были благодарить его; но время шло, а извѣстій не было. Наконецъ, вечеромъ раздался стукъ молотка въ калитку; черезъ минуту вошелъ невольникъ и вручилъ Авлію письмо.

Старикъ хоть и умѣлъ владѣть собою но, беря это письмо, его руки дрожали. Тѣмъ не менѣе, онъ распечаталъ его и съ жадностью началъ читать.

Вдругъ лицо его омрачилось, точно на него упала тѣнь пронесшейся тучи.

— Читай! сказалъ онъ женѣ, передавая письмо.

Помпонія взяла и прочитала слѣдующее:

«Маркъ Виницій шлетъ свое почтеніе Авлію Плавтію! ~~Въ послѣднее~~ чившееся произошло по волѣ цезаря, предъ которымъ преклоните ваши головы, какъ преклонили ихъ я и Петроній».

Настала глубокая тишина...

VI.

Петроній былъ дома. Привратникъ не смѣлъ остановить Виниція, который какъ бомба влетѣлъ въ атриумъ и, узнавъ, что хо-

заинъ въ библіотекѣ, точно также вбѣжалъ туда. Петроній писалъ; онъ вырвалъ у него изъ рукъ тростинку, употребляемую вмѣсто пера, сломалъ ее и бросилъ на землю, а затѣмъ запустилъ пальцы въ его плечи и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, съ пѣною у рта спросилъ:

— Гдѣ она? Что ты съ нею сдѣлалъ?

Но здѣсь случилось нѣчто необыкновенное: Высокій, женоподобный Петроній схватилъ руку молодого атлета, присоединилъ къ ней другую и сжалъ обѣ въ своей одной, какъ клещами.

— Я только по утрамъ бываю слабымъ и безсильнымъ, сказалъ онъ,—а по вечерамъ я твердъ, крѣпокъ и гибокъ, какъ стальная пружина. Попробуй вырваться. Очевидно, тебя училъ гимнастикѣ ткачъ, а вѣжливости—кузнецъ.

На лицѣ Петронія не было видно гнѣва, а только въ глазахъ мелькалъ какой-то блѣдный огонекъ отваги и энергіи. Черезъ минуту онъ отпустилъ руки Марка, который стоялъ передъ нимъ униженный, пристыженный и взбѣшенный.

— Хоть у тебя стальные руки, сказалъ онъ,—но, клянусь всѣми богами, что если ты мнѣ измѣнилъ, то я воткну тебѣ ножъ въ горло, даже въ цезарскихъ палатахъ.

— Поговоримъ спокойно, отвѣтилъ Петроній.—Сталь, какъ самъ видишь, крѣпче желѣза, и хотя изъ твоихъ плечъ можно выкроить моихъ двое, но я не боюсь тебя, а только сожалею о твоемъ грубѣйшемъ поступкѣ, и еслибъ меня могла удивить человѣческая неблагодарность, то я сталь-бы удивляться—твоей!

— Гдѣ Лигія?

— Въ Лупанаріи, ⁸⁵), т. е., въ домѣ цезаря.

— Петроній!

— Успокойся и сядь. Я просилъ цезаря о двухъ вещахъ и онъ обѣщалъ исполнить ихъ. Во-первыхъ, взять Лигію отъ Плавтія, а во-вторыхъ, отдать ее тебѣ. Ну, теперь поищи еще ножа гдѣ нибудь въ складкахъ твоей тоги. Быть можетъ, теперь ты воткнешь его въ меня? Но, я совѣтую тебѣ подождать еще парочку деньковъ, потому что тебя могутъ арестовать, а тогда Лигія стала бы скучать въ твоемъ домѣ.

Настало молчаніе. Виницій смотрѣлъ удивленными глазами на Петронія и наконецъ проговорилъ:

— Извини меня! Я очень люблю ее и эта любовь помутила всѣ мои мысли.

— Ты удивляешься, Маркъ! На дняхъ я сказалъ цезарю: мой племянникъ полюбилъ одну худенькую дѣвчонку, воспитывающуюся у Плавтіевъ, домъ которыхъ превратился въ паровую баню отъ вздоховъ. Ты, говорю, цезарь, да и я, какъ понимающіе настоящую красоту не дали-бы за нея тысячи сестерцій⁸⁶), но этотъ юноша прежде былъ глухъ, а теперь и совсѣмъ оглушёнъ отъ любви.

— Петроній!

— Если ты не вѣришь, что я такъ сказалъ, изъ желанія защитить Лигію, отъ его поползновеній то я могу доказать тебѣ, что я сказалъ правду. Я уговорилъ рыжебородаго, что такой эстетикъ, какъ онъ, не можетъ сказать объ этой дѣвушкѣ, что она красавица, и Неронъ, который до настоящаго времени смотритъ на все моими глазами, не найдетъ въ ней красоты, а если не найдетъ, то и не пожелаетъ воспользоваться Лигіей. Нужно было обезпечить себя отъ обезьяны и взять ее на цѣпочку. Лигію оцѣнить не онъ, а Помпея, которая и постарается скорѣе пзбавиться отъ нея. Я-же продолжалъ внушать рыжебородому: «Возьми Лигію и отдай ее Виницію! Ты имѣешь на нея права, потому что она заложница». И онъ согласился. Да и не могъ не согласиться, потому что я далъ ему возможность отомстить Авлію, на котораго онъ сердитъ. Тебя назначать правительственнымъ опекуномъ заложницы и отдадутъ въ твои собственные руки это лигійское сокровище, а ты, какъ союзникъ побѣдоносныхъ лигійцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный слуга цезаря, не только не растратишь ея казны, но еще постарайся увеличить ее... Цезарь, только для отвода глазъ, продержитъ ее у себя нѣсколько дней, а затѣмъ отошлетъ ее въ твою инсуду... Счастливецъ!

— И это правда? Ей ничего не угрожаетъ въ домѣ цезаря?

— Еслибъ ей пришлось тамъ поселиться навсегда или надолго, то Помпея, навѣрное поговорила-бы о томъ съ Лукустой⁸⁷), но, пока, ей ничего не грозитъ и она въ безопасности. Во дворцѣ цезаря находится десять тысячъ народа, а потому, быть можетъ, цезарь ее совсѣмъ не замѣтитъ, тѣмъ болѣе, что онъ довѣрилъ ее мнѣ, такъ что, нѣсколько времени тому назадъ, центуріонъ приходилъ ко мнѣ и сказалъ, что сдалъ молодую дѣвушку на руки Актеѣ. Она добрая женщина и поэтому я поручилъ Лигію ея попеченію. Очевидно, и Помпонія такого-же мнѣнія, потому что она писала къ ней. Завтра у Нерона пиръ, и я выхлопоталъ тебѣ мѣсто подлѣ Лигіи.

— Прости меня, Кай, за мою вспыльчивость; но я думалъ, что ты приказалъ увести ее для себя или для цезаря.

— Вспыльчивость я прощаю легко, но хамскія манеры, грубыя дѣйствія и крики, напоминающіе играющихъ въ мору—трудно простить. Я не люблю этого, Маркъ, и ты берегись! Ты долженъ знать, что сводникомъ для цезаря можетъ быть только Тигелинъ; а еслибъ я хотѣлъ взять эту дѣвушку для себя, то я прямо, какъ теперь смотрю тебѣ въ глаза, сказалъ-бы: Маркъ, я отниму у тебя Лигію и буду пользоваться ею дотуда, пока она мнѣ надоѣсть.

Говоря это, Петроній нагло смотрѣлъ на Марка своими орѣховыми зрачками, такъ что молодой человѣкъ совсѣмъ растерялся.

— Виновать! сказалъ онъ: — Ты очень добръ и я благодарю тебя отъ всей души. Теперь позволь мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ: почему ты не отослалъ Лигію прямо ко мнѣ?

— Потому что цезарь пожелалъ соблюсти приличіе. Такъ какъ мы взяли ее, какъ заложницу, то о ней будетъ говорить весь Римъ, какъ о заложницѣ, а покуда будутъ говорить о ней, потуда она будетъ находиться во дворцѣ цезаря. Потомъ ее, потихоньку, пошлютъ къ тебѣ и—конецъ. Вѣдь рыжебородый трусливъ, какъ заяцъ, и хотя знаетъ, что его власть неограниченна, однако-же принимаетъ мѣры для соблюденія нѣкоторыхъ приличій, чтобы хоть чѣмъ нибудь объяснить свои поступки... Ну, ты теперь, кажется, немного успокоился? прибавилъ Петроній, помолчавъ: — Можешь-ли пофилософствовать со мною?.. Мнѣ самому часто приходило въ голову, почему каждый преступникъ, какъ-бы онъ ни былъ могуществененъ, старается избѣжать наказанія и, подъ всякими предлогами, оправдываетъ себя и доказываетъ свою справедливость и честность?.. Къ чему этотъ трудъ? Я понимаю, что если убиваетъ брата, мать, жену какой-нибудь азійскій кроликъ, а не римскій цезарь, то, если это случилось и съ нимъ, зачѣмъ ему писать оправданія въ сенатъ?.. Между тѣмъ, Неронъ пишетъ ихъ, ищетъ оправдательныхъ предлоговъ и доказательствъ, потому что онъ — трусъ. Впрочемъ, Тиверій не былъ трусомъ, однако-же оправдывался въ каждомъ своемъ поступкѣ. Зачѣмъ это? Что за странное низкопоклонство зла добродѣтели?.. И знаешь-ли, что мнѣ кажется? Все это, очевидно, совершается ради того, что преступленіе—некрасиво, а добродѣтель—прекрасна. Ergo, настоящій эстетикъ — добродѣтельный человѣкъ. Ergo, и я добродѣтельный. А за то, что я добродѣтеленъ, ~~то~~

сегодня долженъ излить нѣсколько вина въ честь тѣней Протогора, Продика и Горгія. Какъ видишь, и софисты годятся на что либо. Но, ты слушай, я буду продолжать. Я отнял Лигію у Плавтіевъ, чтобъ отдать ее тебѣ. Отлично! Лизиппъ создалъ-бы изъ васъ чудесныя группы, потому что вы оба прекрасны, а значить и мой поступокъ прекрасенъ, а если онъ прекрасенъ, то не можетъ быть злымъ. Вотъ, смотри, Маркъ, передъ тобой сидитъ воплощенная добродѣтель, въ лицѣ Кайя Петронія! Еслибъ былъ живъ Ариститъ, то навѣрное онъ пришелъ-бы ко мнѣ и подарилъ мнѣ сто минъ⁸⁸) за краткое толкованіе о добродѣтели.

Но Виницій, котораго больше интересовала дѣйствительность, чѣмъ какое-то толкованіе добродѣтели, заговорилъ о другомъ:

— Значить, завтра я увижу Лигію, а затѣмъ буду видѣть ее въ домѣ своемъ каждый день, до самой смерти?

— У тебя будетъ сидѣть Лигія, а на моеи шеѣ—Авлій, потому что онъ навѣрное предоставитъ меня мщенію всѣхъ боговъ!.. Но хоть-бы эта бестія взяла передъ этимъ одинъ урокъ декламаци; а то вѣдь онъ станетъ измышлять на меня всякую всячину, какъ мой бывшій придверный, котораго я отослалъ за это въ деревню,—измышлялъ про меня разныя небылицы и рассказывалъ ихъ моимъ кліентамъ.

— Авлій былъ у меня и я обѣщалъ извѣстить его о Лигіи.

— Напиши ему, что воля „божественнаго“ цезаря выше всякихъ законовъ и что твой первый сынъ будетъ названъ Авліемъ. Надо-же чѣмъ нибудь утѣшить старика... Я даже готовъ просить нашего рыжебородаго, чтобы онъ пригласилъ его на завтрашній пиръ. Пусть-бы онъ увидѣлъ тебя въ триклиніумѣ подлѣ Лигіи.

— Нѣтъ, не дѣлай этого: мнѣ ихъ жаль, въ особенности Помпонію.

И онъ сѣлъ писать письмо, которое отняло послѣднюю надежду у старого воина.

VII.

Хотя передъ Актеей, бывшей любовницею Нерона, гнулись самыя непокорныя головы высшихъ сановниковъ Рима, но она и въ былое время не вмѣшивалась въ общественныя дѣла, а если когда нибудь пользовалась своимъ вліяніемъ на молодого цезаря, то развѣ только ради исходатайствованія милости его для другихъ. Она всегда

была тихая и покорная, а потому расположила къ себѣ многихъ и не нажила враговъ. Даже Октавія и та не могла ее ненавидѣть, а ревнивымъ она казалась совсѣмъ не опасной. О ней говорили, что она жила не надеждой, а только воспоминаніями о тѣхъ минутахъ, когда Неронъ былъ не только молодымъ, но и добрымъ. Всѣ знали, что отъ этихъ воспоминаній она никакъ не можетъ отрѣшиться, но и ничего лучшаго не ожидаетъ. А такъ какъ никто не сомнѣвался, что цезарь не возобновитъ съ нею своихъ отношеній, то на нее смотрѣли, какъ на безобидное существо и оставили ее въ покоѣ. Поппея считала ее тихою, скромною слугою, такъ что даже не требовала ея удаленія. Въ виду-же того, что цезарь когда-то любилъ ее и оставилъ безъ всякихъ съ ея стороны пререканій и упрековъ, она сохранила за собою извѣстное положеніе. Отпустивъ ее, Неронъ опредѣлилъ ей во дворцѣ жилище, а въ немъ—особенный кубикуюмъ и свиту для ея услугъ. Въ свое время, когда Палласъ и Нарцисъ—хотя отпущенники,—сидѣли на пирахъ за Клавдіевымъ столомъ и, какъ могущественные министры, занимали почетныя мѣста,—то и ее приглашали къ столу, быть можетъ, потому, что ея красота служила украшеніемъ всего пиршества. Да, наконецъ, цезарь ужъ давно пересталъ считаться съ выборомъ общества и предразсудками. Къ его столу садился разный сбродъ, люди всѣхъ званій и должностей. Правда, между ними были сенаторы, но такіе, которые въ то же время могли замѣнять шутовъ. У него бывали патриціи, старики и молодые, стремившіеся къ роскоши, излишеству и разврату; были и женщины съ громкими именами, которыя нисколько не стѣснялись одѣвать парѣжки и искать по вечерамъ приключеній на темныхъ улицахъ. Бывали и высокопоставленные сановники, и жрецы, громко смѣявшіеся за полными чашами надъ своими богами, а рядомъ съ ними—всякая сволочь, состоявшая изъ пѣвцовъ, мимиковъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ; а также поэтовъ, декламировавшихъ стихи и думавшихъ о полученіи большого количества сестерцій, чѣмъ было предназначено за ихъ декламациі; голодные философы, жадно впивавшіеся глазами въ блюда, которыя подавались на столъ; наконецъ извѣстные возницы, художники, чудотворцы, баснотворцы, смѣхотворцы и разные люди, имѣвшіе претензію на извѣстность; всякіе праздношатаи, бродяги, бѣглецы и разбойники, между которыми было не мало бывшихъ невольниковъ, скрывавшихъ подъ своими длинными волосами проколотыя уши ⁸⁹).

Разумѣется, болѣе извѣстные сядились прямо за столы, а менѣе извѣстные и всякій сбродъ служили развлеченіемъ для пирующихъ, ожидая момента, когда слуги позволятъ имъ броситься на остатки подаваемыхъ блюдъ и напитковъ. Гости этого рода доставляли Ти-гелиномъ, Ватиніемъ и Вителіемъ, которые нерѣдко вынуждены были одѣвать ихъ въ соотвѣтствующія для цезарскаго пира одежды. Но цезарь любилъ такое общество и чувствовалъ себя въ немъ со-всѣмъ свободно. Излишество его придворныхъ покрывало весь недостатокъ бѣдныхъ своимъ блескомъ. Великіе и маленькіе, потомки извѣстныхъ родовъ и голытьба съ городскихъ панелей; знаменитые артисты и подонки талантовъ стремились во дворецъ, чтобы насытить свои глаза зрѣлищемъ роскоши и пышности, превосходящимъ всякія человѣческія понятія, и приблизиться къ расточителю всякихъ ласкъ, милостей и богатствъ, которыми какой нибудь блюдолизъ могъ воспользоваться безъ конца и мѣры.

Въ одномъ изъ такихъ ширшествъ должна была принять участіе и Лигія. Страхъ, неизвѣстность, неувѣренность и одурѣніе, естественные послѣ внезапнаго перехода изъ скромнаго дома Плавтія въ цезарскія палаты вели борьбу съ желаніемъ присутствовать на немъ. Она боялась дворца; боялась цезаря и людей, шумъ которыхъ лишалъ ея присутствія духа; боялась пировъ, срама и той мерзости, о которыхъ она слыхала отъ Авлія, Помпоніи и ихъ друзей. Хотя она была совсѣмъ молодой, но ужъ знала все, потому что въ это время всякія мерзости доходили до слуха даже несмышленочковъ. Она знала, что въ этомъ дворцѣ ей грозитъ гибель, о чемъ ее и предупредила при прощаніи Помпонія. Однако, будучи молодой и не испорченной, къ тому же, исповѣдуя высокое ученіе, внушенное ей пріемною матерью, она рѣшила защищаться отъ этой гибели: она общалась это себѣ и матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Тому Божественному Учителю, въ Котораго не только вѣрила, но и полюбила своимъ юношескимъ сердцемъ за сладость Его ученія, за горечь смерти и за славу воскресенія.

Она была увѣрена, что теперь ни Авлій, ни Помпонія не будутъ отвѣчать за ея поступки и поэтому призадумалась: идти ли ей на пиръ или наотрѣзъ отказаться отъ него. Съ одной стороны, страхъ и безпокойство заговорили въ ней; съ другой—родилась мысль и желаніе проявить смѣлость и выдержку подвергнуть себя опасности, мученію и смерти. Вѣдь такъ поучалъ Божественный Учи-

тель и Самъ далъ тому примѣръ. И Помпонія говорила ей, что самыя усердныя изъ проповѣдниковъ новой вѣры всею душою стремятся къ подобнымъ испытаніямъ и молятся о томъ. Подобныя желанія овладѣвали Лигіей еще въ бытность ея у Плавтіевъ. Она представляла себя мученицей съ пробитыми ранами въ рукахъ и ногахъ, бѣлою какъ снѣгъ, красивою не земною красотою и несомою бѣлыми же ангелами въ небеса. Такими представленіями часто была занята ея головка. Конечно, въ этомъ было много дѣтской наивности, но и много удовольствія, къ которому ее подстрекала Помпонія. Въ данное время, когда сопротивленіе воли цезаря могло повлечь за собою ужасное наказаніе и когда представляемыя въ мечтахъ мученія могли осуществиться, къ этимъ видѣніямъ, мечтамъ и удовольствіямъ присоединилось еще любопытство, какъ ее накажутъ и какой родъ мученій придумаютъ для нея.

Такимъ образомъ, ея дѣтская душа колебалась въ двѣ стороны. Но, Актея, узнавъ объ этихъ колебаніяхъ, взглянула на нея съ такимъ изумленіемъ, точно молодая дѣвушка бредила въ горячкѣ. Сопротивляться волѣ цезаря? Подвергнуть себя съ первой минуты его гнѣву? Для этого нужно быть совѣтъ ребенкомъ, который не понимаетъ, что говоритъ!

Изъ собственныхъ словъ Лигіи выяснилось, что она вовсе не заложница, а только забытая своимъ народомъ. Ее не защищаютъ никакіе народные законы, а еслибъ и защищали, то цезарь настолько силенъ и могущественъ, что попралъ бы ихъ, въ минуту гнѣва, своими ногами. Ему понравилась идея отнять ее у Плавтіевъ и съ этого времени она находится въ его распоряженіи: она въ его волѣ, надъ которой выше нѣтъ ничего на свѣтѣ.

— Да, продолжала Актея, — я читала письма Павла изъ Тарса, и я знаю, что въ небесахъ есть Богъ и Сынъ Божій, Который воскресъ; но на землѣ — только одинъ цезарь. Помни о томъ Лигія. Я знаю, что твое ученіе не дозволяетъ тебѣ быть тѣмъ, чѣмъ я была, и что вы, какъ и стоики, о которыхъ мнѣ рассказывалъ Эпиктетъ, въ минуту позора и испытаній, должны избирать только — смерть. Но можешь ли ты угадать, что тебя ждетъ смерть, а не позоръ? Неужели ты не слыхала о дочери Сеяна, которая, будучи еще ребенкомъ, по приказу Тиверія, была вынуждена, для сохраненія правъ не подвергать дѣвущекъ смерти, перенести позоръ и умереть? Ахъ, Лигія, Лигія! не раздражай цезаря! Когда настанетъ рѣши-

тельная минута, что ты должна будешь выбрать: позоръ или смерть, то ты можешь поступить такъ, какъ тебя учить твоя «Правда», но не ищи добровольно гибели и не дразни изъ-за всякаго пустяка земного, и притомъ жестокаго бога.

Актея говорила это съ увлеченіемъ и даже сожалѣніемъ. Будучи отъ рожденія близорукой, она нагнула свое лицо къ Лигіи, точно желая провѣрить, какое впечатлѣніе она произвела своею рѣчью на молодую дѣвушку.

Лигія съ довѣрчивостью ребенка обняла ее и отвѣтила:

— Ты добрая, Актея!

Польщенная ея похвалою, Актея прижала ее къ своей груди, а затѣмъ, освободившись отъ рукъ дѣвушки, продолжала:

— Мои счастье и радость — миновали, но я не сержусь ни на кого за это.

Причемъ она заходила большими шагами по комнатѣ, въ отчаяніи разсуждая съ собою.

— Нѣтъ, онъ не былъ злой. Онъ самъ тогда думать, что онъ добръ и хотѣлъ быть добрымъ. Я знаю это лучше другихъ... Все это произошло позже... когда онъ пересталъ любить... Его сдѣлали такимъ другіе... и Поппея!

На ея рѣсницахъ повисли слезы. Лигія смотрѣла на нее нѣкоторое время своими голубыми глазами и наконецъ спросила:

— Ты жалѣешь его, Актея?

— Да, жалко! глухо отвѣчала она и опять заходила по комнатѣ съ сжатыми кулаками и выраженіемъ безсилія въ лицѣ.

— Значить, ты еще любишь его? робко продолжала Лигія.

— Да, люблю... Его никто такъ не любитъ, кромѣ меня, прибавила она, подумавъ.

Настало молчаніе, во время котораго Актея старалась успокоиться, и наконецъ, когда это ей удалось и когда лицо ея приняло обычное выраженіе грусти, она отозвалась:

— Лучше поговоримъ о тебѣ, Лигія. Ты лучше не думай сопротивляться цезарю. Это было-бы безуміемъ! Наконецъ, ты должна успокоиться. Я отлично знаю этотъ домъ и увѣрена, что тебѣ ничего не грозитъ со стороны цезаря. Еслибъ Неронъ хотѣлъ похитить тебя для себя, то онъ не помѣстилъ-бы тебя въ Палатинѣ, потому что здѣсь царствуетъ Поппея, а Неронъ, послѣ рожденія дочери, еще болѣе подпалъ подъ ея вліяніе и власть... Собственно

говоря, не Неронъ приказалъ, что-бы ты явилась на ширь: вѣдь онъ не видалъ тебя, не разспрашивалъ, а слѣдовательно и не думалъ о тебѣ, а если онъ отнялъ тебя отъ Плавтія, то, быть можетъ, только по злобѣ на него... Мнѣ писалъ Петроній, чтобы я приняла тебя подъ свое покровительство; объ этомъ-же писала мнѣ, какъ тебѣ извѣстно, и Помпонія: быть можетъ, они стоворились между собою и онъ писалъ мнѣ по ея просьбѣ? А если это такъ, то,—кто знаетъ?—Можетъ быть, благодаря наговорамъ Петронія Неронъ отпустить тебя къ Авлію. Я не знаю, любить-ли цезарь Петронія, но онъ рѣдко противится ему.

— Ахъ, Актея, Петроній былъ у насъ за нѣсколько дней до увода меня и моя мать убѣждена, что меня взяли сюда по его наговору.

— Это скверно, отвѣтила Актея. Но, подумавъ, она продолжала:—А можетъ быть Петроній только проговорился передъ нимъ, что видѣлъ у Плавтія лигійскую заложницу, и Неронъ, будучи завистливымъ относительно власти, взялъ тебя только ради того, что всѣ заложницы принадлежать ему. Кромѣ того, онъ не любитъ ни Авлія, ни Помпонія... Но мнѣ кажется, что Петроній, желая отнять тебя у Плавтіевъ, не прибѣгнулъ-бы къ этому способу... Можетъ быть, онъ не лучше другихъ, окружающихъ цезаря, но совѣмъ иной... Да наконецъ, кромѣ него, ты найдешь еще людей, которые могутъ замолвить за тебя словечко передъ Нерономъ. Не познакомились-ли ты съ кѣмъ нибудь въ домѣ Авлія изъ близкихъ къ цезарю?

— Да, я видѣлась тамъ съ Веспасіаномъ и Титомъ.

— Ну, цезарь ихъ не любитъ.

— Съ Сенекой...

— Достаточно того, что-бы онъ посовѣтовалъ что нибудь, какъ будетъ все сдѣлано—наоборотъ.

Лицо Лигіи начало покрываться румянцемъ.

— Наконецъ, съ Виниціемъ...

— Этого я не знаю.

— Это родственникъ Петронія... онъ недавно вернулся изъ Арменіи...

— Ты думаешь, что Неронъ обрадуется свиданью съ нимъ?

— Его всѣ любятъ.

— Ты думаешь, что онъ заступится за тебя?

— Да.

Актея сочувственно улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, ты навѣрное увидишься съ нимъ на пиру, на которомъ мы все таки должны присутствовать. Только такой ребенокъ, какъ ты, и могъ подумать иначе. Кромѣ того, если ты хочешь вернуться къ Плавтіямъ, то тебѣ представится случай попросить Петронія и Виниція замолвить за тебя словечко передъ цезаремъ, и онъ навѣрное позволитъ тебѣ вернуться домой. Еслибъ они были здѣсь оба, то сказали-бы то же самое, что и я: нужно быть безумной, чтобъ сопротивляться силѣ. Разумѣется, цезарь легко можетъ не замѣтить твоего отсутствія; но если замѣтитъ и подумаетъ, что ты осмѣлилась пойти противъ его воли, тогда для тебя не будетъ спасенія... Ты слышишь этотъ шумъ въ домѣ? Ужъ солнце заходитъ и скоро гости станутъ собираться на пиръ.

— Ты права, Актея, отвѣтила Лигія,—и я послушаюсь твоего совѣта.

Навѣрное сама Лигія не могла-бы отвѣтить, сколько въ этомъ рѣшеніи было желанія увидѣть Виниція и Петронія и сколько женскаго любопытства, чтобы хоть разъ въ жизни узрѣть на цезарскомъ пиру самаго цезаря, его дворъ, знаменитую Поппею и другихъ красавицъ, и вообще увидѣть ту сказочную роскошь, о которой рассказывали чудеса въ Римѣ. Въ свою очередь, Актея дѣйствительно была права, и молодая дѣвушка отлично понимала это. Нужно было идти не только ради любопытства, но и по здравому смыслу, и она перестала колебаться.

Актея, въ виду этого, увела ее въ собственный ункторіумъ⁹⁰⁾, чтобы одѣть ее и намазать душистыми маслами. Не смотря на то, что во дворцѣ цезаря не было недостатка въ невольницахъ, да и у Актеи ихъ было не мало, но послѣдняя, изъ сочувствія къ дѣвущкѣ, щадя ея красоту и цѣломудріе рѣшила сама ее одѣть. Однако, тотчасъ оказалось, что въ молодой гречанкѣ, не смотря на ея печаль и чтеніе писемъ Св. Павла, еще много осталось еллинской души, въ которой красота тѣла говорила сильнѣе, чѣмъ все остальное въ мірѣ. Обнаживъ Лигію, она не могла воздержаться отъ удивленія, при видѣ ея формъ, какъ будто изваянныхъ изъ перламутра и крови. Отойдя на нѣсколько шаговъ, она съ восторгомъ смотрѣла на эту несравненную ни съ чѣмъ фигуру и съ увлеченіемъ воскликнула:

— Лигія! да ты во сто разъ красивѣе Поппеи!

Но дѣвушка, воспитанная въ строгихъ правилахъ дома, въ кото-

ромъ соблюдалась скромность среди женщинъ, даже когда онѣ оставались однѣ, безъ постороннихъ,—стояла, какъ чудный сортъ; гармоническая, какъ художественное изваяніе Праксителя или какъ сама Поэзія, смущенная и покраснѣвшая отъ стыда, съ сжатými голѣнями, скрещенными на груди руками и полуопущенными рѣсницами. Наконецъ, она быстро подняла руки, однимъ движеніемъ вынула шпильки изъ заколотыхъ волосъ, тряхнула головою и моментально покрылась длинными волосами, какъ плащемъ.

Между тѣмъ Актя подошла къ ней, прикоснулась къ ея темнымъ расплетеннымъ косамъ и продолжала:

— О, да какіе у тебя чудные волосы! Я не стану посыпать ихъ золотой пудрой, потому что они сами, мѣстами, просвѣчиваются золотомъ... Только кое гдѣ можно прибавить, да и то слегка, золотого отблеска, чтобы они казались какъ бы освѣщенные лучами... Должно быть, хорошъ вашъ край лигійскій, въ которомъ родятся такія красивыя дѣвушки.

— Я не помню его... Урѣ говорилъ, мнѣ что въ нашей странѣ все лѣса, лѣса и лѣса!

— Да вѣдь и въ лѣсахъ растутъ цвѣты, возразила Актя, обмакивая ладони въ вазѣ, наполненной вербенымъ масломъ, съ цѣлю намазать волосы Лигіи.

Покончивъ съ волосами, она начала натирать ея тѣло ароматическими арабскими маслами, а затѣмъ одѣла ея мягкую, золотистаго цвѣта, туннику, безъ рукавовъ, на которую намѣревалась надѣть бѣлоснѣжный пеплонъ⁹¹⁾. Но раньше нужно было причесать голову, а потому она, временно, завернула ее въ «синтезисъ»⁹²⁾ и, посадивъ въ кресло, передала ее въ распоряженіе невольницъ, а сама съѣла, чтобы издали наблюдать за прической.

Двѣ невольницы, одновременно, начали одѣвать на ноги Лигіи бѣлые, вышитые пурпурною гладью башмачки, переплетая накрестъ золотыя тесемки и завязывая ихъ выше алебастрово-бѣлыхъ щиколокъ. Поздѣ уборки головы, на нея вдѣли легкій пеплонъ съ множествомъ изящныхъ складочекъ, и Актя, застегнувъ ея жемчугъ на шеѣ, обыпала, мѣстами, волоса золотой пылью, а затѣмъ велѣла одѣвать себя. Во все время одѣванья, она не спускала съ Лигіи своихъ глазъ и восторгалась ея красотою.

Она скоро справилась, и когда передъ главными воротами начали появляться паланки съ гостями, обѣ вошли въ боковой крипто-

портикъ⁹³), изъ котораго видны были ворота, внутреннія галлерей и дворъ, окруженный колоннадой изъ нумидійскаго мрамора.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе пронесли носилки подъ высокую арку воротъ, надъ которыми какъ будто мчалась въ воздухъ квадрига⁹⁴), уносящая Апполона и Діану. Лигія была поражена роскошнымъ видомъ, о которомъ скромный домъ Авлія не могъ дать ей никакойю понятія. Это былъ послѣдній моментъ заката солнца; послѣдніе лучи его падали на желтый нумидійскій мраморъ, освѣчивавшійся золотомъ, которое переливалось и мѣнялось въ розовый оттѣнокъ. Среди колоннъ, рядомъ съ бѣлыми изваяніями Данаидъ и другихъ представителей божествъ или богатырей, проходили толпы мужчинъ и женщинъ, похожихъ на изваянія, драпированныхъ тогами⁹⁵), пеллонами и столами⁹⁶), спускавшимися мягкими складками къ землѣ,— на которыхъ нѣжно догасали послѣдніе лучи солнца. Колоссальный Геркулесъ, съ головой, еще освѣщенной лучами и только отъ груди погруженный въ тѣнь, бросающую на него колонной,—величественно поглядывалъ на эту толпу. Актея показывала Лигіи сенаторовъ въ тогахъ съ широкими пурпурными каймами⁹⁷), въ цвѣтныхъ туникахъ и обуви съ полумѣсяцами; рыцарей и знаменитыхъ артистовъ; римскихъ дамъ, одѣтыхъ въ римскіе, греческіе или фантастическіе восточные костюмы, съ волосами, причесанными въ видѣ башенъ или пирамидъ, или совсѣмъ гладко, какъ у изваянныхъ богинь, и убранными цвѣтами; многихъ мужчинъ и женщинъ. Актея называла ихъ по именамъ; къ нѣкоторымъ изъ нихъ она прибавляла краткія біографіи, внушавшія Лигіи ужасъ и изумленіе. Для нея казался страннымъ этотъ міръ: ея глаза восхищались его красотой, но она не могла отлупить рѣзкихъ контрастовъ своимъ дѣвичьимъ сердцемъ и умомъ. Въ этой зарѣ на небѣ; въ этихъ рядахъ неподвижныхъ колоннъ, уходящихъ куда то вдаль, и въ этихъ людяхъ, похожихъ на изваянія, было какое то особенное спокойствіе; ей казалось, что посреди этихъ прямолинейныхъ мраморовъ должны жить свободные отъ заботъ, смиренные и счастливые полубоги. Между тѣмъ, тихій голосъ Актеи открывалъ ей все бѣльшія и ужаснѣйшія тайны дворца и этихъ людей. Вонъ, тамъ вдали, видѣвъ криштопортикъ, на колоннахъ котораго и на полу еще видны слѣды крови, которою облилъ бѣлый мраморъ Калигула⁹⁸), падая подъ ножомъ Кассія Херея⁹⁹); тамъ убита его жена; тамъ убитъ ребенокъ, брошенный о камни; тамъ, подъ тѣмъ крыломъ, находится подзе-

мель, въ которомъ рвалъ свое тѣло отъ голода младшій Друзъ; тамъ отравленъ—старшій; тамъ вился и сжился отъ страха Гемеллей¹⁰⁰); тамъ катался въ конвульсіяхъ Клавдій¹⁰¹), а тамъ—Германикъ¹⁰²). Всѣ эти стѣны слышали стонъ и хрипѣніе умирающихъ, и всѣ эти люди, которые теперь спѣшать на торжество въ тогахъ, цвѣтныхъ тунникахъ, цвѣтахъ и драгоценныхъ камняхъ, быть можетъ, завтрашніе осужденные и приговоренные къ смерти; быть можетъ, на многихъ лицахъ вынужденная улыбка скрываетъ ужасъ, страхъ, безпокойство и неувѣренность за завтрашній день; можетъ быть, этихъ увѣчаныхъ полубоговъ колотить теперь лихорадка отъ зависти, ревности, безспія и злобы.

Слутавшіяся мысли Лигія не могли поспѣть за словами Актея, и когда этотъ чудный міръ приковывалъ ея глаза къ себѣ, ея сердце сжималось отъ боли, ужаса и страха, а въ душѣ внезапно проявилась такая тоска по любимой Помпоніи и по спокойному дому Авлія, что она тотчасъ промѣняла-бы весь этотъ блескъ и величіе на тихую семейную любовь.

Тѣмъ временемъ отъ улицы Аполлона подходили новыя волны гостей. Изъ-за воротъ доносились шумъ и крики слугъ и кліентовъ¹⁰³), провожавшихъ своихъ патроновъ. Дворъ и колоннада кишѣли множествомъ цезаровскихъ невольниковъ и невольницъ; мальчишекъ, дѣвочекъ и преторіанцевъ, занимавшихъ дворцовый караулъ. Мѣстами, между бѣлыми и смуглыми лицами мелькали черныя лица нумидійцевъ, въ шлемахъ съ перьями и съ большими золочеными кольцами въ ушахъ. Несли цитры, лютни; букеты искусственно выращенныхъ цвѣтовъ, не смотря на позднюю осень; ручныя, золотыя, серебряныя и мѣдныя лампы. Громкій шумъ и разговоры смѣшивались съ плескомъ фонтановъ, освѣщенныхъ лучами догораваго солнца розоватыя струи которыхъ, падая съ высоты на мраморъ, разбивались въ мелкія брызги и какъ будто рыдали.

Актея ужъ кончила свои рассказы, но Лигія продолжала смотрѣть, какъ будто отыскивая кого среди толпы. Вдругъ все лицо ея окрасилось румянцемъ. Между колоннами показались Петроній и Виницій. Они спокойно направлялись къ большому триклинію, похожіе въ своихъ тогахъ на бѣлыхъ божествъ. Лигія очень обрадовалась, увидѣвъ среди чужихъ ей людей знакомыя лица, и на ея сердцѣ какъ будто сдѣлалось легче. Тоска, которая овладѣла ею минуту тому назадъ, моментально прошла. Испытаніе видѣться съ Виниціемъ и говорить съ нимъ за-

глушило въ ней всё другія чувства, и напрасно она старалась вспомнить все не хорошее, говоренное ей Актеей и Помпоніей о домѣ цезаря, и всё предостереженія, но ничего не вышло: она только почувствовала въ этотъ моментъ, что сама желаетъ быть на этомъ пиру не по необходимости, а по собственному желанію. При одной мысли, что она чрезъ нѣсколько минутъ услышитъ милый голосъ, говорившій ей о любви и счастьи, достойномъ боговъ, она такъ обрадовалась, что эти слова теперь звучали въ ея ухахъ, какъ сладчайшая пѣнь.

Однако, она испугалась этой радости. Ей показалось, что она, въ этотъ моментъ, измѣняетъ чистотѣ ученія, въ которомъ ее воспитали, и Помпоніи, и себѣ. Иное дѣло—идти по принужденію и совсѣмъ иное—радоваться другому обстоятельству. И она начала упрекать себя, считать недостойной и погибшей; ею опять овладѣло отчаяніе и ей хотѣлось заплакать. Еслибъ она была одна, то сейчасъ стала на колѣни и начала бить себя въ грудь, говоря: «Боже, милостивый, прости меня грѣшную!» Но Актея, взявъ ее за руку, повела по внутреннимъ комнатамъ къ большому триклинію, въ которомъ проходили цезаревскіе пиры; въ ея глазахъ темнѣло; въ ухахъ шумѣло и звенѣло; сердцѣ билось и въ груди замирало дыханіе. Она точно сквозь сонъ видѣла тысячи лампъ, горѣвшихъ яркими огнями на столахъ и на стѣнахъ, и какъ чрезъ сонъ слышала привѣтственные возгласы при появленіи цезаря, котораго увидѣла какъ будто чрезъ флѣръ или туманъ. Возгласы оглушили ее; блескъ—ослѣплялъ, сильный запахъ духовъ—опьянилъ; она теряла присутствіе духа и сознаніе, такъ что едва узнала Актею, которая, помѣтивъ ее у стола, сама заняла мѣсто подлѣ нея.

Чрезъ минуту, съ другой стороны, отозвался густой, знакомый ей голосъ:

— Привѣтъ тебѣ, прекраснѣйшая изъ дѣвъ на землѣ и звѣздъ на небѣ. Привѣтъ тебѣ, божественная Каллина!

Лигія пришла въ себя и взглянула рядомя: подлѣ нея возлежалъ Виницій¹⁰⁴). Онъ былъ безъ тоги, такъ какъ, по обычаю, тоги должно было снимать, ради удобства, во время пира. Онъ былъ одѣтъ въ яркочерную туніку безъ рукавовъ, вышитую серебромъ, въ видѣ пальмъ. Его голыя руки были украшены по восточному обычаю двумя широкими золотыми запястьями, выше локтей; а ниже — совершенно лишеныя волосъ, гладкія, мускулистыя, какъ у настоящаго солдата, точнаго созданія для меча и щита. Голова была убрана вѣнкомъ изъ розъ. Благодаря сросшимся надъ его носомъ бровямъ, прекраснымъ

глазамъ и смуглому лицу, Маркъ былъ воплощеніемъ молодости и силы, такъ что показался Лигіи до того красивымъ, что она, не смотря на полное обладаніе собою, едва могла отвѣтить:

— И мой привѣтъ тебѣ, Маркъ...

— Счастливы тѣ глаза, которые видятъ тебя, и уши, которыя слышать твой голосъ, слаще звуковъ флейты и цитры. Еслибъ мнѣ предоставили выборъ, кто долженъ возлежать подлѣ меня на этомъ пиру, ты или Венера, то я избралъ-бы тебя, божественная Лигія.

И онъ устремилъ на нея свои пламенные глаза, обжигая ее своимъ взглядомъ, который скользилъ по ея лицу, шеѣ и обнаженнымъ плечамъ и рукамъ; онъ любовался ею, охватывалъ взглядомъ всю фигуру и какъ будто поглощалъ ея прелесть. И въ этомъ его взглядѣ, кромѣ постороннихъ желаній, просвѣчивались: счастье, любовь и восторгъ.

— Хотя я зналъ, что увижу тебя на этомъ пиру, продолжалъ онъ,—однако, когда увидѣлъ, то вся душа моя вздрогнула отъ той радости и неожиданнаго счастья, которое сегодня встрѣтило меня.

Лигія оправилась и, чувствуя, что въ этой толпѣ онъ одинъ близокъ ей, начала разговаривать съ нимъ, какъ съ близкимъ знакомымъ, и спрашивать его обо всемъ, что для нея было непонятно и что пугало ее. Откуда онъ зналъ, что встрѣтитъ ее у цезаря и зачѣмъ она здѣсь? Зачѣмъ цезарь отнялъ ее у Шлавтіевъ? Она боится здѣсь и желаетъ вернуться домой. Она умретъ отъ тоски и безпокойства, если потеряетъ надежду, что Петроній и онъ не заступятся за нея передъ цезаремъ.

Виницій объяснилъ ей, что онъ узналъ о ея похищеніи отъ самого Авлія, а зачѣмъ она на пиру—онъ не знаетъ, потому что цезарь никому не дастъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

— Но, ты не бойся, божественная Лигія, потому что я съ тобою! продолжалъ Маркъ.—Я готовъ лучше ослѣпнуть, чѣмъ лишиться тебя; лучше умереть, чѣмъ оставить одну: ты моя душа, а потому я и буду беречь тебя, какъ собственную душу. Я устрою въ домѣ своемъ жертвенникъ, на которомъ стану возжигать жертвы, какъ своему кумиру, изъ миртъ и алая, а весной—изъ раннихъ цвѣтовъ и яблони... Если ты боишься, то я клянусь, что ты не останешься въ этомъ домѣ.

Хотя Маркъ говорилъ уклончиво и вралъ, но въ голосѣ его чувствовалось правда, потому что любовь его была искренняя. Имъ овладѣвало чувство сожалѣнія, потому что ея слова проникали въ

душу его; такъ что, когда она благодарила его и стала увѣрять, что Помпонія полюбитъ его за доброту, да и сама она будетъ благодарна ему всю жизнь,—онъ не могъ обуздать своего волненія и ему казалось, что онъ никогда не посмѣетъ пойти противъ ея воли: онъ таялъ, она опьяняла его и въ немъ начали проявляться страсти; но въ то-же время онъ чувствовалъ, что она дорога ему и что онъ могъ-бы обоготворять ее, какъ божество. Ему хотѣлось говорить съ ней о ея красотѣ и о своемъ благоговѣннн. А такъ какъ въ триклинии шумъ и гамъ увеличивались, то онъ подвинулся къ ней ближе и началъ нашептывать ей такія сладкія слова, которыя исходили изъ глубины его души, звучали, какъ музыка и опьяняли, какъ вино.

И Маркъ опьянялъ ее. Находясь среди чужихъ, онъ казался ей съ каждымъ моментомъ все ближе, милѣе и преданнѣе. Винціій обѣщаль увести ее изъ дворца цезаря, никогда не оставлять ее и вѣчно служить ей. Говоря съ нею въ домѣ Авлія, онъ говорилъ только о томъ счастьи, какое она можетъ дать ему; теперь-же онъ прямо говорилъ, что любитъ ее, что она ему милѣе и дороже всего на свѣтѣ.

Лигія первый разъ слышала такія слова и, по мѣрѣ того, какъ она слушала ихъ, ей казалось, что въ ней просыпается какое то новое чувство и что ее охватываетъ то счастье, въ которомъ проявляется радость, смѣшанная съ безпокойствомъ души. Ея щеки горѣли, сердце билось и уста раскрывались, точно отъ удивленія. Ею овладѣваль ужасъ, что она слушаетъ подобныя вещи, а между тѣмъ самой не хотѣлось проронить ни одного слова. По временамъ, она опускала глаза, потомъ опять поднимала ихъ и вопросительно смотрѣла на Марка, какъ-бы желая сказать: „говори дальше!“ Шумъ, говоръ, музыка, аромать цвѣтовъ и запахъ арабскаго ладона опять начали одурять ее. Въ Римѣ было въ обычаѣ лежать на пирахъ, но въ домѣ Плавтія, Лигія сидѣла между Помпоніей и маленькимъ Авліемъ. Здѣсь-же, подлѣ нея, возлежалъ молодой Маркъ, влюбленный и пылающій какъ огонь. Лигія, чувствуя его жаръ, хотя дрожала и совѣстилась, но въ то-же время ей было приятно; ея овладѣвала какая-то немощь, безсиліе и забытые, словно ее томилъ сонъ.

Однако, близость Лигіи стала вліять и на Винція: онъ блѣднѣлъ и его ноздри начали раздуваться, какъ у восточнаго коня. Очевидно, и его сердце сильно билось подъ красной туншкой, потому что дыханіе сдѣлалось короткимъ и слова отрывистыми. Да и онъ первый разъ былъ такъ близко подлѣ женщины: его мысли помутнились а кровь кипѣла; и

тището онъ старался погасить этотъ пламень виномъ. Но не вино опьяняло его, а прелестное лицо дѣвушки, ея обнаженные руки, дѣвичья грудь, высоко поднимавшаяся подъ туникой, и ея торсъ, скрытый подъ бѣлыми складками пеплона. Наконецъ, онъ взялъ ее за руку выше кисти и, привлекая ее къ себѣ, зашепталъ дрожащими губами:

— Я люблю тебя... моя божественная Каллина!..

— Пусти меня Маркъ! возразила она.

— Божественная моя!.. полюби меня!.. продолжалъ онъ, смотря на нея посоловѣлыми глазами.

Въ это время раздался голосъ Актея, которая возлежала подлѣ Лиги:

— Тише! Цезарь смотритъ на васъ!

Виницій взбѣился и на цезаря, и на Актею, которые лишили его сладкихъ, опьяняющихъ грезъ. Въ настоящій моментъ, даже голосъ любимаго друга показался-бы ему наглымъ, а не только посторонняго лица: онъ думалъ, что Актея умышленно прервала его разговоръ съ Лигей; а потому онъ приподнял голову и, взглянувъ на молодую отпущенницу чрезъ плечо Лиги, рѣзко сказалъ:

— Прошло то время. Актея, когда ты возлежала подлѣ цезаря, и говорятъ, что ты ужъ начинаешь слѣзнуть отъ слезъ... Въ такомъ случаѣ, какъ ты можешь видѣть его отсюда?

— Я вижу его, грустно отвѣтила Актея.—Онъ тоже близорукий и смотритъ на васъ черезъ изумрудъ.

Все, что дѣлалъ Неронъ, возбуждало вниманіе даже въ самыхъ близкихъ людяхъ, окружавшихъ его. Виницій тоже обезпокоился, остылъ и началъ незамѣтно посматривать въ сторону цезаря, Лигія. вначалѣ видѣвшая цезаря точно чрезъ туманъ, а затѣмъ, занявшись разговоромъ съ Маркомъ, и совсѣмъ не смотрѣвшая на него,—теперь повернулась въ ту сторону, гдѣ онъ возлежалъ и съ испугомъ взглянула на Нерона.

Актея была права: Цезарь, нагнувшись надъ столомъ и прищуривъ одинъ глазъ, смотрѣлъ чрезъ круглый отполированный изумрудъ, которымъ отлично пользовался, какъ увеличительнымъ стекломъ. Моментально его взглядъ встрѣтился съ глазами Лиги и сердце бѣдной дѣвушки сжалось, а затѣмъ забилося отъ ужаса и страха. Когда она была еще ребенкомъ и жила въ сициліанскихъ владѣніяхъ Авлія, одна старая невольница египтянка рассказывала ей о чудовищахъ, пребывающихъ въ ущельяхъ горъ. И вотъ теперь ей показалось, что на

нее взглянуло одно изъ этихъ чудовищъ своими зелеными глазами, и она невольно схватила за руку Марка, какъ испуганный ребенокъ, и въ головѣ образовался какой-то хаосъ разнообразныхъ мыслей. Такъ это онъ, этотъ страшный и всемогущій человекъ? Она никогда его не видала и представляла инымъ, съ ужаснымъ лицомъ и застывшимся въ чертахъ его злобой. Между тѣмъ, теперь она видѣла большую голову, посаженную на широкихъ плечахъ, въ сущности страшную, но въ то-же время смѣшную и какую-то дѣтскую. Его аметистовая туника, цвѣтъ которой былъ запрещенъ носить обыкновеннымъ смертнымъ, — бросала синеватый отблескъ на его широкое и короткое лицо, а его темные волосы, причесанные по модѣ, введенной Оттономъ, были завиты въ четыре ряда пуклями. Неронъ не носилъ бороды, потому что недавно пожертвовалъ ею Юпитеру, за что весь Римъ былъ ему благодаренъ, хотя между прочимъ многіе говорили, что онъ пожертвовалъ бородой только для того, что она была рыжей, вслѣдствіе чего его и прозвали мѣднобородымъ. Однако, въ его сильно выдающемся надъ бровями челѣ было нечто Олимпійское, а въ нахмуренныхъ бровяхъ—могущественное; но подъ этимъ лбомъ полубожка помѣщалось обезьянѣ лицо, пьяницы и фигляра, пустое и преисполненное измѣнчивыхъ страстей; оно было какъ будто залито, не смотря на молодые годы, саломъ, но въ то же время болѣзненное и гадкое. Словомъ, оно показалось Липіи зловѣщимъ и омерзительнымъ.

Посмотрѣвъ на нея, Неронъ положилъ изумрудъ на столъ. Въ эту минуту она замѣтила его выпуклые голубые глаза, моргавшіе отъ сильнаго блеска лампъ; они показались ей какими-то безмысленными и стеклянными, точно у покойника. Между тѣмъ онъ обратился къ Петронію и спросилъ:

— Это и есть та заложница, въ которую влюбленъ Виницій?

— Да, это она, отвѣтилъ Петроній.

— Какъ называется ея народъ?

— Липи.

— И Виницій считаетъ ее красавицей?

— Да, вѣдь, если одѣтъ гнилой пень въ женскій пеплонъ, то Маркъ признаетъ его красавцемъ. Но, на твоёмъ лицѣ, несравненный знатокъ, я ужъ читаю приговоръ для нея! Можешь не высказывать его! Да, дѣйствительно, она суха и худшава, настоящая маковая головка на тонкомъ стеблѣ; а вѣдь ты, божественный эстетикъ, цѣнишь только

стебель, а потому это разъ правъ! Само по себѣ лицо ничего не стоит!.. Благодаря тебѣ, я многому научился, но еще далеко не достигъ правильнаго опредѣленія женщины... и готовъ пойти на пари съ Туллемъ Сенекой на его любовницу, что хотя на иршествѣ, когда все лежать, трудно судить о всей фигурѣ, но ты ужь опредѣляй: „узковата въ бедрахъ“. Да?

— Да, узка въ бедрахъ! отвѣтилъ Неронъ, прищуривъ глаза.

На губахъ Петронія мелькнула едва замѣтная улыбка. Между тѣмъ Сенека, занятый до настоящаго момента разговоромъ съ Вестиніемъ¹⁰⁵) или, точнѣе, насмѣхавшійся надъ его вѣрой въ сны, обратился къ Петронію и хотя ничего не слыхалъ, въ чемъ состояло пари, отозвался:

— Ошибаешься! я держу за цезаря.

— Прекрасно, отвѣтилъ Петроній.—Я, именно, и доказывалъ, что у тебя есть хоть маленькая доза ума, а цезарь говоритъ, что ты бессмысленный оселъ.

— Habet! произнесъ Неронъ, смѣясь и тыкая внизъ пальцемъ, какъ это дѣлалось въ циркахъ въ знакъ того, что гладиаторъ получилъ ударъ и долженъ быть добитымъ.

Между тѣмъ Вестиній, думая, что разговоръ ихъ ведется о снахъ, воскликнулъ:

— А я вѣрю въ сны! Да и Сенека когда-то говорилъ мнѣ, что вѣрить въ нихъ.

— Въ прошлую ночь мнѣ снилось, что я сдѣлалась весталкой,— сказала въ этотъ моментъ Кальвія Криспинилла, нагибаясь надъ столомъ.

Неронъ заплодировалъ; по его примѣру заплодировали и другіе, потому что Криспинилла, разводившаяся съ разными мужьями, была извѣстна какъ самая отчаянная развратница во всемъ Римѣ. Но она нисколько не смутилась и продолжала:

— И что-же! Все онѣ оказываются стары и противны. Одна Рубрія похожа на женщину и такимъ образомъ, насъ было-бы двѣ, хотя и у Рубріи лѣтомъ появляются веснушки на лицѣ.

— Однако, позволь, честнѣйшая Кальвія, отозвался Петроній.— Вѣдь ты могла сдѣлаться весталкой только во снѣ.

— А еслибъ цезарь приказалъ?

— Тогда-бы я повѣрилъ, что сонъ бываетъ въ руку и оправдывается на яву, даже самый невозможный.

— Да и оправдываются, сказал Вестиний.—Я понимаю людей, не вѣрующихъ въ боговъ, но какъ можно не вѣрить въ сны?

— А въ предсказанія? спросилъ Неронъ.—Когда-то мнѣ предсказали, что Римъ не будетъ существовать, но я буду править всѣмъ Востокомъ.

— Ворожба, предсказанія и сны не имѣютъ ничего общаго между собою, сказалъ Вестиний.—Однажды одинъ проконсулъ, ¹⁰⁶) большой скептикъ, послалъ невольника въ храмъ Моиса съ запечатаннымъ письмомъ, которое не позволилъ распечатывать, чтобы провѣрить, что отвѣтитъ этотъ божокъ на вопросъ, заключавшійся въ письмѣ. Невольникъ проспалъ ночь въ храмѣ, съ тою цѣлю, чтобы увидѣть вѣщій сонъ, и вернувшись къ проконсулу, сказалъ: Я видѣлъ во снѣ юношу, свѣтлаго, какъ солнце и онъ сказалъ мнѣ только одно слово: «чернаго». Проконсулъ поблѣднѣлъ и, обращаясь къ своимъ гостямъ, такимъ-же невѣрующимъ, какъ и онъ, спросилъ:—«А знаете-ли, что было написано въ письмѣ?»

Причемъ Вестиний поднималъ чашу съ виномъ и началъ пить.

— Что-же было въ письмѣ? спросилъ Сенека.

— Былъ написанъ вопросъ: какого быка онъ долженъ принести въ жертву: бѣлаго или чернаго?...

Интересъ, возбужденный разсказомъ Вестинія, былъ прерванъ Вителіемъ, который пришелъ на пиръ уже подвыпившимъ и вдругъ разсмѣялся безсмысленнымъ смѣхомъ.

— Чего эта сальная бочка смѣется? спросилъ Неронъ.

— Смѣхъ отличаетъ людей отъ животныхъ, отвѣтилъ Петроній,— а у него нѣтъ другихъ доказательствъ, что онъ не свинья.

Вителій прервалъ свой смѣхъ на половинѣ и, чмокая блестящими отъ жира и соусовъ губами, началъ смотрѣть на присутствующихъ, какъ будто онъ никогда ихъ не видѣлъ; а затѣмъ поднялъ свою пухлую, точно подушка, руку и сказалъ охрипшимъ голосомъ:

— У меня свалился съ пальца рыцарскій перстень, полученный мною отъ отца...

— Который былъ сапожникомъ? прибавилъ Неронъ.

Вителій опять разразился неожиданнымъ смѣхомъ и началъ искать свое кольцо въ петлю Криспиниллы.

Ватиній, видя его пьяную шутку, началъ издавать крики испуганной женщины; Нигида, пріятельница Криспиниллы, молодая вдова съ дѣтскимъ лицомъ и съ глазами развратницы,—громко отозвалась:

— Ну, ищеть, чего не терялъ!...

— И что, еслибъ и нашель, ши на что ему не пригодно! прибавиль поэтъ Луканъ.

Пиръ становился все оживленнѣе и веселѣе; толпы невольничковъ разносили все новыя перемѣны винъ; изъ громадныхъ вазъ, наполненныхъ сѣбгомъ и обвитыхъ плющемъ, вынимались разные сосуды съ различными сортами напитковъ. Всѣ пили до изнеможенія, а съ потолка все падали на столъ и на собесѣдниковъ розы ¹⁰⁷).

Однако, Петроній не забылъ попросить Нерона, чтобы онъ, прежде чѣмъ гости перешьются, удостоилъ пиршество своимъ пѣніемъ. Его просьбу поддержали другіе; но Неронъ началъ колебаться. Разумѣется, дѣло было не въ самой смѣлости, хотя онъ, дѣйствительно, всегда трусилъ... но, боги знаютъ, сколько имъ стоятъ разныя отличія... Правда, онъ не уклонялся отъ пѣнія ради искусства, тѣмъ больше, что Аполлонъ наградилъ его нѣкоторымъ голосомъ; да и самъ онъ не хотѣлъ забрасывать своихъ талантовъ, этихъ даровъ божьихъ и понималъ, что онъ обязанъ сдѣлать хоть что-нибудь для государства, — но онъ былъ не въ голосъ и хрипѣлъ. Не смотря на то, что онъ накладывалъ на ночь оловяныя тяжести на грудь, а все таки и это не помогло... Въ виду этого, онъ даже рѣшилъ поѣхать въ Антію подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ.

Но Луканъ началъ умолять его во имя искусства и человечества.

— Вѣдь всѣ знаютъ, что ты, божественный поэтъ и пѣвецъ, сочинилъ новый гимнъ въ честь Венеры, въ сравненіи съ которымъ гимнъ Люкреція похожъ на вытье годовалаго волченка! воскликнулъ Луканъ. — Пусть-же этотъ пиръ будетъ настоящимъ пиромъ! Ты такъ добръ, что не пожелаешь мучить своихъ подданныхъ и не будешь съ ними жестокъ!

— Не будь жестокъ, не будь жестокъ! слышались голоса, со стороны ближайшихъ собесѣдниковъ.

Неронъ развелъ руками въ знакъ согласія, и благодарныя лица присутствующихъ повернулись къ нему. Но, прежде чѣмъ начать пѣніе, онъ приказалъ оповѣстить Поппею, что онъ будетъ пѣть, а присутствующимъ объяснилъ, что она не явилась на пиръ только потому, что чувствовала себя больной.

— Никакое лекарство такъ благодѣтельно не дѣйствуетъ на

нея, какъ мое пѣніе,—пояснилъ онъ,—а потому мнѣ жаль лишать ее этого удовольствія.

Вскорѣ пришла и Поппея, которая командовала имъ, какъ своимъ подданнымъ; но она знала, что если дѣло касалось его самолюбія, какъ пѣвца, наѣздника или поэта, то его не слѣдовало дразнить. Она вошла прекрасная, какъ божество и одѣтая, какъ Неронъ, въ аметистовый пеплонъ и ожерелье изъ громаднѣйшихъ жемчужныхъ зеренъ, награбленныхъ когда то въ Массиніи. Не смотря на то, что она разошлась съ двумя мужьями, ея лицо и взглядъ были совсѣмъ дѣвственны.

Ее встрѣтили громкими аплодисментами и криками, называя ее: «божественной августой». Лигія не видала ничего красивѣе нея въ жизни и не вѣрила своимъ глазамъ, такъ какъ было всѣмъ извѣстно, что Поппея Сабина была одною изъ самыхъ ужасныхъ женщинъ. Она знала отъ Помпоніи, что, благодаря ей, цезарь лишилъ жизни мать и жену; знала ее по рассказамъ Авлія, его гостей и слугъ; слышала, что всѣ ея бюсты и фигуры, изваянные въ честь ея, разрушали по ночамъ; слыхала также о пасквильныхъ надписяхъ на стѣнахъ, авторы которыхъ приговаривались къ смертной казни и что, не смотря на это, онѣ все таки появлялись каждое утро на городскихъ площадяхъ. Между тѣмъ, при видѣ этой обезславленной Поппеи, которую исповѣдники Христовой вѣры считали воплощеніемъ зла и разврата, ей казалось, что это не женщина, а ангелъ, или какой-нибудь небесный духъ. Она не могла оторвать своего взгляда и у нея вырвался невольный вопросъ:

— Ахъ, Маркъ, можетъ-ли это быть?

Разгоряченный и возбужденный виномъ, а къ тому-же и вышедшій уже изъ терпѣнія, что Лигія, развлекаясь разными пустяками, отвлекаетъ свое вниманіе отъ него, онъ отвѣчалъ:

— Да, она прелестна, но ты во сто разъ прелестнѣе ея. Ты только не сознаешь этого, а то навѣрное влюбивались-бы въ самое себя, какъ Нарцисъ. Она купается въ молокѣ ослицъ, а тебя, видно, Венера выкупала въ своемъ... Ты только не сознаешь, моя прелесть! Но, не смотри на нея и повернись ко мнѣ!.. Прикоснись устами къ краю этой чаши вина, а потомъ и я поднесу тотъ краешекъ къ своимъ губамъ...

И Маркъ все ближе подвигался къ ней, а Лигія отодвигалась къ Актеѣ. Въ этотъ моментъ приказано было всѣмъ замолчать, по-

тому что цезарь всталъ. Пѣвецъ Діодоръ подалъ ему лютню, по формѣ своей похожую на греческую дельту¹⁰⁸); а пѣвецъ Терпность, который долженъ былъ аккомпанировать, подошелъ къ нему съ инструментомъ, называемымъ наблѣумомъ¹⁰⁹) Неронъ, опершись дельтой о столъ, вознесъ свои глаза и въ триklinи воцарилась глубокая тишина, прерываемая только шорохомъ все падающихъ съ потолка розъ.

Неронъ запѣлъ или, точнѣе, заговорилъ речитативомъ, при аккомпаниментѣ двухъ лютнь, свой гимнъ къ Венерѣ. Оказалось, что голосъ, отчасти подавленный, и гимнъ были далеко не дурны, такъ что бѣдной Лигіей овладѣли упреки совѣсти. Не смотря на то, что въ гимнъ прославлялась языческая богиня Венера, онъ показался ей очень эффектнымъ, да и самъ цезарь съ своимъ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и поднятыми глазами—гораздо величественнѣе и менѣе страшный и противный, чѣмъ онъ казался ей въ началѣ пира.

Собесѣдники разразились громомъ рукоплесканій; вокругъ раздались крики: «о, какой божественный голосъ!» а нѣкоторые изъ женщинъ, поднявъ руки кверху, оставались такъ нѣкоторое время, выражая этимъ свое восхищеніе. По окончаніи пѣнія, инныя изъ нихъ отирали глаза и во всей залѣ зашумѣло, какъ въ ульѣ. Пoppея, нагнувъ свою златовласую головку, приподняла руку Нерона къ своимъ губамъ и долго держала ее въ молчаніи. Молодой Пиагоръ, родомъ грекъ, прекрасной наружности, сталъ на колѣни передъ Нерономъ. Но послѣдній смотрѣлъ на Петронія, мнѣніемъ котораго дорожилъ.

— Что касается музыки, — сказалъ онъ, — то я представляю себѣ Орфея, который навѣрное посинѣлъ бы отъ зависти, какъ присутствующій здѣсь Луканъ; ну, а насчетъ стиховъ, то я очень сожалѣю, что они недурны: еслибъ они были хуже, то мнѣ было бы легче найти слова для ихъ похвалы.

Но Луканъ не обидѣлся за намекъ о его зависти; напротивъ, онъ взглянулъ съ благодарностью на Петронія и, притворяясь недовольнымъ, началъ ворчать:

— Проклятая судьба!.. И нужно же ей было предопредѣлить, чтобы я жилъ одновременно съ такимъ поэтомъ! По крайности, обо мнѣ помнили бы всѣ смертные и боги на Парнасѣ; а теперь что? Зачахну и погасну, какъ огонь при солнцѣ.

Петроній, обладавшій замѣчательною памятью, началъ повторять отрывки изъ гимна, цитировать цѣлыя строфы и разбирать красивыя

выраженія. Луканъ, какъ будто забывъ о зависти и находясь подъ впечатлѣніемъ поэзіи Нерона, прибавилъ къ словамъ Петронія свое восхищеніе. Лицо цезаря озарилось удовольствіемъ и восторгомъ, которые обнаруживали его полную пустоту, равную его глупости. Онъ самъ началъ подсказывать имъ мѣста, которыя онъ считалъ болѣе красивыми и наконецъ сталъ утѣшать Лукана и внушать ему, чтобы онъ не терялъ надежды сдѣлаться хорошимъ поэтомъ.

— Вѣдь каждый, сказалъ онъ, — чѣмъ родился, тѣмъ и останется. Слава и честь, какія неотъемлемо принадлежатъ Юпитеру, отнюдь не лишаютъ другихъ боговъ почтенія ихъ народомъ.

Послѣ этого онъ всталъ, чтобы проводить Поппею, которая дѣйствительно чувствовала себя нехорошо и рѣшилась уйти. Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ своимъ собесѣдникамъ занять прежнія мѣста, общая тотчасъ вернуться. И онъ вскорѣ вернулся съ цѣлью еще больше одурманить себя ѳміакомъ и зрѣлищами, какія приготовлены были на этотъ вечеръ Петроніемъ или Тигелиномъ.

Опять начали читать стихотворенія и діалоги, въ которыхъ было больше глупости, чѣмъ остроумія. Затѣмъ, извѣстный мимъ Парисъ представлялъ приключенія Іоны, дочери Инаха. Лигія, не привыкшей къ подобнымъ зрѣлищамъ, казалось, что она видитъ чудеса. Парисъ въ своемъ танцѣ продѣлывалъ невозможные жесты и движенія тѣла: его руки мutilи воздухъ и какъ бы создавали свѣтлую тучу, чрезъ которую виднѣлась дѣвичья фигура, преисполненная любви и дрожащая отъ страстныхъ ощущеній. Это былъ не танецъ, а картина, которая изображала тайны скорѣе безстыжей, но не очаровательной любви. По окончаніи этого танца, вошли корибанты (жрецы Цибеллы, фанатики) и начали свой вакхическій танецъ съ сирійскими дѣвушками, преисполненный дикихъ взвизгиваній, подъ аккомпаниментъ цитръ, флейтъ, цимбаловъ и бубновъ, который выражалъ еще больше разврата... Смотри на этотъ танецъ, Лигія казалось, что она сгоритъ отъ стыда и ее сожжетъ живой огонь; что вотъ сейчасъ грянетъ громъ и потолокъ обрушится на головы пирующихъ.

Однако, громъ не грянулъ, а только изъ золотистой сѣти, подвѣшанной подъ потолокомъ, сыпался по прежнему розы и полуцвѣтный Виницій продолжалъ свои любезности:

— Первый разъ я увидѣлъ тебя у фонтана въ домѣ Плавтія, и тогда же полюбилъ тебя... Тогда только начинало свѣтать и ты вѣрно думала, что тебя никто не видитъ, а между тѣмъ я всю ви-

дѣль тебя... и какъ теперь смотрю на тебя, хотя твое тѣло скрыто подъ пеплономъ... Сбрось же свой пеплонъ, какъ Криспинилла... Сама видишь, что боги и люди одинаково нуждаются въ любви... Кромѣ нея—нѣтъ ничего на свѣтѣ!.. Положи головку на мою грудь и закрой глаза...

Кровь закипѣла въ жилахъ Лигіи, застучала въ виски и переливалась: Лигіѣ казалось, что она летитъ въ какую-то бездонную пропасть и этотъ самый Маркъ, котораго она считала близкимъ и который долженъ былъ спасти ее, теперь самъ толкаетъ въ нея. И она обидѣлась на него и начала бояться не только этого пиршества и Марка, но и самое себя. Какой-то внѣшній голосъ, точно Помпоніи, какъ будто нашептывалъ ей: „Лигія! Спасайся!“ но въ то же время она чувствовала, что уже поздно, и кого ужъ разъ охватилъ этотъ огонь; кто видѣлъ все, что продѣлывалось на этомъ пиру; въ комъ сердце билось такъ, какъ билось у нея, слушая слова Марка, и кого пронимала такая дрожь, какъ ее, когда онъ придвигался къ ней, — то для такого человѣка нѣтъ спасенія и онъ безвозвратно погибъ навсегда. Она млѣла, а по временамъ ей казалось, что она впадаетъ въ обморокъ и потомъ — Богъ знаетъ, что съ нею случится! Она знала, что, подъ страхомъ гнѣва цезаря, никто не смѣетъ встать изъ-за стола, пока не встанетъ самъ цезарь; но еслибъ это и было иначе, то она не могла бы, вслѣдствіе своего безсилія.

Между тѣмъ, до конца пиршества было еще далеко. Невольники приносили и подбавляли въ чаши вина, а тѣмъ временемъ передъ столомъ, открытымъ съ одной стороны и представляющимъ видъ скобы, появились два атлета-борца и начали свои состязанія. Ихъ мускулистыя тѣла, блестяція отъ масла, какъ будто сливались въ одну глыбу; кости хрустѣли въ стальныхъ объятіяхъ и слышался зловѣщій скрежетъ зубовъ. Отъ времени до времени раздавался глухой топотъ ихъ ногъ по полу, посыпанному шафраномъ; то опять все стихало и они стояли неподвижно, представляя собою группу, словно выкованную изъ камня. Глаза пирующихъ съ жадностью слѣдили за ихъ натужившимися мускулами спины, рукъ и ногъ. Но борьба эта продолжалась не долго; не даромъ же Кротонъ, преподаватель и начальникъ гладіаторской школы, считался первымъ силачемъ въ государствѣ. Его противникъ, сначала сильно задышалъ, потомъ началъ слабѣть, затѣмъ—синѣть и наконецъ кровь бросилась горломъ и онъ испустилъ духъ.

Конецъ борьбы былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ, а Кротонъ, поставивъ ногу на грудь побѣжденнаго противника, скрестилъ на груди свои атлетическія руки и побѣдоносно обвелъ залу торжествующимъ взглядомъ.

Послѣ нихъ появились подражатели, претидижитаторы, фокусники и шуты, но на нихъ ужъ мало смотрѣли, потому что у всѣхъ темнѣло въ глазахъ отъ вина и зрѣлищъ: пиршество превращалось въ пьяный разгулъ и безшабашную, развратную оргію. Сирійскія дѣвушки, танцовавшія вакхическій танецъ, смѣшались съ гостями; музыка превратилась въ безалаберные и дикіе звуки армянскихъ цитръ, лютней, цимбаловъ, египетскихъ сестръ, трубъ и роговъ. Благодаря этому хаосу, нельзя было разговаривать и ихъ удалили. Воздухъ, пресыщенный запахомъ цвѣтовъ и разныхъ маселъ, которыми красивыя дѣти окропляли ноги пирующихъ, а также пропитанный шафраномъ и человѣческимъ испареніемъ, — сдѣлался душнымъ и невозможнымъ; лампы горѣли тусклымъ огнемъ; вѣнки на главахъ пирующихъ посыѣзжали на бокъ и на затылки, а лица всѣхъ поблѣднѣли и покрылись крупными каплями пота.

Вителій уже свалился подъ столъ. Нигида, обнаживъ наполовину свое тѣло, положила свою полудѣтскую пьяную голову на грудь Лукана, который, будучи тоже пьянымъ, началъ сдувать золотую пудру съ ея волосъ и закатывать отъ удовольствія глаза. Вестиній повторялъ, кажется, въ двадцатый разъ отвѣтъ Мопса на запечатанное письмо проконсула, а Тулій, насмѣхавшійся надъ богами, говорилъ, чвакая, отрывистымъ и растянутымъ голосомъ:

— Если Ксенофонтъ круглый какъ шаръ, то такого божка легко катить передъ собою, какъ бочку.

Но Домицій Афръ, старый злодѣй и доносчикъ, возмущился этими словами и, въ виду этого возмущенія, облилъ себѣ всю тунику фалернскимъ виномъ. Онъ всегда вѣрилъ въ боговъ.

— Люди говорятъ, что Римъ погибаетъ; а есть и такіе, которые доказываютъ, что уже погибъ. И это вѣрно!.. Ну, а если это случится, то только отъ того, что молодежь ни во что не вѣруетъ, а безъ вѣры не можетъ быть и добродѣтели. Кромѣ того, забыты старые обычаи и никому не приходитъ въ голову, что эпикурейцы пасуютъ передъ варварами... И напрасно!.. Что касается Рима, то мнѣ очень жаль его. Къ несчастью, онъ дожилъ до такого

состоянія, что только въ утѣхахъ ищетъ развлеченія послѣ всякихъ непріятностей, которыя навѣрное скоро покончатъ съ нимъ.

Причемъ онъ привлекъ къ себѣ беззубую сирійскую танцовщицу и началъ цѣловать ея плечи и затылокъ. Видя это, консулъ Меммій Регуль громко разсмѣялся.

— Кто говоритъ, что Римъ гибнетъ? отозвался онъ, закинувъ назадъ свою лысую голову съ вѣнкомъ на бекрень. — Неправда!.. Я,—консулъ и знаю больше всѣхъ... *Videant consules!* Тридцать легионовъ охраняетъ нашъ Римъ!.. Да, тридцать легионовъ, продолжалъ онъ, сжимая кулаки и крича на весь триклиній, — отъ Британіи, до пареянскихъ границъ!..

Но онъ вдругъ остановился и, приложивъ палецъ ко лбу, прибавилъ:

— А можетъ быть и тридцать два!..

И онъ свалился подъ столъ, гдѣ чрезъ нѣкоторое время началъ возвращать все, что съѣлъ и выпилъ. А съѣдено было не мало: языки фламинговъ, печеные рижики, мороженые грибы, саранча въ меду, рыба, мясо, фрукты и проч.

Но Домиція не успокоило количество легионовъ, оберегающихъ спокойствіе Рима.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ:—Римъ долженъ погибнуть, потому что погибла вѣра въ боговъ и его суровыя обычаи!.. Да, Римъ погибнетъ!.. А жаль! потому что жизнь въ немъ—прекрасна, цезарь милостивъ, вино восхитительно... да, да! очень жаль!..

И, уткнувъ свою голову между лопатками сирійской вакханки, онъ расплакался.

— Что намъ будущая жизнь! продолжалъ онъ:—Ахиллъ былъ сто разъ правъ, говоря, что лучше быть работникомъ въ подсолнечномъ мірѣ, чѣмъ царствовать въ странѣ Кимерійской, въ царствѣ вѣчнаго мрака. Да еще вопросъ: существуютъ-ли какіе-либо боги и невѣріе-ли въ нихъ губить молодежь?..

Тѣмъ временемъ Луканъ сдулъ всю пудру съ головы Нигиды, которая заснула, снялъ весь плющъ съ стоящей передъ нимъ вазы и украсилъ спящую; послѣ чего взглянулъ на присутствующихъ торжественно-вопросительнымъ взглядомъ, а потомъ украсилъ себя плющомъ и убѣдительно сказалъ:

— Я вовсе не человѣкъ, а фавнь ¹¹⁰).

Петроній не былъ пьянъ, за то Неронъ, сдерживавшійся въ на-

чалъ въ виду предстоящаго пѣнія, — мало-по-малу, выпивая чашу за чашей, совсѣмъ опьянѣлъ. Онъ хотѣлъ продолжать свое пѣніе по-гречески, но забылъ стихи и, вмѣсто нихъ, запѣлъ веселую пѣсенку Анакреона. Ему вторили Пиеагоръ, Діодоръ и Терпносъ; но пѣніе ихъ не удавалось и они умолкли. Вмѣсто этого, Неронъ началъ восхищаться, какъ знатокъ и эстетикъ, красотой Пиеагора и цѣловать его руки; такія руки онъ видѣлъ когда-то, только... у кого-же?

И онъ приложилъ ладонь къ мокрому лбу и началъ припоминать. Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ произнесъ:

— А!.. у матери!.. у Агрипины!..

Имъ овладѣли мрачныя мысли.

— Говорятъ, — продолжалъ онъ, — что она ходитъ по ночамъ, при лунѣ, по морю около Байи и Баула (въ заливѣ и гавани)... Но она только ходитъ и какъ будто чего-то ищетъ, а когда подойдетъ къ лодкѣ, то только посмотритъ и уйдетъ... за то рыбакъ, который видитъ ее, непременно умретъ.

— Не дурная тема, замѣтилъ Петроній.

— Хотя я и не вѣрю въ боговъ, но вѣрю въ духовъ, — таинственно отозвался Вестиній, протянувъ свою голову, какъ журавль.

Но Неронъ не обратилъ вниманія на его слова и продолжалъ:

— Но вѣдь я ужъ совершилъ лемурацію ¹¹¹⁾ и не хочу больше видѣть ее... Вѣдь ужъ пятый годъ... Я долженъ былъ, долженъ... казнить ее, потому что она подсылала ко мнѣ убійцу, и еслибъ я не предупредилъ ее, то сегодня вы не слышали-бы моего пѣнія.

— Благодарю тебя, цезарь, отъ имени Рима и всего свѣта! — отозвался Домицій.

— Вина!.. и пусть ударятъ въ тимпаны! ¹¹²⁾ приказалъ Неронъ.

Опять все зашумѣло. Луканъ, обвитый весь плющемъ и желая перекричать всѣхъ другихъ, закричалъ:

— Я не человекъ, а фавнъ и живу въ лѣсу!.. Эхъ-хо-хо-о-о!..

Наконецъ всѣ перепились, начиная цезаремъ и кончая послѣдней женщиной. Виницій не отсталъ отъ другихъ и, кромѣ страстныхъ влеченій къ женщинѣ, въ немъ пробудились желанія ссоры, что всегда случалось съ нимъ, если онъ выпивалъ лишнее. Его смугловатое лицо поблѣднѣло, языкъ заплетался и онъ уже заговорилъ повелительно:

— Ну, дай мнѣ поцѣловать тебя!.. Сегодня, завтра — все равно!.. Довольно!.. Цезарь отнялъ тебя у Плавтіевъ, чтобъ подарить

мнѣ,—понимаешь!.. Завтра, въ сумерки, я пришлою за тобою, — понимаешь?.. Цезарь обѣщалъ мнѣ отдать тебя, прежде, чѣмъ взять... и ты должна быть моею!... Ну, дай свои губки... Я не хочу ждать завтрашняго дня... скорѣй подставляй губки!

И онъ обнялъ Лигію, но Актея начала защищать ее, да и она сама защищалась, чувствуя, что погибаетъ. И напрасно она употребляла усиліе снять съ себя его руки, напрасно умоляла его дрожащимъ отъ страха голосомъ, чтобы онъ опомнился и пожалѣлъ ее: пропитанное виномъ дыханіе обдавало ея лицо, привлеченное имъ къ самымъ губамъ. Это ужъ былъ не тотъ добрый и почти дорогой для нея Маркъ, а пьяный и злой сатиръ¹¹³), который возбуждалъ въ ней отвращеніе.

Однако, силы измѣняли ей, и напрасно она отворачивалась отъ его наглыхъ поцѣлуевъ: онъ приподнялся, схватилъ ее въ объятія и, привлекая ея голову къ своей груди, началъ искать своими пьяными губами ея уста.

Но въ этотъ моментъ какая-то неестественная сила сняла его руки съ плечъ молодой дѣвушки и оттолкнула въ сторону, какъ какой нибудь завядшій листикъ или вѣточку!.. Что же случилось? Маркъ протеръ свои изумленные глаза и увидѣлъ надъ собою гигантскую фигуру Урса, котораго онъ видалъ въ домѣ Плавтія.

Но лигіецъ стоялъ спокойно и только смотрѣлъ на Виниція своими голубыми глазами, отъ которыхъ у него кровь застыла въ жилахъ. Послѣ этого, Урсъ взялъ на руки свою королеву и тихимъ и ровнымъ шагомъ вынесъ ее изъ триklinія. Актея вышла за нимъ.

Виницій опѣшилъ и сидѣлъ нѣкоторое время, точно окаменѣлый; затѣмъ вдругъ вскочилъ и помчался къ выходу.

— Лигія, Лигія! восклицалъ онъ.

Но страсть, изумленіе, отчаяніе и вино подкосили его ноги: онъ покачнулся и, ухватившись за плечи одной изъ вакханокъ, началъ спрашивать ее:

— Что случилось?

Въ отвѣтъ на это, вакханка взяла кружку съ виномъ и подала ему съ помутившейся улыбкой въ глазахъ.

— Пей! сказала она.

Виницій выпилъ и свалился на полъ.

Большая часть гостей лежала уже подъ столомъ; нѣкоторые, шатаясь, ходили по триklinію, а иные спали на застольныхъ диванахъ

извергая сквозь сонъ избытокъ яствъ и вина; а въ то же время на пьяныхъ консуловъ, сенаторовъ, воиновъ, поэтовъ, философовъ, танцовщицъ, патриціанокъ и на весь могущественный, но бездушный, міръ, увѣнчанный, но разнузданный и туманный, изъ золотого невода подъ потолкомъ сыпались и сыпались розы.

Начало свѣтать.

VIII.

Урса никто не задерживалъ, не останавливалъ и не спрашивалъ, что онъ дѣлаетъ. Гости, не лежавшіе еще подъ столомъ, уже не сидѣли на своихъ мѣстахъ и слуги, видя атлета, несущаго на рукахъ женщину, думали, что это кто-нибудь изъ невольниковъ унесилъ свою пьяную госпожу. Кромѣ того, Актея шла за ними и всякія подозрѣнія были невозможны.

Такимъ образомъ, они вышли изъ триклинія въ прилегающую комнату, а оттуда прошли по галлерей, ведущей въ помѣщеніе Актеи.

Лигія совсѣмъ была безсильна, такъ что всею тяжестью, точно мертвая, лежала на рукахъ Урсы; но когда ее охватилъ свѣжій утренній воздухъ, она открыла глаза. Утро съ каждой минутой дѣлалось свѣтлѣе. Проходя по колоннадѣ, они повернули въ боковой портякъ, выходящій на дворцовый садъ, въ которомъ пинія (родъ сосны) и кипарисы начали румяниться отъ утренней зари. Въ этой части зданія было совсѣмъ пусто и отзвуки музыки и говора дѣлались слабѣе. Лигія казалось, что ее унесли изъ какого-то ада на свѣтъ Божій. Очевидно, что за этимъ омерзительнымъ и гадкимъ триклиніемъ было нѣчто лучшее: небо, заря, свѣтъ и тишина. Лигія вдругъ расплакалась и, прижимаясь къ гиганту, рыдая, произнесла:

— Домой, Урсь, домой къ Платвіямъ!..

— Пойдемъ! отвѣтилъ Урсь.

Но они ужъ находились въ маломъ атриумѣ, принадлежащемъ Актеѣ. Здѣсь Урсь посадилъ Лигію на мраморную скамью, вблизи фонтана, а Актея начала ея успокаивать и уговаривать лечь спать, увѣряя, что теперь ей ничего не угрожаетъ, потому что всѣ пьяные будутъ спать до вечера. Но Лигія не могла успокоиться и, жавъ свои виски ладонями, повторяла:

— Домой, домой, къ Авлію!..

Урсь былъ готовъ. Правда, что у воротъ стоятъ преторіанцы,

но онъ пройдетъ, потому что солдаты не задерживаютъ уходящихъ. Подъ арками народу, точно муравьевъ и его никто не остановитъ. Они выйдутъ вмѣстѣ съ другими и пойдутъ прямо домой. Да, впрочемъ, какое ему дѣло! какъ королева прикажетъ, такъ онъ и сдѣлаетъ: для того онъ и приставленъ къ ней.

Между тѣмъ Лигія повторяла:

— Домой, Урсъ, домой!... Уйдемъ!..

Но Актея должна была подумать за всѣхъ. Да, они выйдутъ и никто ихъ не остановитъ; но вѣдь изъ дворца цезаря никому нельзя бѣжать, а если кто и дѣлаетъ это, то оскорбляетъ его величество... Могутъ уйти, но вечеромъ центуріонъ можетъ принести Авлю и Помпоніи смертный приговоръ, взять обратно Лигію и тогда ужъ и ей не будетъ пощады... А если Плавтіи примутъ ее подъ свой кровъ, то ихъ смерть неизбѣжна...

У Лигіи опустились руки. Что было дѣлать? И она должна была избирать между погибелью Плавтіевъ и своей. Идя на пиръ, у нея была надежда, что Петроній и Виницій выпросятъ ее у цезаря и возвратятъ Помпоніи, но тутъ она узнала, что, именно, они то и уговорили цезаря отнять ее у Плавтіевъ и теперь только вся надежда на совершеніе какого-нибудь чуда, которое исторгнетъ ее изъ этой пропасти, и это чудо можетъ совершить—одинъ Богъ.

— Актея! отозвалась съ отчаяніемъ Лигія:—Ты слыхала, какъ Маркъ сказалъ, что цезарь подарилъ меня ему и что сегодня вечеромъ онъ пришлетъ своихъ невольниковъ за мною.

— Да, слыхала, отвѣтила Актея.

Лигія развела руками. Отчаяніе, съ какимъ она сдѣлала этотъ вопросъ и не получила того отвѣта, котораго ожидала, увеличилось. Но вѣдь Актея и сама была невольницей Нерона, и какъ бы ни было добро ея сердце, она не могла понять и прочувствовать позора такихъ отношеній. Кромѣ того, какъ бывшая невольница, она свыклась съ неволей, да къ тому-же очень любила Нерона, и еслибъ онъ вздумалъ вернуться къ ней, то счастливѣе нея не было бы никого на свѣтѣ. Она не понимала того, какъ молодая дѣвушка могла колебаться при томъ обстоятельствѣ, когда ей предоставленъ выборъ: сдѣлаться возлюбленной Марка или подвергнуть смерти Плавтіевъ.

— Вѣдь и въ домѣ цезаря, сказала она помолчавъ,—ты не въ меньшей опасности, чѣмъ еслибъ ты была у Марка.

Ей и въ голову не пришло, что хотя она говорила правду, но

эти слова означали: «помирись съ судьбой и сдѣлайся невольницей Марка Виниція». У Лигіи, которая ощущала на его губахъ животную страсть и чувствовала его жгучіе поцѣлуи,—кровь прилила въ голову отъ стыда, при одномъ воспоминаніи объ этомъ.

— Никогда! воскликнула она,—я не останусь ни здѣсь, ни у Виниція!..

Актея удивилась ея возмущенію.

— Неужели, спросила она,—онъ такъ противенъ тебѣ?

Но Лигія не могла отвѣтить, такъ какъ опять расплакалась. Актея привлекла ее къ себѣ и начала успокаивать. Урсъ тяжело дышалъ, сжимая свои кулаки: онъ любилъ свою королеву, былъ вѣренъ ей и не могъ переносить ея слезъ. Въ его лигійскомъ полудикомъ сердцѣ проявилось желаніе вернуться въ триклиній, задѣшнить Марка и даже самого цезаря, еслибъ представилась въ томъ надобность, но онъ побоялся, своимъ поступкомъ, испортить все дѣло и нисколько не улучшить положеніе королевы. Кромѣ того, онъ не зналъ, можетъ-ли это сдѣлать человѣкъ, неповѣдующій вѣру распятаго на крестѣ Христа.

— Неужели онъ такъ ненавистенъ тебѣ? повторила свой вопросъ Актея.

— Нѣтъ, отвѣтила Лигія.—Я не могу ненавидѣть его, потому что я христіанка.

— Я знаю, Лигія, по письмамъ Павла изъ Тарса, что вамъ нельзя ни опозорить себя, ни бояться грѣха больше чѣмъ смерти. Но скажи мнѣ, дозволяетъ-ли твоя религія подвергать другихъ смерти?

— Нѣтъ.

— Такъ какъ-же ты хочешь навлечь мечь цезаря на Плавтіевъ?

Настало непродолжительное молчаніе: передъ Лигіей опять разверзлась бездонная пропасть; между тѣмъ, Актея продолжала:

— Я спрашиваю это только потому, что мнѣ жаль тебя, Помпоніи, Авлія и ихъ сына. Я ужъ давно живу въ этомъ домѣ и знаю, чѣмъ кончается гнѣвъ цезаря. Нѣтъ, тебѣ нельзя бѣжать отсюда; остается одно средство: умолять Виниція возвратить тебя въ домъ Плавтіевъ.

Но Лигія невольно опустила на колѣни умолять кого другого, но не Марка. Урсъ моментально сталъ подлѣ нея и оба начали молиться въ домѣ цезаря христіанскому Богу, при утренней зарѣ.

Актея первый разъ въ жизни видѣла такую молитву и не

могла наглядѣться, какъ Лигія, обращенная къ ней профилемъ, съ поднятою головою и руками, смотрѣла въ небо, какъ будто ожидая оттуда помощи. Разсвѣтъ отбѣнялъ ея темные волосы, и ея бѣлый пеплонъ отражался въ зрячкахъ; да и сама она выглядѣла точно утренній свѣтъ. Въ ея поблѣднѣвшемъ лицѣ, полуоткрытыхъ губахъ, поднятыхъ къверху глазахъ и рукахъ видѣнь былъ не земной восторгъ, и Актея поняла, почему Лигія не могла быть ничѣй наложницей: передъ бывшей любовницей Нерона открылся уголъ завѣсы, обнаружившій совсѣмъ иной свѣтъ, чѣмъ тотъ, къ которому она привыкла. Ее поражала эта теплая молитва въ домѣ позора и разврата. Минуту тому назадъ, ей казалось, что для Лигіи не можетъ быть спасенія, но теперь начала вѣрить, что можетъ случиться нѣчто необыкновенное и что внезапно явится невидимая сила, которой самъ цезарь не въ состояніи сопротивляться, или въ видѣ какихъ нибудь крылатыхъ войскъ, которыя освободятъ дѣвупку, или наконецъ солнце устремить на нее свои яркіе лучи и, силой своей теплоты, притянетъ ее къ себѣ. Она ужъ слышала о многихъ чудесахъ, случавшихся между христіанами и думала, что все это правда, если такъ горячо молится Лигія.

Наконецъ, Лигія поднялась съ сіяющимъ надеждою лицомъ; Урсъ тоже всталъ и, присѣвъ подлѣ скамейки, устремилъ глаза на свою повелительницу, ожидая ея приказаній. Но ея глаза вскорѣ заволоклись слезами, которыя начали скатываться по щекамъ.

— Да благословитъ Господь Авлія и Помпонію, сказала она: — Я не смѣю навлекать несчастья на ихъ домъ, а потому никогда ужъ больше не увижу ихъ.

Послѣ этого она обратилась къ Урсу и начала объяснять ему, что онъ одинъ остался у нея на свѣтѣ и что онъ долженъ замѣнить ей отца и быть ея опекуномъ.

— Я не могу искать убѣжища у Плавтіевъ, продолжала она, — чтобъ не прогнѣвить цезаря; не могу также остаться ни здѣсь, ни у Виниція. Поэтому, возьми меня, уведи за городъ и спрячь въ такое мѣсто, гдѣ бы меня не отыскали ни Маркъ, ни его слуги. Я всюду пойду за тобою, хоть за море, хоть въ горы или къ варварамъ, которые не слышали даже имени Рима и гдѣ власть цезаря будетъ безсильна. Вери-же и спасай меня, потому что ты одинъ мой защитникъ.

Лигіецъ былъ готовъ исполнить ея приказаніе и, въ знакъ по-

слушанія, нагнулся и обнялъ ся ноги. Но Актея совсѣмъ разочаровалась: она ожидала чуда, между тѣмъ молитва Лигіи кончилась ничѣмъ! Бѣжать изъ дворца цезаря — это значило совершить преступленіе и оскорбить величество; а за это цезарь непременно отомститъ, если не ей, то Авлію. Ужь если она рѣшилась бѣжать, то пусть бѣжить отъ Виниція. Тогда цезарь, не любящій вмѣшиваться въ чужія дѣла, быть можетъ, даже и не пожелаетъ помочь Марку розыскать ее? Во всякомъ случаѣ, здѣсь не будетъ ни преступления, ни оскорбленія величества.

Но Лигія думала иначе: она рѣшила, что ни Авлій, ни даже Помпонія не будутъ знать, гдѣ она находится, потому что убѣжить не изъ дома Виниція, а когда ее понесутъ къ нему. Маркъ сказалъ съ пьяна, что вечеромъ онъ пришлетъ за ней своихъ невольниковъ. Можетъ быть, онъ говорилъ правду, которую навѣрное не высказалъ-бы, еслибъ былъ трезвъ. Очевидно, онъ самъ, а можетъ быть вмѣстѣ съ Петроніемъ заручились обѣщаніемъ цезаря, что онъ, на слѣдующей день вечеромъ, отпуститъ ее. А если они сегодня забудутъ о ней, то навѣрное завтра пришлютъ. Но Урсъ спасетъ ее: онъ возьметъ ее изъ носилокъ¹¹⁴⁾ и унесетъ, какъ унесъ изъ триклинія, и они уйдутъ въ свѣтъ; а вѣдь передъ Урсомъ никто не устоитъ, даже тотъ ужасный атлетъ, который вчера задушил своего противника въ борьбѣ. Однако, Виницій можетъ прислать много невольниковъ!.. Въ такомъ случаѣ, не лучше-ли послать Урса къ епископу Линнею за совѣтомъ. Навѣрно, онъ скалится надъ нею и пошлетъ христіанъ на помощь Урсу: они отобьютъ ее отъ невольниковъ и тогда она уйдетъ съ Урсомъ въ такое мѣсто, гдѣ ее не розыщеть никакая римская сила.

Лигія повеселѣла; лицо подернулось румянцемъ; она ободрилась, какъ будто ужъ ея надежда осуществилась. Она быстро обняла Актею, поцѣловала ее и прошептала:

— Вѣдь ты не выдашь насъ, Актея?..

— Клянусь тѣнью моей матери, отвѣтила отпущенница, — не выдамъ и не измѣню вамъ. Только ты проси своего Бога, чтобы Урсу удалось спасти тебя.

Голубые дѣтскіе глаза атлета горѣли счастьемъ. Если онъ не умѣлъ ничего придумать для ея спасенія, то ужъ навѣрное постоитъ и за себя, и за нее, и ему все равно, будь это днемъ или ночью!.. Пожалуй, онъ сходитъ къ епископу, который понимаетъ больше него:

но христіанъ онъ и самъ съумѣеть собрать. Развѣ у него мало знакомыхъ среди невольниковъ, гладіаторовъ и свободныхъ людей... и на Субурѣ, и на мостахъ... Онъ можетъ собрать ихъ тысячу, даже—двѣ и навѣрное отобьетъ свою госпожу, уведетъ ее изъ города и пойдетъ съ нею, хоть на конецъ свѣта; хоть туда, откуда они сами, или въ тѣ края, гдѣ никто не имѣеть понятія о Римѣ, какъ сказала его королева.

И онъ устремилъ свои глаза куда-то вдаль, точно хотѣлъ увидѣть все свое прошлое и давно минувшее.

— Въ боръ! прошепталъ онъ.—Да еще въ какой боръ, какой боръ!

Однако, чрезъ минуту онъ какъ будто стряхнулъ съ себя думы о прошломъ и сосредоточился на другомъ: „Вотъ, онъ сейчасъ пойдетъ къ епископу, а вечеромъ, ставъ во главѣ сотни чловѣкъ, будетъ поджидать, когда понесутъ носилки съ его повелительницей, и пусть ее сопровождаютъ не только невольники, но даже преторіанцы—ему все равно!.. Пусть лучше никто не подвертывается подъ его стальную руку, хоть-бы онъ былъ въ желѣзныхъ латахъ... Да что—желѣзо!... Развѣ оно такъ крѣпко?... Если ударить по немъ хорошенько кулакомъ, то ни какая голова не удержится!“

Однако, Урсъ, должно быть, громко думалъ, потому что Лигія слышала его думы и, поднявъ съ дѣтскою серьезностью палецъ вверхъ, произнесла:

— Помни, Урсъ: «не убей!»

Урсъ, поднявъ свою руку, похожую на дубину и почесавъ въ затылкѣ. Да вѣдь онъ долженъ отнять се... «свое сокровище»... Вѣдь, она сама сказала, что теперь—его очередь... Ну, онъ и постарается... Но если что случится нечаянно... тогда... тогда онъ станетъ каяться и просить Бога, чтобы Онъ простилъ его, и Богъ навѣрное сжалятся надъ нимъ, бѣднымъ... Вѣдь онъ не хочетъ прогнѣвить Господа, да что-же ему дѣлать, когда у него такая тяжелая рука!..

И Урсъ расчувствовался, но, желая скрыть это, поклонился въ ноги Лигіи и сказалъ:

— Ну, я пойду къ епископу.

Между тѣмъ, Актея, обнявъ Лигію за шею, расплакалась: она еще разъ пришла къ тому заключенію, что навѣрное существуетъ еще какой-то другой міръ, въ которомъ даже и въ страданіяхъ

больше счастья, чѣмъ во всемъ богатствѣ и роскоши во дворцѣ цезаря; еще разъ передъ нею отверзлась какая-то таинственная дверь, изъ которой она увидѣла чудный свѣтъ, а въ то-же время почувствовала, что она не достойна войти въ эту дверь.

IX.

Лигія жалѣла Помпонію Грецину, которую любила отъ всей души, какъ равно сожалѣла о всемъ домѣ Авлія; тѣмъ не менѣе, ея отчаяніе прошло. Теперь она была даже довольна, своимъ самопожертвованіемъ, ради «Правды» и тѣмъ, что она рѣшилась на скитальческую и неизвѣстную ей жизнь. Можетъ быть, въ этой рѣшимости заключалось дѣтское любопытство, какимъ будетъ ея жизнь въ отдаленныхъ краяхъ, среди варваровъ и дикихъ звѣрей; во всякомъ случаѣ, въ ней проявилось еще больше глубокой вѣры и надежды, что она поступаетъ согласно ученію «божественнаго Учителя» и что Онъ самъ будетъ руководить ею, какъ послушнымъ и вѣрнымъ Ему ребенкомъ. Въ такомъ разѣ — что можетъ случиться съ нею? Если Онъ пошлетъ ей страданія, то она, во имя Его, перенесетъ ихъ; если придетъ неожиданная смерть, то Онъ возьметъ ее къ Себѣ, и когда умретъ Помпонія, то она будетъ жить неразлучно съ нею вѣчною жизнью. Часто, находясь въ домѣ Плавтія, она терзала себя мыслью, что, будучи христіанкой, она ничего не можетъ сдѣлать для того Распятаго человѣка, о Которомъ такъ много рассказывалъ ей Урьс. Но теперь настала ея очередь и она, чувствуя себя почти счастливой, стала говорить о томъ съ Актеей: но та не понимала ее. Какъ можно быть счастливой, лишаясь всего и оставляя: домъ, богатство, городъ, сады, храмы, портики, солнечный край и близкихъ людей только для того, чтобы скрыться отъ любви молодого рыцаря!.. Она не могла согласиться съ такими мыслями, хотя, по временамъ, и допускала, что, быть можетъ, Лигія, по своему, права; что въ этомъ и заключается таинственное счастье, но только не могла ясно представить его, тѣмъ болѣе, что молодую дѣвушку ожидали еще многія испытанія, которыя могли кончиться даже ея смертью. Актеея была робка и со страхомъ думала о томъ, чѣмъ можетъ кончиться слѣдующій вечеръ. Однако, она не высказала своихъ опасеній; а тѣмъ временемъ яркое солнце уже освѣтило атриумъ и она стала уговаривать Лигію заснуть. Последняя не противилась и онѣ обѣ вошли

въ просторный кубикуюмъ, красиво устроенный, благодаря бывшимъ отношеніямъ Актеи съ Нерономъ. Онѣ легли рядомъ; но Актея, не смотря на усталость, не могла заснуть; она давно ужъ была несчастной, но теперь ею овладѣло какое-то безпокойство, котораго она никогда не испытывала. До настоящаго времени, жизнь казалась ей только тяжелой и лишенной завтрашняго утра, а теперь — просто-таки невозможной и подлой.

Въ головѣ ея произошелъ хаосъ и всѣ мысли спутались. Дверь истины, свѣта и правды опять начала то открываться, то закрываться передъ нею. Но въ моментъ, когда она открывалась, ее озаряло такимъ свѣтомъ, что она ничего не могла видѣть, а только догадывалась, что въ этомъ свѣтѣ заключается какое-то безграничное счастье, въ сравненіи съ которымъ ничтожна любовь цезаря, даже еслибъ онъ вздумалъ бросить Поппею и вернуться къ ней. Въ то же время, ее осѣняла мысль, что тотъ-же цезарь, котораго она все еще любила и считала полубогомъ, такой же ничтожный человѣкъ, какъ и каждый невольникъ и что всѣ эти колоннады изъ нумидійскаго мрамора — не болѣе, какъ груда камней. Наконецъ эти чувства, съ которыми она не могла справиться и дать себѣ яснаго отчета, начали мучить ее. Она старалась заснуть но сонъ бѣжалъ отъ нея. Въ виду такого безпокойства и бессонницы, она повернулась къ Лигіѣ, думая, что и она не спитъ, и хотѣла возобновить съ нею разговоръ объ ея бѣгствѣ; но послѣдняя спокойна спала.

Въ темный кубикуюмъ врывалось нѣсколько солнечныхъ лучей, чрезъ неплотно задвинутыя занавѣски. Въ этихъ лучахъ переливалась и кружилась золотая пыль. При блѣдномъ свѣтѣ въ спальнѣ, она взглянула на нѣжное лицо дѣвушки, покоившееся на обнаженной рукѣ, съ закрытыми глазами и полураскрытыми губами.

— Спать! подумала она; — и можетъ спать, потому что — ребенокъ!..

Но въ головѣ ея мелькнула мысль, что этотъ ребенокъ, однако же, предпочитаетъ бѣжать, чѣмъ сдѣлаться любовницей Виниція; терпѣть нужду, чѣмъ опозорить себя; предпочитаетъ скитальческую жизнь великолѣпному дому на Каринахъ, нарядамъ, драгоценнымъ украшеніямъ, пирамъ и звукамъ лютни и цитры.

— Изъ-за-чего?

И она начала всматриваться въ лицо Лигіи, точно желая прочесть на немъ отвѣтъ, и, рассмотрѣвъ до мельчайшихъ подробно-

стей всё черты спящей, которая спокойно и ровно дышала дѣвическою цѣломудренною грудью, подумала и прошептала:

— Да, она не такая, какъ я!

Лигія показала ей какимъ-то чудомъ, божественнымъ видѣніемъ, возлюбленнымъ и взлелѣаннымъ самими богами, краше всѣхъ цвѣтовъ въ цезарскомъ саду; краше миньютюрной рѣзбы его палатъ. Но гречанка не завидовала ей и не возревновала. Напротивъ, при одной мысли объ опасностяхъ, которымъ она намѣревалась добровольно подвергнуть себя, сердце ея сжалось и преисполнилось материнскихъ чувствъ, такъ какъ въ настоящій моментъ она казалась ей не только прелестной, но и очень любимой сестрою. Актея нагнулась и поцѣловала ея волосы.

Но Лигія спала спокойно, какъ будто чувствуя себя подъ покровительствомъ Помпоніи, и спала продолжительнымъ сномъ: было ужь далеко за полдень, когда она открыла свои голубые глаза и съ удивленіемъ осмотрѣлась по кубикуломъ. Очевидно, она была изумлена, забывъ, что находится не въ своей спальнѣ, а въ домѣ Нерона.

— Это ты, Актея? спросила она, вспомнивъ все и отличивъ въ полумракѣ комнаты лицо гречанки.

— Да, это я, Лигія.

— Что это: вечеръ?

— Нѣтъ; но ужь далеко за полдень.

— Урсъ вернулся?

— Онъ не сказалъ, что вернется... Онъ будетъ поджидать съ христіанами носилки, когда вечеромъ понесутъ тебя.

— Ахъ, да, правда.

Послѣ этого обѣ пошли въ бани: тамъ Актея выкупала Лигію и затѣмъ повела завтракать. Потомъ онѣ ушли въ дворцовый садъ, въ которомъ было безопасно, потому что какъ цезарь, такъ и всѣ его придворные еще спали. Лигія первый разъ въ жизни увидѣла такой великолѣпный садъ, переполненный кипарисами, пиніями, дубами, миртами и оливковыми деревьями, среди которыхъ бѣлѣлись всевозможныя изваянія, блестѣли зеркальныя поверхности прудовъ и пестрѣли цвѣтники, орошаемые водяною пылью изъ фонтановъ. Входы въ очаровательные гроты были украшены плещами или виноградомъ: на прудахъ плавали серебристые лебеди, а среди изваяній и деревьевъ спокойно гуляли прирученныя серны и разныя птицы, выписанныя изъ разныхъ странъ.

Сады были пусты и только кое-гдѣ работали невольники съ лопатами въ рукахъ, напѣвавшіе разныя пѣсни. Нѣкоторые отдыхали у прудовъ или въ тѣни дубовъ, чрезъ листья которыхъ мелькалъ солнечный свѣтъ, а другіе поливали розы и блѣдно-лиловые цвѣты шафрана. Актея ходила съ Лигіей, осматривая чудеса цезарскаго сада, и хотя мысли Лигіи были заняты другимъ, тѣмъ не менѣе, какъ наивный ребенокъ, она не могла воздержаться отъ любопытства и восторговъ. Ей пришло даже въ голову, что еслибъ цезарь былъ добръ, то, живя въ такихъ дворцѣхъ и саду, онъ могъ бы быть очень счастливымъ цезаремъ.

Наконецъ онъ устали, съли отдохнуть на лавкѣ, скрытой среди кипарисовъ, и начали бесѣдовать о томъ, что больше всего занимало ихъ мысли, то есть, о бѣгствѣ Лигіи. Актея гораздо больше беспокоилась, чѣмъ послѣдняя. По временамъ, ей казалось, что это безумно и что Лигіи не удастся бѣжать. Благодаря такимъ мыслямъ, она сожалѣла ее и даже страдала. Ей пришло въ голову, что было-бы безопаснѣе примириться съ Виниціемъ, а потому она начала спрашивать Лигію, давно-ли она познакомилась съ Маркомъ и не можетъ-ли она убѣдить его, чтобы онъ возвратилъ ее Помпоніи.

Но Лигія отрицательно покачала своей русой головкой.

— Нѣтъ, сказала она:—Маркъ былъ иной въ домѣ Плавтія: онъ былъ милъ и добръ, но со вчерашняго дня я боюсь его и лучше убѣгу къ своимъ лигамъ.

— Однако-жъ, ты сама говоришь, что онъ былъ милымъ тебѣ?—продолжала допытываться Актея.

— Да, отвѣтила Лигія, потупивъ голову.

— Да вѣдь ты не невольница, не такая, какъ я,—подумавъ прибавила она:—и Маркъ могъ-бы жениться на тебѣ. Вѣдь ты только заложница и дочь лигійскаго короля. Плавти любятъ тебя, какъ родную, и охотно согласятся назвать тебя своею дочерью... Поэтому ты можешь сдѣлаться законной женой Виниція...

— Нѣтъ, тихо и еще печальнѣе, отвѣтила Лигія:—я предпочитаю бѣжать.

— погоди, Лигія... и выслушай, что я тебѣ скажу... Хочешь, чтобы я сходила къ Марку, разбудила его, если онъ спитъ, и повторила ему то-же самое, что сказала тебѣ?... Да, я схожу къ нему и скажу, что ты дочь короля и любимое дѣтище славнаго Авлія;

что если онъ любить тебя, то пусть возвратитъ въ домъ Плавтія, а потомъ возьметъ тебя, какъ жену.

Но молодая дѣвушка еще ниже опустила голову на грудь и такъ тихо прошептала, что Актея едва разслышала ее:

— Нѣтъ, лучше убѣгу...

И на ея рѣсницахъ повисли двѣ крупныя слезы.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ былъ прерванъ шелестомъ приближавшихся шаговъ, и прежде чѣмъ Актея успѣла оглянуться, какъ передъ ними явилась Поппея съ небольшою свитой невольницъ. Двѣ изъ нихъ держали надъ ея головою пучки распущенныхъ вѣрообразно страусовыхъ перьевъ, посаженныхъ на золотыхъ прутьяхъ и слегка обмахивали ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрывали отъ палящаго, хотя и осенняго, солнца. Передъ нею шла черная эеіопка съ вздущеюся отъ молока грудью, неся на рукахъ ребенка, который былъ завернутъ въ пурпурную ткань съ золотой бахромой. Актея и Лигія встали, думая, что Поппея пройдетъ мимо, не обративъ на нихъ вниманія, но она остановилась передъ ними и сказала:

— Ты, Актея, слабо пришила къ куклѣ колокольчики: ребенокъ оторвалъ одинъ изъ нихъ и понесъ было въ ротъ; но, къ счастью, Лили своевременно замѣтила это.

— Прости, божественная Поппея, отвѣтила Актея, скрещивая руки на груди и кланяясь.

Поппея взглянула на Лигію.

— Это что за невольница? спросила она.

— Она не невольница, августа¹¹⁵): это воспитанница Помпоніи Грецины и дочь лигійскаго короля, оставленная въ видѣ заложницы Риму.

— Что-же она здѣсь дѣлаетъ? или пришла навѣстить тебя?

— Нѣтъ, она ужъ нѣсколько дней живетъ во дворцѣ.

— Была вчера на пиру?

— Была, августа.

— По чьему приказанію?

— По приказанію цезаря...

Поппея пристальнѣе посмотрѣла на Лигію, которая стояла съ наклоненной головою и только изъ любопытства взглядывала на Поппею. Вдругъ, между бровями Поппеи появилась морщинка. Очевидно, она возревновала. Она и безъ того ужъ жила въ постоянныхъ тревогахъ и опасеніи, чтобы какая-нибудь счастливая соперница

не погубила ее, какъ она погубила Октавію. Поэтому, каждое красивое личико возбуждало ея подозрѣніе. Смотри на нее глазами знатока и охватывая съ головы до ногъ всю ея фигуру, она испугалась: — «Это настоящая нимфа и ее вѣрно родила Венера», подумала она. И ей вдругъ пришло въ голову, чего никогда не приходило при видѣ какихъ-бы ни было красавицъ, что она гораздо старше нея! Ея самолюбіе было задѣто и она сильно обезпокоилась, а мысли такъ и замелькали въ головѣ.

«Быть можетъ, Неронъ еще не видалъ ее или не разсмотрѣлъ чрезъ изумрудъ и не оцѣнилъ? Что, если онъ встрѣтится съ нею при солнечномъ свѣтѣ и увидитъ ее такую, какъ я теперь вижу ее?.. Она восхитительна, къ тому-же не невольница... дочь короля, хоть и варварскаго происхожденія, а все-же дочь короля!.. О, Боги, бессмертные!.. Она красивѣе меня, да и моложе!..

И морщина между бровями еще больше углубилась, а глаза изъ подъ свѣтлыхъ рѣсницъ засвѣтились холоднымъ огнемъ.

— Ты разговаривала съ цезаремъ? спросила Поппея съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Нѣтъ, августи, отвѣтила Лигія.

— Почему ты предпочитаешь здѣшнюю жизнь дому Авлія?

— Я не предпочитаю и нахожусь здѣсь не по своей волѣ: Петроній уговорилъ цезаря отнять меня у Плавтіевъ...

— А ты хочешь вернуться?

Послѣдній вопросъ она сдѣлала мягче и Лигія пріободрилась.

— Да! отвѣтила послѣдняя, протягивая къ ней руки. — Но цезарь рѣшилъ отдать меня, какъ невольницу, Виницію и теперь у меня осталась послѣдняя надежда на тебя, что ты заступишься за меня.

— Значить, Петроній просилъ цезаря, чтобы онъ отнял тебя у Помпоніи и отдалъ Виницію?

— Да, и Виницій сегодня пришлетъ за мною; но ты, добрый-шая августи, сжался надо мною!..

Она поклонилась и прикоснулась къ краю пеллона Поппея, ожидая съ бьющимся сердцемъ, что она отвѣтитъ ей. Но послѣдняя смотрѣла на нее съ просіявшимъ злою улыбкою лицомъ и наконецъ сказала:

— Хорошо!.. Сегодня-же ты сдѣлаешься невольницей Виниціи.

И она исчезла какъ красивое, но злое видѣніе, и до слуха

Актеи и Лигіи донесся только плачь ребенка, который почему то вдруг заплакалъ.

У Лигіи тоже навернулись слезы; но она, не долго думая, взяла Актею за руку и сказала:

— Пойдемъ! Отсюда нельзя ожидать помощи!..

Онѣ вернулись въ атріумъ, изъ котораго ужъ не выходили. Вечеромъ, когда невольницы внесли четырехъ-рожковые таганы ¹¹⁶⁾ съ большимъ пламенемъ, онѣ обѣ были блѣдны; разговоръ ихъ постоянно прерывался и онѣ прислушивались, не идетъ-ли кто-нибудь. Лигія говорила, что какъ ни жаль ей расстаться съ Актеей, но, въ виду того, что Урсъ поджидаетъ ее впотьмахъ, она была-бы рада, чтобы все кончилось скорѣе. Однако, ея дыханіе дѣбалось учащеннѣе и слышнѣе: она волновалась. Актея лихорадочно собирала все драгоцѣнности и, завязывая ихъ въ уголь пеплона, умоляла Лигію не отвергать этого дара, какъ необходимаго средства при побѣгѣ. По временамъ наступала глухая тишина, обманывающая слухъ, во время которой имъ казалось, что онѣ слышатъ то шепотъ за портьерой, то удаляющійся плачь ребенка, то лай собакъ.

Но, вдругъ портьера тихо приподнялась и высокій смуглый, осповатый человѣкъ, точно духъ, явился въ атріумѣ. Лигія узнала въ немъ Атицінія, отпущенника Виниція, который приходилъ къ Плавтіямъ, когда Маркъ былъ у нихъ. Актея вскрикнула, а Атиціній низко поклонился и произнесъ:

— Каіі ¹¹⁷⁾ Виницій плеть божественной Лигіи свой привѣтъ и ждетъ ее на пиршество въ своемъ домѣ, убранномъ зеленью.

Губы молодой дѣвушки поблѣзли.

— Сейчасъ, сказала она, бросилась на шею Актеи и начала прощаться.

Х

А домъ Виниція дѣйствительно былъ убранъ зеленью миртъ и плюща, который свѣшивался у дверей и на стѣнахъ. Колонны были обвиты листьями винограда. Въ атріумѣ, надъ отверстіемъ котораго растянута суконное багряное покрывало, для защиты отъ ночного холода, — было свѣтло, какъ днемъ: горѣли восьми и двѣнадцати-рожковые таганы, имѣющіе видъ сосудовъ, деревъ, звѣрей, птицъ или изваяній, державшихъ въ рукахъ лампы, которыя были наполнены

ароматическими маслами. Всѣ таганы были вырѣзаны изъ алебастра, мрамора и золоченой коринѣской мѣди, хоть и не такъ красиво, какъ тотъ знаменитый подсвѣчникъ въ храмѣ Аполлона, который находился въ распоряженіи Нерона, но все таки красивые и сдѣланные извѣстными рѣзчиками и ваятелями. У нѣкоторыхъ свѣтильниковъ были ширмы изъ александрійскаго стекла или прозрачной индѣйской ткани разныхъ цвѣтовъ, такъ что весь атриумъ блестялъ цвѣтными огнями и переполнился запахомъ нарда ¹¹⁸); къ этому запаху Виницій привыкъ на Востоку. Глубина дома, въ которомъ мелькали мужскія и женскія фигуры невольниковъ, тоже была освѣщена. Въ триклиніумѣ былъ приготовленъ столъ на четыре персоны, такъ какъ, кромѣ самого хозяина и Лигіи, на этомъ пиршествѣ имѣли присутствовать Петроній и Хризотема.

Маркъ дѣйствовалъ во всемъ по желанію Петронія, который посоветовалъ ему не ходить за Лигіей, а послать Атицинія, а самому принять ее въ своемъ домѣ съ подобающею ей честью.

— Ты вчера былъ пьянъ, сказалъ Петроній, — и я видѣлъ, какъ ты обращался съ нею: точно каменщикъ изъ Албанскихъ горъ. Не будь нахаломъ и помни, что хорошее вино пьютъ смакуя. Коль сладостно намъ желаніе, то во сто разъ слаще, если насъ жаждутъ.

Однако, у Хризотемы составилось на этотъ счетъ иное, собственное, мнѣніе; но Петроній, называя ее своей весталкой и голубкой, объяснилъ ей ту разницу, какая существуетъ между опытнымъ цирковымъ наѣздникомъ и ребенкомъ, который первый разъ садится въ квадригу. Послѣ этого онъ обратился къ Виницію и продолжалъ:

— Ты долженъ ободрить ее, снискать ея довѣріе, развеселить, быть великодушнымъ... Не велико удовольствіе присутствовать на пиршествѣ, на которомъ скучаютъ. Ты поклянись ей хоть Гадесомъ ¹¹⁹), что вернешь ее Помпоніи, а ужъ тамъ твое дѣло, если она, на слѣдующій день, предпочтетъ остаться у тебя, а не у Авліевъ.

Причемъ онъ указалъ на Хризотему и прибавилъ:

— Я ужъ пять лѣтъ, болѣе или менѣе, поступаю такъ каждый день съ этою робкою горлицей и не могу пожаловаться на ея взыскательность...

Хризотема хлопнула его вѣеромъ изъ павлиннихъ перьевъ.

— Да развѣ я не защищалась, сатиры эдакій, сказала она.

— Только изъ уваженія къ моему предмѣстнику...

— А развѣ ты не былъ у моихъ ногъ?

— Только ради того, чтобы на ихъ пальпы одѣть драгоценныя кольца.

И Хризотема невольно взглянула на свои ноги, на пальцахъ которыхъ искрились драгоценныя камни, и оба разсмѣялись. Но Виницій не слушалъ ихъ пикировки: его сердце безпокойно билось подъ узорчатой одеждой сирійскаго жреца, въ которую онъ нарочно облачился для приема Лиги.

— Они ужь должны выйти изъ дворца, сказалъ онъ, какъ будто про себя.

— Да, должны, отвѣтилъ Петроній. — Да не рассказать-ли тебѣ, пока, о воровствѣ Аполлона изъ Тіаны или біографію Руфина, которую, не помню почему, я не рассказалъ тебѣ.

Но Виницій нисколько не интересовался ни Аполлономъ, ни Руфиномъ: всѣ его мысли были сосредоточены на Лиги, и хотя онъ чувствовалъ, что ему приличнѣе было ожидать ее у себя на дому, чѣмъ идти самому въ роли сбира¹²⁰) во дворецъ, однако, по временамъ онъ сожалѣлъ, что не пошелъ, хоть бы ради того, что онъ могъ раньше видѣть свою возлюбленную и сидѣть съ нею рядомъ въ темнотѣ ночной въ двойныхъ носилкахъ.

Тѣмъ временемъ невольники внесли триножники¹²⁰), украшенные головами барановъ, и бронзовые тазы съ углями, которые начали посыпать миррой и нардомъ.

— Навѣрное, они ужь поворачиваютъ къ Каринамъ, опять отозвался Виницій.

— Кажется, онъ не выдержитъ и пойдетъ къ нимъ на встрѣчу, сказала Хризотема.—И вдругъ разоидется!

— Напротивъ, выдержу, отвѣтилъ Маркъ, безсмысленно улыбаясь. Но въ то же время началъ сопѣть и раздувать ноздри. Петроній, смотря на него, пожалъ плечами.

— Видно, ужь мнѣ не удастся сдѣлать изъ этого война порядочнаго человѣка, сказалъ онъ:—въ немъ нѣтъ ни на іоту философін.

Но Виницій не слышалъ этой ироніи и прибавилъ:

— Ну, теперь они ужь вѣрно на Каринахъ!..

Дѣйствительно, посланные въ это время подвигались къ мѣстности близъ дворца, называемой Каринами. Невольники лампадаріи¹²²)

шли впереди; другіе—педисеки ¹²⁸) слѣдовали по бокамъ носилокъ, а Атициній шелъ позади нихъ. Они подвигались довольно медленно, такъ какъ фонари очень тускло освѣщали путь. Притомъ, темныя улицы близъ дворца были пустынны и только кое-гдѣ изрѣдка виднѣлся какой-нибудь пѣшеходъ съ фонарикомъ въ рукѣ. Зато дальше они начали оживляться и почти изъ каждаго переулка стали появляться по три, по четыре человѣка въ черныхъ плащахъ, безъ фонарей. Нѣкоторые присоединялись къ отряду съ носилками и смѣшивались съ невольниками; иные, толпами, заходили впереди, а нѣкоторые, шатались точно пьяные и мѣшали идти. Мѣстами, они загромождали дорогу, такъ что лампадаріи вынуждены были кричать:

— Позвольте пройти!.. Пропустите носилки благороднаго трибуна Кайя Виниція!

Лигія отлично видѣла черезъ раздвинутыя занавѣски носилокъ эти темныя массы и начала дрожать отъ страха и волненія. Ею овладѣвали то тревога, то надежда!..

«Это, навѣрное, Урсъ и христіане, думала она.—Значить, нужно быть наготовѣ... О, Боже, помоги и спаси меня!..»

Однако и Атициній, въ началѣ не обращавшій вниманія на это необыкновенное оживленіе, началъ беспокоиться, такъ какъ оно показалось ему страннымъ. Между тѣмъ лампадаріи все громче и чаще кричали:

— Позвольте пройти носилкамъ благороднаго трибуна!..

А тѣмъ временемъ съ боковъ все больше и больше начали зажимать темныя личности, такъ что Атициній приказалъ невольникамъ отгонять ихъ палками.

Вдругъ, впереди раздался крикъ и въ моментъ всѣ фонари погасли, а вокругъ носилокъ произошелъ натискъ, замѣшательство и даже битва.

Атициній понялъ, что это было умышенное нападеніе и оторопѣлъ. Вѣкъ было извѣстно, что цезарь, ради забавы, позволяеть себѣ разбойничать во главѣ августіановъ какъ на Субуррѣ, такъ и въ другихъ частяхъ города, и каждый зналъ, что послѣ такихъ забавъ онъ возвращался домой съ желваками и синяками; но кто защищался, тотъ шелъ на вѣрную смерть, хоть-бы онъ былъ сенаторомъ. Хотя домъ вигилей, наблюдавшихъ за порядкомъ и спокойствіемъ города, находился недалеко отъ происшествія, но сторожа,

въ такихъ случаяхъ, притворялись глухими и слѣпыми. Между тѣмъ подлѣ носилокъ кишѣла борьба и Атициній рѣшился, прежде всего, спасти Лигію и себя, а всѣхъ остальныхъ—предоставить судьбѣ. Въ виду этого, онъ быстро схватилъ на руки Лигію и рѣшилъ скрыться въ темнотѣ, но въ это время дѣвушка закричала:

— Урсь! Урсь!

Такъ какъ она была одѣта въ бѣлый пеплонъ, то ее легко было увидѣть и Атициній старался набросить на нея свой плащъ, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за шиворотъ, точно клещами, и на его голову опустилась какая-то всепоражающая масса, въ видѣ громаднаго молота, такъ что онъ моментально свалился, точно быкъ, ударенный обухомъ передъ жертвенникомъ Юпитера.

Въ свою очередь, многіе невольники уже лежали на землѣ или, защищаясь въ темнотѣ, разбивали себѣ головы о каменные стѣны, такъ что на мѣстѣ происшествія остались однѣ изломанныя носилки, а въ это время Урсь улепетывалъ съ своей ношей къ Субурѣ; его друзья слѣдовали за нимъ, постепенно разсыпаясь въ разныя стороны...

Наконецъ, многіе невольники Виниція начали собираться у дома своего господина и совѣтоваться, что имъ дѣлать; они не смѣли войти въ домъ и вернулись на мѣсто происшествія, гдѣ застали нѣсколько мертвыхъ тѣлъ, а между ними—Атицинія. Послѣдній еще корчился въ предсмертныхъ судорогахъ, но вскорѣ выпрямился и остался неподвижнымъ. Невольники взяли его и, принеся домой, остановились у воротъ.

Однако, нужно было оповѣстить хозяина о случившемся, да никто не рѣшался.

— Пусть Гуля доложитъ, сказалъ кто-то шепотомъ. У него тоже лицо въ крови... Его любить нашъ господинъ и ему безопасно...

Германикъ Гуля былъ старый невольникъ, который вынянчилъ Марка и затѣмъ перешелъ къ нему по наслѣдству отъ его матери, сестры Петронія.

— Пожалуй, сказалъ онъ,—я доложу, но мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ, чтобы на меня одного не обрушился гнѣвъ нашего господина.

Между тѣмъ Виницій выходилъ изъ себя. Петроній и Хризотема подтрунивали надъ нимъ, а онъ, быстро ходя по атриуму, только повторялъ:

— Они ужъ должны прійти!.. должны прійти!..

Наконецъ онъ самъ хотѣлъ пойти, но Петроній удержалъ его. Вдругъ, въ сѣняхъ послышались шаги, а затѣмъ въ атриумъ вошли гурьбою всѣ невольники. Ставъ рядомъ у стѣнки, они всѣ завыли:

— А-а-а-а!.. а-а-а!..

Гуля вышелъ впередъ съ своимъ окровавленнымъ лицомъ и, показывая на него, жалобно произнесъ:

— Вотъ, кровь, господинъ! вотъ кровь... мы защищались!.. и вотъ кровь!..

Но онъ не успѣлъ кончить, какъ Виницій, взявъ бронзовый подсвѣчникъ, размозжилъ ему голову, а затѣмъ, схватившись за волосы, дико проревѣлъ:

— Me miserum! me miserum!..

Его лицо посинѣло, глаза закатились и пѣна выступила изъ рта.

— Розокъ! рявкнулъ онъ не своимъ голосомъ.

— А-а-а-а!.. Помилуй, господинъ!.. простонали невольники.

Петроній поднялся съ выраженіемъ непріятнаго чувства на лицѣ и обратился къ Хризотемѣ.

— Пойдемъ, Хризотема, сказалъ онъ:—а если хочешь смотрѣть на живое мясо, то я прикажу отпереть лавку мясника на Каринахъ.

И они вышли изъ атриума, а во всемъ домѣ, украшенномъ зеленью ради пиршества, вскорѣ раздались стоны невольниковъ и свистъ розокъ, продолжавшійся почти до утра.

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ эту ночь Виницій совсѣмъ не ложился спать. Черезъ нѣкоторое время, по уходѣ Петронія, когда стоны высѣченныхъ имъ невольниковъ не успокоили его отчаянія, онъ собралъ нѣсколько чловѣкъ другихъ невольниковъ и, поздною ночью, пошелъ на поиски Лигіи. Онъ посѣтилъ эсквилинскую часть города, Субуру, *vicus uscleratus* и всѣ прилегающіе къ нимъ переулки. Потомъ обошелъ Капитолій, прошелъ чрезъ мостъ Фабриція на островъ и обошелъ Затибрянскую часть города. Но это была безцѣльная погоня, такъ какъ онъ и самъ отнюдь ненадѣялся найти, и если искалъ, то только для того, чтобы какъ нибудь скорѣе провести мучительную ночь. На разсвѣтѣ, онъ вернулся домой; въ городѣ ужъ начали появляться возы съ привезенными на мулахъ продуктами; пекаря и торговцы начали отпирать свои лавки. Вернувшись домой, Маркъ велѣлъ убрать убитаго имъ Гулю, къ которому никто не посмѣлъ прикоснуться, а затѣмъ приказалъ всѣхъ высѣченныхъ невольниковъ, сопровождавшихъ Лигію, отправить въ деревенскіе эргастулы ¹²⁴). Это наказаніе считалось хуже смерти. Наконецъ онъ бросился на скамью въ атриумъ и началъ придумывать средства, какъ отыскать Лигію. Ему казалось безусловно невозможнымъ отказать отъ нея, потерять навсегда или не видѣться съ нею. При одной этой мысли онъ приходилъ въ бѣшенство. Избалованная натура молодого солдата первый разъ наткнулась на сопротивленіе, на другую, болѣе сильную волю. Онъ никакъ не могъ понять, какъ она, или кто другой, осмѣлился-бы идти въ разрѣзъ его волѣ. Онъ предпочиталъ, чтобы весь

міръ, вмѣстѣ съ Римомъ, превратились въ груды мусора, чѣмъ онъ, Виницій, не достигъ бы желаемаго. Какъ же! У него отняли чашу удовольствія изъ подъ самаго носа! Значить, совершили преступленіе, которое должно быть отомщено, какъ по человѣческимъ, такъ и по божескимъ законамъ.

Но, прежде всего, онъ не хотѣлъ, да и не могъ помириться съ судьбою, потому что никогда и ничего въ жизни такъ не желалъ, какъ Лигію. Ему казалось, что онъ не можетъ существовать безъ нея, и если бы его спросили: какъ онъ проживетъ до слѣдующаго утра, то онъ не могъ бы отвѣтить на это. По временамъ, имъ овладѣвала такая злоба на нея, что онъ готовъ былъ, еслибъ она была у него подъ рукою, таскать ее за волосы по кубикулуму, издѣваться надъ нею и истязать: послѣ этого, озлобленіе его превращалось въ страшную тоску по ней и онъ былъ бы радъ, еслибъ она позволила ему упасть къ ея ногамъ. Онъ призывалъ ее, молилъ, грызъ ногти и хватался за голову, но не могъ успокоиться и найти хоть какое нибудь средство къ скорому разысканію ея. Наконецъ, у него мелькнула мысль, что ее похитилъ Авлій, а если и не похитилъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ знать, куда она скрылась.

И онъ вскочилъ, съ цѣлью бѣжать къ Плавтію.

«Если они не испугаются моихъ угрозъ и не отдадутъ ее, то я пойду къ цезарю, пожалуюсь на стараго вождя за отказъ въ послушаніи и выхлопочу приговоръ казнить его. Но, прежде всего, я заставлю его проговориться, гдѣ Лигія. Даже, если они отдадутъ мнѣ Лигію добровольно, то и тогда отомщу имъ... Положимъ, они приняли меня въ домъ и ухаживали за мною во время болѣзни; но эта одна обида освобождаетъ меня отъ всякой благодарности».

И его мстительная душенка начала представлять себѣ, съ какимъ удовольствіемъ онъ посмотритъ на отчаяніе Помпоніи Грецины, когда центуріонъ доставитъ Авлію приговоръ смерти. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ приговоръ поможетъ ему выхлопотать Петроній. Да наконецъ и самъ цезарь никогда и ни въ чемъ не отказываетъ своимъ друзьямъ августіанамъ, а если когда отказываетъ, то это случается только по исключительной ненависти или желанію самому воспользоваться чѣмъ бы то ни было.

И вдругъ онъ замеръ подъ давленіемъ ужасной мысли:

«А если это самъ цезарь отбилъ у меня Лигію?»

Всѣ знали, что Неронъ очень часто принималъ участіе въ ночныхъ разбояхъ, яко-бы отъ скуки, ради развлеченій. Да и Петроній участвовалъ въ нихъ. Главной задачей этихъ разбоевъ было нападеніе на женщинъ, которыхъ разбойники клали на солдатскіе плащи и подбрасывали ихъ вверхъ до обморока. Самъ Неронъ называлъ эти ночныя экспедиціи «ловлей жемчужинъ». Случалось, что въ нѣкоторыхъ частяхъ города, заселеннаго преимущественно бѣднымъ классомъ, попадались «жемчужины» и крупной величины, по красотѣ и молодости. Тогда «сагатіо», какъ называлось подбрасываніе на плащъ, превращалось въ настоящее похищеніе и «жемчужину» отсылали въ Палатинъ или въ какую нибудь виллу цезаря, или Неронъ уступалъ ее какому нибудь изъ своихъ товарищей. Такъ могло случиться и съ Лигіей. Вѣдь цезарь смотрѣлъ на нее въ изумрудъ на своемъ пиру, значитъ видѣлъ ее и Виницій не сомнѣвался, что она могла показаться ему красивѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Да иначе и не могло быть! Конечно, цезарь могъ открыто задержать ее, такъ какъ она была во дворцѣ; но, какъ говорилъ Петроній, будучи порядочнымъ трусомъ, то предпочиталъ дѣйствовать тайно, изподтишка. Кромѣ того, теперь онъ могъ стѣсняться Пoppеи. Наконецъ ему пришло въ голову, что вѣдь и Плавтія не посмѣютъ похитить дѣвушки, подаренной ему самимъ цезаремъ!.. Да и кто посмѣетъ? Можетъ быть, тотъ гигантъ съ голубыми глазами, который дерзнулъ войти въ триklinій и унести ее изъ подъ его носа? Но куда онъ можетъ спрятать ее и куда отвести? Нѣтъ! Неволникъ этого не сдѣлаетъ и ее навѣрное похитилъ цезарь.

При этой мысли, въ глазахъ Марка потемнѣло и на лбу выступилъ потъ: онъ считалъ Лигію потерянной для него навсегда. Онъ могъ-бы отнять ее, отъ всѣхъ другихъ только не отъ Нерона, въ объятяхъ котораго она была, какъ онъ представлялъ себѣ. Первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ, что бываютъ такія минуты, которыхъ человекъ не въ силахъ перенести. И какъ у утопающаго мелькаетъ вся его прошлая жизнь, такъ у него замелькали мысли о Лигіѣ; онъ видѣлъ ее и слышалъ каждое ея слово; видѣлъ ее у Плавтіевъ, видѣлъ у фонтана и наконецъ на пиру; чувствовалъ близость ея тѣла, запахъ волосъ и ощущалъ на губахъ тѣ поцѣлуи, которыми онъ насильно награждалъ ее. Теперь она казалась ему во сто разъ красивѣе, желаннѣе и сладостнѣе среди всѣхъ женщинъ въ мірѣ, не исключая богинь. И при мысли о томъ,

что всею тѣмъ, что такъ сильно запало въ его душу и сердце, съ тѣмъ онъ началъ сживаться и тѣмъ, можетъ быть, теперь вла- дѣеть Неронъ, онъ впалъ въ физическій недугъ и ему хотѣлось разбить свою голову объ стѣнки атриума. Онъ былъ увѣренъ, что съума сойдетъ и, быть можетъ, сошелъ-бы, еслибъ мысль о мщеніи не спасла его, и какъ прежде ему казалось, что онъ не можетъ жить безъ нея, такъ теперь—умереть, не отомстивъ. И эта мысль, отчасти, облегчала его: «Такъ буду же твоимъ Кассіемъ Хереємъ!» воскликнулъ онъ, подумавъ о Неронѣ, и, схвативъ земли изъ горшка цвѣтовъ, которыми украшенъ былъ имплювій ¹²⁵), онъ совершилъ страшную клятву Еребу, Гекатѣ ¹²⁶) и домашнимъ ларамъ, что онъ исполнитъ свою ужасную месть.

Послѣ этого, ему сдѣлалось легче, Теперь у него была цѣль къ жизни и онъ приказалъ отнести себя въ Палатинъ. По дорогѣ онъ думалъ, что если его недопустятъ къ цезарю или стануть обыскивать, нѣтъ-ли при немъ оружія, то это докажетъ, что Лигію похитилъ цезарь. Но онъ не взялъ съ собою оружія. Да и вообще онъ растерялся, какъ это бываетъ съ людьми, мысли которыхъ сосредоточиваются на мести. Онъ не хотѣлъ, свершить ее несвое- временно, а потому рѣшилъ, прежде всего, увидѣться съ Актеей, съ цѣлью узнать хоть что нибудь отъ нея. По временамъ, онъ обнадѣживалъ себя, что, быть можетъ, онъ увидитъ тамъ и Лигію и, при этой мысли, дрожь пробѣгала по его тѣлу. А, ну, какъ цезарь, похищая ее, не зналъ кого похищаетъ и сегодня-же возвра- тить ее ему? Но это была неудачная мысль. Еслибъ онъ пожелалъ отдать Лигію, то еще вчера отослалъ-бы ее. Одна Актея могла все объяснить ему и слѣдовательно онъ долженъ видѣть ее.

Виницій приказалъ невольникамъ поспѣшить, думая попеременно то о Лигіи, то о мести. Онъ слыхалъ, что жрецы египетской бо- гини Парты умѣютъ портить людей, накликавъ на нихъ разныя болѣзни, и задумалъ побывать у нихъ и посовѣтоваться; затѣмъ, будучи на Востокѣ, ему говорили, что іудеи знаютъ какой-то секретъ заклинаній, съ помощью которыхъ насылаютъ вередъ на тѣла своихъ враговъ. А такъ какъ между его невольниками было нѣсколько евреевъ, то онъ рѣшилъ, вернувшись домой, сѣчь ихъ догуда, пока они не выдадутъ ему этого секрета. Но больше всего ему понравилась мысль о коротенькомъ римскомъ ножѣ, посредствомъ котораго легче всего было выпустить цѣлые ручьи крови, какъ ее

выпустили изъ Кайя Калигулы, слѣды которой по сіе время не стерлись съ мраморныхъ колоннъ портика. Теперь онъ былъ готовъ перебить весь Римъ, и еслибъ ему обѣщали какіе-нибудь мстительные боги, что всѣ люди перемрутъ, за исключеніемъ его и Лигія, то онъ навѣрное согласился-бы и на это.

Только у воротъ цезарскаго дворца Маркъ пришелъ въ себя. При видѣ преторіанской стражи, онъ опять подумалъ, что если солдаты окажутъ ему какое-нибудь затрудненіе и не позволятъ пройти во дворецъ, то это значить, что Лигія во власти цезаря. Но старшій центуріонъ привѣтливо улыбнулся ему и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу.

— Привѣтъ тебѣ, благородный трибунъ, сказалъ онъ: — Если ты пришелъ представиться цезарю, то избралъ неудачную минуту и едва ли удостоишься чести увидѣть его.

— Да что случилось? спросилъ Маркъ.

— Маленькая августа захворала со вчерашняго дня. Цезарь и августа Поппея не отходятъ отъ нея и эскулапы всего Рима присутствуютъ здѣсь.

Да, это была важная причина. Когда у цезаря родилась дочь, то онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости и принялъ ее «*ex tunc humanum gaudium*». Да и передъ тѣмъ еще сенатъ, торжественнѣйшимъ образомъ, поручилъ богамъ пещись о здоровьи и благополучномъ разрѣшеніи Поппеи и совершалъ имъ жертвоприношенія; а для большаго успѣха и благополучія роженицу отправили въ Антію, и когда все кончилось благополучно, въ честь августы были устроены торжества и воздвигнуты храмы двумъ Фортунамъ¹²⁷). Неронъ, не зная ни въ чемъ отказа, безгранично полюбилъ и ребенка. Поппея тоже дорожила имъ хоть бы потому, что малютка укрѣпляла ея положеніе, связывала ее съ Нерономъ и дѣлала ее вліятельной. Слѣдовательно, отъ здравія и жизни зависѣла судьба всей Имперіи. Но Виницій настолько былъ занятъ самимъ собою, что даже не обратилъ вниманія на слова центуріона и небрежно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я хочу видѣть Актею.

И онъ прошелъ.

Но Актея тоже была при ребенкѣ и онъ долго ожидалъ ее. Наконецъ, около полудня она вернулась въ свое помѣщеніе, блѣдная и измученная. При видѣ Виниція, она еще больше поблѣднѣла.

— Актея! воскликнулъ Маркъ, хватая ея за руку и выводя на середину атриума,—гдѣ Лигія?

— Я сама хотѣла спросить тебя о томъ, отвѣтила она съ упрекомъ.

Хотя Виницій рѣшилъ быть хладнокровнымъ и спокойно разспросить ее, но не выдержалъ.

— Нѣтъ ее! воскликнулъ онъ хватаясь за голову съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.—Ее похитили въ дорогѣ!

Однако, онъ скоро опомнился и, приблизивъ свое лицо къ лицу Актея, заговорилъ сквозь зубы:

— Если тебѣ жизнь не надоѣла и если ты не хочешь быть причиной несчастій, которыхъ не сумѣешь ни предотвратить, ни даже представить себѣ, то скажи мнѣ правду: не цезарь-ли отбилъ ее у меня?..

— Цезарь не выходилъ вчера изъ дворца.

— Поклянись тѣнью твоей матери и всѣми богами! нѣтъ-ли ее во дворцѣ?

— Клянусь тѣнью моей матери, Маркъ, ее нѣтъ во дворцѣ и не цезарь похитилъ ее. Вчера заболѣла маленькая августа и Неронъ все время не отходилъ отъ ея колыбели.

Виницій вздохнулъ свободнѣе: поасность, грозившая ему, миновала.

— Значить, продолжалъ онъ,—ее похитили Плавтій, и горе имъ!..

— Авлій Плавтій тоже приходилъ ко мнѣ сегодня утромъ, но не могъ видѣться со мною, потому что я была при ребенкѣ. Но онъ разспрашивалъ о Лигіи Епафродита и другихъ изъ цезарскихъ слугъ и потомъ обѣщалъ еще разъ прийти повидаться со мною.

— Ну, конечно!.. Надо-же предотвратить подозрѣнія. Еслибъ онъ не зналъ, что случилось съ Лигіей, то навѣрное пришелъ бы ко мнѣ.

— Онъ оставилъ мнѣ нѣсколько словъ на таблеткѣ¹²⁸), изъ которыхъ видно, что молодая дѣвушка, согласно твоему и Петроніеву желанію, будетъ отослана къ тебѣ. Но въ твоёмъ домѣ ему рассказали, что случилось.

Съ этими словами она ушла въ кубикюлюмъ и тотчасъ вернулась съ таблеткой, которую оставилъ ей Авлій.

Виницій прочиталъ и умолкъ. Между тѣмъ, Актея какъ будто читала на его лицѣ.

— Нѣтъ, Маркъ, сказала она подумавъ, — все это случилось по собственной волѣ Лигіи.

— Такъ ты знала, что она хотѣла бѣжать? воскликнулъ Маркъ.

— Я только знала, что она не хотѣла быть твоей наложницей, отвѣтила Актея, сухо взглянувъ на Марка своими тусклыми глазами.

— Да ты чѣмъ была всю жизнь?

— До этого я была невольницей!

Виницій быстро овладѣлъ собою: разъ ему цезарь подарилъ Лигію, то ему не было надобности спрашивать, чѣмъ она была передъ тѣмъ. Онъ найдетъ ее хоть подъ землею и сдѣластъ изъ нея все, что ему понравится. Да, она будетъ его наложницей и онъ прикажетъ ее сѣчь, сколько ему угодно, и наконецъ, когда она надоѣтъ ему, онъ отдастъ ее самому послѣднему изъ своихъ невольниковъ или отошлетъ въ свои владѣнія въ Африкѣ и заставитъ вертѣть жернова. Теперь онъ непремѣнно разыщетъ ее ради того, чтобы унижить ее, покорить и уничтожить.

И, возбуждая самого себя, онъ терялъ всякое самооблажаніе до такой степени, что даже Актея усомнилась въ томъ, чтобы онъ былъ способенъ сдержать все то, что говорилъ, потому что въ немъ бушевали только гнѣвъ и отчаяніе. Еслибъ она видѣла въ немъ страданіе, то и сама отнеслась бы къ нему съ сочувствіемъ, но, видя его въ припадкѣ злой невѣряемости, она вышла изъ терпѣнія и спросила: зачѣмъ онъ пришелъ?

Виницій не нашелся отвѣтить: пришелъ, потому что такъ хотѣлъ, потому что ему нужно было узнать о Лигіи, что онъ шелькъ цезарю и, не имѣя возможности видѣть его, зашелъ и къ ней.

— Такъ какъ Лигія самовольно бѣжала изъ дворца цезаря, а слѣдовательно нарушила его волю, то я хотѣлъ просить его розыскать ее, хоть бы для этого пришлось перетрясти не только городъ, но и все государство. Петроній поддержитъ мою просьбу и поиски начнутся съ сегодняшняго же дня.

— Берегись, Маркъ, чтобы ты, если она будетъ найдена по приказу цезаря, — не лишился ее навсегда, замѣтила ему Актея.

Виницій нахмурилъ брови.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Да вотъ что, Маркъ! Вчера я съ Лигіей была въ дворцовомъ саду и мы встрѣтились тамъ съ Поппей и ея ребенкомъ,

Quo vadis?

котораго несла на рукахъ арабка Лили. Вечеромъ дѣвочка заболѣла и Лили утверждаетъ, что ее навѣрное сглазила та иностранка, съ которой онѣ встрѣтились въ саду. Конечно, если дѣвочка поправится, то все забудется; въ противномъ случаѣ, первая Поппея обвинить Лигію въ колдовствѣ и тогда, гдѣ бы ее не отыскали, ее не пощаждать и для нея не будетъ никакого спасенія.

Настало минутное молчаніе.

— А можетъ быть и сглазила, замѣтилъ онъ,—и меня тоже сглазила.

— Лили говоритъ, что ребенокъ тотчасъ заплакалъ, какъ онѣ прошли мимо насъ. И дѣйствительно онъ заплакалъ. Но вѣроятноѣ всего, его ужъ вынесли больнымъ въ садъ... А потому, совѣтую тебѣ Маркъ: ищи ее самъ гдѣ хочешь, но пока маленькая августа не выздоровѣетъ—не говори о ней съ цезаремъ. Иначе, ты навлечешь на нея месть Поппеи. И то ужъ она много плакала изъ-за тебя и да сохранять и спасуть ея бѣдную голову всѣ боги.

— Ты полюбила ее, Актея? мрачно спросилъ Виницій.

— Да, полюбила, отвѣтила отпущенница со слезами на глазахъ.

— И разумѣется, она не отплатила тебѣ такую ненавистью, какъ мнѣ.

Актея взглянула на него, точно желая убѣдиться, искренно-ли онъ говоритъ это, и затѣмъ прибавила:

— Ахъ, ты запальчивый безумецъ!.. да вѣдь она любила тебя!..

Виницій вскочилъ.

«Неправда! подумалъ онъ:—она ненавидѣла его. Да и откуда Актея узнала о томъ? Не могла жѣ Лигія, въ такой короткій промежутокъ времени ихъ знакомства, открыть ей свою думу!.. Какая это любовь, если она предпочитаетъ скитальческую жизнь, позорную бѣдность, нужду, а можетъ быть и смерть—украшенному зеленью дому, въ которомъ ее ждетъ съ нетерпѣніемъ возлюбленный!.. Нѣтъ, лучше, ужъ пусть мнѣ не говорятъ о томъ, иначе я съума сойду!.. Да я не отдалъ-бы этой дѣвушки за всѣ богатства Нероноваго дворца, а она, вдругъ, бѣжать! Какая же это любовь, если она боится, избѣгаетъ удовольствій и внушаетъ страданія себѣ и другимъ? Кто пойметъ ее? Еслибъ не надежда, что мнѣ удастся разыскать ее, то я, не колеблясь, вонзилъ-бы въ себя мечъ! Любовь отдается, а не отнимается! Были минуты въ домѣ Авлія, когда я

вѣрилъ въ близкое счастье, но теперь я увѣренъ, что она ненавидитъ меня и умретъ съ этою ненавистью въ сердцѣ».

Въ свою очередь, и Актея, всегда смиренная и ласковая, возмущалась. «Такъ-ли онъ долженъ начать свои ухаживанья за нею?.. Въмѣсто того, чтобы обратиться къ Помпоніи и Авлію и попросить ихъ, онъ обманнымъ образомъ похищаетъ ее у родителей и хочетъ сдѣлать ее своей наложницей! ее, воспитанницу благородной семьи; ее, королевскую дочь! Мало того, онъ вводитъ ее въ домъ позора и разврата; опорочиваетъ ея цѣломудренныя глаза видомъ развратнаго торжества и самъ поступаетъ съ нею, какъ съ развратницей. Неужели онъ забылъ, какая семья Платія, и кто такая Помпонія Гречина? Неужели у него нѣтъ столько ума и конятей, что онъ женщины другаго міра, нѣсколько не похожія на Нигиду, Кальвію Криспиниллу, Поппею и всѣхъ другихъ, встрѣчающихся у цезаря? Наконецъ, онъ долженъ былъ понять, что эта безпорочная дѣвушка предпочтетъ смерть позору! Почему онъ знаетъ, какихъ боговъ исповѣдуетъ она и не чище-ли они и не лучше-ли, чѣмъ развратныя Венера или Изида, которыхъ чтутъ распутныя римлянки?.. Нѣтъ! Лигія не открывала ей своего сердца; но говорила о томъ, что она ждетъ помощи Виниція, надѣясь на него, что онъ выхлопочетъ ей у цезаря позволеніе вернуться домой, а говоря это, она краснѣла какъ влюбленная дѣвушка, довѣряющая мужчинѣ. Значитъ, ея сердце билось для него, но онъ самъ испугалъ ее, оскорбилъ, возмутилъ, и пусть теперь онъ ищетъ ее съ помощью цезарскихъ солдатъ; но пусть тоже помнитъ, что если ребенокъ умретъ, то на Лигію обрушится вся бѣда: на нея падетъ подозрѣніе и ея гибель неизбежна»!..

Не смотря на отчаяніе, Виницій заволновался, услышавъ, что Лигія любила его: это извѣстіе потрясло всѣмъ его существомъ и онъ вспомнилъ ее въ саду Авлія, когда она слушала его съ румянцемъ на щекахъ и огонькомъ въ глазахъ. Тогда ему дѣйствительно показалось, что она начинала его любить, и имъ тотчасъ овладѣло пріятное чувство, больше, чѣмъ онъ желалъ. Онъ понималъ, что могъ обладать ею совсѣмъ свободно и, вдобавокъ, по любви; что она, какъ паукъ, могла опрять дверь его жилища, намазать ихъ волчьимъ жпромъ и сѣсть у очага, какъ жена, на овечьемъ рунѣ, по принятому обычаю. Онъ слышалъ-бы изъ собственныхъ устъ ея слова: «Гдѣ ты будешь, Кайемъ, тамъ и я буду Кайею», и всегда

была-бы ею. Зачѣмъ онъ такъ поступилъ? Вѣдь онъ и самъ былъ готовъ, а теперь нѣтъ ее и можетъ быть никогда не найдетъ ее, а если и найдетъ, то можетъ погубить. Да еслибъ онъ и не хотѣлъ погубить, то ужъ ни Авлія, ни Помпонія, ни сама она не пожелаютъ его.

И имъ опять овладѣлъ гнѣвъ, но на этотъ разъ уже на Петронія: онъ былъ всему виноватъ. Еслибъ не онъ, то Лигія не пришлось бы скитаться; она была бы его невѣстой и ей не угрожала бы никакая опасность. А теперь—свершилось и поздно исправлять зло, которое ничѣмъ не исправить.

— Да, поздно!

И ему показалось, что подъ его ногами разверзлась пропасть. Онъ не зналъ ни что предпринять, ни какъ поступить, ни къ кому обратиться. Слово: «поздно» повторила и Актея, и оно показалось ему зловѣщимъ, какимъ-то приговоромъ смерти. Въ данный моментъ, онъ понималъ только одно, что ему надо отыскать Лигію, иначе съ нимъ можетъ случиться нѣчто ужасное.

И, завернувшись машинально въ тогу, онъ хотѣлъ уйти, даже не попрощавшись съ Актеей; но въ этотъ моментъ поднялась портьера, отдѣляющая атриумъ отъ сѣней, и онъ увидѣлъ передъ собою Помпонію Грецину.

Очевидно, и она ужъ знала объ исчезновеніи Лигіи и, будучи увѣренной, что ей будетъ легче увидѣться съ Актеей, чѣмъ Авлію, пришла къ ней за свѣдѣніями.

Увидѣвъ Виниція, она остановилась и, обращаясь къ нему, вся блѣдная, произнесла:

— Да проститъ тебя Богъ, Маркъ Виницій, за ту обиду, которую ты нанесъ намъ и Лигіи.

Маркъ стоялъ съ опущенной головой, съ сознаниемъ своей вины, не понимая, какой Богъ могъ простить его и зачѣмъ она заговорила о прощеніи, а не о мщеніи.

Наконецъ онъ ушелъ съ головой, предсполненной тяжелыми думами, заботъ и изумленія.

На дворѣ и въ галлерей стояли въ безпокойствіи группы людей. Между дворцовыми невольниками видны были военные и сенаторы, явившіеся провѣдать о здоровьѣ маленькой августы, показаться во дворцѣ и выразить свое соболъзнованіе хоть-бы въ присутствіи цезарскихъ невольниковъ. Должно быть, вѣсть о болѣзни «богини»

быстро разнеслась по городу, потому что въ воротахъ появлялись все новыя и новыя лица, а за воротами виднѣлись цѣлыя толпы. Нѣкоторые изъ вновь прибывающихъ, увидѣвъ Виниція выходящимъ изъ дворца, останавливали его и разспрашивали: что слышно? Но онъ, не отвѣчая на ихъ вопросы, проходилъ мимо, пока Петроній, шедшій также во дворецъ, не столкнулся съ нимъ и не остановилъ его на дворѣ.

Еслибъ Виницій, выйдя отъ Актеи, не чувствовалъ себя совсѣмъ изломаннымъ и обезкураженнымъ, то навѣрное вспылить-бы при видѣ Петронія и, быть можетъ, допустилъ-бы себя до какого-нибудь беззаконія во дворцѣ цезаря, но, къ счастью, онъ совсѣмъ былъ разбитъ, а потому посторонился и хотѣлъ пройти мимо; но Петроній насильно остановилъ его.

— Ну, какъ поживаетъ августа? спросилъ онъ.

Но эта насильственная остановка моментально взбѣсила Виниція и онъ прошипѣлъ сквозь зубы:

— Провалитесь вы всѣ вмѣстѣ съ этимъ домомъ!..

— Замолчи, несчастный! остановилъ его Петроній, озираясь кругомъ.—Если ты желаешь узнать что-нибудь о Лигии, то пройди со мною... Нѣтъ! Здѣсь я тебѣ ничего не скажу... Сядемъ въ носилки и тамъ ты узнаешь, что я думаю.

И, взявъ Марка подъ руку, онъ быстро вывелъ его изъ дворцовыхъ зданій.

Петронію только и хотѣлось скорѣй увести его, такъ какъ у него не было никакихъ новостей. Будучи человѣкомъ опытнымъ и, не смотря на вчерашнее возмущеніе, питая къ нему сочувствіе, да, кромѣ того, считая себя нѣкоторымъ образомъ виновникомъ всего случившагося, онъ ужъ рѣшилъ, что предпринять, и когда они сѣли въ паланкинъ, отозвался:

— Я увѣренъ, что ее похитилъ тотъ гигантъ, который унесъ ее во время пира у цезаря, а потому я разослалъ своихъ невольниковъ ко всѣмъ городскимъ воротамъ съ подробнымъ описаніемъ атлета и молодой дѣвушки, и строго приказамъ наблюдать за всѣми проходящими... Выслушай меня! Можетъ быть, Авлій рѣшится спрятать ее въ какой-нибудь изъ своихъ деревень; въ такомъ случаѣ, мы узнаемъ, въ какую сторону ее уведутъ. Если-же ее не замѣтятъ ни въ однихъ воротахъ, то это послужитъ намъ яснымъ доказательствомъ, что она въ городѣ и мы сегодня-же начнемъ поиски.

— Плавтин не знаютъ, гдѣ она, отвѣтилъ Виницій.

— Ты увѣренъ въ томъ?

— Я видѣлъ Помпонію... Она тоже ищетъ ее.

— Но, вѣдь вчера она не могла уйти, потому что все ворота были заперты. У каждыхъ воротъ караулятъ ее по два человѣка. Одинъ пойдетъ за Лигіей, а другой тотчасъ оповѣститъ насъ. Если она въ городѣ, то мы найдемъ ее, потому что этого лигійца легко узнать по росту и плечамъ. Счастье твое, что ее похитилъ не цезарь; а что—не онъ, въ этомъ я увѣренъ, такъ какъ во дворцѣ отъ меня нѣтъ тайнъ.

Виницій разразился скорѣе жалобами, чѣмъ гнѣвомъ и взволнованнымъ голосомъ началъ рассказывать Петронію, что слышалъ отъ Актеи и какая опасность повисла надъ головою Лигіи. А эта опасность дѣйствительно была велика, и если имъ удастся отыскать бѣглецовъ, то ихъ придется скрывать отъ Поппеи... Послѣ этого, Маркъ упрекнулъ Петронію за его совѣты. Если-бъ не онъ, то все пошло-бы иначе: Лигія была-бы у Плавтіевъ, онъ могъ-бы видѣть ее каждый день и чувствовать себя счастливѣе цезаря!.. И, по мѣрѣ своихъ сожалѣній и упрековъ, онъ до того разочувствовался, что слезы озлобленія и жалости покатались по его щекамъ.

Петроній, не ожидавшій, чтобы молодой человѣкъ былъ такъ влюбленъ, посмотрѣлъ на эти слезы отчаянія и невольно подумалъ:

«О, могущественная богиня Кипра!.. Очевидно, ты одна царствуешь надъ богами и людьми!»

II.

Выходя изъ носилокъ передъ домою Петронію, ихъ встрѣтилъ завѣдующій атриумомъ, который объяснилъ господину, что ни одинъ изъ невольниковъ, посланныхъ къ воротамъ еще не вернулся домой. *Atriensis*¹²⁹) приказалъ отнести имъ пищу и повтореніе приказа, чтобы они, подъ опасеніемъ наказанія, строго наблюдали за каждымъ выходящимъ изъ города.

— Видишь, сказалъ Петроній.— Несомнѣнно, она въ городѣ и, въ такомъ случаѣ, мы ихъ разыщемъ. Однако, и ты прикажи своимъ людямъ, которые ходили за Лигіей, стать у воротъ, такъ какъ они легко узнаютъ обоихъ.

— Я ужъ приказалъ отослать ихъ въ Эргастулы, отвѣтилъ

Виницій; — но я сейчас отмѣню свое приказаніе и пошлю ихъ къ воротамъ.

И Маркъ, начертивъ нѣсколько словъ на дощечкѣ, покрытой воскомъ, и отдалъ ее Петронію, чтобы онъ поручилъ кому нибудь изъ своихъ рабовъ отнести ее къ нему на домъ.

Затѣмъ, они перешли во внутренней портикъ и, сѣвъ тамъ на мраморной скамейкѣ, начали бесѣдовать. Свѣтловолосая Евника и Ира пододвинули имъ подъ ноги бронзовыя скамеечки, а затѣмъ, поставивъ къ скамьѣ столикъ, налили имъ вина въ чаши изъ чудесныхъ узкогорлыхъ сосудовъ, выписанныхъ изъ Вольтерра и Кесина.

— Не знаетъ ли кто нибудь изъ твоихъ невольниковъ этого атлета-лигійца? спросилъ Петроній.

— Его знали Атициній и Гуля. Но первый палъ жертвою у носилокъ, а второго — я убилъ.

— Жаль мнѣ послѣдняго!.. Вѣдь онъ носилъ на рукахъ не только тебя, но и меня.

— Да, я хотѣлъ даже освободить его... Но, не стоитъ говорить о томъ... Лучше поговоримъ о Лигіи... Римъ — это море...

— Именно, хорошій жемчугъ и ловится въ морѣ... Можетъ быть мы и не поймаетъ этой жемчужины ни сегодня, ни завтра, но все-таки, когда нибудь, непременно найдемъ... Ты упрекаешь меня, что я далъ плохой совѣтъ; но совѣтъ этотъ, самъ по себѣ, былъ хорошій, а ужъ самъ собою превратился въ дурной, когда все пошло наоборотъ. Вѣдь ты самъ слышалъ, что Авлій намѣревался переѣхать въ Сицилію и, такимъ образомъ, дѣвушка очутилась бы далеко отъ тебя.

— Да я бы поѣхалъ за ней и, во всякомъ случаѣ, она была бы внѣ опасности; а теперь, если этотъ ребенокъ умретъ, то Пoppея и сама повѣритъ, что Лигія сглазила его, и цезаря уговорить.

— Да, это и меня безпокоитъ. Но, быть можетъ, эта кукла еще выздоровѣетъ; а если и умретъ, то и тогда найдемъ какое нибудь средство вывернуться изъ бѣды.

Причемъ Петроній призадумался и, помолчавъ, прибавилъ:

— Кажется, Poppея жидовка и вѣруетъ въ нечистую силу и духовъ... Цезарь тоже суевѣренъ... И если мы распустимъ слухъ, что Лигію похитили духи, то намъ повѣрятъ тѣмъ больше, что ее не похитили ни цезарь, ни Плавтій и она исчезла какъ-то дѣйствительно таинственно. Не могъ же этотъ лигіецъ справиться одинъ.

Значить, у него была помощь, а откуда невольникъ могъ собрать столько народа въ теченіе одного дня?

— Да вѣдь невольники поддерживаютъ другъ друга во всемъ Римѣ.

— Который за это когда нибудь заплатитъ кровью. Да, поддерживаютъ, но не идутъ одинъ противъ другого, а здѣсь известно, что тѣмъ и другимъ придется отвѣчать обоюдно и что обѣ стороны будутъ наказаны... Если только подать мысль о злыхъ духахъ, то ее сейчасъ подхватятъ и подтвердятъ, что видѣли ихъ собственными глазами, и это ихъ сразу оправдастъ въ твоихъ глазахъ... Попробуй спросить кого нибудь изъ твоихъ, не видалъ ли кто, какъ духи уносили Лигію и, клянусь Зевсомъ, каждый невольникъ тотчасъ поклянется, что видѣлъ.

Виницій, будучи тоже суевѣрнымъ, посмотрѣлъ на Петронія съ большимъ безпокойствомъ.

— Если Урсъ самъ не могъ ее похитить безъ посторонней помощи, то кто же ее похитилъ? спросилъ онъ.

Петроній расхохотался.

— Ну, вотъ видишь! сказалъ послѣдній, — всѣ повѣрятъ, если даже ты и то ужъ почти повѣрилъ. Таковъ ужъ нашъ свѣтъ, который любить пошутить надъ богами... А разъ повѣрятъ, то и не будутъ искать, а мы тѣмъ временемъ помѣстимъ ее гдѣ нибудь подальше отъ города, въ твоей или моей виллѣ.

— Однако, кто же ему помочь?

— Ея единовѣрцы!

— Какіе? Въ кого она вѣруетъ? Кажется, я долженъ знать это лучше тебя!

— Да въ Римѣ почти каждая женщина исповѣдуетъ иную вѣру. Несомнѣнно, Помпонія воспитала ее въ религіи того божества, въ которое и сама вѣруетъ; но въ кого она вѣруетъ—этого не могу сказать. Одно могу замѣтить, что она ни въ одномъ изъ нашихъ храмовъ не совершаетъ жертвоприношеній нашимъ богамъ. Однажды ее обвиняли въ принадлежности къ христіанству, но это ложь и домашній судъ, установленный надъ нею, оправдалъ ее. Что касается христіанъ, то о нихъ говорятъ, что они не только почитаютъ ослиную голову, но и являются врагами рода человѣческаго и позволяютъ себѣ совершать самыя позорныя злодѣйства. А если это такъ, то Помпонія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть христіанкой, такъ

какъ ея честность ужь всёмъ извѣстна. Кромѣ того, еслибъ она была врагомъ человѣчества, то не поступала бы такъ мягко и добросовѣстно съ своими невольниками, какъ она поступаетъ.

— Да, ни въ одномъ домѣ не поступаютъ съ ними такъ хорошо и мягко, какъ въ семьѣ Авлія.

— Ну, вотъ видишь! Помпонія вспомнила мнѣ только объ одномъ какомъ-то Богѣ, Который всемогущъ и милосердъ: а куда она похоронила всѣхъ остальныхъ—это сядѣло: довольно того, что еслибъ ея Логось, не былъ всемогущимъ, а какимъ-нибудь ничтожнымъ божкомъ, у котораго только двѣ поклонницы: она да Лигія, съ прибавкою невольника послѣдней — Урса, то и сядѣла была бы ничтожна; но, очевидно ихъ больше и они то пришли на помощь Лигіи.

— Ихъ вѣра—всепрощающая. Я встрѣтилъ Помпонію у Актея. Увидѣвъ меня, она только сказала: «да простить тебя Богъ за ту обиду, которую ты нанесъ намъ и Лигіи».

— Должно быть, ихъ Богъ очень покладливый, милосердный и всепрощающій!.. Въ такомъ случаѣ, пусть и тебя проститъ и, въ знакъ этого прощенія, пусть возвратитъ тебѣ Лигію.

— За это я, завтра-же, принесъ Ему въ жертву гекатомбу¹⁸⁰). Изъ-за нея, я лишился сна, купанья и аппетита... Сейчасъ одѣну черную лацерну¹⁸¹) и пойду шляться по городу... Быть можетъ, встрѣчусь съ нею... Я совсѣмъ боленъ!

Петроній взглянулъ на него съ участіемъ. Дѣйствительно у него посинѣло подъ глазами и въ самыхъ зрачкахъ горѣлъ лихорадочный огонь; небритая заросль на его щекахъ оттѣняла его крупныя черты лица и волосы были въ беспорядкѣ, такъ что онъ на самомъ дѣлѣ казался больнымъ. Ира и бѣлокурая Евника смотрѣли на него съ сочувствіемъ, но оба потриція не обращали на нихъ вниманія, какъ на собакъ, которыя стали-бы ластиться къ нимъ...

— Тебя лихорадитъ? спросилъ Петроній.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, послушай меня... Я не знаю, чтобы мнѣ прописать врачъ, но могу сказать, какъ-бы я поступилъ, будучи на твоемъ мѣстѣ. Я-бы, прежде всего, пока отыскалъ ту, поискалъ бы другую и удовлетворилъ свою прихоть... Я видѣлъ въ твоей виллѣ не мало прекрасныхъ тѣлъ. Не прекословь... Я знаю, что значить любовь: если любишь одну, то другая не можетъ замѣнить ее... Но

вѣдь и въ красивой невольницѣ можно найти нѣкоторое удовольствіе и хоть временное развлеченіе...

— Не хочу! отвѣтилъ Виницій.

Петроній, который имѣлъ къ нему большую слабость и хотѣлъ облегчить его страданія, немного призадумался, а затѣмъ продолжалъ:

— Быть можетъ, твои невольницы присмотрѣлись тебѣ? Такъ посмотри на эту хариту!

Причемъ онъ посмотрѣлъ на двухъ, стоявшихъ здѣсь, невольницъ и наконецъ положилъ свою руку на бедро свѣтловолосой гречанки Евники.

— Нѣсколько дней тому назадъ, прибавилъ онъ, — младшій Фонтей Капитонъ¹³²) давалъ мнѣ за нее трехъ чудныхъ мальчиковъ изъ Клазомены, потому что лучшаго и красивѣйшаго тѣла не могъ-бы создать и самъ Скопа¹³³). Я и самъ не знаю, почему я до сихъ поръ остался къ ней равнодушнымъ... Конечно, не Хризотема останавливала меня!.. Такъ вотъ, если хочешь, я подарю ее тебѣ:—возьми ее.

Слыша это, Евника моментально поблѣднѣла и, смотря на Виниція испуганными глазами ждала съ затаеннымъ дыханіемъ, что онъ отвѣтитъ.

Послѣдній вскочилъ, сжалъ виски и заговорилъ, какъ человекъ, котораго измучила болѣзнь и который ни о чемъ слушать не хотѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ:—Ни она и никакая другая не нужны мнѣ!.. Спасибо, но я не хочу!.. Сейчасъ пойду искать ту... Прикажи подать мнѣ галльскую люцерну съ кашпономъ!.. Пойду за Тибръ... Ахъ, хоть бы мнѣ Урса удалось увидѣть!..

И онъ быстро ушелъ. Петроній, видя, что его ничѣмъ не удержишь, и не останавливалъ. Однако, принимая отказъ Виниція отъ Евники за временное нерасположеніе ко всѣмъ вообще женщинамъ, которыя не были Лигіей, и не желая, чтобы его великодушіе было отвергнуто, онъ обратился къ свѣтловолосой рабынѣ и сказалъ:

— Евника! выкупайся, умались, одѣнься и ступай къ Виницію.

Но Евника упала передъ нимъ на колѣни и, сложивъ руки, начала умолять его не отдавать ее Марку.

— Ни за что не пойду къ Виницію! воскликнула она:—лучше я стану носить дрова въ гипокаусты, чѣмъ буду у него первой изъ его слугъ! Я не хочу!.. Не могу!.. Умоляю, смилуйся надо мною!.. Прикажи съчъ каждый день, только не удаляй меня изъ своего дома.

И, дрожа какъ листъ, она протягивала къ нему сложенные руки. Петроній изумился. Невольница, осмѣливающаяся отказываться отъ исполненія приказаній и говорящая, что она «не хочетъ и не можетъ»,—это было нѣчто необыкновенное и не слыханное въ Римѣ, такъ что онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Наконецъ, онъ нахмурился; онъ былъ на столько изысканъ, что не могъ быть въ то же время жестокъ. Онъ позволялъ своимъ невольникамъ все, не исключая разврата, и у него можно было позволять себѣ больше, чѣмъ у другихъ, которые ставили въ условіе, чтобы они считали волю своихъ господъ наравнѣ съ волей боговъ, и хотъ наружно исполняли ее. Однако, въ случаяхъ отказа отъ этихъ обязанностей, и онъ умѣлъ наказывать ихъ по общепринятому обычаю. Кромѣ того, онъ не переносилъ сопротивленія и всего того, что мѣшало его спокойствію. Въ виду этого, онъ посмотрѣлъ на невольницу, ползавшую на колѣняхъ у его ногъ, и сказалъ:

— Позови ко мнѣ Теврезія и вернись сюда вмѣстѣ съ нимъ.

Евника встала и, вся дрожа, ушла, а затѣмъ вернулась съ зрителемъ атріума Теврезіемъ.

— Возьми Евнику, сказалъ Петроній, — и дай ей двадцать пять ударовъ... только не испорти кожи.

Сказавъ это, онъ ушелъ въ бібліотечку и, сѣвъ за столъ изъ розоваго мрамора, началъ писать свое сочиненіе: «Пиръ Трималхіона».

Но бѣгство Лигіи и болѣзнь Нероноваго ребенка разсѣивали его мысли и онъ не могъ сосредоточиться. Болѣзнь августѣйшей дѣвочки являлась исключительной, такъ что Петроній призадумался. Ему пришло въ голову, что если цезарь повѣритъ въ колдовство Лигіи, то часть отвѣтственности можетъ лечь и на него, потому что по его просьбѣ привели эту дѣвушку во дворецъ. Однако, онъ рассчитывалъ, что при первомъ же свиданіи съ цезаремъ, онъ стумбѣтъ представить ему всю несостоятельность подобнаго подозрѣнія. Кромѣ того, онъ рассчитывалъ и на слабость Поппеи, которую она питала къ нему хотъ и скрытно, но такъ, что онъ легко угадывалъ ее. Посидѣвъ и подумавъ, Петроній пожалъ плечами и пошелъ въ триклинній позавтракать, а потомъ приказалъ отнести себя еще разъ во дворецъ, затѣмъ на Марсово поле и, наконецъ, въ Хризотемѣ.

Проходя изъ бібліотеки въ триклинній онъ замѣтилъ у входа въ корридоръ, предназначенный для слугъ, у самой стѣны Евнику

и забыть, что онъ не сдѣлалъ другаго распоряженія, какъ только высѣчь ее, нахмурился и началъ искать взглядомъ Теврезія. Однако, не видя его, онъ обратился къ невольницѣ:

— Ну, получила удары? спросилъ онъ.

Евника упала на колѣни и прижала къ своимъ губамъ край его тоги.

— О, благодарю, господинъ, сказала она,—получила!

И голосъ ея звучалъ благодарною радостью. Очевидно, она думала, что это наказаніе назначено взамѣнъ отдачи ее Винницю и что теперь она можетъ остаться дома. Но Петроній, понявшій ее, удивился упрямству невольницы и рѣшилъ, какъ знатокъ человѣческой природы, что только одна любовь могла вызвать въ ней это сопротивленіе.

— У тебя есть любовникъ въ домѣ? спросилъ онъ.

— Да, господинъ!.. отвѣтила она, впиваясь въ него своими голубыми глазами, преисполненными слезами, такъ тихо, что едва онъ слышалъ.

И съ этими глазами, въ которыхъ выражались страхъ и надежда, и закинутыми назадъ роскошными волосами, она была такъ хороша и смотрѣла на него такъ умирительно и умоляюще, что Петроній, который, какъ философъ, поощрялъ могущество любви и, какъ эстетикъ, почиталъ красоту, не могъ не проявить къ ней своего сожалѣнія.

— Кто же изъ нихъ твой возлюбленный? спросилъ онъ, указывая головою на невольниковъ.

Но на этотъ вопросъ онъ не получилъ отвѣта: Евника только нагнулась къ его стопамъ и такъ осталась неподвижно.

Петроній взглянулъ на невольниковъ, между которыми были статные и красивые молодые люди, но ни на одномъ лицѣ онъ не могъ прочесть, кто изъ нихъ былъ ея любимцемъ; напротивъ, всѣ, какъ то странно улыбались. Благодаря этому, онъ посмотрѣлъ еще разъ на лежащую у его ногъ гречанку и молча удалился въ триклиній.

— Позавтракавъ, онъ велѣлъ отнести себя во дворецъ и потомъ къ Хризотемѣ, у которой пробылъ до поздней ночи. Однако, вернувшись домой, онъ позвалъ къ себѣ Теврезія.

— Евника наказана? спросилъ онъ.

— Твое приказаніе исполнено, господинъ, и кожа невольницы не просѣчена.

— Не отдавалъ ли я какихъ нибудь другихъ приказаній относительно нея?

— Нѣтъ... отвѣтилъ съ безпокойствомъ «атріенсисъ».

— Хорошо. Кто изъ невольниковъ ея любовникъ?

— Никто, господинъ.

— Что ты знаешь о ней?

— Евника никогда не оставляетъ кубикюлма, — началъ онъ неувѣренно, — въ которомъ она спитъ съ Акризіей и Ифидой и, къ тому же, никогда не остается послѣ твоей ванны въ банѣ... Другія же невольницы смѣются надъ ней и называютъ ее Діаной.

— Довольно!.. сказалъ Петроній. — Такъ какъ мой родственникъ Виницій, которому я сегодня подарилъ Евнику, не принялъ ее, то и пусть остается дома. Можешь уйти.

— Позвольте мнѣ еще сказать что нибудь?

— Я ужъ приказалъ тебѣ сказать все, что ты знаешь!

— Вся «фамилія» говоритъ о бѣгствѣ дѣвушки, которая должна была поселиться въ домѣ благороднаго Виниція. По твоему уходѣ, Евника пришла ко мнѣ и сказала, что она знаетъ человѣка, который можетъ найти ее.

— А! протянулъ Петроній. — Какой же это человѣкъ?

— Я не знаю его, но я думалъ, что долженъ сказать тебѣ о немъ.

Хорошо. Пусть этотъ человѣкъ завтра ждетъ въ моемъ домѣ прихода трибуна, котораго ты пригласишь отъ моего имени придти ко мнѣ утромъ.

Атріенсисъ поклонился и ушелъ, а Петроній невольно задумался объ Евникѣ. Сначала ему казалось яснымъ, что молодая невольница желаетъ, чтобы Виницій нашелъ свою Лигію, такъ какъ сама не хочетъ занять ея мѣсто, но затѣмъ ему пришло въ голову, что человѣкъ, о которомъ она говорила смотрителю атріума, можетъ быть ея любовникомъ, и эта мысль была неприятна для него. Разумѣется, онъ могъ бы сейчасъ узнать это, позвавъ Евнику; но ужъ было поздно и Петроній чувствовалъ себя утомленнымъ послѣ продолжительнаго посѣщенія Хризотемы и хотѣлъ спать. Однако, уходя въ кубикюлмъ, онъ почему то вспомнилъ, что въ углахъ глазъ Хризотемы онъ замѣтилъ морщинки, а потому подумалъ, что красота ея была больше восхваляема во всемъ Римѣ, чѣмъ она того заслуживала и чѣмъ была въ сущности, и что тотъ же Фонтей

Капитонъ, предлагавшій ему трехъ мальчиковъ за Евнику, хотѣлъ купить ее очень дешево.

III.

На слѣдующее утро, едва Петроній успѣлъ одѣться въ своемъ ункторіумѣ, какъ пришелъ Виницій. Послѣдній ужь зналъ, что никакихъ извѣстій отъ городскихъ воротъ не получено и это обстоятельство, какъ доказательство того, что Лигія находится въ городѣ, не только не утѣшило его, но еще больше обезкуражило, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что лигіецъ увелъ ее изъ города, прежде чѣмъ Петроній успѣлъ разослать своихъ людей къ воротамъ на стражу. Правда, что осенью, когда дни дѣлались короче, ворота зашпирались рано; но ихъ же отпирали по требованью прохожихъ и проѣзжихъ, которыхъ всегда было много. Кромѣ того, за городскія стѣны можно было выйти и другими путями, о которыхъ невольники, намѣревавшіеся бѣжать, прекрасно знали. Въ свою очередь, и Виницій разослалъ своихъ людей какъ къ городскимъ воротамъ, такъ и въ ближайшія селенія и мѣстечки съ объявленіями о бѣжавшей паре, съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ Урса и Лигіи и назначеніемъ награды за поимку ихъ. Однако, было очень сомнительно, чтобы этимъ путемъ онъ достигъ цѣли, такъ какъ мѣстные власти едва-ли могли считать себя вправѣ задерживать лицъ по частному требованію Виниція, не подтвержденному преторомъ. Да на подобныя подтвержденія и не было времени. Съ своей стороны, Маркъ весь вчерашній день искалъ Лигію, въ одеждѣ невольника, по всѣмъ закоулкамъ города, но, рѣшительно, ничего не нашелъ; даже ни малѣйшаго слѣда или указанія. Въ тѣхъ поискахъ, онъ встрѣчалъ людей Авлія и это убѣдило Марка, что Шавтій не знаетъ, гдѣ она и что съ ней случилось.

Когда Теврезій сказалъ ему, что есть такой человекъ, который берется отыскать Лигію, онъ поспѣшилъ къ Петронію, и едва успѣвъ поздороваться съ нимъ, какъ началъ разспрашивать, кто этотъ человекъ и что онъ знаетъ о ней.

— Сейчасъ мы увидимъ его, отвѣтилъ Петроній.—Это знакомый Евники, которая сейчасъ придетъ поправить складки на моей тогѣ, и она намъ объяснитъ.

— Это та, которую ты вчера хотѣлъ подарить мнѣ?

— Да, и отъ которой ты отказался, за что я тебѣ очень благодаренъ, потому что она лучшая изъ дѣвственницъ во всемъ Римѣ.

Вскорѣ вошла хваленая дѣвушка и, взявъ тогу, лежавшую на креслѣ, отдѣланномъ слоновою костью, развернула ее, чтобы набросить на плечи Петронія. Лицо ея было покорное и свѣтлое, а въ глазахъ свѣтилась радость.

Петроній взглянулъ на нее и она, на сей разъ, показалась ему очень красивой, и когда она, набросивъ на него тогу, нагнулась, чтобы выровнять складки, онъ замѣтилъ, что ея руки имѣютъ чудесный цвѣтъ блѣдной розы, а грудь и плечи — точно перламутръ или алебастръ.

— Евника! отозвался онъ, — пришелъ-ли тотъ человѣкъ, о которомъ ты вчера говорила Теврезію?

— Да, онъ здѣсь.

— Какъ его зовутъ?

— Хилонъ Хилонидъ, господинъ.

— Кто онъ такой?

— Лекаръ, мудрецъ и волшебникъ, который умѣетъ предсказывать судьбу человѣка и его будущее.

— А тебѣ онъ предсказалъ что нибудь?

Евника покраснѣла до ушей.

— Да, господинъ.

— Что-же онъ тебѣ предсказалъ?

— Страданіе и радость.

— Ну, ты страдала вчера отъ руки Теврезія, теперь остается прійти радости.

— Она ужъ пришла.

— Какимъ образомъ?

— Я осталась у тебя, господинъ, прошептала она.

Петроній провелъ рукою по ея головѣ.

— Ты сегодня хорошо расправила сборки моей тоги, сказалъ онъ, — и я очень доволенъ тобою.

При этихъ словахъ, глаза Евники засверкали радостными слезами и грудь начала высоко подниматься.

Но Петроній и Виницій ушли въ атриумъ, въ которомъ ихъ ожидалъ Хилонъ Хилонидъ. Увидѣвъ ихъ, онъ низко поклонился. Петроній улыбнулся, вспомнивъ о вчерашнемъ своемъ предположеніи, что это, быть можетъ, любовникъ Евники: человѣкъ, стоявшій пе-

редь нимъ не могъ быть ни чьимъ любовникомъ, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно гадокъ и смѣшонъ. Правда, онъ былъ не старъ, и въ его неопрятной бороде и волосахъ на головѣ только мѣстами проглядывала сѣдина. У него было плоское брюхо и сутуловатая плечи, такъ что онъ казался горбатымъ, а надъ этимъ горбомъ торчала громадная голова, не то съ обезьяньей, не то съ лисьей физиономіей и пронизательными глазами. Его пожелтѣвшее лицо было усыяно прыщами, носъ доказывалъ его любовь къ бутылкѣ, а небрежная одежда, состоявшая изъ темной туники изъ козьей шерсти и такого же дыряваго плаща,—настоящую или притворную бѣдность. При видѣ его, Петронію вспомнился Гомеровскій Терзить, а потому и онъ, отвѣтивъ мановеніемъ руки на его поклонъ, произнесъ:

— Привѣтъ тебѣ, божественный Терзить! какъ поживаютъ твои желваки, которыми тебя наградили подъ Троей Улиссъ, и что онъ тамъ подѣлываетъ въ Елисейскихъ поляхъ?

— Благородный господинъ, отвѣтилъ Хилонъ,—мудрѣйшій изъ умершихъ, Улиссъ, посылаетъ чрезъ меня мудрѣйшему изъ живущихъ Петронію привѣтъ и просьбу покрыть мои желваки новымъ плащомъ.

— Клянусь Гекатой Триморфосъ¹³⁴), воскликнулъ Петроній,—что твой отвѣтъ стоитъ новаго плаща!...

Но ихъ дальнѣйшія остроты прервалъ нетерпѣливый Виницій, который спросилъ Хилона:

— Знаешь ли ты дѣло, за которое берешься?

— Если двѣ «фамиліи» въ двухъ знаменитыхъ домахъ только и говорятъ о томъ, что уже знаетъ половина Рима, то мнѣ не трудно знать это дѣло. Вчера ночью у твоихъ невольниковъ отбили молодую дѣвушку Лигію, воспитанницу Авлія Плавтія, когда они сопровождали ее изъ цезарскаго дворца въ твою «инсулу», и я берусь найти ее въ городѣ: а если она,—что едва-ли возможно,—убѣжала изъ него, то берусь указать, куда именно она бѣжала и гдѣ скрылась, благородный трибунъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Виницій, которому понравился толковый отвѣтъ:—Но какія у тебя есть средства для этого.

— Средства есть у тебя, господинъ, хитро улыбаясь, отвѣтилъ Хилонъ,—а у меня есть умъ и способности.

Въ свою очередь и Петроній улыбнулся: онъ былъ доволенъ побѣдителемъ.

«Да, этот человек может отыскать дѣвушку», подумалъ онъ, — между тѣмъ какъ Виницій сморщилъ свои сросшіея брови и довольно рѣзко сказалъ:

— Несчастный! Если ты обманываешь меня изъ корыстолюбія, то я прикажу побить тебя палками.

— Извини, господинъ, я—философъ, а философы не корыстолюбивы и не жадны къ наживѣ, въ особенности такой щедрой, какую ты обѣщаешь.

— А! ты философъ? отозвался Петрошій.—А Евника сказала мнѣ, что ты лекарь и колдунъ. Какимъ образомъ ты познакомился съ нею?

— Она приходила ко мнѣ за совѣтомъ, такъ какъ слава моя дошла и до ея слуха.

— О чемъ-же она совѣтовалась съ тобою?

— Да о сердечномъ дѣлѣ, господинъ... Хотѣла излѣчиться отъ безвзаимной любви...

— И ты излѣчилъ ее?

— Даже больше!.. Я далъ ей амулетъ, имѣющій притягательную силу, благодаря которому она получила взаимность... На островѣ Кипрѣ, въ Пафосѣ, есть храмъ, въ которомъ сохраняется поясъ Венеры; ну, вотъ, я ей и далъ двѣ ниточки отъ этого пояса, заключенныхъ въ миндальнукъ скорлупу.

— И она хорошо заплатила тебѣ за это?

— За взаимность нельзя ничѣмъ заплатить, кромѣ взаимности; но я человекъ бѣдный и къ тому же лишенный двухъ пальцевъ правой руки, вынужденъ собрать что нибудь на приобрѣтеніе себѣ невольника-писаря, который могъ бы записывать мои мысли и сохранить ихъ въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

— А къ какой ты школѣ принадлежишь, божественный мудрецъ?

— Къ школѣ цыниковъ, потому что хожу въ дырявомъ плащѣ; къ школѣ стойковъ, потому что терпѣливо переношу бѣдность и, наконецъ, къ школѣ перипатетиковъ, потому что не имѣю паланкина и хожу пѣшкомъ отъ погребка къ погребку, а по дорогѣ поучаю тѣхъ, кто заплатитъ за кувшинчикъ вина.

— Ну, и при кувшинѣ превращаешься въ ретора?

— Гераклитъ сказалъ: „все жидкость“, а развѣ вино не жидкость?

— Да вѣдь онъ же сказалъ, что огонь—божество, а это бо-
жество, какъ видно, у тебя на носу.

— Но вѣдь и божественные Діогенъ и Аполлонъ говорили,
что природное свойство—это воздухъ, а чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ
теплѣе онъ создаетъ существа, изъ которыхъ рождаются мудрецы. А
такъ какъ осенью бываетъ холодно, то—ergo! настоящіе мудрецы
должны поддерживать теплую температуру тѣла и согрѣвать себя
виномъ... которое, какъ и самъ ты не отвергнешь, будучи выпит-
нымъ изъ небольшого кувшина, какъ бы оно ни было слабо, будь
то капуйское или телезійское, придастъ тепло и согрѣваетъ брѣнное
человѣческое тѣло.

— Скажи мнѣ, Хилонъ Хилонидъ, гдѣ твое отечество?

— Надъ Понтомъ Евксинскимъ, а происхожу—изъ Месембрии.

— Ты великій человѣкъ, Хилонъ!

— И знаменитый! меланхолически прибавилъ Хилонъ.

Однако эта болтовня надоѣла Виницію. Въ виду той надежды,
какая блеснула ему съ момента его встрѣчи съ мудрецомъ, онъ вос-
пылалъ желаніемъ, чтобы Хилонидъ скорѣе отправился на поиски,
и этотъ пустой разговоръ казался ему напрасной тратой времени.

— Когда начнешь свои поиски? спросилъ онъ, прерывая ихъ
разговоръ.

— Я ужъ началъ, отвѣтилъ Хилонъ,—и въ настоящій моментъ,
отвѣчая на твой любезный вопросъ—тоже ищу. Только довѣрься
мнѣ, честнѣйшій трибунъ, и знай, что еслибъ у тебя пропала за-
вязка отъ твоего башмака, то и ту я съумѣю найти или указать,
кто ее поднять.

— Ты ужъ исполнялъ подобныя порученія? спросилъ Петроній.
Грекъ возвелъ глаза къ небу.

— Нынѣ очень мало цѣнять добродѣтель и умъ, а потому,
даже философы, должны прибѣгать къ принсканію себѣ разныхъ
средствъ къ жизни.

— Ну, а у тебя какія средства?

— Знать все и оповѣщать тѣхъ, кто желаетъ узнать какія
нибудь новости.

— И кто за это хорошо платитъ!

— Да, господинъ! Но вѣдь я и самъ долженъ платить пи-
сарю. Иначе все мои познанія, философія и умъ умрутъ вмѣстѣ
со мною.

— Однако твои услуги, должно быть, не отличаются особенною аккуратностью, если ты до старости не приобрѣлъ себѣ новаго плаща.

— Моя скромность мѣшаетъ мнѣ быть требовательнымъ. Но, вы сами знаете, господа, что въ настоящемъ вѣкѣ нѣтъ такихъ благодѣтелей, какіе были въ былое доброе время, которымъ сдѣлать благодѣяніе было также пріятно, какъ пролотить путеольскую устрицу. Не заслуги мои малы, а благодарность человѣческая. Напримеръ, если убѣжить какойнибудь цѣнный невольникъ, то кто его отыщеть, если не единственный сынъ моего отца? Или, если на стѣнахъ города появится какойнибудь пасквиль на божественную Поппею, то кто укажетъ преступника? Кто откопаетъ у книгопродавцевъ какіенибудь стихи на цезаря? Кто донесетъ, что говорятъ въ домахъ сенаторовъ и военныхъ? Кто разноситъ письма, которыхъ опасно довѣрять невольникамъ? Кто подслушиваетъ новости у дверей цирюльниковъ? Кому довѣряютъ тайны пекаря и погребщики? Кому вѣрятъ невольники? Кто съумѣетъ пересмотрѣть каждый домъ, начиная отъ атриума до сада? Кто знаетъ всѣ улицы, переулки и разныя хранилища? Кто знаетъ, что говорятъ въ термахъ, въ циркѣ, на базарахъ, въ школахъ лангетовъ ¹³⁵⁾, въ палатахъ торговцевъ невольниками и даже въ аренахъ ¹³⁶⁾?..

— Довольно, довольно, благородный мудрецъ! воскликнулъ Петроній, — иначе мы утонемъ въ твоихъ заслугахъ, добродѣтеляхъ, мудрости и краснорѣчіи!.. Мы только хотѣли узнать, кто ты — и теперь знаемъ!

Но Виницій былъ очень радъ, что этотъ человѣкъ обладаетъ способностями собаки-щейки, которая, будучи пущенной на слѣдъ, разыщетъ самыя укромныя мѣста.

— Хорошо, сказалъ онъ. — Нужны-ли тебѣ какія инструкціи?

— Нѣтъ, мнѣ нужно оружіе.

— Какое? спросилъ съ удивленіемъ Виницій.

И грекъ протянулъ одну ладонь, а другою сдѣлалъ жестъ какъ считаютъ деньги.

— Да, нынче такія времена, сказалъ онъ, вздыхая.

— Въ такомъ случаѣ, ты уподобляешься ослу, произнесъ Петроній, — который съ помощью золота завоевываетъ крѣпости.

— Я только бѣдный философъ, смиренно отвѣтилъ Хилонъ, — а у васъ есть золото.

Виницій бросилъ ему кошелекъ, который грекъ схватилъ на лету рукой съ тремя пальцами и затѣмъ сказалъ:

— Теперь, благородный господинъ, я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Вѣдь я пришелъ сюда не съ пустою башкой. Я знаю, что не Плавтій похитилъ дѣвушку, такъ какъ ужъ говорилъ съ его слугами. Точно также знаю, что она и не въ Палатинѣ, въ которомъ всѣ заняты болѣзною маленькой августы, и догадываюсь, почему вы предпочитаете воспользоваться моими услугами, а не обращаетесь къ помощи цезарскихъ солдатъ и вигилей. Я знаю, что она бѣжала съ помощью своего невольника, ея сородича, и вѣдаю, что не невольники, стоящіе другъ за друга, оказали ему помощь, а, вѣроятно, ихъ единовѣрцы...

— Видишь, Виницій, прервалъ его Петроній, — не то ли самое, слово въ слово, я говорилъ тебѣ?

— Это дѣлаетъ мнѣ честь, сказала Хилонъ. — Несомнѣнно, эта дѣвушка исповѣдуетъ одну вѣру съ этою честнѣйшею изъ римлянокъ — Помпонией. Я слышалъ, что эту послѣднюю судили домашнимъ судомъ за признаніе какого-то неизвѣстнаго божества; но я только не могъ узнать отъ ея невольниковъ, какое это божество и какъ зовутъ его послѣдователей. Если я узнаю, то непременно отправлюсь къ нимъ, сведу съ ними знакомство, притворюсь самымъ рьянымъ изъ послѣдователей и расположу ихъ въ свою пользу. Въ виду этого, я обращаюсь къ тебѣ, благородный трибунъ, съ просьбою дать мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, такъ какъ ты пребывалъ въ домѣ Авлія.

— Не могу ихъ дать, отвѣтилъ Виницій.

— Въ началѣ вы спрашивали меня, благородные мужи, о разныхъ вещахъ, продолжалъ Хилонъ. — Теперь позвольте мнѣ дѣлать вамъ вопросы, на которые и отвѣчайте. Скажи мнѣ благороднѣйшій трибунъ, не видалъ ли ты какихъ нибудь статуетокъ, жертвенниковъ, знаковъ или амулетовъ на Помпоніи и на твоей божественной Лигіи. Не видалъ ли ты, чтобы онѣ чертили — для переговоровъ между собою, — какіе нибудь знаки, понятные только имъ однимъ?

— Знаки?.. Погоди!.. Да, кажется, видѣлъ, какъ однажды Лигія начертила на песокъ рыбу.

— А-а! рыбу!.. О-о-о! И часто она чертила?

— Я видѣлъ только одинъ разъ.

— И ты увѣренъ, господинъ, что это была рыба?.. А?..

— Да! И ты знаешь, что значить этотъ знакъ?

— Знаю-ли я?! отвѣчалъ Хилонъ, наклоня голову въ знакъ прощанія.— Больше мнѣ ничего не надо и да наградишь васъ Фортуна всѣми своими дарами, достойнѣйшіе господа.

— Прикажи тамъ подать себѣ новый плащъ, сказалъ ему въ догонку Петроній.

— Улиссъ благодарить тебя за Терзю! отвѣтилъ грекъ и, поклонившись, ушелъ.

— Ну, что ты скажешь объ этомъ благородномъ мудрецѣ? спросилъ Петроній по уходѣ Хилона.

— Скажу, что онъ найдетъ Лигію! съ радостью воскликнулъ Маркъ,—и, кромѣ того, прибавлю, что еслибъ гдѣ-нибудь существовало государство негодяевъ, то онъ могъ-бы быть ихъ королемъ.

— Ты правъ! Однако, я долженъ короче познакомиться съ этимъ стойкомъ, а пока нужно окурить атріумъ послѣ него и очистить воздухъ.

Между тѣмъ, Хилонъ Хилонидъ, завернувшись въ свой новый плащъ, началъ подбрасывать на ладони кошелекъ, брошенный ему Виниціемъ, любуясь его тяжестью и звукомъ. Идя не спѣша, онъ оглядывался, не наблюдаетъ-ли кто за нимъ изъ слугъ Петронія. Потомъ, миновавъ портикъ Ливія и дойдя до угла *clivus Virbius*, онъ повернулъ на Субуру.

— Теперь можно зайти къ Спорусу, разсуждалъ онъ:— и спрыскать Фортуну виномъ. Наконецъ-то я нашелъ то, что давно искалъ... Молодъ и вепльчивъ, но щедръ, и за эту лигійскую коноплянку готовъ отдать полсостоянія. Именно, такого мнѣ и надо. Однако, нужно быть осторожнымъ, потому что его морщины на лбу и бровяхъ не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Да, теперь какіе-нибудь щенята больше управляютъ міромъ, чѣмъ великіе люди... и ихъ нужно больше бояться!.. О, боги, неужели въ настоящее время лучше оплачивается сводничество, чѣмъ добродѣтель?.. Итакъ, она начертила рыбу на песокъ! Но если я знаю, что это значить, то пусть я подавлюсь кускомъ козьяго сыру! Но я узнаю! А въ виду того, что рыба живетъ въ водѣ, а поиски въ водѣ затруднительнѣе, чѣмъ на сушѣ, то онъ заплатитъ мнѣ за эту рыбу особо. Еще одинъ такой кошелекъ и я могъ-бы бросить свою нищенскую котомку и купить невольника... Но, что-бы ты отвѣтилъ на это, Хилонъ Хилонидъ,

еслибъ я посовѣтоваль тебѣ купить не невольника, а невольницу?.. Знаю, что согласишься!.. Еслибъ она была красива хоть такъ, какъ Евника, то и самъ ты помолодѣлъ-бы при ней и, кромѣ того, получалъ-бы отъ нея честный доходъ... Правда, она глупа, потому что приняла отъ меня двѣ нитки изъ моего собственнаго стараго плаща, вмѣсто Венеринаго пояса, но еслибъ Петроній подарилъ ее мнѣ, то я, конечно, не отказался-бы и отъ нея... Такъ-то, Хилонъ, сынъ Хилона... Ты лишился отца и матери!.. Ты сирота, въ такомъ случаѣ, ты долженъ приобрѣсти себѣ хоть невольницу. Конечно, ей тоже надо жить гдѣ-нибудь и Виницій найметъ ей помѣщеніе, въ которомъ и ты можешь приютиться; надо одѣваться—и Виницій одѣнетъ ее; надо ѣсть—и онъ будетъ кормить ее. Охъ, какъ тяжело жить на свѣтѣ! И куда дѣвались тѣ времена, когда за одинъ оболъ ¹⁸⁷⁾ можно было купить столько бобовъ со свиной, сколько вмѣщалось въ пригоршни; или такой кусокъ кровяной колбасы, которая равнялась длинѣ руки двѣнадцатилѣтняго ребенка!.. А, наконецъ-то и этотъ негодяй Спорусъ!.. Въ кабачкѣ лучше всего можно узнать, что мнѣ надо.

И Хилонъ зашелъ въ погребокъ, въ которомъ приказаль подать себѣ кувшинъ «темнаго» вина. Но, видя, что хозяинъ смотритъ на него съ недоувѣріемъ, онъ досталъ кошелекъ; вынулъ изъ него золотую монету и, положивъ ее на столъ, произнесъ:

— Сегодня я работалъ съ Сенекой съ утра до обѣда, и вотъ чѣмъ наградилъ меня мой пріятель.

Круглые глаза Споруса сдѣлались еще круглѣе и требуемое вино моментально появилось на столѣ передъ Хилономъ, который тотчасъ помочилъ въ него палецъ и нарисовалъ имъ рыбу на столѣ.

— Знаешь, что это значитъ? спросилъ онъ.

— Рыба!..

— Дурень, хоть и умѣешь доливать въ вино столько воды, что въ немъ можетъ завестись рыба. Это символъ, который, на языкѣ философовъ, называется улыбкой Фортуны, и ты долженъ уважать философію, если желаешь, чтобы я не ходилъ въ другой погребъ... И то ужъ мой лучший пріятель Петроній давно уговариваетъ меня, чтобъ я началъ ходить въ другое мѣсто.

IV.

Нѣсколько дней Хилонъ не показывался нигдѣ. Между тѣмъ Виницій, узнавъ отъ Актеи, что Лигія любитъ его, еще болѣе воспылалъ къ ней страстью и хотѣлъ скорѣе отыскать ее. Именно, благодаря этому, онъ и началъ поиски на собственный рискъ, такъ какъ не могъ обратиться за помощью къ Нерону, въ виду болѣзни его маленькой августы. А цезарь не на шутку былъ въ отчаяніи и принималъ все мѣры для спасенія ея. Однако ни жертвоприношенія въ храмахъ, ни моленія, ни дары, ни волхвованія, къ которымъ онъ прибѣгнулъ въ крайнемъ случаѣ,—ничего не помогло: черезъ недѣлю ребенокъ умеръ. Благодаря этому обстоятельству былъ наложенъ трауръ на весь дворъ и на Римъ. Неронъ, сходявшій съ ума отъ радости при рожденіи младенца, началъ теперь сходить съ ума отъ печали и, запершись у себя, два дня не ѣлъ и не пилъ, и хотя дворецъ переполнялся сенаторами, августіанами и разными другими лицами, приходившими выразить ему свое сочувствіе,—онъ не принималъ никого. Въ экстренномъ засѣданіи сената, умершая дѣвочка была признана «богиней», рѣшено воздвигнуть въ честь ея храмъ и назначить къ нему особаго жреца. Въ-тоже время и въ другихъ учрежденіяхъ происходили засѣданія по тому же поводу и многіе ужь отлили монументы изъ драгоценныхъ металловъ. Погребеніе было безконечно печальнымъ торжествомъ, на которомъ присутствовалъ весь народъ, созерцая безпредѣльные признаки сожалѣнія, выказываемаго цезаремъ. Народъ плакалъ съ нимъ вмѣстѣ, а въ-тоже время протягивалъ руки за подарками. Но больше всего онъ интересовался необыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Смерть эта обезпокоила Петронія, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Поппея приписываетъ смерть ея дочери колдовству. То-же самое говорили и лекари, чтобы оправдать свое безсиліе въ врачевномъ искусствѣ, и жрецы, жертвоприношенія и молебны которыхъ оказались безсильными. Волхвы и всякіе заговорщики дрожали за свою шкуру; дрожалъ и народъ... Въ виду этого, Петроній радовался, что Лигія бѣжала, а такъ какъ онъ никому не желалъ зла: ни себѣ ни Виницію, ни Плавтію, то какъ только былъ убранъ кипарисъ¹⁸⁸), поставленный въ знакъ траура у Палатина, онъ отправился во дворецъ въ день общаго приѣма сенаторовъ и августіанъ, съ цѣлю про-

вѣрки слуховъ, насколько самъ цезарь вѣрилъ въ колдовство. Если онъ дѣйствительно повѣрилъ, то ему слѣдовало предпринять свои мѣры къ предотвращенію послѣдствій, какія могли возникнуть, благодаря его суевѣрію. Зная Нерона, онъ допускалъ, что если самъ цезарь и не вѣрилъ въ колдовство и «глазъ», то все таки станеть притвориться, что вѣритъ, хоть бы для того, чтобы обмануть самого себя, излить свой гнѣвъ на комънибудь и наконецъ предотвратить гнѣвъ боговъ, которые начинаютъ наказывать его за злодѣянія. Петроній не вѣрилъ, чтобы онъ искренно любилъ своего ребенка, а если любилъ, то посредственно: но онъ былъ увѣренъ, что цезарь станеть преувеличивать свои страданія. И онъ не ошибся. Неронъ равнодушно выслушивалъ собогъзнованія и утѣшенія своихъ сенаторовъ и рыцарей съ глазами, устремленными въ одинъ пунктъ. Видно было, что если онъ даже не страдаетъ, то думаетъ о томъ, какое впечатлѣніе производитъ его страданіе на окружающихъ; словомъ, онъ позировалъ и рисовался, представляя изъ себя Ніобу¹⁸⁹), выражающую свое родительское сожалѣніе, какъ-бы его выразилъ какойнибудь актеръ на сценѣ. Но и въ этомъ случаѣ онъ не умѣлъ выдержать своей роли до конца и, по временамъ, дѣлалъ жесты, какъ будто посыпалъ свою голову прахомъ земли и, отъ времени до времени, тяжело и глухо стоналъ. Наконецъ, увидѣвъ Петронія, онъ вскочилъ и трагически крикнулъ, такъ чтобы его всѣ слышали:

— Эге!... И ты виноватъ въ ея смерти!.. По твоему совѣту вошелъ въ этотъ домъ злой духъ, который однимъ взглядомъ высосалъ изъ нея жизнь!.. О, горе мнѣ!.. Лучше бы мои глаза не смотрѣли на свѣтъ Геліоса!.. Горе мнѣ! горе!.. Э-г-е!.. Э-г-е!..

И, возвышая постепенно голосъ, онъ перешелъ въ отчаяніе. Но въ тотъ же моментъ Петроній рѣшилъ поставить все на одну кость и, протянувъ руку, онъ сорвалъ шелковый платокъ съ шеи Нерона, который онъ всегда носилъ, и заткнулъ ему ротъ.

— Государь! сказалъ онъ серьезно:—сожги Римъ и весь свѣтъ твоими пламенными страданіями, но оставь намъ твой голосъ!

Всѣ присутствующіе изумились. Даже самъ Неронъ удивился и только одинъ Петроній остался безъ смущенія: онъ зналъ прекрасно, что дѣлаетъ, и, кромѣ того, помнилъ, что Терпносъ и Діодоръ имѣли приказаніе самого цезаря затыкать ему ротъ, въ случаяхъ, если онъ черезчуръ возвыситъ голосъ и этимъ можетъ испортить его.

— Государь! продолжалъ Петроній съ тою-же серьезностью и печалью:—если мы понесли чувствительную потерю въ лицѣ твоѣй дочери, такъ пусть-же намъ въ утѣшеніе останется хоть это единственное сокровище!..

Липо Нерона передернулось и слезы моментально оросили его глаза. Онъ вдругъ опустил руки на плечи Петронія и, положивъ голову на его грудь, рыдая произнесъ;

— Ты одинъ изъ всѣхъ подумалъ о томъ!.. Да, одинъ!

Тигелинъ позеленѣлъ отъ зависти, тогда какъ Петроній спокойно продолжалъ:

— Лучше ты побѣжай въ Антію¹⁴⁰). Вѣдь, она тамъ родилась: тамъ ты получилъ радость и тамъ получишь спокойствіе. Морской воздухъ освѣжитъ твоѣ божественное горло и твоѣ грудь надышется соленою влагою. Мы, твои вѣрноподанные, всюду послѣдуемъ за тобой, и когда станемъ лѣчить тебя нашею дружбой, то ты успокоишь свои и наши страданія пѣсню.

— Да, отвѣтилъ съ жалостью Неронъ, — я напишу въ честь ея гимнъ и положу его на музыку.

— А потомъ погрѣбься на солнышкѣ въ Байи¹⁴⁰).

— Затѣмъ развлечешься въ Греціи.

— Въ отечествѣ поэзіи и пѣсень!

И мрачное настроеніе постепенно начало проходить, какъ тучи, закрывающія солнце. Вмѣсто этого, начался разговоръ, сначала какъ будто грустный, но за то преисполненный совѣтовъ и предположеній, касающихся путешествія, артистическихъ турне, отличій и даже приемовъ, какіе должны были состояться по случаю пріѣзда Тиридата, короля Арменіи. Правда, Тигелинъ попробовалъ еще разъ вспомнить о колдовствѣ, но Петроній, считая свою позицію выиграной, прямо сказалъ:

— Неужели ты думаешь, что какое-нибудь колдовство можетъ мѣшать славѣ боговъ?

— Да вѣдь самъ цезарь говорилъ о нихъ, отвѣтилъ придворный.

— Это говорилъ не цезарь, а его страданіе и отчаяніе. Но ты выскажи свое мнѣніе.

— Боги настолько могущественны, что не подвержены никакому колдовству.

— Въ такомъ случаѣ, нельзя не признавать или отвергать божества цезаря и его семьи.

— *Peractum est!* пробурчалъ рядомъ стоявшій Епрій Марцелла, повторяя возгласъ народа, какой обыкновенно раздавался на аренѣ, когда какой-нибудь гладиаторъ былъ сваленъ и не нуждался въ добивкѣ его, потому что былъ мертвъ.

Тигелинъ затаилъ въ себѣ злобу. Между нимъ и Петроніемъ съ давняго времени существовала распря и они постоянно пикировались въ присутствіи Нерона. Но Тигелинъ пользовался однимъ преимуществомъ, что Неронъ никогда не стѣснялся его присутствіемъ и считалъ себя развязнѣе; тогда какъ Петронія онъ какъ будто побаивался, потому что онъ сколько-бы разъ ни столкнулся съ Тигелиномъ, постоянно выходилъ побѣдителемъ какъ по уму, такъ и по остроумію.

Тигелинъ умолкъ и замѣтилъ въ памяти тѣхъ сенаторовъ и военныхъ, которые двинулись за Петроніемъ, когда тотъ удалился въ глубину залы,—предполагая, что съ этой минуты онъ сдѣлался первымъ любимцемъ цезаря.

Петроній, выйдя изъ дворца, отправился къ Виницію и, рассказавъ ему, что случилось, прибавилъ:

— Благодаря моеѣ находчивости, я предотвратилъ опасность какъ отъ Плавтіевъ, такъ и отъ насъ обоихъ, а главнымъ образомъ, отъ Лигіи, которую не стануть искать, хоть бы ради того, что я уговорилъ рыжебородую обезьяну уѣхать въ Антій, а оттуда въ Неаполь или Байи. И онъ поѣдетъ. Прежде онъ стѣснялся выступить публично въ театрѣ, а я зналъ его намѣреніе испытать свой талантъ и онъ выступить въ Неаполѣ. Кромѣ того, онъ мечтаетъ о Греціи, гдѣ ему хочется пѣть во всѣхъ болѣе населенныхъ городахъ, а потомъ, пожавъ всѣ лавры среди гречанокъ, устроить триумфальный въѣздъ въ Римъ... Въ это время мы можемъ свободно разыскивать Лигію и скрыть ее въ безопасномъ мѣстѣ... Ну, а что же нашъ благородный философъ... Былъ у тебя?

— Твой благородный философъ—обманщикъ. Не былъ, не показывался и не покажется!

— Ну, я лучшаго мнѣнія о немъ, если не о его честности, то объ его умѣ. Разъ ужъ онъ пустилъ кровь твоей казнѣ, то придетъ и во второй разъ, хоть бы для того, чтобы провѣдать, нельзя ли еще пустить.

— Пусть попробуетъ, да осторожно: иначе я пущу ему кровь изъ головы.

— Нѣтъ, будь терпѣливѣе и не дѣлай этого, пока не убѣдишься въ его обманѣ. Только не давай ему денегъ, а обѣщай щедрую награду, если онъ принесетъ тебѣ точныя извѣстія... Ты принялъ что-нибудь на собственный рискъ?

— Два мои отпущенника, Нимфидій и Дема, поставленные во главѣ шестидесяти человѣкъ, дѣятельно разыскиваютъ ее. Тотъ изъ невольниковъ, который нападетъ на ея слѣдъ, получить свободу. Кромѣ того, я разослалъ нарочныхъ по всеѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Римъ, поручивъ имъ разспрашивать всѣхъ объ этомъ атлетѣ и Лигіи. Да и самъ я хожу днемъ и ночью, рассчитывая на счастливую случайность.

— Если что узнаешь, то оповѣсти меня, а я долженъ уѣхать въ Антію.

— Хорошо.

— Но если когда нибудь, проснувшись утромъ, ты подумаешь, что не стоитъ себя беспокоить и мучить ради какой-то дѣвченки, то пріѣзжай и ты въ Антію; тамъ не будетъ недостатка ни въ женщинахъ, ни въ другихъ утѣхахъ.

Виницій заходилъ быстрыми шагами. Петроній посмотрѣлъ на него и прибавилъ:

— Скажи откровенно, какъ разсудительный человѣкъ, которому чужды вспыльчивость и самомнѣніе; скажи какъ другу или пріятелю: всегда ли тебѣ желательна твоя Лигія.

Виницій остановился на секунду и взглянулъ на Петронія такимъ взглядомъ, какъ будто прежде никогда не видалъ его, и опять заходилъ. Очевидно, онъ сдерживалъ себя, чтобъ не вспылить. Наконецъ, почувствовавъ свое безсиліе какъ въ отношеніи гнѣва, такъ и непобѣдимой тоски, его глаза заморгали и на рѣсницахъ повисли двѣ крупныя слезы, которыя сказали больше, чѣмъ бы онъ самъ отвѣтилъ.

Петроній призадумался и потомъ произнесъ:

— Не Атлантъ ¹⁴²⁾ держитъ на своихъ плечахъ весь свѣтъ, а женщина, которая играетъ имъ, какъ мячемъ.

— Да, отвѣтилъ Виницій.

Они начали прощаться, но въ это время невольникъ доложилъ, что пришелъ Хилонъ и проситъ позволенія войти.

Виницій приказалъ впустить его тотчасъ.

— А! воскликнулъ Петроній.— Не говорилъ-ли я тебѣ! Кля-

человѣкъ, нѣкій Главкъ, о которомъ мнѣ сказали, что онъ христіанинъ и чтобы я былъ остороженъ. Однако-же я убѣдился, что онъ хорошій и добродѣтельный человѣкъ.

— Не отъ него-ли ты, и узналъ, что значить рыба?

— Къ сожалѣнію,—да!.. По дорогѣ, мы ночевали въ одной съ нимъ гостиницѣ, въ которой какой-то негодяй ткнулъ его ножомъ, а затѣмъ увелъ его жену и ребенка, которыхъ продалъ работорговцамъ. И вотъ, защищая его, я и лишился этихъ двухъ пальцевъ; но, говорятъ, между христіанами совершаются разныя чудеса и я питаю надежду, что они отрутуть.

— Такъ неужели ты сдѣлался христіаниномъ?

— Да, со вчерашняго дня!.. Только со вчерашняго!.. На меня повліяла эта самая рыба, и представьте себѣ, какая у нея замѣчательная сила!.. Благодаря ей, я, чрезъ нѣсколько дней, сдѣлаюсь ярымъ поклонникомъ христіанства, меня посвятятъ во всѣ тайны ихъ ученія и тогда я узнаю, гдѣ скрылась дѣвушка... Тогда, навѣрное, мое христіанство станетъ оплачиваться лучше, чѣмъ философія... Въ виду этого, я ужь пообѣщалъ Меркурію, если онъ мнѣ поможетъ найти дѣвушку, двухъ нетелей одинаковыхъ лѣтъ и роста, которымъ я прикажу вызолотить рога.

— А, значить твое христіанство и философія позволяютъ тебѣ вѣрить и въ Меркурія?

— Я всегда вѣрю въ то, во что мнѣ выгоднѣе вѣрить, и это моя философія... которая, надѣюсь, понравится и Меркурію. Къ несчастью, какъ вы и сами знаете, господа, этотъ божокъ очень подозрительный: онъ не довѣряетъ обѣщаніямъ безукоризненныхъ философовъ и предпочитаетъ получать награду впередъ, а между тѣмъ нетели стоятъ не мало денегъ... Не каждый можетъ быть Сенекой, а ужь мнѣ и подавно нельзя быть имъ... Но, еслибъ благородный Виницій соизволилъ дать мнѣ сколько нибудь изъ той суммы, которую обѣщаль... то...

— Ни одного обода, Хилонъ, ни одного! отвѣтилъ Петроній. Щедрость Виниція превзойдетъ твои ожиданія, но только когда ты найдешь Лигію или укажешь мѣсто, гдѣ она скрылась... Такимъ образомъ, Меркурій долженъ повѣрить тебѣ въ кредитъ двухъ нетелей, хоть онъ и не имѣетъ на то ни малѣйшаго желанія. Да и я нахожу, что онъ умно дѣйствуетъ.

— Можетъ быть!.. Но, выслушайте меня, господа. Мое открытіе

достойно награды, и хоть я не нашель еще дѣвушки, за то напалъ на слѣдъ, по которому ее можно найти. Вѣдь вы разослали своихъ невольниковъ и отпущенниковъ по разнымъ селеніямъ и мѣстечкамъ, а доставиль-ли вамъ кто изъ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія? Нѣтъ!.. А я доставиль и скажу больше... Между вашими невольниками могутъ быть христіане, о которыхъ вы и сами не знаете, потому что суевѣріе христіанъ пустило глубокіе корни и проникло во все слои общества, и они, вмѣсто того, чтобы помочь вамъ, стануть только обманывать. Мнѣ даже очень непріятно, что ваши невольники видятъ меня у васъ, а потому я покорнѣйше прошу благороднаго Петронія приказать Евникѣ молчать, а благороднаго Виниція—сказать своимъ слугамъ, что я — продавецъ мази, которою мажутъ копыта лошадей, чтобъ они побѣждали въ циркѣ... Я одинъ буду искать и навѣрное найду бѣглецовъ; только вы вѣрьте мнѣ и знайте, что все то, что я получу отъ васъ впередъ, послужитъ мнѣ поощреніемъ и убѣжденіемъ въ томъ, что обѣщанная награда не минуетъ меня. Да, это такъ! Хотя я, какъ философъ, презираю деньги; но вѣдь ими не брезгуетъ ни Сенека, ни Муссоній, ни Корнутъ, которые, однако, не лишились пальцевъ ни въ чьей защитѣ и могутъ не только подписывать свои имена, но и оставить свои имѣнія потомству. Но, кромѣ невольника, котораго я намѣренъ купить, и двухъ нетелей для Меркурія—а вѣдь вы знаете, какъ скотъ вздоржалъ,—самые поиски требуютъ не мало расходовъ... Вы только выслушайте меня терпѣливо!.. За эти нѣсколько дней, на моихъ ногахъ уже подѣлались волдыри отъ постоянной ходьбы. Я побывалъ вездѣ, чтобы поговорить съ людьми и узнать что-нибудь отъ нихъ. Былъ у пекаровъ, рѣзниковъ, торговцевъ оливками и рыбаковъ; исходилъ все улицы и переулки; заходилъ въ вертепы бѣглыхъ невольниковъ; проигралъ сто асовъ¹⁴⁴⁾ въ мору; ¹⁴⁵⁾ былъ въ прачешныхъ, сушильныхъ и кухмистерскихъ; видѣлся съ погонщиками муловъ, рѣзчиками, ваятелями, лекарями и зубодерами; бесѣдовалъ съ продавцами сушеныхъ финиковъ, былъ и на клалбищахъ,—и знаете почему? Чтобы вездѣ чертить рыбу и наблюдать за людьми, что они скажутъ при видѣ этого знака. Но отъ всѣхъ ихъ я ничего не узналъ, пока счастливая случайность не столкнула меня у фонтана съ однимъ старикомъ-невольникомъ, который бралъ воду и горько плакалъ. Я спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ и послѣдній, когда мы сѣли на ступенькахъ фонтана, отвѣтилъ мнѣ, что онъ всю свою жизнь копилъ сестерціи,

съ цѣлью выкупить своего возлюбленнаго сына изъ неволи, но его господинъ, нѣкій Пауса, взявъ у него деньги и сына не отпустилъ. «Вотъ, поэтому-то—говорить—я и плачу. Но, да будетъ на это Божья воля, хотя я, грѣшный, не могу удержаться отъ слезъ». Ну, я сразу понялъ, съ кѣмъ говорю и, омочивъ палець въ водѣ, начертить ему рыбу, на которую онъ взглянулъ и отвѣтилъ: «И моя надежда во Христѣ!»—Значить, ты меня узналъ по этому знаку? спросилъ я его.—«Да, отвѣтилъ онъ,—и да будетъ миръ съ тобой». Въ виду этого, я разговорился съ нимъ и онъ мнѣ все разсказалъ. Его владѣлецъ Пауса самъ отпущенникъ и занимается доставкой камня по Тибру въ Римъ. Его невольники и наемные люди выгружаютъ съ суденъ камни по ночамъ и доставляютъ ихъ на постройки также по ночамъ, чтобы днемъ не тормозить движенія на улицахъ. Между многими невольниками—большинство христіанъ, а между ними—и его сынъ. Такъ какъ работа эта очень тяжела, то онъ и хотѣлъ выручить его, но Пауса удержалъ и его, и деньги. Говоря это, онъ опять заплакалъ; я тоже прослезился, благодаря моему мягкому характеру и колѣкамъ въ ногахъ; болѣзнь эту я получилъ отъ усиленной ходьбы. Въ то-же время, я сказалъ ему, что недавно пришелъ изъ Неаполя и не знаю, гдѣ собираются собратья для общей молитвы. Онъ удивился, что неаполитанскіе христіане не снабдили меня рекомендательными письмами къ римскимъ единовѣрцамъ, но я отвѣтилъ ему, что письма у меня были, но ихъ украли въ дорогѣ. Ну, вотъ, онъ и пригласилъ меня прійти ночью къ рѣкѣ, гдѣ онъ познакомитъ меня съ христіанами, а эти послѣдніе укажутъ мнѣ молитвенный домъ и лицъ, управляющихъ паствой. Это меня очень обрадовало и я далъ ему за это сумму, необходимую для выкупа его сына, надѣясь, что благородный Виницій сторицей возвратитъ ее мнѣ...

— Послушай, Хилонъ, отозвался Петроній,—въ твоемъ разсказѣ ложь плаваетъ по правдѣ, какъ масло по водѣ. Не отрицаю, что ты принесъ намъ хорошія вѣсти и думаю, что мы дѣйствительно находимся на прямомъ пути къ отысканію Лигіи; но ты, пожалуйста, не прикрашивай своихъ новостей невозможною ложью. Какъ зовутъ этого старика невольника?

— Еврицемъ, господинъ. Бѣдный, несчастный старикъ! Онъ напомнилъ мнѣ Главка, котораго я защищалъ во время нападенія, и этимъ больше всего взволновалъ меня.

тишь, Хотя рука твоя привыкла больше къ мечу, чѣмъ къ перу. Я оставилъ тебя на хорошемъ слѣду и думаю, что ты уже успокоилъ въ объятіяхъ Лигіи свои страстныя желанія или, по крайней мѣрѣ, успокоишь ихъ, прежде чѣмъ зимній вѣтеръ подуетъ на Кампанью съ Сорактскихъ вершинъ. О, Виницій! Да будетъ тебѣ покровительницей и наставницей златоволосая богиня Кипра, а ты будь наставникомъ для твоей лигійской зорюшки, которая прячется отъ солнца любви. Но помни, что и самый драгоцѣнный мраморъ ничего не стоитъ до тѣхъ поръ, пока не побываетъ въ рукахъ опытнаго скульптора. Будь же и ты этимъ скульпторомъ, *carissima!* Недостаточно любить; но нужно умѣть любить и научить любви. Любятъ и плебен и даже звѣри; но настоящій человѣкъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что онъ можетъ облагородить любовь, превратить ее въ антикъ и, наслаждаясь ею, чувствовать ея божественное достоинство, присутствіе и теплоту ея во всѣхъ своихъ помыслахъ. Этимъ человѣкъ питаетъ не только тѣло, но и душу. Часто, когда я думаю о ничтожествѣ, ненадежности и скукѣ нашей жизни, мнѣ приходитъ въ голову, что ты больше выигралъ, чѣмъ я, избравъ воинское поприще, и что не дворъ цезаря, а война и любовь—два одинаковые предмета, для которыхъ еще стоитъ родиться и жить.

«Ты былъ счастливъ въ войнѣ, такъ будь же счастливъ и въ любви. А если тебѣ любопытно знать, что дѣлается при дворѣ цезаря, то я, отъ времени до времени, буду оповѣщать тебя посредствомъ писемъ. Въ настоящее время, мы сидимъ въ Антиѣ и ухаживаемъ за нашимъ божественнымъ голосомъ, чувствуемъ необыкновенную ненависть къ Риму и намѣреваемся уѣхать на зиму въ Байи, а также выступить публично въ Неаполь. Жители этого города, какъ греки, лучше оцѣняютъ насъ, чѣмъ то волчье племя, которое живетъ на берегахъ Тибра. Въ Неаполь съѣдутся и сойдутся люди изъ Байи, Помпеи, Путеоля, Кума и Стабья и засыпятъ насъ вѣнками и аплодисментами, чѣмъ и поощрятъ поѣхать въ Ахсю.

«А воспоминанія о маленькой Августѣ? Да! Еще мы оплакиваемъ ее и поемъ ей гимны собственнаго издѣлія, такъ что всѣ сирены попрыгали отъ зависти въ глубочайшія пещеры Амфигриды.¹⁴⁶) Быть можетъ, насъ слушали бы еще дельфины; но имъ мѣшаетъ морской шумъ. Наши страданія еще не успокоились, а потому мы показываемся людямъ во всѣхъ видахъ и формахъ, какими только обладастъ скульптура, бдительно смотря за тѣмъ, хороши ли мы и

— Я вѣрю, что ты познакомился съ нимъ и что воспользуешься этимъ знакомствомъ, но не вѣрю, что ты далъ ему денегъ. Вѣдь ты не далъ ему ни одного аса. Понимаешь? не далъ!

— Зато я ему помогъ нести ведра и говорилъ о его сынѣ съ большимъ сочувствіемъ!.. Ужь видно передъ тобою ничего не утаишь... и я долженъ сознаться: да, я не далъ ему денегъ... То есть, далъ, только мысленно, что, конечно, его могло удовлетвореть, если онъ настоящій философъ... Далъ, потому что считалъ это необходимымъ и полезнымъ... Самъ подумай, какъ бы онъ познакомилъ меня со всѣми христіанами, открылъ мнѣ доступъ къ нимъ и возбудилъ ихъ довѣріе ко мнѣ.

— Да, ты долженъ былъ сдѣлать это, проницески замѣтилъ Петроній.

— Вотъ потому-то я и пришелъ, чтобы получить возможность удовлетворить мое желаніе

— Въ такомъ случаѣ, прибавилъ Петроній, обращаясь къ Виницію,—прикажи ему отсчитать пять тысячъ сестерцій, но только мысленно.

— Хорошо, отвѣтилъ Маркъ, обращаясь къ Хилону,—я пошлю съ тобой мальчика, который понесетъ нужную тебѣ сумму, а ты скажешь Еврицію, что мальчикъ—твой невольникъ и отдашь ему эту сумму. А за то, что ты принесъ мнѣ хорошія вѣсти, ты получишь такую же сумму и для себя. Приди вечеромъ за мальчикомъ и за деньгами.

— Вотъ это вполне по цезарски! отвѣтилъ Хилонъ.—Но позволь мнѣ придти сегодня только за деньгами. Еврицій сказалъ мнѣ, что всѣ барки выгружены, а новыя придутъ изъ Остіи только чрезъ нѣсколько дней... Миръ съ вами!.. Такъ прощаются христіане... Теперь я куплю себѣ невольницу... то есть, я хотѣлъ сказать—невольника. Рыбу ловятъ на удъ, а христіанъ—на рыбу. *Rax vobiscum! rax! rax! rax!..*

V.

Письмо Петронія къ Виницію:

«Посылаю тебѣ чрезъ надежнаго невольника письмо изъ Антія, на которое ты, надѣюсь, чрезъ него же, немедленно отвѣ-
Quo vadis?

умѣютъ ли люди оцѣнить нашу красоту. Ахъ, дорогой мой! Все мы померемъ, какъ шуты и скоморохи!

«Съ нами здѣсь все августіане и августіанки, не считая пяти-сотъ ослицъ, въ молоко которыхъ купается Поппея, и десять тысячъ слугъ. Иногда, бываетъ весело. Кальвія Криспинила старѣеть. Говорятъ, что она пеходатайствовала себя разрѣшеніе Поппеи купаться въ молоко послѣ нея. Луканъ далъ пощечину Нигидію, заподозривъ ее въ связи съ гладиаторомъ. Спорій проигралъ свою жену въ кости Сенекѣ. Торквато Силанъ¹⁴⁷⁾ далъ мнѣ за Евнику четырехъ «каштанчиковъ», которые навѣрное возьмутъ призъ въ этомъ году. По правдѣ, я не хотѣлъ ихъ принять; а впрочемъ и тебѣ спасибо, что ты отказался отъ нея. Что касается Торквата, то этотъ бѣднякъ и не подозрѣваетъ, что онъ больше похожъ на тѣнь, чѣмъ на человѣка, и что дни его сочтены. И знаешь-ли почему? Потому что онъ правнукъ божественнаго Августа и для него не можетъ быть спасенія!.. Да, таковъ ужъ нашъ свѣтъ!

«Мы здѣсь, какъ тебѣ извѣстно ожидали Тиридата¹⁴⁸⁾; Между тѣмъ Вологезъ написалъ оскорбительное письмо. Такъ какъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ Арменіей, то и проситъ оставить ее ему для Тиридата; а если ее добровольно не оставятъ за нимъ, то онъ и такъ не отдастъ ее. Вѣдь это насмѣшка и мы рѣшили воевать. Корбулонъ¹⁴⁹⁾ получить такую власть, какою пользовался Помпей въ войну съ морскими разбойниками. Однако, былъ моментъ, что Неронъ колебался: очевидно, онъ боится славы, какая можетъ выпасть на его долю, въ случаѣ побѣды Корбулона. Думали мы и о томъ, не поручить ли главное командованіе войсками Авлію; но Поппея возстала противъ этого предложенія: должно быть добродѣтель Помпоніи мѣшаетъ ей, какъ бѣльмо на глазу.

«Ватиній объявилъ намъ о какихъ необыкновенныхъ зрѣлищахъ и состязаніяхъ гладиаторовъ, которыя онъ устроитъ въ Беневентѣ. Вотъ до чего доходятъ наши сапожники въ наше время, вопреки мнѣнію: «*ne sutor supro crepidam*». Вителій—потомокъ сапожника, а Ватиній—его родной сынъ! А можетъ быть онъ и самъ тянулъ дратву. Нашъ *Histrion aliturus* прекрасно представилъ намъ вчера Эдипа. Я спрашивалъ его, какъ жиды: все-ли равно, что христіане, что—жиды? И онъ отвѣтилъ мнѣ, что у жидовъ всегда была своя религія и что христіане не больше какъ секта, недавно образовавшаяся въ Іудеи. Тамъ распяли, въ царствованіе Тиберія, какого то человѣка, котораго

они признали Богомъ, а потому ихъ секта увеличивается и умножается съ каждымъ днемъ. Кажется, они не признають ни какихъ другихъ божествъ, въ особенности, нашихъ. Не понимаю, что имъ мѣшаетъ не признавать ихъ?

«Тигеллинъ высказываетъ мнѣ явное недружелюбіе. До настоящаго времени, онъ ничего не можетъ сдѣлать со мною и пользуется только однимъ преимуществомъ: онъ больше, чѣмъ я, заботится о своей жизни, а въ то-же время и болѣе негодяй, что конечно его приближаетъ къ Агенобарбу. Эти двое скоро поймутъ другъ друга; а тогда настанетъ и моя очередь. Я не знаю, когда это случится, но должно случиться, раньше или позже — все равно. А между тѣмъ надо забавляться и проводить время. Жизнь, сама по себѣ, была-бы еще сносною, еслибъ не нашъ рыжебородый, благодаря которому, по временамъ, человѣкъ дѣлается противнымъ самому себѣ. Нельзя же считать борьбу за его милости какимъ то цирковымъ спортомъ или како~~ю~~-то игрою въ запуски, въ которыхъ побѣда измѣняетъ собственному самолюбію. Я часто разсуждаю такъ самъ съ собою и, по временамъ, мнѣ кажется, что я нисколько не лучше какого нибудь Хилона. Кстати, по минованіи въ немъ надобности, пожалуйста, пришли его ко мнѣ; я полюбилъ его высокопарную бесѣду. Поздравь отъ меня твою божественную христианку и попроси ее отъ моего имени, чтобы она не была для тебя рыбой. Оповѣсти меня о своемъ здоровьи и любви; люби ее, умѣй любить, учи любить и—прощай!»

Письмо Виниція къ Петронію:

«Лигія нѣтъ у меня, и еслибъ не надежда, что я скоро отыщу ее, то ты не получилъ бы отъ меня отвѣта. Если жизнь дѣлается противной, то и писать нѣтъ никакого желанія. Чтобы провѣрить дѣйствія Хилона и убѣдиться, не обманываетъ-ли онъ меня, я въ ту-же ночь, когда онъ пришелъ ко мнѣ за деньгами для Евриція, завернулся въ военный плащъ и незамѣтно пошелъ за мальчикомъ и Хилономъ. Придя на мѣсто, я слѣдилъ за нимъ издали, ставъ за портовымъ столбомъ, и убѣдился, что Еврепій былъ не вымышленное лицо. Внизу у рѣки работало нѣсколько десятковъ людей, выгружавшихъ при фонаряхъ камни изъ барокъ и складывавшихъ ихъ на берегу. Я видѣлъ какъ Хилонъ подошелъ къ старику и началъ разговаривать съ нимъ, какъ этотъ послѣдній поклонился ему въ ноги и какъ народъ окружилъ его, выражая свое удивле-

ніе. На моихъ глазахъ пахолокъ вручилъ кошелекъ съ деньгами Еврицію, который обнялъ его, а затѣмъ, ставъ на колѣни и поднявъ руки къ небу, онъ началъ молиться; подлѣ него сталъ кто то другой на колѣни: вѣроятно, его сынъ. Хилонъ что то говорилъ имъ и наконецъ благословилъ какъ ихъ, такъ и окружающихъ, дѣлая въ воздухѣ жесты, на подобіе креста. Всѣ преклонялись передъ нимъ. Мнѣ хотѣлось войти въ ихъ кругъ и пообщать имъ три такихъ кошелька съ золотомъ, чтобы ктонибудь указалъ мнѣ Лигію, но я побоялся испортить замыслы Хилона и потому ушелъ домой.

«Это было спустя двѣнадцать дней послѣ твоего отъѣзда. Съ той поры Хилонъ былъ у меня нѣсколько разъ и самъ говорилъ мнѣ, что онъ приобрѣлъ большое довѣріе среди невольниковъ, Онъ же говоритъ мнѣ, что если еще не могъ найти Лигію, то только потому, что въ Римѣ очень много христіанъ, такъ что и сами они не знаютъ другъ друга и что дѣлается между ними. Кромя того, они очень осторожны и не разговорчивы, но Хилонъ питаетъ надежду познакомиться съ старшинами, которыхъ называютъ пресвитерами, и отъ нихъ онъ намѣренъ узнать всѣ тайны. Съ нѣкоторыми онъ уже познакомился и кое что провѣдалъ, но очень осторожно, чтобъ не возбудить ихъ подозрѣнія и не испортить дѣла. Такимъ образомъ, я нахожу, что онъ правъ и, какъ ни тяжело мнѣ ждать, а все-же жду и терплю.

«Онъ ужъ узналъ, что христіане совершаютъ общія молитвы за городомъ, въ пустыхъ домахъ и даже въ аренаріяхъ, гдѣ они прославляютъ своего Христа, поютъ и пируютъ. Такихъ мѣстъ у нихъ много. Хилонъ увѣренъ, что Лигія ходитъ не въ тѣ дома, въ которыхъ бываетъ Помпонія, во избѣжаніе встрѣчи съ нею, чтобы, въ случаѣ слѣдствія и суда, она могла присягнуть, что не знаетъ о мѣстѣ пребыванія Лигіи. Можетъ быть, и это правда и, очевидно, ради соблюденія осторожности, это ей посовѣтовали пресвитеры. Узнавъ всѣ молитвенные дома, Хилонъ будетъ ходить туда вмѣстѣ со мною, и если боги позволятъ мнѣ встрѣтить Лигію, то, клянусь Юпитеромъ!—на этотъ разъ она не ускользнетъ изъ моихъ рукъ. Правда, Хилонъ не соглашается, что-бы я ходилъ съ нимъ, такъ какъ и самъ боится; но и я не могу усидѣть на мѣстѣ. Я тотчасъ узнаю ее, въ чемъ бы она ни была одѣта, будь то днемъ или ночью, какъ по голосу, такъ и по движеніямъ.

Да и самъ я пойду переодѣтымъ и стану обращать вниманіе на каждаго входящаго и выходящаго изъ молитвенныхъ домовъ. Я денно и ношно думаю о ней, а потому—узнаю. Хилонъ придетъ завтра и мы пойдемъ. Я возьму съ собою другихъ... Нѣсколько моихъ рабовъ, посланныхъ на развѣдки въ провинціи, вернулись ни съ чѣмъ. Но теперь я увѣренъ, что она въ городѣ и, быть можетъ, очень близко. Въ свою очередь, я тоже осмотрѣлъ не мало домовъ, подъ предлогомъ найма квартиры; но у меня ей будетъ лучше, потому что во всѣхъ домахъ, которые я осмотрѣлъ, живеть одна нищета: вѣдь я ничего не пожалѣю для нея! Ты, въ письмѣ своемъ, хвалишь мой выборъ, и вотъ этотъ, хваленый тобою, выборъ: заботы и огорченія... Прежде всего, мы обойдемъ городскіе дома, а потомъ будемъ искать ее за городомъ. Пытается надежда, что каждое завтрашнее утро будетъ счастливѣе сегодняшняго. Да иначе и жить нельзя. Ты говоришь, что нужно умѣть любить; но и я умѣлъ говорить съ Лигіей о любви, а теперь только тоскую, жду Хилона и не могу усидѣть на мѣстѣ.—Прощай!..».

VI.

Однако Хилонъ не приходилъ долгое время и Виницій не зналъ, что думать о немъ, и напрасно онъ себя уговаривалъ, что всякіе поиски, въ виду достиженія благополучнаго результата, должны дѣлаться не спѣша; но его горячая кровь и вспыльчивая натура возмущались противъ этого голоса разсудка. Онъ не могъ ничего не дѣлать, ждать и сидѣть сложа руки; это было противно его характеру и онъ не хотѣлъ примириться съ обстоятельствами. Бѣганье по городскимъ закоулкамъ въ невольничьемъ плащѣ ему казалось тоже безцѣльнымъ: подобный самообманъ не удовлетворялъ его и не могъ успокоить. Его отпущенники, искавшие Лигію по собственной инициативѣ и на собственный рискъ, оказывались во сто разъ менѣе способными, чѣмъ Хилонъ. Кромѣ любви, какую онъ питалъ къ дѣвушкѣ, въ немъ зарождался азартъ игрока, который непременно желаетъ выиграть. Но Виницій всегда былъ такимъ: онъ съ дѣтства проводилъ чрезъ свои страсти все, что желалъ съ тѣмъ упрямствомъ человѣка, который не понимаетъ, что его можетъ постигнуть неудача и что отъ многого приходится отка-

заться. Правда, военная дисциплина отчасти обуздала его своеволие, но въ то-же время внушала ему убѣжденія, что каждое приказаніе, отданное человѣку, стоящему ниже его, должно быть исполнено. Его пребываніе на Востокъ среди людей мягкихъ и болѣе расположенныхъ къ рабскому послушанію, тѣмъ болѣе убѣждало его, что для его: „я такъ хочу“ нѣтъ границъ, благодаря чему его самолюбіе сильно страдало. Притомъ, въ самомъ сопротивленіи Лигіи, упрямствѣ и бѣгствѣ было нѣчто непонятное и загадочное, и разгадкой всего этого онъ мучилъ себя. Онъ чувствовалъ, что Актея сказала ему правду и что Лигія дѣйствительно была не равнодушна къ нему. Но если это такъ, то почему она предпочла скитальчество и нужду его любви, ласкамъ и жизни въ его роскошномъ домѣ? На это онъ не находилъ отвѣта, но какъ-то смутно чувствовалъ, что между нимъ и Лигіей; между ихъ понятіями; между свѣтомъ, въ которомъ вращался: онъ, Петроній, Помпонія и Лигія существовала какая-то разница; какое-то недоразумѣніе и глубокая пропасть, которую нельзя ничѣмъ заполнить. Въ такія минуты Виницію казалось, что онъ на всегда лишится Лигіи и что онъ теряетъ то присутствіе духа, которое поддерживалъ въ немъ Петроній. Были даже такіе моменты, что онъ не зналъ: любить-ли онъ Лигію или ненавидить, но, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ разыскать ее и предпочиталъ провалиться сквозь землю, чѣмъ не видѣть и не обладать ею. Благодаря постоянному мышленію о ней, она представлялась ему, какъ на яву и онъ вспоминалъ каждое ея слово, каждое движеніе; чувствовалъ близость ея тѣла въ своихъ объятіяхъ и въ это время имъ овладѣвали такія желанія, что онъ горѣлъ какъ въ огнѣ. Онъ любилъ ее и призывалъ къ себѣ, и когда притомъ вспоминалъ, что и самъ былъ любимъ ею и могъ по добровольному желанію достигнуть всего, чего онъ желалъ, имъ овладѣвало тяжелое чувство сожалѣнія, которое какъ будто обливало его сердце кровью, точно шкваломъ волны. Но въ то же время онъ блѣднѣлъ отъ отчаянія и наслажденія мыслью о тѣхъ мученіяхъ, которыя Лигія испытываетъ, когда онъ отыщетъ ее. Тогда онъ желалъ не только обладать ею, но и попирать ногами, какъ невольницу... Но опять таки приходилъ къ тому заключенію; что если-бъ ему предоставили выборъ: никогда не видѣться съ нею или быть ея рабомъ, то онъ предпочелъ-бы послѣднее. Бывали даже такія минуты въ его мышленіи, что онъ хотѣлъ видѣть ея розовое тѣло избѣченнымъ кнутыями, цѣловать слѣды

ихъ и наконецъ убить ее, и что въ это время онъ былъ-бы счастливѣе, чѣмъ теперь.

Находясь въ постоянной борьбѣ чувствъ, душевномъ волненіи, неуверенности и огорченіи онъ постепенно лишался здоровья и красоты, вслѣдствіе чего дѣлался не разсудительнымъ и жестокимъ, такъ что не только рабы но и отпущенники боялись подходить къ нему, и, наконецъ, когда онъ сталъ наказывать ихъ безъ всякаго повода— они стали ненавидѣть его; между тѣмъ онъ, чувствуя свое одиночество, еще больше изливалъ на нихъ свою злобу, и только въ присутствіи одного Хилона сдерживалъ себя, изъ опасенія, чтобы онъ, не прекратилъ свои поиски. А въ то же время Хилонъ, замѣтивъ его странное поведеніе, началъ вліять на него и сдѣлался требовательнѣе. Съ начала онъ увѣрялъ, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу и они скоро достигнутъ желаемаго, а теперь и самъ началъ, какъ будто сомнѣваться и не скрывалъ, что хотя они стоятъ на вѣрномъ пути, но эти поиски могутъ замедлиться.

Однажды онъ пришелъ съ такимъ мрачнымъ лицомъ, что Виницій, при взглядѣ на него, поблѣднѣлъ и бросился къ нему.

— Что, ея нѣтъ между христіанами? спросилъ онъ, совсѣмъ изнемогая отъ страха услышать печальныя новости.

— Напротивъ, отвѣтилъ Хилонъ.—Но я нашелъ между ними Главка.

— Я не понимаю тебя... Кто это?

— Очевидно, ты забылъ о старикѣ, съ которымъ я путешествовалъ изъ Неаполя въ Римъ и, защищая котораго, лишился двухъ пальцевъ. Разбойники, похитившіе его жену и дѣтей, ткнули его ножомъ и я оставилъ его на постояломъ дворѣ, близъ Минтурны, почти умирающимъ, а теперь, къ величайшему моему сожалѣнію, я убѣдился, что онъ живъ и принадлежитъ къ сектѣ христіанъ въ Римѣ.

Виницій, сначала не понявшій въ чемъ дѣло, наконецъ понялъ, что этотъ Главкъ является препятствіемъ къ розысканію Лигіи, въ виду чего овладѣлъ своимъ гнѣвомъ и равнодушно сказалъ:

— Если ты его защищаль, то онъ долженъ быть тебѣ благодарнымъ и помочь тебѣ.

— Ахъ, достойнѣйшій трибунъ!.. Вѣдь ты самъ знаешь, что даже боги не всегда благодарны намъ, а что же сказать о людяхъ! Да, долженъ быть благодарнымъ, но, къ несчастью, этотъ старикъ

недальновидѣнъ и глушь, и онъ не только не благодаренъ мнѣ, а наоборотъ: онъ, какъ я узналъ отъ его единовѣрцевъ, обвиняетъ меня въ заговорѣ съ разбойниками и что я былъ главнымъ виновникомъ его несчастія. Вотъ какая мнѣ награда за потерю этихъ двухъ пальцевъ!

— Я убѣжденъ, негодяй, что онъ правъ! отвѣтилъ Виницій.

— Въ такомъ случаѣ, ты знаешь больше, чѣмъ онъ, отвѣтилъ съ достоинствомъ Хилонъ.—Онъ только подозрѣваетъ меня, что, однако, ему нисколько не мѣшаетъ уговорить христіанъ жестоко отомстить мнѣ. И, конечно, онъ исполнилъ бы свое намѣреніе, но, къ счастью, онъ не знаетъ моего имени и, кромѣ того, еще не замѣтилъ меня въ молитвенномъ домѣ. Что касается меня, то я сразу узналъ его и въ первую минуту хотѣлъ заключить его въ свои объятія, но тотчасъ опомнился: меня удержала моя врожденная расторопность и манера обдумывать каждое свое дѣйствіе и каждый свой шагъ. Выйдя изъ молельни, я началъ разспрашивать о немъ его единовѣрцевъ, близко знающихъ его, и они отвѣтили мнѣ, что это человѣкъ, которому измѣнилъ товарищъ по путешествію изъ Неаполя. Иначе я и не узналъ бы, что онъ говоритъ обо мнѣ.

— Это меня не касается! Говори, что видѣлъ въ молитвенномъ домѣ?

— Да, тебя не касается; но это касается меня и я дорожу своей шкурой. А такъ какъ я стремлюсь къ тому, чтобы мое ученіе пережило меня, то предпочитаю отказаться отъ той награды, которую ты мнѣ обѣщалъ и не стану подвергать свою жизнь опасности ради ничтожной мамоны, безъ которой, какъ истый философъ, могу свободно обойтись, жить и проповѣдывать истину.

Но Виницій потерялъ терпѣніе и, подойдя къ нему съ зловѣщимъ лицомъ, глухимъ голосомъ произнесъ:

— Да почему ты знаешь, отъ чьей руки скорѣе умрешь: отъ руки ли Главка или отъ моей? Знаешь-ли, несчастный, что тебя сейчасъ зароютъ въ землю въ моемъ саду?

Хилонъ, будучи величайшимъ трусомъ, сразу опѣшилъ. Взглянувъ на Виниція, онъ понялъ, что если онъ обмолвится еще хоть однимъ неосторожнымъ словомъ, то безвозвратно погибнетъ.

— Разумѣется, прибавилъ онъ послѣшно,—это не остановитъ меня и я буду искать ее, пока найду.

Настало глубокое молчаніе, во время котораго слышны были

только усиленное дыханіе Виниція, да отдаленный напѣвъ невольниковъ, работавшихъ въ саду.

Черезъ нѣкоторое время грекъ замѣтилъ, что Виницій успокоился, а потому продолжалъ:

— Смерть промелькнула мимо моихъ глазъ, но я смотрѣлъ на нее спокойно, какъ Сократъ... Вѣдь я не сказалъ, что отказываюсь отъ розысковъ молодой дѣвушки, а только представилъ, съ какой опасностью сопряжены они. Въ свое время, ты сомнѣвался въ существованіи какого-то Евриція, однако же самъ убѣдился воочию, что единственный сынъ моего отца сказалъ тогда правду. Теперь ты опять сомнѣваешься и мнишь, что я выдумалъ какого-то Главка. Къ сожалѣнію, это не выдумка, и еслибъ я, въ данный моментъ, могъ такъ свободно и безопасно ходить къ христіанамъ, какъ ходилъ до настоящаго времени, то охотно отдалъ бы свою старую невольницу, которую купилъ три дня тому назадъ, чтобъ было кому присмотрѣть за моей старостью и увѣчемъ. Но Главкъ—не вымышленное лицо, и еслибъ онъ замѣтилъ меня, то сегодня ты ужъ не увидѣлъ бы Хилона, а, въ такомъ случаѣ, кто бы тебѣ отыскалъ дѣвушку?..

Хилонъ замолчалъ на минуту, обтеръ наворачившіяся слезы и прибавилъ:

— Но пока Главкъ живъ и пока я въ каждую минуту могу встрѣтиться съ нимъ и погибнуть—искать опасно, потому что вмѣстѣ съ моей погибелю пропадутъ и всѣ мои поиски...

— Да ты, любезный, говори короче, къ чему стремишься, къ чему договариваешься и что намѣреваешься предпринять? прервалъ Виницій.

— Аристотель поучаетъ насъ, что изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее, а царь Пріамъ часто говаривалъ, что старость—это тяжкое бремя. Вотъ это-то бремя угнетаетъ и Главка, такъ что смерть для него была-бы благодѣяніемъ. Да и чѣмъ, въ сущности, есть смерть, по словамъ Сенки, если не освобожденіемъ?

— Негодяй! шути съ Петроніемъ, но не со мной, и говори проще: что надо?

— Если ты считаешь добродѣтель шутловствомъ, то да позволять мнѣ боги остаться шутомъ до смерти... Я хочу удалить Главка, потому что, пока онъ живъ, моя жизнь и всѣ поиски—въ опасности.

— Въ такомъ случаѣ найми людей, которые убьютъ его палками и я имъ заплачу за это.

— Они сдерутъ съ тебя, да потомъ стануть еще доискиваться причины. Вѣдь въ Римѣ столько негодяевъ, сколько песчинокъ на аренѣ, и ты не повѣришь, какъ они цѣнятъ свой трудъ, если честный человѣкъ пожелаетъ нанять ихъ для какого-нибудь темнаго дѣла. Нѣтъ, благородный трибунъ, это негодится! А вдругъ выгнали накроютъ ихъ на мѣстѣ преступленія и заставятъ ихъ сознаться, кто подстрекнулъ ихъ—тогда и ты не оберешься хлопотъ. Они не укажутъ на меня, потому что я не скажу имъ своего имени. Но ты напрасно не довѣряешь мнѣ, такъ какъ — не говоря ужь о самой моей честности,—дѣло идетъ о двухъ вещахъ: о моей собственной шкурѣ и о той наградѣ, которую ты мнѣ обѣщаль.

— Сколько надо?

— Тысячу сестерцій!.. Прими во вниманіе, что я долженъ нанять «честныхъ негодяевъ», которые, взявши задатокъ, не скрылись-бы вмѣстѣ съ деньгами. А за хорошую работу—надо хорошо заплатить!.. Къ тому-же, маленькая толка должна остаться и мнѣ на покушку платка, чтобы было чѣмъ обтереть слезы, которыя я намѣренъ пролить, сожалья о смерти Главка: вѣдь однимъ богамъ извѣстно, какъ я любилъ его? Если я сегодня получу тысячу сестерцій, то чрезъ два дня его душа будетъ въ лучшемъ мѣрѣ, и если переселившіяся души сохраняютъ память и даръ мышленія, то онъ убѣдится, какъ я его любилъ. Я сегодня-же найду такихъ людей и скажу имъ, что съ завтрашняго вечера я буду высчитывать съ нихъ каждый день по сто сестерцій за жизнь Главка. Кромѣ того, у меня есть еще вѣрный планъ, который не проведетъ меня.

Виницій обѣщаль дать ему требуемую сумму, запретилъ говорить о Главкѣ и спросилъ объ его открытіяхъ, гдѣ онъ былъ все это время, что видѣлъ и что сдѣлалъ? Но Хилонъ не многое сказалъ: хотя онъ былъ въ двухъ молитвенныхъ домахъ и обращаль вниманіе на каждую женщину, но не замѣтилъ между ними той, которую искалъ. Однако христіане считаютъ его своимъ, и съ того времени, какъ онъ далъ деньги Еврицію для освобожденія своего сына, его уважаютъ и считаютъ послѣдователемъ Христа. Затѣмъ, онъ узналъ отъ тѣхъ-же христіанъ, что въ Римѣ находится одинъ изъ христіанскихъ законодателей и учителей, нѣкій Павелъ изъ Тарса, который заключенъ въ тюрьму по обвиненію его евреями, и съ нимъ

онъ рѣшился познакомиться. Но больше всего онъ обрадовался извѣстію, что въ скоромъ времени въ Римъ прибудетъ высшій іерархъ христіанской секты, которому Христосъ довѣрилъ паству всего свѣта. Благодаря его пріѣзду, всѣ христіане должны собраться въ одно мѣсто съ цѣлью улышать его слово, и тогда онъ не только самъ будетъ присутствовать на этомъ сборищѣ многочисленной толпы, но и введетъ туда Виниція; а ужъ тогда-то они навѣрное увидятъ Лигію, не подвергаясь опасности, потому что Главка ужъ не будетъ на свѣтѣ.

— Разумѣется, если дѣло коснется мщенія, то и христіане съумѣютъ отомстить, но, въ общемъ, это люди спокойные, заключилъ свою рѣчь Хилонъ, причемъ прибавилъ, что онъ никогда не замѣчалъ, чтобы христіане предавались разврату, отравляли колодцы и фонтаны, были врагами рода человѣческаго, поклонялись ослиной головѣ или пытались мясомъ дѣтей. Конечно, онъ найдетъ среди нихъ и такихъ людей, которые за деньги спроводятъ на тотъ свѣтъ Главка, но ученіе христіанъ, насколько ему извѣстно, запрещаетъ имъ всякія преступленія и, кромѣ того, повелѣваетъ прощать обиды.

Виницій вспомнилъ, что Актея говорила ему о Помпоніи, а потому охотно слушалъ разсказъ Хилона о христіанахъ, и хотя по временамъ питалъ нѣкоторую ненависть къ предмету своей страсти, но его обезоруживало то-же ученіе, которое исповѣдывали знакомыя ему женщины, Лигія и Помпонія, и находилъ, что это ученіе не только не преступно, но и не противно законамъ. Однако, были и такіе моменты, когда въ немъ проявлялось смутное сознаніе, что именно это таинственное и неизвѣстное ему ученіе Христа произвело разладъ между нимъ и Лигіей, а вслѣдствіе этого онъ начиналъ не только бояться его, но и ненавидѣть.

VII.

Хилону и вправду хотѣлось избавиться отъ Главка, который хоть и былъ пожилымъ, но далеко не старымъ и хилымъ человекомъ, и въ разсказѣ Хилона была значительная доля правды. Въ свое время, онъ познакомился съ Главкомъ, измѣнилъ ему, выдалъ разбойникамъ, лишилъ семьи и имуществва. Однако, воспоминанія объ этомъ прошествіи не особенно беспокоили его, потому что онъ оставилъ умирающаго не на постояломъ дворѣ, а далеко въ полѣ подь Минтурной и не ожидалъ, чтобы тотъ оправился отъ ранъ и

прибыль въ Римъ. Теперь онъ, конечно, струсилъ не на шутку, увидѣвъ Главка въ молитвенной домъ и сначала рѣшилъ отказаться отъ розысковъ Лиги; но Винцій еще больше напугалъ его и онъ вынужденъ былъ выбирать между Главкомъ и местью могущественнаго патриція, которому несомнѣнно поможетъ и Петроній. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, Хилонъ пересталъ колебаться, отлично понимая, что лучше имѣть маленькихъ враговъ, чѣмъ большихъ, и хотя его трусливая натура вздрагивала при мысли о кровавыхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ необходимымъ убить Главка съ постороннею помощью.

Теперь ему оставалось найти такихъ людей, которымъ онъ могъ бы довѣрить задуманное имъ преступленіе, и намекъ, высказанный Винцію объ его особыхъ планахъ, именно относился къ нимъ. Разумѣется, вращаясь въ большинствѣ случаевъ среди подозрительныхъ лицъ, постоянныхъ посѣтителей кабаковъ и носясь съ людьми, не имѣющими ни крова, ни вѣры, онъ легко могъ-бы найти такихъ, которые охотно согласились на его предложеніе, взяли бы отъ него задатокъ и начали свои дѣйствія; но въ то-же время узнавъ, что у него есть деньги, они потребовали бы всю сумму сполна, под страхомъ выдать его вигилямъ. Наконецъ, съ нѣкотораго времени, Хилонъ началъ чувствовать отвращеніе къ оборванцамъ, заселяющимъ Субуру или Затибрѣ¹⁵⁰). Мѣря все по своей мѣркѣ и недостаточно изучивъ христіанъ и ихъ ученіе, онъ думалъ, что и среди нихъ найдетъ орудіе своихъ замысловъ; однако, считая ихъ честнѣе другихъ, онъ рѣшился отправиться къ нимъ и представить сущность дѣла въ такомъ видѣ, чтобы они исполнили его не ради денегъ, а по одному своему усердію.

Съ этою цѣлью онъ пошелъ вечеромъ къ Еврицію, зная, что этотъ послѣдній преданъ ему всей душой и сдѣлаетъ для него все, чтобы выручить его и помочь. Тѣмъ не менѣе, будучи осторожнымъ, онъ боялся обнаружить ему свои настоящія намѣренія, которыя ни въ какомъ случаѣ не соответствовали честной, добродѣтельной и благочестивой душѣ старца. Ему только хотѣлось заручиться людьми, готовыми на всякія жертвы, и переговорить съ ними о дѣлѣ такимъ образомъ, чтобы они сохранили все въ тайнѣ, изъ опасенія навлечь на себя неприятности.

Старикъ Еврицій, выручивъ изъ рабства своего сына, нанялъ маленькую лавченку, какія вообще ютились вокругъ цирка, и завелъ

торговлю оливками, бобами, булками и медовой водой, которые и продавал зрителямъ, собиравшимся въ циркъ. Хилонъ засталъ его съ сыномъ въ лавченкѣ и, поздоровавшись съ нимъ по христіански, объяснилъ, зачѣмъ пришелъ. Причемъ намекнулъ, что онъ, оказавъ имъ услугу, вправѣ разчитывать на ихъ благодарность.

— Мнѣ нужны два, три сильныхъ и отважныхъ человѣка, для предотвращенія опасности, которая угрожаетъ не только мнѣ, но и всѣмъ христіанамъ. Правда я очень бѣденъ, потому что отдалъ вамъ почти всѣ свои сбереженія, однако я заплачу этимъ людямъ за ихъ услуги, подъ условіемъ, чтобы они довѣрились мнѣ и точно исполнили мои приказанія.

Еврицій и сынъ его Квартъ выслушали своего благодѣтеля, чуть не на колѣняхъ и наконецъ заявили ему, что они сами готовы исполнить все, что онъ отъ нихъ потребуетъ, будучи вполнѣ увѣренными, что такой благочестивый и святой мужъ не поручитъ имъ дѣло, которое было бы противно ученію Христа.

Хилонъ вполнѣ согласился съ ними и, возведя глаза къ небу, казалось, какъ будто молился; а въ сущности онъ думалъ, стоить ли принять ихъ услуги, которыя оставили-бы въ его карманѣ тысячу сестерцій. Но, подумавъ немного, онъ отказался отъ ихъ предложеній, потому что Еврицій былъ старъ, не столько по годамъ, сколько по заботамъ и болѣзни, а слѣдовательно и слабъ; да и сыну его было не больше шестнадцати лѣтъ, тогда какъ ему нужны были люди, прежде всего, здоровые, сильные и проворные. Что касается сестерцій, то, благодаря счастливой мысли, толкнувшей его на этотъ путь, онъ и такъ могъ ихъ сберечь, по крайней мѣрѣ, большую половину.

Еврицій и Квартъ продолжали уговаривать Хилона принять ихъ услуги, но когда послѣдній наотрѣзъ отказался, Квартъ прибавилъ:

— У меня есть одинъ знакомый пекаръ и мельникъ Дема, у котораго работаетъ много невольниковъ и свободныхъ людей. Между поденщиками есть одинъ такой сильный, что вертитъ жернова за четверыхъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ одинъ поднималъ жерновы, которыхъ не могли сдвинуть съ мѣста четыре человѣка.

— Если онъ человѣкъ богобоязненный и способный на самопожертвованія ради своихъ братьевъ, то познакомь меня съ нимъ.

— Онъ—христіанинъ, потому что у Дема работаютъ преиму-

щественно христіане. У него двѣ смѣны рабочихъ: дневные и ночны; онъ—ночной. Если теперь пойти туда, то мы попадемъ къ ужину и ты можешь свободно поговорить съ нимъ. Дема живетъ близъ Эмпоріума ¹⁵¹).

Хилонъ согласился. Эмпоріумъ лежалъ у подножія Авентинскаго холма, неподалеку отъ большого цирка, и къ нему можно было пройти, не обходя горы, вдоль рѣки, чрезъ портикъ Эмилиа, что значительно сокращало путь.

— Старъ я ужъ сталъ, отозвался Хилонъ, войдя подъ колоннаду,—и по временамъ память измѣняетъ мнѣ... Вѣдь нашъ Христъ, насколько я помню, былъ преданъ однимъ изъ своихъ учениковъ, и вотъ теперь я забылъ имя этого измѣнника.

— Иуда, который повѣсился, отвѣтилъ Квартъ, удивляясь, какъ можно забыть такое имя.

— Ахъ, да, Иуда! воскликнулъ Хилонъ.—Спасибо тебѣ!

И они шли нѣкоторое время въ молчаніи. Дойдя до Эмпоріума, который уже былъ запертъ, они миновали его и, обойдя хлѣбные амбары, повернули направо къ домамъ, тянувшимся вдоль *via Ostiensis* до холма Тестація и Форума Писторіумъ. Тамъ они остановились передъ деревяннымъ зданіемъ, изнутри котораго доносился шумъ вертѣвшихся жернововъ. Квартъ вошелъ внутрь, а Хилонъ остался на улицѣ. Онъ вообще не любилъ показываться среди народа, боясь столкнуться съ Главкомъ.

— Любопытно взглянуть на этого мельника-геркулеса, сказалъ онъ про себя, поглядывая на ярко свѣтившую луну;—если этотъ негодяй уменъ, то онъ будетъ не мало стоить мнѣ; а если—благочестивый христіанинъ, да еще глупый, то сдѣластъ все даромъ.

Его размышленія были прерваны возвращеніемъ Кварта съ другимъ человѣкомъ, одѣтымъ только въ тунику, называемую *эксомисъ*, сшитую такимъ образомъ, что правая рука и грудь были обнажены. Такую одежду носили преимущественно рабочіе, съ цѣлью свободного движенія руками. Хилонъ, взглянувъ на него, вздохнулъ свободно: онъ никогда въ жизни не видалъ ни такихъ рукъ, ни груди.

— Вотъ, господинъ, тотъ братъ, котораго ты желалъ видѣть, произнесъ Квартъ.

— Миръ съ тобой! сказалъ Хилонъ, и затѣмъ обратился къ Кварту:—скажи этому брату, заслуживаю-ли я довѣрія и самъ воз-

вращайся, во имя Божье, домой, гдѣ тебя ждетъ въ одиночествѣ почтенный отецъ.

— Это святой человѣкъ, сказалъ Квартъ геркулесу:—онъ отдалъ намъ свои деньги, чтобы освободить меня изъ неволи, и да наградить его за это Спаситель міра!

Рабочій наклонился и поцѣловалъ руку Хилона.

— Какъ тебя зовутъ, братъ? спросилъ послѣдній.

— При святомъ крещеніи я названъ Урваномъ.

— И такъ, Урванъ, дорогой братъ мой, есть-ли у тебя время поговорить со мною на свободѣ?

— Наша смѣна начинаеть работать въ полночь, а теперь готовить намъ ужинъ.

— Значить, еще много времени... Въ такомъ случаѣ, пойдёмъ къ рѣкѣ и тамъ поговоримъ.

Они пошли и сѣли на каменномъ бережкѣ. Въ тиши ночной слышенъ былъ плескъ воды да отдаленное урчаніе жернововъ. Хилонъ всмотрѣлся въ лицо работника, которое было не то грозное не то грустное, но въ то же время доброе и искреннее.

„Да, подумалъ Хилонъ, — именно, такой человѣкъ мнѣ и нуженъ: онъ добръ, но глушь и даромъ можетъ отправить на тотъ свѣтъ Главка“.

— Любишь-ли ты Христа? спросилъ онъ помолчавъ.

— Всемъ сердцемъ и душою, отвѣтилъ рабочій.

— А своихъ братьевъ, сестеръ и тѣхъ, кто научилъ тебя познать истину?

— Всѣхъ люблю, почтенный отецъ.

— Въ такомъ случаѣ, да будетъ миръ съ тобою!

— И съ тобою, отецъ.

Опять настала тишина, нарушаемая только плескомъ воды, да гуломъ отъ жернововъ.

Хилонъ вперилъ свои глаза въ яркую луну и, не спѣша, какъ-то глухо заговорилъ о Христѣ. Онъ говорилъ словно про себя, вспоминалъ его позорную смерть и какъ будто довѣрялъ великую тайну уснувшему городу. Въ его словахъ было нѣчто торжественное и потрясающее, такъ что работникъ заплакалъ, и когда Хилонъ началъ сожалѣть о томъ, что въ моментъ смерти Спасителя не было никого, кто-бы могъ защитить Его, если не отъ смерти, то отъ оскорбленій солдатъ и іудеевъ, сильные длани атлета на-

чали сжиматься въ кулаки отъ жалости и отчаянія. Смерть только потрясала его, но мысль о той варварской толпѣ, которая издѣвалась и надругалась надъ распятымъ Христомъ, возмущала въ немъ его простую душу и имъ овладѣвало дикое желаніе отомстить.

— Ты знаешь, Урвань, кто былъ Іуда? вдругъ спросилъ Хилонъ.

— О, знаю, знаю!.. Но вѣдь онъ повѣсился!

И въ голосѣ работника прозвучало сожалѣніе, что измѣнникъ покончилъ самъ съ собою и не попалъ въ его руки.

— Да, еслибъ онъ не повѣсился и еслибъ кто либо изъ христіанъ встрѣтилъ его на морѣ или на сушѣ то, конечно, обязанъ былъ отомстить за пролитую кровь и смерть Спасителя.

— О, кто-бы не отомстилъ ему, отецъ!

— Да будетъ миръ съ тобою, вѣрный слуга Агнца. Да! Каждый воленъ прощать свои обиды, а кто можетъ простить обиды Бога? Но, какъ змѣя плодитъ змѣй, а измѣна—измѣну, такъ изъ яда Іуды родился другой измѣнникъ; и какъ первый предаль іудеямъ и солдатамъ Спасителя, такъ второй, пребывающій между нами, хочетъ предать волкамъ его стадо; и если никто не предотвратитъ измѣны и не сотретъ въ прахъ змѣи, то всѣхъ насъ ждетъ гибель, а съ нашею гибелью пропадутъ и честь, и слава Христа.

Мельникъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и бездѣйствіемъ, какъ будто не понимая того, что ему говорятъ. Между тѣмъ грекъ, прикрывъ свою голову полою плаща, прибавилъ какимъ то замогильнымъ голосомъ:

— Горе вамъ, служители Бога истинна! Горе вамъ христіане и христіанки!

Опять воцарилось молчаніе и опять только слышались шумъ рѣки, урчаніе жернововъ да на этотъ разъ пѣсни помольщиковъ.

— Какой же это измѣнникъ, отецъ? Кто онъ? спросилъ мельникъ помолчавъ.

Хилонъ опустилъ голову.

— Кто онъ? Сынъ Іуды, сынъ его яда, который притворяется христіаниномъ и ходитъ въ молитвенные дома только для того, чтобы оклеветать братьевъ передъ цезаремъ, что они не признаютъ его божества, отравляютъ воду, убиваютъ дѣтей и хотятъ разрушить весь городъ, что бы въ немъ не осталось камня на

камя. Въ виду такого тяжкого обвиненія, чрезъ нѣсколько дней будетъ изданъ указъ заключить въ тюрьму всѣхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, а затѣмъ предать ихъ смерти, какъ были преданы невольники Педанія Секунда! И все это сдѣлалъ второй Іуда. Но, если перваго никто не наказалъ и не отомстилъ ему за смерть Христа, то кто же можетъ наказать втораго и стереть его съ лица земли, прежде чѣмъ цезарь выслушаетъ его клевету; кто, наконецъ, защититъ своихъ братьевъ и вѣру Христа отъ угрожающей опасности?

Урванъ, сидѣвшій до этого момента на каменномъ берегу, вдругъ всталъ.

— Я, отецъ! сказалъ онъ.

Хилонъ тоже всталъ, посмотрѣлъ на работника, освѣщеннаго луною, протянулъ руку и положилъ свою ладонь на его голову.

— Ступай къ христіанамъ! торжественно произнесъ онъ.—Поди въ молитвенные дома и спроси братьевъ о Главкѣ, и когда они тебѣ укажутъ на него, то, во имя Бога, убей его!..

— Главка? повторилъ Урванъ, точно желая запомнить это имя.

— Знаешь его?

— Нѣтъ, не знаю. Въ Римѣ нѣсколько тысячъ христіанъ, и гдѣ-же ихъ всѣхъ знать. Но завтра ночью въ Остраніумъ соберутся всѣ братья и сестры, по случаю прибытія великаго апостола Христового, и тамъ ужъ мнѣ покажутъ его.

— Въ Остраніумѣ? Вѣдь это, кажется, за городскими воротами?.. Всѣ братья и сестры... ночью?.. за городомъ... въ Остраніумѣ?

— Да. Это наше кладбище; оно находится между *via Salagia* и Номентаной. Развѣ ты не знаешь, отецъ, что тамъ будетъ поучать великій апостолъ?

— Мечя не было два дня дома и я еще не получалъ оповѣщенія, да и не знаю, гдѣ Остраніумъ, такъ какъ и самъ недавно прибылъ изъ Коринѳа, гдѣ управляю христіанскою паствою... Но, это все равно! И если Господь вдохновилъ тебя, мой сынъ, то иди хоть ночью, отыщи тамъ Главка и убей его на обратномъ пути изъ Остраніума, а за эту услугу Господь проститъ тебѣ всѣ твои прегрѣшенія. А теперь—миръ съ тобою!..

— Отецъ! остановилъ его Урванъ.

— Я слушаю тебя, мой сынъ.

Лицо дожаго рабочаго было озабочено. И не мудрено!

— Я еще недавно убилъ человѣка, а можетъ—и двухъ, сказалъ онъ, словно про себя,—а вѣдь ученіе Христа воспрещаетъ убійство. Конечно, я убилъ ихъ не въ свою защиту, потому что и этого нельзя, и не изъ-за корысти—сохрани Богъ!.. Самъ епископъ послалъ мнѣ братьевъ на помощь и запретилъ убивать, но я нехотя убилъ, потому что Господь послалъ мнѣ въ наказаніе чрезвычайную силу... И вотъ я теперь усилленно сокрушаюсь и каюсь... и когда всѣ другіе помольщики поютъ пѣсни при жерновахъ, я думаю о своемъ тяжкомъ грѣхѣ... О, сколько ужъ я наплакался и намолился чтобы Господь простилъ меня, и все-таки думаю, что мало... А тутъ, вдругъ, опять убить измѣнника!.. Впрочемъ, только собственныя обиды можно прощать и, въ такомъ случаѣ, я убью его на глазахъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, которые завтра соберутся въ Остраніумъ... Но, чтобъ убить его, онъ долженъ быть приговоренъ къ смерти старшими братьями, епископомъ или апостолами. Немудрено убить человѣка, а убить измѣнника такъ даже и приятно, какъ-бы убить волка или медвѣдя; но если вдругъ Главкъ погибнетъ невинно? Какъ-же я могу принять на свою совѣсть новый грѣхъ, новое убійство и новое оскорбленіе Бога?

— Ну, теперь поздно разсуждать и колебаться, мой сынъ, прервалъ его Хилонъ,—потому что измѣнникъ пойдетъ изъ Остраніума прямо къ цезарю въ Антію или спрячется въ домъ извѣстнаго патриція, въ услуженіи котораго онъ находится. Но я дамъ тебѣ знакъ, который ты покажешь епископу или апостолу послѣ убійства, и они благословятъ твой поступокъ и будутъ молиться за твой грѣхъ.

Причемъ онъ досталъ изъ кошелька монету, вынулъ изъ-за пояса ножъ, нацарапалъ остріемъ на ней крестъ и отдалъ ее Урвану.

— Это приговоръ для Главка и знакъ—для тебя. Послѣ убійства покажи этотъ знакъ епископу и онъ разрѣшитъ тебя, какъ за это, такъ и за первое твое невольное убійство.

Атлетъ невольно протянулъ руку за сестеріей; но, помня еще недавнее преступленіе, онъ точно испугался:

— Отецъ, отозвался онъ умоляющимъ голосомъ:—примешь-ли ты это преступленіе на свою отвѣтственность и совѣсть, и самъ-ли ты слышалъ, что Главкъ предастъ своихъ братьевъ?

Хилонъ понялъ, что Урванъ требуетъ доказательствъ, иначе онъ можетъ заподозрить его самого въ измѣнѣ. По счастливой случайности, его внезапно осѣнила мысль и онъ сказалъ:

— Слушай, Урванъ, хоть я живу въ Коринѣѣ, но пропсхожу изъ Косъ и здѣсь, въ Римѣ, наставляю на путь христіанства одну дѣвушку, нѣкую Евнику, мою землячку, которая служитъ, какъ «вестицлпка», у Петронія, большого пріятеля и друга цезаря. Именно, въ этомъ домѣ я слышалъ, какъ Главкъ брался предать всѣхъ христіанъ и, кромѣ того, обѣщаль наушнику цезаря Вницію розыскать среди христіанъ молодую дѣвушку...

Но Хилонъ внезапно оборвалъ свою рѣчь и съ изумленіемъ взглянулъ на Урвана, глаза котораго сверкнули, какъ у звѣря и лицо преисполнилось гнѣвомъ и угрозой.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Ничего!.. Завтра-же убью Главка!..

Грекъ умолкъ, а потомъ, взявъ за плечи работника, повернулъ его лицомъ къ свѣту луны и пристально посмотрѣлъ на него. Очевидно, Хилонъ колебался, разспрашивать ли дальше Урвана или удовлетвориться тѣмъ, что онъ уже узналъ или догадался. Однако, врожденная осторожность превозмогла его колебаніе. Онъ вздохнулъ глубоко и затѣмъ, положивъ ему руку на голову, какъ и прежде, торжественно и ясно спросилъ:

— Вѣдь, при святомъ крещеніи ты наречень Урваномъ?

— Да, отецъ.

— И такъ, миръ съ тобою, Урванъ!

VIII.

Петроній къ Вницію:

«Что съ тобой, *carissime*? Должно быть, Венера лишила тебя разума, памяти и дара мышленія думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ любви. Прочитай когда нибудь то, что ты отвѣтилъ на мое письмо и ты самъ убѣдишься, насколько твои помыслы сдѣлались равнодушны ко всему, что не есть Лигіей, какъ ты занялъ ею и какъ твои думы кружатся надъ нею, точно ястребы надъ свѣжею падалью. Клянусь Поллуксомъ! такъ можно съ ума сойти! Отыщи ее скорѣе, и если огонь любви не успѣетъ изжечь тебя въ пепель, то ты превратишься въ египетскаго Сфинкса, который, какъ говорятъ, влюбившись въ блѣднолицую Изиду, сдѣлался равнодушнымъ ко всему и ждалъ только ночи, чтобы смотрѣть на нее своими каменными глазами.

«Ходи себѣ по вечерамъ передѣтымъ; бывай съ твоимъ философомъ въ молитвенныхъ домахъ и дѣлай все, что поддерживать надежду, убиваетъ время и достойно похвалы; но, ради дружбы со мною, сдѣлай одну вещь: найми ты себѣ Кротона и ходи втроемъ, потому что Урсъ, невольникъ Лиги, должно быть обладаетъ не дюжинной силой: это будетъ умнѣе и безопаснѣе. Вѣроятно, христіане не такіе негодяи, за какихъ ихъ принимаютъ: иначе Помпонія и Лигія не принадлежали бы къ ихъ сектѣ. Они только доказали при похищеніи Лиги, что если дѣло касается увода изъ ихъ стада овцы, то и они умѣютъ постоять за себя. Я знаю, что ты, какъ только встрѣтишь ее, не выдержишь и тотчасъ пожелаешь увести ее; но какъ ты этого достигнешь при помощи одного Хлонида? Обязательно нанять Кротона, который, одинъ уберетъ десятокъ такихъ Урсовъ. Ты, лучше не поддавайся влиянію Хлона, а на Кротона денегъ не жалѣй. Это мой лучший совѣтъ изъ всѣхъ, какіе я могъ-бы тебѣ сообщать.

«Здѣсь ужъ перестали говорить о маленькой августѣ и о томъ, что она умерла «съ глаза». Только Пощея изрѣдка вспоминаетъ о томъ; но мысли цезаря заняты другимъ. Впрочемъ, если правда, что дива августа опять находится въ отъѣнномъ положеніи, то и она скоро забудетъ о первомъ ребенкѣ. Мы ужъ нѣсколько дней пребываемъ въ Неополѣ или, точнѣе, въ Байи. Еслибъ ты былъ способенъ мыслить, то это наше пребываніе здѣсь достигло-бы и до твоего слуха, потому что Римъ навѣрное неговоритъ ни о чемъ иномъ, какъ о насъ. Итакъ, мы въ Байи, гдѣ прежде всего нами овладѣли воспоминанія о матери, а затѣмъ—упреки совѣсти. Но знаешь-ли, до чего дошелъ нашъ Агенобарбъ? До того, что даже убійство матери ему служить темой для сочиненія стихотвореній и разыгрыванія шутовски-трагическихъ сценъ. Онъ и прежде чувствовалъ угрызенія совѣсти настолько-же, насколько онъ трусъ. Но, теперь, убѣдившись, что свѣтъ остался такимъ-же, какимъ былъ прежде, что земля подъ его ногами и что ни одинъ изъ боговъ не отомстилъ ему,—онъ притворяется для того, чтобы растрогать людей своей судьбой. Иногда, онъ вскакиваетъ по ночамъ, будитъ насъ, доказываетъ, что его преслѣдуютъ Фурии, осматривается кругомъ и принимаетъ позу актера въ роли Ореста, — да и то очень плохого актера,—декламируетъ греческіе стихи и смотритъ: восторгаемся-ли мы имъ. Ну, мы, конечно, восторгаемся; но вмѣсто

того, чтобы сказать ему: ступай спать, шутъ! подстраиваемся къ тону трагедіи и защищаемъ великаго артиста отъ преслѣдованія его Фуриями. Клянусь Касторомъ! ты ужь вѣрно знаешь, что онъ выступалъ публично въ Неаполѣ. Въ театрѣ согнали всѣхъ греческихъ бродягъ, которые переполнили арену такими неприятными выдыханіями чесноку и пота, что я не зналъ куда дѣваться; но, къ счастью, я не сѣлъ въ первые ряды съ августіанами, а предпочелъ быть за сценой. И вѣришь-ли, я боялся? Да, боялся! Агенобарбъ бралъ мою руку и прикладывалъ ее къ своему сердцу, которое дѣйствительно ужасно билось. Онъ дышалъ отрывисто, а въ моментъ, когда нужно было выходить на сцену, совсѣмъ поблѣднѣлъ и на лбу выступили крупныя капли поту, хоть и зналъ, что во всѣхъ рядахъ сидѣли преторіанцы, которые, въ случаѣ нужды, могли бы возбудить въ публикѣ восторгъ посредствомъ палокъ. Но въ этомъ не представлялось надобности, потому что никакое стадо обезьянъ изъ окрестностей Кароагена не сумѣетъ такъ выть, какъ завывли эти оборванцы, такъ что запахъ чесноку долеталъ до сцены. Между тѣмъ, Неронъ раскланывался, прижималъ руки къ груди, посылалъ поцѣлун и — плакалъ. Послѣ этого онъ вбѣжалъ къ намъ за сцену, какъ пьяный и громко воскликнулъ: «Что въ сравненіи триумфъ цезаря съ моимъ триумфомъ!» А тѣмъ временемъ голытьба выла и аплодировала, зная, что этимъ она выаплодировываетъ себѣ милости, подарка, бесѣды, лотерейныя билеты и новыя зрѣлища цезаря-шута. Но я и не удивляюсь, что они аплодировали, потому что до этого они ничего подобнаго не видали, а Неронъ только и повторялъ: «Вотъ, что значать греки! вотъ что значать греки!» И мнѣ кажется, что съ этой минуты его ненависть къ Риму возрасла... Тѣмъ не менѣе, въ Римъ посланы гонцы съ оповѣщеніемъ о полномъ триумфѣ и мы ожидаемъ на этихъ дняхъ благодарности сената.

«Вслѣдъ за первымъ выступленіемъ Нерона на сцену, здѣсь случилось очень странное происшествіе: театръ внезапно обвалился, но, къ счастью, когда ужь всѣ вышли изъ него. Я самъ былъ на мѣстѣ происшества, но не видалъ ни одного трупа. Однако, многіе греки смотрятъ на это, какъ на гнѣвъ боговъ за небрежное отношеніе къ цезарской власти; но самъ онъ объясняетъ это иначе и говоритъ, что боги, должно быть, милостивы къ нему за его голосъ, а также были милостивы и къ тѣмъ, которые слушали его. Послѣ

этого, во всѣхъ храмахъ были совершены благодарственные жертвоприношенія и теперь явилось желаніе поѣхать въ Ахайю¹⁵²). Однако, нѣсколько дней тому назадъ, онъ говорилъ мнѣ о своей боязни, что скажутъ на это римляне и не возмутятся ли они его актерствомъ какъ изъ любви къ нему, такъ и изъ опасанія лишиться хлѣба и зрѣлищъ, которыхъ и въ самомъ дѣлѣ они не получаютъ, по случаю отсутствія цезаря.

«Однако, мы ѣдемъ въ Венеventъ¹⁵³) любоваться сапожницкою роскошью, какою отличится Ватиній, а оттуда переселимся, подъ охраной божественныхъ братьевъ Елены, въ Грецію. Что касается меня, то я замѣтилъ, что если попадешь въ среду сумашедшихъ, то и самъ сдѣлаешься сумашедшимъ, но что въ этомъ сумашествіи есть извѣстная прелесть. Греція и путешествіе въ тысячу цифръ! Да вѣдь это какой-то торжественный походъ Бахуса среди увѣнчанныхъ миртами и листьями винограда нимфъ и вакханокъ; среди воевъ, запряженныхъ тиграми; цвѣтовъ, тирсовъ¹⁵⁴), вѣнковъ и криковъ: эво! музыки, поэзіи и рукоплескающей Элады,—все это прекрасно!.. Но, мы здѣсь замыслиаемъ болѣе смѣлые планы. Намъ хочется создать какую нибудь восточно-сказочную имперію; царство пальмъ, солнца, поэзіи и, превратившейся въ сонъ, дѣйствительности. Намъ хочется забыть о Римѣ, а всю тяжесть свѣта помѣстить гдѣ нибудь между Греціей, Азіей и Египтомъ и жить жизнью боговъ, не зная что значить обыденность, кататься на золотыхъ галерахъ подъ тѣнью пурпурныхъ парусовъ по Архипелагу; быть Аполлономъ, Озирисомъ и Вааломъ въ одномъ лицѣ; блестять съ зарею, золотиться съ солнцемъ и серебриться съ мѣсяцемъ; словомя, владѣть, царствовать, пѣть, мечтать... И повѣришь ли, что даже я, у котораго имѣется хоть на сестерцію разсудка и на асъ благородумія, позволяю себѣ увлекаться этими фантастическими картинами, которыя если и невозможны, то необыкновенны и величественны... Хотя такая Имперія была бы чѣмъ-то сказочнымъ, но въ будущемъ, чрезъ многіе вѣка, она казалась бы людямъ волшебнымъ сномъ. Насколько бы Венера не принимала образъ Лигіи или хоть невольницы Евники и сколько бы не украшало ее искусство, все таки жизнь сама по себѣ пуста и часто имѣетъ фізіономію обезьяны. Но нашъ рыжебородый не осуществилъ своихъ замысловъ, хоть бы потому, что въ этомъ сказочномъ царствѣ не можетъ быть мѣста для измѣны, подлости и смерти; а въ немъ, подъ маской поэта, сидитъ ничтожный флягаръ,

глуповатый набздникъ и плоскій тиранъ. А пока мы спроваживаемъ на тотъ свѣтъ людей, которые чѣмъ либо мѣшаютъ намъ. Бѣдный Торкватъ Силанъ сдѣлался одною тѣнью; нѣсколько дней тому назадъ, онъ вскрылъ себѣ жилы; Леканій и Лициній съ ужасомъ принимаютъ лекарства; Старого Трасея не минуешь смерть, потому что онъ осмѣливается быть честнымъ; Тигелинъ никакъ не можетъ хлопотать приказанія, чтобы я вскрылъ себѣ артерію, потому что я еще нуженъ не только какъ «*arbiter elegantiae*», но и какъ человѣкъ, безъ совѣта и вкуса котораго не можетъ состояться поѣздка въ Ахайю. Однако, я часто думаю о томъ, что, раньше или позже, этимъ должно кончиться; и знаешь ли, что беспокоитъ меня? Чтобы моя смиренская чара¹⁵⁵⁾ не досталась рыжебородому. Если ты будешь присутствовать при моей смерти, то я подарю ее тебѣ, а если—наоборотъ, то разобью ее... А между тѣмъ еще передъ нами сапожницкій Беневентъ, олимпійская Греція и Фатумъ¹⁵⁶⁾, которая ведетъ каждаго по непредвидѣнной и незнакомой дорогѣ. Будь здоровъ и найми Кротона. Иначе у тебя опять похитятъ Лигію. Что касается Хилонида, то пришли его ко мнѣ, гдѣ бы я ни былъ, какъ только онъ тебѣ станетъ ненужнымъ: быть можетъ, я сдѣлаю изъ него второго Ватинія и передъ нимъ еще будутъ дрожать консулы и сенаторы, какъ дрожатъ передъ тѣмъ рыцаремъ-сапожникомъ. А стоило бы дождаться такого зрѣлища. Когда отыщешь свою Лигію, то увѣдоми меня, чтобы я могъ принести на жертвенникъ Венеры въ ея здѣшнемъ кругломъ храмѣ пару лебедей и пару голубей. Какъ-то я видѣлъ во снѣ Лигію, сидѣвшую на твоихъ колѣняхъ и цѣловавшуюся съ тобою. Постарайся, чтобы сонъ твой былъ вѣщимъ. Да не появятся на твоемъ горизонтѣ тучи, а если и придутъ, то пусть будутъ разцвѣчены и ароматны, какъ розы. Будь здоровъ и прощай!»

IX.

Едва Виницій окончилъ чтеніе письма, какъ въ бібліотеку вошелъ Хилонъ. Слугамъ было приказано впускать его безъ доклада во всякое время дня и ночи.

— Да будетъ къ тебѣ милостива божественная мать твоего предка Енія¹⁵⁷⁾, сказалъ онъ, входя,—какъ былъ милостивъ ко мнѣ божественный сынъ Мап¹⁵⁸⁾.

— Что это значить? спросил Виницій, вскакивая изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ.

— Эврика! воскликнулъ Хилонъ, съ гордостью поднимая голову. Молодой патриціи заволновался и долгое время не могъ сказать ни слова.

— Ты видѣлъ ее? наконецъ спросилъ онъ.

— Не ее, а Урса, съ которымъ разговаривалъ.

— И знаешь, гдѣ они скрылись?

— Нѣтъ. Конечно, ктонибудь другой, изъ самолюбія, даль-бы понять лигійцу, что его узнали; иной постарался бы выпытать его, гдѣ живетъ и, пожалуй, получилъ бы въ награду за свое любопытство ударъ, отъ котораго помutilось бы въ глазахъ, а затѣмъ разспросы повели бы къ тому; что дѣвушку сегодня же ночью увели въ другое мѣсто. Но я не такой профанъ. Для меня достаточно было узнать, что Урсъ работаетъ у мельника, близъ Эмпоріума, нѣкоего Демы, какъ называется и твой отпущенникъ, а потому теперь, первый изъ твоихъ вѣрныхъ невольниковъ можетъ прослѣдить за нимъ утромъ, когда онъ пойдетъ домой, и открыть ихъ убѣжище. Я только пришелъ сказать тебѣ, что если Урсъ находится въ городѣ, то и божественная Лигія въ Римѣ. Затѣмъ, вторая новость: достовѣрно, что сегодня ночью прибудетъ въ Остра-ніумъ...

— Въ Остраіумъ? прервалъ его Виницій, очевидно желая тотъ часъ отправиться туда:—гдѣ онъ находится?

— Это старые Гипогей¹⁵⁹), между *via Salaria* и Номентаной. Тамъ первосвященникъ, о которомъ я ужъ упоминалъ тебѣ, пріѣхалъ и сегодня ночью будетъ крестить и поучать народъ. Они, пока, скрываютъ свое ученіе, и хотя до настоящаго момента не было издано никакихъ запретительныхъ эдиктовъ, но народъ ненавидитъ христіанъ и они потому осторожны. Мнѣ сказалъ это самъ Урсъ, что всѣ до одинаго, сегодня придуть въ Остраіумъ, потому что всякому желательно послушать перваго Апостола Христа, котораго они называютъ Его посланникомъ. Можетъ быть, не будетъ только одной Помпоніи, которой нельзя незамѣтно уйти изъ дому: иначе ей пришлось бы дать отчетъ своему мужу Авлію, куда она ходитъ по ночамъ. Что же касается Лигіи, находящейся подъ покровительствомъ Урса и старшинъ христіанской секты, то она навѣрное будетъ тамъ, вмѣстѣ съ другими женщинами.

Виницій, жившій все время лихорадочною жизнью и надеждой, которую лелеялъ и поддерживалъ до настоящаго момента или, точнѣе, которая поддерживала его существованіе, внезапно почувствовалъ такую сильную слабость, какую человекъ чувствуетъ послѣ долговременнаго путешествія, подходя къ цѣли. Хилонъ замѣтилъ это и рѣшилъ воспользоваться его слабостью.

— Правда, всѣ городскія ворота охраняются солдатами, твои люди тоже смотрять за проходящими, и христіане знаютъ это; но вѣдь имъ не нужны ворота: они могутъ пройти по берегу Тибра, и хоть отъ рѣки далеко до Остраньевскихъ дорогъ, все-таки стоитъ сдѣлать крюкъ, чтобъ увидѣть и услышать «Великаго Апостола». Кромѣ того, у нихъ есть тысячи другихъ лазеекъ, для выхода за городъ... Поэтому, не мѣшало бы и тебѣ пройтись въ Остраніумъ, гдѣ навѣрное ты найдешь Лигію; а еслибъ даже ее и не было тамъ, чего я никакъ не допускаю, то будетъ Урсъ, который обѣщаль мнѣ убить Главка: онъ самъ говорилъ мнѣ, что пойдетъ туда и убьетъ,—слышишь, благородный трибунъ? Такимъ образомъ, или самъ прослѣдишь за нимъ и узнаешь, гдѣ живетъ Лигія, или прикажешь схватить его своимъ людьми, какъ убійцу; а имѣя его въ своей власти легко вынутаешь, куда онъ скрылъ дѣвушку. Съ своей стороны, я кончилъ свое дѣло. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, сказалъ-бы, что онъ выпилъ съ Урсомъ десять кантровъ¹⁶⁰) лучшаго вина, прежде чѣмъ вытянулъ изъ него тайну; что проигралъ ему въ «scriptae duodecim»¹⁶¹) тысячу сестерцій или купилъ его тайну за двѣ тысячи... зная, что ты вдвойнѣ вернешь ихъ, но я рѣшилъ хоть разъ въ жизни... то есть, я хотѣлъ сказать: какъ всегда остаться честнымъ, надѣясь на силу словъ великодушнаго Петронія, что твоя щедрость превзойдетъ всѣ мои расходы и ожиданія.

Виницій, хоть и былъ истымъ солдатомъ, который умѣлъ владѣть собою въ какихъ-бы то ни было случаяхъ, на этотъ разъ ослабѣлъ и мягко сказалъ:

— И ты не ошибаешься ни въ моей щедрости, ни въ великодушіи; но прежде пойдешь со мной въ Остраніумъ.

— Я? въ Остраніумъ? переспросилъ Хилонъ, не имѣвшій ни малѣйшаго желанія идти туда.—Я, благородный трибунъ, обѣщаль тебѣ навести на слѣдъ Лигіи и указать, гдѣ она находится, но не похищать ее... Самъ посуди, что было бы со мной, еслибъ этотъ лигійскій медвѣдь, разорвавъ Главка, случайно убѣдился, что на-

прасно разорвалъ его? Не счелъ-бы ли онъ меня, хоть и несправедливо, за орудіе совершеннаго имъ преступленія? Помните, что и самому лучшему философу трудно отвѣчать на глупые вопросы простачковъ, и что-бы я отвѣтилъ ему, если-бы онъ спросилъ меня, за что я обвинилъ Главка? Но если ты думаешь, что я обманываю тебя, то я ставлю въ условіе заплатить мнѣ тогда, когда я укажу тебѣ домъ, въ которомъ живетъ Лигія, а сегодня окажи мнѣ хоть частицу твоей щедрости на тотъ случай, что если съ тобой случится что нибудь особенное,—отъ чего да спасутъ тебя всѣ боги,—то что-бы я не лишился цѣликомъ всей заслуженной награды.

Виницій пошелъ къ сундуку, стоящему въ нишѣ на мраморномъ постаментѣ, называемомъ «аркой» и, вынувъ изъ него кошелекъ, швырнулъ его Хилону.

— Здѣсь только скрупулы, ¹⁶²⁾ сказалъ Виницій,—а когда Лигія будетъ у меня на дому, то получишь такой же кошелекъ ауресовъ.

— О, Юпитерь!! воскликнулъ Хилонидъ.

Но Виницій нахмурилъ брови и прибавилъ:

— Здѣсь получишь ѣсть и можешь отдохнуть... До вечера нигде не пойдешь и, когда сдѣлается темно, проводишь меня въ Остраніумъ...

На лицѣ грека проявился страхъ и колебаніе; но скоро онъ успокоился и произнесъ:

— Кто-жъ станетъ противорѣчить тебѣ, господинъ! Прійми эти слова за доброе предзнаменованіе, какъ принялъ ихъ нашъ великій богатырь въ храмѣ Аммона... Что касается этихъ скрупуловъ, то они превзошли мои ожиданія, прибавилъ онъ, тряхнувъ кошелькомъ,—не говоря ужъ о твоёмъ обществѣ, которое я почитаю за счастье для себя...

Но Виницій нетерпѣливо прервалъ его льстивую болтовню и началъ разспрашивать о сущности бесѣды его съ Урсомъ. Изъ объясненій Хилона трибунъ понялъ, что пріютъ Лигіи сегодня ночью будетъ открытъ, а быть можетъ и ее самую можно похитить на обратномъ пути изъ Остраніума. При этой мысли, Виниціемъ овладѣла безумная радость. Теперь, будучи увѣреннымъ, что онъ навѣрно отыщетъ Лигію, его гнѣвъ и обида на нея совсѣмъ прошли. За эту радость онъ прощалъ ей всѣ провинности и думалъ о ней, какъ о дорогомъ для него существѣ, точно она возвращалась къ нему послѣ продолжительнаго путешествія; такъ что ему хотѣлось тотчасъ со-

звать всѣхъ невольниковъ и приказать украситъ весь домъ гирляндами. Въ настоящій моментъ онъ не обижался даже на Урса и готовъ былъ простить и ему какія-бы ни было обиды. Даже Хилонъ, къ которому онъ, не смотря на его услуги, питаль отвращеніе, — показался ему забавнымъ и даже недюжиннымъ человѣкомъ. Въ его глазахъ все просіяло и онъ опять почувствовалъ свою молодость и прелесть жизни. Прежнее мрачное настроеніе не давало ему свободно думать, какъ онъ любитъ Лигію, и только теперь понялъ, что она дорога ему. Желанія обладать ею пробуждались въ немъ, какъ пробуждается земля весной, когда ее пригрѣетъ солнышко; страсти его сдѣлались не столько дикими, сколько радостными и чувствительными. Теперь онъ чувствовалъ себя ободреннымъ и преисполненнымъ энергіи: онъ былъ убѣжденъ, что какъ только увидитъ Лигію собственными глазами, то ужъ никто не отниметъ ее у него, ни христіане всего свѣта, ни даже самъ цезарь.

Благодаря очевидной радости патриція, Хилонъ началъ преподавать ему смѣлые совѣты. По его мнѣнію, было еще рано считать дѣло выиграннымъ и нужно соблюсти величайшую осторожность, чтобы не испортить начатаго. Онъ умолялъ Виниція не похищать Лигію въ Остраніумѣ и идти туда въ капюшонахъ съ закрытыми лицами, стать гдѣ нибудь въ мрачномъ уголкѣ и спокойно смотрѣть на присутствующихъ.

— Замѣтивъ Лигію, продолжалъ онъ, — безопасно прослѣдить за ней издалека до того дома, куда она войдетъ, а затѣмъ, утромъ, окружить его невольниками и взять Лигію среди бѣлаго дня. Такъ какъ она заложница и принадлежитъ цезарю, то въ этомъ не будетъ нарушенія закона. Въ крайнемъ случаѣ, если Лигія не будетъ на этомъ собраніи, то нужно прослѣдить за Урсомъ, и результатъ выйдетъ тотъ-же. На кладбище нельзя идти съ множествомъ людей, которые могутъ обратить на себѣ вниманіе и тогда христіане погасятъ всѣ огни, какъ это они сдѣлали при похищеніи Лигіи, разсыпятся во всѣ стороны и спрячутся въ темнотѣ въ разныхъ щеляхъ, которыя имъ однимъ извѣстны. Разумѣется, нужно вооружиться и, пожалуй, прихватить одного или двухъ здоровыхъ людей, которые, въ случаѣ надобности, могли-бы помочь.

Виницій согласился съ Хилономъ и, вспомнивъ совѣтъ Петронія, приказалъ невольникамъ позвать къ нему Кротона. Хилонъ, знавшій всѣхъ въ Римѣ, значительно успокоился, услышавъ имя извѣстнаго

атлета, силѣ и ловкости которою онъ самъ удивлялся на аренѣ, а потому заявилъ, что съ нимъ пойдетъ куда угодно. Притомъ и кошелькъ съ большими аурессами легче было получить при помощи этого силача.

Черезъ нѣкоторое время его позвалъ завѣдующій атриумомъ обѣдать. Онъ сѣлъ съ доброю мыслью за столъ и, во время ѣды, рассказывалъ невольникамъ, сколько онъ доставилъ копытной мази ихъ господину для его лошадей, которою если помазать копыта самой плохой лошади, то она побѣжитъ быстрѣе лучшаго скакуна. Мазь эту научилъ его дѣлать одинъ старикъ христіанинъ, такъ какъ между ними есть много колдуновъ, которые творятъ разныя чудеса лучше чѣмъ еесалійцы, хотя Еесалія уже давно прославилась своими колдуньями. Христіане довѣряютъ ему, и легко догадаться почему, если кто знаетъ, что значить рыба.

Разговаривая съ невольниками, онъ пристально слѣдилъ за ними, не откроется-ли кого-нибудь среди нихъ изъ христіанъ, чтобы донести Виницію. Но онъ ошибся въ своемъ предположеніи и началъ ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ, расхваливая повара и увѣряя рабовъ, что онъ постарается купить его у Виниція. Однако, его веселое настроеніе повременамъ омрачала мысль о томъ, что вечеромъ ему нужно идти въ Остраніумъ, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что пойдетъ переодѣтымъ въ сопровожденіи двухъ людей, одинъ изъ которыхъ замѣчательный силачъ, а другой — патрицій и къ тому-же высокопоставленный начальникъ войскъ.

«Въ случаѣ христіане и узнаютъ Виниція, подумалъ онъ, — то все-же не посмѣютъ поднять на него руку. Что касается меня, то нужно быть черезчуръ умнымъ, чтобы увидѣть хоть кончикъ моего носа».

Потомъ онъ сталъ вспоминать свой разговоръ съ Урваномъ и еще больше ободрился: онъ не сомнѣвался, что это былъ Урсъ. Онъ зналъ по рассказамъ Виниція и невольниковъ, сопровождавшихъ Лигію отъ дворца цезаря, о необыкновенной силѣ этого человѣка и не удивлялся, что сынъ Евриція указалъ ему на Урса, какъ на самаго сильнаго атлета. Волненіе и возмущеніе работника при упоминаніи именъ Виниція и Лигіи доказывали, что эти лица сильно интересуютъ его. Къ тому-же, онъ говорилъ объ убійствѣ человѣка и о покаяніи; а вѣдь онъ убилъ Атицинія. Наконецъ, тѣлосложеніе атлета вполне соответствовало описанію его Виниціемъ, и только одно имя

могло возбуждать сомнѣніе; но вѣдь Хилонъ зналъ, что христіане мѣняютъ свои имена при крещеніи.

«Если Урсъ убьетъ Главка, разсуждалъ онъ про себя, — то это будетъ очень хорошо; а если и не убьетъ, то это самое послужитъ доказательствомъ, съ какимъ трудомъ сопряжено убійство среди христіанъ. Хотя я и представилъ Главка, какъ родного сына Иуды и измѣнника, однако не скоро расшевелилъ этого лигійскаго медвѣдя, чтобы онъ опустилъ свою лапищу на голову Главка. Не смотря на то, что я употребилъ все свое краснорѣчіе, отъ котораго, казалось, должны вздрогнуть камни, онъ колебался и говорилъ о своемъ раскаяніи... Очевидно, между ними не принято убивать... Свои обиды должно прощать, а за чужія — нельзя мстить, значить, мнѣ нечего бояться?.. Значить и Главкъ не можетъ мстить мнѣ. Если Урсъ не убьетъ Главка за такое преступленіе, какъ измѣна христіанамъ, то тѣмъ больше меня не убьютъ за измѣну одному христіанину. При томъ я только укажу этому сладострастному голубю гнѣздо той горлицы, а затѣмъ — умою руки и уйду обратно въ Неаполь. Христіане тоже говорятъ о какомъ-то умываніи рукъ; очевидно, это способъ, которымъ заканчивается всякое дѣло. Но какіе они добрые люди, а между тѣмъ какъ скверно о нихъ говорятъ!.. О, боги! такова ужъ должно быть правда на свѣтѣ!.. Однако, я полюбилъ ихъ ученіе, что оно не допускаетъ убійства. Но если ихъ религія не допускаетъ убійства, то вѣрно и запрещаетъ красть, обманывать и лжесвидѣтельствовать, а значить она не совсѣмъ легка. Она-же поучаетъ не только умирать честно, какъ поучаютъ стойки, но и жить — также честно. Если я когда-нибудь разбогачю и прибрѣту такой домъ и столько невольниковъ, какъ у Виниція, то, быть можетъ, и я сдѣлаюсь христіаниномъ и буду имъ столько времени, сколько того требуютъ обстоятельства. Вѣдь богатый все можетъ позволить себѣ, даже добродѣтель... Да!.. Это религія для богатыхъ, и я не понимаю, почему среди христіанъ такъ много бѣдныхъ? Что имъ въ этой религіи, если добродѣтель связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ. Надо будетъ какъ-нибудь на досугъ обсудить этотъ вопросъ, а теперь — слава тебѣ Гермесь, что ты помогъ мнѣ розыскать того барсука... Но если ты сдѣлалъ это ради двухъ бѣлыхъ нетелей однолѣтокъ съ вызолоченными рогами, то — я не понимаю тебя. Стыдись!.. Архиплуть!.. вѣдь ты такой умный богъ... ты могъ раньше предвидѣть, что ничего не получишь!.. Пожалуй, я не прочь остаться благодар-

нымъ, но если ты предпочитаешь получить двухъ животныхъ, то ты самъ—третье и, въ лучшемъ случаѣ, долженъ быть пастухомъ, а не богомъ. Берегись, чтобы я, какъ философъ, не сказалъ людямъ, что ты не существуешь и тогда тебѣ перестануть совершать жертвоприношенія. Съ философами лучше жить въ мирѣ, по хорошему.

Разсуждая такимъ образомъ съ самимъ собою и Гермесомъ, онъ растянулся на скамейкѣ, положилъ плащъ подъ голову и, какъ только невольники убрали со стола, тотчасъ заснулъ. Его разбудили, когда пришелъ Кротонъ. Онъ всталъ и отправился въ атриумъ. Войдя туда, Хилонидъ былъ пріятно пораженъ видомъ атлетической туши эксъ-гладіатора, который занялъ своей фигурой чуть не весь атриумъ. Кротонъ уже условился съ Виниціемъ и говорилъ ему:

— Клянусь Геркулесомъ! ты хорошо сдѣлалъ, что сегодня обратился ко мнѣ, потому что завтра я уѣзжаю въ Беневентъ куда меня пригласилъ благородный Ватиній побороться въ присутствіи цезаря съ нѣкимъ Сипаксомъ, самымъ сильнымъ негромъ, какой когда нибудь существовалъ въ Африкѣ. Можешь представить себѣ, господинъ, какъ его позвоночный столбъ захруститъ въ моихъ объятіяхъ, да и, кромѣ того, какъ я разможу ему рукой его черную башку.

— Клянусь Поллуксомъ! отвѣтилъ Виницій, — я увѣренъ, что ты это сдѣлаешь!

— И отлично сдѣлаешь! прибавилъ Хилонъ. — Да, расквась ему челюсть!... Это хорошая мысль и достойное тебя дѣло. Я готовъ побиться объ закладъ, что ты свортишь ему башку... А пока, вытрись масломъ, мой славный Геркулесъ, и опояшись, такъ какъ сегодня тебѣ придется имѣть дѣло съ настоящимъ Какусомъ. Человѣкъ охраняющій дѣвушку, которую интересуется достойный Виницій, тоже обладаетъ не дюжинной силой.

Хилонидъ нарочно сказалъ это, чтобъ подстрекнуть самолюбіе Кротона.

— Да, это правда, прибавилъ Виницій, — хоть я и не видалъ этого человѣка, но мнѣ говорили о немъ, что онъ, схвативъ быка за рога, сволокеть его, куда угодно.

— Неужели! воскликнулъ Хилонъ, не воображавшій что бы Урсъ былъ такъ силенъ.

Но Кротонъ презрительно улыбнулся.

— Я берусь, достойнѣйшій трибунъ, сватить этой рукой кого

прикажешь, а другой защититься противъ семи такихъ лигійцевъ и принести эту дѣвушку къ тебѣ домой, хоть-бы всѣ христіане гнались за мной, какъ калабрійскіе волки, и если я не исполню этого, то позволю себя высѣчь на полу этого имплевія.

— Нѣтъ, не позволяйте ему этого дѣлать, потому что въ насъ станутъ швырять камнями и тогда его сила ничего не поможетъ. Не лучше-ли взять дѣвушку прямо изъ дому, не подвергая ни себя, ни ее опасностямъ?

— Да, такъ и должно быть, Кротонъ, сказалъ Виницій.

— Твои деньги, твоя и воля!... Только помни, господинъ, что я завтра ѣду въ Беневентъ.

— У меня есть пятьсотъ невольниковъ въ самомъ городѣ, а потому тебѣ нечего бояться.

И Виницій сдѣлалъ знакъ, чтобы атлетъ и Хилонъ ушли, а самъ пошелъ въ бібліотеку и написалъ къ Петронію слѣдующее:

„Хилонъ нашелъ Лигію. Сегодня вечеромъ иду съ нимъ и Кротономъ въ Остраніумъ и похищу ее сегодня или завтра на дому. Да изольютъ на тебя боги всякія благополучія? Будь здоровъ, *carissime*. Отъ радости, не могу больше писать“.

И, положивъ трость, которою писалъ, онъ заходилъ быстрыми шагами, потому что, кромѣ внутренней радости, имъ овладѣла лихорадка. Представляя себѣ, что Лигія завтра будетъ у него въ домѣ, онъ не зналъ, какъ поступить съ нею; но чувствовалъ, что если она полюбитъ его, то онъ сдѣлается ея рабомъ, Припомнивъ слова Актеи, что онъ былъ любимъ дѣвушкой, онъ сильно взволновался. Значить, дѣло заключалось только въ устраненіи дѣвичьяго стыда и какихъ-то обѣтовъ, предписываемыхъ христіанскою религіей? Но если это такъ, то когда Лигія будетъ въ его домѣ и уступить его просьбамъ или насилію, то онъ можетъ сказать: „свершилось!“ и потому она станетъ послушной и любящей его рабой.

Приходъ Хилона прервалъ его пріятныя мечты.

— Вотъ что, господинъ, пришло мнѣ въ голову, сказалъ грекъ:—если у христіанъ есть какіе нибудь знаки или «тессеры» безъ которыхъ никто не можетъ пройти въ Остраніумъ, то не мѣшаетъ ими запастись. Въ молитвенныхъ домахъ—это необходимо и у меня есть одинъ такой тессеръ, который я получилъ отъ Евриція... Не мѣшало-бы сходить къ нему, разспросить какъ и что.

п заручиться такими знаками, если онъ скажетъ, что они не обходимыми.

— Хорошо, благородный мудрецъ, сходи! весело отвѣтилъ Виницій.—Ты вполне правъ и хорошо, что подумалъ о томъ заранѣе. За это я хвалю тебя, и ты ступай къ Еврицію или — къ кому угодно, но только оставь кошелекъ, который я тебѣ далъ, на этомъ столѣ.

Хилонъ неохотно разставался съ деньгами, тѣмъ не менѣе, исполнилъ приказаніе и ушелъ. Такъ какъ отъ Каринъ до цирка было недалеко, то Хилонъ, побывавъ въ лавочкѣ Евриція, вернулся назадъ задолго до заката солнца.

— Вотъ и знаки, сказалъ Хилонъ, — безъ которыхъ насъ не пропустили-бы въ Остраніумъ. Теперь я хорошо распросилъ Евриція и знаю дорогу; а знаки попросилъ только для моихъ пріятелей, потому что самъ не могу пойти по своей старости: это далеко для меня. Наконецъ, завтра я увижу Великаго Апостола, и онъ повторить мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ своей проповѣди...

— Какъ! ты не пойдешь?.. Ты долженъ идти!

— Я знаю, что долженъ, и пойду, только въ капюшонѣ, что совѣтую сдѣлать и вамъ: иначе мы переполошимъ всѣхъ птицъ...

Вскорѣ они начали собираться въ путь, потому что ужъ стало смеркаться. Они одѣлись въ галльскіе плащи и прихватили фонари. Виницій вооружилъ себя и своихъ спутниковъ кривыми ножами; Хилонъ одѣлъ парикъ, который прихватилъ по дорогѣ отъ циркульника, и всѣ быстро ушли, чтобы выйти въ Номентанскія ворота прежде, чѣмъ ихъ запрутъ.

X.

Они шли по Патриціанской улицѣ вдоль Винціала, къ старымъ Винціальскимъ воротамъ, близъ площади, на которой потомъ Дюклетіанъ построилъ величественныя бани. Пройдя стѣны Сервія Тулія, они шли по пустыннымъ мѣстамъ къ Номентанской дорогѣ, а затѣмъ, повернувъ налѣво къ Саларіи, очутились среди горъ, гдѣ находились песчанья копи, а мѣстами—и кладбища. Тѣмъ временемъ совсѣмъ стемнѣло; мѣсяцъ еще не взшелъ, а потому имъ было бы трудно найти настоящую дорогу, еслибъ ее не указывали сами христіане. Это предвидѣлъ Хилонъ. Направо, налѣво и впереди видѣлись темныя силуэты, осторожно пробрав-

Quo vadis?

шіеся къ песчанымъ оврагамъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей шли съ фонариками, которые, по возможности, скрывали подъ плащами; а иные, хорошо знающіе дорогу, шли впотьмахъ. Молодые солдатскіе глаза Виниція свободно отличали по движеніямъ молодыхъ мужчинъ отъ стариковъ, шедшихъ съ посохами, и отъ женщинъ, закутанныхъ въ длинныя столы. Прохожіе и проѣзжіе деревенскіе жители, удалявшіеся изъ города, принимали этихъ ночныхъ путешественниковъ за рабочихъ, возвращающихся на ночлегъ въ свои аренаріи, а можетъ быть и за членовъ погребальнаго братства, которые иногда справляли по ночамъ свои обрядовыя агапы¹⁶³). Но, по мѣрѣ того, какъ молодой патрицій съ своими спутниками двигался впередъ, вокругъ него все больше мелькали фонарики, и число шедшихъ по одному направленію все увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, потихоньку, напѣвали пѣсни, мотивы которыхъ казались ему преисполненными тоски и печали. Отъ времени до времени! до его слуха долетали отрывистыя слова, вродѣ слѣдующихъ: «Встань, который спишь!» или «Воскресни изъ мертвыхъ!» а иногда онъ слышалъ имя Христа, произносимое какъ мужчинами, такъ и женщинами. Но на все это Виницій почти не обращалъ вниманія, потому что въ головѣ его мелькали мысли, что, можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ темныхъ силуэтовъ—его Лигія. Нѣкоторые, проходя мимо нихъ или обгоняя, говорили имъ: «Миръ съ вами!» или «Слава Христу!» Между тѣмъ, имъ все болѣе овладѣвало безпокойство, такъ какъ ему казалось, что онъ слышитъ голосъ Лигіи. Всякія очертанія или похожія движенія обманывали его въ темнотѣ каждую минуту, такъ что онъ, провѣривъ нѣсколько разъ свои ошибки, пересталъ вѣрить своимъ глазамъ.

Дорога эта показалась Виницію черезчуръ длинной. Онъ хорошо зналъ окрестности, но впотьмахъ не могъ различить ихъ. Каждую минуту имъ попадались то какіе-то узкіе проходы, то части стѣнъ, то строения, которыхъ онъ не припоминалъ... Наконецъ, изъ подъ нагромоздившихся тучъ, показался краюшекъ луны и освѣтилъ окрестности лучше, чѣмъ тусклый свѣтъ фонариковъ. Вдали начало что-то блестѣть, въ видѣ костра или факеловъ.

Виницій нагнулся къ Хилону и тихо спросилъ: не Остраніумъ-ли это? Но грекъ, на котораго замѣтно повліяла ночь, отдаленность отъ города и всѣ эти черныя фигуры, похожія на привидѣнія, неувѣренно отвѣтилъ:

— Не знаю... никогда не бывалъ въ Остраніумѣ. Но, странно, неужели они не могутъ прославлять своего Христа гдѣ нибудь поближе города!..

И онъ замолчалъ, но чрезъ минуту, чувствуя потребность въ разговорѣ ради ободренія своего упавшаго духа, онъ продолжалъ:

— Сходятся, какъ разбойники... а между тѣмъ имъ запрещено убивать... Развѣ только этотъ лигіецъ обманулъ меня...

Виниція тоже удивила та таинственность и осторожность, съ какою христіане собирались слушать проповѣдь своего первосвященника.

— Какъ всѣ религіи, отозвался онъ,—такъ и эта имѣетъ между нами своихъ послѣдователей, но вѣдь христіане—это жидовская секта, и почему они собиравются здѣсь, когда за Тибромъ много еврейскихъ храмовъ, въ которыхъ они, среди бѣлаго дня, совершаютъ свои жертвы?

— Нѣтъ, ты ошибаешься, господинъ! именно жида—отъявленнѣйшіе враги христіанъ. Мнѣ говорили, что передъ нынѣшнимъ цезаремъ между ними и христіанами чуть не произошла война. Но цезарю Клавдію ужасно надоѣли всякіе возмущенія, такъ что онъ прогналъ всѣхъ іудеевъ. Теперь этотъ эдиктъ отмѣненъ и христіане скрываются, какъ передъ ними, такъ и вообще передъ народомъ, который, какъ тебѣ извѣстно, подозрѣваетъ ихъ въ разныхъ преступленіяхъ и ненависти къ человѣчеству.

Они шли нѣкоторое время въ молчаніи, но Хилонъ, страхъ котораго все больше увеличивался, по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ городскихъ стѣнъ, опять отозвался:

— Возвращаясь отъ Евриція, я зашелъ къ одному цырульнику, одолжилъ у него парикъ и засунулъ въ ноздри двѣ бобины, чтобъ меня не узнали. Но если и узнаютъ, то не убьютъ. Они не худые люди, даже очень честные, и я за это уважаю ихъ и цѣню.

— Пожалуйста, не льсти имъ преждевременно своими похвалами! возразилъ Виницій.

Въ этотъ моментъ они вошли въ узкій оврагъ, какъ будто замкнутый съ обѣихъ сторонъ двумя окопами, надъ которыми, въ одномъ мѣстѣ, былъ перекинутъ водопроводъ. Между тѣмъ, мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и всѣ увидѣли къ концѣ оврага стѣны, густо покрытыя плющомъ, листья котораго серебрились при лунѣ. Это былъ Остраніумъ.

У Виниція сердце забилось сильнѣе.

У воротъ стояли два могильщика, которые отбирали знаки. Черезъ минуту, Виницій и его товарищи очутились на обширномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ каменною стѣной. Кое гдѣ стояли обособленно мраморные памятники, а по серединѣ двора расположены гипогей или крипта ¹⁶⁴), лежащая въ нижней своей части надъ поверхностью земли, въ которой находились гробницы. Предъ входомъ въ крипту шумѣлъ фонтанъ. Судя по наружности гипогея, можно было предположить, что въ немъ не помѣстится весь народъ, а потому легко было догадаться, что всѣ обрядности будутъ совершаться подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, на которомъ собралось значительное число христіанъ. Насколько можно было видѣть, фонарикъ при фонарикѣ мелькали тусклыми огоньками. Нѣкоторые открыли свои головы, но большинство оставалось въ капюшонахъ, изъ опасенія измѣны или отъ холода. Виницій подумалъ, что если всѣ такъ останутся до конца, то въ этой многочисленной толпѣ, при тускломъ свѣтѣ фонариковъ, онъ не узнаеть Лиціи.

Но вдругъ у крипты зажгли нѣсколько смоляныхъ факеловъ, которые сложили въ костеръ. Сдѣлалось свѣтлѣе и народъ началъ пѣть, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче, какой-то дивный гимнъ. Виницій никогда въ жизни не слышалъ ничего подобнаго. Та самая тоска, которую онъ слышалъ въ пѣсняхъ, напѣваемыхъ вполголоса лицами, обгонявшими ихъ по дорогѣ къ кладбищу, — слышалась и въ этомъ гимнѣ, только гораздо явственнѣе и отчетливѣе и, наконецъ, сдѣлалась настолько чувствительной и сильной, точно вмѣстѣ съ людьми начали тосковать кладбище, холмы, овраги и вся окрестность. Причемъ казалось, что въ этомъ гимнѣ заключался какой-то ночной вопль и просьба о спасеніи заблудившихся въ темнотѣ. Всѣ головы, поднятыя къ небу, какъ будто смотрѣли на кого-то высоко, высоко, а поднятыя вверхъ руки точно умоляли снизойти на землю. Въ перерывахъ между пѣсней, какъ будто наступала минута ожиданія, настолько торжественная и проникновенная, что Виницій и его товарищи невольно посматривали на звѣзды, какъ бы ожидая увидѣть нѣчто необыкновенное, и что кто нибудь сейчасъ сойдетъ съ неба на землю. Виницій видалъ въ Малой Азіи, въ Египтѣ и Римѣ много разныхъ храмовъ, зналъ многія исповѣданія и ученія, и слышалъ множество пѣсней; но здѣсь

онъ первый разъ увидѣлъ людей, призывающихъ своею пѣсней божество, не для совершенія какого-то установленнаго ритуала, а просто отъ чистаго сердца, съ искренней по немъ тоской, какая можетъ проявляться только у дѣтей, тоскующихъ по отцу или матери. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить, что эти люди не только чтили своего Бога, но и любили его всею душою. А этого-то Виниціи не видалъ ни въ одной странѣ, ни въ какихъ обрядахъ, ни въ храмахъ, потому что какъ въ Римѣ, такъ и въ Греціи, хоть и поклонялись богамъ, но только для того, чтобы просить ихъ помощи или изъ боязни къ нимъ; но чтобы любить ихъ—это никому и въ голову не приходило!

Хотя мысли его были заняты Лигіей и все вниманіе сосредоточено на толпу, среди которой онъ искалъ ее глазами, однако, онъ не могъ не замѣчать тѣхъ вещей, какія происходили вокругъ него.

Между тѣмъ въ костеръ подкинули еще нѣсколько факеловъ, которые облили краснымъ свѣтомъ все кладбище и затемнили тусклый блескъ фонариковъ. Въ ту же секунду изъ гипогея вышелъ старецъ, одѣтый въ плащъ съ капюшономъ, но съ открытою головою, который взошелъ на камень, лежавшій вблизи костра.

Толпа заволновалась при видѣ его и подлѣ Виниціи слышались голоса: «Петръ! Петръ!..» Нѣкоторые стали на колѣни, а иные протягивали къ нему руки. Воцарилась такая глубокая тишина, что слышно было паденіе каждаго уголька отъ горѣвшихъ въ кострѣ факеловъ, отдаленный стукъ колесъ на Номентанскою дорогъ и шумъ вѣтра въ пиніяхъ, растущихъ подлѣ кладбища.

Хилонъ наклонился къ уху Виниціи и прошепталъ:

— Это и есть первый ученикъ Христа—рыбакъ!

Тѣмъ временемъ, старецъ поднялъ руку вверхъ и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ присутствующихъ, которые на этотъ разъ стали на колѣни. Виницій и его спутники, не желая обнаруживать свое присутствіе, послѣдовали примѣру христіанъ. Молодой патрицій не сумѣлъ сразу обуздать свои впечатлѣнія, такъ какъ ему показалось, что та фигура, которую онъ видѣлъ предъ собою, черезчуръ проста, а въ то-же время весьма типична, тѣмъ болѣе, что эта типичность простекала изъ самой простоты. У старца не было ни митры, ни дубоваго вѣнка, ни пальмы въ рукахъ, ни золотой таблетки на груди, ни ризы, усѣянной звѣздами или хотя бѣлой, — словомъ, никакихъ

отличій, по которымъ можно было узнать восточныхъ, египетскихъ и греческихъ жрецовъ или римскихъ фламиновъ. И Виницію опять бросилась въ глаза та самая разница, которую онъ почувствовалъ при пѣни христіанской пѣсни, потому что этотъ «рыбакъ» казался ему не первосвященникомъ, опытнымъ въ церемоніяхъ, но какимъ-то простымъ и чрезвычайно почтеннымъ свидѣтелемъ, пришедшимъ издалека повѣдать народу правду, которую самъ видѣлъ, осязалъ и увѣровалъ, какъ вѣрить въ дѣйствительность, и полюбилъ ее, потому что увѣровалъ. Въ его лицѣ была такая сила убѣжденій, какую обладаетъ только сама истина. Даже Виницій, который, будучи скептикомъ, не хотѣлъ поддаться его вліянію, однако поддался какому-то лихорадочному любопытству узнать, что изойдетъ изъ устъ ученика таинственнаго Христа и какое это такое ученіе, которое исповѣдуютъ Лигія и Помпонія Грецина.

Наконецъ Петръ заговорилъ какъ отецъ, поучающій дѣтей, какъ христіане должны жить. Онъ совѣтовалъ имъ отказаться отъ излишествъ и роскоши, любить убожество, соблюдать чистоту, обычаи и справедливость; терпѣливо переносить всѣ обиды и гоненія; слушать начальство и властей; избѣгать измѣны, лицемерія и пересудъ; наконецъ, служить примѣромъ какъ другъ для друга, такъ и для язычниковъ.

Виниція, для котораго было-бы все хорошо, что способствовало возвращенію Лигіи, и все худо, что становилось на дорогѣ и препятствовало обладать ею,—взбѣсили нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ. Предписывая чистоту, а слѣдовательно и борьбу съ страстями, старикъ, по его мнѣнію, порицалъ его любовь и обуздывалъ любовь Лигіи, которая тѣмъ больше станеть противиться ему. Онъ понималъ такъ, что если она присутствуетъ среди этой толпы и слушаетъ старца, то, въ данный моментъ, должна питать къ нему отвращеніе и думать о немъ, какъ о негодяѣ и врагѣ ихъ ученія. И онъ обозлился.

«Неужели въ этомъ и заключается ихъ ученіе? подумалъ онъ.— Да вѣдь онъ ничего новаго не сказалъ: каждый это слышалъ и каждый знаетъ. Вѣдь убожество и ограниченіе всякихъ потребностей одобряютъ и циники, а добродѣтель совѣтуетъ и Сократъ, какъ старинную, хорошую вещь. Первый встрѣчный стонокъ, вродѣ Сенски, у котораго пятьсотъ столовъ изъ цитроннаго дерева, одобряютъ умеренность, совѣтуютъ быть справедливымъ, терпѣливымъ въ бѣдствіяхъ

и непоколебимымъ въ несчастіи. Все это не болѣе, какъ слезав-
шійся хлѣбъ, который ѣдятъ только мыши, а люди не дотрогиваются
до него, потому что онъ затхлъ.

Параллельно съ гнѣвомъ, онъ почувствовалъ разочарованіе: ожида-
открытія какихъ-то неизвѣстныхъ ему волшебныхъ тайнъ или, по
крайней мѣрѣ, краснорѣчивой риторической рѣчи, онъ услышалъ самы
простыя, банальныя слова, безъ всякихъ прикрасъ оратора; и его
удивила та тишина и сосредоточенность народа, съ которымъ онъ
внималъ старца. Между тѣмъ, послѣдній продолжалъ, что они должны
быть добрыми, смѣренными, справедливыми и цѣломудренными не
потому, чтобы быть спокойными при жизни, а чтобы и по смерти
обрѣсти вѣчную жизнь во Христѣ, въ веселіи, славѣ и разцвѣтѣ
той радости, какой никто не могъ и не можетъ испытать на землѣ.

Хотя Виницій, минуту тому назадъ, былъ предубѣжденъ противъ
этого ученія, однако теперь и самъ замѣтилъ, какая разница между
ученіемъ старца и совѣтами циниковъ, стоиковъ и другихъ филосо-
фовъ, которые одобряли добродѣтель и совѣтовали ее примѣнять къ
жизни, какъ умную и практичную вещь, тогда какъ онъ обѣщалъ
за эти добродѣтели безсмертіе, да еще не какое-нибудь ничтожное
подъ землею, а почти равное бытію боговъ. Петръ говорилъ о без-
смертіи, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, а потому добродѣтель являлась
неопѣнимой, тогда какъ всѣ бѣдствія жизни—какою-то необыкно-
венною мелочью, потому что минутныя страданія ради будущаго не-
изсякаемаго счастья совсѣмъ иное, чѣмъ страданія ради того, что
это въ порядкѣ самой природы. Такъ понималъ Виницій слова старца,
который продолжалъ объяснять, что добродѣтель и правду надо лю-
бить для самихъ себя, такъ какъ величайшее предвѣчное добро и
предвѣчная добродѣтель есть—самъ Богъ, и кто любитъ ее, тотъ лю-
битъ и Бога, и за эту любовь дѣлается любимымъ его дѣтищемъ.

Этихъ послѣднихъ словъ Виницій не совсѣмъ понялъ, хотя ужъ
слышалъ, какъ Помпонія сказала Петронію, что именно этотъ Богъ
единъ и всемогущъ; а теперь, услышавъ, что Онъ, кромѣ того, все-
милостивъ и всеправедный, онъ невольно подумалъ, что въ при-
сутствіи такого Деміурга Юпитеръ, Сатурнъ, Аполлонъ, Юнона,
Веста и Венера являются ничтожнымъ сбродомъ, среди котораго всѣ
дѣйствуютъ вмѣстѣ и каждый—порознъ. Но больше всего удивился
молодой патрицій, когда старецъ сказалъ, что Богъ вселюбящій, а
потому, кто любитъ людей, то этимъ самымъ исполняетъ Его вели-

чайшій завѣтъ. Но мало любить людей своего народа, потому что Богочеловѣкъ пролилъ свою кровь за всѣхъ и ужь нашелъ между язычниками своихъ избранниковъ, какъ напримѣръ центурионъ Корнелій; и мало любить тѣхъ, кто намъ дѣлаеть добро, потому что Христосъ простилъ іудеямъ, распявшимъ Его, и солдатамъ, прибавившимъ Его къ кресту; значитъ и намъ нужно не только прощать всѣмъ обиды, но и любить ихъ и платить добромъ за зло; мало также любить добрыхъ, а надо любить и злыхъ, потому что только одною любовью можно изгнать изъ нихъ зло.

Слыша эти слова, Хилонъ подумалъ, что всѣ его хлопоты пропали даромъ и что Урсъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится убить Главка, ни сегодня ночью, ни завтра днемъ. Но онъ тотчасъ утѣшился другимъ выводомъ, что и Главкъ не убьетъ его, хоть-бы и узналъ въ этой толпѣ. Зато Виницій измѣнялъ свое мнѣніе и съ изумленіемъ задавалъ себѣ вопросы: что это за Богъ? Что за ученіе? и что за народъ? Все, что онъ слышалъ, не вмѣщалось въ его головѣ: это были для него какія-то отчужденныя понятія, и онъ чувствовалъ, что если-бъ ему напримѣръ вздумалось слѣжаться послѣдователемъ этого ученія, то онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ мысленій, обычаевъ, характера и всей нынѣшней его натуры; все это бросить въ огонь и напичкать себя совсѣмъ иными жизнью и душой. Ученіе, которое повелѣвало любить парянъ, сирійцевъ, грековъ, египтянъ, галловъ и британцевъ и, кромѣ того прощать врагамъ и платить имъ за зло добромъ,—показалось ему безуміемъ; но въ то-же время онъ инстинктивно чувствовалъ, что въ этомъ безумномъ ученіи есть что-то могущественное, чего онъ не встрѣчалъ въ современныхъ философіяхъ. Онъ думалъ, что, благодаря этому безумію, оно неисполнимо, а въ виду неисполнимости—божественно, и хотя отвергалъ его въ душѣ, но чувствовалъ что отъ него расходится, какъ отъ луговъ съ народомъ, какой-то опьяняющій аромать, которымъ если кто разъ подышалъ, забываетъ обо всемъ, какъ Лотофаги¹⁶⁵), питающіеся лотосомъ, и только думаютъ о немъ. Ему казалось, что въ этомъ ученіи нѣтъ ничего дѣйствительнаго, а въ то-же время, что эта дѣйствительность, по отношенію къ ученію, такое ничтожество, о которомъ не стоитъ и думать. Его окружила какая-то ширь, которой онъ не подозрѣвалъ, какія-то громады и тучи. Это кладбище начало казаться ему какимъ-то сборищемъ сумашедшихъ, какимъ-то таинственнымъ, старш-

нымъ мѣстомъ, на которомъ, точно на мистическомъ ложѣ, родилось нѣчто такое, чего до этого времени не было на свѣтѣ. Онъ обсудилъ все, что сказалъ старецъ съ первой минуты о жизни, правдѣ, любви, Богѣ, и его мысли какъ будто омрачались, какъ омрачаются глаза при непрерывныхъ молніяхъ. Виницій какъ и всѣ люди, у которыхъ жизнь превратилась въ одну страсть, думалъ объ этомъ только изъ любви къ Лигіи и, при свѣтѣ этихъ молній, ясно понималъ одну вещь: что если Лигія на кладбищѣ, если она исповѣдуетъ эту вѣру, признаетъ ученіе, слушаетъ и чувствуетъ, то никогда въ жизни не сдѣлается его любовницей.

Въ первый разъ, какъ Виницій узналъ Лигію, онъ почувствовалъ, что если-бъ онъ и нашелъ ее, то не можетъ обладать ея сердцемъ. До настоящаго времени, ему ничего подобнаго не приходило въ голову, да и теперь онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, потому что это было не столько ясное понятіе, сколько смутное предчувствіе какой-то невозвратной потери и несчастья. И въ немъ закипѣла кровь, которая возбудила въ немъ гнѣвъ какъ противъ христіанъ, вообще, такъ и противъ апостола—въ особенности. Этотъ рыбакъ, котораго онъ считалъ въ началѣ простачкомъ, теперь являлся какимъ-то таинственнымъ для него рокомъ, который рѣшалъ трагическимъ образомъ его судьбу и заставлялъ трепетать все его существо.

Могильщикъ опять прибавилъ нѣсколько факеловъ къ костру; вѣтеръ пересталъ шумѣть въ пиніяхъ; пламя поднималось ровно изогнутымъ остріемъ къ искрящимся на ведренномъ небѣ звѣздамъ, а старецъ продолжалъ свою рѣчь о Христѣ. Теперь онъ говорилъ о Его смерти. Всѣ затаили дыханіе и въ толпѣ воцарилась такая тишина, что, казалось, можно было слышать битье сердець у присутствующихъ. Этотъ человѣкъ видѣлъ и рассказывалъ какъ очевидецъ; въ памяти его запечатлѣлись малѣйшія подробности, на которыя онъ смотрѣлъ и видѣлъ съ закрытыми глазами. Въ данный моментъ, старикъ рассказывалъ, какъ онъ съ Іоанномъ, вернувшись домой послѣ распятія Христа, просидѣли два дня и двѣ ночи въ „вечерникѣ“, не ѣвши и не спавши, размышляя о томъ, что Онъ умеръ. Они сожалѣли его, изнуряли себя и сомнѣвались въ Его смерти. Охъ, какъ имъ было тяжело, какъ тяжело!... Наконецъ, насталъ третій день и свѣтъ озарилъ каменные стѣны, а онъ съ Іоанномъ все сидѣлъ безпомощно и безнадежно; и чуть сонъ сме-

жалъ ихъ вѣки (вѣдь они провели безсонную ночь и передъ мученіемъ Христа), какъ они опять просыпались и продолжали горевать. Но лишь солнце взошло, къ нимъ прибѣжала Марія Магдалина съ растрепанными волосами и, задыхаясь, крикнула: „Нѣтъ Исуса!“ Услышавъ это, они вскочили и побѣжали ко гробу. Но Іоаннъ, будучи моложе, прибѣжалъ первымъ и, увидѣвъ гробъ пустой, не смѣлъ туда войти. И только, когда они собрались всѣ трое, онъ, который говорилъ имъ, вошелъ туда и увидѣлъ на камнѣ лишь пелены, а Христа не было. И обуялъ ихъ страхъ, и они вернулись домой, думая, что тѣло Христа похитили первосвященники. Потомъ пришли другіе ученики и возопили вмѣстѣ съ ними, а потомъ вошли отдѣльно. И замеръ въ нихъ духъ, такъ какъ они надѣялись, что ихъ учитель избавитъ Израиля; между тѣмъ былъ третій день, какъ онъ умеръ—и не было Его; они удивлялись, зачѣмъ Отецъ оставилъ Сына и готовы были умереть отъ отчаянія: таково имъ было тяжело на душѣ!

Воспоминаніи объ этихъ ужасныхъ минутахъ вызвали на глаза старца двѣ слезы, которыя были видны при огнѣ даже издали, какъ онъ скатывались по его сѣдой бородѣ. Старая, лишенная волосъ, голова его затряслась и голосъ замеръ въ груди.

«Да, подумалъ Виницій,—сей человѣкъ говоритъ правду и плачетъ надъ ней».

Всѣ слушавшіе его также возрыдали. Они ужъ не разъ слышали о мучахъ Христа и имъ было извѣстно, что послѣ печали настанетъ радость; но такъ какъ это рассказывалъ самъ апостоль, который присутствовалъ при Его мученіяхъ и самъ все видѣлъ, то, подъ впечатлѣніемъ его разказа, они заламывали руки, рыдали и били себя въ грудь.

Наконецъ, народъ успокоился, а старикъ, прищуривъ глаза, какъ бы желая припомнить самыя мельчайшія подробности, продолжалъ:

— И такъ, когда мы горевали, опять пришла Марія Магдалина и сказала, что она видѣла Господа. Сначала она не узнала Его, потому что Онъ былъ весь въ сіяніи, и думала что это садовникъ, но Онъ Самъ отозвался къ ней и промолвилъ: «Марія»! Тогда она вскрикнула отъ радости и пала къ Его ногамъ, а Онъ, приказавъ ей идти къ ученикамъ, исчезъ. Но ученики не повѣрили ей, хотя она плакала отъ радости: одни порицали ее, а другіе

думали, что она съума сошла отъ жалости по Христъ, потому что она говорила, будто видѣла ангеловъ во гробѣ, а они, апостолы, не выдали ихъ. Вечеромъ пришелъ Клеопъ, который ходилъ съ другимъ въ селеніе Эммаусъ и сказалъ, что «Христосъ воистину воскресъ». Всѣ начали спорить при закрытыхъ дверяхъ, изъ опасенія, чтобы іудеи не услышали ихъ споръ; но въ это время Онъ Самъ явился среди нихъ, хотя дверь не отпиралась, и сказалъ: «Миръ вамъ»...

— И я видѣлъ Его, какъ видѣли всѣ: Онъ былъ свѣтлъ и сіяющъ, какъ счастье сердець нашихъ, потому что мы повѣрили въ Его воскресеніе и что скорѣе высохнутъ моря и горы превратятся въ прахъ, а Его слава не будетъ конца...

— «Черезъ восемь дней Тома Дидимъ вложилъ переты свои въ ребра Его и потомъ, упавъ къ стопамъ Его, воскликнулъ: «Господь мой и Богъ мой!»! Тогда Іисусъ сказалъ: «ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣрившіе». И эти слова мы слышали и очи наши смотрѣли на Него: онъ былъ среди насъ!

Виницій слушалъ его и съ нимъ происходило нѣчто страшное: онъ забылъ гдѣ находится, терялъ чувствительность дѣйствительности и разсудка. Онъ стоялъ между двумя невѣроятностями и не могъ вѣрить тому, что говорилъ старикъ, а между тѣмъ не могъ допустить, что бы сей человѣкъ, который говорилъ, что «видѣлъ», нагло лгалъ. Въ слезахъ его, всей фигурѣ и въ событіи, которымъ онъ рассказывалъ, было что то потрясающее, чему нельзя было не повѣрить, и Виницію казалось, что все это онъ видитъ во снѣ. Но онъ ясно видѣлъ вокругъ себя смирную толпу; чувствовалъ какъ копотъ отъ фонариковъ щекотеть его ноздри; видѣлъ что вдали пылали факела, а подлѣ, на камнѣ, стоялъ старикъ съ качающейся слегка головой, который говорилъ: «я видѣлъ»! Значить, это не сонъ!

И старикъ рассказалъ все остальное, вплоть до Вознесенія. По временамъ, онъ отдыхалъ, потому что говорилъ обстоятельно и каждое малѣйшее обстоятельство было настолько запечатлѣно въ его памяти, какъ будто всѣ они были вырѣзаны рѣзцомъ на камнѣ. Всѣ, кто слушалъ его увлекались и снимали кашпоны, чтобы лучше слышать его и не пропустить ни одного слова изъ его рѣчи. Всѣмъ слушателямъ казалось, что какая то невидимая сила пере-

носить ихъ мыслями въ Галлилею; что они ходятъ съ учениками Его по тамошнимъ рощамъ и берегамъ рѣкъ, что это кладбище превращается въ Тиверійское озеро и что на берегу его, въ утреннемъ туманѣ, стоитъ Исусъ, какъ стоялъ въ тотъ моментъ, когда Иоаннъ, смотря изъ лодки, сказалъ: «Господь съ нами!» и Петръ бросился вплавь, чтобы скорѣе поклониться Ему. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ былъ замѣтный восторгъ, забвеніе жизни, счастье и безконечная любовь. Очевидно, что во время продолжительнаго разсказа Петра, нѣкоторые изъ толпы имѣли видѣнія, и когда онъ началъ разсказывать о моментѣ Вознесенія, когда облака начали спускаться подъ ноги Спасителя и закрывать Его отъ глазъ апостоловъ,—голова всѣхъ невольно поднялись къ небу и настала торжественная минута ожиданія, точно эти люди надѣялись еще увидѣть Его въ небѣ или что Онъ сойдетъ къ нимъ на земь посмотреть, какъ старый апостолъ стережетъ довѣренныхъ ему овецъ и благословитъ его и паству.

Въ эту минуту для этихъ людей не было ни Рима, ни бѣшенаго цезаря, ни храмовъ, ни языческихъ боговъ: — былъ только Христосъ, преисполнявшій Собою землю, море, небо, свѣтъ.

Между тѣмъ въ отдаленныхъ домахъ, разбросанныхъ по Номен-танской улицѣ, начали пѣть пѣтухи, оповѣщая о наступленіи полуночи. Въ этотъ моментъ Хилонъ дернулъ за плащъ Виниція.

— Посмотри, шепнулъ онъ,—въ сторону старца: близъ него, я вижу Урвана, а подлѣ него—какую то дѣвушку.

Виницій ветрепенулся, точно отъ сна, и, посмотрѣвъ по направленію, указанному грекомъ, увидѣлъ Лигію.

ХІ.

При видѣ нея, вся кровь всколыхнулась и, закипѣла въ молодомъ патриціѣ: онъ забылъ о толпѣ, о старцѣ и о собственномъ изумленіи въ виду того, что онъ слышалъ; теперь онъ видѣлъ только ее одну. Наконецъ-то, послѣ долгихъ дней безпокойства, страданій и отчаянія, онъ отыскалъ ее. Первый разъ въ жизни онъ испыталъ, что радость можетъ, какъ дикій звѣрь, броситься на грудь и сдвинуть ее до потери сознанія. Онъ, думавшій до настоящаго момента, что Фортуна обязана исполнять или удовлетворять всѣ его желанія, не вѣрилъ ни своимъ глазамъ, ни счастью.

Но, еслибъ не это недовѣріе, то его вспылчивая натура могла бы натолкнуть его на какой нибудь безумный шагъ, и онъ обуздаль себя съ дѣлію убѣдиться, не продолженіе ли это тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ слышалъ и которыми теперь была переполнена голова его; не спить-ли онъ? Но онъ, не спалъ: онъ видѣлъ Лигію, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ полномъ свѣтѣ пылавшаго костра. Капюшонъ съѣхалъ съ ея головы и растрепалъ ея волосы; уста ея были полуоткрыты, глаза подняты на апостола, а лицо сосредоточенно и восторженно. Хотя она была одѣта, какъ крестьянская дѣвушка въ темный суконный плащъ, но Виницій никогда не видалъ ее болѣе красивою и, не смотря на свое волненіе, онъ замѣтилъ противоположность сочетаній почти невольничьяго костюма съ ея чудесною благородною головкой патриціанки. Его любовь пробѣжала по немъ электрическимъ токомъ по всему его тѣлу и смѣшалась съ какимъ то страннымъ чувствомъ тоски, благоговѣнія, уваженія и страсти. Онъ наслаждался тѣмъ удовольствіемъ, какое получилъ при видѣ ея, и точно упивался ею, какъ живительной водою послѣ долгой жажды. Стоя при колоссальномъ лигійцѣ, она показалась ему еще меньшей, чѣмъ онъ ее видѣлъ,—почти ребенкомъ. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что она похудѣла. Ея прозрачное лицо производило на него впечатлѣніе свѣтла и души; и онъ тѣмъ больше стремился обладать существомъ, совершенно отчужденнымъ отъ другихъ женщинъ, которыхъ онъ видалъ или обладалъ на Востокѣ и въ Римѣ. Онъ чувствовалъ, что отдалъ бы за нее всѣхъ другихъ, а съ ними—весь Римъ и весь свѣтъ.

Виницій навѣрное совсѣмъ забылся бы, еслибъ Хилонъ не дернулъ его за плащъ изъ опасенія, чтобы онъ не сдѣлалъ чего либо неблагоразумнаго, что подвергло бы ихъ опасности. Между тѣмъ, христіане начали молиться, а затѣмъ пѣть Маранаѳу¹⁶⁶) и потомъ апостоль началъ крестить водою изъ фонтана лицъ, представленныхъ ему пресвитерами. Виницію казалось, что эта ночь безконечна, и ему хотѣлось скорѣе похитить Лигію здѣсь, по дорогѣ или въ ея жилищѣ.

Наконецъ, нѣкоторые начали расходиться и Хилонъ шелъ ему:

— Выйдемъ за ворота, потому что мы не сняли капюшоновъ и всѣ смотрятъ на насъ.

И Хилонъ былъ правъ. Когда, во время священнодѣйствія

Петра всё скинули кашпоны, они не съѣдали этого и совѣтъ Хилона оказался полезнымъ. Кромѣ того, стоя у воротъ, они могли свободно видѣть всѣхъ уходящихъ, а Урса тѣмъ легче было узнать по его атлетической фигурѣ и росту.

— Мы пойдёмъ вслѣдъ за ними, отозвался Хилонъ,—и прослѣдимъ, въ какой домъ они войдутъ, а завтра, или, точнѣе, сегодня, ты окружишь его невольниками и свободно возьмешь ее.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Виницій.

— Что ты хочешь сдѣлать, господинъ?

— Мы тотчасъ войдемъ за нею въ домъ и возьмемъ ее. Не такъ ли, Кротонъ?

— Да, отвѣтили силачъ,—и если я не сокрушу этого буйвола, который охраняетъ ее, то отдамъ тебѣ въ невольники.

Но Хилонъ не совѣтовалъ имъ дѣлать это. Вѣдь Кротонъ былъ взятъ только для охраны, въ случаѣ еслибъ ихъ узнали, а не для похищенія дѣвушки. Къ тому же, похищая ее вдвоемъ, они могутъ нарваться на смерть или, по меньшей мѣрѣ, упустить ее и тогда она скроется въ другомъ мѣстѣ или бѣжитъ изъ Рима.

— И что вы тогда сдѣлаете? Не лучше ли дѣйствовать навѣрняка, не подвергая ни себя, ни своего предпріятія, опасности? закончилъ Хилонъ.

Не смотря на то, что Виницій еле сдерживалъ себя на кладбищѣ, чтобъ не подойти къ Лигіи, однако онъ соглашался съ мнѣніемъ грека и, быть можетъ, послушался бы его совѣта, еслибъ не Кротонъ, который не желалъ лишиться награды и сказалъ:

— Прикажи замолчать этому старому барану или позволь мнѣ наложить на него мою руку... какъ я наложилъ ее однажды въ Буксентѣ, куда меня вызвалъ Сатурнинъ, на семерыхъ пьяныхъ гладиаторовъ, которые напали на меня и хотѣли убить: ни одинъ изъ нихъ не остался съ цѣлыми ребрами. Я не настаиваю похищать дѣвушку въ толпѣ, потому что насъ забросаютъ камнями, но когда она вернется домой, то я возьму ее и снесу куда угодно.

Виниція утѣшили эти слова и онъ отвѣтилъ:

— Такъ и будетъ, мой Геркулесъ? Завтра мы можемъ не застать ее дома; а сегодня, если мы съѣлаемъ между нами переполохъ, то навѣрное уведемъ ее.

— Охъ, мнѣ кажется, что этотъ лигіецъ очень силенъ, про-
стоналъ Хилонъ.

— Да вѣдь тебя не заставятъ держать его руки, возразилъ Кротонъ.

Однако имъ пришлось еще долго ждать; кочета ужъ пропѣли послѣдній разъ передъ свѣтомъ, пока они увидѣли выходящимъ изъ воротъ Урса, а за нимъ—Лигію. Имъ сопутствовали еще нѣсколько человѣкъ. Хилонъ узналъ между ними апостола; рядомъ съ нимъ шелъ другой старецъ, ростомъ ниже его, двѣ не молодыя женщины и мальчикъ, который свѣтилъ имъ фонаремъ. За этими послѣдними шла громадная толпа, человѣкъ въ двѣсти. Виницій, Хилонидъ и Кротонъ смѣшались съ ними и ушли.

— Да, отозвался Хилонъ, обращаясь къ Виницію,—твоя дѣвушка находится подъ сильною охраною... Вѣдь это онъ, великій апостоль съ нею!.. Смотри, какъ впереди люди становятся передъ нимъ на колѣни...

Дѣйствительно, народъ становился на колѣни передъ апостоломъ, но Виницій не смотрѣлъ на это и не спускалъ глазъ съ Лигіи; онъ только думалъ о похищеніи и, какъ человѣкъ военный, привыкшій къ различнымъ военнымъ хитростямъ, обдумывать свой планъ. Онъ понималъ, что его шагъ чрезвычайно смѣлъ, но зналъ также, что смѣлостью города берутъ и что всякія смѣлыя нападенія кончаются по большей части благополучно, побѣдой.

Путь ихъ былъ далекъ, а потому онъ, по временамъ, думалъ о той пропасти, какая разверзлась между нимъ и Лигіей, благодаря христіанскому ученію. Теперь онъ понималъ, что случилось въ прошломъ и почему случилось. Онъ видѣлъ въ ней чудесную дѣвушку, къ которой воспылалъ страстью, а теперь узналъ, что ея религія дѣлала ее иною женщиной и что надежда его обольстить ее страстями, богатствомъ и роскошью—одинъ самообманъ. Наконецъ онъ пришелъ къ тому заключенію, котораго ни онъ, ни Петроній прежде не понимали, что эта новая религія прививала нѣчто неизвѣстное тому міру, въ которомъ онъ вращался, и что Лигія, еслибъ даже любила его, не пожертвуетъ для него ни одною изъ христіанскихъ истинъ; что если для нея существуютъ какія нибудь прелести, то онѣ совѣмъ отчуждены отъ тѣхъ, къ которымъ стремились все, начиная отъ цезаря и кончая послѣднимъ изъ римлянъ. Всякая другая женщина, которыхъ онъ зналъ, охотно бы согласилась сдѣлаться его любовницей, а эта христіанка могла быть только жертвой.

Думая о томъ, онъ испытывалъ мучительную боль и гнѣвъ, а

въ тоже время чувствовалъ, что этотъ гнѣвъ его безсиленъ. Похитить Лигію, по его мнѣнію, было не трудно, но онъ былъ увѣренъ, что, благодаря его особенной религіи, ничего не достигнетъ, не смотря ни на свое мужество, ни на могущество. Сей римскій военный трибунъ, убѣжденный въ крѣпости своего меча и кулака, побѣждавшихъ и властвовавшихъ въ Азіи, первый разъ въ жизни увидѣлъ, что за этой силой есть сила пная, а потому съ изумленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: какая она?

Но онъ не могъ отвѣтить на это: въ головѣ его мелькали картины кладбища, сборища толпы и Лигія, которая всей душой внимала словамъ старца, рассказывавшаго о мукахъ, смерти и воскресеніи Бого-человѣка, искупившаго міръ и обѣщавшаго безсмертіе души.

Благодаря всѣмъ этимъ мыслямъ, въ головѣ его произошелъ хаосъ и онъ ужъ не зналъ, какъ разобратся въ немъ. Но его вывелъ изъ затруднительнаго положенія Хилонъ, который началъ упрекать и жаловаться на свою судьбу. Вѣдь его наняли найти Лигію, которую онъ и нашелъ съ опасностью для своей жизни: чего же еще отъ него хотятъ? Онъ не брался похищать ее, да и кто-бы могъ потребовать этого отъ бѣднаго калѣки, старика, посвятившаго всю свою жизнь наукѣ и добродѣтели и лишеннаго судьбою двухъ пальцевъ! Что будетъ съ нимъ, если Виницій потерпитъ фіаско при похищеніи дѣвушки? Разумѣется, боги покровительствуютъ своимъ избранникамъ, но вѣдь бываютъ, иногда, такіе случаи, что боги, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за порядкомъ, играютъ въ бирюльки и дальше своего носа ничего не видятъ. У Фортуны, какъ извѣстно, завязаны глаза, такъ что она не видитъ даже днемъ, а что-же ночью? Случись такъ, что этотъ лигійскій медвѣдь броситъ въ Виниція жерновомъ, бочкой вина или что еще хуже—бочкой воды... тогда кто поручится, что на Хилона не обрушится, вмѣсто награды, вся нравственная отвѣтственность за подобное происшествіе. Вѣдь онъ, бѣдный мудрецъ, привязался къ Виницію, какъ Аристотель къ Александру Македонскому, не изъ-за корысти, но еслибъ благородный трибунъ отдалъ ему тотъ кошелекъ, который онъ заткнулъ за поясъ выходя изъ дому, то, по крайности, въ случаѣ несчастья, было бы чѣмъ заплатить за помощь или убѣдить самихъ христіанъ, чтобъ они молчали. О, зачѣмъ не хотятъ слушать старца, который опытиѣ другихъ и совѣтуетъ быть расторопнымъ.

Очевидно, его ворчанье надоѣло Виницію, который вынул кошелекъ и швырнул его Хилону.

— На, и молчи! сказалъ онъ.

Грекъ взвѣсилъ кошелекъ на рукѣ и почувствовалъ, что онъ былъ достаточно тяжелъ. Это ободрило его.

— Вся моя надежда въ немъ, сказалъ онъ.—Если Гераклъ или Тезей исполняли болѣе трудныя вещи, то чѣмъ-же мой добрый пріятель Кротонъ не Гераклъ? Что касается тебя, достойный господинъ, то я не назову тебя полубогомъ, потому что ты цѣлый богъ, и на будущее время не забудешь бѣднаго и вѣрнаго слуги, существованіе котораго необходимо поддерживать: иначе онъ самъ, углубившись въ книги, забудетъ о самомъ себѣ... Нѣсколько десятинъ земли и домикъ съ небольшимъ портикомъ отъ лѣтней жары былъ-бы достойнымъ подаркомъ такого щедраго благодѣтеля... Ну, а пока я издали буду любоваться твоими богатырскими подвигами и молить Юпитера, чтобы онъ помогъ вамъ... Въ случаѣ чего, я надѣляю такого шума, что полъ Рима проснется и придетъ къ вамъ на помощь. Однако, какая скверная, неровная дорога!.. Все масло выгорѣло въ фонарѣ... Еслибъ мой, насколько благородный, настолько же и сильный, Кротонъ былъ любезенъ взять меня на руки и донести до городскихъ воротъ, то, во-первыхъ, онъ узналъ-бы свою способность унести дѣвushку; во-вторыхъ, поступилъ-бы, какъ Еней и наконецъ расположилъ къ себѣ всѣхъ благородныхъ боговъ до такой степени, что могъ бы совсѣмъ быть спокойнымъ за успѣхъ своего предпріятія.

— Лучше я понесу падаль дохлой овцы, которая околѣла отъ коросты, чѣмъ такого, какъ ты, отвѣтилъ силачъ; — но если ты отдашь мнѣ тотъ кошелекъ, который бросилъ тебѣ достойный трибунъ, то—такъ и быть: донесу до воротъ.

— Ахъ, чтобы тебѣ сломать палецъ въ ногѣ! возразилъ грекъ: — вотъ какъ ты воспользовался ученіемъ почтеннаго старца!.. Въдъ онъ представлялъ убожество и милосердіе какъ двѣ лучшія добродѣтели!.. Развѣ ты не слыхалъ, какъ онъ сказалъ любить ближняго?.. Нѣтъ, ужъ видно мнѣ неудастся сдѣлать изъ тебя хоть какого-нибудь христіанина, и легче солнцу проникнуть чрезъ стѣны Мамертинской тюрьмы, чѣмъ чрезъ твой гипопотамскій черепъ.

Кротонъ хоть и владѣлъ звѣриной силой, но не обладалъ ни малѣйшими человѣческими чувствами.

— Не безпокойся! отвѣтилъ онъ, — я не сдѣлаюсь христіаниномъ, потому что не хочу терять куска хлѣба!

— Да; но еслибъ ты имѣлъ хоть элементарныя понятія о философіи, то узналъ-бы, что золото—это тщета!

— А ну-ка, подойди ко мнѣ съ твоей философіей и я ткну тебя одинъ разъ кулакомъ въ брюхо, и тогда посмотримъ, кто больше выиграетъ.

— То-же самое, и даже умнѣе, могъ отвѣтить быкъ Аристотелю, отвѣтилъ Хилонъ.

Начинало свѣтать. Блѣдный разсвѣтъ уже обрисовывалъ каменные стѣны. Придорожныя деревья и строения, раскинутыя тамъ и сямъ, а также кладбищенскіе памятники начали выдвигаться изъ общей тѣни. По дорогѣ ужъ ѣхали продавцы овощей и зелени къ городу, ведя въ рукахъ ословъ и муловъ, нагруженныхъ продуктами; кое-гдѣ скрипѣли телѣги, на которыхъ везли дичь. По сторонамъ дороги поднимался легкій туманъ, предвѣщавшій хорошую погоду. Люди, видимые вдаль, казались въ этомъ туманѣ какими-то духами. Виноцій вглядывался въ гибкую фигуру Лигіи, шедшую далеко впереди, и, по мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, ему казалось, что она дѣлается какою-то серебристою.

— Господинъ! отозвался Хилонъ:—я оскорбилъ-бы тебя, еслибъ предвидѣлъ, что твоя щедрость когда-нибудь кончится; но теперь, когда я получилъ деньги, ты не можешь упрекнуть меня, что я говорю изъ-за корысти. Совѣтую тебѣ еще разъ, узнавъ гдѣ живетъ твоя божественная Лигія, пройти домой за невольниками и носилками, и не слушать этого слоновяго хобота—Кротона, который беретъ одинъ похитить и унести дѣвушку только ради того, чтобы выжать твои денежки, какъ творогъ изъ мѣшка.

— Считаю за мной ударъ между лопатками, сказалъ Кротонъ, — и знай, что умрешь!

— Считаю за мной діету кефалонскаго вина, отвѣтилъ грекъ, — и знай, что буду живъ!

Виноцій не отвѣчалъ, такъ какъ въ это время они подошли къ воротамъ. Здѣсь они были поражены странной для нихъ сценой: два солдата, стоявшіе на часахъ у воротъ, стали на колѣни передъ апостоломъ, который возложилъ свои руки на ихъ желѣзныхъ шлемахъ, а затѣмъ осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Молодому патрицію никогда-бы не пришло въ голову, что между солдатами есть хри-

стіане и теперь онъ подумалъ, что какъ въ горящемъ городѣ огонь охватываетъ пламенемъ все новыя зданія, такъ, должно быть, и это новое ученіе, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе воспаляетъ сердца людей и захватываетъ все болѣе болѣе районъ, вопреки всякимъ человѣческимъ понятіямъ. Это обстоятельство доказывало, что еслибъ Лигія пожелала бѣжать изъ города, то нашлись-бы такіе солдаты, которые содѣйствовали ея побѣгу и провели ее по тайнымъ выходамъ, и онъ благословлялъ въ душѣ всѣхъ боговъ, что этого не случилось.

Пройдя не застроенныя мѣста, находившіяся за стѣнами, толпы христіанъ, мало-по-малу, начали расходиться. Теперь нужно было идти за Лигіей на большемъ разстояніи и осторожнѣй, чтобы не обратить на себя вниманія. Между тѣмъ, Хилонъ началъ жаловаться на боль въ ногахъ и постепенно отставать, чему Виницій нисколько не препятствовалъ, думая, что этотъ трусливый и больной грекъ больше не понадобится ему. Навѣрное, онъ позволилъ-бы ему уйти куда угодно, но прозорливый Хилонъ изъ любопытства самъ продолжалъ идти за ними и, по-временамъ, даже равнялся съ Виниціемъ и повторялъ свои совѣты; причемъ высказывалъ предположенія, что старецъ, шедшій съ апостоломъ, былъ никто иной, какъ Главкъ, еслибъ не былъ ниже его ростомъ.

Однако, они шли еще долго за Тибръ и солнце ужъ было почти на восходѣ, когда маленькая толпа, сопутствовавшая апостолу и Лигіѣ раздѣлилась на двое: апостоль, старуха и мальчикъ пошли вверхъ по рѣкѣ, а другой старикъ, шедшій съ ними, немного ниже ростомъ, Урсъ и Лигія вошли въ узенькую улицу и, пройдя еще около ста шаговъ, вошли въ сѣни одного дома, въ которомъ были двѣ лавочки, одна съ оливками, а другая съ птицами.

Хилонъ, шедшій въ пятидесяти шагахъ за Виниціемъ и Крономъ остановился, какъ вкопанный и, прижавшись къ стѣнѣ, началъ псыкать, чтобы они вернулись; что они и сдѣлали.

— Ступай, сказалъ ему Виницій,—и посмотри, не выходитъ-ли этотъ домъ на другую улицу.

Хилонидъ, не смотря на стрѣльбу въ ногахъ, быстро помчался къ этому дому, точно у его щиколокъ были подвязаны крылышки Меркурія, и чрезъ минуту вернулся назадъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—одинъ входъ и выходъ.

Причемъ онъ сложилъ руки и прибавилъ:

— Но, умоляю тебя, господинъ трибунъ, именемъ Юпитера, Аполлона, Весты, Цибеллы, Изиды и Озириса, Митры, Ваала и всѣхъ восточныхъ и западныхъ боговъ — откажись отъ своего намѣренія. Послушай меня...

Но онъ вдругъ оборвалъ свои заклинанія, такъ какъ увидѣлъ, что Виницій поблѣднѣлъ отъ волненія; что его глаза метали искры и горѣли какъ у волка. Довольно было взглянуть на него и понять, что теперь ужь никто и ничто не удержитъ его. Кротонъ началъ вдыхать воздухъ своей геркулесовской грудью и качать неразвитой головой въ обѣ стороны, какъ это дѣлаютъ медвѣди, запертые въ клеткѣ. Но на лицѣ его не было видно ни малѣйшаго безпокойства.

— Я войду первымъ! отозвался онъ.

— Ступай за мной! повелительно отвѣтилъ Виницій, и чрезъ минуту оба исчезли въ темныхъ сѣняхъ.

Хилонъ сталъ на углу ближайшей улицы и началъ выглядывать оттуда, что будетъ.

XII.

Виницій только въ сѣняхъ неизвѣстнаго дома понялъ всю трудность своего предпріятія. Домъ былъ большой, нѣсколько-этажный, какіе строили въ Римѣ съ промышленною цѣлью. Такихъ домовъ было много, и не проходило почти ни одного года, чтобы они не обрушивались на головы жителей, населявшихъ ихъ. Это были настоящіе, черезчуръ высокіе и узкіе, улы съ множествомъ каморокъ и каморочекъ, въ которыхъ ютились многочисленные бѣдняки. Въ городѣ было много улицъ безъ названій, а потому и дома ихъ были безъ нумеровъ. Домовладѣльцы довѣряли полчку квартирныхъ денегъ своимъ невольникамъ, а эти послѣдніе не были обязаны мѣстными властями записывать имена ихъ квартирантовъ, такъ что часто они и сами не знали, кто у нихъ живетъ. Узнать о комъ нибудь въ такомъ домѣ было почти невозможно, тѣмъ болѣе, что при домахъ не существовало привратниковъ.

Виницій и Кротонъ прошли по длиннымъ, похожимъ на корридоръ, сѣнямъ во дворъ, окруженный стѣнами со всѣхъ сторонъ и составляющій какъ-бы общій атриумъ, съ фонтаномъ посерединѣ, вода котораго падала въ каменный резервуаръ, вымурованный въ землѣ. У всѣхъ стѣнъ шли наружныя лѣстницы, частью каменные, а частью—

деревянные, которые вели на галлерей, откуда были входы въ квартиры. Въ нижнемъ этажѣ были нѣкоторыя квартиры съ деревянными дверями, а многія изъ дверей были только завѣшаны суконными, въ большинствѣ порванными и заштопанными, занавѣсами.

Было еще рано и на дворѣ не было ни живой души: очевидно, еще всѣ спали, за исключеніемъ тѣхъ, кто вернулся изъ Остраніума.

— Что дѣлать? спросилъ Кротонъ останавливаясь.

— Подождемъ, отвѣтилъ Виницій, — быть можетъ, кто нибудь выйдетъ. Станемъ такъ, чтобы насъ не увидѣли на дворѣ.

Теперь Виницій пожалѣлъ, что не послушался Хилона. Если-бъ у него было нѣсколько десятковъ невольниковъ, то онъ осадилъ-бы ворота, которые, какъ надо было полагать, были единственнымъ выходомъ, и съ разу перетрясти всѣ квартиры; а теперь нужно было идти наобумъ, или знать, что-бъ попасть въ квартиру Лигіи; иначе христіане, которыхъ навѣрное было не мало въ этомъ домѣ, могли предостеречь ее и сказать, что ее ищутъ. Въ виду этого было не безопасно разспрашивать постороннихъ. Виницій уже подумывалъ, не вернуться-ли ему домой за невольниками, какъ вдругъ изъ-за одного двернаго покрывала вынырнулъ человекъ съ рѣшетомъ въ рукахъ и подошелъ къ фонтану. Виницій узналъ въ немъ съ перваго взгляда Урса.

— Это лигіецъ! прошепталъ Виницій.

— Прикажешь сейчасъ положить его на мѣстѣ?

— Подожди!

Урсъ не замѣтилъ ихъ, потому что они стояли въ полутемныхъ сѣняхъ, и началъ спокойно полоскать овощи, которыми было наполнено рѣшето. Очевидно, онъ намѣревался приготовить изъ нихъ завтракъ. Выполоскавъ овощи, онъ взялъ рѣшето и опять исчезъ за занавѣской. Кротонъ и Виницій пошли за нимъ, надѣясь, что они войдутъ прямо въ комнату Лигіи.

Но они были поражены, увидѣвъ, что занавѣсъ отдѣляла не квартиру отъ двора, а темный корридоръ, въ концѣ котораго видѣнъ былъ садикъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кипарисныхъ деревьевъ и миртовыхъ кустовъ, и маленькій домикъ, какъ будто прильпившійся къ глухой стѣнѣ другого каменнаго дома.

Оба тотчасъ поняли, что это обстоятельство будетъ для нихъ на руку: на дворъ могли сбѣжаться всѣ жильцы, а здѣсь, въ сторонкѣ, навѣрное ихъ никто не услышитъ: они живо справятся съ

защитниками, или точнѣе, съ Урсомъ, схватятъ Лигію и быстро выйдутъ на улицу, а тамъ ужъ они сдѣлаютъ, что надо. Да и никто ихъ не тронетъ, а еслибъ и тронулъ, то они скажутъ, что это бѣглянка, заложница цезаря. Въ крайнемъ случаѣ, Виницій рѣшилъ объявить свое имя вигилямъ и обратиться къ ихъ помощи.

Урсъ почти входилъ въ домъ, какъ вдругъ услышалъ шаги за собою, обернулся и остановился. Увидѣвъ людей, онъ поставилъ рѣшето на балюстраду и обратился къ нимъ.

— Кого вамъ надо? спросилъ онъ.

— Тебя! отвѣтилъ Виницій и, повернувшись къ Кротону, тихо прибавилъ: — убей!

Кротонъ, какъ тигръ бросился на Урса, и прежде чѣмъ лигонецъ успѣлъ опомниться или разсмотрѣть своихъ враговъ, какъ тотъ схватилъ его въ свои желѣзные объятія.

Виницій былъ вполнѣ увѣренъ въ нечеловѣческой силѣ Кротона, а потому, не ожидая окончанія ихъ борьбы, побѣжалъ къ домику, ткнулъ ногой въ дверь и очутился въ комнатѣ, слегка освѣщенной огнемъ, пылавшимъ въ каминѣ. Влескъ этого огня освѣщалъ лицо Лигіи. Близъ нея сидѣлъ у очага тотъ старикъ, который шелъ съ нею и съ Урсомъ изъ Остраніума.

Виницій вошелъ съ такой быстротою, что прежде чѣмъ Лигія могла узнать его, онъ схватилъ ее на руки и бросился къ дверямъ. Старикъ, не теряя присутствія духа, хотъ и загородилъ ему дорогу, но Виницій, прижавъ къ себѣ Лигію одной рукою, оттолкнулъ его другой. Капюшонъ сдвинулся съ его головы и Лигія, увидѣвъ это знакомое и теперь ужасно искаженное лицо, замерла отъ страха и не могла вскрикнуть. Она схватилась за косякъ, но ея руки скользнули по стѣнѣ и она навѣрное упала бы въ обморокъ, еслибъ не та сцена, которую она увидѣла въ саду. Урсъ держалъ въ своихъ объятіяхъ какого-то человѣка, совсѣмъ перегнувшагося назадъ, съ окровавленною головою и губами въ крови. Увидѣвъ Виниція съ ношей, Урсъ еще разъ ударилъ по черепу атлета и, отшвырнувъ его въ сторону, бросился, какъ разъяренный звѣрь, къ Виницію.

— Смерть моя! подумалъ патрицій.

Потомъ онъ, какъ сквозь сонъ, услышалъ крикъ Лигіи: «не убей!» а затѣмъ почувствовалъ нѣчто такое, что развязало ему руки, которыми онъ держалъ Лигію и, наконецъ, все закружилось, въ глазахъ потемнѣло и онъ упалъ...

Хилонъ, скрывшись за угломъ, ожидалъ, чѣмъ все это кончится: любопытство боролось въ немъ со страхомъ. Кромѣ того, онъ думалъ, что если имъ не удастся схватить Лигію, то хорошо быть при Виниціѣ. Онъ ужъ не боялся Урса, будучи увѣреннымъ, что Кротонъ его убьетъ, и рассчитывалъ, что въ случаѣ, еслибъ на улицахъ стала собираться толпа, христіане или другіе стали бы препятствовать Виницію, то онъ заговорить съ ними, какъ представитель власти или исполнитель воли цезаря, а въ крайнемъ случаѣ, позоветъ вигилей на помощь молодому патрицію и тѣмъ можетъ снять новыя милости. Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что Виницій дѣйствуетъ безразсудно, однако, принимая во вниманіе страшную силу Кротона, онъ допускалъ удачу.

«Еслибъ съ ними произошло что нибудь, то самъ трибунъ понесетъ дѣвушку, а Кротонъ проторитъ ему дорогу!» подумалъ онъ.

Однако, его начала беспокоить тишина въ сѣняхъ, на которыя онъ смотрѣлъ издали.

«Что, если они не попадутъ въ ея убѣжище?.. Тогда они только на шумятъ и всполошатъ лань!..»

Эта мысль ему даже понравилась, потому что онъ опять будетъ нуженъ Виницію и опять получить отъ него значительное количество сестерцій.

— Все, что они ни сдѣлаютъ, то сдѣлаютъ это для меня, хотя никто изъ нихъ не подозреваетъ этого... О, боги, только позвольте мнѣ...

И вдругъ онъ оборвалъ: ему показалось, что кто-то выглянулъ изъ сѣней. Онъ прижался къ стѣнѣ и затаилъ дыханіе.

Онъ не ошибся: дѣйствительно изъ сѣней выглянула чья-то голова и начала осторожно осматриваться вокругъ, а затѣмъ исчезла.

— Кто-же это? Виницій или Кротонъ, подумалъ Хилонъ. — Но если они похитили ее, то что-же она не кричитъ и зачѣмъ они выглядываютъ на улицу?.. Такъ или иначе, они повстрѣчаются съ народомъ и пока дойдутъ до Каринъ, то ужъ въ городѣ все оживится!.. Но—что это?.. О, бессмертные боги!..

И вдругъ остатокъ его волосъ на головѣ сталъ дыбомъ: въ дверяхъ показался Урсъ съ бездыханнымъ тѣломъ Кротона, свѣшивавшимся черезъ его плечо; онъ осмотрѣлся кругомъ и быстро побѣжалъ по пустынной улицѣ къ рѣкѣ.

Хилонъ, казалось, приросъ къ стѣнѣ и сдѣлался совсѣмъ плоскій, какъ доска.

«Если онъ замѣтитъ меня, то я погибъ!» подумалъ онъ.

Но Урсъ быстро промелькнулъ за уголъ и исчезъ за слѣдующимъ домомъ, а Хилонъ, не ожидая его возвращенія, помчался въ глубину поперечной улицы, стуча зубами отъ страха и той быстроты, съ которою бѣжалъ.

«Если онъ тотчасъ вернется и замѣтитъ меня хоть издали, то навѣрное догонитъ и убьетъ! О, боги! спасите меня!.. Спаси меня, Зевсъ, спаси Аполлонъ, спаси Гермесъ, спаси христіанскій Боже! Сейчасъ оставлю Римъ и вернусь въ Месембрию, только спасите меня отъ рукъ этого демона!»

Теперь этотъ лигіецъ показался ему какимъ-то сверхъестественнымъ чудовищемъ. Бѣжа, онъ думалъ, что это вѣрно какой-нибудь богъ, въ образѣ варвара. Въ этотъ моментъ онъ вѣрилъ въ божества всего свѣта и во всю мифологію, надъ которою часто насмѣхался. Ему пришло въ голову, что Кротона навѣрное убилъ христіанскій Богъ и опять у него волосы стали дыбомъ.

Однако, пробѣжавъ нѣсколько переулковъ и увидѣвъ какихъ-то рабочихъ, идущихъ на работу, онъ успокоился, но въ груди спиралось дыханіе и онъ сѣлъ на порогъ одного дома и началъ вытирать потъ на лицѣ угломъ своего плаща.

— Да, я ужь старъ и нуждаюсь въ спокойствіи, сказалъ онъ про себя.

Рабочіе, шедшіе насупротивъ него, повернули въ какой-то переулокъ и опять на улицѣ сдѣлалось пусто. Городъ еще спалъ. Только въ болѣе богатыхъ частяхъ его движеніе начиналось раньше, потому что невольники богатыхъ домовъ должны были вставать до свѣта, а въ тѣхъ частяхъ, гдѣ жилъ свободный народъ, питавшійся за счетъ государства, а слѣдовательно и праздный, зимою всѣ просыпались довольно поздно. Хилонъ, просидѣвъ нѣкоторое время на порогѣ, почувствовалъ холодъ, а потому всталъ и, удивившись, что не потерялъ своего кошелька, свободнѣе направился къ рѣкѣ.

— Быть можетъ, я увижу трупъ Кротона, произнесъ онъ.— Но, о, Боги! Вѣдь этотъ лигіецъ, если онъ человѣкъ, могъ-бы своею силою заработать въ годъ цѣлые милліоны сестерцій!.. Ужь если онъ задушилъ Кротона, какъ щенка, то кто-жъ станетъ тягаться съ нимъ?

За каждый его выходъ на арену ему дадутъ столько золота, сколько въ немъ самомъ вѣсу... Да, онъ лучше оберегаетъ эту дѣвушку, чѣмъ-бы ее оберегалъ самъ Вельзевулъ. Нѣтъ, я не хочу съ нимъ имѣть никакого дѣла: ужь черезчуръ онъ силенъ для меня. Однако, что-же дѣлать? Вѣдь это цѣлое происшествіе! Если онъ поломалъ ребра такому Кротону, то вѣрно душа Виниція парить гдѣ-нибудь надъ этимъ проклятымъ домомъ и тѣло его ждетъ погребенія. Клянусь Касторомъ, что смерть его не пройдетъ имъ на-сухо!.. Вѣдь онъ патрицій, пріятель цезаря, родственникъ Петронія, извѣстный всему Риму и военный трибунъ!.. Что, если-бы мнѣ отправиться къ преторіанцамъ или къ вигиліямъ?..

И онъ замолкъ, подумалъ и потомъ прибавилъ:

— Горе мнѣ! Кто его ввелъ въ этотъ домъ, если не я? Его отпущенники и невольники знаютъ, что я ходилъ къ нему и съ какою цѣлью. Ну, если они подумаютъ, что я нарочно завелъ его въ этотъ домъ? Хотя потомъ на судѣ и окажется, что я не виноватъ въ его смерти, но все-таки всѣ скажутъ, что былъ причиною ея... А такъ какъ онъ патрицій, то я не освобожусь отъ наказанія. Развѣ оставить молчкомъ Римъ?.. Но тогда еще больше навлечешь на себя подозрѣніе.

И такъ худо, и такъ не хорошо. Значитъ, надо изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Хотя Римъ большой городъ, однако Хилону становилось въ немъ тѣсно. Каждый другой могъ пойти къ префекту вигилей и заявить о случившемся, и хоть-бы пало на него какое подозрѣніе, все-же онъ спокойно сталъ-бы ожидать слѣдствія. Но прошлое Хилона было такого рода, что всякое знакомство съ префектами города или вигилей навело-бы на него большія непріятности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осложнило всякія подозрѣнія, какія придуть въ голову слѣдователямъ.

Съ другой стороны, бѣжать, — это значитъ укрѣпить въ мнѣніи Петронія, что Виницій сдѣлался жертвой заговора и измѣны. А такъ какъ Петроній былъ могущественный и ему полиція подчинялась во всемъ государствѣ, то конечно онъ потребовалъ бы разыскать виноватаго, хоть въ концѣ свѣта. Но тутъ Хилону пришла другая мысль: не обратиться ли прямо къ нему и не рассказать ли, что и какъ случилось? Это былъ вѣрнѣйшій способъ: Петроній былъ человѣкомъ спокойнымъ и Хилонъ былъ увѣренъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, выслушаетъ его до конца. Зная это дѣло

съ самого начала, ему легче было повѣрить въ невинность Хилона, чѣмъ префектамъ.

Однако, чтобы обратиться къ Петронію, нужно было сперва узнать, что случилось съ Виницемъ, а этого-то онъ и не зналъ. Онъ только видѣлъ Урса, пробиравашагося съ трупомъ Кротона къ рѣкѣ, и больше ничего. А Виницій могъ быть убитымъ, раненымъ или арестованнымъ. Но опять таки онъ подумалъ, что христіане не осмѣлятся убить такого могущественнаго августіанина и притомъ военнаго трибуна, потому что это обстоятельство можетъ накликать бѣду на ихъ головы и вызвать общее гоненіе. Вѣрнѣе всего было, что его задержали, чтобы дать Лигіи возможность скрыться въ другомъ мѣстѣ.

И эта мысль ободрила Хилона.

— Если этотъ лигійскій драконъ не разорвалъ его въ первую минуту, то онъ—живъ, а если живъ, то самъ скажетъ, что я не измѣнилъ ему... тогда я въ безопасности и мнѣ не только ничто не грозитъ, но предо мною открывается новое поле дѣятельности... О, Гермесъ!.. ты опять можешь рассчитывать на полученіе двухъ нетелей!.. Развѣ пойти и сказать кому нибудь изъ отпущенниковъ Виниція, гдѣ искать ихъ господина?.. А ужъ пойдутъ-ли они къ префекту или нѣтъ—это ихъ дѣло... Можно также сходить къ Петронію и рассчитывать на награду... Сначала я искалъ Лигію; теперь буду искать Виниція, а потомъ опять Лигію... Однако, прежде надо узнать, живъ-ли онъ или убитъ.

Ему пришло въ голову пойти ночью къ пекарю Демъ и спросить о томъ Урса; но этотъ проектъ не понравился ему: онъ не хотѣлъ имѣть дѣло съ Урсомъ и допускалъ, что если Урванъ не убилъ Главка, то вѣрно потому, что его остановилъ кто нибудь изъ старшихъ христіанъ, которому онъ сознался въ своемъ намѣреніи и что его подговорилъ какой-то измѣнникъ. Наконецъ, при одномъ воспоминаніи объ Урсѣ, морозъ пробѣжалъ по его тѣлу и онъ рѣшилъ послать вечеромъ Евриція въ тотъ домъ, въ которомъ произошло происшествіе, и узнать подробности о немъ. А между тѣмъ ему хотѣлось попить, выкупаться и отдохнуть. Безсонная ночь, путешествіе въ Остраніумъ и бѣгство изъ-за Тибра, дѣйствительно, уморили его. Но онъ однимъ утѣшался, что при немъ было два кошелька, которые ему далъ Виницій: одинъ—дома, а другой—по дорогѣ изъ Остраніума. Въ виду такого счастливаго обстоятельства, какъ

равно и вслѣдствіе тѣхъ волненій, которыя онъ испыталъ въ теченіи сутокъ, онъ рѣшилъ плотно позавтракать и выпить хорошаго вина.

И онъ дождался открытія виннаго погребка и выпилъ въ немъ столько вина, что позабылъ о купаньи. Прежде всего, ему захотѣлось спать: сонъ отнималъ у него всѣ силы, такъ что онъ, шатаясь, еле добрался домой на Субурѣ, гдѣ его ожидала невольница, купленная имъ на деньги Винниція.

Войдя въ темный, какъ лисья нора, кубикуюмъ, Хилонъ бросился на постель и моментально заснулъ. Передъ вечеромъ его разбудила невольница, говоря, что его кто-то спрашиваетъ по важному дѣлу.

Хилонъ живо пришелъ въ себя, быстро одѣлъ плащъ съ капюшономъ и, приказавъ невольницѣ посторониться, осторожно выглянулъ наружу и замеръ: передъ кубикуюмомъ стояла атлетическая фигура Урса.

При видѣ этого человѣка, онъ почувствовалъ, что ноги ему измѣняются, голова холодѣетъ, сердце перестаетъ биться и по позвоночному столбу бѣгаютъ мурашки... Онъ не могъ выговорить ни слова, однако, постарался овладѣть собою и, весь дрожа и стуча зубами, еле простоналъ:

— Сира... меня нѣтъ дома... не... не знаю... этого... хорошаго человѣка...

— Я сказала ему, что ты дома и что только спишь, — отвѣтила дѣвушка, — но онъ приказалъ разбудить...

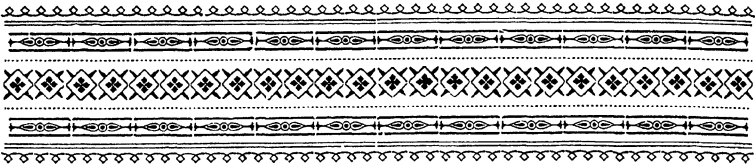
— О, боги!.. я прикажу тебѣ...

Но Урсъ, выйдя изъ терпѣнія долгимъ ожиданіемъ, подошелъ къ дверямъ и просунулъ внутрь голову.

— Хилонъ Хилонидъ! крикнулъ онъ.

— Рах тесум! рах, рах! — отвѣтилъ Хилонъ. — О, лучший изъ христіанъ!.. Да, я Хилонъ, но это ошибка!.. Я... я не знаю тебя!..

— Хилонъ Хилонидъ! повторилъ Урсъ. — Твой господинъ Винницій приказываетъ тебѣ тотчасъ идти со мною къ нему.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Виницій проснулся отъ ужасной боли. Въ первую минуту, онъ не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось. Въ головѣ его шумѣло и глаза смотрѣли, точно сквозь туманъ... Мало по малу, онъ однако-же началъ приходить въ себя и наконецъ отличилъ три фигуры, нагнувшіеся надъ нимъ. Двухъ изъ нихъ онъ узналъ: одинъ былъ—Урсъ; другой—старикъ, котораго онъ толкнулъ при похищеніи Лигіи, а третій—посторонній. Этотъ послѣдній держалъ его лѣвую руку, ощупывая ее отъ локтя до плеча и ключицы, вызывая сильную боль. Виницій думалъ, что это особый родъ мести христіанъ, а потому стиснулъ зубы и простоналъ:

— Лучше убейте меня!

Но окружавшіе какъ будто не обращали вниманія на его слова, точно не слышали ихъ или считали обыкновеннымъ бредомъ больного. Урсъ, съ своимъ озабоченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грознымъ варварскимъ лицомъ, держалъ пучки бѣлыхъ лоскутовъ, разорванныхъ на длинные бандажи, между тѣмъ какъ старикъ разговаривалъ съ человѣкомъ, который ощупывалъ руку Виниція.

— Ты увѣренъ, Главкъ, сказалъ онъ,—что рана на головѣ не опасна.

— О, да, честнѣйшій Криспъ, отвѣтилъ Главкъ.—Служа во флотъ какъ невольникъ, а потомъ находясь въ Неаполѣ, какъ свободный человѣкъ, я занимался лекарскимъ ремесломъ. Благодаря этому ремеслу, я скопилъ такую сумму, что могъ освободить себя и всю свою семью изъ неволи... Рана—легкая. Когда Урсъ отнял

у этого молодого человека дѣвушку и толкнулъ его къ стѣнѣ, то онъ, вѣрно, падая заслонила рукой, которую вывихнулъ и, даже сломалъ, но зато спасъ свою жизнь и голову отъ раздробленія.

— Это и видно, что въ твоихъ рукахъ перебивало не мало раненныхъ. Не даромъ-же тебя считаютъ отличнымъ лекаремъ... Поэтому-то я и послалъ за тобою Урса...

— Который по дорогѣ признался, что вчера хотѣлъ убить меня.

— Но прежде онъ мнѣ сознался и я объяснилъ ему, что не ты измѣнникъ, а тотъ незнакомецъ, который подстрекалъ его убить.

— Да, это былъ злой демонъ, котораго я принялъ за ангела, вздыхая отвѣтилъ Урсъ.

— Ну, объ этомъ ты расскажешь въ другое время, замѣтилъ Главкъ,—а теперь намъ нужно позаботиться о больномъ.

Сказавъ это, Главкъ началъ вправлять вывихнутую руку Виниція, который, не смотря на ежеминутное смачиваніе его водою, постоянно мѣлѣлъ отъ боли. Впрочемъ, это было для него лучше: по крайней мѣрѣ онъ не чувствовалъ какъ ему, кромѣ того вправляли ногу и забинтовывали сломанную руку, между двумя дощечками.

По окончаніи операціи, Маркъ скоро пришелъ въ себя и увидѣлъ Лигію; она стояла у постели съ мѣднымъ тазикомъ съ водою, въ которой Главкъ мочилъ губку и мочилъ голову больного.

Виницій смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Ему казалось, что это былъ сонъ или что онъ видитъ ее въ лихорадочномъ бреду: онъ долго смотрѣлъ на нея, пока наконецъ собрался съ силами и промолвилъ:

— Лигія...

Услыхавъ его голосъ, рука Лигіи съ тазикомъ дрогнула, и молодая дѣвушка, взглянувъ на него глазами, преисполненными грусти, произнесла:

— Миръ тебѣ, Маркъ!

Она стояла передъ нимъ съ протянутой впередъ рукою съ тазомъ, между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ на нея такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ запечатлѣть ея образъ и видѣть ее даже съ закрытыми глазами. Онъ осматривалъ ее съ головы до ногъ, видѣлъ ея поблѣднѣвшее и похудѣвшее лицо, волнистые изгибы волосъ и ея крестьянскую грубую одежду, и осматривалъ такъ пристально, что она смутилась и покраснѣла, а онъ въ то-же время

подумалъ, что онъ вѣрно любить ее; что эта блѣдность и убожество— дѣло его рукъ; что онъ изгналъ ее изъ того дома, въ которомъ ее любили, окружали ласками и всякими удобствами; что онъ заставилъ ее жить въ этой несчастной канурѣ и одѣтъ черной суконный плащъ невольницы.

Въ данный моментъ, Маркъ готовъ былъ одѣтъ ее во все драгоцѣнныя матеріи, жемчуги и камни всего свѣта, но, къ несчастью, онъ не могъ двинуться съ мѣста и поэтому крайне сожалѣлъ ее.

— Это ты, Лигія, не позволила убить меня? сказалъ онъ.

— Пошли, тебѣ Господи, здорovie! сладостно отвѣтила она.

Слова эти прозвучали какъ золото и разлились цѣлебнымъ бальзамомъ по всему его тѣлу, такъ что онъ невольно призналъ себя виноватымъ во всехъ обидахъ, учиненныхъ ей за все время ихъ знакомства. Онъ забылъ да и не зналъ, что, въ данный моментъ, ея устами могло говорить только христіанское ученіе, а не любящая женщина. Онъ видѣлъ въ этомъ отвѣтѣ особенное сочувствіе къ нему и какую-то неестественную доброту. Последняя потрясла его до глубины души, и какъ прежде онъ млѣлъ отъ боли, такъ теперь обомлѣлъ отъ волненія: имъ овладѣли какая-то немощь и пріятная истома. Въ это время онъ чувствовалъ себя яко-бы на днѣ какой-то бездонной пропасти, въ которой однако-же ему было хорошо и онъ былъ счастливъ, такъ какъ въ моментъ его ослабленія ему мнилось, что надъ нимъ стоитъ божество.

Между тѣмъ Главкъ промылъ рану на головѣ и приложилъ пластырь. Урсъ взялъ мѣдный тазикъ изъ рукъ Лигіи, а эта послѣдняя подошла къ столу и взяла чашку съ водой, смѣшанной съ виномъ, и поднесла ее къ губамъ раненаго. Виницій съ жадностью выпилъ ее и почувствовалъ себя легче. Да, кромѣ того, послѣ перевязки, онъ ужъ почти не чувствовалъ боли и совсѣмъ пришелъ въ себя.

— Дай мнѣ еще попить!.. попросилъ онъ.

Лигія ушла съ чашкою въ другую комнату, а въ это время Криспъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Главкомъ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вотъ видишь, Виницій! Господь не допустилъ тебѣ совершить преступленіе и сохранилъ твою жизнь, чтобы ты воспрянулъ духомъ и обсудилъ свое безразсудство. Тотъ, въ присутствіи кото-

раго человѣкъ—прахъ земли, предалъ тебя безоружнаго въ наши руки, но Христось, въ Котораго мы вѣруемъ, заповѣдалъ намъ любить даже враговъ. Итакъ, мы оказали тебѣ первую помощь, какъ раненому и больному, а затѣмъ, какъ сказала Лигія, мы будемъ молиться, чтобы Господь скорѣе возвратилъ тебѣ здоровье, но дальше не можемъ ухаживать за тобою и оставляемъ тебя здѣсь. Лежи спокойно и подумай, хорошо-ли преслѣдовать бѣдную дѣвушку, которую ты лишилъ опекуновъ и крова, а также и насъ, заплатившихъ тебѣ за зло—добромъ.

— Какъ! вы хотите оставить меня? спросилъ Виницій.

— Не тебя, а домъ, въ которомъ насъ можетъ преслѣдовать городской префектъ. Твой товарищъ убитъ, а ты, высокостоящее лицо, лежишь раненый. Хотя все это случилось не по нашей винѣ, однако-же на насъ можетъ обрушиться законъ...

— Не бойтесь, ни закона, ни гоненій, отвѣтилъ Виницій.—Я защищу васъ.

Криспъ не хотѣлъ сказать этимъ, что они боятся префекта и закона, а что просто-таки не довѣряютъ ему и въ виду этого хотятъ скрыть Лигію отъ дальгѣйшихъ его преслѣдованій.

— Вотъ что, господинъ, прибавилъ Криспъ:—у тебя правая рука здоровая, а потому, вотъ тебѣ таблетка и трость: напиши своимъ слугамъ, чтобы они пришли сегодня вечеромъ съ носилками и отнесли тебя домой, гдѣ тебѣ будетъ покойнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ нашей бѣдной обстановкѣ. Мы здѣсь живемъ у бѣдной вдовы, которая скоро вернется домой съ своимъ сыномъ, и ея мальчикъ отнесетъ твое письмо, а мы ужъ поищемъ себѣ другую квартиру...

Виницій поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что его хотятъ разлучить съ Лигіей и что если онъ опять потеряетъ ее, то, быть можетъ, ужъ никогда въ жизни не увидится съ нею... Конечно, онъ понималъ и то, что между нимъ и Лигіей произошли такія вещи, въ силу которыхъ онъ долженъ, желая обладать ею, поискать новыхъ средствъ для сближенія. Но объ этихъ послѣднихъ онъ еще не успѣлъ подумать, хотъ и сознавалъ необходимость. Теперь еслибъ онъ сказалъ и даже поклялся этимъ людямъ, что онъ вернетъ Лигію Плавтію, то, разумѣется, они не повѣрятъ ему. Вѣдь онъ могъ это сдѣлать раньше; ему слѣдовало обратиться къ Помпоніи и сказать ей, что онъ не станетъ преслѣдовать дѣвушку... тогда она сама разыскала-бы

ее и взяла домой. Ну, а теперь онъ былъ убѣжденъ, что ни какіе ни доводы, ни клятвы не помогутъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ язычникомъ, а слѣдовательно чѣмъ и кѣмъ онъ могъ поклясться имъ? Языческими богами? Да онъ и самъ не вѣрилъ въ нихъ, а христіане считали ихъ злыми демонами.

И Маркъ приходилъ въ отчаяніе, не зная какъ примириться съ Лигіей и какъ улажить ее покровителей... Кромѣ того, для примиренія требовалось извѣстное время, а его то и не было. Ему хотѣлось, чтобы Лигія хоть нѣсколько дней побыла при немъ, и онъ, какъ утопающій хватается за какойнибудь осколокъ доски или весла, надѣясь спастись на немъ,—питалъ надежду, что въ эти нѣсколько дней онъ придумаетъ сказать ей чтонибудь такое, что сблизитъ его съ нею. Обдумавъ на скоро свой планъ, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не ищите, а лучше выслушайте меня, христіане! Вчера я былъ вмѣстѣ съ вами въ Остриумѣ и слушалъ проповѣдь вашего апостола; да еслибъ я и не слышалъ ее, то ужъ убѣдился по вашимъ поступкамъ, что вы честные и добрые люди. Скажите вдовѣ, нанимающей эту квартиру, чтобы она осталась въ ней, сами также останьтесь и позвольте ужъ остаться и мнѣ. Пусть этотъ лекарь самъ скажетъ, можно-ли сегодня переносить меня. Вѣдь я больной, у меня болитъ рука, которая хоть нѣсколько дней должна остаться безъ движенія... А потому я катеторически заявляю вамъ, что не двинусь съ мѣста... развѣ только вы употребите насиліе!

Виницій задыхался и дальше не могъ говорить.

— Никто изъ насъ не посмѣетъ насиловать тебя, отвѣтилъ Криспъ:—мы только хотимъ унести отсюда цѣлыми наши головы.

Виницій, не привыкшій къ сопротивленіямъ, нахмурилъ брови.

— Позвольте мнѣ хоть отдохнуть, сказалъ онъ:—я задыхаюсь отъ разговора.

Онъ помолчалъ минуту и затѣмъ продолжалъ:

— Что касается Кротона, то о немъ никто и не спросить. Сегодня онъ долженъ былъ уѣхать въ Беневентъ и всѣ подумаютъ, что онъ уѣхалъ. Насъ никто не видалъ, когда мы входили въ этотъ домъ, кромѣ одного грека, бывшаго вмѣстѣ съ нами въ Остриумѣ. Я вамъ скажу, гдѣ онъ живетъ и вы позовите его ко мнѣ. Я прикажу ему молчать, потому что онъ подкупленъ мною, а до-

мой напишу письмо, что я уѣхалъ въ Беневентъ. Въ случаѣ, еслибъ грекъ и донесъ префекту, то я скажу ему, что я самъ убилъ Кротона, который сломалъ мнѣ руку, и клянусь прахомъ моихъ отца и матери, что я исполню это!.. Итакъ, вы можете спокойно остаться: ни одинъ волосъ не упадетъ съ вашихъ головъ. Только позовите мнѣ грека... его зовутъ Хилонъ Хилонидъ!..

— Въ такомъ случаѣ, при тебѣ останется Главкъ, отвѣтилъ Криспъ,—который, вмѣстѣ со вдовой, присмотрять за тобою...

Виницій свелъ брови еще сильнѣе.

— Послушай, старикъ, продолжалъ онъ, волнуясь,—я обязанъ тебѣ благодарностью и ты кажешься мнѣ хорошимъ человѣкомъ, но жаль, что ты не говоришь того, что думаешь. Очевидно, что ты боишься, чтобы я не позвалъ сюда моихъ невольниковъ и не взялъ Лигію? Не такъ ли?

— Да, отвѣтилъ угрюмо Криспъ.

— Въ такомъ случаѣ, я буду разговаривать съ Хилономъ въ вашемъ присутствіи и, кромѣ того, напишу при васъ письмо, что я уѣхалъ и что никакихъ послѣ васъ не будетъ... Обсуди это и не раздражай меня...

Причемъ его лицо передернулось отъ гнѣва и онъ заволновался еще сильнѣе.

— Ты думаешь, прибавилъ онъ,—я буду скрывать, что хочу остаться здѣсь для того, чтобы видѣться съ Лигіей? Да вѣдь это и дуракъ пойметъ, хоть бы я и запырлся. Но я не стану больше злоупотреблять довѣріемъ и прибѣгать къ насилію... а только скажу тебѣ, что если она здѣсь не останется, то я сорву всѣ ваши повязки, не буду ни ѣсть, ни пить и пусть смерть моя послужитъ вамъ, тебѣ и твоимъ братьямъ, вѣчнымъ укоромъ... Тогда зачѣмъ вы дѣлали мнѣ перевязку?.. Почему вы лучше не убили меня?

И онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и озлобленія.

Лигія, слышавшая ихъ разговоръ изъ другой комнаты, была увѣрена, что Виницій способенъ сдѣлать это и испугалась: она не желала его смерти. Будучи раненымъ и безоружнымъ, онъ возбуждалъ въ ней сожалѣніе. Съ момента своего бѣгства, она жила среди людей, которые находились въ постоянномъ религіозномъ настроеніи и думали только о всякихъ самопожертвованіяхъ и милосердіи, въ виду чего и сама прониклась милосердіемъ до такой степени, что оно замѣнило ей домъ, семью и потерянное счастье. Кромѣ

того, Виницій занялъ черезчуръ много мѣста въ исторіи ея судьбы и она сама не могла забыть его. Она думала о немъ по цѣлымъ днямъ и только молилась Богу, чтобы Онъ позволилъ ей дожидаться той счастливой минуты, когда она, вдохновенная ученіемъ Христа, заплатитъ ему добромъ за зло, милосердіемъ—за преслѣдованіе, переломитъ его языческій характеръ и присоединитъ къ христіанской паствѣ. Именно, какъ теперь ей показалось, эта минута настала, а слѣдовательно, молитва ея услышана.

Она подошла къ Криспу и, съ вдохновеннымъ лицомъ, сказала ему такимъ голосомъ, точно это говорила не она, а кто-то свыше.

— Послушай, Криспъ! Позволь ему остаться съ нами, пока мы будемъ здѣсь и пока Христосъ не возвратитъ ему здоровья.

Старый пресвитеръ уже привыкъ видѣть во всемъ вдохновеніе свыше; а потому, видя ее экзальтированную, онъ рѣшилъ, что ея устами говоритъ самъ Богъ. Въ виду этого, онъ склонилъ передъ нею свою сѣдую голову и съ покорностью отвѣтилъ:

— Пусть будетъ по твоему.

Такое послушаніе старика произвело большое впечатлѣніе на Виниція, который не спускалъ глазъ съ Лигіи. Ему казалось, что она между христіанами, что Сивилла или жрица, которую должны окружать почетомъ и послушаніемъ, и къ его любви присоединился страхъ, а самая любовь къ ней показалась ему слишкомъ смѣлой и даже наглой. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что отношенія ихъ далеки, что теперь не она отъ него зависитъ, а онъ отъ нея: что лежитъ больной, безоружный и слабый, какъ ребенокъ, за которымъ нуженъ уходъ. Для его избалованной и гордой натуры подобныя отношенія, въ иномъ случаѣ, были бы оскорбительными; но на этотъ разъ онъ не только не оскорблялся, а даже былъ благодаренъ ей, какъ своей повелительницѣ. Однако, подобныя чувства казались ему странными, и случись это съ нимъ днемъ раньше, то онъ, пожалуй, возмущился бы ими; да и теперь не могъ дать себѣ яснаго отчета, а потому ужъ не спрашивалъ себя, почему это такъ, а не иначе, и почему это ему казалось натуральнымъ: онъ былъ счастливъ, что остается съ нею и хотѣлъ благодарить ее съ такимъ чувствомъ, которое, до настоящаго времени, было незнакомо ему и которое онъ даже не умѣлъ назвать, но это было простое, беззавѣтное самопокореніе.

Однако всѣ эти волненія настолько ослабили его, что онъ не

могъ даже говорить и только взглядомъ, въ которомъ сіяла радость, благодарилъ ее за то, что она заступилась за него, оставила при себѣ и что онъ можетъ видѣть ее сегодня, завтра и еще много дней. Но тутъ-же онъ затрепеталъ, подумавъ, что онъ можетъ потерять ее, — и когда Лигія опять подала ему воды, то онъ боялся даже позвать ея руку, онъ, Виницій, цѣловавшій ее на пиру въ губы и общавшій, послѣ бѣгства, таскать за косы по кубикюлюму и даже сѣчь ее кнутьями!

II.

Одновременно съ этимъ опасеніемъ, Виниція беспокоила другая мысль, чтобы его радость не нарушило какое-нибудь непрощенное внѣшнее вмѣшательство. Хилонъ могъ оповѣстить префекта объ исчезновеніи его, а также сообщить о томъ отпущенникамъ, а въ виду этого, вмѣшательство вигилей было-бы возможнымъ и даже неизбѣжнымъ. Разумѣется, тогда онъ взялъ-бы Лигію и велѣлъ запереть ее въ своемъ домѣ, но онъ чувствовалъ, что не сдѣлаетъ того; что онъ не способенъ. Хотя онъ былъ черезчуръ избалованнымъ, испорченнымъ и, въ случаѣ надобности, неумолимымъ; однако-жъ онъ не былъ ни Тигелиномъ, ни Нерономъ. Военная жизнь оставила въ немъ извѣстные слѣды справедливости и совѣсти, благодаря которой онъ сознавалъ, что подобный поступокъ съ его стороны былъ-бы подлымъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ-бы это въ приливѣ злости и если-бы былъ здоровъ; но теперь онъ былъ боленъ и только желалъ, чтобы никто не становился между нимъ и Лигіей.

Маркъ былъ крайне удивленъ, что ни Лигія, защищавшая его, ни Криспъ, не потребовали отъ него никакихъ увѣреній и доказательствъ, что съ ними не случится ничего дурного, точно они были вполне увѣрены въ своей силѣ и что, въ случаѣ надобности, ихъ защититъ невидимая рука. Въ головѣ Виниція уже начало путаться и ступшеываться отличіе разницы вещей возможныхъ отъ невозможныхъ, но онъ былъ далекъ отъ мысли, что ихъ можетъ защитить какая-нибудь сверхъестественная сила. Наконецъ, обсудивъ вещи здраво, онъ напомнилъ имъ о грекѣ и попросилъ призвать его къ нему.

Криспъ согласился и рѣшилъ послать Урса. Виницій, часто посылавшій въ послѣднее время къ Хилону своихъ рабовъ, далъ

Криспу точный адресъ грека, а затѣмъ, написавъ нѣсколько словъ на таблеткѣ, обратился къ Урсу:

— Вотъ тебѣ, на всякій случай, таблетка, сказалъ онъ:— передай ее отъ моего имени греку; а если ты не застанешь его дома, то оставь у кого-либо изъ домашнихъ... Онъ человѣкъ подозрительный... и бывали такіе случаи, когда онъ приказывалъ отвѣчать моимъ слугамъ, что его нѣтъ дома.

— Только-бы найти, а ужъ я приведу его, захочетъ-ли онъ или нѣтъ, живымъ или мертвымъ.

Урсъ одѣлъ плащъ и быстро ушелъ.

Отыскать кого-либо въ Римѣ было не легкое дѣло, даже при самыхъ точныхъ указаніяхъ; но Урсу въ этомъ случаѣ помогъ инстинктъ лѣснаго жителя. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ расположеніе города, а потому скоро нашелъ квартиру Хилона.

Однако, онъ не узналъ грека, потому что видѣлъ его только одинъ разъ, да и то—ночью. Наконецъ, тотъ былъ самоувѣренный и бодрый старикъ, тогда какъ этотъ — изогнутый, скорчившійся и съжившійся отъ страха, такъ что никто даже и не подумалъ-бы, что онъ тотъ самый старикъ, съ которымъ Урсъ разговаривалъ на берегу рѣки.

Хилонъ, замѣтивъ, что Урсъ принимаетъ его за незнакомаго человѣка, тоже ободрился. Къ тому-же и таблетка Виниція успокоила его.

«Значить, подумалъ онъ,—меня никто не станетъ подозрѣвать, что я умышленно завелъ его въ засаду. Притомъ, очевидно, христіане не убили его... если онъ самъ пишетъ ко мнѣ, вѣрно они побоялись поднять на него руку, какъ на высокопоставленнаго человѣка... Значить, и мнѣ нечего бояться; а въ случаѣ нужды, Виницій-же и защититъ меня... Вѣдь не затѣмъ онъ зоветъ меня къ себѣ, чтобы христіане убили меня?»

Обсудивъ все это и приободрившись, онъ спросилъ Урса:

— Милый человѣкъ! А развѣ мой пріятель, благородный Виницій, не прислалъ за мной носилокъ?.. Вѣдь я не могу идти пѣшкомъ, потому что ноги опухли.

— Нѣтъ не прислалъ и ты пойдешь пѣшкомъ, отвѣтилъ Урсъ.

— А если не пойду?

— Нѣтъ, долженъ идти и пойдешь!

— Конечно пойду, но по собственной волѣ. Иначе меня никто

не заставитъ... я человѣкъ свободный и другъ префекта города; а какъ мудрецъ, то вѣдь и у меня есть различныя средства противъ насилій: я тоже умѣю превращать людей въ деревья и звѣрей... Но, я пойду, пойду! Вотъ только одѣну плащъ съ капюшономъ потеплѣе, чтобы меня не узнали въ этой части города... Иначе насъ станутъ задерживать каждую минуту и цѣловать мои руки...

Хилонъ влѣзъ въ другой плащъ и вздѣлъ на голову галльскій широкій капюшонъ, изъ опасенія, чтобы Урсъ не узналъ его, когда они выйдутъ на болѣе освѣщенное мѣсто.

— Куда-жь ты поведешь меня? спросилъ онъ по дорогѣ.

— За Тибръ.

— Я еще недавно въ Римѣ, и никогда не бывалъ за Тибромъ... Но, вѣрно и тамъ живутъ честные и добрые люди.

Урсъ былъ не совсѣмъ наивнымъ человѣкомъ; кромѣ того, слышалъ разсказъ Виниція, что грекъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Остраніумѣ, а потомъ выдалъ, какъ онъ входилъ съ Кротономъ въ домъ, въ которомъ жила Лигія. Поэтому, онъ остановился на минутку и, посмотрѣвъ на него, сказалъ:

— Не лги, старикъ!.. Ты сегодня былъ въ Остраніумѣ и у воротъ нашего дома.

— А, это вашъ домъ за Тибромъ! воскликнулъ Хилонъ.— Говорю: я недавно въ Римѣ и не знаю ни расположенія, ни названія частей города. Такъ-то, пріятель!.. Да, я былъ у воротъ вашего дома и умолялъ Виниція, чтобы онъ не входилъ туда. Былъ и въ Остраніумѣ, и—знаешь почему? Я ужъ давно работаю надъ Виниціемъ и уговариваю его обратиться на путь истины, поэтому то я и водилъ его туда, чтобы онъ послушалъ старшаго изъ апостоловъ... И да осѣнитъ свѣтъ истины его и твою душу!.. Вѣдь ты христіанинъ и навѣрное желаешь, чтобы свѣтъ восторжествовалъ надъ тьмою?

— О, да! отвѣтилъ Урсъ.

Хилонъ совсѣмъ ободрился.

— Виницій—могущественнѣйшій изъ патриціевъ и пріятель цезаря, продолжалъ Хилонъ.—Правда, онъ сильно податливъ навѣтамъ злаго духа; но еслибъ упалъ хоть одинъ волосъ съ головы этого человѣка, то цезарь отомститъ за него всѣмъ христіанамъ.

— О, мы не боимся его! у насъ есть власть выше цезарской.

— Да, это справедливо!.. Но, что вы намѣрены сдѣлать съ Виниціемъ? вдругъ спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Не знаю. Христось заповѣдалъ намъ милосердіе.

— Прекрасно сказано, и помни это всегда: иначе ты будешь жариться въ аду, какъ колбаса на сковородѣ.

Урсъ вздохнулъ; между тѣмъ Хилонъ подумалъ, что изъ этого человѣка можно сдѣлать, что угодно, въ моментъ его увлеченій. Однако, желая узнать, что случилось при похищеніи Лигіи, онъ продолжалъ спрашивать его какъ строгій судья:

— Что вы сдѣлали съ Кротонемъ?.. Говори и не лги.

Урсъ опять вздохнулъ.

— Это скажетъ тебѣ Виницій.

— Значить, ты ткнулъ его ножомъ или убилъ палкой?

— Я былъ безоруженъ.

Грекъ не могъ надивиться необыкновенной силѣ этого варвара.

— Да проститъ тебя Плутонъ... то есть, Христось, хотѣлъ я сказать! произнесъ онъ,—за всѣ твои прегрѣшенія.

Они шли молча нѣкоторое время, но Хилону хотѣлось говорить и онъ продолжалъ:

— Я не выдамъ тебя; но берегись вигилей.

— Я не боюсь вигилей... Бога боюсь...

— И это хорошо сказано. Нѣтъ выше и тяжелѣе преступленій, какъ убійство... Я буду молиться за тебя, хоть и не знаю, поможетъ-ли тебѣ моя молитва... Развѣ только ты дашь обѣтъ, что никого и никогда въ жизни не тронешь даже пальцемъ.

— Да вѣдь я убивалъ не умышленно, нехотя...

Но Хилонъ, чтобы обезпечить себя отъ нападенія, продолжалъ порицать убійства вообще и заставлялъ Урса дать обѣтъ больше никого не убивать. Въ то-же время, онъ спрашивалъ о Виниціѣ; но лигіецъ былъ остороженъ и отвѣчалъ ему, что молодой трибунъ самъ все расскажетъ ему.

Такимъ образомъ, разговаривая въ продолженіе всей дороги, они пришли за Тибръ и очутились передъ домомъ, который ужъ былъ знакомъ Хилону. Сердце его безпокойно забилося. Въ страхъ, ему показалось, что Урсъ смотритъ на него, какъ лиса, лакомымъ взглядомъ.

«Не велико для меня утѣшеніе,—подумалъ Хилонъ,—что онъ нехотя убьетъ меня. Во всякомъ случаѣ, я предпочитаю, чтобъ

его чортъ побралъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ лицѣевъ, что да совершитъ надъ нимъ Зевсъ, если съумѣетъ!»

Размышляя объ Урсѣ, Хилонъ плотнѣ закутался въ галльскій плащъ и объяснилъ, что онъ очень боится холода. Наконецъ, пройдя сѣни и первый дворикъ, они вошли въ корридоръ, ведущій въ садикъ. Здѣсь Хилонъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Позволь отдохнуть немного и собраться съ духомъ... Иначе я не въ состояніи говорить съ Виниціемъ и преподавать ему душе-спасительные совѣты.

Хотя Хилонъ былъ увѣренъ, что ему не грозитъ ни какая опасность, однако, при мысли, что онъ сейчасъ очутится среди людей, которыхъ видѣлъ въ Остраіумѣ, его ноги начали дрожать.

Въ это время въ домикъ раздалось пѣніе.

— Что это? спросилъ Хилонъ.

— Ты говоришь, что ты христіанинъ, а не знаешь обычая благодарить Спасителя пѣніемъ передъ и послѣ каждой трапезы, отвѣтилъ Урсъ.—Вѣрно ужъ Маріамъ съ сыномъ вернулись домой, а можетъ быть съ ними пришелъ и апостолъ: онъ каждый день навѣщаетъ вдову и Криспа.

— Ты ужъ веди меня прямо къ Виницію.

— Виницій—въ общей избѣ. Другая комната темная и мы тамъ только спимъ. Однако, войдемъ и тамъ ты отдохнешь.

И они вошли.

Въ комнатѣ было темновато; нѣсколько свѣтильниковъ, горѣвшихъ тусклымъ огнемъ, неособенно хорошо освѣщали темноту зимняго вечера. Виницій скорѣе догадался, чѣмъ узналъ закутаннаго въ плащъ съ капюшономъ Хилона. Послѣдній, увидѣвъ въ углу избы постель, на которой лежалъ Виницій, постѣшно подошелъ къ нему, не обращая вниманія на другихъ.

— О, господинъ! воскликнулъ онъ, складывая руки:—зачѣмъ ты не послушался меня?

— Молчать и слушать! возразилъ Виницій.

Причемъ онъ вперилъ глаза въ Хилона и началъ говорить, подчеркивая каждое слово, отчетливо и ясно, чтобы всѣ слышали его и чтобы Хилонъ запомнилъ его слова.

— Кротонъ наналъ на меня съ цѣлью грабежа. Понимаешь?.. Но я убилъ его, а эти люди оказали мнѣ содѣйствіе, пріютили меня и перевязали раны, которыя въ борьбѣ нанесъ мнѣ Кротонъ.

Хилонъ понялъ, что если Виницій говорилъ такимъ тономъ, то вѣрно говорилъ въ силу соглашенія съ христіанами и, въ такомъ случаѣ, хотѣлъ, чтобы ему вѣрили. Кромѣ того, онъ видѣлъ это по его лицу, а потому, не высказывая ему съ своей стороны никакихъ ни сомнѣній, ни удивленія, онъ вознесъ свои глаза къ небу и серьезно отвѣтилъ:

— Да, это былъ негодяй, какихъ мало! Вѣдь я предостерегалъ тебя, чтобы ты не вѣрилъ ему. Ты знаешь, что всѣ мои наставленія отлетали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Для такого человѣка мало пытокъ всей Эдессы. Кто не можетъ быть честнымъ человѣкомъ, тотъ обязательно будетъ негодяемъ; а негодяю трудно быть честнымъ!.. Но все-таки нападать на своего благодѣтеля и такого великодушнаго человѣка... о, боги!..

Но онъ вдругъ оборвалъ, вспомнивъ, что представлялся Урсу, какъ христіанинъ.

— Еслибъ не «сика»¹⁶⁷⁾, которую я, къ счастью, прихватилъ съ собою, то онъ убилъ бы меня.

— Благословляю ту минуту, когда я посоветовалъ тебѣ взять хоть это оружіе.

Виницій устремилъ на грека испытующій взглядъ.

— Что ты дѣлалъ сегодня? спросилъ онъ.

— Какъ что? Развѣ я не сказалъ, что дѣлалъ разные обѣты за твое здоровье?

— И только?

— И наконецъ собирался навѣстить тебя, какъ пришелъ твой посланный и сказалъ, что ты зовешь меня.

— Хорошо. Вотъ тебѣ таблетка: отнеси ее ко мнѣ домой и отдай моему отпущеннику. Здѣсь написано, что я уѣхалъ въ Беневентъ, но отъ себя еще скажи Демѣ, что я уѣхалъ сегодня раннимъ утромъ, по экстренному письму, которое получилъ отъ Петронія... Понимаешь? уѣхалъ въ Беневентъ, прибавилъ онъ, подчеркивая.

— Да, уѣхалъ утромъ, я прощался съ тобою у Порты Капена и съ момента твоего отъѣзда такъ затосковалъ, что если твои великодушіе не успокоитъ моей тоски, то я истоскуюсь до смерти, какъ истосковалась несчастная жена Зефа¹⁶⁸⁾ отъ жалости по Иеиліи.

Виницій, какъ ни былъ боленъ и привыченъ къ гибкости ума грека, не могъ, однако, не улыбнуться. Но онъ былъ радъ, что Хилонъ понялъ его.

— Хорошо, я припишу въ таблеткѣ, чтобы Дема вытеръ твои слезы. Подай мнѣ свѣтильникъ.

Хилонъ совсѣмъ успокоился и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ камину, снялъ одинъ изъ свѣтильниковъ. Въ этотъ моментъ капюшонъ сдвинулся съ головы его и свѣтильникъ освѣтилъ лицо. Главкъ, сидѣвшій на скамейкѣ, вдругъ вскочилъ и быстро подошелъ къ нему.

— А! Это ты Кефасъ!.. Не узнаешь меня? спросилъ онъ. И голосъ его прозвучалъ такимъ ужасомъ, что дрожь пробѣжала по тѣламъ всѣхъ присутствующихъ, а у Хилона свѣтильникъ вывалился изъ рукъ: онъ съезжился, скорчился и пробормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это не я!.. Пощади!..

Главкъ повернулся въ сторону ужинавшихъ и сказалъ:

— Это тотъ самый человекъ, который продалъ меня и погубилъ всю мою семью!..

Исторія Главка была извѣстна почти всѣмъ христіанамъ. Только Виницій забылъ, кто былъ этотъ Главкъ, потому что при перевязкѣ находился въ забытѣ; да и не слыхалъ въ это время его имени. Для Урса этотъ моментъ былъ искрой во тьмѣ. Узнавъ Хилона, онъ моментально очутился при немъ и, схвативъ его за плечи, перегнулъ назадъ.

— А! воскликнулъ онъ:—вѣдь это онъ подстрекалъ меня убить Главка!

— Пощади, застоналъ Хилонъ:—я отдамъ вамъ... Господинъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ Виницію:—спаси меня! Вѣдь я доверился тебѣ, такъ защити же меня!.. Я отнесу твое письмо... и сдѣлаю все, что прикажешь!..

Но Виницій равнодушно смотрѣлъ на эту сцену, во-первыхъ, потому, что всѣ дѣянія грека, болѣе или менѣе, были извѣстны ему а, во-вторыхъ, онъ не зналъ чувствъ состраданія.

— Заройте его въ саду, а письмо отнесетъ ктонибудь другой, сказалъ онъ хладнокровно.

Хилону казалось, что эти слова были для него смертнымъ приговоромъ. Его кости начали хрустѣть въ рукахъ Урса и на глазахъ появились слезы:

— Молю именемъ вашего Бога! пощадите!... воскликнулъ онъ,—вѣдь я христіанинъ! *Rex vobiscum!*... я христіанинъ, а если не вѣрите, то окрестите меня еще разъ, два раза, десять!... Главкъ,

вѣдь это недоразумѣніе!... Позвольте мнѣ говорить!... сдѣлайте изъ меня раба, только не убивайте!... Пощадите!...

И голосъ его все больше ослабѣвалъ отъ боли. Въ это время Петръ всталъ изъ-за стола; его сѣдая голова слегка качалась; онъ наклонилъ ее къ груди, закрылъ глаза, а потомъ, словно вдохновившись, тихо произнесъ:

— Спаситель повѣдалъ намъ: „Если твой братъ согрѣшилъ противъ тебя, то пожури его слегка; а если онъ пожалѣетъ о томъ, то и прости! И если онъ семь разъ въ день провинится передъ тобою и семь разъ будетъ просить прощенія,—тоже прости!“

Въ избѣ настала глубокая тишина. Главкъ стоялъ съ закрытымъ руками лицомъ, потомъ отнялъ руки и произнесъ:

— Да простить тебѣ Господь за мою обиду, Кефалъ, какъ и я прощаю тебя, во имя Христа.

Урсъ отпустилъ грека и тоже сказалъ:

— Да отпустить мнѣ такъ Господь мои прегрѣшенія, какъ и я отпускаю тебя.

Хилонъ упалъ на колѣни и замоталъ головою, точно звѣрь, пойманный въ западню, осматриваясь съ какой стороны придетъ къ нему смерть. Онъ еще не вѣрилъ ни своимъ ушамъ, ни глазамъ и не смѣлъ надѣяться на прощеніе.

Но, вскорѣ онъ пришелъ въ себя и только его посинѣвшія губы дрожали и передергивались отъ страха.

— Ступай съ Богомъ! сказалъ апостоль.

Хилонъ всталъ, но не могъ выговорить ни слова и подошелъ къ Виницію, какъ будто у его постели ему было безопаснѣе. Онъ еще не успѣлъ подумать, что Виницій хотя и пользовался его услугами и былъ отчасти его сообщникомъ, могъ порицать его, тогда какъ христіане, противъ которыхъ онъ являлся орудіемъ, простили его. Да эта мысль и не могла прійти ему въ голову и онъ только смотрѣлъ кругомъ съ изумленіемъ и недоувѣріемъ. Наконецъ, удивившись, что его дѣйствительно простили, онъ старался скорѣе унести свою голову изъ жилища этихъ странныхъ людей, доброта которыхъ поражала его, какъ поразила-бы и жестокость. Ему казалось, что если онъ останется среди нихъ еще нѣсколько минутъ, то можетъ случиться что либо неожиданное и онъ погибнетъ, а потому обратился къ Виницію и задыхаясь промолвилъ:

— Дай мнѣ письмо, господине! дай письмо!

Схвативъ таблетку, которую ему подаль Маркъ, онъ сдѣлалъ одинъ поклонъ христіанамъ, а другой — Виницію и, пройдя бокомъ около стѣны, выскочилъ за дверь.

Въ садикѣ было темно и волосы на головѣ Хилона встали дыбомъ: онъ былъ увѣренъ, что Урсъ выйдетъ за нимъ и непременно убьетъ его. Грекъ хотѣлъ бѣжать, да ноги отказались отъ послушанія, а чрезъ минуту и совсѣмъ подкосились, такъ какъ Урсъ и въ самомъ дѣлѣ очутился подлѣ него.

Хилонъ всталъ передъ нимъ на колѣни и, наклонившись до земли, съ ужасомъ завопилъ:

— Урванъ... во имя Христа!..

— Не бойся! отвѣтилъ Урсъ.—Я не трону тебя. Апостоль приказалъ проводить тебя за ворота, чтобы ты не заблудился... А если ты испугался и не можешь идти, то я провожу тебя домой...

— А ты не убьешь меня? А? не убьешь? спросилъ Хилонъ, поднимая голову.

— Нѣтъ, не убью!... и если я сжалъ тебя черезчуръ сильно и повредилъ тебѣ кости, то ты ужъ прости меня.

— Помоги мнѣ встать и проводи на улицу, а тамъ я ужъ самъ пойду...

Урсъ поднялъ его какъ перышко и поставилъ на ноги, а потомъ повелъ по темному корридору на первый дворъ. Войдя въ корридоръ, Хилонъ опять задрожалъ и подумалъ: „вотъ тутъ-то и есть моя смерть!“ но они скоро вышли на улицу и здѣсь онъ вздохнулъ свободнѣй.

— Дальше я самъ дойду, сказалъ онъ.

— Миръ съ тобою!

— И съ тобою! и съ тобою!... залепеталъ грекъ.—Дай мнѣ отдохнуть и я уйду одинъ.

Урсъ ушелъ и Хилонъ вздохнулъ полною грудью. Онъ ощупалъ себя кругомъ и, убѣдившись, что онъ дѣйствительно живъ, быстро зашагалъ по улицѣ. Однако, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и сказалъ:

— Странно! Почему они не убили меня?

Но онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, не смотря на то, что ужъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Евриціемъ объ ученіи Христа, говорилъ съ Урсомъ надъ рѣкою, былъ въ Остраніумѣ и слышалъ проповѣдь Петра.

III.

Въ свою очередь, Виницій тоже былъ удивленъ и не могъ дать себѣ яснаго отчета, что произошло. Все то, что случилось съ нимъ самимъ; что эти люди вмѣсто мщенія, такъ ласково обходились съ нимъ, онъ приписывалъ отчасти ихъ ученію, отчасти Лигіи и наконецъ своему значенію въ Римѣ. Но, что касается Хилона,—это превосходило всѣ его понятія о человѣческой способности прощать. И ему приходило въ голову: почему они простили грека? Вѣдь они могли убить его безнаказанно. Урсъ закопалъ-бы его въ саду или бросилъ въ Тибръ, который во время ночныхъ разбоевъ, совершаемыхъ самимъ цезаремъ, выбрасывалъ на берега столько убитыхъ тѣлъ, что о нихъ даже никто не справлялся, кому они принадлежать. При томъ, по мнѣнію Виниція, христіане не только могли, но и должны были убить Хилона. Впрочемъ, состраданіе не совсѣмъ было чуждо тому міру, къ которому принадлежалъ молодой патрицій. Вѣдь аеиняне нарочно воздвигли жертвенникъ въ честь богини состраданія и долгое время противились введенію въ Аеинахъ борьбы гладіаторовъ. Случалось, что и въ Римѣ побѣжденные получали прощеніе, какъ, напримѣръ, британскій король Каллистратъ. Будучи взятымъ въ плѣнъ при цезарѣ Клавдіѣ, онъ свободно жилъ въ городѣ. Но месть за особенныя обиды казалась Виницію, какъ и всѣмъ другимъ римлянамъ, присущею и справедливою. Пренебреженіе местию было противно его понятіямъ. Правда, онъ слышалъ въ Остраніумѣ, что нужно любить даже враговъ; но онъ считалъ это какой-то теоріей, непримѣнимою въ жизни и не имѣющей значенія. Кромѣ того, у него мелькнула мысль, что, быть можетъ, они не убили Хилона только потому, что это было время какихъ-либо христіанскихъ праздниковъ или какая нибудь четверть луны, когда имъ нельзя убивать. Онъ слышалъ, что у различныхъ народовъ бываютъ такіе дни, когда имъ нельзя ничего предпринимать, даже войны. Но зачѣмъ они не отдали этого грека въ руки правосудія? Почему апостоль сказалъ, что если кто провинится семь разъ на дню, то ему нужно семь разъ простить. Наконецъ, зачѣмъ Главкъ сказалъ Хилону: «Да проститъ тебя Господь, какъ и я прощаю тебя!» Вѣдь Хилонъ ужасно обидѣлъ его и такую обиду, какую только можетъ обидѣть человѣкъ.

И въ Виниціѣ закипѣла вся кровь при одной мысли о томъ, что бы онъ сдѣлалъ съ тѣмъ человѣкомъ, который, напримѣръ, убилъ бы его Лигію!.. Для него бы онъ не нашелъ достаточныхъ пытокъ, а между тѣмъ Главкъ простилъ. Да и Урсъ простилъ его; Урсъ, который могъ безнаказанно убить кого хотѣлъ, даже самого царя Неморозскихъ рошъ¹⁶⁹), чтобы занять его мѣсто. Неужели передъ человѣкомъ, передъ которымъ не устоялъ Кротонъ, могъ бы устоять какойнибудь гладіаторъ листовныхъ лѣсовъ, занимающій престоль, на который сажались только тѣ, кто былъ сильнѣе и способнѣе убить прежняго «короля»? На всѣ эти вопросы былъ только одинъ отвѣтъ, что христіане не убивали только по своей неограниченной добротѣ и любви къ человѣчеству, которая учила ихъ забывать свои обиды, свое счастье, свою судьбу и жить для другихъ. Виниціѣ слышалъ въ Остраніумѣ, какую они получаютъ за это награду, но это не могло удовлетворить его. Онъ чувствовалъ, что эта земная жизнь соединяющаяся съ обязанностями отреченія отъ всего хорошаго и прелестей жизни въ пользу другихъ — была ничтожной и скучной.

Благодаря такимъ размышленіямъ о христіанахъ, онъ изумлялся и сожалѣлъ о нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто и презиралъ. Ему казалось, что это были настоящіе овцы, которыхъ, раньше или позже, должны съѣсть волки, а его римская натура была неспособна существовать тѣмъ, кто позволялъ съѣдать себя какомунибудь волку. Однако, ему бросилась въ глаза одна вещь: когда Хилонъ ушелъ, то лица всѣхъ просіяли какою-то необыкновенною радостью, между тѣмъ какъ апостоль подошелъ къ Главку и, положивъ руку на его голову, сказалъ:

— Христосъ въ тебѣ побѣдилъ!

Главкъ вознесъ глаза къ небу съ такою радостью и блаженствомъ, точно на него снизошло величайшее счастье. Виниціѣ понималъ бы эту радость, еслибъ Главкъ отомстилъ, а потому смотрѣлъ на него расширенными зрачками, какъ на безумнаго. Но онъ еще больше удивился и даже возмутился, когда Лигія прижала свои королевскія уста къ рукѣ человѣка, похожаго на невольника, и ему показалось, что свѣтъ пошелъ вспять и что все въ немъ перевернулось.

Наконецъ Урсъ вернулся и рассказалъ, какъ онъ вывелъ Хилона на улицу и попросилъ у него прощенія за то, что онъ не-

множко помялъ ему кости! Апостоль благословилъ и его, и Криспъ сказалъ, что сей день у нихъ великой побѣды. Слыша это, Виницій совсѣмъ потерялъ нить своихъ мыслей.

Но въ это время Лигія подала ему прохладительный напитокъ и онъ, удержавъ ея руку, произнесъ:

— Значить, и ты простила меня?

— Мы—христиане и намъ нельзя питать злобы.

— Ахъ, Лигія, къмъ бы ни былъ твой Богъ, но я принесу ему въ жертву сто быковъ, потому что Онъ твой!

— Принеси жертву отъ чистаго сердца, когда полюбишь Его любовью твоею.

— Потому что Онъ твой, повторилъ Виницій и закрылъ вѣки, такъ какъ совсѣмъ ослабѣлъ.

Лигія отѣшла, а затѣмъ вернулась посмотрѣть и убѣдиться, заснулъ ли онъ. Должно быть Виницій почувствовалъ электрическій токъ ея взгляда; онъ тотчасъ открылъ глаза и улыбнулся, а она положила ему руку на голову, точно прикосновеніемъ своимъ хотѣла усыпить его. Къ сожалѣнію, въ этотъ моментъ, какъ ни было пріятно ея прикосновеніе, онъ еще больше ослабѣ. Ночь ужъ давно настала, а съ нею пришла и болѣзненная горячка, вслѣдствіе которой онъ не могъ заснуть и смотрѣлъ въ ту сторону, куда Лигія уходила или дѣлала движенія. По временамъ, онъ какъ будто дремалъ, слышалъ и видѣлъ все, что дѣлалось вокругъ него, но все это смѣшивалось въ головѣ его съ какимъ-то горячечнымъ бредомъ или видѣніями. Ему казалось, что онъ былъ на какомъ-то забытомъ кладбищѣ; на немъ высился храмъ въ видѣ башни, въ которой Лигія была жрицей. Онъ не спускалъ съ нея глазъ и видѣлъ ее на верху башни съ лотней въ рукахъ, всю освѣщенную, на подобіе тѣхъ жриць, которыя по ночамъ пѣли гимны въ честь Луны и которыхъ онъ, яко-бы, видѣлъ на Востокѣ. Онъ карабкался по змѣобразной лѣстницѣ, чтобъ схватить ее; за нимъ ползъ Хилонъ, стуча зубами отъ страха и говоря: «Не дѣлай этого, она—жрица и «Онъ» отомститъ тебѣ!» Виницій не зналъ, кто былъ этотъ «Онъ», но чувствовалъ, что посягаетъ совершить святотатство и потому дрожитъ отъ страха. Однако, достигнувъ баллюстрады, окружавшей вершину башни, онъ увидѣлъ, что подлѣ Лигіи стоялъ апостоль съ сѣдой бородою и сказалъ ему: «Не дерзай поднять на нея руку: она принадлежитъ мнѣ». Сказавъ это, апос-

толь пошелъ вмѣстѣ съ нею по лучистой тропинкѣ изъ луннаго свѣта къ небу, а онъ остался на башнѣ и взмолился, чтобы они взяли его съ собою.

Онъ вдругъ проснулся и осмотрѣлся кругомъ: огонь на высокомъ очагѣ горѣлъ ужь слабѣе, но еще настолько свѣтло, что онъ могъ видѣть всѣхъ христіанъ, какъ они сидѣли у очага и грѣлись, потому что ночь была холодная, а въ комнатѣ—свѣжо. Виницій видѣлъ ихъ дыханіе, выходявшее паромъ. Посрединѣ ихъ сидѣлъ апостоль; у его колѣнъ, на подножной скамеечкѣ—Лигія; дальше—Главкъ, Криспъ и Маріама, а по бокамъ всѣхъ, съ одной стороны—Урсъ, а съ другой—Назарій, сынъ Маріамы, красивый мальчикъ съ длинными черными волосами, ниспадавшими на плечи.

Лигія слушала апостола, какъ и всѣ остальные, который говорилъ вполголоса. Виницій началъ смотрѣть на него съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, какой онъ испыталъ въ своемъ горячечномъ бреду, и въ головѣ его мелькнула мысль, что этотъ почтенный странникъ, пришедшій съ далекаго края, уводитъ съ собою Лигію въ какую-то неизвѣстную страну. Онъ былъ убѣжденъ, что старецъ говоритъ о немъ и совѣтуетъ, какъ разлучить ее съ нимъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы кто говорилъ о чемъ нибудь иномъ, и онъ, собравъ всѣ свои силы, началъ прислушиваться къ словамъ Петра.

Но Виницій ошибся: апостоль говорилъ о Христѣ.

— Кажется, они только живутъ и дышать имъ! подумалъ Виницій.

Старикъ разсказывалъ, какъ іудеи схватили Христа; какъ пришли солдаты и рабы первосвященниковъ; какъ Христось спросилъ, кого они ищутъ и какъ они отвѣтили: «Иисуса Назарянина». Но когда онъ отвѣтилъ имъ: «Я есмь», они пали наземь и не смѣли тронуть его; только при второмъ вопросѣ и отвѣтѣ они схватили Его и связали.

Здѣсь апостоль остановился и, отдохнувъ немного, протянулъ руку и такъ продолжалъ:

— Ночь была студенная, какъ сегодня, но во мнѣ закипѣла кровь и я, схвативъ мечъ, отрубилъ правое ухо рабу первосвященника. И я-бы защищалъ Его, какъ собственную жизнь, еслибъ онъ не сказалъ мнѣ: «возьми мечъ твой въ ножны». Или не знаешь, что по писанію я долженъ испить чашу, ниспосланную мнѣ Отцомъ

моимъ?» Въ это время его связали и повели къ первосвященникамъ...

И Петръ, сжавъ голову ладонями, умолкъ, чтобы вспомнить всё послѣдствіе. Но Урсъ не выдержалъ: онъ вскочилъ, поправилъ желѣзкомъ въ очагѣ, такъ что искры посыпались золотымъ дождемъ и пламя запыхало веселѣе, и сѣвъ опять—громко сказалъ:

— Пусть бы дѣлали со мною, что хотѣли, но я-бы ихъ... Эхъ!..

Онъ вдругъ оборвалъ, потому что Лигія положила палецъ на губы, въ знакъ молчанія, и только тяжело засопѣлъ: видно было, что онъ возмущился и хотя готовъ былъ цѣловать ноги, Петра, но не могъ перенести его поступка. Еслибъ онъ былъ на мѣстѣ Петра и еслибъ кто поднялъ руку на Спасителя, то—охъ!—какъ-бы полетѣли всё въ разныя стороны: и солдаты, и всё рабы первосвященниковъ...

И его глаза залились слезами при одной мысли, что онъ не только-бы самъ защищалъ Спасителя, но еще позвалъ-бы на помощь всёхъ лигійцевъ, молодецъ въ молодца... Съ другой стороны, ему пришла мысль, что этой самой защитой онъ оказалъ-бы непослушаніе Христу и тѣмъ помѣшалъ-бы Ему искупить свѣтъ.

Поэтому то онъ и не могъ удержать своихъ слезъ.

Между тѣмъ, Петръ отнял руки отъ головы и продолжалъ свой рассказъ. Въ это время Виницій опять впалъ въ полу-лихорадочный сонъ. То, что онъ слышалъ прошлой ночью въ Остраніумѣ о Христѣ, явившемся на другомъ берегу Тиверійскаго озера, спуталось съ сегодняшнимъ рассказомъ. Онъ видѣлъ широко разливающуюся воду, на ней рыбачью лодку, а въ лодкѣ—Петра и Лигію. Ему чудилось, что онъ самъ плыветъ за ними изъ всёхъ силъ, но боль въ плечѣ мѣшаетъ ему догнать ихъ; буря заливаешь волнами его ротъ и глаза, онъ начинаетъ тонуть и звать о помощи, а въ этотъ моментъ Лигія стала на колѣни передъ апостоломъ; послѣдній повернулъ къ нему ладью и протянулъ весло, при помощи котораго онъ влѣзъ въ лодку и упалъ на дно ея.

Но, затѣмъ ему опять грезилось, что онъ всталъ и увидѣлъ множество людей, плывущихъ за лодкой. Волны покрывали пѣной ихъ головы; у нѣкоторыхъ были видны только однѣ руки; но Петръ спасалъ ихъ и сажалъ въ лодку, которая какъ будто расширялась чудеснымъ образомъ. Вскорѣ ее наполнила толпа, бѣлая, чѣмъ онъ видѣлъ въ Остраніумѣ, и удивлялся, какъ могло по-

мѣститься въ ней столько народу: Онъ ожидалъ, что она пойдетъ ко дну, но Лигія начала успокаивать его и указала на свѣтъ, блестящій на далекомъ берегу, къ которому они плыли...

Здѣсь мысли Виниція опять спутались съ тѣмъ разказомъ, который онъ слышалъ въ Остраніумѣ о Христѣ надъ озеромъ. Теперь онъ видѣлъ въ прибережномъ свѣтѣ какую то фигуру, къ которой Петръ направлялъ свою ладью. И, по мѣрѣ того, какъ они приближались, погода дѣлалась тише, заливъ воды—глаже и свѣтъ—больше. Народъ началъ пѣть священный гимнъ; воздухъ преисполнился запахомъ нарда; вода сдѣлалась прозрачнѣе и со дна ея выглядывали лиліи и розы. Наконецъ ладья легко стукнулась своимъ острымъ носомъ о песчаный берегъ. Послѣ этого, Лигія взяла его за руку и, сказавъ: «ступай за мной!» повела къ свѣту...

Виницій опять проснулся, но сонъ его проходилъ медленно и онъ не съ разу возвратился къ дѣйствительности. Нѣкоторое время, ему казалось, что онъ все еще находится въ толпѣ на озерѣ, среди которой,—самъ не зная почему,—онъ сталъ разыскивать Петронія и удивился, что не могъ найти его. Свѣтъ отъ очага, у котораго ужъ никого не было, привелъ его въ себя. Головешки оливковаго дерева лѣниво тлѣли подъ розоватой золой; за то стебли пиній, которыхъ, очевидно, недавно подбросили, горѣли яркимъ пламенемъ; благодаря этому свѣту, Виницій увидѣлъ Лигію сидящей неподалеку отъ его постели.

Видъ ея потрясъ его до глубины души. Онъ помнилъ, что она провела прошлую ночь въ Остраніумѣ, цѣлый день ухаживала за нимъ и теперь, когда всѣ легли спать, еще бодрствовала одна у его ложа. Легко было понять, что она сильно устала и измучилась, потому что сидѣла неподвижно съ закрытыми глазами. Однако Виницій не былъ увѣренъ, что она спитъ или призадумалась. Онъ смотрѣлъ на ея профиль, на опущенныя рѣсницы, на руки, сложенныя на колѣняхъ и въ его языческой головѣ начало съ трудомъ обрисовываться понятіе, что рядомъ съ обнаженной и гордящейся своими формами бездушнѣе греческой и римской красотой, есть еще какая то другая, болѣе чистая и привлекательная, въ которой видна душа.

Онъ не могъ назвать эту красоту христіанской, какъ не могъ и опредѣлить ее, какая она, думая о Лигіи и ея ученіи. Но онъ отлично сознавалъ, что если всѣ пошли спать, а она, которую онъ

обидѣль, осталась при немъ, то только потому, что ея религія требовала этого. Тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни изумлялся ученію христіанъ, а религія ихъ все таки досаждала ему: онъ предпочиталъ, чтобы Лигія дѣлала это изъ любви къ нему, ради его личной красоты и формъ, вокругъ которыхъ обвивались бѣлоснѣжныя руки греческихъ и римскихъ женщинъ, но не для религіи.

Однакожь Маркъ тотчасъ созналъ, что еслибъ она была такою, какъ всѣ другія женщины, то въ ней бы чего-то не доставало, и онъ изумился этой мысли. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается, но чувствовалъ, что въ немъ проявляется новый вкусъ, любовь и чувства, чуждые тому свѣту, въ которомъ онъ вращался.

Въ это время Лигія открыла глаза и, видя, что онъ смотритъ на нее, подошла къ нему.

— Я здѣсь, сказала она.

— Я видѣлъ твою душу во снѣ, отвѣтилъ Маркъ.

IV.

На слѣдующій день Маркъ проснулся разслабленный, но ужь не въ горячкѣ. Ему казалось, что кто-то шепчетъ и думалъ, что это Лигія, но, открывъ глаза, онъ увидѣлъ одного Урса, который, нагнувшись надъ каминомъ, разгребалъ золу и искалъ въ ней искръ. Найдя горячій уголекъ, онъ началъ раздувать его, точно кузнечнымъ мѣшкомъ. Виницій, вспомнивъ о томъ, что этотъ мѣшокъ вчера задушилъ въ своихъ объятыхъ Кротона, смотрѣлъ на его занятія, какъ любитель и знатокъ смотреть на арену, на его геркулесовскую спину, похожую на спину циклопа и на его бедра, точно двѣ гигантскія колонны.

— «Слава Меркурію, что онъ не свернулъ мнѣ шею! подумалъ онъ.—Но, клянусь, Поллуксомъ! если и всѣ другіе лигійцы похожи на него, то данубійскимъ легионамъ когда нибудь придется имѣть съ ними жестокою стычку и горячее дѣло»...—Эй, ты, невольникъ! прибавилъ онъ громко.

Урсъ вынулъ свою голову изъ камина и, улыбувшись полунѣжно, полупривѣтливо, отвѣтилъ:

— Добрый день и доброе здоровье тебѣ, господинъ!.. Но я не невольникъ, а свободный человѣкъ.

Виницію хотѣлось поговорить съ нимъ объ отечествѣ Лигіи и

ему было приятно слышать, что Уресь свободный человекъ, потому что разговоръ съ такимъ лицомъ былъ менѣе униженъ для его патриціевскаго достоинства, чѣмъ съ невольникомъ, котораго ни законъ, ни обычай не признавали человекомъ.

— Такъ ты не рабъ Авлія? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я служу Каллиніѣ, какъ служилъ ея матери, по доброй волѣ.

И онъ опять спряталъ свою голову въ каминъ, чтобы раздуть угли, на которые наложилъ дровъ, а затѣмъ прибавилъ:

— Въ нашей странѣ нѣтъ невольниковъ..

— Гдѣ Лигія? перебилъ онъ Урса.

— Только что ушла, приказавъ мнѣ приготовить для тебя завтракъ... Она всю ночь смотрѣла за тобою и не спала.

— Почему ты не замѣнилъ ее?

— Она не хотѣла, а мое дѣло—слушаться.

Причемъ его глаза сдѣлались грустными и онъ, подумавъ, прибавилъ:

— Еслибъ я не слушался ее, то теперь тебя не было-бы на свѣтѣ.

— Значить, ты сожалѣешь, что не убилъ меня.

— Нѣтъ, господинъ: Христосъ запрещаетъ убивать.

— А Атаціній, а Кротонъ?

— Иначе я не могъ поступить, пробурчалъ Уресь, смотря съ сожалѣніемъ на свои руки, которыя, очевидно, остались языческими, не смотря на то, что душа его пріяла святое крещеніе.

Потомъ онъ поставилъ горшокъ на очагъ и, присѣвъ на корточки, вперилъ свои задумчивые глаза въ огонь.

— Да вѣдь въ этомъ ты самъ виноватъ, господинъ,—прибавилъ Уресь:—зачѣмъ посягалъ на королевскую дочь?

Виницій выплилъ, что этотъ варварскій мужикъ осмѣливается не только фамиллярно разговаривать съ нимъ, но еще порицать его дѣйствія. Ко всѣмъ тѣмъ чрезвычайнымъ и неправдоподобнымъ вещамъ, съ которыми онъ встрѣтился и познакомился со вчерашней ночи, прибавилась еще одна вещь, и онъ невольно возмущился; но будучи слабымъ и не имѣя подъ руками своихъ невольниковъ, онъ скоро обуздалъ себя и успокоился: онъ сгоралъ отъ желанія узнать отъ него, что испытала въ своей жизни Лигія.

И онъ началъ спрашивать Урса о войнѣ лигійцевъ съ

Ваниемъ и свевами. Урсъ былъ радъ поразказать о ней, но ничего особеннаго не прибавилъ къ разсказу, который Виницій ужь слышалъ отъ Плавтія. Къ тому же Урсъ не былъ на полѣ военныхъ дѣйствій, и съ начала войны сопутствовалъ заложницамъ въ обозъ Ателія Гистра. Онъ только зналъ, что лиги побили свевовъ и язиговъ и что лигійскій вождь палъ отъ стрѣлы язига. Послѣ этого, они получили извѣстіе, что семнониты зажгли лѣсъ на ихъ границахъ и тотчасъ вернулись, чтобы отомстить за свои обиды, а заложницъ оставили у Ателія, который приказалъ всѣмъ отдавать имъ королевскія почести. Потомъ мать Лигіи умерла и римскій вождь не зналъ, что сдѣлать съ ребенкомъ. Урсъ хотѣлъ вернуться съ нимъ въ свою страну, но побоялся опасностей въ дорогѣ, звѣрей и дикихъ племень. Наконецъ, когда пришли извѣстія, что лигійское посольство прибыло къ Помпонію съ предложеніемъ ему своей помощи противъ маркомановъ, Гистръ отослалъ заложницу къ Помпонію. Однако, пріѣхавъ къ нему, они узнали, что никакихъ пословъ отъ лигійцевъ не было и, такимъ образомъ, они остались въ его обозѣ, а потомъ онъ привезъ ихъ въ Римъ и наконецъ, послѣ торжества, отдалъ заложницу Помпоніи Грецинѣ.

Не смотря на то, что въ разсказѣ Урса было очень мало неизвѣстныхъ Виницію подробностей, онъ съ удовольствіемъ слушалъ его. Его родовитому самолюбію было пріятно то обстоятельство, что королевское происхожденіе Лигіи подтверждалось очевидцемъ въ лицѣ лигійца, который зналъ Лигію со дня ея рожденія. Какъ королевская дочь, она могла занять при дворѣ цезаря подобающее ей мѣсто, наравнѣ съ дочерьми подобныхъ ей родовъ, тѣмъ больше, что народъ, которымъ владѣлъ и управлялъ ея отецъ, никогда не воевалъ съ Римомъ. Не смотря на то, что этотъ народъ былъ варварскимъ, но, по свидѣтельству самого Гистра, онъ былъ многочисленнымъ и весьма сильнымъ.

Урсъ подтвердилъ свидѣтельство этого вождя и, на вопросъ Виниція о лигахъ, отвѣтилъ:

— Мы живемъ въ лѣсахъ; но у насъ столько земли, что никто не знаетъ, гдѣ начало и гдѣ конецъ нашихъ владѣній. А только въ нашихъ цущахъ много народа. Въ нихъ есть богатые города, села и деревни, да и народъ все зажиточный, такъ какъ все то, что награбятъ по свѣту семноны, маркоманы, вандалы и кванды, мы отнимаемъ у нихъ. Они боятся къ намъ ходить, а

только жгутъ наши лѣса, и то когда вѣтеръ дуетъ въ нашу сторону. Но мы не боимся ни ихъ, ни римскаго цезаря.

— Боги дали римлянамъ право управлять всей вселенной,— строго замѣтилъ Виницій.

— Ваши боги—это злые духи, отвѣтилъ Урсъ просто,—а гдѣ нѣтъ римлянъ, тамъ нѣтъ и правительства.

Причемъ онъ поправилъ огонь въ очагѣ и продолжалъ, какъ будто про себя:

— Когда цезарь взялъ Каллину ко двору и я подумалъ, что ее тамъ могутъ обидѣть, то ужъ хотѣлъ идти въ свои лѣса и привести свой народъ на выручку королевы. И лиги навѣрное двинулись-бы къ Дунаю. Хотя это языческій народъ, но очень добрый... А я-бы ужъ пришелъ къ нимъ съ «добрыми вѣстями»... Да и теперь, какъ только Каллина вернется къ Помпоніи, то я поклонюсь ей въ ножки и попрошу отпустить меня къ своимъ... Христосъ родился далеко отъ нашихъ и они вѣрно еще ничего не слыхали о Немъ... Конечно, Онъ зналъ лучше меня, гдѣ ему родиться, но если-бы онъ родился въ нашихъ пущахъ, то навѣрное мы не стали-бы мучить его. Напротивъ, мы растили-бы этого ребеночка и заботились о томъ, чтобы ему было хорошо у насъ: мы не пожалѣли-бы ему ни дичи, ни грибовъ, ни бобровыхъ шкуръ, ни янтарей и даже того, что отняли-бы у свевовъ или маркомановъ: мы все отдали-бы ему, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался.

Разсуждая такъ, онъ подвинулъ къ огню похлебку, назначенную для Виниція, и умолкъ. Очевидно, его мысли блуждали нѣкоторое время въ далекихъ пущахъ. Наконецъ, похлебка закипѣла; онъ вылилъ ее въ плоскую миску, остудилъ и произнесъ:

— Главкъ совѣтуетъ тебѣ, господинъ, поменьше двигать даже здоровою рукою, а потому я, по приказанію моей госпожи Каллины, буду кормить тебя, какъ ребенка.

Лигія приказала!... Что-жъ онъ могъ отвѣтить на это? Да Виницію и въ голову не приходило сопротивляться ея волѣ, точно она была дочерью цезаря или самой богини.

Урсъ сѣлъ у постели больного, началъ черпать кубкомъ изъ миски похлебку и приподносить ее къ губамъ больного. Все это онъ дѣлалъ съ такою любезною заботливостью и улыбкою въ своихъ голубыхъ очахъ, что Виницій не вѣрилъ глазамъ своимъ, что это тотъ самый ужасный титанъ, который вчера пзмалъ Кротона и

бросился на него... и онъ вѣрно убилъ-бы его, если-бъ Лигія не остановила его своей волшебной ручкой. Первый разъ въ жизни молодой патриціи подумалъ о томъ, что можетъ происходить въ душѣ такого простака, раба и варвара.

Однако Урсъ оказался совсѣмъ неловкой нянькой, потому что весь кубокъ прятался въ его геркулесовской лапѣ, такъ что не оставалось мѣста для губъ, благодаря чему, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, Урсъ еще больше озаботился и раздосадовался на себя.

— Нѣтъ, ужъ видно мнѣ легче вывести зубра изъ засады, чѣмъ накормить тебя, господинъ... сказалъ онъ смущенно.

Виниція размѣшила его озабоченность, а тѣмъ больше — его замѣчаніе по поводу его неловкости. Онъ видывалъ въ циркахъ самыхъ ужасныхъ туровъ, которыхъ выписывали съ западныхъ пуштъ, на которыхъ охотились лучшіе изъ «бестіаріевъ» съ большой опаской для своей жизни и которые уступали развѣ только однимъ слонамъ.

— Да развѣ ты имѣлъ дѣло съ этими бестіями, — спросилъ онъ съ удивленіемъ, — и держалъ ихъ за рога?

— До двадцати зимъ я боялся ихъ, а потомъ — всяко случалось!

И онъ опять началъ кормить Виницію, но еще неловче.

— Нѣтъ, ужъ придется попросить Маріаму или Назарія, сказалъ онъ краснѣя и еще больше досадуя на себя.

Но въ это время изъ-за пелены выглянула блѣдная головка Лигіи.

— Сейчасъ я помогу тебѣ, отозвалась она и вскорѣ вышла изъ кубикюлюма, въ которомъ очевидно собиралась лечь спать, потому что была одѣта только въ узкую тунику, называемую по древнему «саріиумъ», плотно закрывавшую грудь; ея волосы были развязанны и рассыпались по плечамъ. Виницій, у котораго сердце забилось отъ радости, началъ дѣлать ей выговоръ, что она нисколько не жалѣетъ себя и не ляжетъ спать.

— Да я только что собиралась лечь, весело отвѣтила она; — но теперь ужъ помогу Урсу.

И, взявъ кубокъ, она сѣла на край постели и начала кормить Виницію. Послѣдній чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Когда она наклонялась къ нему съ кубкомъ, онъ чувствовалъ прикосновеніе ея теплаго тѣла и волосъ которыя сползали съ ея плечъ

на его грудь и заставляли блѣднѣть; однако, даже въ порывѣ этой страсти, онъ сознавалъ, что она дорога его сердцу и что весь свѣтъ ничтоженъ, въ сравненіи съ нею. Прежде онъ только желалъ ее, а теперь начиналъ любить всею душою. Прежде, какъ вообще въ жизни, такъ и въ чувствахъ, онъ былъ, какъ и всѣ современники, ослѣпленнымъ, безусловнымъ эгоистомъ, заботящимся только о себѣ; а теперь онъ начиналъ ужь заботиться и о ней.

Наконецъ, онъ насытился, и какъ ни было пріятно ему ея присутствіе, но онъ сказалъ:

— Спасибо! Довольно!... Поди отдохнуть, моя божественная.

— Не называй меня такъ, отвѣтила она:—мнѣ не подобаешь слушать это.

Тѣмъ не менѣе, она улыбнулась и сказала, что она не чувствуетъ усталости, не хочетъ спать и будетъ ждать прихода Главка. Онъ слушалъ ее, какъ музыку; сердце его преисполнялось все большимъ восхищеніемъ и благодарностью, но онъ не зналъ, чѣмъ отплатить ей за это.

— Ахъ, Лигія, сказалъ онъ озабоченно:—прежде я не зналъ тебя, и только теперь убѣдился, что шель къ тебѣ по ложной дорогѣ... Прошу тебя, вернись къ Помпоніи и повѣрь, что съ этой минуты никто не посмѣетъ поднять на тебя своей руки и чѣмъ либо обидѣть тебя.

Лицо молодой дѣвушки вдругъ опечалилось.

— Да, я была-бы счастлива, отвѣтила Лигія: — чтобы хоть издали посмотрѣть на нее, но теперь ужь не могу вернуться въ домъ Плавтіевъ.

— Почему? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Всѣ христіане знаютъ отъ Актеи, что дѣлается въ Палатинѣ. Развѣ ты не слыхалъ, что цезарь, передъ отъѣздомъ въ Неаполь, призывалъ къ себѣ Авлія Плавтія и Помпонію, и грозилъ имъ своимъ гнѣвомъ за то, что они, якобы, содѣйствовали моему бѣгству. Къ счастью, Авлій не оробѣлъ и отвѣтилъ цезарю: «Ты знаешь, господинъ, что ложь никогда не оскверняла мои уста, а потому—клянусь, что мы не только не содѣйствовали ей, но и по нынѣ не знаемъ, гдѣ она находится и что съ нею случилось!» И цезарь повѣрилъ, а потомъ забылъ обо мнѣ, а я, по совѣту старшинъ, никогда не писала къ ней и не оповѣщала, гдѣ нахожусь. Теперь она смѣло можетъ сказать каждому, что не знаетъ обо мнѣ.

Можетъ быть, ты не поймешь этого, но намъ запрещается лгать, даже еслибъ это касалось собственной нашей жизни. Таково наше ученіе, съ которымъ мы обязаны согласоваться... Я не видала Помпоніи съ той минуты, какъ оставила ее домъ и она знаетъ обо мнѣ развѣ только по слухамъ, что я жива и здорова.

И глаза ее оросились слезами; но она скоро успокоилась и прибавила:

— Я знаю, что и Помпонія скучаетъ по мнѣ, но у насъ есть свои утѣшенія, которыя другіе не понимаютъ и не могутъ пользоваться ими.

— Да, отвѣтилъ Виницій, — я знаю, что все ваши утѣшенія во Христѣ; но я этого не понимаю.

— Возьми примѣръ съ насъ: для насъ не существуетъ ни разлуки, ни болѣзни, ни страданій; а если таковыя и появятся, то они только радуютъ насъ. Даже самая смерть, которую вы считаете концомъ жизни, для насъ служитъ началомъ ея, переменной къ лучшему. Въ ней мы видимъ лучшее, необходимое для каждаго, безусловно спокойное и вѣчное счастье. Самъ посуди, какое должно быть ученіе нашей религіи, если она поучаетъ насъ быть милосердными даже къ нашимъ врагамъ, запрещаетъ ложь, очищаетъ душу нашу отъ зла и, по смерти, даетъ вѣчную, счастливую жизнь.

— Я слышалъ о томъ въ Остраніумѣ, видѣлъ, какъ вы поступили со мной и Хилономъ; но когда я думаю о томъ то мнѣ кажется, что все это я вижу во снѣ и не могу вѣрить ни своимъ ушамъ, ни глазамъ. Однако, отвѣтъ мнѣ откровенно на одинъ вопросъ: ты дѣйствительно счастлива?

— Да! Исповѣдуя вѣру Христову нельзя быть несчастнымъ.

Виницій взглянулъ на нее такимъ взглядомъ, точно ее слова превзошли всякія человѣческія понятія.

— И ты не хочешь вернуться къ Помпоніи?

— Нѣтъ, хочу, и вернусь, если на то будетъ воля Божья.

— Такъ вернись, и я клянусь тебѣ моими ларами, что не стану преслѣдовать тебя.

Лигія призадумалась и черезъ минуту отвѣтила.

— Нѣтъ! Я не могу подвергать близкихъ мнѣ людей явной опасности. Цезарь не любитъ Шлавтіевъ, и еслибъ я вернулась, то Неронъ, узнавъ о томъ отъ своихъ невольниковъ, навѣрное наказалъ бы Шлавтіевъ или, по меньшей мѣрѣ, опять отнял бы меня

у нихъ. Вѣдь ты знаешь, съ какою быстротою расходятся чрезъ невольниковъ всякія новости по Риму.

— Да, отвѣтилъ Виницій, хмуря брови, — ты права. Онъ можетъ отомстить хоть бы ради одного удовлетворенія своего самолюбія. Правда, онъ можетъ быть ужь забылъ о тебѣ или не захотѣлъ думать, что ты обошла не его, а меня; но еслибъ... онъ отнялъ тебя у Авлія... и отдалъ мнѣ, то я вернулъ бы тебя Помпонію...

— Неужели ты пожелалъ бы опять видѣть меня въ Палатинѣ? съ грустью спросила она.

— О, нѣтъ!.. Ты права... сто разъ права!.. отвѣтилъ сквозь зубы Маркъ.—Я выразился не такъ... глупо!.. Нѣтъ!

И онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою разверзшуюся бездонную пропасть. Онъ былъ патриціемъ, военнымъ трибуномъ, могущественнымъ человѣкомъ; но надъ всѣми могуществами того свѣта, къ которому онъ принадлежалъ, былъ еще безумецъ, ни доброй воли котораго, ни ласкъ, ни озлобленія нельзя было предвидѣть. Не считаться съ нимъ и не бояться его могли только одни христіане, для которыхъ ничѣмъ были весь свѣтъ, всякія страданія и даже смерть, тогда какъ всѣ язычники должны были дрожать передъ нимъ. Гроза времени, въ которое они жили, показала Виницію во всей своей чудовищной наготѣ и растяжимости. Онъ не могъ возвратитъ Плавтіямъ дѣвушки изъ одного опасенія, чтобы это чудовище не вспомнило о ней и не обратило на нее своего гнѣва. По этому самому случаю, еслибъ онъ теперь и женился на ней, то подвергъ бы себя, ее и Плавтіевъ гоненію. Достаточно было одного момента, чтобы погубить всѣхъ, и Виницій, первый разъ въ жизни созналъ, что или свѣтъ долженъ переродиться или вся жизнь сдѣлаться невозможной. Теперь онъ отлично понималъ, что, минутой тому назадъ, было для него темно, что въ такія времена только одни христіане могли быть счастливыми.

И имъ овладѣло жестокое сожалѣніе, что онъ такъ запуталъ свою и ея жизнь, и изъ этой путаницы почти не могъ найти выхода. Находясь подъ давленіемъ такого впечатлѣнія, онъ опять заговорилъ:

— А знаешь, Лигія, ты счастливѣе меня? Ты, находясь въ этомъ убожествѣ и живучи въ избѣ среди простачковъ имѣешь свое ученіе и своего Христа, а я—только тебя одну, и когда тебя не

доставало, я былъ хуже нищаго, у котораго нѣтъ ни крова, ни пріюта, ни пищи. Ты для меня дороже всего на свѣтѣ. Я искалъ тебя, потому что не могъ жить безъ тебя, отбился отъ сна и отъ ѣды, и еслибъ не надежда отыскать тебя, то я пронзилъ бы грудь свою мечомъ. Но я боюсь смерти, потому что потомъ не увижу моей Лигіи. Говорю искренно: я не сдумѣю жить безъ тебя. Помнишь нашъ разговоръ у Авлія?.. Однажды ты нарисовала мнѣ на песокъ рыбу, но я не понялъ этого знака. А помнишь также, какъ мы играли въ мячъ? Я ужъ тогда любилъ тебя больше жизни, да и ты вѣрно догадывалась о моей любви. Жаль, что тогда намъ помѣшалъ Авлій, пугая насъ Либитиною. Помпонія сказала на прощаніе Петронію, что Богъ единъ, что Онъ всемогущъ и милосердъ, но намъ и въ голову не пришло, что этотъ вашъ Богъ—Христосъ. Пусть Онъ отдастъ тебя мнѣ и тогда я полюблю Его, хоть Онъ кажется мнѣ божествомъ рабовъ, чужестранцевъ и нищихъ. Ты сидишь подлѣ меня, а думаешь только о Немъ. Лучше думай обо мнѣ, иначе я возненавижу Его. Ты для меня единственное божество. Благословенны твои родители и благословенна страна, въ которой ты родилась. Мнѣ хочется обнять твои ноги и молиться на тебя; поклоняться и совершать жертвы, потому что ты трижды божественная!! Ты не знаешь, да и не можешь знать, какъ я люблю тебя...

И онъ провелъ рукою по своему блѣдному челу. Его натура не имѣла границъ ни въ гнѣвѣ, ни въ любви; онъ говорилъ съ увлеченіемъ, какъ человѣкъ, не владѣющій собою и не знающій мѣры ни въ чемъ. Но онъ говорилъ искренно и задушевно. Можно было подумать, что сочувствіе, страданіе, восторгъ, страсть, благоговѣніе, все сразу нагромоздилось въ его груди и разразились неудержимымъ потокомъ словъ. Конечно, слова его показались Лигіи богохульствомъ, тѣмъ не менѣе ея сердце такъ сильно забилося, точно оно хотѣло прорвать сжимающую его туніку и выскочить вонъ. Она не могла не обнаружити сочувствія и состраданія надъ его мученіями и ее взволновали то уваженіе и нѣжность, съ какими онъ теперь говорилъ съ нею. Она ясно видѣла, что онъ дѣйствительно любитъ и обоготворяетъ ее; что этотъ непокорный и опасный человѣкъ принадлежитъ ей всею душою и тѣломъ, какъ невольникъ. Проявленіе этой его покорности и сознаніе собственного достоинства и преимущества надъ нимъ преисполнило ея сердце счастьемъ. Ея воспоминанія ожили въ одну минуту и онъ сдѣлался для нея тѣмъ

же, какимъ былъ, прекраснымъ, какъ языческій богъ, Виниціемъ, который бесѣдовалъ съ нею у Авліевъ о любви, пробуждая въ ней юношеское еще сердце; тѣмъ же, поцѣлуи котораго еще горѣли на ея устахъ и изъ объятій котораго ее вырвалъ Урсъ въ Палатинѣ. Только въ настоящее время онъ былъ взволнованъ иначе, съ страданіемъ въ орлиномъ лицѣ, съ поблѣднѣвшимъ челомъ и умоляющимъ взглядомъ, раненый, убитый горемъ и любовью; любящій, обоготворяющій и покорный, словомъ, такой, какимъ она хотѣла видѣть его тогда и какимъ бы она полюбила его всею душою.

Теперь и она поняла, что можетъ настать такой моментъ, когда его любовь охватитъ ее и закружитъ, какъ вихрь. Сознывая это, она получила такое впечатлѣніе, подъ которымъ онъ находился минуту тому назадъ: то есть, что она стоитъ на краю пропасти. Для того ли она покинула домъ Авлія? Для того ли спасалась бѣгствомъ? Для того ли скрывалась столько времени въ бѣднѣйшей части города? Кто былъ этотъ Виницій? Августіанинъ, воинъ, придворный Нерона. Вѣдь онъ тоже принималъ участіе въ развратѣ и безумныхъ оргіяхъ цезаря, которыя она видѣла на пиру и котораго не могла забыть; вѣдь онъ, какъ и всѣ другіе, ходилъ въ храмы и совершалъ жертвоприношенія богамъ, въ которыхъ, быть можетъ и не вѣрилъ, но поклонялся имъ, согласно обычаю и законамъ; онъ же преслѣдовалъ ее затѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нея невольницу и наложницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ толкнуть ее въ тотъ ужасный міръ избытка, роскоши, злодѣйства и разврата, которые вопіяли о мщеніи къ Богу. Правда, Маркъ отчасти измѣнился; но онъ только что сказалъ, что если она будетъ думать о Христѣ больше, чѣмъ о немъ, то онъ возненавидитъ Его. Лигія казалось, что самая мысль о какой нибудь другой любви должна быть преступна какъ противъ Христа, такъ и противъ Его ученія и, замѣтивъ, что и въ ея сердцѣ какъ будто зарождаются инныя желанія и страсти, она пришла въ ужасъ и подумала о будущемъ.

Въ моментъ такой борьбы чувствъ Лигія, въ комнату вошелъ Главкъ провѣдать о здоровьи Виниція и осмотрѣть его. Увидѣвъ его, на лицѣ больного изобразилось неудовольствіе, что онъ прервалъ его бесѣду съ Лигіей, и когда Главкъ началъ разспрашивать его, какъ онъ чувствуетъ себя, то онъ отвѣчалъ ему почти съ презрѣніемъ. Однако, онъ скоро овладѣлъ собою. Но если Лигія питала какую нибудь надежду, что на него подѣйствуетъ ученіе Христа, то эти

ея надежды должны были разсѣяться, какъ дымъ. Онъ измѣнился только для нея, а все остальное осталось по прежнему въ его самолюбивомъ римскомъ сердцѣ, которое неспособно прочувствовать не только красоту и правильность христіанскаго ученія, но даже обыкновенной благодарности.

И Лигія ушла, преисполненная внутренней заботы и безпокойства. Прежде она молилась съ сердцемъ погожимъ и чистымъ, какъ слеза; но теперь ея спокойствіе было возмущено, потому что внутрь цвѣтка попала ядовитая муха и начала жужжать. Даже сонъ, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, не могъ успокоить ее. Ей снилось, что въ Остраніумъ пришелъ Неронъ, который, находясь во главѣ августиановъ, вакханокъ, фанатиковъ и гладіаторовъ, увѣнчанныхъ розовыми вѣнками, началъ топтать своей колесницей христіанъ, а Виницій хваталъ ее за руки, втаскивалъ въ колесницу, — прижималъ ее къ груди и нашептывалъ: «Иди съ нами!»

V.

Съ этой минуты она стала рѣже показываться въ общей избѣ и подходить къ его постели; но спокойствіе ея не возстановлялось. Она видѣла, что Виницій водилъ за нею умоляющій взглядъ; ждалъ отъ нея слова какъ ласки; страдалъ и не смѣлъ жаловаться, чтобы ненадобѣсть и не опротивѣть ей; что наконецъ, она одна—его здоровье и радость, и она невольно сожалѣла его. Но вскорѣ она замѣтила, что чѣмъ больше она избѣгаетъ его, тѣмъ больше ей жаль его и отъ этого самого въ ней развивается больше чувствъ. Въ концѣ концовъ, она совсѣмъ лишилась спокойствія. По временамъ, она думала, что ей обязательно нужно находиться при немъ, что божественное ученіе повелѣваетъ платить добромъ за зло, разговаривать съ нимъ и этимъ самымъ привлечь его на свою сторону. Но въ то-же время совѣсть подсказывала ей, что она обманываетъ самое себя, что ее привлекаетъ не что иное, а только влеченіе и любовь къ нему.

Такимъ образомъ, она жила въ постоянной борьбѣ, которая увеличивалась съ каждымъ днемъ. Минутами, ей казалось, что ее опутываетъ какая-то сѣть, которую она старается разорвать, но все больше запутывается, и она должна была сознаться, что свиданіе съ нимъ дѣлается для нея потребнымъ и необходимымъ; его голосъ

становится милѣйшимъ и желаніе сидѣть у его постели—большимъ. Когда она подходила къ нему и видѣла его сіяющее отъ радости лицо, то и ея сердце билось живѣе.

Однажды она замѣтила слезы на его рѣсницахъ и первый разъ въ жизни ей пришло въ голову, что она могла-бы осушить ихъ поцѣлуями. Испуганная такою мыслью и пренеполненная презрѣнія къ самой себѣ, она проплакала всю ночь.

Но онъ терпѣлъ, точно по обѣщанію, и когда, по временамъ, его глаза загорались своевольнымъ огнемъ и гнѣвомъ, онъ обуздывалъ себя и потомъ смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ, точно извиняясь передъ нею, и это очень располагало ее въ его пользу. Она не допускала, что онъ также сильно любитъ ее, но когда думала о томъ, то чувствовала и себя виновной и счастливой въ этой любви. Въ свою очередь, и Виницій замѣтно измѣнялся; въ его разговорѣ съ Главкомъ ужь не замѣчалось прежней гордости и презрѣнія. Ему часто приходила мысль, что этотъ бѣдный лекарь-невольникъ, старая иностранка Маріама и Криспъ, котораго онъ видѣлъ постоянно молящимся, и всѣ они — тоже люди. И хотя онъ часто удивлялся подобнымъ мыслямъ, а все-таки думалъ. Теперь онъ любилъ Урса, а иногда даже разговаривалъ съ нимъ по цѣлымъ днямъ: ему было пріятно говорить о Лигіи, потому что этотъ голіаѳъ былъ неистощимъ въ своихъ разказахъ. Исполняя самыя грубыя обыденныя услуги около больного, онъ началъ питать къ нему нѣкоторую привязанность. Лигія всегда была для него существомъ высшимъ, чѣмъ всѣ окружающіе, однако онъ началъ присматриваться и къ остальнымъ бѣднякамъ, — чего прежде не дѣлалъ, — и открывать въ нихъ разныя хорошія качества, о существованіи которыхъ прежде не думалъ и не подозрѣвалъ.

Маркъ только не переносилъ одного Назарія, потому что юноша, какъ ему казалось, былъ влюбленъ въ Лигію. Онъ долгое время скрывалъ къ нему досаду и недружелюбіе, пока наконецъ его терпѣніе лопнуло. Однажды юноша принесъ Лигіи двухъ перепеловъ, которыхъ онъ купилъ на рынкѣ на собственные, заработанные имъ, деньги, и въ Виниціѣ проснулся потомокъ квиритовъ, для котораго пришелецъ изъ другаго народа стоилъ меньше, чѣмъ какой нибудь червякъ. Услышавъ благодарность Лигіи, онъ поблѣднѣлъ, и когда Назарій ушелъ по воду для птицъ, онъ сказалъ ей:

— Неужели ты, Лигія, можешь терпѣть, чтобы онъ дѣлалъ

тебѣ подарки? Развѣ ты не знаешь, что греки называютъ псами людей его народа?

— Я не знаю, какъ ихъ называютъ греки, отвѣтила она, — но зато знаю, что Назарій христіанинъ и, слѣдовательно, мой братъ.

— Причемъ она взглянула на Марка съ удивленіемъ и даже сожалѣніемъ, такъ какъ ужъ отвыкла отъ подобныхъ его вспышекъ. Между тѣмъ онъ сжалъ зубы, чтобъ не сказать, что онъ приказалъ-бы такого брата засѣчь кнутьями или послалъ-бы въ деревню, какъ компедитора ¹⁷⁰⁾, копать землю въ его сицилійскихъ виноградникахъ. Но онъ затаилъ свой гнѣвъ и, помолчавъ, прибавилъ:

— Прости меня, Лигія. Но я считаю тебя дочерью короля и воспитанницей Плавтіевъ...

И онъ обуздаль себя, и когда Назарій вернулся въ избу, онъ общалъ ему, по возвращеніи въ свою виллу, подарить пару павлиновъ или фламинговъ, которыми были переполнены его сады.

Лигія поняла, сколько ему стоила такая побѣда надъ самимъ собою; но чѣмъ больше онъ побѣждалъ себя, тѣмъ больше сердце ея льнуло къ нему.

Однако заслуга Виниція по отношенію къ Назарію была меньшая, чѣмъ она предполагала: Маркъ опять могъ разсердиться на него, но не ревновать, потому что сынъ Маріамы былъ еще ребенкомъ, который хоть и былъ въ глазахъ Виниція собакой, но любилъ Лигію, какъ ребенокъ, бессознательно, и рабски. Но еще большую борьбу велъ съ собою молодой трибунъ, чтобы молча поддаться тому вліянію и почтенію, которымъ было окружено имя Христа и Его ученіе. Въ виду этого, съ Виниціемъ часто происходили довольно странныя вещи. Такъ или иначе, но въ это ученіе вѣрила Лигія, а по этому самому и онъ готовъ былъ признать его; и чѣмъ больше онъ выздоравливалъ, тѣмъ яснѣе припоминалъ событія, происшедшія послѣ ночи въ Остраніумѣ. Рядъ понятій, плотно сгруппировался въ головѣ его, и тѣмъ больше удивляла неестественная сила того ученія, которое перерождало душу человѣческую. Онъ ужъ началъ сознавать, что въ этомъ ученіи есть что-то такое, чего еще не было на свѣтѣ, и чувствовать, что еслибъ оно охватило собою весь міръ и привило къ нему свою любовь и милосердіе, то вѣрно настала-бы эпоха, напоминающая времена правленія свѣтомъ не Юпитеромъ, а Сатурномъ. Онъ не смѣлъ сомнѣваться, ни въ необыкновенномъ происхожденіи Христа, ни въ Его воскресеніи,

ни въ другихъ чудесахъ. Очевидцы, рассказывавшіе о томъ, заслуживали довѣрія и презирали ложь, и онъ не хотѣлъ допустить мысли, что они рассказывали о небывалыхъ вещахъ. Наконецъ, самъ римскій скептицизмъ, который хоть не вѣрилъ въ боговъ, но допускалъ чудеса. Потому-то Виницій и очутился посреди какой-то странной загадки, которую не могъ разгадать. Съ другой стороны, это ученіе казалось ему противнымъ существующему порядку вещей, невозможнымъ для примѣненія на практикѣ и почти безумнымъ. По его мнѣнію, римляне, какъ и всѣ другіе народы на свѣтѣ, могли быть злыми, но порядокъ вещей ихъ все таки хорошъ. Напримѣръ, еслибъ цезарь былъ честнымъ человѣкомъ и еслибъ сенатъ состоялъ не изъ своевольниковъ и развратниковъ, а изъ такихъ людей, какъ Трасей, то ничего лучшаго и нельзя было желать! Вѣдь римское миролюбіе и римское правительство были на самомъ дѣлѣ не дурны, а раздѣлъ между людьми—правильнымъ и справедливымъ. Между тѣмъ это ученіе, по мнѣнію Виниція, ниспровергало всякій порядокъ, а правительство требовало уничтоженія правъ и преимуществъ и установленія равноправности. Но, что же тогда произошло бы съ верховной властью и римскимъ государствомъ? Неужели римляне перестали бы властвовать или признали всю массу подвластныхъ имъ народовъ равными себѣ? Нѣтъ! Такая мысль не помѣщалась въ головѣ патриція. Притомъ, христіанское ученіе шло въ разрѣзъ со всякими его представленіями, привычками, характеромъ и понятіями о жизни. Онъ не могъ себѣ представить, какъ-бы онъ сталъ жить, признавъ ученіе, котораго боялся, хоть и восхищался имъ; даже при одной мысли сдѣлаться послѣдователемъ Христа, его душа содрогалась. Наконецъ, онъ понималъ, что только это ученіе раздѣляло его съ Лигіей, а потому онъ хотѣлъ ненавидѣть его отъ всей души.

Въ то-же время онъ, однако, сознавалъ, что именно это ученіе создало изъ Лигіи исключительное существо и наградило ее тою неизреченною красотою, которая вселила въ сердце его любовь, почтеніе и благоговѣніе, а изъ самой Лигіи учинило дорогое для него существо. Въ такіе моменты у него являлось желаніе полюбить Христа. Онъ ясно сознавалъ, что долженъ: или полюбить Его, или возненавидѣть, а равнодушнымъ быть — онъ не могъ. Между тѣмъ, онъ находился между двумя противоположными волнами, которыя швыряли его мысли и колебали чувства: онъ не могъ выбирать

хотя голова его невольно склонялась въ молчаливомъ почтеніи къ тому непонятному и неизвѣстному божеству, которому поклонялась Лигія, ибо Онъ былъ ея Богъ.

Лигія замѣтила, что съ нимъ происходило; какъ онъ переламывалъ свою натуру и какъ отвергалъ ученіе. Съ одной стороны, это сильно печаловало ее, а съ другой — ее располагали къ нему жалость, милосердіе и благодарность за то молчаливое уваженіе, какое онъ выказывалъ по отношенію къ Христу. Она вспомнила Помпонію и Авлія. Для Помпоніи служила источникомъ постоянной грусти и слезъ та мысль, что она не увидитъ Авлія въ загробной жизни, и Лигія начала понимать ея огорченія. Она тоже нашла себѣ дорогое существо, съ которымъ ее могла раздѣлить вѣчность. По временамъ, она внушала себѣ, что его душа еще озарится свѣтомъ истины, но этотъ самообманъ не удовлетворялъ ее. Виницій—христіанинъ! Эти два понятія были несовмѣстимы. Если благоразумный и степенный Авлій не сбѣгался христіаниномъ подъ вліяніемъ умной Помпоніи, то какъ-же Виницій сбѣдается имъ? На это она не находила отвѣта, а если былъ таковой, то онъ заключался въ одной фразѣ: для него нѣтъ ни надежды, ни спасенія.

Но здѣсь Лигія замѣтила, что этотъ жестокій приговоръ не только отталкивалъ ее отъ него, но Маркъ дѣлался ей еще дороже и милѣе ея сердцу. Отъ времени до времени, у нея являлась охота по бесѣдовать съ нимъ о его темной будущности; но, однажды, когда она сѣла подлѣ него и сказала, что послѣ ученія Христа нѣтъ лучшей жизни, то онъ приподнялся на здоровую руку и вдругъ склонилъ голову на ея колѣни, говоря: «ты моя жизнь!» Ощутивъ прикосновеніе его головы, дыханіе сперлось въ груди ея: она лишилась самообладанія и какая-то необыкновенно пріятная дрожь пробѣжала по ея тѣлу, осыпавъ ее искрами съ ногъ до головы, точно свѣгомъ. Она быстро сжала его виски и хотѣла поднять голову, причемъ сама наклонилась и невольно прикоснулась губами къ его волосамъ, которыя ужъ не могла оторвать въ своемъ невинномъ любовномъ упоеніи.

Наконецъ она пришла въ себя, вскочила и убѣжала, чувствуя, какъ въ ея жилахъ закипѣла кровь и какъ голова ея закружилась. Но это была послѣдняя капля, переполнившая чашу. Разумѣется, Виницій не догадался, какъ дорого придется ему заплатить за эту минуту счастья; за то Лигія поняла, что теперь она сама нуждается.

въ помощи. Эту ночь она провела безъ сна, плакала и молилась съ тѣмъ чувствомъ, что она недостойна, чтобы молитва ея дошла до Бога.

На слѣдующее утро, она очень рано вышла изъ кубикулума и, позвавъ Криспа въ садикъ съ завядшимъ плющемъ и другою зеленью, открыла ему свою душу. Она умоляла его позволить ей покинуть домъ Маріамы, ибо не увѣрена въ самой себя и не можетъ побѣдить любви къ Виницію.

Криспъ, будучи человѣкомъ пожилымъ и серьезнымъ, согласился на ея предложеніе оставить этотъ домъ, но не могъ простить ей грѣховной, по его понятію, любви къ язычнику. Онъ возмущенъ, что та самая Лигія, которою онъ опекался съ момента ея бѣгства, любилъ и смотрѣлъ на нее, какъ на бѣлую лилію, произращенную на почвѣ христіанскаго ученія, не оскверненную ничѣмъ прикосновеніемъ и никакими внѣшними вліяніями могла питать любовь, лишившую чистоты ея сердца. Онъ былъ увѣренъ, что нѣтъ выше любви, чѣмъ любовь къ небесному возлюбленному, которому онъ хотѣлъ принести въ даръ ея сердце, безпорочное и чистое, какъ драгоценный камень, отполированный его собственными руками; но теперь онъ разочаровался и огорчился.

— Ступай! сказалъ онъ мрачно,—и моли Бога, чтобы Онъ простилъ тебя. Бѣги, пока злой духъ не опуталъ тебя своими сѣтями и не привелъ тебя къ паденію. Господь умеръ за тебя на крестѣ, чтобы своею кровью искупить твою душу, но ты полюбила человѣка, который хотѣлъ сдѣлать тебя своей наложницей, и хотя Господь спасъ тебя отъ оскверненія, но ты обнаружила свое сердце грязной страсти и полюбила исчадіе тьмы. Кто онъ? Другъ, пріятель и рабъ Антихриста, сообщникъ его злодѣйства и разврата!.. Куда онъ можетъ повести тебя, если не въ Содомъ и Гоморру, въ которыхъ самъ вращается и которую Господь современемъ поразитъ своимъ гнѣвомъ? Но я тебѣ повѣдаю: лучше-бы ты умерла; лучше-бы эти стѣны обрушились на твою голову, чѣмъ этотъ гадъ вползъ въ твое сердце и осквернилъ его своимъ ядомъ.

Пресвитеръ увлекался, потому что провинность Лигіи не только возмущала его, но и возбуждала омерзѣніе какъ къ человѣчеству вообще, такъ и къ женщинѣ—въ особенности, которую даже христіанское ученіе не могло спасти отъ слабостей праматери Евы. Для него было мало, что дѣвушка осталась не порочной, что она хотѣла бѣ-

жать отъ этой любви и что, наконецъ, призналась ему съ сожалѣніемъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея ангела и возвести на подобающую высоту, на которой зиждилась любовь ко Христу, а она вдругъ полюбила другого, и кого-же? Августіанина! Одна мысль о томъ преисполнила сердце его чувствомъ огорченія и разочарованія. Нѣтъ, онъ не могъ ей этого простить! Ужасныя слова горѣли на его устахъ, какъ раскаленные угли, хотя онъ не высказывалъ ихъ пришедшей въ ужасъ дѣвушкѣ и только жестикулировалъ своими дрожащими отъ гнѣва руками.

Однако, сама Лигія хоть и сознавала свою вину, но не до такой степени, какъ онъ представлялъ ее. Она думала, что если она уйдетъ изъ этого дома, то это самое послужитъ для нея искупленіемъ и побѣдой надъ самой собою; но Криспъ разбилъ ее въ прахъ, указавъ ей на слабость и ничтожность ея души, которыхъ она не подозрѣвала въ себѣ: она вполне рассчитывала, что старый пресвитеръ, котораго она считала отцомъ своимъ, окажетъ ей хоть сколько нибудь сочувствія, утѣшитъ ее и ободритъ, но ошиблась.

— Я принесу въ жертву мои страданія и огорченія Богу!— продолжалъ онъ:—но ты не оправдала довѣрія Спасителя и сошла съ торной дороги въ болото, выдыханія котораго отравили твою душу и сердце, которое ты могла принести Ему въ даръ, какъ драгоценный сосудъ и сказать: «Наполни сей сосудъ своею благодатью!» но ты принесла его въ даръ служителю дьявола, и да проститъ тебя Господь и помилуетъ, а я, пока ты не исторгнешь эту змѣю изъ своей груди и пока...

И онъ внезапно остановился, замѣтивъ, что они были не одни.

Черезъ увядшіе повилику и плющъ, зеленѣвшіеся, однако, какъ и лѣтомъ, онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ апостолъ Петръ, а другаго онъ сразу не узналъ, потому что онъ былъ одѣтъ въ плащъ изъ грубой волосяной ткани, называемой «cilicium», который закрывалъ часть его лица. Въ началѣ Криспу показалось, что это былъ Хилонъ.

Оба мужа, услышавъ возвышенный голосъ Криспа, вошли въ садикъ и сѣли на каменной скамьѣ. Товарищъ Петра открылъ свое худое лицо съ лысымъ черепомъ, покрытымъ только по бокамъ курчавыми волосами,—покраснѣвшими вѣками и кривымъ носомъ; словомъ, некрасивое, но въ то-же время вдохновенное, въ которомъ онъ узналъ Павла тарсеянина.

Лигія, увидѣвъ ихъ, бросилась на колѣни и, въ отчаяніи, обняла ноги Петра. Она прижала къ складкамъ его плаща свою бѣдную головку, между тѣмъ какъ Петръ сказалъ:

— Миръ вамъ!..

Видя молодую дѣвушку у ногъ своихъ, онъ спросилъ: что случилось? Криспъ объяснилъ ему ея признаніе и свое сожалѣніе, что сердце ея осквернилось любовью къ язычнику.

Но Лигія все сильнѣе обнимала ноги Петра и какъ-бы умоляла его оказать ей хоть немного сочувствія. Апостоль, выслушавъ Криспа, положилъ свою старческую руку на голову дѣвушки, взглянулъ на священника и произнесъ:

— Развѣ ты не слыхалъ, Криспъ, что нашъ божественный Учитель, присутствуя на бракѣ въ Канѣ Галлилейской, благословилъ любовь между женщиной и мужемъ?

У Криспа опустились руки и онъ не могъ отвѣтить ни слова.

— Неужели ты думаешь,—продолжалъ Петръ помолчавъ,—что Христосъ, Который допустилъ къ своимъ ногамъ Марію Магдалину и разрѣшилъ ее отъ всѣхъ прегрѣшеній, отвратить Свой ликъ отъ этого чистаго, какъ полевая лилія, ребенка?

Лигія зарыдала и еще сильнѣе прижалась къ его ногамъ; но Петръ приподнялъ ея голову съ заплаканными глазами и прибавилъ:

— Пока тотъ, котораго ты любишь, не узритъ свѣта правды, ты избѣгай его, чтобы онъ не ввелъ тебя въ соблазнъ: молись за него и знай, что въ твоей чистой любви нѣтъ грѣха. А такъ какъ ты и сама желашь избѣгнуть соблазна, то и это великая заслуга предъ Богомъ. Не печалься и не плачь, ибо, глаголю тебѣ, что благодать Спасителя не оставитъ тебя, что твоя молитва будетъ услышана и послѣ печали для тебя настанутъ радостные дни.

И Петръ, положивъ обѣ руки на ея голову, благословилъ ее. Его лицо сіяло не земной добротою. Между тѣмъ, сокрушенный Криспъ началъ оправдываться.

— Правда, я и самъ согрѣшилъ противъ милосердія, сказалъ онъ,—но я думалъ, что она, допустивъ до своего сердца земную любовь, отреклась отъ Христа...

— Я трижды отрекся отъ Него, отвѣтилъ Петръ;—однакоже Онъ простилъ меня и довѣрилъ мнѣ Свою паству.

— Да кромѣ того, прибавилъ Криспъ,—онъ августіанинъ...

— Спаситель сокрушалъ самыя твердыя сердца, отвѣтилъ Петръ.

Въ этотъ моментъ Павелъ, молчавшій до сего времени, указалъ на себя и произнесъ:

— Я тотъ самый Павелъ, который преслѣдовалъ Христа и посягалъ на смерть его служителей. Я, во время каменованія Стефана, сторожилъ платье тѣхъ, кто каменовалъ его; я хотѣлъ уничтожить истинну по всей землѣ, однако-же Онъ сдѣлалъ меня поборникомъ правды и послалъ проповѣдывать ее всему міру. И я провозглашалъ ее въ Іудеи, въ Греціи, на островахъ и въ этомъ безбожномъ градѣ, когда жилъ въ немъ первый разъ, какъ узникъ. Сюда-же меня призвалъ Петръ, мой начальникъ, и я войду въ сей домъ, повергну эту гордую главу патриція къ ногамъ Спасителя и брошу всхожее зерно на ту каменистую почву твердыни, которую оплодотворить Господь и на ней произрастетъ обильный урожай.

И онъ всталъ. Теперь этотъ маленькій сторбившійся чело­вѣкъ показался Криспу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а именно, гигантомъ, который могъ всколыхнуть міръ въ основаніи и завладѣть народами всей земли.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Петроній къ Виницію:

«Пожалуйста, *carissime*, не подражай ты въ своихъ письмахъ, ни лакедемонцамъ, ни Юлію Цезарю. Еслибъ ты хоть могъ написать такъ, какъ онъ написалъ: «*veni, vidi, vici!*» то я понялъ бы этотъ лаконизмъ. Но изъ твоего письма выходитъ, что ты: «*veni, vidi, fugi*».—А такъ какъ ты пишешь, что окончаніе твоего дѣла противно твоей натурѣ; что ты былъ раненъ, и что съ тобой случилось нѣчто необыкновенное, то письмо твое требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, прочитавъ, что этотъ лигіецъ задушилъ Кротона, какъ каледонскія собаки душатъ волковъ въ Гибернійскихъ ¹⁷¹⁾ ущельяхъ. Значить, этотъ человекъ стоитъ столько золота, сколько въ немъ самогъ вѣсу и отъ него бы зависѣло сдѣлаться любимцемъ цезаря. Когда я вернусь въ Римъ, то непременно познакомлюсь съ нимъ и прикажу вылить его фигуру изъ бронзы. Тогда нашъ рижебородый лопнетъ отъ удивленія, а я обязательно скажу ему, что она сдѣлана съ природы. Въ сущности, теперь очень рѣдки атлеты, какъ въ Италіи, такъ и въ Греціи; а ужъ о Востокѣ и говорить не стоитъ. Хотя германцы и рослые люди, но ихъ мускулы больше покрыты саломъ, чѣмъ въ нихъ есть силы. Пожалуйста, узнай отъ этого лигіяца, составляетъ ли онъ исключеніе, или въ его отечествѣ есть много подобныхъ ему людей. Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, если придетъ твоя или моя очередь устранивать зрѣлища.

«Но, слава восточнымъ и западнымъ богамъ, что ты вышелъ живымъ изъ его рукъ. Вѣроятно, ты обязанъ этимъ своему происхожденію, какъ патрицій и сынъ консула. Однако, меня крайне удивляетъ все, что случилось съ тобою: и твое посѣщеніе христіанскаго кладбища, и сами христіане, и ихъ отношенія къ тебѣ, и второе бѣгство Лигіи, и наконецъ та печаль и безпокойство, которыми дышетъ твое короткое письмо. Объясни мнѣ, пожалуйста, потому что я не понимаю многихъ вещей, и если хочешь знать правду, то я откровенно скажу, что не понимаю ни христіанъ, ни тебя, ни Лигіи. Ты не удивляйся, что я, ничѣмъ не интересующійся, кромѣ собственной персоны, такъ интересуюсь всѣмъ. Это потому, что я считаю себя виновникомъ того, что произошло съ тобою, а слѣдовательно и я замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Пиши скорѣе, такъ какъ я не могу опредѣлить времени, когда увижусь съ тобою. Въ головѣ рже бородаго мѣняются планы, какъ весенніе вѣтры. Теперь онъ, сидя въ Беневентѣ, мечтаетъ ѣхать въ Грецію, а не въ Римъ, куда совсѣмъ не хочетъ возвращаться. Но Тигелинъ совѣтуетъ ему поѣхать, хоть на нѣкоторое время, потому что народъ соскучится по немъ,—точнѣе, по хлѣбу и зрѣлищамъ,—и могутъ произойти волненія. Въ виду этого, я не знаю, что будетъ? Если Ахайя получить перевѣсъ, то, можетъ быть, намъ захочется еще поѣхать въ Египетъ. Я-бы совѣтовалъ тебѣ пріѣхать сюда, потому что въ твоёмъ положеніи путешествіе и развлеченія могутъ послужить весьма полезнымъ лекарствомъ; только ты можешь насъ не застать. Но ты подумай, не лучше ли тебѣ поѣхать въ твои сицилійскія помѣстья, чѣмъ сидѣть въ Римѣ. Пиши обстоятельнѣе и—прощай! Никакихъ пожеланій, кромѣ здоровья, не пріобщаю, потому что, клянусь Полдуксомъ! не знаю, что тебѣ пожелать».

Получивъ это письмо, Виницій не спѣшилъ отвѣчать; да въ началѣ ему и совсѣмъ не хотѣлось, въ томъ предчувствіи, что отвѣтъ его ни къ чему не приведетъ и ничего не выяснитъ. Къ тому-же онъ началъ питать отвращеніе къ жизни и чувствовать всю ничтожность ея. Вдобавокъ, ему казалось, что Петроній не пойметъ его и что между ними пробѣжала «черная кошка», которая измѣнила ихъ теплыя отношенія и раздѣлила ихъ. Но онъ все еще не могъ прійти въ себя и привести въ порядокъ свои мысли. Вернувшись съ Затибра въ свою роскошную «инсулу» на Каринахъ еще совсѣмъ слабымъ, онъ въ первые дни былъ радъ тѣмъ удобствамъ

и недостаткамъ, которые окружали его, но потомъ въ его сердце и душу начали вкрадываться чувства праздної жизни, такъ что все, что представляло жизненный интересъ, или совсѣмъ не существовало, или существовало въ миньютюрѣ, точно всѣ струны его души оборвались и онъ еще не успѣлъ привязать новыхъ. Мысль о поѣздкѣ въ Беневентъ и потомъ въ Ахайю, гдѣ онъ могъ бы предаться всѣмъ удовольствіямъ жизни и разгулу, — не понравилась ему. «Зачѣмъ?.. Какая польза отъ этого?» задавалъ онъ себѣ вопросы, а въ то же время думалъ, что еслибъ онъ и рѣшился поѣхать туда, то Петроній, благодаря своей сообразительности, остроумію и умѣнію быстро подбирать удачныя слова для охарактеризовки каждой идеи, надобно-бы ему своими философствованіями: онъ скучалъ бы съ нимъ, какъ скучалъ здѣсь въ одиночествѣ. Всѣ его знакомые были съ цезаремъ въ Беневентѣ и онъ поневолѣ сидѣлъ дома съ головою, преисполненною всякими мыслями, и сердцемъ — такими предчувствіями, въ которыхъ онъ не умѣлъ разобраться. Впрочемъ, на него находили и такія минуты, когда онъ думалъ, что еслибъ онъ высказалъ кому нибудь свои чувства и что дѣлается у него на сердцѣ, то можетъ быть и самъ упорядочилъ свои мысли и привелъ ихъ къ одному знаменателю. Находясь подъ впечатлѣніемъ этой надежды, онъ рѣшился отвѣтить на письмо Петронія и хоть не былъ увѣренъ, что отошлетъ его, тѣмъ не менѣе сѣлъ и написалъ слѣдующее:

«Ты просилъ меня написать болѣе ясно и обстоятельно, и я отвѣчаю, хоть и неувѣренъ, съумѣю ли я изложить все съ систематическою ясностью, такъ какъ и самъ не могу рѣшить многихъ вопросовъ. Я ужь писалъ тебѣ, что былъ среди христіанъ; о ихъ поведеніи съ врагами, какими они могли считать меня и Хилона; о добротѣ ихъ; объ уходѣ за мною и наконецъ о второмъ исчезновеніи Лигіи. Нѣтъ, дорогой мой! Меня пощадилъ не потому, что я сынъ консула: между ними не существуетъ такихъ взглядовъ. Это видно изъ того, что они простили Хилона, котораго я самъ предложилъ зарыть въ ихъ саду. Да, это такіе люди и ихъ ученіе, какихъ свѣтъ еще не видалъ и не слыхалъ. Большаго я не могу сказать, и если кто пожелаетъ мѣрить ихъ своею мѣркою, то жестоко ошибется. Еслибъ я лежалъ больной въ собственномъ домѣ и еслибъ за мной ухаживали мои люди или даже родственники, то навѣрное мнѣ не было бы на половину такъ удобно и хорошо, какъ между ними. Начиная съ Лигіи и кончая послѣднимъ изъ уха-

живавшихъ за мной,—все они одинаковы. Еслибъ Лигія была моею сестрой или женой, то и отъ нихъ я не видалъ бы больше нѣжности и сочувствія. Часто сердце мое трепетало отъ радости при мысли, что только одна любовь можетъ внушить такую нѣжность. Я читалъ въ ея лицѣ и взглядахъ, изслѣдовалъ и наблюдалъ, и, вѣришь-ли мнѣ, — я былъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо, среди этихъ простыхъ людей въ убогомъ жилищѣ, которое составляло для нихъ все: и кухню и триклиніумъ. Она тоже была ко мнѣ неравнодушна: даже сегодня я не могу думать иначе; однако же, та самая Лигія спокойно оставила квартиру Маріамы. Теперь я сижу по цѣлымъ днямъ и думаю: почему это она сдѣлала? Я не помню, писалъ ли я тебѣ, что общалъ Лигіи вернуть ее Плавтіямъ? Но она отвѣтила мнѣ, что это невозможно, во-первыхъ, потому, что они уѣхали въ Сицилію и, во-вторыхъ, потому, что всякія вѣсти легко передаются невольниками, а слѣдовательно будутъ извѣстны въ Палатинѣ, такъ что цезарь опять могъ-бы отнять ее у Авлія. И она права! Однако, она знала, что я не стану преслѣдовать ее; что я люблю ее и не могу жить безъ нея; что введу ее въ домъ мой чрезъ увѣнчанную дверь и посажу у очага моего на освященной обычаемъ кожѣ овна... И все-таки она бѣжала? Отчего? Вѣдь ей ничего не грозило, и еслибъ она не любила меня, то могла и отказаться, отвергнуть мою любовь. За день передъ тѣмъ, я познакомился съ страннымъ человѣкомъ, нѣкимъ Павломъ тарсеяниномъ, который бесѣдовалъ со мною о Христѣ и Его ученіи. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что, какъ мнѣ казалось, каждое его слово невольно разбивало въ пухъ и прахъ все основы нашего міра. Онъ же сказалъ мнѣ по исчезновеніи Лигіи: «Когда Господь откроетъ глаза твои на свѣтъ и сниметъ бѣльмо съ нихъ, какъ Онъ снялъ съ моихъ, тогда ты поймешь, что она не могла поступить иначе и тогда, быть можетъ, ты найдешь ее». И теперь я думаю надъ его словами, точно онѣ были сказаны Дельфійской Пифеіей¹⁷²). По временамъ мнѣ кажется, что я начинаю кое-что понимать. Они любятъ людей и ненавидятъ нашу жизнь, нашихъ боговъ и нашихъ злодѣяній, а потому она убѣжала отъ меня, какъ отъ человѣка, принадлежащаго къ этому свѣту, съ которымъ ей пришлось бы дѣлить жизнь, предосудительную въ глазахъ христіанъ. Ты скажешь, что она могла бы отвергнуть мои искательства и ей не нужно было бѣжать! А если она сама любитъ меня?.. Значить, она хотѣла бѣ-

жать отъ собственной любви. При одной этой мысли, мнѣ хочется разослать моихъ невольниковъ по всему Риму, чтобъ они кричали во всѣхъ домахъ: «вернись, Лигія!» Но все-таки я не понимаю, зачѣмъ это она сдѣлала! Вѣдь я не могъ бы запретить ей вѣрить въ своего Христа, да и самъ воздвигъ бы ему жертвенникъ въ атриумѣ. Не все ли равно: однимъ богомъ больше или меньше, въ особенности для меня, не особенно вѣрующаго и въ старыхъ боговъ? Почему же мнѣ не вѣрить въ новаго. Христiane, какъ я увѣренъ, никогда не лгутъ; а они доказываютъ, что Христосъ воскресъ. Вѣдь обыкновенный смертный не можетъ воскреснуть! Павелъ, хоть и римскій гражданинъ, но, какъ еврей, знаетъ старыя еврейскія писмена, — говорилъ мнѣ, что пришествіе Христа было заповѣдано за тысячу лѣтъ пророками. Все это какъ-то необыкновенно странно; но развѣ мы не окружены странностями? Вѣдь еще не перестали говорить о Тіанскомъ Аполлонѣ и если Павелъ говоритъ, что нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Бога на небеси, то мнѣ кажется это естественнымъ, и я нисколько не удивляюсь тому. Да и Сенека того же мнѣнія, а до него было много другихъ. Христосъ жилъ на свѣтѣ, далъ распять себя ради спасенія міра, умеръ и воскресъ. Все это совершенно правдоподобно и я не нахожу причинъ сомнѣваться въ этомъ, а тѣмъ больше отказаться отъ сооруженія Ему жертвенника, если я не отказался бы воздвигнуть таковой хоть-бы, напримѣръ, Серапису. Да я и не задумался бы отречься отъ всѣхъ другихъ божествъ, потому что каждый, сколько-нибудь обладающій умомъ, и такъ не вѣрилъ въ нихъ. Но мнѣ кажется, что этого мало христianeамъ: недостаточно чтить Христа, но еще нужно жить согласно Его ученію, и здѣсь-то именно какъ будто и становишься на берегу того моря, которое заставляютъ тебя перейти пѣшкомъ. Да еслибъ я и обѣщаль имъ свершить такой подвигъ, то вѣдь они тоже поняли-бы, что это только пустая игра словъ. Павелъ сказалъ это откровенно. Ты знаешь, какъ я люблю Лигію и что я все сдѣлалъ бы для нея. Однако же я не могъ бы, даже по ея желанію, поднять на рукахъ Соракту или Везувія, вмѣстить въ пригоршни Трасиманское озеро или превратить мои черные глаза въ голубые: это не въ моей власти. Хоть я не философъ, но и не такъ глупъ, какъ тебѣ, быть можетъ, кажется, а потому скажу тебѣ: я не знаю, какимъ путемъ христiane добываютъ себѣ средства къ жизни, за то мнѣ извѣстно, что тамъ, гдѣ начнется ихъ

ученіе—кончается владычество Рима, самъ Римъ, его жизнь, разница между побѣдителемъ и побѣжденнымъ; между богатымъ и бѣднымъ; господиномъ и рабомъ; кончается правленіе свѣтомъ; кончается цезарь, законъ и весь строй и порядокъ; а вмѣсто всего этого является Христось, какое-то небывалое милосердіе и доброта, противныя нашимъ римскимъ понятіямъ и инстинктамъ. Однако я интересуюсь больше Лигіей, чѣмъ всѣмъ Римомъ съ его правителями, и хоть бы онъ провалился, только бы она была со мною. Но это—другое дѣло. Для христіанъ недостаточно одного согласія съ ихъ мнѣніями: имъ нужно, чтобы человѣкъ чувствовалъ, что именно такъ хорошо, и ни о чемъ другомъ не думалъ; ну, а я,—боги свидѣтели!—не могу. Ты понимаешь, что это значить? Въ моей натурѣ есть что-то такое, что вызываетъ дрожь отъ ихъ ученія, и какъ бы я ни хвалилъ его, какъ бы ни приноравливался ко всѣмъ его предписаніямъ, а все-таки здравый смыслъ говорилъ мнѣ, что это я дѣлаю ради Лигіи, и еслибъ не она, то для меня не было бы ничего противнѣе на свѣтѣ, какъ ея религія. И—странная вещь—какой-нибудь Павелъ изъ Тарса отлично понимаетъ это; а также понимаетъ, не смотря на свою простоту и низкое происхожденіе и этотъ старый духовидецъ Петръ, бывшій ученикъ Христа. Ты знаешь, что они дѣлають? Они молятся за меня и просятъ, чтобы на меня снизошла какая-то благодать; между тѣмъ какъ мною овладѣвають только безпокойство и тоска по Лигіи.

„Выше я писалъ, что она тайно ушла изъ дому и оставила мнѣ крестъ, сдѣланный ею самою изъ вѣточекъ букса. Проснувшись, я нашелъ его на постели; теперь я держу его въ лараріумѣ и не знаю, почему подхожу къ нему,—точно въ немъ заключается что-то божественное,—съ какимъ-то страхомъ и почтеніемъ. Я люблю его, потому что его дѣлали ея ручки, и ненавижу, такъ какъ онъ раздѣляетъ насъ. Иногда мнѣ кажется, что во всемъ этомъ есть какое-то колдовство; что духовидецъ Петръ, хоть и кажется простымъ рыбакомъ, но онъ стоитъ выше Аполлона и всѣхъ, которые были до него, и что это онъ околдовалъ Лигію, Помпонію и меня.

«Ты пишешь, что въ моемъ письмѣ видны безпокойство и печаль. Разумѣется, я печалюсь, что потерялъ ее; а безпокоюсь, потому что во мнѣ все измѣнилось. Говоря откровенно, нѣтъ ничего противнѣе, какъ это ученіе; однако-же, познакомившись съ нимъ, я не узнаю себя: колдовство это или любовь? Кирка, однимъ прикосно-

веніемъ, пзмѣняла человѣческія тѣла, а у меня пзмѣнили душу. А это могла сдѣлать только одна Лигія или, точнѣе, та религія, которую она исповѣдуетъ...

«Возвратясь къ себѣ домой, я засталъ въ домѣ большой безпорядокъ: очевидно, меня никто не ожидалъ; всѣ думали, что я въ Беневентѣ и что не скоро вернусь, а потому всѣ невольники были пьяны и я ихъ засталъ пирующими въ моемъ триклиніумѣ. Конечно, они скорѣе ожидали смерти, чѣмъ меня, и менѣе испугались-бы ее. Ты знаешь, какъ я держу ихъ, а потому, при моемъ появленіи, всѣ бросились на колѣни, а многіе — даже обомлѣли отъ испуга. И знаешь, какъ я поступилъ? Сначала я хотѣлъ съчъ ихъ розгами и каленымъ желѣзомъ, но потомъ мнѣ сдѣлалось стыдно и—вѣришь-ли,—жалко этихъ несчастныхъ: вѣдь между ними есть старые невольники, которыхъ еще дѣдъ, М. Виницій, привелъ съ Рейна въ царствованіе Августа. Поэтому я заперся въ бібліотеку и тамъ мнѣ пришли въ голову странныя мысли, будто послѣ того, что я видѣлъ между христіанами, мнѣ не подобаетъ поступать такъ, какъ я поступалъ до этого времени, потому что и невольники—люди. Да и они нѣсколько дней ходили въ большой тревогѣ, ожидая, чѣмъ разрѣшится мой гнѣвъ и мысля, что я обдумываю имъ самыя жестокія наказанія и пытки. Но я не наказывалъ ихъ и, только позвавъ ихъ на третій день, сказалъ, что я ихъ прощаю съ тѣмъ, чтобы они постарались исправиться и заслужить снисхожденіе за свои проступки. Всѣ они бросились на колѣни и, заливаясь слезами, называли меня отцомъ своимъ и господиномъ. Со стыдомъ признаю, что я былъ тронутъ. Мнѣ казалось, что въ эту минуту я видѣлъ Лигію въ слезахъ, которая благодарила меня за мой человѣколюбивый подвигъ. И—*proh pudor!*—я тоже почувствовалъ влагу на своихъ глазахъ... Признаю, я ничего не могу дѣлать безъ нея; мнѣ очень скверно одному; я несчастливъ и моя печаль больше, чѣмъ ты думаешь...

«Что касается моихъ невольниковъ, мнѣ показалась страннымъ одна вещь, что они, послѣ моего прощенія, сдѣлались мягче, радѣтельнѣе и внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ: они, наперерывъ, стараются угадать мои мысли и предупредить желанія. Это я напоминаю тебѣ только потому, что, за день до моего ухода изъ лачуги, я сказалъ Павлу: «внимая и вѣря твоему ученію, свѣтъ долженъ разсыпаться, какъ бочка безъ обручей». А онъ отвѣтилъ

мнѣ: «любовь—силѣе ненависти». И я нахожу, что онъ правъ. Я ужь провѣрилъ это по отношенію къ моимъ протеже и просителямъ, которые, узнавъ о моемъ возвращеніи, приходили привѣтствовать меня. Самъ знаешь, что я никогда не былъ скупъ для нихъ, потому что и отецъ мой былъ щедръ къ нимъ и меня къ тому приучилъ. Теперь я, видя эти потертые и порванные плащи и голодные лица, испытываю чувства состраданія: я приказалъ ихъ накормить, разговаривалъ съ ними, многихъ называлъ по именамъ, спрашивалъ о ихъ женахъ и дѣтяхъ... и, вѣришь-ли—видѣлъ слезы благодарности на ихъ глазахъ... Въ эту минуту мнѣ тоже казалось, что Лигія видитъ это, радуется и одобряетъ мои поступки.. Я не знаю: любовь-ли мутитъ мои мысли или разумъ блуждаетъ, но я чувствую, что она смотритъ на меня издали и боюсь совершить что-нибудь такое, что опечалитъ или оскорбитъ ее. Да, Кай! христіане подмѣнили меня и мою душу. Иногда мнѣ пріятно это, а по временамъ меня терзаетъ мысль, что я потерялъ мужество и энергію и что умъ сдѣлался неспособенъ къ участию въ совѣтѣ, въ судѣ, въ пиррахъ, и даже въ войнѣ. Несомнѣнно—я околдованъ!.. Меня измѣнили до того, что я, будучи еще больнымъ, думалъ: еслибъ Лигія была похожа на Нигиду, Поппею, Криспиниллу и всѣхъ нашихъ разводовъ, и еслибъ она была настолько-же грязная, немилосердная и легкая поведеніемъ, какъ онѣ, то я не любилъ-бы ее такъ, какъ люблю теперь. Но если я люблю ее за то, что насъ раздѣляетъ, то можешь себѣ представить, какой хаосъ въ моей душѣ: въ какой я блуждаю тьмѣ, не видя передъ собою никакой дороги и не зная, что мнѣ дѣлать. Если жизнь можно сравнить съ источникомъ живой воды, то въ моемъ источникѣ бьетъ не вода, а безпокойство. Я живу только одною надеждой, что, быть можетъ, когда-нибудь увижу ее и что это «когда-нибудь» должно настать... но что будетъ со мною черезъ годъ или два—я не могу опредѣлить. Я не уѣду изъ Рима, потому что не перенесу общества августіановъ. Притомъ, единственнымъ моимъ утѣшеніемъ служить мнѣ мысль, что я нахожусь близко Лигіи; что Павелъ или Главкъ, какъ лекаръ, навѣщая меня, могутъ сообщать мнѣ, отъ времени до времени, нѣкоторыя свѣдѣнія о ней... Нѣтъ! Я-бы не оставилъ Рима, даже если-бъ мнѣ предложили управление Египтомъ...

«Кстати, сообщаю тебѣ, что я приказалъ монументщику сдѣлать надгробный памятникъ Гули, котораго я убилъ въ гнѣвѣ. Хотя это

ужь поздно, но вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ и училъ, какъ накладывать стрѣлу на лукъ. Я и самъ не знаю, почему я вспомнилъ о немъ, а все-таки вспомнилъ, очевидно, изъ сожалѣнія или вслѣдствіе упрека совѣсти... Если тебя удивить все то, что я тебѣ пишу, то и я, въ свою очередь, скажу тебѣ, что и самъ удивляюсь; но пишу правду.—Прощай»!..

II.

На это письмо Виницій не получилъ отвѣта, а Петроній не отвѣчалъ, надѣясь, что цезарь, не сегодня, такъ завтра, вернется въ Римъ. И въ Римѣ ужь было извѣстно о томъ. Народъ, соскучившійся по хлѣбу и зрѣлищамъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія. А хлѣба-то ужь въ Остіи накопились большіе запасы. Гелій, отпущенникъ Нерона, ужь предупредилъ сенать о возвращеніи цезаря, но послѣдній, сѣвъ на корабль на мысъ Мисенумъ, возвращался не спѣша, останавливаясь въ попутныхъ городахъ для отдыха или представленій въ театрахъ. Въ Минтурнѣ, гдѣ онъ пѣлъ публично, цезарь пробылъ нѣсколько дней и ужь подумывалъ о томъ, не вернуться-ли ему въ Неаполь, чтобъ тамъ дожидаться весны: но послѣдняя настала раньше обыкновеннаго времени.

Все это время Виницій сидѣлъ замкнуто въ своемъ домѣ, думая о Лигіѣ и о всѣхъ тѣхъ вещахъ, которыя измѣняли его понятія и чувства. Только по временамъ онъ видѣлся съ Главкомъ, съ которымъ бесѣдовалъ о Лигіѣ, и хотя послѣдній, якобы, не зналъ объ ея убѣжищѣ, но увѣрялъ, что она находится подъ покровительствомъ старшинъ.

Однажды онъ проговорился, что апостоль Петръ бранилъ Криспа за его неумѣстное порицаніе любви Лигіи. Молодой патрицій до того расчувствовался, что даже поблѣднѣлъ. Онъ самъ былъ увѣренъ, что она равнодушна къ нему, и только по временамъ сомнѣвался; но теперь онъ услышалъ подтвержденіе своихъ предположеній изъ устъ христіанина и, въ первую минуту своей радости, хотѣлъ бѣжать къ Петру благодарить его; но, узнавъ, что его нѣтъ въ городъ и что онъ проповѣдуетъ слово Божье въ окрестностяхъ Рима, умолялъ Главка, чтобы онъ привелъ Петра къ нему, какъ только онъ возвратится, общая сдѣлать за это значительное пожертвованіе бѣднымъ. Ему казалось, что если Лигія любитъ его, то

этимъ самымъ устраняются всѣ препятствія и онъ готовъ каждую минуту признать святость Христа. Но Главкъ, хоть и уговаривалъ его принять святое крещеніе, не могъ ручаться, что онъ, крестившись, будетъ обладать сердцемъ Лигіи и говорилъ ему, что креститься нужно не для какихъ-нибудь постороннихъ цѣлей, а для самого креста и изъ любви ко Христу; а для этого нужно обладать и «христіанскою душой». Однако Виницій, котораго возмущало всякое препятствіе, думалъ, что Главкъ говоритъ это только по обязанности, что онъ долженъ сказать; но самъ онъ не отдавалъ себѣ отчета, что главная изъ всѣхъ его переменъ характера и натуры была та, что прежде онъ мѣрилъ все своею эгоистическою мѣркою, а теперь, постепенно, привыкалъ къ мысли, что глаза могутъ смотрѣть, такъ, а сердце чувствовать—иначе и что наконецъ, справедливость не всегда означаетъ тоже самое, что—корысть.

Въ виду этого, у него явилось желаніе повидаться съ Павломъ, бесѣда съ которымъ интересовала его. Онъ ужъ обдумывалъ рѣчь, которою хотѣлъ разбить его ученіе и мысленно сопротивлялся ему, однако-же хотѣлъ слышать, что онъ скажетъ. Но, къ сожалѣнію, и Павелъ уѣхалъ въ Арицію. А такъ какъ Главкъ все рѣже посѣщалъ Виниція, то онъ остался совсѣмъ одинокимъ. Благодаря гнетущей его скукѣ, онъ опять началъ ходить по всѣмъ улицамъ и переулкамъ Субуры и за Тибромъ, въ надеждѣ увидѣться съ Лигіей; но его надежды не оправдались и онъ началъ выходить изъ терпѣнія.

Наконецъ настало время, когда его прежняя натура проснулась съ силою волны, которая, отливая отъ берега, еще сильнѣе приливаетъ къ нему. Ему показалось, что онъ, до настоящаго времени, былъ глупъ и только напрасно мучилъ себя разными мыслями, которыя довели его до тоски и отчаянія: нужно брать отъ жизни то, что дается.

И онъ рѣшилъ забыть о Лигіи и искать развлеченій и удовольствій помимо нея, хоть и чувствовалъ, что это съ его стороны послѣдняя проба. И онъ бросился въ водоворотъ жизни съ присущей ему энергіей и увлеченіемъ. Да и самая жизнь располагала его къ этому. Замершій и опустѣвшій за зиму городъ началъ оживляться въ ожиданіи скорого пріѣзда цезаря. Всѣ готовились къ торжественной встрѣчѣ его. Притомъ настала весна; ужъ и снѣгъ, благодаря теплomu африканскому вѣтру, печезъ съ Албанскихъ горъ.

Травники въ садахъ сплошь покрылись фіалками. Форумы и Марсовыя поля зароплись народомъ, согрѣвавшимся на солнцѣ. На *via Arria* показались богатыя колесницы. Начались прогулки въ Албанскія горы. Молодыя женщины, подъ предлогомъ почтенія Юноны въ Ланувіѣ или Діаны — въ Ариціи, уходили изъ дому съ предвзятою цѣлю: каждая разсчитывала встрѣтить за городомъ знакомыхъ и пріискать себѣ интимныя удовольствія. Словомъ все ожилося и закипѣло жизнью.

Виницій тоже сталъ выходить на *via Arria* и однажды, среди роскошныхъ экипажей, замѣтилъ прекрасную каруцу, сопровождаемую двумя молосами, — бывшей Петроньевой Хризотемы; она сама управляла четверкой корсиканскихъ маленькихъ лошадокъ, погоняемыхъ золотымъ бичомъ. Хризотема кланялась встрѣчнымъ направо и налево, и отвѣчала улыбка ми кланявшимся ей. Увидѣвъ Виниція, она остановила лошадей и пригласила его въ каруцу, а затѣмъ — къ себѣ на маленькое торжество, продолжавшееся однако всю ночь, на которомъ Виницій напился до того, что даже не помнилъ, какъ попалъ домой. Одно лишь онъ не забылъ: когда Хризотема спросила его о Лигіѣ, онъ оскорбился и, будучи пьянымъ, вылилъ на ея голову бокаль фалернскаго вина. Протрезвившись, онъ все-же еще не могъ забыть этого случая и сердился на Хризотему; но послѣдняя, забывъ о его оскорбленіи, черезъ день, сама явилась къ нему на домъ и поѣхала съ нимъ на Аппійскую дорогу, а потомъ ужинала у него и призналась, что не только Петроній, но и его лютность надоѣли ей и что ея сердце совершенно свободно. Они показывались вмѣстѣ въ теченіе недѣли, но ихъ отношенія не обѣщали быть продолжительными. Хотя послѣ того какъ Виницій вылилъ на голову Хризотемы бокаль фалернскаго вина, имя Лигіи ни разу не воспоминалось, но онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о ней и даже чувствовалъ, что она какъ будто смотритъ на него. Эта мысль ужасно мучила его и заставляла трепетать: онъ морщился, ежился и злился на себя, что она, якобы, преслѣдовала его. Тѣмъ не менѣе, онъ сожалѣлъ о Лигіѣ, и послѣ сцены, которую ему устроила Хризотема по поводу покупки имъ двухъ сирійскихъ дѣвушекъ, онъ со скандаломъ прогналъ ее. Конечно, и послѣ этого онъ продолжалъ развратничать, дѣлая все на зло Лигіѣ; но и при всѣхъ удовольствіяхъ, какими онъ хотѣлъ заглушить свои чувства и изгнать мысль о молодой дѣвушкѣ, она не выходила у него изъ па-

мяти: онъ видѣлъ ясно, что она была причиною всѣхъ его какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ поступковъ и что послѣ нея его ужъ больше ничто не интересовало. Это еще больше раздосадовало его, такъ что всѣ удовольствія опротивѣли ему и вызвали упрёки совѣсти; теперь ему вдругъ показалось, что онъ самый ничтожный человѣкъ. Это послѣднее чувство не мало удивило его, такъ какъ до него онъ считалъ хорошимъ все то, что доставляло ему удовольствіе и удовлетворяло его желанія. Наконецъ онъ потерялъ свободу, самоувѣренность и впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе, изъ котораго не могъ прійти въ себя даже при извѣстїи, что цезарь возвратился въ Римъ. Теперь его ничего не интересовало и онъ даже не пошелъ къ Петронію, пока тотъ не прислалъ за нимъ своихъ носилокъ.

Хотя при свиданіи они радостно поздоровались, но Виницій не охотно отвѣчалъ на вопросы Петронія, и только послѣ нѣкотораго оживленія его рѣчь пошла плавнѣе. Онъ еще разъ разсказалъ о своихъ розыскахъ Лигіи среди христіанъ, о всемъ томъ, что онъ видѣлъ, слышалъ, думалъ и чувствовалъ... Наконецъ Виницій началъ сѣтовать на то, что онъ очутился въ какомъ-то хаосѣ, благодаря которому потерялъ спокойствіе, способность отличать худое отъ хорошаго и даръ здраваго сужденія; что его ничто не занимало и что онъ не зналъ, какъ держать себя. Онъ былъ готовъ поклоняться Христу, а въ то-же время преслѣдовать Его; понималъ величіе Его ученія и питалъ необыкновенное отвращеніе; сознавалъ, что если-бъ и обладалъ Лигіей, то все-таки не всецѣло, такъ какъ большая половина ея принадлежала Христу. Наконецъ онъ жилъ такъ, какъ будто не жизнью: безъ надежды и вѣры въ счастье, а его окружаетъ какая-то тьма, въ которой онъ блуждалъ ощупью и не могъ найти выхода.

Петроній смотрѣлъ на его блѣдное лицо и руки, которыми онъ жестикулировалъ, какъ будто дѣйствительно находился въ потемкахъ и искалъ выхода. Но, вдругъ онъ всталъ и, подойдя къ Виницію, прикоснулся къ волосамъ его около уха.

— Ты знаешь, сказалъ онъ, — что у тебя появились сѣдые волосы?

— Не мудрено, отвѣтилъ Виницій, — и я не удивлюсь, если скоро вся голова моя побѣлѣетъ.

Настало молчаніе. Петроній былъ человѣкъ умный и часто призадумывался надъ человѣческой душой и самой жизнью. Вообще жизнь въ томъ свѣтѣ, въ которомъ они оба жили, могла быть

наглядно счастливой или несчастной, но внутренне—всегда спокойной. Но какъ громъ или землетрясеніе могли разрушать храмы, такъ и несчастье могло изуродовать жизнь, которая сама по себѣ складывалась изъ простыхъ гармоническихъ линій, не подлежащихъ никакимъ измѣненіямъ. Между тѣмъ, не то онъ заключалъ изъ словъ Виниція и въ первый разъ въ жизни очутился въ ряду духовныхъ теоремъ, которыхъ еще никто не пробовалъ рѣшать. Будучи умнымъ, онъ сознавалъ ихъ значеніе, но не могъ найти рѣшительнаго отвѣта. Подумавъ нѣкоторое время, онъ съ колебаніемъ отвѣтилъ:

— Можетъ быть это и есть колдовство!

— Я тоже такъ думалъ, согласился Виницій:—и мнѣ не разъ и не два казалось, что насъ околдовали.

— А еслибъ ты, напримѣръ, попробовалъ обратиться къ жрецамъ Сераписа. Несомнѣнно, между ними есть много обманщиковъ, но есть и такіе, которые изслѣдовали тайны ужасной магіи.

Но Петроній говорилъ это неувѣренно, чувствуя и самъ, какъ смѣшенъ и ничтоженъ подобный совѣтъ въ его устахъ.

Виницій потеръ лобъ и медленно прибавилъ:

— Молчи!.. Я видѣлъ чародѣевъ, пользовавшихся услугами неизвѣстной силы изъ корыстныхъ цѣлей, изъ-за обогащенія, видѣлъ и такихъ, которые злоупотребляли своимъ знаніемъ во вредъ своихъ недруговъ. Но вѣдь христіане живутъ въ убожествѣ и просятъ своимъ врагамъ; они проповѣдуютъ покорность, добродѣтель и милосердіе... Какую же тогда пользу они могутъ извлечь изъ какого-то колдовства и зачѣмъ имъ прибѣгать къ нему?..

Петроній ужъ начиналъ сердиться, что какъ онъ ни уменъ, а все-же не можетъ отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ; но онъ не хотѣлъ признаться въ томъ, и чтобъ сказать хоть что нибудь, процѣдилъ:

— Это новая секта... Но, клянусь божественной жительницей Пафійскихъ роць¹⁷³)! прибавилъ онъ съ отчаяніемъ,—все это намъ только портитъ жизнь!.. Ты восхищаешься добродѣтелями христіанъ, а я говорю, что они злые люди, потому что—враги жизни: они хуже эпидеміи и самой смерти. Довольно ужъ есть у насъ враговъ, кромѣ христіанъ! Самъ сосчитай: всякія эпидеміи, цезарь, Тигелинъ, стихотворенія цезаря; сапожники, управляющіе потомками прежнихъ квириатовъ; отпущенники, засѣдающіе въ сенатѣ... а всѣхъ ихъ—клянусь Касторомъ!—достаточно для насъ. Христіане—не

болѣ какъ омерзительная секта!.. Но, скажи мнѣ: пробоваль-ли ты хоть разъ отрѣшиться отъ всѣхъ непріятностей и воспользовался-ли хоть частицами благъ жизни.

— Да, пробоваль, отвѣтилъ Виницій.

Петроній разсмѣялся.

— Ахъ, плуть эдакій! сказалъ онъ:—ахъ, измѣнникъ!.. вѣдь я знаю, что ты соблазнилъ мою Хризотему!

Виницій съ неудовольствіемъ махнулъ рукою.

— Во всякомъ случаѣ, я благодарю тебя,—продолжалъ Петроній,—и пошлю ей пару башмаковъ, унизированныхъ жемчугомъ... это значить на моемъ любовномъ языкѣ: «уходи!» Впрочемъ, я вдвойнѣ долженъ быть благодаренъ тебѣ: во-первыхъ, за отказъ отъ Евники и, во-вторыхъ, за освобожденіе меня отъ Хризотемы... Однако, выслушай меня: ты видишь передъ собою человѣка, который вставалъ рано, купался, пировалъ, владѣлъ Хризотемой, писалъ сатиры и даже прозу, перемѣшанную стихами, но все таки скучалъ, какъ цезарь, и не могъ отженить отъ себя мрачныхъ мыслей. А все почему? Потому что искалъ вдали того, что было близко... Красивая женщина всегда стоитъ столько золота, сколько въ ней вѣсу, а если притомъ она еще любить, то она неоцѣнима: любви не купишь даже за всѣ сокровища Верра ¹⁷⁴), а потому теперь я поступаю такъ: наполняю жизнь счастьемъ, какъ чашу лучшимъ искрящимся виномъ, какое когда либо существовало на землѣ, и буду пить ее дотуда, пока не омертвѣетъ моя рука и не поблѣднѣютъ губы. Что будетъ дальше?—не знаю и не желаю знать, но это моя новѣйшая философія.

— Такова она была у тебя всегда... Въ ней нѣтъ ничего новаго!

— Нѣтъ, есть нѣчто такое, чего прежде не доставало.

Сказавъ это, онъ позвалъ Евнику; послѣдняя вошла задрапированной въ бѣлую роскошную ткань и ужъ не прежней невольницей, а какъ-бы богиней любви и счастья.

— Поди ко мнѣ, моя радость! сказалъ онъ, раскрывая ей свои объятья.

Она подбѣжала къ нему и, сѣвъ на колѣни, закинула ему свои руки на шею и положила голову на плечо. Виницій видѣлъ какъ ея щеки постепенно принимали пурпурный оттѣнокъ и какъ глаза туманились. Оба вмѣстѣ они представляли чудесную группу любви и

счастья. Петроній протянулъ руку къ близъ стоявшей плоской вазѣ и, взявъ изъ нея горсть фіалокъ, обсыпалъ ими голову, грудь и столу Евники, а затѣмъ спустилъ тунику съ ея плечь и сказалъ:

— Я счастливъ, что нашелъ любовь, сосредоточенную въ такой изящной формѣ... Иногда мнѣ кажется, что мы—два божества... Посмотри, могъ-ли когда-либо Пракситель, Миронъ, Скопа или Лизий воспроизвести чудесъйшія линіи? Можетъ-ли существовать на Паро или въ Пентеликонѣ такой темный, розовый и мечтательный мраморъ?.. Есть люди, которые выцѣловываютъ края вазъ, но я предпочитаю наслаждаться тѣми удовольствіями, которыя дѣйствительно представляютъ удовольствія, а не хладный мраморъ.

Причемъ онъ началъ цѣловать ея шею и плечи, отчего она приходила въ трепеть и томно закатывала свои страстные глаза. Наконецъ, Петроній приподнялъ свою изысканную голову и, обращаясь къ Виницію, прибавилъ:

— Вотъ, ты и подумай: что значать, въ сравненіи съ этимъ удовольствіемъ, твои мрачные христіане? И если ты не поймешь разницы, то отправляйся къ нимъ... Но этотъ видъ излѣчить тебя.

Виницій раздулъ ноздри, вдыхая аромать фіалокъ, которымъ была переполнена вся комната, и вдругъ поблѣднѣлъ, подумавъ, что если-бъ онъ могъ такъ цѣловать плечи и шею Лиги, то это было бы такое святотатственное удовольствіе, выше котораго ничего не можетъ существовать. Но ужъ привыкнувъ къ быстрому усвоенію того, что въ немъ происходило, онъ и на этотъ разъ замѣтилъ, что даже въ настоящій моментъ онъ не могъ отдѣлаться отъ Лиги и думалъ только о ней одной.

Тѣмъ временемъ Петроній обратился къ Евникѣ:

— Поди, моя божественная, сказалъ онъ,—и прикажи приготовить намъ вѣнки и завтракъ.

Евника ушла.

— Я хотѣлъ отпустить ее, сказала Петроній, по уходѣ Евники:—и знаешь, что она мнѣ отвѣтила? «Лучше я буду твоею невольницей, чѣмъ женою цезаря!» И не согласилась, но я освободилъ ее безъ ея согласія и преторъ совершилъ всѣ формальности безъ ея присутствія. Однако, она не знаетъ объ освобожденіи и того, что я сдѣлалъ ее наслѣдницей всего моего имущества, кромѣ геммы, на случай моей смерти.

Петроній всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Вообще, любовь измѣняетъ всѣхъ: однихъ больше, другихъ—меньше; она же измѣнила и меня. Когда-то я любилъ ароматъ вервены; а теперь, благодаря тому, что Евника любить запахъ фіалки и я полюбилъ его, и теперь только и дышу имъ.

При этомъ онъ остановился передъ Виниціемъ.

— А ты все еще любишь запахъ нарда? спросилъ онъ.

— Оставь меня въ покоѣ! отвѣтилъ Виницій.

— Я нарочно позвалъ Евнику, чтобъ ты посмотрѣлъ на нее и говорю о ней для того, что ты, можетъ быть, ищешь любви далеко, когда она находится подъ бокомъ. Можетъ быть, и для тебя бьется сердце какой нибудь невольницы въ твоихъ кубiculoмахъ?.. Совѣтую полѣчить твои сердечныя раны этимъ цѣлительнымъ бальзамомъ!.. Ты говоришь, что Лигія любитъ тебя? Можетъ быть! Но какая это любовь, если она отрекается отъ нея? Не значитъ ли это, что у нея есть другая, сильнѣйшая любовь къ другому? Нѣтъ, дорогой мой: Лигія—не Евника!

— Все это одни терзанія! воскликнулъ Виницій. — Видя тебя цѣлующимся съ нею; я тотчасъ подумалъ, что если-бъ Лигія такъ открыла мнѣ свои шею и плечи, то пусть потомъ провалился-бы надъ нами хоть весь свѣтъ! Но при одной мысли о томъ, мною вдругъ овладѣлъ такой страхъ, точно я посягнулъ на цѣломудріе весталки или оскорбилъ божество... Да, Лигія—не Евника, но только я понимаю эту разницу иначе, чѣмъ ты. У тебя любовь измѣнила обоняніе и ты предпочитаешь запахъ фіалки; а мнѣ она измѣнила душу, а потому я предпочитаю Лигію такую, какою она есть и не желаю, чтобы она была похожей на Евнику и всѣхъ остальныхъ женщинъ.

Петроній пожалъ плечами.

— Да вѣдь это не оскорбляетъ твоихъ чувствъ, отвѣтилъ онъ:—и я не понимаю тебя.

— Да, да! воскликнулъ Виницій:—теперь ужь мы не можемъ понимать другъ друга!

Настало минутное молчаніе.

— Чертъ-бы побралъ всѣхъ твоихъ христіанъ! отозвался Петроній.—Они лишили тебя покоя и смысла къ жизни!.. Ты ошибаешься, что ихъ ученіе—благотворно!.. Благотворно-то, что даетъ человѣку счастье, то-есть, красота, любовь и сила, а вѣдь все это они называютъ ницетою души. Точно также ты ошибаешься, что они

справедливы и добры: если мы будемъ платить за зло — добромъ, то чѣмъ же мы станемъ платить за добро? А если за то и другое равная плата, то зачѣмъ-же быть добрымъ?

— Нѣтъ, плата не одинакова; по ихъ ученію, она получится въ загробной жизни, которая не имѣетъ ничего общаго съ земной.

— Ну, объ этой жизни не стоитъ разсуждать: ее надо видѣть, если только мертвый можетъ видѣть что-нибудь чрезъ сомкнутыя вѣки. Лучше скажи, что они просто таки немощные, и безсильные люди. Урсъ задушилъ Кротона, потому что у него всѣ кости и мускулы изъ металла; всѣ другіе — слабосильные глупцы, а будущее не можетъ принадлежать глупцамъ.

— Да вѣдь ихъ жизнь начинается только послѣ смерти.

— Это равносильно тому, если сказать, что день начинается вмѣстѣ съ ночью... Ты все-таки намѣреваешься похитить Лигію?

— Нѣтъ, я не могу заплатить ей зломъ за добро и я поклялся не дѣлать этого.

— Ну, и рѣшилъ принять ихъ вѣру?

— Хочу; но моя натура не переноситъ ее.

— А если примешь, то забудешь Лигію?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ — путешествуй.

Въ эту минуту доложили, что завтракъ поданъ. Петроній, думая, что ему пришла въ голову хорошая идея, продолжалъ свой разговоръ по дорогѣ въ триклиніумъ.

— Правда, ты ужъ повидалъ не мало свѣта, но видалъ его, какъ солдатъ, спѣшившій на мѣсто своего назначенія, а слѣдовательно нигдѣ не задерживаясь. Теперь поѣзжай съ нами въ Ахайю: вѣдь цезарь не отказался отъ своего намѣренія путешествовать. Онъ будетъ останавливаться въ каждомъ попутномъ городѣ; будетъ гнѣть, собирать вѣнки, грабить храмы и наконецъ вернется триумфаторомъ въ Италію. Это будетъ отчасти похоже на походъ Бахуса и Аполлона въ одномъ лицѣ. Затѣмъ, августіане, августіанки, тысячи пилтръ... Клянусь Касторомъ! на это стоитъ посмотрѣть, такъ какъ ничего подобнаго до на настоящаго времени нигдѣ не бывало и не видано.

Причемъ онъ легъ у стола, подлѣ Евники; одинъ изъ невольниковъ надѣлъ ему вѣнокъ изъ анемоновъ.

— Что ты видѣлъ на службѣ у Корбулона? — Ничего! Ты

даже не знакомъ съ греческими храмами, какъ, напримѣръ, я, котораго водили по всѣмъ имъ два года разные чичероне. Были ли на Родосѣ и видѣлъ ли то мѣсто, на которомъ стоялъ Коллосъ? Видалъ-ли въ Панопѣ и Фокидѣ ту глину, изъ которой Прометей лѣпилъ людей, или въ Спартѣ—яица, снесенные Ледой? Видѣлъ-ли въ Аѣинахъ извѣстный сарматскій панцырь, сдѣланный изъ лошадиныхъ копытъ? Былъ-ли на Евбеѣ, корабль Агамемнона, или видалъ-ли чашу, для которой служила формой лѣвая грудь Елены? Видалъ-ли Александрію, Мемфисъ, Пирамиды, волосы Изиды, вырванные ею въ отчаяніи по Озирису? Слыхалъ-ли стонъ Мемнона... Свѣтъ—обширенъ и конецъ его не за Тибромъ!.. Я уѣду съ цезаремъ, а потомъ, когда онъ побѣдетъ обратно, проѣду на Кипръ, потому что моя златовласая богиня желаетъ, чтобы мы вмѣстѣ принесли въ даръ Пафоской Кипридѣ голубей; а всѣ ея желанія я свято исполняю.

— Я не болѣе, какъ твоя невольница, скромно отвѣтила Евника.

— Въ такомъ случаѣ, я невольникъ невольницы, отвѣтилъ Петроній, склоняя ей на руки свою увѣнчанную голову.—Удивляюсь и восхищаюсь тобою, моя божественная!.. Итакъ, побѣждай съ нами на Кипръ,—прибавилъ онъ Виницію.—Но прежде чѣмъ ѣхать туда, ты долженъ видѣться съ цезаремъ. Скверно, что ты не побѣдилъ его послѣ его пріѣзда въ Римъ... Тигелинъ можетъ сказать что-нибудь такое, что не послужитъ въ твою пользу. Хотя онъ не питаетъ къ тебѣ ненависти, но и не любитъ, потому что ты мой племянникъ... Но мы скажемъ, что ты былъ боленъ... Однако надо подумать, что ему отвѣтить, если онъ вдругъ спроситъ о Лигіи... Мнѣ кажется, лучше всего сказать, что она была у тебя дотуда, пока надоѣла, и онъ это пойметъ. Скажи ему, что болѣзнь задержала тебя дома, а потому ты не могъ быть въ Неаполѣ, а если теперь выздоровѣлъ, то благодаря надеждѣ, что боги позволяютъ тебѣ, хоть разъ, услышать его гнѣвіе. Не стѣсняйся переселить: онъ любитъ лести... Тигелинъ говоритъ, что онъ придумаетъ для цезаря нѣчто грандіозное, и даже грубое... Я боюсь, чтобы онъ не подкопался подъ меня, какъ равно боюсь и твоего настроенія...

— Знаешь-ли, перебилъ Виницій,—есть такіе люди, которые нисколько не боятся цезаря и живутъ спокойно, какъ будто его никогда не бывало.

— Вѣрно—христіане?

— Да, они одни... А вѣдь вся наша жизнь состоитъ изъ постоянного страха.

— Оставь меня въ покоѣ съ своими христіанами! Они не боятся цезаря, потому что и онъ, быть можетъ, никогда не слышалъ о нихъ и они столько же интересуютъ его, сколько какіе нибудь завядшіе листья. Но, я повторяю, что они слабоумные люди и что если ты сочувствуешь имъ, то именно изъ-за ихъ слабоумія. Ты человѣкъ другой сферы, а потому оставь ты и меня и себя въ покоѣ. Мы сами съумѣемъ жить и умереть; а что они съумѣютъ сдѣлать—это еще неизвѣстно.

Виницій запечатлѣлъ эти слова и, вернувшись домой, началъ обсуждать ихъ, приходя къ тому заключенію, что именно доброта и милосердіе доказываютъ только слабоуміе и малодушіе. По его мнѣнію, люди, сильные духомъ, не могутъ быть всепрощающими, а потому и рѣшилъ, что вѣрно это обстоятельство и было причиной его отвращенія къ христіанству.—«Съумѣемъ жить и умереть!»—сказалъ Петроній. А они? Они только умѣютъ прощать и не понимаютъ ни настоящей любви, ни настоящей ненависти.

III.

Цезарь, вернувшись въ Римъ, злился на себя, зачѣмъ онъ вернулся, и чрезъ нѣсколько дней воспылалъ желаніемъ уѣхать въ Ахайю. Онъ даже издалъ эдиктъ, въ которомъ объявилъ, что отъѣздъ его будетъ на сей разъ непродолжительнымъ и что отъ этого общественныя дѣла нисколько не измѣнятся. Послѣ обнародованія эдикта, онъ отправился въ Капитолій, въ сопровожденіи августіановъ, въ числѣ которыхъ былъ и Виницій,—совершить жертвы богамъ о ниспосланіи ему благополучнаго путешествія. При посѣщеніи храма Весты, съ цезаремъ случилось нѣчто такое, что измѣнило всѣ его намѣренія. Неронъ не вѣрилъ въ боговъ, но боялся ихъ, въ особенности—таинственную Весту, которая сильно пугала его, такъ что онъ и на этотъ разъ, при видѣ божества Весты и священнаго огня, порядочно струхнулъ: волосы на головѣ стали дыбомъ, зубы сжались, морозъ пробѣжалъ по тѣлу и онъ невольно осунулся на руки Виниція, который случайно стоялъ позади него. Его тотчасъ вынесли изъ храма и отнесли въ Пала-

тинъ, гдѣ вскорѣ онъ пришелъ въ себя, но ужъ не вставалъ весь остальной день съ постели. Послѣ этого, Неронъ объяснилъ, къ величайшему удивленію присутствовавшихъ, что онъ откладываетъ свою поѣздку на неопредѣленное время, такъ какъ богиня тайно внушила ему не спѣшить отъѣздомъ. Черезъ день послѣ этого случая было объявлено народу, что цезарь, снисходя къ печали своихъ подданныхъ и движимый отеческою любовью къ нимъ, остается въ Римѣ, чтобы дѣлать съ ними все ихъ печали и радости. Народъ, обрадованный внезапной переменой, а также увѣренный, что ихъ не минуютъ ни зрѣлища, ни раздача хлѣба,—собрался передъ Палатиномъ и началъ кричать: «да здравствуетъ цезарь!» Неронъ прервалъ игру въ кости съ августіанами и произнесъ:

— Да, нужно было отложить... Согласно предсказаніямъ, Египтъ и владычество на Востокѣ не минуютъ меня, а слѣдовательно я еще успѣю посѣтить Ахайю. Я прикажу прорыть коринтскій перешеекъ, а въ Египтѣ воздвигну такой памятникъ, въ сравненіи съ которымъ египетскія пирамиды будутъ казаться дѣтскою игрушкой. Кромѣ того, я повелю воздвигнуть сфинкса, въ семь разъ большаго Мемфійскаго, съ моимъ лицомъ, чтобы будущія поколѣнія говорили о немъ и обо мнѣ.

— Ты ужъ воздвигъ себѣ памятникъ своими стихами въ двадцать разъ больше Хеопсовской пирамиды, сказалъ Петроній.

— А пѣніемъ? спросилъ Неронъ.

— Ахъ! еслибъ кто сумѣлъ построить тебѣ такой памятникъ, какой воздвигнуть Мемнону, который-бы пѣлъ твоимъ голосомъ при каждомъ восходѣ и закатѣ солнца, то все моря, прилегающія къ Египту, вѣки-вѣчные были-бы переполнены кораблями и народы всехъ трехъ частей свѣта стали бы слушать твой божественный голосъ ¹⁷⁵⁾!

— Къ несчастью, его никто не построитъ да и не сумѣетъ! отвѣтилъ Неронъ.

— Но зато ты можешь приказать выковать себя изъ базальта правящимъ быстро мчащимися лошадьми, запряженными въ колесницу.

— Правда! И я это сдѣлаю!

— Этимъ ты обезсмертишь себя, оставивъ свой памятникъ въ даръ человечеству.

— Кромѣ того, я женюсь въ Египтѣ на вдовушкѣ Лунѣ ¹⁷⁶⁾ и тогда буду настоящимъ богомъ.

— А намъ дашь въ жены звѣзды, изъ которыхъ мы сдѣлаемъ

новое созвѣздіе и назовемъ его Нероновскимъ. Однако, ты прежде жени Вителія съ Ниломъ, чтобы онъ плодилъ гипопотамовъ, а Тигелину подари пустыню и назначь его королемъ шакаловъ...

— Ну, а мнѣ ты что назначишь? спросилъ Ватиній.

— Да благословить тебя Апій! отвѣтилъ Петроній.—Ты устроилъ намъ въ Беневентѣ такое прекрасное зрѣлище, что я не могу тебѣ ничего худого желать, а только посоветую сдѣлать пару сапоговъ для сфинкса, у котораго ноги коченѣютъ отъ ночной стужи, а потомъ будешь дѣлать ихъ и для коллосовъ, представляющихъ собою аллеи къ храмамъ. Тамъ каждый можетъ найти подходящія для себя занятія: напримѣръ, Домицій Афръ, какъ честнѣйшій изъ смертныхъ, можетъ завѣдывать казною... Я очень люблю, цезарь, твои мечтанія объ Египтѣ и мнѣ жаль, что ты отложилъ свою поѣздку.

— Ваши смертные глаза ни чего не видали, отвѣтилъ Неронъ,— потому что божества невидимы для тѣхъ, кому они сами не пожелаютъ быть видимыми. Когда я былъ въ храмѣ Весты, она сама снизошла ко мнѣ и шепнула на ухо: «отложи свой отъѣздъ»... Явленіе это было для меня такъ неожиданно, что я пришелъ въ ужась... А, собственно говоря, я долженъ быть благодаренъ ей за такое откровеніе и покровительство.

— Да и всѣ мы были поражены, прибавилъ Тигелинъ,— а весталка Рубрія такъ даже обомлѣла отъ страха.

— Рубрія!... сказалъ Неронъ:—Но какая у нея бѣлоснѣжная шея.

— А все-таки ее бросаетъ въ жаръ, при видѣ тебя, божественный цезарь...

— Да, и я это замѣтилъ. Но, странно!.. Она—весталка, а въ каждой весталкѣ есть что то божественное!.. Къ тому-же, она красива...

Онъ призадумался на минуту и потомъ спросилъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, почему люди боятся Весты больше, чѣмъ другихъ боговъ? Почему это?.. Меня самого объялъ страхъ, не смотря на то, что я первосвященникъ. Теперь я припоминаю, что я навѣрное упалъ-бы на полъ, еслибъ меня кто-то не поддержалъ. А кто меня поддержалъ?

— Я, отвѣтилъ Виницій.

— А, это ты, жестокій Марсъ? Почему ты не былъ въ

Веневетъ?.. Мнѣ говорили, что ты боленъ, да это видно и по твоему лицу... Правда-ли, что Кротонъ хотѣлъ убить тебя?

— Да, и онъ сломалъ мнѣ руку; тѣмъ не менѣе я защищался.

— Сломанной рукою?

— Нѣтъ, мнѣ помогъ одинъ варваръ, который оказался сильнѣе

Кротона.

Неронъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Сильнѣе Кротона? сказалъ онъ:— Ты шутишь? Вѣдь Кротонъ былъ сильнѣйшимъ изъ борцовъ и послѣ него остался только одинъ Сифаксъ изъ Эіопіи.

— Я говорю то, что видѣлъ собственными глазами, божественный цезарь.

— И гдѣ-же теперь этотъ самородокъ?.. Не сдѣлался-ли онъ королемъ немореянъ?

— Не знаю... я потерялъ его изъ вида.

— И даже не знаешь, къ какому народу онъ принадлежитъ?

— Нѣтъ. Я лежалъ больной и не успѣлъ разспросить его о томъ.

— Отыщи его!..

— Я займусь этимъ, отвѣтилъ Тигелинъ.

Но Неронъ продолжалъ разговоръ съ Виниціемъ.

— Спасибо тебѣ, что поддержалъ: иначе я могъ разбить себѣ голову. Когда то ты былъ добрымъ товарищемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ ты поступилъ на службу въ войска Корбулона, ты совсѣмъ одичалъ и я рѣдко вижу тебя...

Цезарь помолчалъ минуту и потомъ прибавилъ:

— А какъ называется та узкобедрая дѣвушка... въ которую ты былъ влюбленъ и которую я отнялъ для тебя у Плавтіевъ?

Виницій смутился. Патроній выручилъ его:

— Бьюсь объ закладъ, что онъ забылъ ея имя! сказалъ онъ.— Видишь, какъ онъ смутился?.. Спроси его: сколько ихъ было послѣ нея и онъ навѣрное не сумѣетъ отвѣтить. Изъ Виниціевъ бываютъ хорошіе солдаты, но еще лучше... пѣтухи: имъ нужны— стаи... Накажи его за это, божественный цезарь, и не приглашай на пиръ, который въ честь тебя обѣщалъ намъ устроить Тигелинъ на прудѣ Агриппы.

— Нѣтъ, ужъ этого-то я не сдѣлаю... Я надѣюсь на Тигелина и думаю, что у него не будетъ недостачи въ стаяхъ разныхъ курочекъ.

— Можетъ-ли быть недочета въ харитахъ тамъ, гдѣ будетъ присутствовася Амуръ? отвѣтилъ Тигелинъ.

— Я скучаю! замѣтилъ Неронъ.—Хоть я остался въ Римѣ по волѣ богини, но я не терплю его и уѣду въ Антій. Я задыхаюсь въ этихъ тѣсныхъ улицахъ и омерзительныхъ переулкахъ, среди разрушающихся и бѣчно падающихъ домовъ. Зловонный воздухъ доходитъ даже до моихъ палатъ и садовъ. О, какъ-бы я былъ радъ, чтобы какое-либо землетрясеніе скорѣе уничтожило Римъ или какой нибудь разгнѣванный богъ сравнялъ его съ землею, а тогда-бы я показалъ вамъ, какъ долженъ быть построенъ городъ, считающійся главою городовъ всего свѣта и моею столицей!

— Ты говоришь, отозвался Тигелинъ,—чтобы «какой-нибудь разгнѣванный богъ уничтожилъ городъ?» Не такъ-ли?

— Да. Что-жъ изъ того?

— Да развѣ ты не богъ?

Неронъ махнулъ рукою съ выраженіемъ усталости и потомъ прибавилъ:

— Посмотримъ, что намъ покажетъ Тигелинъ на прудахъ Агриппы, а потомъ ужъ поѣдемъ въ Антій. Вы все очень малы и не понимаете, что мнѣ нужна большая дѣятельность.

Причемъ онъ закрылъ глаза, давая тѣмъ понять, что ему хочется отдохнуть. Августіане начали расходиться. Петроній, выйдя съ Виниціемъ на улицу, сказалъ ему:

— Итакъ, ты приглашенъ принять участіе въ забавѣ... Благодаря тому, что рыжебородый отложилъ свое путешествіе, онъ будетъ бѣситься больше, чѣмъ когда-либо и метаться по городу, какъ въ собственномъ домѣ... Постарайся и ты забыться и найти развлеченіе. Да что, въ самомъ дѣлѣ! вѣдь мы покорили свѣтъ и имѣемъ право наслаждаться и развлекаться, какъ намъ угодно!.. Ты, Маркъ, красивый малый и я отчасти обязанъ твоей красотѣ своею слабостью къ тебѣ. Клянусь эфесской Діаной, что если-бъ ты могъ видѣть свое лицо съ сросшимися бровями, то увидѣлъ бы старую кровь квиритовъ и что они выглядятъ въ сравненіи съ тобою простыми отпущенниками. Да, это вѣрно! Если-бъ не дикія понятія христіанъ о какомъ-то ученіи, то Лигія была-бы ужъ въ твоёмъ домѣ... Теперь попробуй возражать и доказывать, что они не враги жизни и людей... Если они хорошо обошлись съ тобою, то ты можешь быть имъ благодарнымъ, но я, будучи на твоёмъ мѣстѣ, воз-

ненавидѣль-бы ихъ ученіе и искаль-бы развлеченія тамъ, гдѣ его можно найти... Повторяю: ты красивый малый, а Римъ переполненъ женщинами...

— Я только удивляюсь, что все это еще не надоѣло тебѣ и не измучило, замѣтилъ Виницій.

— Кто-жъ это тебѣ сказалъ? Напротивъ, все это мучить меня, но вѣдь я и старше тебя. Наконецъ у меня другія стремленія, которыхъ у тебя недостаетъ. Я люблю книги, которыхъ ты не любишь; люблю поэзію, а ты скучаешь отъ нея; люблю утварь, сосуды, геммы и много другихъ вещей, на которыя ты даже не смотришь; у меня ужъ боль въ поясницѣ, а у тебя ес нѣтъ; наконецъ, у меня есть Евника, тогда какъ ты еще ничего подобнаго не завелъ... Мнѣ пріятно посидѣть и дома, и изъ тебя не сдѣлать эстетика. Я знаю, что ужъ ничего лучшаго въ жизни не найду, а ты самъ не знаешь, на что налѣбешься, чего ожидаешь и чего ищешь. Если-бъ къ тебѣ пришла смерть, то ты, при всей твоей отвагѣ, былъ-бы удивленъ, что она такъ скоро пришла и что надо умереть; тогда какъ я принялъ-бы ее, какъ необходимость съ тою увѣренностью и убѣжденіемъ, что нѣтъ больше на свѣтѣ тѣхъ ягодъ, которыхъ-бы я не отвѣдалъ. Я не спѣшу умирать, но и не стану избѣгать смерти и только постараюсь быть веселымъ до послѣдней минуты жизни. Вѣдь есть на свѣтѣ такіе веселые скептики? По моему, стоики—глухи, но стоицизмъ, по крайней мѣрѣ, закаляетъ человѣка, а твои христіане наводятъ скуку... А знаешь-ли что я еще узналъ?—вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ: — Во время предстоящихъ торжествъ, устраиваемыхъ Тигелиномъ, на берегахъ прудовъ Агриппы будутъ построены лупинарии и въ нихъ собраны всѣ женщины изъ перво-разрядныхъ домовъ въ Римѣ. Значитъ, между ними найдется хоть одна, которая можетъ утѣшить и развлечь тебя. Между ними будутъ и такія дѣвушки, которыя въ первый разъ въ жизни появятся въ свѣтѣ... въ качествѣ нимфъ... Такое ужъ наше римское государство!.. Теперь тепло... Южный вѣтерокъ согрѣваетъ воду и не вызоветъ прыщей на ихъ нагихъ тѣлахъ, и ты, Нарцисъ, знай, что ни одна не устоитъ передъ тобою, хоть-бы она была весталкой!

Виницій почесалъ голову, какъ человѣкъ, у котораго она всегда переполнена одною мыслью.

— Надо быть счастливымъ, чтобы напасть хоть на одну такую...

— А кто все это сдѣлалъ, если не христіане? Но люди, эмбле-

мой которыхъ служить крестъ, и не могутъ быть иными... Греція была красавицей и создала Мудрость, а мы создали—Силу; а что можетъ создать ихъ ученіе? И если ты знаешь, что она можетъ создать, то скажи мнѣ, потому что я самъ, клянусь Поллуксомъ! не догадаюсь!

Виницій пожалъ плечами.

— Мнѣ кажется, ты боишься, чтобъ я не сдѣлался христіаниномъ, сказалъ онъ.

— Я боюсь, чтобъ ты не испортилъ себѣ жизни. Если не съумѣешь быть Греціей, то будь Римомъ: властвуй и наслаждайся! Всѣ наши безумія тѣмъ хороши, что въ нихъ есть извѣстный смыслъ! Я презираю нашего рыжебородаго, потому что онъ греческій шутъ; а еслибъ онъ былъ римляниномъ, то я призналъ-бы тактичность того безумія, которое онъ позволяетъ себѣ. Теперь ты общай мнѣ: если ты, вернувшись домой, застанешь у себя какого-нибудь христіанина, то покажи ему языкъ, и если это будетъ твой лекарь Главкъ, то онъ даже не удивится тому. До свиданія, на прудѣ Агриппы!

IV.

Преторіанцы окружили рощи, находившіяся на берегахъ пруда Агриппы, чтобы любопытныя толпы зрителей не мѣшали пировать цезарю и его гостямъ. И то ужъ говорили, что все то, что было въ Римѣ выдающагося—богатствомъ, умомъ или красотою—должно было присутствовать на пирѣ, подобнаго которому никогда не бывало въ исторіи Рима. Тигелинъ хотѣлъ вознаградить цезаря за отложенную поѣздку, а затѣмъ предвосхитить всѣхъ, кто когда либо брался устраивать торжества для Нерона, и доказать имъ, что никто такъ не съумѣетъ забавлять его. Съ этою цѣлью онъ, будучи еще въ Неаполѣ и Беневентѣ, дѣлалъ приготовленія и разсылалъ приказанія въ отдаленнѣйшія части свѣта, чтобы оттуда присылали звѣрей, птицъ, рѣдкихъ рыбъ, растенія, посуду и ткани для украшенія его сказочнаго пира. Доходы изъ всѣхъ провинцій шли на удовлетвореніе безумныхъ замысловъ могущественнаго Нероноваго фаворита, влияніе котораго съ каждымъ днемъ возрастало, и хотя онъ не былъ Нерону милѣе другихъ, но дѣлался все необходимѣе. Разумѣется, Петроній превосходилъ Тигелина своей свѣтской поли-

ровкой, умомъ, находчивостью и умѣлъ лучше всѣхъ другихъ забавлять Нерона, но, къ несчастью, этимъ самымъ онъ превосходилъ и самаго цезаря, въ силу чего онъ возбуждалъ въ немъ зависть. Кромѣ того, онъ не хотѣлъ быть его послушнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, орудіемъ и цезарь боялся его мнѣній относительно вкуса, тогда какъ съ Тигелиномъ онъ нисколько не стѣснялся и чувствовалъ себя свободнымъ. Самое названіе: «arbiter elegantiarum», данное Петронію, раздражало самолюбіе Нерона, такъ какъ этимъ званіемъ никто не могъ пользоваться, кромѣ цезаря. Но Тигелинъ все-таки былъ настолько уменъ, что сознавалъ свои недостатки и, видя, что онъ не можетъ тягаться ни съ Петроніемъ, ни съ Луканомъ, ни съ другими, отличавшимися умомъ, талантомъ или происхожденіемъ,—рѣшился побѣдить ихъ своей услужливостью на столько, чтобы на эти услуги обратить особенное вниманіе цезаря.

Въ виду этого, онъ приказалъ поставить пиршественные столы на громаднѣйшемъ плоту, построенномъ изъ позолоченныхъ балокъ, берега котораго украсилъ прекраснѣйшими раковинами, выловленными въ Красномъ морѣ и въ индійскомъ Океанѣ. Бока плота заставилъ группами пальмъ, лотосовъ и разцвѣвшихъ розъ, среди которыхъ скрывались фонтаны съ ароматическими водами, изваянія божествъ, золотыя и серебряныя клѣтки съ разноцвѣтными рѣдкими птицами. Посрединѣ плота построилъ гигантскій шатеръ или, точнѣе, навѣсъ, въ видѣ громаднаго балдахина, открытый со всѣхъ сторонъ, изъ сирійскаго пурпура на серебряныхъ столбикахъ, подъ которымъ искрились, какъ солнце, столы, уставленные александрійскимъ стекломъ; хрусталемъ и разною утварью, награбленною въ Италіи, Греціи и Малой Азіи. Плоть со всевозможными растеніями, казавшійся островомъ съ садами, былъ соединенъ посредствомъ шнуровъ изъ пурпура и золота съ ладьями въ видѣ рыбъ, лебедей и фламинговъ, въ которыхъ сидѣли съ раскрашенными веслами нагіе гребцы и гребщицы чудной красоты съ волосами, завитыми по восточному или собранными въ золотыя сѣтки.

Неронъ, прибывъ съ Поппеей и августіанами, занялъ мѣсто подъ пурпурнымъ навѣсомъ; въ это время поднялись весла, затѣмъ опустились въ воду и ладьи двинулись всѣ по одному направленію; шнуры натянулись и живой островъ началъ двигаться по пруду, описывая на немъ круги. Мало-по-малу плотъ начали окружать другіе

маленькіе плоты съ нагими цитристками и арфянками, розовыя тѣла которыхъ, на свѣтло-голубомъ фонѣ воздуха, неба и воды съ золотистыми отблесками инструментовъ, какъ будто воспринимали въ себя всю эту картинную обстановку и сами казались разцвѣтшими розами. Въ набережныхъ рощахъ и спеціально построенныхъ для этого пира строеніяхъ, скрытыхъ въ гущѣ деревъ и кустовъ, раздавалась музыка и пѣніе. Всѣ рощи и окрестности огласились звуками трубъ и роговъ. Самъ цезарь, сидя между Поппеей и Пиагоромъ, былъ пораженъ искусствомъ Тигелина устроить этотъ праздникъ. Въ особенности онъ былъ удивленъ, когда между ладьями появились молодыя невольницы, одѣтыя сиренами съ зелеными сѣтками, которыя изображали чешую. Въ душѣ онъ рассыпался въ похвалахъ Тигелину, но въ то-же время посматривалъ на Петронія, желая знать его мнѣніе, какъ «арбитра»; но послѣдній молчалъ и только когда цезарь спросилъ его, отвѣтилъ:

— Я думаю, что десять тысячъ нагихъ женщинъ не производятъ такого впечатлѣнія, какъ одна.

Но цезарю понравился этотъ плавающій пиръ, какъ новость, на которомъ подавались такія изысканныя блюда, что Апицій навѣрное обомлѣлъ-бы при видѣ ихъ. Кромѣ того, вино подавалось столько, что Оттонъ, за столомъ котораго подавалось только восемьдесятъ сортовъ, сгорѣлъ-бы отъ стыда, если-бъ видѣлъ подобную роскошь. За столомъ, кромѣ приближенныхъ къ цезарю лицъ мужскаго и женскаго пола, сидѣли августіане, среди которыхъ былъ красивѣе всѣхъ—Виницій. Прежде онъ черезчуръ былъ похожъ на солдата, теперь же, благодаря всѣмъ его внутреннимъ передрыгамъ и физической боли, какія онъ испыталъ за послѣднее время, онъ какъ будто отполировался, точно по лицу его прошелъ нѣжный рѣзецъ опытнаго ваятеля. Отъ прежняго смуглага цвѣта остались только желтоватыя оттѣнки нумидійскаго мрамора; глаза увеличились и сдѣлались печальнѣе. Только одинъ торсъ сохранилъ прежнія мускулистыя формы, какъ будто нарочно созданныя для панцыря; но на этомъ торсѣ легиониста была посажена голова греческаго божка или, по крайней мѣрѣ, утонченнаго патриція. Петроній, говоря ему, что ни одна изъ женщинъ не устоитъ передъ нимъ, — говорилъ это какъ человекъ опытный. Теперь всѣ женщины смотрѣли на него, не исключая Поппеи и Рубріи, которая была приглашена на пиръ по желанію самого цезаря, — съ какою-то особенною завистью и страстью.

Вина, замороженные въ снѣгахъ, доставленныхъ съ горъ, скоро разогрѣли сердца и головы пирующихъ. Изъ прибережныхъ кустовъ все еще выдвигались разныя ладьи, въ видѣ стрекозъ и куколокъ. Голубая, стекловидная поверхность пруда какъ будто была забросана цвѣтами или бабочками, отражавшимися въ немъ. Надъ лодками летали, привязанные на серебрянныхъ или голубыхъ нитяхъ, голуби и другія птицы, выписанныя изъ Индіи и Африки. Солнце уже давно перевалило за полдень. Хотя пиршество происходило въ началѣ мая, но день былъ почти знойный. Весь прудъ колыхался отъ веселья, которыя ударили въ тактъ музыки; воздухъ былъ неподвиженъ и ни одно деревцо не шелохнуло, точно вся вселенная любовалась тѣмъ, что происходило на водѣ. Между тѣмъ, движущійся островъ кружился по пруду съ пьяными и шумѣвшими собесѣдниками. Еще пиръ не дошелъ до половины своей программы, но ужъ среди пирующихъ произошелъ беспорядокъ и никто не могъ усидѣть на своихъ мѣстахъ. Первый цезарь подаль тому примѣръ. Вставъ съ своего мѣста, онъ подошелъ къ Виницію, возлежавшему подлѣ весталки Рубриі, и приказалъ ему уйти, а самъ занялъ мѣсто въ его триклиніумѣ и началъ шептать ей на ухо. Въ то-же время Виницій очутился подлѣ Поппеи, которая протянула ему руку и попросила застегнуть ей нарамennemъ. Онъ исполнилъ ея желаніе дрожащими руками. Въ этотъ моментъ, она бросила на него стыдливый взглядъ изъ подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ и мотнула головкой, точно отказываясь отъ чего-то.

А тѣмъ временемъ солнце увеличивалось въ своемъ объемѣ, краснѣло и опускалось за роши. Большая часть гостей была безусловно пьяна.

Въ настоящій моментъ, искусственный островъ кружился у береговъ, на которыхъ, среди кустовъ, виднѣлись люди, одѣтые фаунами и сатирами, играющими на флейтахъ, свирѣляхъ и бубнахъ; кромѣ нихъ, были расположены группы дѣвушекъ, представлявшихъ нимфъ, дріадъ и гамадriadъ ¹⁷⁷).

Наконецъ настали сумерки, во время которыхъ изъ подъ навѣса раздавались пьяные крики въ честь луны. Вскорѣ все засвѣтилось лампіонами. Лунанаріи тоже заблестали огнями; на террасахъ ихъ показались новыя группы обнаженныхъ женщинъ, состоявшихъ изъ женъ и дочерей лучшихъ домовъ въ Римѣ. Эти послѣднія начали дѣлать соблазнительныя жесты и привлекать къ себѣ пирующихъ.

Благодаря этому, плотъ присталь къ берегу и цезарь, а за нимъ всѣ августиане, вышли въ рощи и разсѣялись по лупанаріямъ и шатрамъ, раскинутымъ въ кустахъ и гротахъ, которые были устроены между фонтанами. Всѣми овладѣло какое-то бѣшенство, такъ что ужъ никто не зналъ, куда дѣвался цезарь; кто былъ сенаторомъ, воиномъ, плясуномъ или музыкантомъ. Фауны и сатиры начали гоняться за нимфами, стуча тирсами по лампіонамъ, чтобъ погасить огонь, и вскорѣ нѣкоторыя части рощъ очутились въ темнотѣ, въ которой слышались то крики, то смѣхъ, то шепотъ, то страстное дыханіе увлекшихся любовью... Словомъ, Римъ, до настоящаго дня, еще не видалъ подобнаго разврата.

На этотъ разъ Виницій не былъ пьянъ, какъ въ достопамятнѣйшій вечеръ на пиру у цезаря, на которомъ присутствовала Лигія, однако, видъ всего этого увлекъ и его и имъ овладѣло желаніе предаться безумному, общему разгулу. Выйдя на берегъ, онъ погнался вмѣстѣ съ другими за дріадами, выбирая между ними болѣе красивую. Мимо него мелькали подъ звуки музыки все новыя группы съ пѣніемъ и криками, гонимыя фаунами, сатирами, воннами и сенаторами. Наконецъ, увидѣвъ одну группу, которую вела дѣвушка, одѣтая Діаной, Виницій помчался къ ней, чтобы вблизи посмотрѣть на нея и вдругъ замеръ на мѣстѣ: ему показалось, что въ богинѣ съ мѣсяцемъ на головѣ, онъ увидѣлъ Лигію.

Между тѣмъ, всѣ женщины окружили его бѣшеннымъ хороводомъ, а затѣмъ разсыпались въ разныя стороны, какъ стадо сернь, желая вызвать его на преслѣдованіе. Но онъ остался на мѣстѣ и хотъ разсмотрѣлъ, что эта Діана не Лигія, однако же первое впечатлѣніе обезсилило его и онъ вдругъ до того затосковалъ по ней, что не могъ отдышаться: никогда онъ не испытывалъ такого страстнаго къ ней чувства, какъ въ данный моментъ и никогда она не казалась ему столь дорогой, милой и желанной, какъ въ этомъ лѣсу, среди всеобщаго безумія и дикаго разврата. Минуту тому назадъ, онъ и самъ хотѣлъ принять участіе въ безстыдной оргіи, но теперь почувствовалъ отвращеніе ко всему имъ видѣнному. Находясь въ темнотѣ ужасной рощи, преисполненной чистымъ воздухомъ, онъ все таки ощущалъ недостатокъ его для своей груди, какъ и звѣздъ—для своихъ глазъ, и онъ хотѣлъ бѣжать. Но едва онъ двинулся съ мѣста, какъ передъ нимъ остановилась какая-то личность, съ закутаннымъ

лицомъ, которая положила ему руку на плечо и страстно зашептала, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ:

— Я люблю тебя!.. Поди за мною!.. Насъ никто не увидить!.. Но—поторопись!..

Виницій точно проснулся.

— Кто ты? спросилъ онъ.

Но она оперлась на его плечо еще сильнѣе и, вмѣсто отвѣта, начала торопить:

— Поспѣши, дорогой!.. Видишь, кругомъ пусто... Вѣдь я люблю тебя... иди за мною!

— Кто ты? повторилъ Виницій.

— Угадай!..

И она прижала свои, закутанныя въ ткань уста, къ его лицу, нагнувъ его голову къ себѣ, и начала цѣловать его до самозабвенія.

— Ночь любви!.. продолжала она, дыша страстною грудью,— ночь самозабвенія... Сегодня — все можно... все позволительно... бери меня...

Но Виниція ошпарилъ этотъ продолжительный поцѣлуй и увеличилъ его отвращеніе. Его душа и сердце были на другомъ мѣстѣ и для него не существовало, кромѣ Лигіи, ничего на свѣтѣ.

И онъ отстранилъ замаскированную фигуру.

— Кто бы ты ни была, но я люблю другую и не хочу тебя, сказалъ онъ.

Но она еще плотнѣе прижалась къ нему и отвѣтила:

— Приподними съ лица моего покрывало и...

Но въ этотъ моментъ миртовые кусты зашелестѣли и женщина въ мигъ исчезла, какъ сонное видѣніе, и только вдали раздался ея странный, зловѣщій смѣхъ, а передъ Виниціемъ очутился Петроній.

— Я все видѣлъ и слышалъ! сказалъ онъ.

— Уйдемъ отсюда! отвѣтилъ Виницій, задыхаясь.

И они ушли, миновали освѣщенные лупанаріи, прошли рошу и цѣпь изъ преторіанцевъ и наконецъ отыскивали свои носилки.

— Я зайду къ тебѣ, отозвался Петроній.

И они сѣли вмѣстѣ, но всю дорогу молчали, и только когда вошли въ атриумъ Виниціеваго дома Петроній сказалъ:

— Ты знаешь, кто былъ съ тобою?

— Рубрія? отвѣтилъ Виницій, содрогаясь при одной мысли, что она была весталкой.

— Нѣтъ.

— Такъ кто-же?

Петроній понизилъ голосъ:

— Огонь Весты обезчещенъ, потому что цезарь былъ съ Рубріей, а съ тобою разговаривала... Дива августа... прибавилъ онъ еще тише.

Водарилась глубокая тишина.

— Цезарь, прибавилъ Петроній, — не сумѣлъ скрыть своей страсти къ Рубріи передъ Поппеей и она вѣрно хотѣла отомстить ему тѣмъ-же; но я нарочно помѣшалъ, потому что слѣдилъ за нею, и если-бъ ты узналъ ее и отказался отъ ея предложенія, то навѣрное погибъ-бы, а вмѣстѣ съ тобою погибла-бы Лигія и, можетъ быть, и я.

— Довольно! воскликнулъ Виницій:—Я не хочу больше знать ни Рима, ни цезаря, ни его пировъ, ни августа, ни Тигелина, ни даже тебя... Я задыхаюсь здѣсь!.. я не могу такъ жить!.. Пони-маешь!..

— Не сходи съ ума, Виницій!

— Я люблю ее одну!

— Ну, и что-же?

— А потому не хочу ни вашей жизни, ни вашей любви, ни вашихъ пиршествъ, ни вашихъ безчинствъ и разврата!

— Да что съ тобою! Развѣ ты христіанинъ?

Молодой человѣкъ схватился за голову и въ отчаяніи прибавилъ:

— Нѣтъ, еще не христіанинъ!..

V.

Петроній ушелъ домой. Онъ былъ очень недоволенъ, что они перестали понимать другъ друга и что ихъ симпатіи разошлись въ разные стороны. Въ бывшее время онъ имѣлъ на него большое вліяніе и былъ его, нѣкоторымъ образомъ, руководителемъ. Часто было достаточно его нѣсколькихъ ироническихъ словъ, чтобъ остановить Виниція отъ чего нибудь безразсуднаго или подстрекнуть. Но теперь онъ былъ далекъ отъ этого и даже не пробовалъ вліять на него, сознавая, что ни его иронія, ни остроуміе не помогутъ и даже останутся безъ вниманія, потому что этого человѣка столкнула сама судьба съ непонятнымъ для него христіанскимъ міромъ. Сло-

вомъ, онъ потерялъ ключъ къ его сердцу, и это возбуждало въ немъ неудовольствіе и даже опасеніе за происшествіе этой ночи.

«Если Поппея серьезно увлеклась имъ,—подумалъ онъ: — то выйдетъ одно изъ двухъ: или Виницій не устоитъ противъ нея и, при малѣйшемъ случаѣ, можетъ погибнуть, или, воспротивится ей, что очень возможно въ настоящемъ его настроеніи,—то ужъ навѣрное умретъ, а вмѣстѣ съ нимъ могу пропасть и я, хоть-бы ради того, что я его родственникъ и августа, возненавидѣвъ насъ обоихъ, перейдетъ съ своимъ могущественнымъ вліяніемъ на сторону Тигелина»...

И такъ было скверно, и такъ не хорошо! Хоть Петроній былъ человѣкъ вполне отважный и не боялся смерти, но и не хотѣлъ накликалъ ее на себя изъ-за всякихъ пустяковъ; въ виду этого онъ рѣшилъ употребить все свое вліяніе на Виниція и удалить его изъ Рима, подъ предлогомъ путешествія. Ахъ, если-бъ онъ могъ дать ему въ спутницы Лигію, то онъ съ радостью сдѣлалъ-бы ему это удовольствіе. Во всякомъ случаѣ, онъ надѣялся уговорить Виниція уѣхать, распустить слухъ въ Палатинѣ о его болѣзни и этимъ предотвратить отъ него и отъ себя всѣ бѣдствія. Къ тому-же Поппея могла подумать, что Виницій не узналъ ее, а слѣдовательно ея самолюбіе почти не страдало; но не то могло выйти, если-бъ онъ остался въ Римѣ. Такъ или иначе, ему хотѣлось предотвратить печальное будущее и выиграть время. Если цезарь рѣшится поѣхать въ Ахайю, тогда Тигелинъ отойдетъ на второй планъ и лишится своего вліянія, а въ Греціи Петроній, какъ онъ былъ увѣренъ, побѣдитъ всѣхъ своихъ соперниковъ.

И Петроній рѣшился дѣйствовать энергично. Ему пришла въ голову даже такая мысль, что если-бъ ему удалось выхлопотать у цезаря эдиктъ, въ силу котораго всѣ христіане были-бы изгнаны изъ Рима, то, разумѣется, въ то число попала-бы и Лигія, а за нею уѣхалъ-бы и Виницій: тогда не было-бы нужды уговаривать его уѣхать. А достигнуть этого ему казалось безусловно возможнымъ. Вѣдь, еще недавно цезарь Клавдій, во время возстанія іудеевъ противъ христіанъ, не находя разницы между первыми и послѣдними, прогналъ жидовъ. Почему-бы и Нерону не прогнать христіанъ? По крайней мѣрѣ, въ Римѣ было-бы просторнѣе. Послѣ нира на «плавающемъ островѣ» Петроній видѣлся съ Нерономъ каждый день, то въ Палатинѣ, то въ другихъ домахъ и ему легко

было внушить подобную мысль, тѣмъ болѣе, что цезарь охотно воспринималъ всякіе наговоры, приносящіе вредъ другимъ.

По зрѣлому обдуманію этого вопроса, Петроній составилъ свой планъ въ такомъ видѣ, что онъ устроитъ у себя пиръ и уговоритъ на немъ цезаря издать эдиктъ, исполненіе котораго, какъ онъ былъ увѣренъ, поручить ему. А тогда онъ отправитъ Лигію со всеми подобающими для возлюбленной Виниція почестями хоть въ Байи, и пусть они тамъ играютъ въ христіане, сколько ихъ душѣ угодно.

Онъ думалъ объ этомъ нѣсколько дней, а тѣмъ временемъ каждый день посѣщалъ Виниція, во-первыхъ, потому что, при всемъ своемъ римскомъ эгоизмѣ, не могъ отрѣшиться отъ привязанности къ нему, и, во-вторыхъ, старался уговорить его путешествовать. Виницій притворялся больнымъ и не показывался въ Палатинѣ, въ которомъ каждый день происходили перемены и проявлялись новыя намѣренія.

Однажды Петроній услышалъ отъ самого цезаря, что онъ, обязательно чрезъ три дня, уѣзжаетъ въ Антію, и Петроній пошелъ къ Виницію оповѣстить его объ отъѣздѣ.

Въ свою очередь, Виницій показалъ ему приглашительное письмо, въ которомъ были поименованы все лица, обязанныя сопутствовать цезарю.

— Письмо это принесъ мнѣ цезарскій отпущенникъ, сказалъ Виницій, — и въ немъ, между прочими, значится твое и мое имя. Вѣроятно, такой же списокъ будетъ присланъ и тебѣ.

— Еслибъ я не получилъ приглашенія, отвѣтилъ Петроній, — то это значило бы, что мнѣ надо умереть. Но я надѣюсь, что этого не случится до путешествія въ Ахайю: вѣдь я еще нуженъ Нерону.

Причемъ онъ прочиталъ письмо и прибавилъ:

— Видишь!.. Едва мы успѣли вернуться въ Римъ, какъ ужъ опять должны тащиться въ Антію!.. Однако, ничего не сдѣлаешь: надо ѣхать, потому что это приглашеніе равносильно приказу.

— А если кто не послушается его?

— Тогда получить второй приказъ: отправиться въ дальній путь, съ котораго никто не возвращается. Жаль, что ты не послушалъ меня и не уѣхалъ своевременно... А теперь ты обязанъ ѣхать въ Антію.

— Обязанъ ѣхать!... повторилъ Виницій:—вотъ какое время мы переживаемъ и какими несчастными невольниками являемся у цезаря!..

— А развѣ ты только теперь замѣтилъ это?

— Нѣтъ, не теперь. Но ты доказывалъ, что христіанское ученіе враждебно относится къ жизни, налагаетъ на человѣчество извѣстныя узы и стѣсняетъ свободу. Но какія узы стѣснительнѣе и тверже? Ты говорилъ, что Греція создала красоту и мудрость, а Римъ—силу. Гдѣ же наша сила?

— Ну, ты ужь позови къ себѣ Хилона, а я сегодня не способенъ философствовать. Клянусь Геркулесомъ! не я создалъ эти времена и не я буду отвѣчать за нихъ. Лучше поговоримъ объ Антиѣ... Было-бы тебѣ извѣстно, что тамъ ожидаетъ тебя большая опасность и для тебя было-бы менѣе опасно помѣриться силами съ Урсомъ, чѣмъ ѣхать туда. Однако, ты долженъ ѣхать.

Виницій сдѣлалъ небрежный жестъ:

— Опасность! сказалъ онъ:—Да вѣдь мы всѣ бродимъ въ потемкахъ и каждый изъ насъ въ опасности.

— Однако... Но я не стану перечислять лицъ; обладавшихъ нѣкоторымъ умомъ, которыя дожили до восьмидесяти и девяносто лѣтъ, не смотря на самыя ужасныя времена царствованій Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона! Возьми въ примѣръ хоть Домиція Афра... Онъ спокойно дождался старости, хоть былъ извѣстнымъ злодѣемъ и негодяемъ.

— Можетъ быть только потому и дожилъ!.. отвѣтилъ Виницій и началъ читать списокъ именъ приглашенныхъ цезаремъ:—Тигелинъ, Ватиній, Секстъ Африканъ, Аквилинъ, Регулъ, Сюлій Нерулинъ, Епрій Марцелла и такъ далѣе!.. Какое сборище негодяевъ!.. воскликнулъ онъ:—и страшно подумать, что всѣ они управляютъ свѣтомъ!.. Не лучше-ли имъ ѣздить по ярмаркамъ съ какиминибудь египетскими или сирийскими божествами, брэнчать на систрахъ и зарабатывать хлѣбъ гаданьемъ и пляской?..

— Или показывать дрессированныхъ обезьянъ, собакъ и ословъ, играющихъ на флейтѣ, прибавилъ Петроній:—Все это правда... но поговоримъ серьезнѣе о чемънибудь иномъ. Выслушай меня внимательно: я говорилъ всѣмъ въ Палатинѣ, что ты боленъ и не можешь выходить изъ дому. Не смотря на это, твое имя находится въ спискѣ; а это доказываетъ, что кто либо не повѣрилъ мнѣ и

нарочно включилъ тебя въ списокъ. Конечно, не Неронъ, потому что для него—все равно: ты для него не болѣе, какъ солдатъ, съ которымъ можно говорить развѣ только о войнѣ и наѣздничествѣ въ циркѣ, но не о поэзіи и музыкѣ. Значить, этимъ ты обязанъ Поппеѣ, которая воспылала къ тебѣ не мимолетною и скоропреходящею страстью, а положительно влюбила и желаетъ обладать тобою.

— Отважная-же она!

— Именно—отважная, потому что можетъ погубить тебя. И да вдохновить ее Венера скорѣе полюбитъ другаго, а пока она любитъ тебя искренно или по капризу, ты долженъ быть осторожнымъ... Хотя она ужъ начинаетъ надоѣдать рыжебородому и онъ предпочитаетъ Рубрію или Пиеагора, но, изъ самолюбія, можетъ жестоко отомстить вамъ обоимъ.

— Я не зналъ, что это она разговаривала со мною въ рошѣ, но вѣдь ты подслушивалъ и знаешь, что я отвѣтилъ ей...

— Заклинаю тебя всѣми подземными богами, не теряй ты хоть остатка того разума, который тебѣ оставили христіане! Возможно-ли колебаться при выборѣ между гадательной и неизбѣжной смертью. Вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ, что еслибъ ты задѣлъ за живое самолюбіе августы, то для тебя не было-бы спасенія! Клянусь Гадесомъ! если тебѣ опротивѣла жизнь, то лучше вскрый себѣ вены или вонзи мечъ, только не оскорбляй самолюбія Поппеи: иначе ты кончишь болѣе тяжкою смертью. Прежде съ тобою было пріятнѣе бесѣдовать!.. и я не понимаю, въ чемъ дѣло... Развѣ тебя отъ этого убудеть? Развѣ это помѣшаетъ тебѣ любить твою Лигію? Помни, что она видѣла ее въ Палатинѣ и легко догадается, ради кого ты отвергаешь ея любовь. А ужъ тогда она выкопаетъ ее хоть изъ подъ земли и ты погубишь и Лигію, и себя. Понимаешь?

Виницій слушалъ его, какъ будто думая о другомъ, и наконецъ произнесъ:

— Я долженъ видѣться съ нею.

— Съ кѣмъ? Съ Лигіей?...

— Да, съ Лигіей.

— А ты знаешь, гдѣ она?

— Нѣтъ.

— Значить, опять станешь разыскивать ее на кладбищахъ или за Тибромъ?

— Не знаю; но я долженъ видѣть ее.

— Хорошо. Пусть себѣ она христіанка, но, быть можетъ, она окажется благоразумнѣ тебя, если не пожелаетъ твоей гибели.

Виницій пожалъ плечами.

— Вѣдь она спасла меня отъ Урса, замѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, послѣвши, потому что рыжебородый не отложить на сей разъ своей поѣздки, а приговоры къ смерти онъ можетъ подписывать и въ Антиѣ.

Но Виницій не слушалъ Петронія: его занимала одна мысль, какъ увидѣться съ Лигіей.

Къ счастью, его затрудненія разрѣшились сами собою: на слѣдующій день къ нему, совсѣмъ неожиданно, пришелъ Хилонъ, совершенно оборванный и съ признаками голоданія. Такъ какъ приказъ пускать его къ Виницію во всякое время дня и ночи не былъ отмѣненъ, то слуги безпрепятственно пропустили его и онъ безъ доклада вошелъ въ атриумъ.

— Да ниспошлютъ тебѣ боги безсмертіе, сказалъ онъ останавливаясь передъ нимъ,—и подѣлятся съ тобою владычествомъ свѣта.

Сначала Виницій хотѣлъ приказать вытолкать его вонъ, но подумавъ, что можетъ быть онъ знаетъ, что либо о Лигіи, побѣдилъ въ себя отвращеніе къ нему.

— А, это ты? сказалъ онъ.—Какъ проживаешь?

— Скверно, сынъ Юпитера! отвѣтилъ Хилонъ.—Истинная добродѣтель теперь не въ спросѣ, такъ что и настоящій мудрецъ долженъ довольствоваться малымъ и радоваться, если ему удастся, одинъ разъ въ пять дней, купить у мясника какую нибудь баранью голову, обглодать ее на чердакѣ и запить собственными слезами. Ахъ, господине! Все, что я приобрѣлъ и что ты далъ мнѣ, я затратилъ на книги, а потомъ меня обокрала моя невольница и бѣжала съ остаткомъ того, чѣмъ ты великодушно наградилъ меня: теперь я нагъ и нищъ... Въ виду такого бѣдственнаго моего положенія, я и рѣшился обратиться къ тебѣ, Сераписъ, какъ къ человѣку, котораго я люблю и обожаю и за котораго подвергалъ жизнь свою опасности!...

— Зачѣмъ пришелъ?

— За помощью, Вааль, повѣдать тебѣ мое горе и нужду, повергнуть къ стопамъ твоимъ мои слезы, любовь и извѣстія, которые я собралъ изъ любви къ тебѣ. Быть можетъ, ты припомнишь, господинъ, что я говорилъ тебѣ, о двухъ ниткахъ отъ пояса пафосской

Венеры, которыя я далъ бывшей невольницѣ божественнаго Петро-
нія, Евника?... Въ настоящее время, я ходилъ узнавать, помогъ-ли
ей этотъ талисманъ, и ты, божественный сынъ Солнца, бывая въ
этомъ домѣ, знаешь, чѣмъ сдѣлалась Евника!... Такъ какъ у меня
осталась еще одна такая нитка, то я и пришелъ предложить ее
тебѣ...

Вдругъ онъ замолкъ, увидѣвъ нахмурившагося Виниція, и чтобы
предотвратить его гнѣвъ, быстро прибавилъ:

— Я знаю, гдѣ живетъ божественная Лигія и могу указать домъ
и переулочъ...

Виницій сдержалъ себя и болѣе мягко спросилъ:

— Гдѣ-же она?

— У первосвященника Линнея, вмѣстѣ съ Урсомъ, который по
прежнему ходитъ на работу къ мельнику Демѣ... и работасть въ
ночной смѣнѣ... Если ты пожелаешь окружить домикъ ночью, то
разумѣется это можно сдѣлать безопасно, такъ какъ его не будетъ
дома... Линней ужь старъ и кромѣ него въ домѣ живутъ только двѣ
старухи.

— Откуда ты все это знаешь?

— Надѣюсь, ты помнишь, что я былъ во власти христіанъ и
что они пощадили меня?... Главкъ ошибается, что я былъ причиною
его несчастья, да и теперь увѣренъ въ томъ—тѣмъ не менѣе, они
простили меня! Благодаря ихъ поступку, мое чувствительное сердце
преисполнилось благодарностью. Вѣдь я человѣкъ прежняго времени,
и не могу забыть своихъ благодѣтелей и друзей... Ну, вотъ я и
рѣшилъ справѣдать ихъ, справиться объ ихъ здоровьѣ и узнать, какъ
они поживаютъ и гдѣ живутъ... Да, клянусь Пессинутской Цибел-
лой! я способенъ на это! Сначала я боялся, чтобы они не истол-
ковали моихъ благодарныхъ намѣреній иначе; но любовь къ нимъ
превозмогла мои опасенія и ободрила меня при мысли, что они охот-
но прощаютъ всякія обиды. Но, больше всего, я думалъ о тебѣ,
господине, хотя послѣдняя наша экспедиція окончилась поражениемъ;
да вѣдь такой сынъ Фортуны, какъ ты, по моему мнѣнію, не мо-
жетъ оставить такого случая безъ послѣдствій, ну, вотъ я и под-
готовилъ для тебя побѣду: домъ стоитъ особнякомъ и мы можемъ
приказать своимъ невольникамъ окружить его, такъ что и мышъ не
проскользнетъ... Отъ тебя зависитъ, чтобы сегодня же ночью эта
великодушная королева была въ твоёмъ домѣ; и если ты пожелаешь

воспользоваться этимъ случаемъ, то, надѣюсь, ты не забудешь, что тебѣ содѣйствовалъ въ томъ проголодавшійся сынъ моего отца.

Кровь прилила къ головѣ Виниція: соблазнъ былъ великъ, передъ которымъ трудно было устоять, да и средство вѣрное. А разъ ужъ Лигія очутится въ его домѣ, то кто-же отниметъ ее у него? И если онъ сдѣлаетъ ее своей наложницей, то ей придется остаться ею навсегда!.. А тогда пусть провалятся всякія ученія въ тартары!.. Что тогда будутъ представлять изъ себя какіе-то христіане съ ихъ добродѣтелями, милосердіемъ и вѣрой? И впрямь, не пора ли ему стряхнуть съ себя всякія распри съ самимъ собою и начать жизнь тою жизнью, какою всѣ живутъ? Не все-ли для него равно, какъ потомъ Лигія согласуетъ свою судьбу съ ученіемъ Христа, но она будетъ его, и не далѣе какъ сегодня. Да и то еще неизвѣстно, устоитъ-ли она еще съ своимъ ученіемъ въ новомъ для нея мірѣ, роскоши и увлеченій!.. И все это можетъ случиться сегодня, стоитъ только задержать Хилона, отдать приказъ передъ сумерками и... потомъ пользоваться безконечными удовольствіями.

«Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ была моя жизнь до настоящаго времени? думалъ онъ:—однимъ страданіемъ, неудовлетвореніемъ страсти и постоянныхъ вопросовъ, которые оставались безъ отвѣтовъ! А теперь все это кончится за разъ!..»

Правда, онъ обѣщалъ не посягать на нея и клялся; но кѣмъ? Не богами, въ которыхъ онъ ^{уже} не вѣрилъ, и не Христомъ, въ котораго еще не вѣрилъ. Наконецъ, если она станетъ считать себя оскорбленной, то онъ женится на ней и этимъ вознаградитъ ее за обиду! Да, онъ долженъ сдѣлать это, потому что обязанъ ей своею жизнью.

Тутъ Виницій вспомнилъ тотъ день, когда онъ напалъ съ Кротономъ на ея квартиру, какъ Урсъ защищалъ ее и затѣмъ все послѣдующее: какъ онъ увидѣлъ ее у своей постели въ костюмѣ невольницы, прекрасной, какъ божество, доброй и уважаемой, и онъ невольно обратилъ взоръ на свой ларарій и посмотрѣлъ на крестъ, оставленный ею. Неужели ей заплатить за все это новымъ посягательствомъ на ея честь; неужели онъ потянетъ ее, какъ рабыню за волосы въ свой кубикюлюмъ?.. Но какъ-же онъ рѣшится на это, если онъ любитъ ее и любитъ такую именно, кака она есть!..

И онъ инстинктивно почувствовалъ, что ему мало имѣть ее у

себя дома, мало взять ее силою, а что ему нужно нѣчто большее: ее согласіе, любовь, сердце и душа. Благословенъ будетъ тотъ кровъ, подъ который она добровольно войдетъ; благословенны моментъ, день и вся жизнь. Тогда ихъ счастье будетъ велико, какъ море, и свѣтло, какъ солнце. Схватить ее силою, это значило-бы потерять навѣки счастье, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить, осквернить и омерзить единственное и самое дорогое въ жизни—любовь.

И Виницій началъ возмущаться этою мыслью. Онъ взглянулъ на Хилона, который засунулъ руку подъ свою рваную хламиду и спокойно переминался. На этотъ разъ, у Виниція явилось желаніе раздавить, какъ ничтожнаго червяка, бывшего своего помощника и исполнителя его грязныхъ замысловъ, какъ какую-то ненавистную ему гадину. Не зная ни въ чемъ мѣры и слѣдуя за порывомъ своей римской природы, онъ отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, Хилонъ, я не могу принять твоего совѣта, а чтобы ты не лишился награды за свои достойные труды, я прикажу отсчитать тебѣ триста розогъ въ моемъ эргастулѣ.

Хилонъ поблѣднѣлъ; въ красивомъ лицѣ Виниція было столько холодной рѣшительности, что онъ ни на минуту не усомнился, что это не простая, а жестокая шутка.

Въ виду этого, онъ моментально сталъ передъ нимъ на колѣни и завопилъ отрывистымъ голосомъ;

— Какъ?.. За что?.. О, пощади, царь персидскій! Пирамида добродѣтели!.. Колоссъ милосердія!.. За что?.. Я старъ, голоденъ, нищъ!.. Вѣдь я былъ полезенъ тебѣ!.. За что-же такая благодарность?..

— Такая-же, какъ твоя христіанамъ, возразилъ Виницій и позвалъ диспенсатора ¹⁷⁸). Но Хилонъ, подползши къ его ногамъ, конвульсивно обнялъ ихъ и еще громче завопилъ:

— О, господине! пощади меня!—Я старъ! довольно пятидесяти!.. я не выдержу трехсотъ ударовъ!.. только пятьдесятъ... сто... но не триста!.. Пощади!.. умоляю тебя!..

Виницій оттолкнулъ его ногою и приказалъ диспенсатору, за которымъ моментально вошли два дюжихъ квада, схватить Хилона. Послѣдніе накинудись на него, обмотали его голову его-же хламидой и поволокли въ эргастулъ.

— Во имя Христа! закричалъ Хилонъ въ дверяхъ корридора. Виницій остался одинъ. Его приказанія высѣчь грека оживило

и подбодрило его. А между тѣмъ онъ постарался собраться съ мыслями и привести ихъ въ порядокъ. Онъ чувствовалъ большое облегченіе, что побѣдилъ себя, и ему казалось, что онъ совершилъ геройскій подвигъ на пути къ сердцу Лигіи, за который будетъ достойно вознагражденъ. Въ первый моментъ, ему не пришло въ голову, что его поступокъ съ Хилономъ несправедливъ и онъ напрасно его обидѣлъ, за что прежде щедро награждалъ. Но онъ былъ еще нерымъ римляниномъ и чужая болячка не болѣла ему. Кромѣ того, для него было безразлично, будетъ-ли на свѣтѣ больше или меньше однимъ грекомъ... такъ какъ онъ думалъ только о Лигіи.

«Не заплачу тебѣ зломъ за добро,—говорилъ онъ,—и если ты когда либо узнаешь, какъ я поступилъ съ тѣмъ, который подстрекалъ меня посягнуть на тебя, то будешь мнѣ благодарна».

Однако, онъ вдругъ остановился и подумалъ: похвалить-ли еще Лигію его за этотъ поступокъ съ Хилономъ? Вѣдь по христіанскому ученію должно все прощать: они сами простили Хилона, хотя у нихъ было больше поводовъ къ мести, и въ этотъ моментъ въ его душѣ больно отозвался крикъ Хилона въ дверяхъ: «во имя Христа!» Онъ вспомнилъ, что этимъ возгласомъ онъ избавился изъ рукъ Урса, тотчасъ рѣшилъ отмѣнить наказаніе и ужъ хотѣлъ позвать своего домоправителя, какъ тотъ самъ вошелъ къ нему и сказалъ:

— Этотъ старикъ совсѣмъ обомлѣлъ, а можетъ быть и умеръ... Прикажешь еще сѣчь?

— Приведи его въ чувство, а затѣмъ пусть придетъ ко мнѣ.

Домоправитель исчезъ за портьерой; но видно не легко ему было привести въ чувство Хилона, потому что Виницій долго ждалъ его и началъ выходить изъ терѣбня. Наконецъ невольники ввели грека подъ руки и сами, по данному знаку, ушли изъ комнаты.

Хилонъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и по его ногамъ текли струи крови на полъ атриума. Но онъ не потерялъ присутствія духа, сталъ на колѣни и, протянувъ къ нему руки, произнесъ:

— Спасибо тебѣ, господинь! Ты великъ и милосердъ!

— Да будетъ тебѣ извѣстно, ничтожный пещь, сказалъ онъ:— что я простилъ тебя во имя Христа, Которому и самъ обязанъ моею жизнью.

— Радъ служить Ему и тебѣ.

— Молчать и слушать! Встань!.. Пойдешь со мной и покажешь домъ, въ которомъ живетъ Лигія.

Хилонъ всталъ, но тотчасъ зашатался, еще сильнѣе поблѣднѣлъ и слабо отозвался:

— Господинъ!.. Я голоденъ... Но я пойду, пойду!.. хоть и безсиленъ... Прикажи дать мнѣ поѣсть... Накорми хоть остатками изъ посуды твоихъ псовъ... пойду!..

Виницій приказалъ дать ему поѣсть, золотую монету и плащъ. Но Хилонъ, ослабшій отъ голода и розогъ, не могъ идти и послѣды... Однако, онъ дрожалъ при одной мысли, что Виницій можетъ принять его слабость за упрямство и прикажетъ опять съѣчь.

— Только-бы вино скорѣй согрѣло меня, сказалъ онъ, стуча зубами, отъ страха и тогда я пойду, хоть въ великую Грецію.

Черезъ нѣсколько времени Хилонъ немного оправился и пошелъ съ Виниціемъ. Дорога была не близкая. Ллнней жилъ, какъ и большая часть христіанъ, за Тибромъ, неподалеку отъ квартиры Маріамы. Наконецъ, они пришли къ особняку, окруженному каменною стѣною, которая вся обросла плющемъ.

— Здѣсь!—сказалъ грекъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Виницій:—теперь можешь уйти, но забудь, что ты мнѣ когда-либо служилъ; забудь гдѣ живутъ Маріама, Петръ и Главкъ; забудь объ этомъ домѣ и вообще о всѣхъ христіанахъ... Можешь приходить каждый мѣсяцъ къ моему отпущеннику Демѣ и получать отъ него по два золотыхъ. Но если ты станешь шпионить за христіанами, то я предамъ тебя въ руки городского префекта.

— Забуду! прошепталъ Хилонъ, кланаясь.

Но какъ только Виницій скрылся за угломъ улицы, Хилонъ сжалъ кулаки и, грозя ему въ слѣдъ, злобно воскликнулъ:

— Блянусь Атой и Фуріей ¹⁷⁹)—не забуду!

И онъ опять ослабъ.

VI.

Виницій пошелъ прямо къ Маріамѣ. У воротъ того дома, гдѣ она жила, онъ встрѣтилъ ея сына Назарія. Послѣдній смутился; но Виницій радушно поздоровался съ нимъ и приказалъ проводить себя въ квартиру матери.

Тамъ онъ засталъ, кромѣ самой Маріамы, Петра, Главка, Криспа и Павла, который только что возвратился изъ Фрегеллы. Всѣ они удивились приходу молодого трибуна.

— Привѣтствую васъ, христіане!—сказалъ онъ,—во имя Христа! Которому вы поклоняетесь.

— Хвала Ему во вѣки! отвѣтили они хоромъ.

— Я видѣлъ всѣ ваши добродѣтели и знаю доброту вашу, а потому пришелъ къ вамъ, какъ другъ.

— И мы привѣтствуемъ тебя, какъ друга, отвѣтилъ Петръ.— Садись и раздѣли съ нами трапезу, какъ гость нашъ.

— Сяду и раздѣлю трапезу, но прежде выслушайте меня, ты Петръ и ты, Павелъ и не сомнѣвайтесь въ моей искренности. Я знаю, гдѣ Лигія и сейчасъ прошелъ мимо того домика, въ которомъ живетъ Линней: онъ близко отсюда. Я имѣю права на нея, данныя мнѣ самимъ цезаремъ; въ моемъ городскомъ домѣ есть около пятисотъ невольниковъ, которымъ я могъ-бы приказать окружить ея пріютъ и схватить ее. Но я этого не сдѣлалъ и не сдѣлаю.

— И да пребудетъ надъ тобою благословеніе Божье и очистится сердце твое! отвѣтилъ Петръ.

— Спасибо! Но слушайте дальше: хоть мнѣ тяжело жить безъ нея, хоть я мучаюсь и страдаю, но я не сдѣлалъ этого. Прежде чѣмъ я узналъ васъ, я могъ бы взять ее силою, но ваши ученіе и добродѣтели, которыхъ я не признаю, подкупили меня и измѣнили всю мою душу, а потому я и не рѣшаюсь на насиліе. Я не знаю, какимъ образомъ это случилось, отчего и почему, но это такъ! Теперь я пришелъ къ вамъ, замѣняющимъ ей родителей, и предлагаю: отдайте мнѣ ее въ жены, а я клянусь вамъ, что не только не запрешу ей исповѣдывать вѣру Христа, но и самъ стану воспринимать Его ученіе и знакомиться съ нимъ.

Онъ говорилъ это вдохновенно, серьезнымъ и рѣшительнымъ голосомъ, но онъ былъ настолько взволнованъ, что весь дрожалъ.

Въ избѣ воцарилась глубокая тишина. Однако, Виницій, боясь услышать неблагопріятный для него отвѣтъ, продолжалъ:

— Я знаю, что препятствуетъ нашему союзу; но я люблю ее, какъ зеницу очей моихъ, и хоть еще самъ не христіанинъ, но не врагъ ни вамъ, ни Христу. Я буду искрененъ передъ вами, чтобы внушить вамъ довѣріе ко мнѣ. Въ данный моментъ, дѣло касается моей собственной жизни и я говорю вамъ правду. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, сказалъ бы вамъ: окрестите меня; а я говорю: просвѣтите! Вѣрю, что Христосъ воскресъ, такъ какъ это доказываете вы, праведные люди, видѣвшіе Его по смерти. Вѣрю, потому,

о самъ видѣлъ, какъ ваше ученіе располагаетъ къ добродѣтели, справедливости, милосердію, но не къ злодѣйству, въ которомъ васъ подозрѣваютъ. Я еще мало знакомъ съ вашимъ ученіемъ и знаю его только по вашимъ поступкамъ, по разговору съ вами и съ Лигіей, и все-таки повторяю, что во мнѣ произошла большая пере-мѣна. Прежде я держалъ своихъ невольниковъ въ черномъ тѣлѣ и желѣзныхъ рукахъ, а теперь не могу; прежде я не зналъ пощады, теперь—знаю; прежде мнѣ нравился развратъ, а теперь я убѣ-жалъ съ пруда Агриппы, потому что не могъ перенести всякой мер-зости и задыхался отъ нея. Въ былое время, я вѣрилъ въ свою силу и насилія, теперь отказался отъ нихъ. Такимъ образомъ, я не узнаю самого себя: мнѣ опротивѣли пиршества, вино, цитры и вѣнцы; опротивѣлъ дворъ цезаря, обнаженные женщины и всѣ зло-дѣянія и развратъ. Теперь, при одномъ воспоминаніи, что Лигія чиста, какъ горній снѣгъ, я еще больше люблю ее и, думая, что она такая благодаря вашему ученію, люблю и это ученіе, желаю ознакомиться съ нимъ и просвѣтить себя. А такъ какъ я не понимаю его и не знаю, перенесетъ ли его моя натура и съумѣю-ли я жить по ученію Христа, то мучаюсь, страдаю и живу, блуж-даючи во тьмѣ.

Причемъ его брови сдвинулись въ болѣзненную складку и густой румянецъ окрасилъ его щеки, послѣ чего онъ прибавилъ съ боль-шимъ волненіемъ:

— Вы видите, что я страдаю отъ любви и мрака. Мнѣ го-ворили, что въ вашемъ ученіи не существуетъ ни жизни, ни чело-вѣческихъ радостей, ни счастья, ни порядка, ни закона и прави-тельства, ни римскаго владычества. Правда-ли это? Говорили, что вы сумашедшіе люди, такъ скажите, что есть въ вашемъ ученіи? Какое оно? Грѣшно ли любить, радоваться и желать счастья? Враги-ли вы жизни, нужно-ли быть христіанину нищимъ и долженъ-ли я отказаться отъ Лигіи? Какая ваша истина? Хотя ваши поступки прозрачны, какъ вода, но какое дно въ этой водѣ? Вы видите—я искрененъ, такъ освѣтите же мракъ!.. Кромѣ того, мнѣ сказали: Греція создала красоту и умъ, а Римъ—силу, а что создали хри-стіане? Скажите, что вы вносите собою въ міръ? Если за дверью вашего ученія есть свѣтъ, то откройте дверь и дайте мнѣ узрѣть его!

— Вносимъ—любовь! отвѣтилъ Петръ.

— Еслибъ я говорилъ всѣми человѣческими и ангельскими язы-

ками, прибавилъ Павелъ,—но безъ любви, то мои слова звучали бы какъ дребезжащій металлъ...

Однако сердце стараго апостола преисполнилось сочувствіемъ къ душевнымъ мукамъ Виниція, который, какъ птичка въ клѣткѣ, рвался къ воздуху и солнцу, а потому онъ протянулъ къ нему руку и сказалъ:

— Толпысь и отверзится тебѣ: благодать Господня надъ тобою и я благословляю тебя, твою душу, твою любовь во имя Спасителя міра!

Виницій и безъ того говорившій съ увлеченіемъ, быстро подвинулся къ Петру и—здѣсь случилось нѣчто необыкновенное: этотъ гордый потомокъ квиритовъ, который еще недавно не признавалъ въ постороннемъ лицѣ челоуѣчества, схватилъ руку стараго галлилеянина и съ благодарностью прижалъ ее къ своимъ губамъ.

Петръ обрадовался, что еще одно зерно его посѣва пало на благодатную ниву и что его рыбачья сѣть поймала еще одну рыбку, въ видѣ языческой души.

Всѣ присутствующіе, обрадованные явными признаками почтенія къ божественному апостолу, воскликнули хоромъ:

— Слава Богу въ вышнихъ!

Виницій всталъ съ сіяющимъ лицомъ и продолжалъ:

— Я вижу, что и межъ вами существуетъ счастье, потому что и самъ чувствую его и думаю, что вы и въ другихъ вещахъ скоро убѣдите меня. Но я долженъ сказать, что это случится не въ Римѣ: цезарь уѣзжаетъ въ Антію и я обязанъ, согласно приказу, ѣхать съ нимъ. Вы знаете, что если не послушаться его, то это—смерть. Но если я заслуживаю въ вашихъ глазахъ довѣрія, то поѣзжайте со мною и учите меня вашимъ истинамъ. Тамъ вы будете находиться въ безопасности болѣе чѣмъ я, среди этого сборища всякихъ людей; тамъ вы можете проповѣдывать правду даже при дворѣ цезаря. Говорятъ, что Актея христіанка; да и между преторіанцами есть много христіанъ: я самъ видѣлъ, Петръ, какъ они становились передъ тобою на колѣни у Номентанскихъ воротъ. У меня въ Антію есть вилла, въ которой мы будемъ собираться и, подъ бокомъ у цезаря, слушать вашихъ наставленій. Мнѣ говорилъ Главкъ, что вы, ради одной души, готовы слѣдовать хоть на край свѣта; то сдѣлайте для меня то же, что вы дѣлали для другихъ, изъ-за которыхъ пришли сюда изъ Іудеи... Умоляю—не оставляйте меня!

Выслушавъ его, апостолы начали совѣтоваться между собою. Они были рады побѣдой ученія и тѣмъ значеніемъ, какое оно получить среди язычества, благодаря обращенію августіанина, одного изъ потомковъ стариннѣйшихъ римскихъ родовъ. Дѣйствительно, они готовы были слѣдовать хоть на край свѣта изъ-за одной души, что и дѣлали послѣ смерти Божественнаго Учителя, а потому они и не думали отказывать ему въ его просьбѣ. Однако, дѣло было въ томъ, что Петръ, будучи верховнымъ пастыремъ церкви, на попеченіи котораго находилась вся паства, не могъ уѣхать изъ Рима. За то Павелъ, намѣревавшійся поѣхать на далекій Востокъ съ цѣлію поддержки духа въ тамошнихъ христіанахъ и воодушевленія ихъ, охотно согласился сопутствовать молодому трибуну въ Антію, гдѣ легко могъ найти судно и уѣхать на немъ въ греческое море.

Виницій опечалился, что Петръ не можетъ поѣхать съ нимъ, тѣмъ не менѣе, поблагодарилъ Павла, а затѣмъ обратился къ старому апостолу съ послѣдней просьбой.

— Зная, гдѣ живетъ Лигія, сказалъ онъ, — я и самъ могъ бы пойти къ ней и спросить: пожелаетъ-ли она выйти за меня замужъ, если я приму христіанство; но я прошу тебя, апостоль... позволь мнѣ видѣться съ нею въ вашемъ присутствіи, или самъ проводи меня къ ней. Я не знаю, долго-ли мы пробудемъ въ Антіи, но вѣдь при цезарѣ никто не можетъ поручиться за завтрашній день. Мнѣ ужъ сказалъ Петроній, что для меня тамъ будетъ не безопасно; такъ пусть-же я еще разъ увижу ее, поговорю съ нею и спрошу: забудетъ-ли она зло и раздѣлитъ-ли со мною благо.

Петръ добродушно улыбнулся.

— Въ этомъ тебѣ никто изъ насъ не можетъ отказать, мой сынъ, отвѣтилъ онъ.

Виницій опять приложился къ рукѣ его: онъ ужъ не могъ обуздать своего, преисполненнаго счастьемъ, сердца. Апостоль стиснулъ ладонями его голову у висковъ и прибавилъ:

— Но ты не бойся цезаря; истинно говорю тебѣ, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы.

Послѣ этого онъ послалъ Маріаму за Лигіей и приказалъ ей не говорить послѣдней, кого она увидитъ у нихъ: ему хотѣлось сдѣлать ей сюрпризъ.

Такъ какъ она жила по близости, то вскорѣ всѣ присутство-

Quo vadis?

вавшіе въ избѣ увидѣли среди миртъ маленькаго садика Маріаму, ведущую за руку Лигію.

Виницій хотѣлъ пойти къ ней на встрѣчу, но, при видѣ нея, силы оставили его и онъ стоялъ неподвижно съ бьющимся сердцемъ и еле держась на ногахъ. На этотъ разъ, онъ былъ больше взволнованъ, чѣмъ въ то время, когда услышалъ первый свистъ пароянскихъ стрѣлъ, летавшихъ мимо его ушей.

Ничего не ожидая, Лигія быстро вошла въ комнату и остановилась, точно вкопанная. Сначала она покраснѣла, но тотчасъ краска превратилась въ блѣдность и она посмотрѣла изумленными глазами на присутствующихъ.

Однако, видя всѣхъ сіяющими, она пріободрилась. Петръ подошелъ къ ней.

— Любишь-ли ты еще его, Лигія? спросилъ онъ.

Настало глубокое молчаніе. Уста ея дрогнули, какъ у ребенка, который собирается плакать, но, чувствуя себя виноватымъ, не рѣшается признаться въ своей винѣ.

— Отвѣчай! прибавилъ апостоль.

Вмѣсто отвѣта, она покорно опустила передъ Петромъ на колѣни и затѣмъ робко и еле слышно произнесла:

— Да...

Въ тотъ-же моментъ Виницій сталъ на колѣни подлѣ нея, а Петръ, положивъ свои руки на ихъ головы, торжественно произнесъ:

— Любитесь во Господѣ и во славу Его, ибо нѣтъ грѣха въ вашей любви!

VII.

Виницій ходилъ по саду съ Лигіей и рассказывалъ ей въ краткихъ словахъ то самое, что говорилъ апостолу о своемъ беспокойствѣ, перемѣнѣ характера и о той ужасной тоскѣ, которая управляла его жизнь съ того момента, какъ онъ оставилъ жилище Маріамы. Тутъ-же онъ признался, что хотѣлъ забыть ее, но не могъ, и думалъ о ней по цѣлымъ днямъ и ночамъ; что крестикъ изъ бѣкса, который она оставила ему, постоянно напоминалъ ему о ней и что онъ, помѣстивъ его въ своемъ лараріумѣ, почиталъ его, какъ святыню. Онъ тосковалъ потому, что его любовь была сильнѣе его самого и что онъ полюбилъ ее еще въ домѣ Плавтія. Инымъ жизнь давали Парки¹⁸⁰⁾, а его поддерживали: любовь, тоска и

печаль. Хотя поступки его были некрасивы, но они происходили из любви: онъ любилъ ее у Плавтіевъ, любилъ въ Палатинъ и въ Остраніумъ, когда она слушала Петра; любилъ и тогда, когда шелъ съ Кротомъ похищать ее; когда она была у его постели и когда оставила его. Наконецъ къ нему пришелъ Хилонъ, который подстрекалъ его похитить ее, но онъ предпочелъ наказать его за подстрекательство, пойти къ апостоламъ, просить ихъ о посвященіи его и о согласіи на его бракъ съ нею.

— И да будетъ благословенна та минута, проговорилъ онъ, — когда эта мысль пришла мнѣ въ голову. Теперь я подлѣ тебя и ты не станешь убѣгать отъ меня, какъ послѣдній разъ убѣжала изъ квартиры Маріамы.

— Я не отъ тебя убѣгала, — отвѣтила Лигія.

— Такъ отъ кого-же и почему?

Лигія вскинула на него свои, цвѣта присовѣ, глаза, а затѣмъ потупилась и стыдливо отвѣтила:

— Самъ знаешь...

Виницій умолкъ на минуту отъ своего счастья, а потомъ продолжалъ рассказывать о томъ, какъ онъ началъ прозрѣвать, что она совсѣмъ не такая, какъ всѣ остальные римлянки и что она очень похожа на Помпонію. Впрочемъ, онъ и самъ не могъ ясно высказать того, что чувствовалъ; а чувствовалъ онъ, что на свѣтѣ существуетъ такая красота, которой доселѣ не бывало, но которую можно назвать изваяніемъ съ душою. Въмѣсто этого онъ ей сказалъ, что преисполняло его сердце радостью, что онъ полюбилъ ее даже за ея бѣгство и что онъ будетъ считать ее священной у своего очага.

Дальше онъ не могъ говорить и, взявъ ее за руку, смотрѣлъ на нея съ восхищеніемъ, точно на возвращенное счастье всей его жизни. Онъ произносилъ ее имя, словно желая убѣдиться, дѣйствительно-ли она при немъ.

— О, Лигія, Лигія! говорилъ онъ.

Наконецъ, онъ началъ спрашивать и ее, что было съ нею и что она чувствовала, и она призналась ему, что полюбила его у Плавтіевъ, и еслибъ онъ увелъ ее изъ Палатина и возвратилъ имъ, то она призналась-бы имъ въ своей любви и постаралась-бы оправдать его въ глазахъ ихъ.

— Клянусь тебѣ! воскликнулъ онъ, что я и не думалъ отнимать тебя у Авлія. Когда-нибудь Петроній скажетъ тебѣ, что

я говорилъ ему о своемъ желаніи жениться на тебѣ. Вотъ мои слова, которыя я сказалъ ему: «пусть она намаститъ дверь моего жилища волчьимъ саломъ и займетъ мѣсто у моего очага!» Но онъ посмѣялся надо мною и предложилъ цезарю взять тебя, какъ заложницу и отдать мнѣ. О, сколько разъ я проклиналъ его за это, но быть можетъ это сама судьба такъ устроила: иначе я не познакомился-бы съ христіанами и не понялъ тебя.

— Повѣрь мнѣ, Маркъ, это самъ Христосъ руководилъ тобою, чтобы привлечь тебя къ Себѣ.

Виницій удивленно поднялъ голову.

— Пожалуй, ты права, отвѣтилъ онъ съ живостью. — Дѣйствительно, все складывалось довольно странно: я искалъ тебя, а нашель — христіанъ. Я былъ удивленъ, услышавъ проповѣдь апостола въ Остраніумѣ; до этого, я не слыхалъ ничего подобнаго!... А ты молилась за меня?

— Да! отвѣтила Лигія.

Они прошли около бесѣдки, обросшей плющемъ, и подошли къ тому мѣсту, на которомъ Урсъ набросился на Виниція.

— Здѣсь, сказалъ молодой человекъ, — я долженъ былъ умереть, и если-бъ не твое заступничество...

— Не вспоминай о томъ и не сердись на Урса.

— Да можно-ли сердиться на того, кто защищалъ свою госпожу!... Если-бъ онъ былъ невольникомъ, то я сейчасъ отпустилъ-бы его.

— Если-бъ онъ былъ невольникомъ, то Плавтій давно-бы освободилъ его.

— А помнишь, какъ я хотѣлъ возвратить тебя Авлію и ты отвѣтила, что цезарь, узнавъ о томъ, могъ-бы отомстить Плавтіямъ. Такъ знай-же, что теперь ты можешь свободно видѣться съ ними.

— Какимъ образомъ, Маркъ?

— Я говорю: «теперь», а думаю о будущемъ, когда ты будешь моею. Да!... Если цезарь спроситъ меня, что я сдѣлалъ съ заложницей, которую онъ отдалъ мнѣ, то я скажу ему, что женился на ней и что она ходитъ къ Плавтіямъ съ моего согласія. Онъ не долго пробудетъ въ Антіѣ и вѣрно поѣдетъ въ Ахайю; а если и посидитъ, то вѣдь мнѣ нѣтъ надобности видѣть его каждый день. Если Павелъ откроетъ мнѣ свѣтъ Истины, то я приму свя-

тое крещеніе, примирюсь съ Плавтіями, которые, кстати сказать, на дняхъ возвращаются въ городъ, и тогда посажу тебя у своего очага. О, *carissima! carissima!*

Причемъ онъ поднялъ руки, точно призывая небо въ свидѣтели своей любви, между тѣмъ какъ Лигія взглянула на него своими свѣтлыми глазами и сказала:

— Тогда и я скажу: „Гдѣ ты будешь Кайемъ, тамъ и я—Кайей!“

— Нѣтъ, Лигія!... Клянусь тебѣ, что ни одна изъ женщинъ не была такъ уважаема и чтима въ домѣ мужа, какъ я буду чтить и уважать тебя.

Они молча ходили нѣкоторое время по саду, не находя словъ, что говорить отъ радости, какъ два влюбленные голубка, похожіе на божество и красивые какъ весенніе цвѣты.

Наконецъ они остановились подъ кипарисомъ, растущимъ у входа въ избу. Лигія прижалась къ его груди.

— Прикажи Урсу сходить къ Авлію взять всѣ твои вещи и дѣтскія игрушки и перенести ихъ въ мой домъ, отозвался онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла, и отвѣтила:

— По обычаю, это дѣлается иначе...

— Я знаю. Всѣ вещи обыкновенно доставляетъ пронуба ¹⁸¹⁾ вслѣдъ за невѣстой, но сдѣлай это для меня. Я прихвачу ихъ съ собою въ виллу въ Антіѣ и они будутъ напоминать мнѣ тебя.

И онъ сложилъ руки, какъ ребенокъ, просящій что либо у родителей.

— Помпонія вернется на дняхъ, говоритъ онъ,—такъ сдѣлай же это для меня, моя *carissima!*

— Нѣтъ ужъ, лучше пусть Помпонія сдѣлаетъ это сама, какъ ей понравится, отвѣтила она еще больше покраснѣвъ при воспоминаніи о «пронубѣ».

И они опять умолкли: любовь кипѣла въ сердцахъ ихъ и запырала дыханіе. Лигія стояла у кипариса, опершись на него плечами, съ опущенными глазами и волнующеюся грудью, а Виницій, глядя на нея, мѣнялся въ лицѣ и то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, пожирая ее глазами. Въ тишинѣ полуденнаго солнца, они слышали бѣненіе своихъ сердець и, находясь во взаимномъ упоеніи любовью, имъ казалось, что этотъ кипарисъ, мртвые кусты и плющи превратились въ садъ любви.

Въ это время Маріама вышла въ садъ и пригласила ихъ къ обѣду. Они вошли въ избу и сѣли между апостолами, которые весело смотрѣли на нихъ, какъ на молодое поколѣніе, которое, послѣ ихъ смерти, будетъ сѣять зерно Правды на новой почвѣ. Петръ преломилъ и благословилъ хлѣбъ. На всѣхъ лицахъ виднѣнъ былъ отпечатокъ какого-то особеннаго счастья, которое наполняло всю избу.

— Ну, отозвался Павелъ, обращаясь къ Виницію, — теперь, ты самъ видишь, какіе мы враги жизни и ея радостей...

— Вижу все, какъ оно есть, отвѣтилъ онъ:—и никогда я не былъ такъ счастливъ, какъ нынѣ, находясь между вами.

VIII.

Вечеромъ, того-же дня Виницій, проходя чрезъ Форумъ, замѣтилъ при поворотѣ на vicus Tuscus носилки Петронія, которые несли восемь челобѣкъ дюжихъ виоинцевъ. Онъ остановилъ ихъ жестомъ и подошелъ къ занавѣскамъ.

— Желая пріятнаго сна! сказалъ онъ смѣясь, увидѣвъ спящаго Петронія.

— А, это ты, Виницій! отозвался послѣдній просыпаясь.— Да, я вздремнулъ, потому что провелъ всю ночь въ Палатинѣ, а передъ вечеромъ ходилъ въ книжные магазины, чтобы записаться книгами для чтенія въ Антіѣ... Ну, что слышно?

— Ходилъ по книжнымъ магазинамъ? удивленно переспросилъ Виницій.

— Да; потому что не хочу приводить въ безпорядокъ своей бібліотеки: лучше сдѣлать новый запасъ. Къ тому-же, вышли новыя произведенія Муссонія и Сенеки. Затѣмъ я искалъ сочиненій Персея и Эклогію Виргилія, которой у меня нѣтъ, а потому ужасно усталъ, снимая и развертывая всякіе свитки... Разъ ужъ попалъ въ книжную лавку, то любопытно посмотрѣть и то, и другое. Я былъ у Авирона и у Атракта на Аргилетумѣ, а до нихъ—у Созіевъ на vicus Sandalarius... Теперь мнѣ ужасно хочется спать!..

— Ты говоришь былъ въ Палатинѣ?.. Такъ разскажи, что тамъ слышно? или лучше отошли банки ¹⁸²⁾ съ книгами домой, а самъ зайди ко мнѣ... Поговоримъ объ Антіѣ и кое о чемъ другомъ.

— Пожалуй... зайду, отвѣтилъ Петроній, выходя изъ носилокъ. — Ты знаешь, что мы, послѣ завтра, уѣзжаемъ въ Антию?

— Откуда-же мнѣ знать?

— Право, странно... на какомъ ты свѣтѣ живешь!.. Значить, я первый оповѣщаю тебя о томъ?.. Ну, такъ будь готовъ послѣ завтра утромъ... Ни горохъ съ масломъ; ни платокъ на толстой шеѣ не помогли рыжебородому и онъ охрипъ, а потому и нельзя откладывать поѣздки. Онъ прокликаетъ Римъ и его климатъ на чемъ свѣтъ стоитъ и готовъ все сравнять съ землею или сжечь, только бы скорѣе подышать морскимъ воздухомъ. Онъ говоритъ, что воздухъ нашихъ узкихъ улицъ уложить его въ гробъ и сегодня во всѣхъ храмахъ совершались жертвоприношенія, чтобы боги скорѣе возвратили ему голосъ... Горе Риму, въ особенности—сенату, если онъ скоро не возстановится.

— Иначе ему и не зачѣмъ ѣхать въ Ахайю.

— Да развѣ у нашего божественнаго цезаря только одинъ талантъ!.. отвѣтилъ съ иронической насмѣшкой Петроній:— Вѣдь онъ можетъ принять участіе въ олимпійскихъ играхъ, какъ поэтъ съ своимъ пожаромъ Трои, какъ наѣздникъ или музыкантъ; какъ атлетъ или танцоръ. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ пожать всѣ лавры, предназначенные для побѣдителей. Ты знаешь, отчего охрипла эта обезьяна? Вчера ему захотѣлось показать свое искусство въ танцахъ и сравниться съ нашимъ Парисомъ... Ну, вотъ онъ и протанцевалъ намъ «Приключеніе Леды», причѣмъ воспотѣлъ и простудился. Онъ сдѣлался весь мокрымъ и клейкимъ какъ угорь, только что вытщенный изъ воды... А ужъ онъ и перемѣнялъ маски, и вертѣлся, какъ веретено и жестикулировалъ руками, какъ пьяный матросъ... такъ что даже было противно смотрѣть на его большое брюхо и тонкія ноги. Парисъ училъ его около двухъ недѣль, и представъ себѣ его Ледой или лебедемъ!.. Вотъ такъ лебедь! Но онъ хочетъ показывать эту пантомиму сначала въ Антию, а потомъ— въ Римъ.

— Въ Римѣ ужъ и безъ того возмущаются всѣми его публичными выходами на сцену; но если онъ, римскій цезарь, выступить еще какимъ то мимикомъ, то ужъ едва-ли Римъ стерпитъ это?

— Ахъ, дорогой мой! Римъ все стерпитъ и перенесетъ, а сенатъ возблагодаритъ его за это, какъ «отца отечества»... Да и

чернь кажется гордится, что цезарь потѣшаетъ ее и служить ей шутомъ, прибавилъ Петроній, помолчавъ.

— Ну, скажи самъ: можно-ли еще больше оподлиться?

Петроній пожалъ плечами.

— Ты сдѣлался совсѣмъ отсталымъ: не выходя изъ дому и думая только о своей Лигіи и христіанахъ, ты еще не знаешь, что случилось два дня тому назадъ. Вѣдь Неронъ публично сочетался бракомъ съ... Пифагоромъ, который представлялъ изъ себя «молодую»... Кажется, послѣ такого безумія дальше некуда идти... а между тѣмъ фламинги торжественно повѣнчали его. Я тоже присутствовалъ на этой свадьбѣ!.. Хоть я могу перенести многое, но, признаюсь, тоже возмущился и подумалъ, что если существуютъ какіе-либо боги, то они должны дать почувствовать ему свое существованіе... Впрочемъ, онъ не вѣритъ въ боговъ, да, пожалуй, и правъ.

— Да вѣдь онъ самъ представляетъ изъ себя въ одномъ лицѣ и первосвященника, и бога, и атеиста...

Петроній расхохотался.

— Совершенно вѣрно! Но мнѣ это не пришло въ голову... это такое совмѣщеніе, какого еще не бывало на свѣтѣ... И надо прибавить, что этотъ первосвященникъ, не вѣрящій въ боговъ, и богъ, насмѣхающійся надъ ними, боится ихъ, какъ атеистъ.

— Да, это доказываетъ случай въ храмѣ Весты.

— Ахъ, что за свѣтъ, что за свѣтъ!..

— Какой свѣтъ, такой и цезарь... Но все это, мнѣ кажется не долго продолжится...

Бесѣдуя такъ, они пришли домой. Виницій былъ въ веселомъ настроеніи и приказалъ подать ужинъ.

— Да, прибавилъ онъ, обращаясь къ Петронію;—свѣтъ долженъ переродиться.

— Только не мы переродимъ его, отвѣтилъ Петроній: — хоть бы потому, что при Неронѣ человекъ—что бабочка: живетъ и питается теплыми лучами милостей и погибаетъ при первомъ дуновеніи холода... при всемъ своемъ нежеланіи! Клянусь сыномъ Маи!¹⁸³) я часто думаю о томъ какимъ образомъ Люциній Сатурнъ могъ дожить до девяносто трехъ лѣтъ, пережить Тиберія, Калигулу и Клавдія... Впрочемъ, дѣло не въ нихъ... Пожалуйста, пошли свои носилки за Евникой... Я разгулялся и мнѣ не хочется спать...

Повеселимся... Прикажи позвать цитриста... а потомъ поговоримъ объ Антиѣ... о которомъ стоитъ подумать, въ особенности о тебѣ.

Виницій послалъ за Евникой; а насчетъ Антиа сказалъ, что онъ не намѣренъ обременять своей головы мыслями о немъ.

— Пусть думаютъ о немъ люди, которые хотятъ пользоваться милостями цезаря, сказалъ онъ:—Вѣдь свѣтъ не клиномъ сошелся въ Палатинѣ, особенно для тѣхъ, у которыхъ есть кое-что лучшее какъ на сердцѣ такъ и на душѣ.

Виницій говорилъ это совсѣмъ небрежно, весело и оживленно, такъ что Петроній удивился и, посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ тобою? Ты сегодня точно ребенокъ, который еще носить золотую буллу на шеѣ ¹⁸⁴).

— Я счастливъ, отвѣтилъ Виницій,—и только затѣмъ и пригласилъ тебя, чтобъ подѣлиться съ тобою своимъ счастьемъ.

— Что случилось?

— То, что я не промѣнялъ бы даже за всю римскую власть.

Причемъ онъ сѣлъ, положилъ руки на поручни кресла, откинулъ голову на спинку и продолжалъ съ сіяющей улыбкой:

— Помнишь-ли, когда мы были у Авлія и ты, увидѣвъ первый разъ божественную дѣвушку, назвалъ ее весенней зарею? Помнишь ту Психею, несравненную и красивѣйшую изъ дѣвушекъ и вашихъ богинь?

Петроній смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, точно хотѣлъ провѣрить, въ своемъ-ли онъ умѣ и въ порядкѣ-ли его голова.

— По каковски ты это говоришь! спросилъ онъ:—Конечно, помню Лигію.

— Ну, такъ вотъ я теперь женихъ Лигіи.

— Что?..

Но Виницій вдругъ вскочилъ и позвалъ диспенсатора.

— Позвать ко мнѣ тотчасъ всѣхъ невольниковъ!.. приказалъ онъ.

— Ты—женихъ? переспросилъ Петроній.

Не успѣлъ Петроній прійти въ себя отъ удивленія, какъ весь громадный атриумъ переполнился рабами разныхъ возрастовъ обоюго пола: невольники заняли не только атриумъ, но и корридоры, ведущіе въ него, разговаривая и шумя на различныхъ языкахъ. Всѣ встали вплотную между колоннъ, а Виницій, ставъ у импювіа, обратился къ отпущеннику Демѣ и сказалъ:

— Въ виду счастливаго и знаменательнаго для меня дня

я желаю, чтобы всѣ порадовались вмѣстѣ со мною, а потому скажи всѣмъ невольникамъ, которые прослужили мнѣ болѣе двадцати лѣтъ, явиться завтра къ претору, гдѣ они получаютъ отпускныя грамоты; а тѣ изъ нихъ, которые еще не прослужили такого числа лѣтъ, получаютъ по три золотыхъ и по двойной порціи чрезъ каждую недѣлю. Затѣмъ, пошли во всѣ мои деревенскіе эргастулы и прикажи снять оковы съ ногъ провинившихся невольниковъ и кормить ихъ до сыта, ибо для меня насталъ радостный день.

Сначала всѣ стояли въ молчаніи, не вѣря ушамъ своимъ, а потомъ подняли руки и хоромъ завопили:

— А-а-а, господине! аааа!...

Но Виницій далъ знакъ, чтобы они ушли и опять все зашумѣло и заволновалось, наполняя домъ радостными возгласами.

— Завтра, прибавилъ онъ, обращаясь къ Петронію, — я прикажу имъ собраться въ саду и чертить знаки, какіе они хотятъ, и кто начертитъ рыбу, того изъ нихъ освободитъ Лигія.

Петроній, никогда и ничему не удивлявшійся долго, уже охладѣлъ и равнодушно сказалъ:

— Рыбу?.. Ахъ, да!.. припоминаю!.. Это христіанскій знакъ, о которомъ намъ рассказывалъ Хилонъ... Счастье, — прибавилъ онъ помолчавъ, — всегда заключается въ томъ, въ чемъ его видитъ человекъ. Желаю тебѣ, чтобы Флора усьяла вашъ жизненный путь свѣтами на многія лѣта. Желаю тебѣ всего, чего ты самъ для себя желаешь.

— Благодарю!.. А я думалъ, что ты станешь отсовѣтовывать мнѣ... Но это было-бы напрасно.

— Я?... отсовѣтовывать!.. Напротивъ, ты хорошо дѣлаешь!..

— Ахъ, измѣнникъ! весело воскликнулъ Виницій, — а ты забылъ, что сказалъ мнѣ, когда мы уходили изъ дому Плавтіевъ.

— Нѣтъ, не забылъ, отвѣтилъ холодно Петроній, — но измѣнилъ свое мнѣніе... Да, мой милый, въ Римѣ все мѣняется: мужья мѣняютъ женъ, жены — мужей, такъ почему-же и мнѣ не измѣнить своего мнѣнія? Немного недоставало, чтобы Неронъ жинился на Актеѣ, которую мы нарочно возвели въ королевское достоинство. И что-же? У него была бы честная жена, а у насъ — августы. Клянусь Прометеемъ и его морскими безднами, что всегда буду мѣнять свои мнѣнія, если признаю это необходимымъ или удобнымъ. Что касается Лигіи, то ея королевское происхожденіе менѣе сомнительно, чѣмъ пергамскіе предки Актеи...

Однако, ты будь остороженъ въ Антиѣ съ Поппеей, потому что она мстительна.

— И не подумаю!.. Я знаю, что тамъ ни одинъ волосъ не упадетъ съ моей головы.

— Если ты хочешь этимъ удивить меня, то ошибаешься. Но изъ какого источника у тебя такая увѣренность?

— Самъ апостоль Петръ сказалъ мнѣ это.

— А!.. апостоль Петръ!.. На это и я не могу отвѣтить; однако, позволь мнѣ принять свои предосторожности, чтобы твой апостоль не оказался лжепророкомъ. Если апостоль случайно ошибется, то онъ потеряетъ твое довѣріе, которое, однако-же, можетъ пригодиться ему и въ будущемъ.

— Дѣлай что хочешь; но я вѣрю ему. А если ты намѣренъ возстановить меня противъ Петра, произнося съ ироніей и подчеркивая его имя, то—ошибаешься.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣть мнѣ еще на одинъ вопросъ: ты принялъ христіанство?

— Еще нѣтъ; но Павелъ тарсеянинъ ѣдетъ со мною для объясненія мнѣ догматовъ вѣры Христовой, а потомъ я крещусь. Вѣдь все то, что ты говорилъ мнѣ, будто они враги человѣчества и всѣхъ жизненныхъ радостей—чистѣйшая ложь!

— Тѣмъ лучше для тебя и Лигіи! сказалъ Петроній, пожимая плечами и потомъ прибавилъ, точно про себя:—но, странно, какъ эти люди умѣютъ пріобрѣтать сподвижниковъ и съ какою быстротою увеличивается ихъ секта.

— Да! отвѣтилъ Виницій съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто онъ и самъ былъ христіаниномъ: — тысячи и даже десятки тысячъ есть въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи, а также въ Греціи и Азій. Много христіанъ есть среди легионовъ, между преторіанцами и даже во дворцѣ цезаря. Это ученіе исповѣдуютъ невольники и граждане; бѣдные и богатые; плебеи и патриціи. Развѣ ты не знаешь, что Корнеліи—христіане; Помпонія тоже христіанка; Октавія была христіанкой, а Актея—и теперь остается ею? Да, христіанское ученіе охватываетъ собою весь міръ и оно одно можетъ возродить его. Теперь ты пожимаешь плечами, а кто знаетъ, быть можетъ и ты, чрезъ мѣсяць или годъ, самъ сдѣлаешься христіаниномъ...

— Я? Клянусь сыномъ Леты!¹⁸⁵)—не сдѣлаюсь и не приму ихъ ученія, хоть бы въ немъ были правда и мудрость насколько чело-

вѣческія, настолько же и божественныя... Вѣдь оно заставляет трудиться и отказываться отъ всего, а я не люблю ни труда, ни отказа себѣ въ чемъ-бы то ни было. Съ тобою, какъ человѣкомъ вспыльчивымъ и горячимъ, все можетъ случиться; ну а со мною — едва-ли!.. У меня есть свои геммы, свои камни¹⁸⁶), свои вазы и своя Евника. Я не вѣрю въ Олимпъ, но устраиваю его себѣ на землѣ и буду жить дотуда, пока стрѣла божественнаго лука не поразитъ меня или пока цезарь не прикажетъ вскрыть себѣ вены: я очень ужъ люблю запахъ фіалокъ и удобное триклиніумъ; люблю даже нашихъ боговъ, какъ риторическія фигуры, и Ахайю, въ которую ѣду съ нашимъ тучнымъ, тонконогимъ, несравненнымъ, божественнымъ цезаремъ, августомъ, Періодонисомъ, Геркулесомъ, Нерономъ!..

И онъ разсмѣялся при одномъ допущеніи, что онъ могъ бы принять ученіе галлилейскихъ рыбаковъ, и такъ развеселился, что даже зашѣлъ:

„Миртовою зеленью я украшу свой мечъ
И пойду по слѣдамъ Гармодея и Аристогитона...“

Въ этотъ моментъ доложили, что пришла Евника, которая и прервала его пѣніе.

Вскорѣ послѣ ея прибытія подали ужинъ, во время котораго цитристъ пропѣлъ нѣсколько пѣсень, а Виницій рассказалъ Петронію о посѣщеніи его Хилономъ, что онъ сдѣлалъ съ нимъ и чѣмъ была вызвана мысль пойти къ апостоламъ.

Петроній опять началъ дремать, въ виду чего протеръ глаза и сказалъ:

— Всякая мысль хороша, если она приноситъ существенную пользу. Что касается Хилона, то я лучше далъ бы ему пять золотыхъ, а если ты приказалъ его съѣчь, то ужъ нужно было совсѣмъ засѣчь... Кто знаетъ?.. Быть можетъ, со временемъ, ему станутъ кланяться сенаторы, какъ теперь кланяются нашему рыцарю-сапожнику Ватинію. Спокойной ночи!

И, снявъ вѣнки, Петроній и Евника распрощались съ Виниціемъ. По уходѣ ихъ, послѣдній пошелъ въ бібліотеку и написалъ къ Лигіи письмо:

«Мое желаніе, чтобы это письмо первое сказало тебѣ добрый день, какъ только ты откроешь свои глаза, а потому и пишу его, хотя завтра увижусь съ тобою. Цезарь уѣзжаетъ послѣ завтра. Къ

сожалѣнію, и я долженъ сопутствовать ему. Я ужь говорилъ тебѣ, что мнѣ нельзя ослушаться и рисковать жизнью въ то время, когда мнѣ совсѣмъ не хочется умирать. Но если ты не желаешь, чтобы я уѣхалъ, то напиши хоть одно слово и я останусь, а ужь дѣло Петронія предотвратить угрожающую мнѣ опасность. Сегодня, въ достопамятнѣй для меня день, я наградилъ всѣхъ моихъ рабовъ, а тѣхъ, которые прослужили мнѣ болѣе двадцати лѣтъ, совсѣмъ отпустилъ и завтра пойду съ ними къ претору, чтобы оформить отпускъ. Ты, дорогая моя, похвали меня за это. Мнѣ кажется, что мой поступокъ будетъ согласенъ съ тѣмъ ученіемъ, которое ты исповѣдуешь: это я сдѣлалъ ради тебя и завтра скажу имъ, что они обязаны тебѣ свободой, чтобы они были благодарны именно тебѣ. За то я самъ отдаюсь въ неволю тебѣ и дай Богъ, чтобы я никогда не былъ такимъ отпущенникомъ. Да будетъ проклятъ Антій и путешествіе Агенобарба! Я очень счастливъ, что не настолько умень, какъ Петроній, а потому мнѣ не нужно ѣхать еще въ Ахайю. А пока, воспоминанія о тебѣ усладятъ все мое свободное время. Какъ только освобожусь и получу малѣйшую возможность уѣхать, тотчасъ сяду на коня и примчусь въ Римъ, чтобы насладить очи свои зрѣніемъ тебя и слухъ мой твоимъ сладостнымъ голосомъ. Ну, а если буду занятъ, то стану присылать невольниковъ справляться о твоёмъ здоровьи. Привѣтъ тебѣ, моя божественная; обнимаю твои ножки. Не сердись за то, что я называю тебя «божественной», но я еще не научился называть иначе,—привѣтствую тебя изъ будущаго твоего дома всею душою»...

IX.

Въ Римѣ всѣмъ было извѣстно, что цезарь по дорогѣ желаетъ посѣтить «Остію», или, точнѣе, величайшій въ мірѣ корабль, только что прибывшій съ зерновымъ хлѣбомъ изъ Александріи, а затѣмъ ужь по набережной, *via Litteralis*, проѣдетъ въ Антій. Всѣ распоряженія поэтому случаю были сдѣланы за нѣсколько дней, а потому, въ день отъѣзда, съ ранняго утра чернь и всякіе народы начали собираться у порта Остіенсисъ, съ цѣлью посмотреть на торжественный отъѣздъ цезаря. Такими зрѣлищами чернь никогда не могла насладиться, хотя видѣла ужь десятки разъ. Въ Антій дорога была не трудная и не далекая, а въ самомъ городѣ, состоящемъ изъ великолѣпныхъ

дворцовъ и виллъ, можно было найти всѣ удобства, какія требовались современною роскошью и избыткомъ. Тѣмъ не менѣе, цезарь привыкъ брать съ собою всѣ вещи, къ которымъ онъ привыкъ и которыя особенно нравились ему, начиная отъ музыкальныхъ инструментовъ и домашней утвари и кончая изваяніями и мозаикой, которою настилали полы даже при короткихъ его остановкахъ въ какомъ нибудь мѣстѣ для отдыха или только закуски. Благодаря этому, при каждой его поѣздкѣ, ему сопутствовали цѣлыя полки рабовъ, не считая преторіанцевъ и августіановъ, у *каждаго* изъ которыхъ были тоже свои отряды невольниковъ.

Въ виду этой поѣздки, въ тотъ-же день утромъ, кампанійскіе пастухи, одѣтые въ козлиныя шкуры на ногахъ и съ лицами загорѣвшими отъ солнца, прогнали чрезъ городскія ворота пятьсотъ ослицъ, предназначенныхъ для Поппеи, которая купалась въ молоко ихъ, съ тою цѣлью, чтобы, по прибытіи въ Антію, приготовить ей ванну. Чернь съ наслажденіемъ и смѣхомъ смотрѣла на колыхавшіяся среди облаковъ пыли длинныя уши ослинаго стада и прислушивалась къ свисту бичей и дикимъ крикамъ пастуховъ. По прошествіи стада, отряды мальчишекъ появились на дорогѣ и, очистивъ ее отъ помета, начали тщательно посыпать дорогу цвѣтами и зелеными иглами пицій. Среди народа не безъ гордости говорили о томъ, что весь путь до Антія будетъ усыпанъ цвѣтами, которые были взяты изъ всѣхъ частныхъ садовъ въ окрестностяхъ Рима и даже откуплены за большія деньги отъ продавщицъ у porta Mugionis. По мѣрѣ того, какъ проходило время, среди народа воцарялись все больше шумъ и давка. Многіе пришли со всѣми своими чадами и домочадцами, а чтобы сократить время долгаго ожиданія, расположились съ провизіей и разными закусками на камняхъ строившагося храма Цереры и ѣли свой «прандіумъ» ¹⁸⁷⁾ подъ открытымъ небомъ. Мѣстами, составлялись группы, которыя забавляли опытные и бывалые люди. Они вели разговоръ о настоящей и будущихъ поѣздкахъ цезаря и о путешествіи вообще; причѣмъ матросы и отставные солдаты рассказывали чудеса о разныхъ странахъ и экспедиціяхъ, о которыхъ слышали или въ которыхъ сами участвовали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еще никогда не бывала ни одна римская нога. Мѣщане, никогда не бывавшіе дальше *via Arria*, съ удивленіемъ слушали рассказы о чудесахъ Индіи и Аравіи; объ архипелагахъ, окружающихъ Британію, объ одномъ островѣ, на которомъ Бриарей за-

ключилъ въ тюрьму заснувшаго Сатурна и гдѣ жили духи; о Гиперборейскихъ странахъ, застывшихъ моряхъ, о шумѣ и ревѣ океана въ моментъ заката солнца. Всѣмъ этимъ расскажем чернь вѣрила легко; да вѣрили имъ даже и такіе, какими были Плиніи и Тациты. Между прочимъ, говорили о кораблѣ, который хотѣлъ посѣтить цезарь, что онъ привезъ на два года пшеницы, болѣе четырехсотъ путешественниковъ, такое-же количество служащихъ на немъ матросовъ и множество дикихъ звѣрей, которые предназначались для зрѣлищъ въ лѣтніе мѣсяцы. Все это располагало народъ къ цезарю, который не только кормилъ его, но и доставлялъ удовольствія, а потому ему готовились торжественные проводы.

Наконецъ, вдали показался первый отрядъ нумидійскихъ наѣзниковъ, принадлежавшихъ къ преторіанскимъ войскамъ, которые предшествовали предстоящему походу. Они были одѣты въ желтую одежду съ красной опояской и золотыми серьгами, бросавшими отблескъ на ихъ черныя лица. Острія ихъ бамбуковыхъ пикъ блестѣли на солнцѣ. Послѣ нихъ начался походъ на подобіе процессіи. Толпы подвигались все ближе, выбирая поудобнѣе мѣста, чтобы вблизи видѣть церемонію. Но въ это время преторіанцы расположились шпалерами по бокамъ улицы и отгѣснили ихъ, такъ что образовалась свободная дорога. Впереди шли возы съ шатрами изъ пурпура, красной, фіолетовой матеріи, бѣлаго бисса съ золотыми нитями, восточными коврами, цитрусовыми столами, кусками мозаики, кухонною утварью, клѣтками съ южными, восточными и западными птицами, мозгъ и языки которыхъ предназначались для цезарскаго стола, амфоры съ виномъ и корзины съ фруктами. Всѣ предметы, которыхъ не желательно было погнуть или сломать, какъ на примѣръ, драгоценныя сосуды и изваянія изъ коринеской мѣди, сотни рабовъ несли въ рукахъ: здѣсь были видны этрусскія и греческія вазы; золотыя и серебряныя сосуды и александрійскій хрусталь. Каждый рядъ драгоценностей отдѣлялся отрядомъ конныхъ и пѣшихъ преторіанцевъ, а за каждымъ невольничьимъ отрядомъ наблюдали особыя смотрители, вооруженные бичами съ свинцовыми или желѣзными наконечниками. Походъ этотъ, состоявшій изъ рабовъ съ сосудами и другими предметами роскоши, былъ похожъ на религіозную процессію и производилъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что здѣсь-же шли придворныя и цезарскія музыканты съ арфами, греческими, еврейскими и египетскими лютнями, лирами, форминксами, цитрами, сви-

рѣлями, длинными выгнутыми трубами, улями и цимбалами. Смотря на это море инструментовъ, блестящихъ на солнце золотомъ, бронзой, драгоценными камнями и перламутромъ можно было представить себѣ, что это Аполлонъ или Бахусъ собрались въ кругосвѣтное путешествіе. За ними появились великолѣпныя колесницы съ плясунами, танцорами и танцовщицами, художественно сгруппированными, съ трезубцами въ рукахъ. За этими послѣдними ѣхали рабы служившіе исключительно для красоты и избытка: здѣсь были дѣти обоего пола изъ Греціи и Малой Азіи съ длинными волосами, завитыми пучками или собранными въ золотистыя сѣтки. Всѣ они были похожи на амуровъ, съ красивыми личиками, покрытыми однако же толстымъ слоемъ косметиковъ, чтобы вѣтеръ Кампаньи не опалилъ ихъ лицъ.

За ними показался отрядъ гигантовъ преторіанцевъ, называемыхъ сикамбрами ¹⁸⁸), съ голубыми глазами, бородатыхъ, свѣтло и темно-волосыхъ. Передъ ними шли знаменосцы, имагинаріи, которые несли римскихъ орловъ, таблетки съ надписями, изваянія римскихъ и германскихъ божествъ и поясные бюсты цезаря. Изъ подъ панцырей и кожъ виднѣлись ихъ солдатскія загорѣлыя руки, сильныя какъ военныя машины, способныя владѣть тяжелымъ оружіемъ, которымъ они и были вооружены. Казалось, что подъ тяжестью ихъ дрожала земля, между тѣмъ какъ они сами, съ полнымъ сознаниемъ своей силы, которою приводили въ страхъ самихъ цезарей, съ гордостью смотрѣли на уличную чернь, очевидно забывъ, что многіе изъ нихъ пришли въ этотъ городъ въ цѣпяхъ. Но здѣсь ихъ было немного: главныя преторіанскія силы остались на мѣстѣ для охраны города и соблюденія порядка. Послѣ нихъ вели на цѣпяхъ упрямыхъ львовъ и тигровъ Нерона на тотъ случай, если ему вздумается, въ подражаніе Діонисію, прокатиться на нихъ въ колесницѣ. Ихъ вели на цѣпяхъ съ петлями, украшенныхъ цвѣтами и казавшихся гирляндами, а не цѣпями. Прирученные и дресированные опытными бестіарами ¹⁸⁹) они спокойно смотрѣли на народъ своими зеленоватыми и точно сонными глазами и только по временамъ поднимали свои громадныя головы, обнюхивая человѣческія испаренія и облизывая свои пасти шереховатыми языками.

Затѣмъ шли цезарскіе возы и паланкины, малые и большіе, золоченые или пурпурные, отдѣланные слоновою костью, жемчугомъ и разными камнями, играющими на солнцѣ; затѣмъ шелъ еще от-

отрядъ преторіанцевъ въ римскомъ вооруженіи, состоявшій изъ однихъ италійскихъ солдатъ-охотниковъ ¹⁹⁰⁾; потомъ толпы изящныхъ слугъ и мальчиковъ, и, наконецъ, самъ цезарь, приближеніе котораго оповѣщалось издали криками толпы.

Въ этой же толпѣ любопытныхъ находился и апостолъ Петръ, которому захотѣлось хоть разъ въ жизни увидѣть цезаря. Съ нимъ была Лигія, плотно закутанная густымъ личнымъ покровомъ, и Урсъ, представлявшій надежную защиту среди необузданной и развращенной толпы. Лигіецъ взялъ одинъ изъ громаднѣйшихъ камней, предназначенныхъ для постройки храма, и принесъ его апостолу, чтобы ему было виднѣе смотрѣть на шествіе. Сначала толпа, которую Урсъ раздвигалъ своими руками, точно волны, начала роптать и высказывать свое неудовольствіе на безпокойство; но когда она увидала, какъ Урсъ поднялъ камень, который не могли-бы поднять въ четверомъ самые сильные изъ народа, этотъ ропотъ превратился въ удивленіе.

— «Macte!» ¹⁹¹⁾ послышалось вокругъ.

Но въ это время подъѣзжалъ цезарь, сидѣвшій въ колесницѣ въ видѣ шатра, запряженной шестью идумейскими жеребцами, подкованными золотыми подковами. Колесница была открыта со всѣхъ сторонъ, чтобы народъ могъ видѣть цезаря. Въ ней могло помѣститься нѣсколько человекъ, но Неронъ, желая чтобы всѣ сосредоточивали свое вниманіе только на немъ, ѣхалъ чрезъ городъ одинъ, имѣя въ ногахъ своихъ лишь двухъ карликовъ-уродцевъ. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлую туніку и аметистовую тогу, бросавшую синеватый отблескъ на его лицо; на головѣ былъ одѣтъ лавровый вѣнокъ. Со времени его поѣздки въ Неаполь, онъ значительно пополнилъ, лицо расплылось, подъ челюстью свѣшивался двойной подбородокъ, а уста, близко расположенныя къ носу, теперь будто слились съ ноздрями. Толстая шея, по обыкновенію, была завязана шелковымъ платкомъ, который онъ поминутно поправлялъ своей жирною рукою, заросшею на сочлененіяхъ рыжими волосами, представлявшими рядъ кровавыхъ пятенъ. Волоса эти онъ не позволялъ вырывать своимъ эпиляторамъ, такъ какъ ему сказали, что отъ этого будутъ дрожать пальцы, что станетъ мѣшать игрѣ на лютнѣ. Безусловная пустота и апатія, какъ и всегда, ясно проглядывала на его лицѣ, которое вообще было шутовски-ужасно. Онъ поворачивалъ голову въ обѣ стороны, прищуривалъ глаза и прислушивался къ привѣтствіямъ, состоявшимъ

изъ громкихъ рукоплесканій и криковъ: «да здравствуетъ божественный цезарь; да здравствуетъ императоръ, несравненный побѣдитель, сынъ Аполлона, Аполлонъ!» Слыша эти слова, онъ улыбался, но въ то-же время его лицо передергивалось и хмурилось, потому что римляне были большіе зубоскалы и насмѣшники. Будучи увѣрены въ силу своей многочисленности, они позволяли себѣ насмѣхаться даже надъ такими триумфаторами, которыхъ дѣйствительно любили и уважали. Всѣмъ было извѣстно, что при вѣздѣ Юлія Цезаря въ Римъ, ему кричали: «граждане, скорѣй прячьте своихъ женъ; ѣдетъ лысый сорванецъ!» Хотя чудовищное самолюбіе Нерона не переносило ни хулы, ни насмѣшекъ, тѣмъ не менѣе, среди разношерстныхъ толпъ слышались и такіе возгласы: «Рыжебородый! куда везешь свою огненную бороду? Или боишься, чтобы Римъ не загорѣлся отъ нея?» Кричавшіе такъ въ это время и не подозрѣвали, что въ возгласахъ ихъ заключается ужасное пророчество. Но цезаря не особенно злили эти слова, потому что онъ не носилъ бороды: онъ давно ужъ принесъ ее въ даръ, въ золотой коробкѣ, Юпитеру Капитолійскому. Однако, многіе, скрывшись за горами камней и стѣнами строящагося храма, выкрикивали не совсѣмъ лестные для него эпитеты, какъ напримѣръ: «*Matricida!*» «*Nero!*» «*Orestes!*» «*Alcmoeon!*»¹⁹²). А другіе задавали вопросы: «Гдѣ Октавія?» «Сними мантию!..» А на ѣдущую слѣдомъ за нимъ кричали: «*flava coma!*» — эпитетъ уличныхъ женщинъ. Всѣ эти возгласы прекрасно отличало музыкальное ухо Нерона и онъ прикладывалъ къ глазу свой полированный изумрудъ, какъ бы желая увидѣть и запомнить такого крикуна. Такимъ образомъ, его взглядъ остановился на Петрѣ, стоявшемъ на камнѣ, и оба они въ упоръ посмотрѣли другъ на друга. Но никому въ этотъ моментъ и въ голову не пришло, что это смотрятъ два соперника и два владѣтеля вселенной, одинъ изъ которыхъ исчезнетъ, какъ ужасное видѣніе, а другой, старикъ, одѣтый въ крестьянскую лацерну, возьметъ бразды правленія и станетъ управлять миромъ вѣковѣчныхъ времена.

Наконецъ цезарь проѣхалъ, а за нимъ восемь афровъ пронесли великолѣпные носилки съ Поппеей, которую народъ ненавидѣлъ. Она была одѣта, какъ и Неронъ, въ аметистовую одежду, съ толстымъ слоємъ косметики на лицѣ, неподвижная, задумчивая и апатичная; она выглядѣла, какъ прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ злое божество, которое носили во время процессій. За нею тянулись ве-

реницами рон женской и мужской прислуги и возы съ гардеробомъ и различными приборами. Солнце уж изрядно перевалило за полдень, когда показался безконечный хороводъ августіановъ и августіанокъ. Лѣнливаго Петронія, сочувственно привѣтствуемаго народомъ, тоже несли въ носилкахъ, съ бывшей его невольницей, красивой, какъ богиня; Тигелинъ ѣхалъ въ колесницѣ, запряженной маленькими пони, покрытыми бѣлыми попонами и украшенными пурпурными перьями. Онъ часто становился въ колесницѣ и вытягивалъ шею, поглядывая, скоро-ли цезарь дастъ знакъ пересѣсть къ нему. Между прочимъ, толпы привѣтствовали: аплодисментами—Лициніана Пизона¹⁹³); смѣхомъ—Вителія и свистомъ—Ватинія. Что касается консуловъ Лицинія и Лекана, то народъ относился къ нимъ равнодушно; за то Тулій Сенецій, котораго любили неизвестно за что, а также Вестиній были встрѣчены непрерывными рукоплесканіями. Дворъ былъ не перечислимый. Казалось, что все богатѣйшее, утонченнѣйшее и извѣстнѣйшее въ Римѣ эмигрировало въ Антиію. Неронъ никогда не путешествовалъ меньше чѣмъ въ тысячу возовъ и свиты, превышавшей численность солдатъ въ легионѣ¹⁹⁴). Среди царедворцевъ были: Домицій Афръ, оубившій Люцій Сатурнинъ, Веспасіанъ, до своей экспедиціи въ Іудею, откуда потомъ вернулся за цезаровской короной; его сыновья: молодой Нерва, Луканъ, Анній Галлонъ, Квинтіанъ и много красивыхъ женщинъ, извѣстныхъ какъ по своему богатству, такъ и по разврату. Глаза зрителей разбѣгались по знакомымъ лицамъ, по упряжи, конямъ, колесницамъ, страннымъ одеждамъ рабовъ и слугъ, набранныхъ изъ всѣхъ народовъ свѣта. Въ этомъ наводненіи пышности и великолѣпія неизвестно было, на что смотрѣть, и не только глаза разбѣгались и слѣпли, но и умъ помрачался отъ блеска золота, пурпура, фіолета, игры драгоценныхъ камней, бисера, жемчуга и слоновой кости. Казалось, что даже солнечные лучи меркнутъ при этомъ блескѣ роскоши и богатства, и хоть среди всякаго сброда было не мало голодныхъ и нищихъ, картина этого шествія ободряла всѣхъ ихъ, возбуждала желаніе къ жизни и зависть, а въ то-же время напоминала имъ о силѣ, прочности и устойчивости Рима, передъ которымъ преклонялся весь свѣтъ. Конечно, въ этомъ свѣтѣ не было никого, кто-бы осмѣлился думать, что это могущество не переживетъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, и что есть на землѣ кое-что такое, что сильнѣе всякаго могущества.

Виницій, ѣхавшій въ концѣ и замыкавшій шествіе, не ожидалъ увидѣть апостола, а тѣмъ болѣе—Лигію. Онъ выскочилъ изъ колесницы и, поздоровавшись съ ними, быстро заговорилъ, какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ ни одной свободной минуты для разговора:

— И ты пришла, Лигія?.. О, какъ я благодаренъ тебѣ! Лучшаго предзнаменованія я и не прошу у Бога... Привѣтствую тебя при прощаньи и прощаюсь не надолго. Я разставляю по дорогѣ своихъ пареянскихъ коней и въ какой-бы день не освободился, тотчасъ примчусь къ тебѣ и буду ѣздить такъ, пока не выхлопочу отпуска.—Будь здорова!

— Желаю и тебѣ здоровья, Маркъ! отвѣтила Лигія и потомъ тише прибавила: — пусть самъ Христосъ руководитъ тобою и откроетъ твои глаза и сердце на ученіе Павла.

Виницій былъ доволенъ ея отвѣтомъ и, думая, что она хочетъ, чтобы онъ скорѣе сдѣлался христіаниномъ, произнесъ:

— Да будетъ по твоему, *Ocelle mi!*.. Хотя Павелъ предпочелъ ѣхать съ моими людьми, но онъ ѣдетъ одновременно со мною и будетъ моимъ товарищемъ и руководителемъ... Открой лицо, моя радость, и дай еще разъ взглянуть на тебя!.. Зачѣмъ ты такъ закуталась?..

Она приподняла покрывало и показала ему свое чудесное, улыбающееся лицо.

— А развѣ это худо? спросила она, награждая его плутовской улыбкой и говоря съ дѣвическимъ противорѣчіемъ.

— Худо для глазъ моихъ, которыми я хочу весь вѣкъ смотрѣть на тебя одну, отвѣтилъ онъ съ увлеченіемъ и, обращаясь къ Урсу, прибавилъ;—береги ее, какъ зеницу своего ока, потому что она не только твоя, но и моя госпожа!

Причемъ онъ взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ, къ величайшему удивленію черни, которая не могла понять признаковъ такого почтенія августіанина къ дѣвушкѣ, одѣтой чуть-ли не въ невольничью одежду.

— Будь здорова!.. прибавилъ онъ и быстро удалился, потому что шествіе значительно опередило его. Петръ незамѣтно осѣнилъ его крестомъ. Добрый Урсъ тотчасъ началъ хвалить его, радуясь, что его молодая госпожа смотритъ на него съ благодарностью.

По мѣрѣ удаленія кортежа, все большій туманъ пыли окутывалъ его; но они все смотрѣли вслѣдъ удалявшемуся Виницію. Въ

это время къ нимъ подошелъ мельникъ Дема, у котораго работалъ Урсь. Поцѣловавъ руку апостола, онъ пригласилъ всѣхъ ихъ закусить, говоря, что домъ его близко, а они навѣрное проголодались, стоя съ утра у воротъ.

И они пошли. Закусивъ и отдохнувъ въ его домѣ на Емпоріумѣ, они уже подъ вечеръ возвращались за Тибръ. Имѣя намѣреніе пройти черезъ мостъ Эмілія, они шли по *clivus Publicus*, проходящій посерединѣ Авентинскаго холма, между храмами Діаны и Меркурія. Апостолъ Петръ смотрѣлъ съ высоты на окружающіе его и находившіеся вдали строенія. Погруженный въ размышленія, онъ думалъ о величіи и власти города, въ который онъ явился проповѣдывать слово Божіе. До настоящаго времени онъ, путешествуя по разнымъ краямъ, видѣлъ римское могущество, власть и легионы, но тамъ они были какъ-бы отдѣльные члены той силы, которую онъ увидѣлъ сегодня въ первый разъ въ обособленной личности цезаря. Этотъ большой городъ, лютый, жадный, разнузданный и развратный до мозга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непоколебимый въ своей нечеловѣческой силѣ; этотъ цезарь — братоубійца, матереубійца и женоубійца, за которымъ шелъ, не меньшій отъ его двора, кортежъ кровавыхъ призраковъ; этотъ развратникъ, скоморохъ и правитель тридцати легионовъ, а за ними—и всей земли; наконецъ, всѣ эти царедворцы и придворные, одѣтые въ золото и пурпуръ,—все это, вмѣстѣ взятое, показалось ему царствомъ зла и безправія. И онъ удивился своимъ простоватымъ сердцемъ, какъ Господь далъ такую необъятную власть и могущество дьяволу, который попираетъ и топчетъ Его землю; заставляетъ плакать и проливать кровь; вертеть всѣми какъ вихрь, ломаетъ, какъ буря и жжетъ, какъ огонь. И онъ сильно обезпокоился; его апостольское сердце встревожилось и онъ возопилъ въ душѣ къ Учителю:

— Господи! что я сдѣлаю въ этомъ градѣ, куда Ты послалъ меня? Его всѣ моря и суша; звѣрь на землѣ и рыба въ водѣ; его царства, города и легионы, охраняющіе ихъ, а я, о, Господи! не больше, какъ рыбакъ. Что я сдѣлаю съ нимъ и какъ побѣжу зло?

Говоря это про себя, онъ возносилъ свою дрожащую голову къ небу, молясь въ душѣ и вызывая изъ глубины своего сердца къ своему божественному Учителю.

Въ этотъ моментъ его размышленія прервала Лигія.

— Весь городъ, точно въ огнѣ... сказала она.

Дѣйствительно, въ этотъ вечеръ солнце заходило довольно странно. Его огромный дискъ, до половины, зашелъ за Яникулъскіе холмы и весь горизонтъ наполнился краснымъ огнемъ. Съ мѣста, на которомъ они стояли, ихъ взгляды могли видѣть далекія пространства. Направо находились продолговатыя стѣны цирка Максимуса; надъ нимъ—высящіеся Палатинскіе дворцы, а прямо передъ нимъ—форумы Боаріумъ и Велабріумъ и верхъ Капитолія съ храмомъ Юпитера. И все это какъ-будто было погружено въ золотисто-пурпурный блескъ; видныя вдали части рѣки были точно переполнены кровью и, по мѣрѣ того, какъ солнце садилось ниже за холмы, блескъ дѣлался краснѣе, производя впечатлѣніе гигантскаго зарева, которое росло и ширилось, пока наконецъ обьяло все семь холмовъ.

— Весь городъ, точно въ огнѣ... повторила Лигія.

Петръ прикрылъ глаза рукою.

— Да. Гнѣвъ Божій тяготитъ надъ нимъ! отвѣтилъ онъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Винилій къ Лигіѣ:

«Невольникъ Флегонъ, чрезъ посредство котораго я посылаю тебѣ это письмо—христіанинъ и онъ долженъ быть освобожденъ тобою, моя дорогая. Это старый слуга нашего дома, а потому чрезъ него можно посылать письма, будучи увѣреннымъ, что они попадутъ по назначенію. Пишу изъ Лаврента ¹⁹⁴⁾, въ которомъ мы остановились вслѣдствіе сильной жары. Оттонъ ¹⁹⁵⁾ владѣлъ здѣсь прекрасной виллой, которую въ свое время подарилъ Поппеѣ и хотя потомъ она развелась съ нимъ, но подарокъ оставила себѣ... Думая о женщинахъ, которыя теперь окружаютъ меня, и о тебѣ, мнѣ кажется, что всѣ сорта людей, совсѣмъ не похожихъ одинъ на другой, родились изъ камней Девкаліона ¹⁹⁶⁾ и что ты принадлежишь къ роду хрустала. Я восхищаюсь тобою и люблю тебя всею душою, такъ что мнѣ хочется говорить только о тебѣ, а между тѣмъ я долженъ описать тебѣ наше путешествіе, придворныя новости и о себѣ. Итакъ, цезарь былъ въ гостяхъ у Поппеи, которая тайно устроила ему торжественный пріемъ. Не многіе изъ августіановъ были на этомъ торжествѣ, однако Петроній и я получили приглашенія. Послѣ прандіума, мы катались въ золоченыхъ ладьяхъ по морю, которое было такъ тихо, точно дремало, и такое голубое, какъ твои глаза. Мы сами грести. Очевидно, это доставляло удовольствие августѣ и льстило ея самолюбію, что ее везутъ консулярные мужи и ихъ сыновья. Цезарь, стоя у руля, въ пурпурной тогѣ,

пѣлъ гимнъ въ честь моря, который сочинилъ прошедшею ночью и положилъ на музыку вмѣстѣ съ Діодоромъ. Индійскіе невольники, ѣхавшіе въ другихъ лодкахъ, аккомпанировали ему на морскихъ раковинахъ, высвистывая мелодію; кругомъ выплывали дельфины, точно извлекаемые музыкой изъ глубины Амфитриды. Между тѣмъ я думалъ о тебѣ и готовъ былъ сосредоточить все вмѣстѣ—и море, и эту прекрасную погоду, и музыку, и отдать тебѣ. Не желалъ-ли когда-нибудь пожить на морскомъ берегу, моя августа, вдали отъ Рима? У меня въ Сициліи есть земля съ большимъ миндальнымъ лѣсомъ, который весною покрывается розовымъ цвѣтомъ. Онъ простирается до самаго моря, такъ что концы вѣтвей миндальныхъ деревьевъ касаются воды. Тамъ я буду любить тебя и изучать вѣру, которой Павелъ станетъ учить меня. Вѣдь я ужъ знаю, что это ученіе не запрещаетъ любить и быть счастливымъ. Желалъ-ли?.. Но, прежде чѣмъ я получу отвѣтъ, я буду продолжать свое письмо и расскажу, что случилось въ ладѣ. Отѣхавъ далеко отъ берега, мы увидѣли вдали паруса и начали спорить: обыкновенная-ли эта рыбацья лодка или большое судно изъ Остіи. Я разсмотрѣлъ первый и августа, сказавъ что отъ моей дальнорзости должно быть ничего не можетъ скрыться,—тотчасъ опустила покрывало и спросила: узналъ-бы-ли я ее подъ нимъ? На это Петроній, вмѣсто меня, отвѣтилъ ей, что бываютъ дни, когда изъ-за тучъ даже и солнца не видно; но она, какъ-бы шутя, прибавила, что такой быстрый взглядъ, какъ мой, только одна любовь можетъ ослѣпить. Причемъ она стала называть по именамъ августіанокъ, съ цѣлью угадать, въ которую я влюбленъ. Я спокойно отвѣчалъ ей. Наконецъ она произнесла и твое имя, а затѣмъ открыла лицо и начала смотрѣть на меня злыми, пронизательными глазами. Къ счастью, Петроній случайно или съ умысломъ накренилъ лодку на бокъ и этимъ отвлекъ вниманіе Понпей отъ меня. Еслибъ я услышалъ хоть одно какое-нибудь ироническое слово о тебѣ, то навѣрное не могъ-бы скрыть своего гнѣва и тогда поневолѣ долженъ былъ обуздывать себя, чтобъ не разбить весломъ головы этой злой женщинѣ... Вѣдь ты помнишь мой рассказъ о приключеніи со мною на прудѣ Агриппы... Петроній боится за меня и еще сегодня уговаривалъ меня не раздражать самолюбія августа. Но онъ не понимаетъ меня и не знаетъ, что послѣ тебя у меня не существуетъ ни красоты, ни любви. Онъ думаетъ, что я питаю къ ней отвращеніе и презираю ее. Но, благодаря тебѣ, я

до того измѣнился, что ужъ не могу вернуться къ прежней жизни. Однако, ты не бойся за меня: Поппея не любитъ меня, потому что она неспособна любить никого, и ея желанія проистекаютъ лишь отъ злости на цезаря, который, можетъ быть, еще находится подъ ея обаяніемъ и отчасти любитъ ее, но все-таки не падить ее и не скрываетъ передъ нею своего разврата... Какъ - бы тамъ ни было, а я скажу тебѣ нѣчто такое, что тебя успокоитъ. Помнишь, какъ Петръ сказалъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ, чтобъ я не боялся цезаря и что ни одинъ волосъ не упадетъ съ моей головы—и я вѣрю ему. Какой-то вѣщій голосъ внушаетъ мнѣ, что его слова должны осуществиться; а такъ какъ онъ благословилъ нашу любовь, то ни цезарь, ни всѣ силы Гадеса, ни самое предопредѣленіе не въ силахъ отнять тебя отъ меня. Думая о томъ, я счастливъ и спокоенъ, какъ можетъ быть спокойно небо. Но можетъ тебѣ, какъ христіанкѣ, неприятно, что я говорю о небѣ и предопредѣленіи? Въ такомъ случаѣ, прости меня за мой невольный грѣхъ. Еще святое крещеніе не омыло меня и мое сердце пусто, какъ чара, которую Павелъ намѣренъ наполнить вашимъ сладчайшимъ некторомъ священнаго ученія и тѣмъ больше пріятнымъ для меня, что ты исповѣдуешь одинаковую съ нимъ вѣру. Въ этомъ тоже ты должна признать мою заслугу, что я вылилъ изъ этой чары прежнее вино, больше не хочу его пить и стремлюсь къ источнику живой и чистой воды. Будь милостива ко мнѣ. Въ Антиѣ всѣ дни и ночи я посвящу на слушаніе рѣчей Павла, который уже успѣлъ, въ первый-же день нашего путешествія, настолько повліять на моихъ людей, что они не отходятъ отъ него, считая его великимъ учителемъ и даже сверхъестественнымъ человѣкомъ. Вчера я видѣлъ его и спросилъ, что онъ дѣлаетъ: а онъ отвѣтилъ: «Сѣю!» Петроній знаетъ, что онъ находится межъ нами и желаетъ видѣться съ нами; Сенека—тоже: онъ слышалъ о немъ отъ Галлона... Однако, ужъ звѣзды меркнутъ и утренній свѣтъ входитъ въ свою силу: скоро заря окраситъ море. Всѣ спать спокойно, только я одинъ думаю о тебѣ, потому что люблю. Привѣтъ тебѣ, sponsa mea, вмѣстѣ съ утренней зарею!»

II.

Виницій къ Лигіѣ:

«Была-ли ты, моя дорогая, когда-либо съ Плавтіями въ Ан-

ти? Если не была, то я почту за счастье показать его. Отъ самого Лаврента, по набережной, начинаются виллы, идя одна за другою, а самый Антій—это безконечный рядъ дворцовъ и портиковъ, колонны которыхъ, въ хорошую погоду, отражаются въ водѣ. И у меня здѣсь есть своя вилла съ масличной рощей и кипарисовымъ лѣсомъ, и когда я думаю, что эта вилла будетъ и твоею, то мраморныя стѣны ея мнѣ кажутся бѣлѣе, сады—зеленѣе и море—розовѣе. Ахъ, Лигія! какъ пріятно жить и любить! Старый Меникъ, управляющій моею виллою, насадилъ, на лугахъ подъ миртами, куртины ирисовъ. При видѣ ихъ, я вспомнилъ домъ Плавтія, вашъ имплювій и садъ, въ которомъ сидѣлъ съ тобою. И тебѣ они будутъ напоминать родной домъ, а потому я увѣренъ, что ты полюбишь Антій и виллу. Тотчасъ по прибытіи сюда, я долго разговаривалъ съ Павломъ за прандіумомъ. Сначала мы говорили о тебѣ, а потомъ онъ началъ поучать меня; я внимательно слушалъ его и скажу тебѣ только одно: еслибъ я умѣлъ такъ краснорѣчиво писать какъ Петроній, то и тогда не сумѣлъ-бы рассказать, какія мысли проносились въ это время въ моей головѣ и что я придумалъ: Я не ожидалъ, что на свѣтѣ есть такія: счастье, красота и покой, о которыхъ люди еще не знаютъ. Но, все это я расскажу тебѣ въ свободную минуту, когда приѣду въ Римъ, а ты скажи мнѣ, пожалуйста: какъ можетъ земля держать вмѣстѣ такихъ людей, какъ апостолы Петръ и Павелъ и цезарь? Я спрашиваю это потому, что вечеръ послѣ разговора съ Павломъ я провелъ у Нерона, и знаешь-ли, что тамъ слышалъ? Прежде всего, онъ самъ читалъ свою поэму о пожарѣ и развалинахъ Трои, а затѣмъ началъ упрекать себя, что онъ никогда не видалъ горящаго города. Онъ завидовалъ Пріаму и называлъ его счастливецемъ, что тотъ могъ видѣть пожаръ родного города. Въ виду такого его сожалѣнія, Тигелинъ отвѣтилъ ему:

— «Скажи одно слово, божественный цезарь и я возьму факель, и прежде чѣмъ кончится ночь, ты увидишь весь Антій въ огнѣ!»
«Цезарь обозвалъ его глушцомъ.

— «А куда я потомъ стану ѣздить дышать чистымъ морскимъ воздухомъ и лечить голосъ, которымъ меня наградили боги и который я долженъ сберечь для общей пользы человѣчества? Развѣ ты не знаешь, что Римъ вреденъ для меня? Развѣ не вонючія испаренія Субуры и Эсквилина нагоняютъ на меня хрипоту? На-

конецъ развѣ пылающій въ огнѣ Римъ не представитъ болѣе грандіознаго, эффектнаго и трагическаго вида, чѣмъ Антиѣ?

«Послѣ этого, всѣ начали говорить о томъ, какое зрѣлище представить Римъ послѣ пожара, когда онъ превратится въ груды камней и пепла. Цезарь сказалъ, что тогда его поэма была бы лучше, чѣмъ пѣсни Гомера, а потомъ онъ началъ развивать мысль, какъ бы онъ отстроилъ городъ и какъ стали бы удивляться потомки будущихъ вѣковъ дѣлу его рукъ, передъ которымъ все остальное было-бы мелочью. Послѣ такого заключенія, всѣ пьяные собесѣдники закричали ему: „Такъ сдѣлай это! сдѣлай!“—Для этого мнѣ нужно болѣе вѣрныхъ и преданныхъ людей, — отвѣтилъ, онъ. Признаюсь, слушая его, я очень обезпокоился, потому что ты живешь въ Римѣ, моя *carissima*! Конечно, теперь я самъ смѣюсь своему страху, думая о томъ, что какъ-бы ни были безумны цезарь и августіане, но они не допустятъ себя до трагическаго сумашествія. Тѣмъ не менѣе, боясь за свою любовь, я предпочитаю, чтобы жилище Линнея не стояло въ узкомъ Затибранскомъ переулкѣ и въ части, заселенной чуждымъ народомъ, на который не обращается вниманія. По моему, даже комнаты Палатинскаго дворца малы для тебя, потому что я стремлюсь къ тому, чтобы ты не лишилась тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкла съ дѣтства. Лучше переѣзжай въ домъ Плавтіевъ, моя дорогая! Я ужъ много думалъ объ этой переѣздкѣ и пришелъ къ тому заключенію, что еслибъ цезарь былъ въ Римѣ, тогда ты дѣйствительно могла-бы подвергнуться опасности, — конечно еслибъ только онъ узналъ о самовольной отлучкѣ. Но, вѣдь, онъ надолго останется въ Антиѣ, а пока онъ вернется, то и рабы, разносящіе всякія вѣсти, забудутъ о тебѣ. Линней и Урсъ могли-бы поселиться вмѣстѣ съ тобою... Впрочемъ, я питаю надежду, что пока Палатинъ увидитъ своего цезаря, ты, моя божественная, будешь ужъ жить въ собственномъ домѣ на Каринахъ и я благословлю тотъ день, часъ и минуту, когда ты переступишь порогъ его; а если Христосъ, вѣрѣ котораго я скоро научусь, — поможетъ мнѣ въ моихъ замыслахъ, то я стану благословлять и Его; я посвящу себя всего на служеніе Ему и отдамъ за Него свою жизнь и кровь. Впрочемъ, я кажется не точно выразился: мы станемъ вмѣстѣ служить Ему, пока нити нашей жизни не порвутся. Люблю тебя, моя дорогая, и привѣтствую отъ всей души!»

III.

Урсъ черпалъ воду въ цистернѣ, вытаскивая изъ нея на шнурѣ двойныя амфоры ¹⁹⁷), напѣвая вполголоса лигійскую пѣсню и посматривая свѣтлыми, сіяющими отъ радости глазами на Виниція и Лигію, которые бѣлѣлись среди кипарисовъ сада Линнея, какъ два мраморныхъ изваянія. Воздухъ былъ тихъ, такъ что ни одна сборочка на ихъ платьяхъ не шелохнулась. Наступали сумерки золотисто-лилейнаго цвѣта. Молодые люди спокойно разговаривали между собою, держась за руки.

— А у тебя не выйдутъ непріятности, Маркъ, изъ-за того, что ты безъ спроса уѣхалъ изъ Антія? спросила Лигія.

— Нѣтъ, моя дорогая, отвѣтилъ Виницій; — цезарь сказалъ, что онъ запрется съ Терпносомъ на два дня, для импровизаціи и положенія на ноты новыхъ пѣсней. Онъ часто дѣлаетъ это и тогда забываетъ о всѣхъ и обо всемъ. Наконецъ, какое мнѣ дѣло до цезаря, когда я при тебѣ. Я и то ужъ совсѣмъ стосковался, а въ послѣднія ночи такъ даже и не спалъ. Часто, забываясь сномъ, я просыпался съ такимъ чувствомъ, какъ будто ты въ опасности; иногда я видѣлъ во снѣ, что у меня покрали лошадей, которыхъ я разставилъ по дорогѣ, чтобы скорѣе примчаться изъ Антія въ Римъ. И вотъ наконецъ я пріѣхалъ, какъ не могъ бы пріѣхать ни одинъ цезарскій гонецъ, мчася какъ вихрь, потому что не могъ дольше жить безъ тебя, моя дорогая!

— Я знала, что ты пріѣдешь... Урсъ два раза ходилъ на Карины и спрашивалъ въ твоемъ домѣ... Линней да и Урсъ ужъ начали посмѣиваться надо мною.

Вѣроятно, Лигія и въ самомъ дѣлѣ ждала его въ этотъ день, такъ какъ была одѣта въ бѣлую мягкую столу, изъ пышныхъ складокъ которой высматривала ея головка, какъ разцвѣтшіе подснежники изъ подъ снѣга. Нѣсколько розовыхъ анемоновъ украшали ея голову.

Виницій поцѣловалъ ея руку и потомъ они сѣли на каменной скамьѣ среди дикаго виноградника. Опершись плечомъ въ плечо, они молча любовались звѣздами, отблески которыхъ какъ будто искрились въ ихъ глазахъ. Прелестъ тихаго вечера начала медленно окутывать ихъ.

— Какъ здѣсь тихо и какой пріятный свѣтъ! полушепотомъ отозвался Виницій. — Будеть прекрасная ночь и я чувствую себя такъ счастливымъ, какъ не былъ никогда. Но, скажи мнѣ, Лигія, что это значить? Я никогда не допускалъ, что можетъ существовать такая любовь. Я думалъ, что она не больше какъ огонь въ крови и страсть, а теперь вижу, что можно любить каждой каплей крови и каждымъ вздохомъ, а въ то-же время ощущать такое сладкое спокойствіе, какъ будто душа находится подъ покровомъ сна или смерти. Это для меня ново. Теперь, смотря на спокойствіе этихъ деревъ, мнѣ кажется, что и я совсѣмъ спокоенъ, и мню себѣ такъ, что можетъ быть это и есть то счастье, о которомъ люди, до настоящаго времени, не имѣли понятія. Я только теперь понимаю, почему ты и Помпонія Грецина всегда веселыя... Да!.. Это ниспосылаетъ Христось!..

Въ этотъ моментъ молодая дѣвушка положила свою прелестную головку на его плечо и сказала:

— Ахъ, мой дорогой Маркъ...

Но дальше она не могла говорить. Радость, благодарность и чувство того, что она теперь можетъ любить, лишили ее голоса и вызвали на глаза слезы. Виницій, обнявъ ее одной рукой, прижалъ къ себѣ и взволнованно произнесъ:

— Благословенъ тотъ моментъ, Лигія, когда я въ первый разъ услышалъ Его имя.

— Люблю тебя, Маркъ, отвѣтила она.

И они опять умолкли, точно слова замирали въ ихъ взволнованныхъ грудяхъ. Ужъ на кипарисахъ погасли послѣдніе лилейные отблески и садъ засеребрился отъ свѣта луннаго серпа. Наконецъ Виницій все-таки заговорилъ.

— Я понялъ, сказалъ онъ, — по твоему взгляду, какъ только вошелъ сюда и поцѣловалъ твою руку, что твои глаза сдѣлали мнѣ вопросъ: понялъ-ли я то божественное ученіе, которое ты исповѣдуешь и окрещенъ-ли я? И потому теперь отвѣчу: нѣтъ, еще не окрещенъ, и знаешь-ли почему, мой цвѣточекъ? А вотъ почему. Павелъ сказалъ мнѣ: «Я убѣдилъ тебя, что Сынъ Божій снизошелъ съ небесъ и позволилъ распять себя, ради искупленія душъ нашихъ; а теперь пусть Петръ омоетъ тебя въ источникъ благодати Господней, ибо онъ первый благословилъ тебя!» И мое было такое желаніе, а кромѣ того, я хотѣлъ, чтобы ты присутствовала

при моемъ крещеніи и чтобы Помпонія была моею крестною матерью... Такъ вотъ почему я еще не окрещень, хоть и вѣрую въ Спасителя и Его ученіе. Павелъ убѣдилъ меня и обратилъ;—да и не могло быть иначе! Какъ можно не вѣрить тому, что Христосъ явился на свѣтъ, если это говорили Его ученики Петръ и Павелъ, которому Онъ объявился? Могъ-ли я не повѣрить, что онъ Богъ, если воскресъ изъ мертвыхъ? Вѣдь Его видѣли въ городѣ, надъ озеромъ и на горѣ, и видѣли люди, достойные довѣрія, уста которыхъ никогда не осквернялись ложью. Впрочемъ, я ужъ тогда повѣрилъ, когда слышалъ Петра въ Остраніумѣ и тотчасъ подумалъ, что этотъ человѣкъ не можетъ лгать, разъ онъ увѣренно говоритъ, что „видѣлъ“ собственными глазами. Но тогда я боялся вашего ученія: мнѣ казалось, что оно отнимаетъ тебя у меня; что въ немъ нѣтъ ни ума, ни красоты, ни счастья. Теперь я понялъ. Да и какой бы я былъ человѣкъ, еслибъ не хотѣлъ, чтобы вмѣсто лжи, существовала правда на свѣтѣ; вмѣсто ненависти,—любовь, и вмѣсто зла—добро и тому подобныя предпочтенія. Кто можетъ отказаться отъ всего хорошаго и предпочесть зло? Вѣдь, именно этому и поучаетъ ваша вѣра. Несомнѣнно, что многіе желаютъ быть справедливыми, но эта справедливость является только въ однихъ ихъ сердцахъ, а не въ крови, тогда какъ ваши сердца не только справедливы, но честны и вѣрны. Нужно быть совсѣмъ слѣпымъ, чтобы этого не видѣть! А если притомъ Христосъ обѣщаетъ жизнь вѣчную и счастье безконечное, то чего-жъ еще можетъ желать человѣкъ? Если-бъ я спросилъ Сенеку, съ какой стати онъ проповѣдуетъ добродѣтель, если обратныя дѣйствія приносятъ больше счастья? то навѣрное онъ не отвѣтилъ-бы мнѣ ничего толковаго. Теперь я знаю, почему я долженъ быть добродѣтельнымъ... Именно потому, что всякая добродѣтель и любовь проистекаютъ отъ Христа, чтобы, когда смерть закроетъ мнѣ навѣки глаза, я могъ-бы обрѣсть вѣчную жизнь, счастье, самого себя и тебя, моя дорогая. Какъ же не полюбить такое ученіе, которое говоритъ правду и попираетъ зло и смерть! Все это, вмѣстѣ взятое, не можетъ помѣститься въ моей головѣ, но я чувствую, что это такъ; что я счастливъ, какъ никогда не былъ и не могъ быть, хоть бы взялъ тебя въ свое время силою и помѣстилъ въ своемъ домѣ... Минуту тому назадъ, ты сказала: «люблю тебя», а этихъ словъ я прежде не вырвалъ бы у тебя ни за какое могущество Рима. Ахъ, Лигія!.. Самъ разумъ гово-

рить, что ваше ученіе божественное и самое лучшее, да и сердце чувствуетъ это;—а кто-жь станетъ сопротивляться такимъ двумъ силамъ, какъ разумъ и сердце!

Лигія слушала Виниція, вперивъ въ него свои голубые глаза, похожіе при блескъ луны на мистическіе, орошенные влагой, цвѣты.

— Да, Маркъ, правда! отвѣтила она, сильно прижимая свою голову къ его плечу.

Въ эту минуту оба чувствовали себя совершенно счастливыми и оба понимали, что ихъ соединяетъ, кромѣ любви, какая-то сила, благодаря которой и самая любовь дѣлается непреодолимой, не подлежащей измѣненію, разочарованію и даже смерти. Сердца ихъ преисполнились увѣренности, что еслибъ съ ними и случилось что-либо, то все-же они будутъ вѣчно принадлежать другъ другу. Благодаря такимъ чувствамъ, ими овладѣлъ полный покой. Причемъ Виницій размышлялъ о томъ, что эта любовь не только спокойная, чистая и глубокая, но и новая, какой еще никто не испыталъ. Причемъ въ сердцѣ его все слагалось такъ: и Лигія, и вѣра Христова, и лучи мѣсяца, мягко обливавшіе свѣтомъ кипарисы, и чудная ночь, словомъ, все соединялось воедино и представляло собою одну любовь.

Помолчавъ минуту, онъ продолжалъ свою рѣчь, слегка дрожащимъ полушопотомъ:

— Ты будешь душой моей души и милѣе мнѣ всего на свѣтѣ. Наши сердца будутъ биться вмѣстѣ другъ для друга и у насъ будетъ одна молитва и одна благодарность ко Христу. О, дорогая моя! Какъ пріятно любить вмѣстѣ одного Бога и знать, что послѣ смерти наши глаза опять откроются и узрятъ новый свѣтъ! Чего лучшаго еще желать?.. Я только удивляюсь, какъ это я раньше не понималъ!.. Теперь мнѣ кажется, что противъ такой вѣры никто не устоитъ. Пройдетъ еще двѣсти или триста лѣтъ, какъ ее станутъ исповѣдывать весь свѣтъ; все забудутъ о Юпитерѣ и будутъ почитать одного Христа и молиться въ однихъ христіанскихъ храмахъ... Это большое счастье, а кто-же врагъ своему счастью?.. Я слышалъ разговоръ Павла съ Петроніемъ и знаешь-ли, что послѣдній сказалъ? «Это не для меня!»—потому что ничего другого не сумѣлъ отвѣтить.

— Пожалуйста, повтори мнѣ слова Павла.

— Это было у меня вечеромъ. Петроній, по обыкновенію, началъ иронизировать, каламбурить и шутить надъ Павломъ и надъ его рѣчью

о Христѣ. Въ виду этого, Павелъ прямо сказалъ ему: «Какъ-же ты, мудрый Петроній, можешь опровергать существованіе и воскресеніе Христа, когда самъ не жилъ тогда на свѣтѣ? А вѣдь Петръ и Іоаннъ видѣли Его, да и я встрѣтилъ Его по дорогѣ въ Дамаскъ!.. Ты прежде докажи, что мы лжецы, а потомъ опровергай наши доказательства». Но Петроній отвѣтилъ, что онъ и не думаетъ опровергать, такъ какъ самъ знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается много непонятныхъ вещей, о которыхъ однако-же говорятъ люди, достойныя довѣрія. «Иное дѣло открыть какого нибудь чужестраннаго бога и иное—сдѣлаться послѣдователемъ его ученія,—говорилъ онъ:—я не хочу знать ни о чемъ, что можетъ испортить мою жизнь и уничтожить красоту ея. Мнѣ все равно, истинны ли наши боги, но они красивые, намъ весело при нихъ и мы можемъ жить съ ними безъ заботъ».—Ты отвергаешь ученіе о любви, справедливости и милосердіи,—отвѣтилъ Павелъ,—изъ опасенія жизненныхъ заботъ; но ты самъ скажи, свободна ли и ваша жизнь отъ всѣхъ житейскихъ хлопотъ и заботъ? Вѣдь ты самъ, какъ и многіе другіе, извѣстнѣйшіе и богатѣйшіе люди, не знаешь, что, засыпая вечеромъ, не проснешься утромъ приговореннымъ къ смерти. Лучше скажи мнѣ: еслибъ цезарь призналъ ученіе Христа, повелѣвающаго намъ любить другъ друга и быть милосердными, то не былъ-бы ли и ты счастливѣе и спокойнѣе? Ты боишься лишиться своихъ радостей и веселья, а не веселѣе-ли было-бы жить тогда? Что касается красоты жизни и вообще всякихъ украшеній, то если вы понастроили красивыхъ храмовъ и изваяній въ честь божествъ злыхъ, мстительныхъ, развратныхъ и фальшивыхъ, то чего-бы вы не сдѣлали для Бога истинна, и вселюбящаго. Ты хвалишь свою судьбу, потому что и ты могущественъ и живешь въ роскоши; но вѣдь ты можешь быть также бѣднымъ и оставленнымъ всѣми, хоть и приходишь изъ знатной фамиліи; но и въ такомъ случаѣ тебѣ все таки лучше жилось бы на свѣтѣ, еслибъ всѣ люди признавали Христа. Въ вашемъ большомъ городѣ даже богатые родители не хотятъ воспитывать своихъ дѣтей и сплошь да рядомъ вышвыриваютъ ихъ изъ дому, дѣлая ихъ алумнами¹⁹⁸⁾ а вѣдь и ты могъ быть такимъ алумномъ! Но еслибъ твои родители жили согласно нашему ученію, то этого не случилось-бы. Еслибъ ты, достигнувъ извѣстнаго возраста женился на любимой женщинѣ, то навѣрное пожелалъ бы, чтобъ она была вѣрна тебѣ до смерти. А, между тѣмъ, у васъ, что дѣлается: сколько

срама, сколько позора, сколько супружеской измѣны! Вѣдь вы ужъ и сами начинаете удивляться, если между вами встрѣтятся какая нибудь честная женщина, которую и называете *univiga*. Но исповѣдывающія вѣру Христову и помнящія о Богѣ никогда не измѣняютъ своимъ мужьямъ, какъ равно и мужья имъ. А вѣдь вы неувѣрены ни въ своихъ правителяхъ, ни отцахъ, ни женахъ, ни дѣтяхъ, ни рабахъ. Передъ вами дрожить весь свѣтъ, а вы дрожите передъ вашими рабами, такъ какъ знаете, что они могутъ въ каждую минуту возмутиться противъ своихъ притѣснителей и вызвать кровавую войну, какія ужъ были неоднократно. Теперь ты богатъ, но ты не знаешь, что, быть можетъ, завтра лишишься всего: ты молодъ—а завтра тебѣ прикажутъ умереть; ты любишь, а тебѣ измѣняютъ; у тебя виллы и изваянія, а завтра можешь очутиться въ пустыняхъ Пандатарія¹⁹⁹); у тебя тысячи слугъ, которые завтра-же могутъ выпустить изъ тебя кровь. А если все это такъ, то какія же у васъ могутъ быть радости спокойствіе и счастье?.. Вѣдь я проповѣдую любовь и то ученіе, которое повелѣваетъ: царямъ любить и миловать своихъ подданныхъ; господамъ—рабовъ, а рабамъ—любить своихъ господъ и служить имъ вѣрно; проповѣдую быть справедливыми и милосердными, и говорю, что за все это Господь наградитъ безконечнымъ счастьемъ... Итакъ, скажи мнѣ, Петроцій, какимъ образомъ наше ученіе портитъ жизнь, если оно, наоборотъ, исправляетъ ее. и если ты самъ былъ-бы во стократъ счастливѣе и увѣреннѣе, еслибъ оно охватило весь міръ, какъ охватило его римское владычество?..

«Такъ говорилъ Павелъ Петроцію, милая Лигія, послѣ чего тотъ и отвѣтилъ: «Это не для меня!» Причемъ онъ, притворяясь соннымъ, сообразя уйти и прибавилъ: «Я предпочитаю мою Евнику твоему ученію, іудеецъ, но не хочу спорить съ тобой съ каеэдри!» Но я слушалъ Павла съ большимъ наслажденіемъ, и когда онъ говорилъ о нашихъ женщинахъ, то всѣмъ сердцемъ величалъ то ученіе, въ которомъ тебя воспитали и ты выросла, какъ весною вырастаютъ лиліи на плодородной землѣ. Тогда же я подумалъ о нашей Поппеѣ, покинувшей двухъ мужей ради Нерона; о Кальвинъ Крестиниллѣ; о Нигидѣ и о всѣхъ знакомыхъ мнѣ женщинахъ, кромѣ Помпоніи, которыя торговали своею вѣрой, клятвами и нравственностью, и пришелъ къ такому заключенію, что только ты одна не отступилась отъ меня, не измѣнилъ мнѣ и не осквернилъ семейнаго

очага, хоть бы я самъ измѣнился и лишился всего, въ чемъ полагалъ свои надежды. По этому я разсуждалъ такъ: чѣмъ-же я отблагодарю тебя за это, если не любовью и уваженіемъ? Развѣ ты не чувствовала того, какъ я разговаривалъ съ тобою въ Антиѣ, какъ будто ты была со мною?.. А за то, что ты убѣждала отъ меня изъ дворца цезаря, я тебя во сто разъ больше люблю. Теперь и я не хочу знать его; не хочу ни пировъ, ни веселья, ни музыки: ты одна мила мнѣ, и скажи хоть одно слово, какъ мы тотчасъ оставимъ Римъ и поселимся подальше отъ него.

Лигія, не отнимая своей головки отъ его плеча, устремила свои задумчивые глаза на посеребренные верхушки кипарисовъ.

— Хорошо, Маркъ, отвѣтила она.—Ты писалъ мнѣ о Сициліи, гдѣ Плавтіи хотятъ провести свою старость...

— Да, дорогая моя! прервалъ Маркъ съ радостью:—Наши владѣнія находятся почти по сосѣдству. Тамъ чудный берегъ, прекрасный климатъ и ночи погожѣе, чѣмъ наши римскія, благоуханнѣе и свѣтлѣе... Тамъ жизнь и счастье—одно и то же... Тамъ можно забыть обо всѣхъ заботахъ... Мы будемъ ходить и отдыхать въ масличныхъ рощахъ въ тѣни... Ахъ, Лигія! какую хорошую жизнь мы создадимъ тамъ, смотря вмѣстѣ на небо и на море, вспоминая и мечтая о Богѣ и поступая во всемъ справедливо, милостиво, хорошо и спокойно.

Оба замолчали въ пріятномъ мечтаніи о будущемъ; онъ прижималъ ее все сильнѣе къ себѣ рукою, на которой ярко блестѣлъ рыцарскій золотой перстень. Въ этой части города, населенной преимущественно рабочимъ и нищимъ классомъ, все ужъ спало и малѣйшій шелестъ не возмущалъ воцарившагося спокойствія ночи.

— А ты позволишь мнѣ видѣться съ Помпоніей? спросила Лигія.

— Да, моя дорогая. Мы будемъ приглашать ихъ къ себѣ и сами ѣздить къ нимъ. Если хочешь, то мы возьмемъ къ себѣ Петра:—вѣдь онъ ужъ совсѣмъ старъ. Павелъ тоже будетъ навѣщать насъ и обратитъ Авлія Плавтія, и мы, какъ солдаты, основывающіе колоніи въ далекихъ краяхъ, положимъ начало христіанской колоніи!

Лигія взяла руку Виниція и хотѣла поцѣловать, но онъ вырвалъ ее и, какъ-бы боясь исполошить счастье, тихо зашепталъ:

— Нѣтъ, Лигія, нѣтъ! Это я долженъ цѣловать!.. Я боготворю тебя и благоговѣю!..

— Люблю тебя!..

Но Виницій ужъ прижалъ свои уста къ ея бѣлой, какъ жасминъ, рукѣ и въ этомъ видѣ они какъ будто замерли на мѣстѣ, прислушиваясь къ битью собственныхъ сердець. Въ воздухѣ не шелхнуло и кипарисы стояли такъ неподвижно, точно они затаили дыханіе... Вдругъ тишину эту нарушилъ неожиданный громъ, точно раскатившійся подъ землю. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Лигіи; но Виницій успокоилъ ее.

— Это львы рыкаютъ въ виваріяхъ ²⁰⁰),—сказалъ онъ спокойно.

И они вмѣстѣ начали прислушиваться къ рыканью. За первымъ раздался второй, третій, десятый, словомъ рыканье доносилось до нихъ съ разныхъ сторонъ, изъ всѣхъ частей города. По временамъ, въ городѣ бывало львовъ по нѣскольку тысячъ штукъ за разъ и всѣ они, конечно, были помѣщаемы при разныхъ циркахъ, а потому очень часто, въ особенности по ночамъ, подходили къ желѣзнымъ рѣшеткамъ, клали на нихъ свои головы и сильно рыкали, выражая этимъ свою тоску по пустынь.

Такъ онѣ затосковали и теперь, и, давая знать о себѣ одинъ другому, наполнили своимъ ревомъ весь городъ. Но въ этомъ необыкновенномъ рыканьи было нѣчто ужасное, грозное и подавляющее, такъ что Лигія, которой львы помѣшали мечтать о будущемъ, слушала ихъ съ болью въ сердцѣ и съ какимъ-то вѣщимъ предчувствіемъ, тревогой и грустью.

— Не бойся, моя дорогая, сказалъ Виницій, обнимая ее одной рукою:—Въ виду предстоящихъ зрѣлищъ, всѣ виваріи переполнены ими...

Послѣ этого они вошли въ домикъ Линнея, сопровождаемые все усиливавшимся львинымъ концертомъ, который раскатывался, точно громъ среди темной ночи.

IV.

Тѣмъ временемъ въ Антиѣ Петроній стяжалъ новыя побѣды надъ августіанами, старавшимися попасть въ милость цезаря, такъ что вліяніе Тигеллина совсѣмъ ослабло и пало. Въ Римѣ, гдѣ нужно было отдѣлываться отъ опасныхъ людей, грабить ихъ имущество, устраивать политическія дѣла и всякія зрѣлища для удовлетворенія

чудовищныхъ желаній цезаря,—Тигелинъ былъ необходимъ и незамѣнимъ, какъ по своей проницательности, такъ и изворотливости. Но въ Антиѣ, въ которомъ дворцы смотрѣлись въ зеркальную поверхность моря и гдѣ цезарь жилъ эллинскою жизнью, онъ былъ или, по крайней мѣрѣ, временно казался лишнимъ: тамъ съ утра до вечера читали стихотворенія, разсуждали о красотѣ мысли и изяществѣ слога, возмущались оборотами рѣчи, занимались музыкой, пѣніемъ, театромъ, словомъ, тѣмъ, что изобрѣлъ и чѣмъ украсилъ жизнь греческій геній. Находясь въ такихъ условіяхъ, Петроній, будучи несравненно образованнѣе и воспитаннѣе, чѣмъ Тигелинъ и другіе августіане, къ тому же краснорѣчивѣе и изысканнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, касавшихся вкуса,—пользовался всѣми преимуществами и получилъ перевѣсъ надъ всѣми. Цезарь заискивалъ его общества, спрашивалъ его мнѣній, совѣтовался съ нимъ, оказывалъ ему большее вниманіе и удостоивалъ его дружбою, большею, чѣмъ когда либо. Всѣмъ окружающимъ казалось, что его вліяніе настолько упрочилось, что никакія интриги не въ состояніи развѣнчать любимца. Даже ненавидѣвшіе его царедворцы, теперь начали заискивать милостей у этого изящнаго эпикурейца. Многіе даже искренно радовались въ душѣ, что онъ стоялъ выше другихъ, зналъ, что о комъ думать, принималъ съ скептической улыбкой лесть вчерашнихъ враговъ и только, по своей лѣни или превосходству, не былъ мстительнымъ и не пользовался своимъ могуществомъ на погибель другихъ. Бывали минуты, когда онъ могъ погубить даже Тигелина, но онъ предпочиталъ насмѣхаться надъ нимъ и доказывать его неблаговоспитанность и простоту. Сенатъ въ Римѣ отдохнулъ, потому что въ теченіе полутора мѣсяца не было издано ни одного смертнаго приговора. Хотя въ Антиѣ и въ Римѣ разсказывали чудеса о той изобрѣтательности, до какой дошелъ развратъ цезаря и его фаворитовъ; но каждый предпочиталъ видѣть распущенность цезаря-изобрѣтателя, чѣмъ звѣря въ рукахъ Тигелина. Послѣдній ужъ и самъ считалъ себя побѣжденнымъ и только колебался сдаться ему или не сдаться, потому что и цезарь говорилъ, что какъ въ самомъ Римѣ, такъ и при дворѣ существуетъ два лица, способныя понять другъ друга и только два настоящіе эллины: онъ и Петроній.

Удивительныя способности этого послѣдняго убѣждали всѣхъ, что его вліяніе на цезаря продержится безконечное время. Теперь ужъ никто не могъ себя представить, какимъ образомъ цезарь обо-

шелся-бы безъ него, еслибъ его не было; съ кѣмъ-бы онъ говорилъ о поэзіи, музыкѣ, о стязаніяхъ и къ кому-бы обращать свой вопросительный взглядъ для одобренія или охуленія того, что онъ написалъ. Но Петроній, по обыкновенію, какъ будто не придавалъ никакого значенія своему высокому положенію и, какъ всегда, былъ равнодушенъ и апатиченъ; лѣнивъ и небреженъ; остроуменъ и скептическиенъ. Часто онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, насмѣхающагося какъ надъ цезаремъ и всѣмъ свѣтомъ, такъ и надъ самимъ собою. По временамъ, онъ порицалъ въ глаза цезаря и когда всѣ окружающіе ужь думали, что онъ черезчуръ много позволяеть себѣ, заходить слишкомъ далеко и готовить гибель, онъ умѣлъ такъ ловко истолковать свои слова въ свою же пользу, что всѣ оставались пораженными, какимъ образомъ этотъ чловѣкъ всегда выходилъ сухимъ изъ воды со всякаго положенія и съ полной побѣдой.

Однажды, чрезъ недѣлю по возвращеніи Виниція изъ Рима, цезарь читалъ въ маленькомъ кружкѣ отрывокъ изъ своего сочиненія о пожарѣ Трои, и когда онъ кончилъ, то всѣ отозвались о сочиненіи его съ большимъ восторгомъ. Но Петроній, спрошенный взглядомъ цезаря, прямо брякнулъ:

— Ничего не стоитъ и подлежить сожженію.

Всѣ замерли отъ такой его рѣзкой наглости, потому что Неронъ никогда и ни отъ кого не слыхалъ подобнаго приговора его произведеніямъ. Только одинъ Тигелинъ просіялъ. Виницій поблѣднѣлъ при мысли, что Петроній, никогда не напивавшійся, сегодня былъ пьянъ.

Между тѣмъ Неронъ, авторское самолюбіе котораго было сильно задѣто, спросилъ его слащавымъ голосомъ:

— Что же ты находишь въ моемъ произведеніи не хорошаго?

Петроній напалъ на него.

— Не вѣрь имъ, сказала онъ, указывая пальцемъ на присутствующихъ: — они ничего не понимаютъ. Ты спрашиваешь, что не хорошаго въ твоихъ стихахъ и я отвѣчу тебѣ правдой: они хороши для Virgilія, для Овидія и даже для Гомера, но не для тебя: тебѣ нельзя писать такихъ стиховъ. Пожаръ, описываемый тобою, недостаточно пылаеть и твой огонь тускло горить... Ты не слушаешь Локана: его за такіе стихи можно было бы назвать гениемъ, а тебя — нѣтъ. И знаешь ли почему? Потому что ты стоишь выше. Кого боги наградили такимъ талантомъ, какой у тебя, отъ

того и требуется больше; но ты лѣнишься... Ты предпочитаешь послѣ прандіума пролеживать, а не просиживать складокъ твоей одежды, между тѣмъ какъ можешь написать такое сочиненіе, какого еще не бывало на свѣтѣ, а потому, скажу въ глаза и за глаза откровенно: напиши лучше!

Онъ говорилъ это какъ бы нехотя и съ проницей, а въ то-же время дружески журилъ Нерона. Между тѣмъ глаза цезаря засіяли и онъ отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, боги наградили меня нѣкоторымъ талантомъ, но, кромѣ того, они дали мнѣ и нѣчто большее: хорошаго друга и знатока, который умѣетъ смѣло сказать правду въ глаза.

Причемъ онъ протянулъ свою жирную руку, покрытую ржавыми пятнами отъ волосъ, къ канделябру, похищенному въ Дельфахъ, и хотѣлъ сжечь рукопись. Но Петроній отнял ее, прежде чѣмъ огонь прикоснулся къ папирусу ²⁰¹).

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ: — даже самые ничтожные должны принадлежать человѣчеству: отдай ихъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, позволь мнѣ послать ихъ тебѣ въ банкѣ ²⁰²) моихъ произведеній, отвѣтилъ Неронъ, обнимая его, и затѣмъ продолжалъ:— Да, ты правъ: мой пожаръ въ Троѣ недостаточно ясенъ и огонь не сильно жжетъ. Но я думалъ такъ, что если я сдѣлаюсь равнымъ Гомеру, то и этого будетъ достаточно, Нѣкоторая робость и малое понятіе о себѣ мѣшали моей работѣ. Теперь ты открылъ мнѣ глаза. А знаешь-ли, почему они слабы? Вѣдь если ваятель пожелаетъ создать фигуру какого либо бога, то онъ подыскиваетъ себѣ подходящий образецъ, а у меня не было образца: я никогда не видалъ горящаго города и потому въ моемъ описаніи мало правды.

— Опять таки скажу: нужно быть великимъ артистомъ, чтобы сознавать это.

Неронъ призадумался и потомъ прибавилъ:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Петроній: сожалѣешь-ли ты, что Троя сгорѣла?

— Сожалѣю-ли? Клянусь хромымъ мужемъ Венеры—нисколько!.. Вѣдь Троя не сгорѣла бы, еслибъ Прометей не далъ людямъ огня и еслибъ греки не объявили Пріаму войны. А еслибъ не было огня, то Эсхилъ не написалъ бы своего Прометея, какъ равно Гомеръ не написалъ бы безъ войны своей Иліады. А я предпочитаю Проме-

тея и Илиаду существованію какого-то ничтожнаго и грязнаго городишки, въ которомъ теперь сидѣлъ-бы какойнибудь непозволительный прокураторъ и надоѣдалъ тебѣ своими ссорами съ мѣстнымъ ареопагомъ.

— Вотъ это, что называется, умно сказано! отвѣтилъ цезарь.— Для поэзіи и искусства можно жертвовать всёмъ. Счастлива Ахайя, которая доставила Гомеру матерьялъ для его Илиады и счастливъ Пріамъ, видѣвшій гибель своего отечества. А я?.. Вѣдь я не видалъ горящаго города!

Воцарилося молчаніе, которое вскорѣ нарушилъ Тигелинъ.

— Вѣдь я ужъ предлагалъ тебѣ, цезарь, отозвался онъ:— только прикажи, и я сожгу Антиі! Или лучше, если тебѣ жаль этихъ виллъ и дворцовъ, я прикажу сжечь все корабли въ Остіи или построю на Албанскихъ холмахъ деревянный городъ и ты самъ зажги его. Желаетъ?

Но цезарь взглянулъ на него съ презрѣніемъ и отвѣтилъ:

— Я стану смотрѣть на пожаръ какихъ-то деревянныхъ лагучъ и будокъ! Да ты изъ ума выжилъ, Тигелинъ! Я вижу, что ты не особенно цѣнишь мой талантъ и мою Тройку, думая, что какаянибудь ничтожная жертва удовлетворила бы мою потребность въ образцѣ для созданія колоссальнаго сочиненія.

Тигелинъ смутился, а Неронъ, точно желая переменить разговоръ, прибавилъ:

— Лѣто идетъ... Должно быть, теперь сильно пахнетъ въ нашемъ Римѣ!.. Однако-же придется вернуться въ него на лѣтнія зрѣлища...

Въ этотъ моментъ Тигелинъ внезапно прервалъ его.

— Позволь мнѣ, божественный, остаться наединѣ съ тобою, когда ты отпустишь августіанъ... мнѣ надо сказать тебѣ кое что безъ свидѣтелей...

Черезъ часъ Петроній и Виницій возвращались домой изъ цезарской виллы.

— Однако, я порядочно струсилъ за тебя, сказалъ Виницій.— Когда ты, точно пьяный, своимъ отвѣтомъ поставилъ втупикъ Нерона, то я ужъ думалъ, что ты погибъ. Нѣтъ, игра съ смертью довольно опасная штука и лучше съ ней не играть.

— Да вѣдь это мой конекъ! небрежно возразилъ Петроній,— и меня очень забавляетъ, что я нахожусь между ними, какъ опыт-

ный гладиаторъ на аренѣ. Самъ видишь, чѣмъ все кончилось. Мое вліяніе сегодня еще больше увеличилось... Теперь онъ пришлетъ мнѣ свои стихи въ банкѣ, которая, навѣрное, будетъ очень богата, а въ то-же время и ужасно безвкусна. Но она пригодится для моего доктора, которому я прикажу держать въ ней слабительныя лекарства... Я нарочно сдѣлалъ это, такъ какъ знаю, что Тигелинъ, видя какъ мнѣ все удастся, станетъ копировать меня. Но, воображаю, чѣмъ можетъ кончиться, если ему не удадутся его остроги. У него выйдетъ то-же самое, что у пиринейскаго медвѣдя, который хотѣлъ научиться ходить по стрункѣ, а тогда ужъ я посмѣюсь, какъ Демокритъ²⁰³). Разумѣется, еслибъ я хотѣлъ, то могъ бы погубить Тигелина и остаться на его мѣстѣ префектомъ преторіанцевъ.— и тогда держалъ бы въ своихъ рукахъ самого Агенобарба; но я лѣнивъ, къ тому же предпочитаю такую жизнь и даже терплю и сношу стихи цезаря.

— Какая у тебя удивительная способность превращать ужасную хулу въ пріятную лесть! Однако, скажи мнѣ: неужели его стихотворенія дѣйствительно совсѣмъ плохи? Вѣдь я не понимаю толку въ нихъ.

— Нѣтъ, они нисколько не хуже другихъ! Хотя у Лукана въ одномъ мизинцѣ больше таланта, но и Неронъ не лишень нѣкотораго дара и, прежде всего, любви къ поэзіи и музыкѣ. Черезъ два дня, мы будемъ у него слушать музыку, аражированную имъ на гимнъ въ честь Афродиты²⁰⁴). Должно быть, сегодня или завтра онъ окончитъ ее. Мы будемъ въ тѣсномъ кружкѣ: ты, я, Тулій Сенечій и молодой Нерва²⁰⁵). А что касается стиховъ, о которыхъ я говорилъ, что читаю ихъ послѣ пировъ, какъ Вителій употребляетъ перо фламинга, чтобы его лучше стошнило, то, конечно, это шутка!.. Бываютъ иногда очень выразительные. Напримѣръ, слова Гекубы очень чувствительны... Она жалуется на мучительные роды, и Неронъ сумѣлъ подобрать счастливыя выраженія, можетъ быть потому, что самъ, рождая каждый стихъ, вымучиваетъ его... Иногда мнѣ жаль его. Клянусь Поллуксомъ! въ немъ сидитъ замѣчательная смѣсь! Хотя у Калигулы недоставало одного винтика въ головѣ, но онъ не былъ такимъ чудодѣемъ и безумцемъ.

— Да, и кто знаетъ, куда заведетъ его это безумство?

— Безусловно—никто. Еще могутъ случиться такія вещи, при мысли о которыхъ у людей будутъ становиться волосы дыбомъ

многіе вѣка. Но это-то и любопытно, и интересно, и хоть я часто скучаю, какъ аммонскій Юпитеръ въ пустынь, однако думаю, что при другомъ цезарѣ мнѣ было бы еще скучнѣе... Твой іудеецъ, Павелъ, очень краснорѣчивъ, что и признаю за нимъ,—и если подобные ему люди стануть проповѣдывать это ученіе, то наши боги не шутя струсятъ и стануть осторожными, чтобы современемъ не лишиться своего божества и не быть выброшенными на свалку, вмѣстѣ съ мусоромъ. Дѣйствительно, еслибъ нашъ цезарь былъ христіаниномъ, то всѣ мы чувствовали-бы себя безопаснѣе. Но твой пророкъ-тарсеянинъ, имѣя въ виду меня, не сообразилъ, что именно эта неувѣренность и составляетъ для меня прелесть жизни. Кто не играетъ въ кости, тотъ и не проигрываетъ своихъ имѣній; однако-же люди играютъ, потому что въ игрѣ заключается извѣстное удовольствіе и забытье. Я зналъ сыновей рыцарей и сенаторовъ, которые добровольно сдѣлались гладіаторами... Ты тоже говоришь, что я шучу, и играю съ жизнью. Конечно, играю, потому что это забавляетъ меня, а ваши христіанскія добродѣтели навели-бы на меня тоску, какъ диссертациі Аннея Сенеки. Поэтому, всѣ старанія Павла по отношенію ко мнѣ были напрасны. Онъ долженъ понять, что такіе люди, какъ я, никогда не сдѣлаются послѣдователями этого ученія. Ты — дѣло другое! При твоёмъ характерѣ, ты могъ возненавидѣть христіанъ, какъ заразу, или сдѣлаться самъ христіаниномъ. Я признаю его правильность — только зѣвая отъ бездѣлья. Пусть мы бѣснуемся и стремимся въ пропасть; пусть къ намъ приближается все неизвѣстное въ будущемъ; пусть подъ нами что-то подламывается; а рядомъ съ нами — что-то умираетъ: съ этимъ я согласенъ; но умереть мы и сами съумѣемъ, а между тѣмъ я не хочу обременять жизни и сдѣлаться достояніемъ смерти, прежде чѣмъ она сама возьметъ меня къ себѣ. Жизнь для жизни намъ дана, а не для смерти.

— А мнѣ жаль тебя, Петроній.

— Не жалѣй меня больше, чѣмъ я самъ себя жалѣю. Прежде тебѣ было хорошо межъ нами и, воюя въ Арменіи, ты даже стосковался по Риму.

— И теперь тоскую по немъ.

— Да! Потому что ты полюбилъ христіанскую весталку, которая сидитъ за Тибромъ; но я не удивляюсь тому, какъ и не порицаю. Мнѣ только одно удивительно, что ты всегда печаленъ, не

смотря на твое новое ученіе, которое, какъ ты говоришь, представляетъ море счастья, и на ту любовь, которая скоро будетъ увѣнчана побѣдой,—твое лицо всегда грустно. Помпонія Грепина тоже вѣчно печальна, и ты съ того момента, какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ улыбаться, а потому не уговаривай меня, что это веселая вѣра!.. Ты вернулся изъ Рима еще печальнѣе. Если это такая христіанская любовь и веселье, то, — клянусь бѣлокуроыми кудрями Бахуса!—я не пойду по вашимъ слѣдамъ.

— Это дѣло иное, отвѣтилъ Виницій;—но я поклянусь тебѣ не кудрями Бахуса, а душой моего отца, что прежде я никогда не испытывалъ такого счастья, какимъ пользуюсь теперь. Конечно, я тоскую, потому что нахожусь вдали отъ Лигіи и мнѣ все почему-то кажется, что ей грозитъ какая-то опасность. Я не знаю—какая и откуда она можетъ прійти, но мое предчувствіе мучитъ и терзаетъ меня.

— Чрезъ два дня я постараюсь выхлопотать тебѣ отпускъ на такое время, на какое ты самъ захочешь. Попшея какъ-будто со-всѣмъ успокоилась и мнѣ кажется, что съ этой стороны какъ ты, такъ и Лигія находитесь въ полной безопасности.

— Однако, она еще сегодня спрашивала меня, что я дѣлалъ въ Римѣ, хотя я ѣздилъ туда тайно отъ всѣхъ.

— Можетъ быть, по ея приказу кто-нибудь шпионитъ за тобою?.. Впрочемъ, теперь ей придется считаться и со мною.

Виницій остановился.

— Павелъ говорилъ мнѣ, что Господь иногда предостерегаетъ людей, но въ ворожбу запрещаетъ вѣрять, сказалъ онъ: — однако, я хоть и врагъ всякихъ предразсудковъ, а все-таки не могу отдѣлаться отъ нихъ. Въ виду этого, расскажу тебѣ, въ чемъ дѣло, чтобы свалить съ своего сердца тяжелое бремя. Будучи въ Римѣ, я сидѣлъ съ Лигіей вдвоемъ въ саду въ такую-же погожую ночь, какъ сегодняшняя, и говорилъ съ нею о будущемъ. Я ужъ не могу тебѣ сказать, насколько мы были спокойны и счастливы, какъ вдругъ раздалось львиное рыканье. Хоть это и обыкновенная вещь въ Римѣ, однако-же съ этой минуты я не нахожу покоя и мнѣ все кажется, что въ этомъ рыканьи заключается какое-то предсказаніе несчастья... Ты знаешь, что я не трусь и не легко меня встревожить, однако-же въ эту ночь и со мною сдѣлалось нѣчто такое, отъ чего, вмѣстѣ со мною, возмутилась вся тьма ночная. Ревъ этотъ былъ такъ не-

ожиданъ, что онъ и по нынѣ раздается въ моихъ ушахъ и постоянно беспокоитъ меня, точно Лигія требуетъ отъ меня защиты передъ чѣмъ-то ужаснымъ... передъ этими львами. Да, я очень мучаюсь, а потому прошу скорѣе выхлопотать мнѣ отпускъ, иначе я готовъ уѣхать и безъ него. Я рѣшительно не могу здѣсь сидѣть, да, не могу!

Петроній разсмѣялся.

— Ну, да вѣдь еще не дошло до того, сказалъ онъ, — чтобы сыновья консулярныхъ лицъ или ихъ жены отдавались львамъ на арену. Можетъ быть, вы и умрете, но иною смертью. Наконецъ, львы-ли это рыкали? Можетъ быть германскіе туры, которые ревуть не хуже львовъ. Что касается меня, то я плюю на всѣ предсказанія судьбы. Вчера была теплая ночь и я видѣлъ, какъ звѣзды падали дождемъ. Каждому неприятель такой видъ, но я подумалъ, что если между ними есть и моя звѣзда, то у меня не будетъ недостатка въ обществѣ!..

Онъ призадумался на минуту и потомъ прибавилъ:

— Наконецъ, если вашъ Христосъ истинно воскресъ, то Онъ можетъ защитить васъ обоихъ отъ смерти.

— Да, можетъ, отвѣтилъ Виницій, смотря на небо, усѣянное мириадами звѣздъ.

V.

Неронъ игралъ и пѣлъ гимнъ въ честь «богини Кипра», который онъ самъ сочинилъ и положилъ на музыку. Въ этотъ день онъ былъ въ голосѣ и самъ чувствовалъ, что его музыка въ самомъ дѣлѣ увлекаетъ присутствующихъ. А это самое придавало его мелодіи больше звучности, которая до того растрогала его самого, что онъ казался какъ будто вдохновеннымъ. Наконецъ, онъ даже поблѣднѣлъ отъ волненія и, вѣроятно, вслѣдствіе того, первый разъ въ жизни, не хотѣлъ слушать похвалъ присутствующихъ. Онъ сидѣлъ нѣкоторое время опершись руками на цитру съ опущенной головой, а потомъ внезапно всталъ и произнесъ:

— Я усталъ и хочу подышать чистымъ воздухомъ... А вы, пока настройте, цитры, — прибавилъ онъ аккомпаниаторамъ.

Сказавъ это, онъ завязалъ горло шелковымъ платкомъ.

— Подите со мною, — обратился онъ къ Петронію и Виницію, которые сидѣли въ углу залы. — Ты Виницій, дай мнѣ свою руку,

потому что я обезсплѣлъ, а ты, Петроній, рассказывай мнѣ о музыкѣ.

Всѣ вышли на дворцовую террасу, выложенную алабастромъ и посыпанную шафраномъ.

— Здѣсь дышется свободнѣй, сказалъ Неронъ.—Хоть я очень взволнованъ, однако-жъ сознаю, что съ этимъ гимномъ, который я спѣлъ вамъ только на пробу, я могу выступить публично и стяжать лавры, какихъ еще не стяжалъ ни одинъ изъ римлянъ.

— Да, ты можешь спѣть его здѣсь, въ Римѣ и въ Ахайи... Это я говорю искренно, не лстя, божественный, отъ всей души и сердца,—отвѣтилъ Петроній.

— Знаю, ты очень лѣнивъ для того, чтобы лишній разъ похвалить кого-либо, а искрененъ, какъ Тулій Сенецій, но ты больше него понимаешь, и потому скажи мнѣ, что ты думаешь о музыкѣ?

— Когда я слушаю поэзію или смотрю на колесницу, которою ты управляешь въ циркѣ, или на красивое изваяніе, храмъ или картину, то чувствую, что я охватываю ихъ всецѣло всей душой и что въ моемъ восхищеніи сосредоточивается все, что эти вещи представляютъ собою. Но когда я слушаю музыку, въ особенности твою, божественный, то передо мною открываются все новыя прелести. Я мысленно бѣгу за ними и схватываю ихъ, но прежде чѣмъ восприму ихъ въ себя, новые звуки подплываютъ ко мнѣ точь въ точь, какъ безконечныя волны морскія. По моему, музыка—это море. Стоя на одномъ берегу его, мы видимъ только даль, тогда какъ другой берегъ скрывается отъ насъ.

— О, какой ты великій знатокъ!—замѣтилъ Неронъ.

Они ходили нѣкоторое время молча и только шафранъ слегка шелестилъ подъ ихъ ногами.

— Ты высказалъ мою мысль, произнесъ Неронъ,—и потому я повторяю, что во всемъ Римѣ только ты одинъ способенъ понимать меня... Да, я то-же самое думаю о музыкѣ. Когда я играю и пою, то вижу такія вещи, о которыхъ я до того не зналъ, что они существуютъ въ моемъ государствѣ или на свѣтѣ. Вотъ я, на-примѣръ, цезарь и міръ принадлежитъ мнѣ; значитъ, я всемогущъ. Однако-же музыка открываетъ мнѣ новыя царства, новыя горы, моря и прелести, о которыхъ я не зналъ и неумѣю ни назвать ихъ, ни понять, а только чувствую ихъ; чувствую божество, вижу Олимпъ. На меня вѣтъ какой-то не земной прохладой и тепломъ; я замѣ-

чаю, какъ въ туманѣ, какое-то безконечное, спокойное и ясное, какъ солнечный восходъ, величіе... Вся сфера играетъ вокругъ меня и, говоря откровенно, хоть я цезарь и богъ, я чувствую себя тогда такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, какъ пылинка. Вѣришь-ли этому?

При послѣднихъ словахъ голосъ Нерона замѣтно задрожалъ.

— Да. Такъ могутъ чувствовать себя только великіе артисты.

— Сегодня ночь откровенности, а потому я открываю предъ тобою мою душу, какъ предъ пріятелемъ... Скажу болѣе... Не думай, что я слѣпъ или лишенъ здраваго ума!. Не думай также, что мнѣ неизвѣстны тѣ оскорбленія, которыя народъ пишетъ на стѣнахъ римскихъ зданій, называя меня матере—и женоубійцей... что меня считаютъ чудовищемъ и жестокимъ только за то, что я позволилъ Тигелину казнить нѣсколькихъ моихъ враговъ... Да, мой милый, меня считаютъ чудовищемъ и я знаю это... Меня до того уговорили, будто я жестокъ, что я и самъ часто задаю себѣ вопросъ: не варваръ-ли я и въ самомъ дѣлѣ... Но они не понимаютъ того, что дѣйствія чловѣка могутъ быть жестокими, тогда какъ онъ самъ совсѣмъ не жестокъ. Никто не повѣритъ, а можетъ быть и ты тоже, что по временамъ, когда музыка убаюкиваетъ меня, то я дѣлаюсь до того кротокъ и добръ, какъ ребенокъ въ колыбели. Клянусь звѣздами, свѣтящимися надъ нами, что я говорю правду: люди не знаютъ, сколько доброты въ моемъ сердцѣ и какія я самъ открываю въ немъ сокровища, когда музыка распахнетъ въ него дверь.

Петроній нисколько не сомнѣвался, что цезарь въ эту минуту говоритъ искренно и что музыка дѣйствительно способна извлечь изъ его души благороднѣйшія чувства, которыя были завалены горами эгоизма, разврата и злодѣйства, а потому отвѣтилъ:

— Тебя нужно знать такъ близко, какъ я знаю тебя. Римъ никогда не оцѣнитъ тебя.

Цезарь еще сильнѣ оперся на руку Виниція, точно его тяготило бремя несправедливости, и затѣмъ продолжалъ:

— Тигелинъ говорилъ мнѣ, что въ сенатѣ ужъ давно шушукуются, что Діодоръ и Терпносъ играютъ на цитрахъ лучше меня... И въ этомъ отказываютъ мнѣ! Но ты, всегда говорящій правду, скажи мнѣ откровенно: дѣйствительно-ли они играютъ лучше меня или хоть такъ, какъ я?

— Нисколько! У тебя только, при легкомъ прикосновеніи паль-

цевъ къ струнамъ, больше силы, чѣмъ у нихъ, и въ тебѣ видѣтъ артистъ, тогда какъ они — только опытные ремесленники. Напротивъ!.. Нужно слышать прежде ихъ музыку, а потомъ твою и тогда можно понять, чѣмъ ты есть на самомъ дѣлѣ.

— Если такъ, то пусть живутъ. Но они никогда не догадуются, какую ты услугу оказалъ имъ въ этотъ моментъ. Впрочемъ, еслибъ я казнилъ ихъ, то пришлось бы взять другихъ.

— И въ добавокъ люди стали бы говорить, что ты изъ любви къ искусству уничтожаешь въ государствѣ музыку. Никогда не губи искусство ради искусства, мой божественный.

— О, какъ далека ты отъ Тигелина! отвѣтилъ Неронъ.— Но видишь-ли, я во всемъ, до мозга, артистъ; а такъ какъ музыка открываетъ мнѣ новый міръ, о существованіи котораго я не подозревалъ, и страны, которыми не владѣю, а также прелести и счастье, которыхъ не испытывалъ, то и не могу жить обыкновенною жизнью. Она сама говоритъ мнѣ о существованіи иной и я ищу ее всей силой своей власти, данной мнѣ богами. По временамъ, мнѣ кажется, что для того, чтобы попасть къ тотъ олимпійскій міръ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего еще ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно предвосхитить людей въ хорошемъ или дурномъ. Я знаю, что люди порицаютъ меня и говорятъ, будто я безумствую. Но я не безумствую, а только ищу; а если и безумствую, то отъ скуки и нетерпѣнія, что не могу найти того, что мнѣ надо. Я ищу, понимаешь?— ищу, и потому хочу стоять выше обыкновенныхъ людей и только такимъ образомъ могу сдѣлаться величайшимъ артистомъ.

Причемъ онъ понизилъ голосъ до шепота такъ, чтобы Виницій не могъ слышать его и, нагнувшись къ уху Петронія, прибавилъ:

— Ты знаешь, что я ради этого казнилъ мать и жену!.. Я хотѣлъ принести ихъ въ жертву у воротъ неизвѣстнаго мнѣ міра въ такомъ видѣ, какой еще никто и никогда не приносилъ. Я думалъ, что послѣ этого передо мною откроются двери, за которыми я увижу новый свѣтъ, хоть бы онъ былъ чудеснѣйшій или ужаснѣйшій, только бы необыкновенный и великій... Но этой жертвы очевидно, мало... видно, для открытія эмпирейскихъ²⁰⁶) дверей новаго міра нужны большія и— да будетъ такъ, какъ желаетъ того рокъ!

— Что ты намѣренъ сдѣлать?

— Увидишь, и скорѣе, чѣмъ ты думаешь, а между тѣмъ, знай, что на свѣтѣ есть два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаетъ народъ, а другой—артистъ, котораго знаешь только ты одинъ и который если убиваетъ или бѣнуется какъ Вахусъ, то потому, что его давить плоскость и ничтожность обыкновенной жизни и что онъ готовъ для уничтоженія зла употребить въ дѣло огонь или мечъ... О, какимъ плоскимъ окажется этотъ свѣтъ, когда не станетъ меня!.. Никто еще не догадывается, даже ты, какой я артистъ. Но, именно, потому я такъ и страдаю и, откровенно говоря, иногда во мнѣ бываетъ душа до того мрачна, какъ тѣ кипарисы, которые чернѣются вдали... Да, тяжело мнѣ двигать одновременно два бремени—вышей власти и величайшаго таланта...

— Сочувствую тебѣ, цезарь, отъ всего сердца, а вибѣтъ со мною тебѣ сочувствуетъ весь свѣтъ, не исключая Виниція, который искренно любитъ и обоготворяетъ тебя.

— Я тоже люблю его, хоть онъ служить Марсу, а не Музамъ, отвѣтилъ Неронъ.

— Прежде всего онъ служить Афродитѣ, поправилъ Петроній и рѣшилъ однимъ залпомъ устроить дѣла своего племянника и устранить отъ него всякія непріятности и опасность, которыя угрожали ему.—Вѣдь онъ влюбленъ, какъ Троилъ въ Крессиду²⁰⁷), и позволь ему, пожалуйста, поѣхать въ Римъ, потому что онъ со всѣмъ изсохнетъ. Та лигійская заложница, которую ты подарилъ ему, отыскалась и Виницій, уѣзжая въ Антію, оставилъ ее подъ покровительствомъ нѣкоего Линнея... Я не вспоминалъ тебѣ о томъ, потому что ты былъ занятъ сочиненіемъ гимна,—а это важнѣе. Прежде Виницій хотѣлъ имѣть ее какъ наложницу, но когда она оказалась добродѣтельной какъ Люкреція²⁰⁸), то влюбился въ нее и хочетъ жениться. Вѣдь она королевская дочка и не унижить его родъ; но и онъ настоящій солдатъ: вздыхаетъ, сохнетъ, стонетъ, но ждетъ позволенія своего императора.

— Императоръ не выбираетъ женъ солдатамъ, и зачѣмъ ему мое позволеніе?

— Да вѣдь я говорилъ, что онъ обоготворяетъ тебя.

— Тѣмъ больше можетъ быть увѣренъ, что получить его. Она красивая дѣвушка, но узковата въ бедрахъ. Августа Поппея жаловалась мнѣ на нея, что будто она сглазила нашего ребенка въ Палатинскомъ саду...

— Но вѣдь я сказалъ тогда Тигелину, что божества не под-
вержимы худому глазу. Помнишь, божественный, какъ онъ смутился
и какъ ты самъ крикнулъ: *habet!*

— Помню.

Причемъ Неронъ обратился къ Виницію и спросилъ:

— Ты дѣйствительно любишь ее, какъ говоритъ Петроній?

— Да, божественный!

— Въ такомъ случаѣ, я приказываю тебѣ завтра-же уѣхать
въ Римъ, жениться на ней и не показываться мнѣ на глаза безъ
обручальнаго кольца.

— Благодарю тебя, божественный, отъ всей души и сердца!

— Мнѣ очень пріятно осчастливливать людей, сказалъ цезарь
непосредственно.—И я бы всю жизнь не хотѣлъ дѣлать ничего другаго.

— Тогда сдѣлай намъ еще одно одолженіе, сказалъ Петроній:—
вырази эту свою волю въ присутствіи августвъ, иначе Виницій не
осмѣлится жениться на дѣвушкѣ, къ которой августвъ питаютъ обиду;
но ты, божественный, однимъ своимъ словомъ устранишь ея недо-
вольствіе, сказавъ, что самъ повелѣлъ ему жениться на ней.

— Хорошо, отвѣтилъ цезарь.—Тебѣ и Виницію я ни въ чемъ
не могу отказать.

И Неронъ повернулъ въ виллу, а они пошли за нимъ, радуясь
своей полной побѣдѣ. Виницій долженъ былъ сильно держаться,
чтобъ отъ радости не броситься Петронію въ объятія. Теперь, какъ
ему казалось, всякія препятствія и опасности были устранены.

Молодой Нерва и Тулій Сенецій занимали Пoppею въ атриумѣ
разговоромъ. Терпносъ и Діодоръ настраивали цитры. Неронъ во-
шелъ и сѣлъ въ кресло, отдѣланное черепахой, а затѣмъ что-то
шепнулъ мальчику.

Мальчикъ ушелъ и тотчасъ вернулся съ золотой шкатулкой. Не-
ронъ открылъ ее и, выбравъ ожерелье изъ большихъ опаловъ,
отозвался:

— Вотъ драгоценность, достойная сегодняшняго вечера.

— Да, въ нихъ какъ будто заря горитъ, отвѣтила Пoppея,
разсчитывая, что это ожерелье предназначается для нея.

Цезарь любовался розовою игрою камней и то поднималъ ихъ,
то какъ будто взвѣшивалъ на рукѣ и наконецъ сказалъ:

— Виницій! передай отъ меня это ожерелье молодой королевнѣ
лигійской, на которой я тебѣ приказываю жениться!

Взгляд Поппеи, прелепленный гнѣва и внезапнаго удивленія, началъ скользить и переноситься съ цезаря на Виниція и наконецъ остановился на Петроніѣ.

Но этотъ послѣдній, перегнувшись чрезъ поручень кресла, на которомъ сидѣлъ, небрежно водилъ рукою по грифу арфы, какъ будто разсматривая ее.

Между тѣмъ Виницій, поблагодаривъ цезаря за подарокъ, подошелъ къ Петронію и сказалъ:

— Чѣмъ я отблагодарю тебя за то, что ты сегодня сдѣлалъ для меня?

— Пожертвуй Евтерпѣ пару лебедей, отвѣтилъ онъ, — хвали пѣсни цезаря и смѣйся надъ предразсудками. Надѣюсь, что отнынѣ рыканье львовъ не будетъ нарушать твоего сна, какъ равно и безпокоить твою лигійскую лилію.

— Нѣтъ, теперь я совсѣмъ успокоился.

— И такъ, пусть Фортуна будетъ милостива къ вамъ. А теперь смотри, потому что цезарь беретъ за форминксъ ²⁰⁹). Затану дыханіе, слушай, внимай и плачь.

Дѣйствительно, цезарь взялъ форминксъ и вознесъ глаза къ небу. Въ залѣ прекратился разговоръ и всѣ сидѣли, точно окаменѣлые. Только аккомпаниаторы, Діодоръ и Теринось, посматривали то другъ на друга, то на цезаря, въ ожиданіи, когда раздадутся первые звуки пѣсни.

Но въ этотъ моментъ въ сѣняхъ прозошелъ сильный шумъ и препирательство рабовъ, а вслѣдъ изъ-за котары вышелъ цезарскій отпущенникъ Фаонъ, а за нимъ консулъ Леканъ.

Неронъ нахмурился.

— Прости, божественный императоръ, сказалъ запыхавшійся Фаонъ.—Римъ горитъ и большая часть города объята пламенемъ!..

Всѣ вскочили съ мѣстъ. Неронъ положилъ форминксъ и произнесъ:

— О, боги!.. Значить, я увижу пылающій городъ и окончу мою Тройку.

Причемъ онъ обратился къ консулу и спросилъ:

— Если я тотчасъ уѣду, то еще поспѣю на пожаръ?

О, божественный цезарь! отвѣтилъ блѣдный какъ стѣна консулъ:—городъ, точно одно море пламени: дымъ удушаетъ жителей, люди мѣются и въ отчаяніи бросаются въ огонь... Римъ погибаетъ!..

Настала глубокая тишина, которую нарушил Виницій:

— *Vae miserso mihi!*.. ²¹⁰) крикнулъ онъ и, скинувъ съ себя тогу, въ одной туникѣ выбѣжалъ изъ дворца.

Неронъ вознесъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Горе тебѣ, святой градъ Приама!..

VI.

Виницій едва успѣлъ отдать приказаніе нѣсколькимъ невольникамъ, чтобы они ѣхали съ нимъ, послѣ чего вскочилъ на коня и помчался въ глубокую ночь по пустыннымъ улицамъ Антія, въ сторону Лаврента. Впавъ, подъ влияніемъ ужаснаго извѣстія, въ состояніе бѣшенства и умственной одичалости, онъ не давалъ себѣ отчета, что съ нимъ случилось и только чувствовалъ, что на этомъ самомъ конѣ, за его плечами, сидитъ несчастье и кричитъ ему въ уши: „Римъ горитъ!“ Оно-же бьетъ его самого и коня и гонитъ ихъ въ огонь. Нагнувъ свою открытую голову къ лошадиной гривѣ, онъ мчался въ одной туникѣ наобумъ въ карьеръ, не смотря впередъ себя и не обращая вниманія на препятствія, о которыхъ могъ размозжить свою голову. Среди спокойной, тихой и звѣздной ночи, всадникъ и конь, залитые луннымъ свѣтомъ, производили впечатлѣніе ночныхъ видѣній. Идумейскій жеребецъ, прижавъ уши къ головѣ и вытянувъ шею, мчался стрѣлою, мелкая между неподвижными кипарисами и виллами, какъ бы спрятавшимися среди нихъ. Топотъ коня по каменнымъ плитамъ пробуждалъ собакъ, которыя съ громкимъ лаемъ провожали живой призракъ и потомъ, обезпеченные его безперемонностью, поднимали свои головы вверхъ и начинали выть. Рабы, ѣхавшіе за Виниціемъ на менѣ ретивыхъ лошадяхъ, вскорѣ поотстали, а онъ самъ, промчавшись ураганомъ чрезъ Лаврентъ, повернулъ къ Ардеѣ, римской колоніи, лежавшей въ восемнадцати миляхъ отъ Рима, въ которой, какъ равно въ городкахъ Ариціи, Бовилии и Устринѣ были разставлены лошади, съ цѣлю скорѣйшаго проѣзда пространства, отдѣлявшаго Антію отъ Рима. Помня о томъ, онъ не жалѣлъ коня и гналъ его во весь карьеръ. За Ардеей ему показалось, что небо въ сѣверо-восточной сторонѣ подернуто розовымъ отблѣнкомъ. Но это могла быть утренняя заря, такъ какъ было позднее время и июльскій день начинался очень рано. Однако Виницій не могъ удержаться

отъ крика, бѣшенства и отчаянія: онъ былъ увѣренъ, что это зарево пожара. И онъ вспомнилъ слова Лекана: «весь городъ, точно море пламени». При этомъ воспоминаніи, онъ думалъ, что съума сойдеть: онъ потерялъ всякую надежду не только спасти Лигію, но и доѣхать прежде, чѣмъ городъ превратится въ одну кучу пепла. Его мысли летѣли быстрѣе, чѣмъ лошади: онъ, точно черная стая птицъ, летѣли впереди него чудовищно и отчаянно. Правда, онъ не зналъ, въ какой части загорѣлось, но думалъ, что Затибрянская часть, въ которой скучены плохіе каменные и деревянные дома и лавки, служившіе для продажи рабовъ, а также лѣсные и дровяные склады, — легко могла сдѣлаться жертвою огня. Въ Римѣ пожары случались очень часто (причемъ происходили грабежи и насилія), въ особенности въ бѣднѣйшихъ участкахъ, гдѣ жили полунищіе и полуварвары, а что же могло происходить за Тибромъ, въ этомъ гнѣздѣ всякаго сброда и подонковъ Рима? Тутъ никакой Урсъ съ своей титанической силой не могъ бы предотвратить всеуничтожающей силы огня. Кромѣ того, могъ вспыхнуть бунтъ рабовъ, которые ужъ много лѣтъ держали Римъ въ страхѣ и, какъ поговаривали, сотни тысячъ людей мечтали о временахъ Спартака²¹¹) и только ждали удобнаго случая взяться за оружіе и побить притѣснителей. И вотъ, насталъ этотъ удобный случай. Теперь, можетъ быть, одновременно съ пожаромъ идетъ уже рѣзня и война въ полномъ разгарѣ! А можетъ быть преторіанцы бросились на городъ и убиваютъ людей по повелѣнію цезаря?

И волосы на головѣ Виниція стали дыбомъ. Онъ вспомнилъ всѣ разговоры о пожарахъ, которые въ послѣднее время настойчиво велись при дворѣ цезаря; вспомнилъ его жалобы, что онъ никогда не видалъ пожара всего города заразъ, съ котораго онъ могъ бы описать картину бѣдствія; вспомнилъ его презрительный отвѣтъ Тигелину, который предлагалъ ему сжечь Антію или искусственный деревянный городъ; наконецъ слышалъ нареканія на Римъ и на его вонючіе переулки Субуры... Да, это цезарь приказалъ сжечь Римъ! Онъ одинъ могъ рѣшиться на это, какъ Тигелинъ — исполнить его замысль. А если Римъ горитъ по приказанію цезаря, то кто можетъ поручиться, что и весь народъ, по его-же приказу, не будетъ перебитъ? Это чудовище способно и на такія вещи! Значить, пожаръ, бунтъ невольниковъ, рѣзня, какой-то ужасный хаосъ, какая-то разнузданность всеуничтожающихъ животныхъ и бѣшенныхъ людей, между которыми была Лигія, — были весьма понятны.

Стоны Виниція смѣшались со стонами и храпѣньемъ коня, который, мчась по дорогѣ, поднимающейся у Ариці въ гору, употреблялъ свои послѣднія усилія...

«Кто спасетъ ее изъ горящаго города и кто защититъ ее?» думалъ онъ и, положивъ голову совсѣмъ на холку коня, онъ вцѣпился въ нея руками и готовъ былъ прогрызть ее зубами отъ страданій. Но въ эту минуту, на встрѣчу ему показался всадникъ, который мчался по направленію къ Антію. Поровнявшись съ нимъ, онъ только крикнулъ: «Римъ погибаетъ!» и промчался дальше. Далѣе, Виницій слышалъ еще слово: «о боги!» и затѣмъ все заглохло отъ топота копытъ. Но послѣднее слово отрезвило Виниція: онъ вдругъ поднялъ голову и, поднявъ руки къ звѣздному небу, началъ молиться.

— «Не вась, храмы которыхъ пылаютъ въ огнѣ, молю я, и Тебя!.. воскликнулъ онъ:—Ты Самъ страдалъ! Ты Самъ милосердъ и Ты одинъ понимаешь страданіе человѣческое!.. Ты родился на свѣтъ ради того, чтобы научить людей милости, такъ окажи и Самъ ее. Если Ты такой, какъ о Тебѣ говорятъ Петръ и Павелъ, то спаси мнѣ Лигію, возьми ее на руки и вынеси изъ пламени: Ты все можешь!.. Отдай ее мнѣ, а я отдамъ Тебѣ мою кровь!.. Она любитъ Тебя и уповаешь на Тебя, Ты обѣщаешь вѣчную жизнь по смерти, а также и счастье; но счастье по смерти еще не минуетъ насъ, а ей еще не хочется умереть: дай ей пожить, возьми подъ Свое покровительство и уведи изъ Рима. Вѣдь Ты — всемогущъ и добръ».

И Виницій вдругъ прервалъ свое моленье, чувствуя, что оно можетъ перейти въ угрозу, оскорбительную для божества, именно въ тотъ моментъ, когда онъ нуждался въ Его милости и ласкѣ. Онъ испугался даже одной мысли объ оскорбленіи и началъ еще сильнѣе погонять лошадь, тѣмъ болѣе, что ужъ виднѣлись стѣны Ариці, лежавшей на полпути отъ Антія къ Риму. Черезъ нѣкоторое время, онъ промчался мимо храма Меркурія, находившагося въ рощѣ у города. Очевидно, ужъ здѣсь знали о несчастіи, потому что передъ храмомъ царствовало необыкновенное движеніе народа. Виницій замѣтилъ въ пролетахъ на лѣстницѣ и между колоннами толпы людей съ факелами, обращающихся подъ покровительство божества. Здѣсь ужъ дорога была далеко не такъ свободна, какъ за Ардеей. Хотя толпы тянулись боковыми тропинками къ рощѣ, но и на главной

дорогѣ было не мало людей, которые послѣшно сторонились предъ мчавшимся всадникомъ. Изъ города доносился шумъ и говоръ. Виницій влетѣлъ въ него, какъ вихрь, подбивъ нѣсколькихъ человекъ по дорогѣ. Кругомъ раздавались одни и тѣ же крики:

— Римъ горитъ!.. городъ въ огнѣ!.. О, боги! спасите Римъ!

Наконецъ, конь споткнулся и, осаженный сильною рукою, остановился у дома, въ которомъ Виницій держалъ лошадей для перемѣны, на случай его прїѣзда. Невольники, какъ-бы ожидая прїѣзта своего господина, стояли у воротъ и, получивъ приказъ прїавести свѣжаго коня, бросились наперерывъ исполнять его.

Между тѣмъ Виницій, увидѣвъ отрядъ преторіанцевъ, состоявшій изъ десяти человекъ, которые очевидно ѣхали съ извѣстіями въ Антію, подбѣжалъ къ нимъ и спросилъ:

— Какая часть города въ огнѣ?

— Кто ты? спросилъ десятичникъ.

— Виницій, военный трибунъ и августіанинъ!.. Отвѣчай живѣе!..

— Загорѣлось въ лавкахъ у большого цирка, господинъ, но когда насъ послали, то вся середина города была ужъ въ пламени.

— А Затибрь?

— При насъ, огонь еще туда не дошелъ, но онъ быстро охватываетъ всѣ части города съ большою силою; люди гибнутъ отъ жары и дыма и никакое спасеніе невозможно.

Въ это время Виницію подвели новаго коня. Молодой трибунъ вскочилъ на него и помчался далѣе.

Теперь онъ ѣхалъ къ Албану²¹²), оставляя вправо Албалонгу и ея величественное озеро. Дорога отъ Ариціи шла все въ гору, которая заслоняла горизонтъ и Албанъ лежащій по другую сторону ея. Однако, Виницій зналъ, что, выѣхавъ на самый верхъ горы, онъ увидить не только Бовилу и Устринъ, въ которыхъ его ожидали новыя лошади, но и Римъ, такъ какъ за Албаномъ тянулась по обѣимъ сторонамъ Аппійской дороги равнина Кампаньи, по которой шли къ городу только арки водопроводовъ и ничто ужъ больше не закрывало вида города.

— Вѣрно я увижу съ вершины горы огонь, — сказалъ онъ про себя, и опять погналъ коня.

Но, прежде чѣмъ онъ достигъ вершины горы, онъ почувствовалъ дуновеніе вѣтерка съ запахомъ гари, и вершина холма начала золотиться.

— Должно быть—луна, подумалъ онъ.

Однако ночь ужъ давно блѣднѣла и утренній сумракъ постепенно расплзался; на всѣхъ ближайшихъ холмахъ видны ужъ были золотисто-розовые отблески, похожіе не то на зарю, не то на зарево.

Наконецъ Виницій достигъ вершины и его глазамъ представилась ужасная картина.

Вся равнина была покрыта дымомъ, составляющимъ одну сплошную тучу, спустившуюся къ землѣ, въ которой исчезли города, акведуки ²¹³), виллы и деревья; а въ концѣ этой сѣрой ужасной плоскости горѣлъ городъ на холмахъ.

Однако, пожаръ не имѣлъ вида огненного столба, какъ это бываетъ при горѣннн одинокаго, хоть бы самаго большого, зданія. Это было скорѣе зарево, похожее на длинную огненную лаву, надъ которою носились клубы дыма, мѣстами чернаго, а мѣстами розовато-кровнаго цвѣта, то скучивающаго, то разстилавшагося и извиwавшагося, какъ змѣй въ судорогахъ и наконецъ вытягивавшагося въ длинную широкую струю и какъ бы замиравшаго на мѣстѣ. По временамъ, чудовищная лава дыма какъ будто закрывала огненную ленту, такъ что она превращалась въ совсѣмъ узкую тесемку, которая, время отъ времени, освѣчивалась снизу и принимала видъ огненной волны. Оба конца пламенной лавы какъ бы закрывали горизонтъ, какъ иногда его закрываетъ густой темный лѣсъ, такъ что изъ за нея не было видно Сабинскихъ горъ.

Виницію, при первомъ взглядѣ, показалось, что это горѣлъ не городъ, а весь свѣтъ и что ни одно живое существо не спасется изъ этого Океана огня и дыма.

Между тѣмъ, вѣтеръ все сильнѣе дулъ со стороны пожара, разнося запахъ гари и пожоги; дымъ ужъ началъ застилать даже ближайшіе предметы. Утро было ясное и солнце ужъ освѣтило вершины горъ, окружающихъ Албанское озеро; но, благодаря дыму, золотые утренніе лучи его казались какими то ржавыми и болѣзненными.

Виницій, спускаясь къ Албану, вѣзжалъ въ дымъ, становившійся съ каждой минутой ѣдче и гуще. Самое мѣстечко сплошь было въ дыму, точно въ непроницаемомъ туманѣ. Обезпокоенные жители высыпали на улицу, и страшно было подумать, что дѣлалось въ Римѣ, когда ужъ и здѣсь невозможно было дышать.

Отчаяніе и страхъ за жизнь многихъ людей, въ особенности

Лигія, опять заставили волоса Виниція подняться дыбомъ, но онъ крѣпился.

— «Не можетъ быть, думаль онъ,—чтобы весь городъ загорѣлся сразу. Дуетъ сѣверный вѣтеръ и только дымъ сдуваетъ въ одну сторону, а съ другой стороны его нѣтъ. Можетъ быть Затибрь, отдѣленное рѣкою отъ города, уцѣлѣло... Во всякомъ случаѣ, стоитъ только Урсу добраться съ Лигіей до Яникульской дороги, и они будутъ внѣ опасности. Точно также невозможно, чтобы весь народъ и городъ были стерты, ни съ того, ни съ сего, съ лица земли. Даже въ тѣхъ городахъ, которые занимаютъ непріятелемъ во время войны, когда идетъ кровопролитіе и огонь не щадитъ ничего и никого, и то остается въ живыхъ нѣсколько человѣкъ; почему же не уцѣлѣтъ и Лигія? Вѣдь самъ Господь, Который побѣдилъ смерть, покровительствуетъ ей“!..

Такъ разсуждая, онъ опять взмолился и, по обычаю, къ которому привыкъ въ язычествѣ, началъ дѣлать различныя обѣты и обѣщанія Христу, въ видѣ разныхъ даровъ и жертвъ. Проѣхавъ Албанъ, большинство жителей котораго сидѣло на крышахъ и деревьяхъ съ цѣлью созерцанія ужасной картины пожара, онъ отчасти успокоился и началъ разсуждать болѣе хладнокровно. Теперь онъ думаль, что Лигія, находясь подъ покровительствомъ Урса, Линнея и, въ особенности, Петра, навѣрное въ безопасности, и при одномъ воспоминаніи о нихъ, онъ совсѣмъ ободрился. Петръ всегда былъ непонятнымъ для него существомъ. Съ момента, когда онъ видѣлъ и слышалъ его первый разъ въ Остраніумѣ, онъ произвелъ на него такое впечатлѣніе, о которомъ и писалъ Лигіи изъ Антія, что каждое слово этого старца или сама Правда, или должна быть Правдой. Близкое знакомство съ нимъ во время своей болѣзни усилило это впечатлѣніе, а затѣмъ превратило въ непоколебимую вѣру въ него. Такимъ образомъ, если Петръ благословилъ его любовь и обѣщаль отдать ему Лигію, то она не могла погибнуть въ пламени, и хотѣ-бы даже сгорѣлъ весь городъ, то ни одна искра пожара не прикоснется къ ея одеждѣ.

Находясь подъ впечатлѣніемъ безсонной ночи, бѣшеной ѣзды и сильныхъ волненій, Виницій впалъ въ такую странную экзальтацію, во время которой ему казалось все возможнымъ, напримѣръ, что Петръ перекреститъ пожаръ и отъ этого образуется свободная отъ огня дорога, по которой они выйдутъ невредимыми изъ моря пла-

мени. А такъ какъ Петру было извѣстно все будущее, то онъ, конечно, предвидѣль и это несчастье, а слѣдовательно могъ предупредить христіанъ, а вмѣстѣ съ ними увести Лигію изъ города, тѣмъ больше, что онъ любилъ послѣднюю, какъ собственную дочь.

И съ каждой минутой надежда все сильнѣе укрѣпляла его сердце и внушала ему, что если они успѣли бѣжать изъ города, то онъ, можетъ статься, найдетъ ихъ въ Бовиліи или встрѣтитъ по дорогѣ; и онъ ждалъ всякую минуту, что вотъ, вотъ сейчасъ изъ дыма, застилавшаго всю Кампанью, вынырнетъ любимая имъ дѣвушка. Это предположеніе тѣмъ болѣе казалось возможнымъ, что по дорогѣ онъ началъ встрѣчать все больше людей, которые ѣхали и шли изъ Рима въ Албанскія горы, убѣгая отъ развирѣвшаго огня и дыма. Благодаря стѣсненію дороги, Виницій долженъ былъ, еще не доѣзжая до Устрина, уменьшить быстроту движенія своей лошади; рядомъ съ пѣшими, несшими на плечахъ узлы, онъ встрѣчалъ навьюченныхъ ословъ и муловъ, возы и паланкины, въ которыхъ рабы несли состоятельнѣйшихъ изъ горожанъ. Весь Устринь былъ ужъ до того переполненъ бѣглецами изъ Рима, что среди разной толпы трудно было проѣхать. На рынкѣ, подъ колоннадами храмовъ, на улицахъ, словомъ, вездѣ было полно народу. Мѣстами разбивались палатки, въ которыхъ предполагали устроиться цѣлыя семьи. Многіе расположились подъ открытымъ небомъ, крича и вошя къ богамъ или проклиная судьбу. Въ этомъ общемъ народномъ ужасѣ трудно было что-либо узнать у людей, къ которымъ Виницій обращался съ вопросами: они вовсе не отвѣчали ему или только смотрѣли на него безумными глазами и бросали отрывистыя слова о гибели города и всего свѣта.

А между тѣмъ, со стороны Рима, все болѣе приплывали волны народа, начиная отъ стариковъ и кончая дѣтьми и женщинами, которыя плакали и голосили. Нѣкоторые порастерялись и въ отчаяніи искали другъ друга. Многіе дрались изъ-за мѣсть для разбивки палатокъ или просто для временнаго пріюта. Толпы полудикихъ пастуховъ съ Кампаны приходили съ цѣлю наведенія справокъ о пожарѣ или ради воровства, которое было легко совершать въ общемъ замѣшательствѣ. Мѣстами, невольники всякихъ народностей и гладиаторы начали грабить дома и виллы и драться съ солдатами, защищающими мѣстныхъ жителей.

Только сенаторъ Іуній, котораго Виницій замѣтилъ у постоя-

лаго двора окруженнымъ отрядомъ батавійскихъ рабовъ,—болѣе подробно разсказаль Виницію о пожарѣ. Пожаръ дѣйствительно начался отъ Большаго цирка, въ мѣстности, прилегающей къ Палатину и къ холму Целія, а затѣмъ такъ быстро распространился, что охватилъ всю середину города. Никогда еще, со временъ Бренна ²¹⁴) въ городѣ не было такого несчастья.

— Весь циркъ, какъ равно окружающіе ~~то~~ лавки и дома, сгорѣли до тла, сказалъ Іуній;—Авентинъ ²¹⁵) и Целій въ огнѣ. Огонь, охвативъ Палатинъ, перешелъ и на Каринны...

Причемъ Іуній, у котораго на Каринахъ была великолѣпная янсула, схватилъ горсть грязной пыли и, посыпавъ ~~сею~~ голову, завопилъ въ отчаяніи.

Но Виницій схватилъ его за плечи и началъ трясги.

— И мой домъ на Каринахъ! воскликнулъ онъ, — но, если гибнетъ все, то пусть гибнетъ и онъ.

Однако, вспомнимъ, что Лигія, по его совѣту, могла переѣхать въ домъ Плавтія, живо спросилъ:

— А улица Патриціевъ?

— Въ огнѣ!

— А Затибрье?

Іуній посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну, что Затибрье!—отвѣтилъ онъ, сжимая виски, очевидно, болѣвшіе отъ волненія.

— Я больше интересуюсь Затибрьемъ, чѣмъ всеѣмъ Римомъ! воскликнулъ Виницій въ отчаяніи.

— Въ такомъ случаѣ, ты попадешь туда развѣ только по Портовой дорогѣ, потому что у Авентина задохнешься отъ жары... Затибрье?.. Не знаю... Тамъ еще не было огня, но теперь, можетъ быть, онъ дошелъ и туда... одни боги знаютъ...

Причемъ Іуній какъ будто подумаль минуту и потомъ, колеблясь, въ полголоса сказалъ:

— Я знаю, что ты не выдашь меня, а потому, замѣчу, что этотъ пожаръ всеѣмъ не обыкновенный: вѣдь циркъ не дали спастись... Я самъ слышалъ, когда дома начали горѣть вокругъ него, тысячи голосовъ: «смерть спасающимъ!»... Какіе-то неизвѣстные люди бѣгаютъ по городу и нарочно поджигаютъ дома, забрасывая горящіе факелы во всеѣ легко воспламеняющіяся строенія... Съ другой стороны, народъ бунтуется и кричитъ, что городъ жгутъ по

приказу... Больше я ничего не могу сказать, но горе всѣмъ намъ и мнѣ! Что дѣлается въ городѣ, того языкъ не поворачивается сказать: народъ гибнетъ въ огнѣ или убиваетъ другъ друга... Словомъ, конецъ Риму!.. Горе, горе Риму и намъ!..

Виницій опять вскочилъ на лошадь и помчался по Аппійской дорогѣ.

Собственно говоря, онъ не мчался, а пробирался среди людей и воевъ, которые, точно живая рѣка, тянулись изъ Рима. Теперь онъ былъ передъ Виниціемъ какъ на ладони, весь объятый чудовищнымъ пламенемъ. Въ воздухѣ стояла ужасная жара отъ дыма и огня, а голоса людскіе не могли заглушить шума, шипѣнья и треска огня.

VII.

По мѣрѣ того, какъ Виницій подѣзжалъ къ городскимъ стѣнамъ, онъ все болѣе убѣждался, что легче было пріѣхать въ Римъ, чѣмъ попасть въ центръ города: по Аппійской дорогѣ совсѣмъ нельзя было протолкаться среди многочисленныхъ толпъ. Дома, поля, кладбища, сады и храмы, находящіеся по обѣ стороны дороги, превратились въ какія-то становища. Въ храмѣ Марса, близъ порта Аппія, была выломана дверь и народъ расположился въ немъ, чтобы имѣть пріютъ на ночь. На кладбищахъ брали съ бою гробницы для той-же цѣли. Изъ-за нихъ происходили цѣлыя кровопролитія. Устринъ съ своимъ безалабернымъ наплывомъ народа давалъ только слабое понятіе о томъ, что дѣлалось подъ стѣнами Рима. Здѣсь царствовало полное безправіе: не было ни закона, ни правительства, ни родственныхъ узъ, ни разницы званій и положеній. Невольники били палками обывателей города; пьяные гладіаторы, напившіеся виномъ, которое они награбили на Емпоріумѣ, соединялись въ толпы и, пробѣгая съ дикими криками площади, разгоняли людей и грабили все, что подъ руку попало. Много рабовъ, которые были выставлены для продажи въ лавкахъ работорговцевъ, поразбѣжались. Пожаръ города имъ былъ на руку; благодаря ему, они освобождали сами себя и теперь могли отомстить своимъ притѣснителямъ. Когда послѣдніе теряли все свое состояніе и вопили въ отчаяніи о помощи къ богамъ, они, съ дикимъ, радостнымъ вытьемъ разбивали толпы, сдирали съ нихъ одежду и растлѣвали молоденькихъ дѣвушекъ. Къ нимъ присоединялись невольники, давно ужъ

служащіе въ Римѣ, нагіе нищіе, съ однѣми опоясками на бедрахъ и разными темныя личности, которыя днемъ почти никогда не встрѣчались на улицахъ и о существованіи которыхъ нельзя было даже предполагать. Разнокалиберныя толпы азіятцевъ, африканцевъ, грековъ, траковъ, германовъ и британцевъ, кричавшихъ на всѣхъ языкахъ, неистовствовали отъ радости, что для нихъ настала часъ, когда они свободно могли вознаградить себя за многолѣтнія страданія и нужду. Среди этой разнузданной черни, въ блескѣ дня и пожара, мелькали шлемы преторіанцевъ, подъ охраною которыхъ находились мирные жители города. Отъ времени до времени, они вступали въ бой съ остервенѣлыми толпами. Виницій видѣлъ на своемъ вѣку взятіе многихъ городовъ, но никогда ему еще не приходилось видѣть столько отчаянія, стоновъ дикой радости, безумства, бѣшенства и разнузданности, которыя сливались бы въ такой хаосъ. А надъ всею этою волнующеюся и обезумѣвшею толпою бушевало и ревѣло пламя, пылая на холмахъ величайшаго въ мірѣ города, выбрасывая гигантскіе огненные языки и закрывая ихъ столбами дыма, изъ-за котораго не было видно неба.

Молодой трибунъ, подвергая каждую минуту жизнь свою опасности, наконецъ протолкался между толпою и достигъ Аппійскихъ воротъ; но здѣсь онъ замѣтилъ, что ему не удастся попасть чрезъ Порта Капевна въ городъ не только влѣдствіе сильной тѣсноты, но и ужаснѣйшей жары, отъ которой нельзя было стоять даже за воротами, такъ какъ воздухъ былъ сильно раскаленъ и какъ будто дрожалъ отъ зноя. Притомъ мостъ у Порта Тригенія, противъ храма Вопае Деае, тогда еще не существовалъ, и чтобы пробраться за Тибръ, нужно было пройти до моста Сублиція, около Авентина, слѣдовательно, по той части города, которая была залита одною сплошною лавой огня. А этого-то положительно нельзя было сдѣлать и Виницій долженъ былъ вернуться по направленію Устрина, свернуть съ Аппійской дороги, пробѣжать рѣчку ниже города и попасть на Портовую дорогу, которая вела прямо за Тибръ. А это тоже не легко было совершить влѣдствіе сильнаго смятенія народа по Аппійской дорогѣ, и Виницію пришлось бы торить себѣ путь только мечомъ, котораго, къ несчастью, при немъ не было, такъ какъ онъ выѣхалъ изъ Антія безъ всякаго оружія.

Наконецъ онъ увидалъ у фонтана Меркурія знакомаго центуриона преторіанцевъ, который съ отрядомъ солдатъ защищалъ при-

ступъ къ храму, и приказалъ ему ѣхать за нимъ. Центуріонъ, узнавъ трибуна и августианина, не осмѣлился сопротивляться ему и сдался подъ его команду.

Виницій, забывъ на этотъ разъ ученіе Павла о любви ближняго, напиралъ и расталкивалъ лошадыю народъ съ такою стремительностью и невниманіемъ, что многіе были подбиты лошадьми и изувѣчены или убиты. Благодаря этому, на него сыпались проклятія и камни; но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ проталкиваться, чтобы скорѣе добраться до болѣе свободнаго мѣста. Однако это было чрезвычайно затруднительно, потому что народъ, расположившійся лагеремъ, не хотѣлъ уступать съ дороги и проклиналъ, какъ цезаря, такъ и преторіанцевъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозилъ всѣмъ. До слуха Виниція долетали отдѣльные возгласы, обвинявшіе Нерона въ поджогъ города. Ему и Поппеѣ грозили смертью. Крики: «шутъ, актеръ, матереубійца», раздавались со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые предлагали утопить его въ Тибръ, иные высказывали свои мнѣнія, что Римъ ужъ довольно натерпѣлся изъ за него. Словомъ, всякія замѣчанія и угрозы могли немедленно превратиться въ жестокой бунтъ, только бы нашелся предводитель; а пока вся злоба народа обращалась на преторіанцевъ, которые никакъ не могли пробраться въ тѣснотѣ, образуемой какъ народомъ, такъ и грудами вещей, вынесенныхъ наскоро на улицу и сваленныхъ въ кучи; вездѣ стояли сундуки, бочки съ живностью, дорогая утварь, посуда, дѣтскія колыбельки, постели, вазы и узлы. Мѣстами, доходило до битвъ, но преторіанцы живо отражали нападенія безоружной толпы.

Пробѣжавъ съ большимъ трудомъ впоперекъ Латинскую, а затѣмъ Нумиційскую, Ардейскую, Лувинійскую и Остійскую дороги и обогнувъ виллы, сады, кладбища и храмы, Виницій наконецъ достигъ до мѣстечка, называемаго *vicus Alexandri*, за которымъ онъ и переправился чрезъ Тибръ. Здѣсь ужъ было свободнѣе и меньше дыма и здѣсь же онъ узналъ отъ бѣглецовъ, что въ Затибрѣ горѣли только нѣкоторые переулки, но что, навѣрное, огонь охватилъ всю мѣстность, потому что городъ жгутъ какіе-то люди въ разныхъ мѣстахъ, не позволяють спасать и кричатъ, что они дѣлають поджоги по приказанію.

Теперь ужъ молодой трибунъ нисколько не сомнѣвался, что приказаніе это исходило отъ самого цезаря и месть, о которой вопіялъ

народъ, показалась ему вполне заслуженной и справедливой. Большаго зла не могъ сдѣлать даже Мифридаты²¹⁶) или самый отвѣтливый врагъ Рима. Чаша была переполнена, безумство—чудовищно и жизнь при всемъ этомъ—невозможна.

Теперь Виницій рѣшилъ, что ужъ пробилъ послѣдній часъ Нерона, что все остатки этихъ развалинъ должны разрушиться и придавить собою чудовищнаго шута, вмѣстѣ со всеми его злодѣянiями. Еслибъ нашелся смѣлый человѣкъ, который сталъ во главѣ пришедшаго въ отчаянiе народа, то все охотно пошли бы подъ его команду и поголовное возстанiе произошло бы въ теченiе нѣсколькихъ часовъ.

При этомъ мнѣнiи, мстительные и смѣлые замыслы начали мелькать въ головѣ Виниція: что еслибъ онъ самъ это сдѣлалъ? Въ родѣ Виниціевъ, состоявшій изъ цѣлаго ряда консуловъ, былъ извѣстенъ въ Римѣ, а толпа только и требовала имени. Въдесли ужъ разъ чуть не дошло до междоусобной войны, вслѣдствiе приговора къ казни четырехсотъ невольниковъ Педанiя Секунда, то что могло произойти теперь при тѣхъ ужасныхъ бѣдствiяхъ, какихъ никто не запомнилъ и какихъ Римъ не испытывалъ въ теченiе послѣднихъ восьми вѣковъ!

«Кто призоветъ къ оружію квиритовъ, думалъ онъ,—тотъ непременно низвергнетъ Нерона и самъ одѣнетъ цезарскую порфиру!»

А почему бы онъ не могъ сдѣлать это? Въдъ онъ былъ сильнымъ, способнымъ и младшимъ отъ всехъ августіановъ... Правда, Неронъ командовалъ тридцатью легiонами, расположенными на всехъ концахъ государства; но развѣ они не возмутятся при извѣстiи о сожженiи Рима и его храмовъ?.. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы сдѣлаться цезаремъ. Въдъ между августіанами ходили уже слухи, что какой-то вѣщунъ предсказалъ пурпурную мантию Оттону; а чѣмъ же онъ хуже него? Можетъ быть, ему самъ Христосъ поможетъ въ этомъ? Можетъ быть, это Онъ внушаетъ ему такую мысль?

— Ахъ, еслибъ это было такъ! воскликнулъ онъ въ душѣ.— Тогда я отомстилъ бы Нерону за опасность Лигiи и за свое безпокойство, установилъ бы царство справедливости и правды, распространилъ-бы ученiе Христа отъ Ефрата до туманныхъ береговъ Британiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ въ порфиру Лигiю и сдѣлалъ ее владычицей земли.

Но эти мысли, выбросившіяся изъ его головы, какъ столбъ искръ изъ пылающаго дома, тотчасъ и погасли какъ искры. Онъ смотрѣлъ

на несчастьѣ вблизи и опять испугался, видя это море огня и дыма. Находясь въ прямомъ столкновѣніи съ ужасной дѣйствительностью, его увѣренность, что апостоль Петръ спасетъ его Лигію, совсѣмъ поколебалась и замерла. Онъ второй разъ впалъ въ отчаяніе, а потому не могъ скоро опомниться и прійти въ себя. Проѣхавъ *via Portuensis*, ведущую за Тибръ, онъ узналъ у воротъ тоже самое, что ему ужъ говорили бѣглецы, что эта часть города хотя еще не была вся въ пламени, тѣмъ не менѣ огонь уже перебросился чрезъ рѣку въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Все Затибрѣ ужъ было переполнено дымомъ и убѣгавшимъ народомъ, между которымъ тоже не легко было пробраться, тѣмъ больше, что люди, имѣя много свободнаго времени, больше спасали вещей и выносили ихъ на свободныя мѣста. Главная Портовая дорога была мѣстами совсѣмъ завалена ими, а около Навмахіи Августа²¹⁷) они были свалены въ громаднѣйшія кучи. Тѣснѣйшіе закоулки положительно были не приступны изъ-за дыма и жители ихъ тысячами уходили на просторныя мѣста. По дорогѣ, Виниціи видѣлъ потрясающія сцены. Часто двѣ живыя рѣки, плывущія съ противоположныхъ сторонъ, встрѣтятся въ тѣсныхъ проходахъ, напирали другъ на друга и производили кровопролитныя свалки. Люди дрались и переходили другъ по другу. Семьи терялись въ замѣшательствѣ и матери въ отчаяніи звали своихъ дѣтей. У Виниціи волоса стали дыбомъ при мысли, что было вблизи огня. Благодаря сильному шуму, стону и крикамъ трудно было разспросить кого-либо, а тѣмъ больше понять отдѣльные возгласы. По временамъ, изъ-за рѣки приливали новыя лавы чернаго дыма, который закрывалъ собою не только дома, но и всѣхъ людей, точно ночью, и только когда вѣтеръ раздувалъ его Виниціи могъ подвигаться дальше къ переулку, въ которомъ находился домикъ Линнея. Зной іюльскаго дня, увеличивавшійся отъ огня, былъ нестерпимъ; дымъ развѣдалъ глаза и спираль дыханіе. Даже тѣ изъ жителей, которые были увѣрены, что огонь не перейдетъ за Тибръ, начали выходить изъ своихъ лачугъ и тѣснота увеличивалась съ каждой минутой. Преторіанцы, сопровождавшіе Виницію, отстали далеко позади. Въ этой тѣсотѣ, кто-то оглушилъ и изранилъ его коня, который съ окровавленнымъ лбомъ замстался и забросался въ стороны, началъ становиться на дыбы и отказываться отъ послушанія. Народъ, узнавъ по богатой туникѣ августіанина, началъ кричать: «Смерть Нерону и его поджигателямъ!»

Для Виниція настала опасная минута, потому что къ нему начали ужь протягиваться руки со всѣхъ сторонъ, но взвившійся на дыбы конь, рванулъ впередъ и мгномъ унесъ его, подбивая подъ свои копыта людей. Въ это время новая лава дыма погрузила все и всѣхъ во мракъ. Виницій, видя, что ему не удастся пробѣжать, соскочилъ съ коня и пошелъ пѣшкомъ, проскальзывая около стѣнъ и по временамъ ожидая, чтобы бѣгущій народъ миновалъ его. Въ душѣ онъ говорилъ собѣ, что всѣ его усилія напрасны, что Лигія ужь могла спастись бѣгствомъ и что легче было найти иголку на берегу моря, чѣмъ человѣка въ этомъ хаосѣ. Не смотря на то, онъ, пѣною собственной жизни, хотѣлъ достигнуть жилища Линнея. По временамъ, онъ останавливался и протиралъ глаза. Оторвавъ край туники, онъ зажалъ имъ ротъ и носъ и побѣжалъ дальше. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ рѣкѣ, жара увеличивалась. Виницій, зная, что пожаръ начался отъ Большаго цирка, сначала думалъ, что эта жара пышетъ отъ его погорѣлицъ, а также отъ Форума Боаріума и отъ Велабрія, который, находясь вблизи, должно быть, тоже горѣлъ. Но жара сдѣлалась невыносимой и Виницій вскорѣ услышалъ отъ какого-то человѣка на костыляхъ, который шелъ ему на встрѣчу, слѣдующія слова:

— Не подходи къ мосту Цестія! весь островъ въ огнѣ!

Дальше ужь нельзя было обманываться. На поворотѣ въ Иудейскую улицу, на которой находился домъ Линнея, молодой трибунъ увидалъ среди облаковъ дыма большое пламя: горѣлъ не только островъ, но и все Затибрые и, по крайней мѣрѣ, конецъ той улицы, на которой жила Лигія.

Виницій помнилъ, что домъ Линнея былъ окруженъ садомъ, за которымъ находилась не застроенная площадь, простиравшаяся къ Тибру, и эта мысль ободрила его: огонь могъ остановиться у пустаго пространства. Надѣясь на послѣднее обстоятельство, онъ бѣжалъ дальше, хотя каждое дуновеніе вѣтра несло не только дымъ, но и тысячи искръ, которыя свободно могли зажечь переулочекъ съ другаго конца и лишить его возможности вернуться назадъ.

Наконецъ онъ увидѣлъ сквозь дымъ очертанія кипарисовъ въ саду Линнея. Дома, находившіяся за площадью, уже горѣли, какъ дровяные костры, но домика Линнея еще не коснулся огонь.

Виницій съ благодарностью взглянулъ на небо и быстро побѣжалъ къ калиткѣ, которая была заперта; онъ толкнулъ ее но-

гою и вошелъ въ садъ. Въ немъ не оказалось ни одной живой души и домъ казался совсѣмъ опустѣлымъ.

— Можетъ быть, они обомлѣли отъ жары или задохлись отъ дыма, подумалъ онъ и началъ звать:

— Лигія! Лигія!

Но никто не отвѣчалъ ему и только слышался одинъ общій гулъ отъ пожара.

— Лигія! повторилъ онъ громче.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ знакомый ему ревъ, который онъ однажды ужъ слышалъ въ этомъ саду. Очевидно, загорѣлся звѣринецъ на ближайшемъ островѣ, находившейся вблизи храма Эскулапа. Въ этомъ звѣринцѣ были различные звѣри, а между ними и львы, которые начали рыкать отъ жары и страха.

По тѣлу Виниція пробѣжала дрожь. Вотъ ужъ второй разъ онъ слышитъ эти голоса въ моментъ, когда всѣ его мысли сосредоточены на Лигіи, точно предвѣщая ему несчастье или зловѣщую будущность.

Но это было моментальное впечатлѣніе, потому что ревъ ужаснѣйшаго пожара былъ страшнѣе рыканья львовъ. Хотя Лигія не отвѣчала на его зовъ, но она могла находиться въ этомъ, огороженномъ со всѣхъ сторонъ, зданіи обомлѣвая или задохшаяся отъ дыма. Онъ вошелъ въ домъ. Въ маломъ атриумѣ было пусто и темно отъ дыма. Виницій началъ ощупью искать дверей въ кубикулумъ и наконецъ увидѣлъ слабо мелькавшій огонекъ лампы. Подойдя ближе; онъ узналъ ларарій, въ которомъ, вмѣсто ларовъ, былъ крестъ, а подъ нимъ горѣлъ свѣтильникъ. Въ головѣ молодого катехума ²¹⁸) молніей мелькнула мысль, что именно этотъ крестъ ниспосылаетъ ему свѣтъ, благодаря которому онъ можетъ осмотрѣть жилище и найти Лигію. Взявъ свѣтильникъ въ руки, онъ отправился искать кубикулумы. Отыскавъ одинъ, онъ приподнялъ котару и, свѣтя внутрь, осмотрѣлъ комнату.

Но тамъ не было никого. Однако Виницій былъ убѣжденъ, что онъ попалъ въ кубикулумъ Лигіи, потому что на стѣнѣ висѣла женская одежда, а на постели лежало ея «*caritium*» ²¹⁹), которыя женщины носили на тѣлѣ.

Виницій схватилъ эту вещь и прижалъ къ своимъ губамъ, а затѣмъ, перекинувъ ее чрезъ плечо, отправился дальше. Домъ былъ не большой, такъ что онъ скоро осмотрѣлъ не только всѣ комнаты, но и погреба. Однако нигдѣ не нашелъ ни одной живой души.

Было очевидно, что Лигія, Линней и Урсъ, вмѣстѣ съ прочими жителями этой части города, бѣжали отъ пожара.

«Надо поискать ихъ среди толпъ, за городскими воротами» подумалъ онъ.

Его не удивляло, что онъ не встрѣтилъ ихъ на Портовой улицѣ, такъ какъ они могли выйти изъ Затибрыя съ противоположной стороны, по направленію Ватиканскаго холма. Во всякомъ случаѣ, они уцѣлѣли отъ огня, и Виницій облегченно вздохнулъ, точно камень свалился съ его груди. Хотя онъ видѣлъ съ какою опасностью было сопряжено это бѣгство, но мысль о необыкновенной силѣ Урса ободряла его.

«Однако, подумалъ онъ,—и мнѣ надо бѣжать отсюда и какъ нибудь пробраться чрезъ сады Домиціи, въ сады Агрыппины. Вѣроятно, я тамъ отыщу ихъ: тамъ и дымъ не опасенъ, потому что вѣтеръ дуетъ отъ Сабинскихъ горъ.

Дѣйствительно, надо было подумать о своемъ спасеніи; лава огня приближалась со стороны острова все ближе и столбы дыма заслоняли собою весь переулочекъ. Свѣтильникъ, съ которымъ онъ ходилъ по дому, погасъ отъ сквознаго вѣтра.

Виницій выскочилъ на улицу и побѣжалъ во всю прыть къ Портовой дорогѣ, въ ту сторону, откуда пришелъ. Пожаръ какъ будто подгонялъ его своимъ огненнымъ дыханіемъ, то окружая его новыми тучами дыма, то обсыпая искрами, которыя падали ему на голову, шею и одежду. Его туника затлѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но онъ не обращалъ на то вниманія и все бѣжалъ, боясь чтобы не задохнуться отъ дыма. Во рту былъ вкусъ гари и сажи, а въ горлѣ и легкихъ жгло, точно огнемъ. Кровь прилиwała къ лицу, такъ что, по временамъ, ему казалось все въ красномъ цвѣтѣ; даже черный дымъ въ его глазахъ былъ красенъ.

«Да вѣдь это живой огонь, думалъ онъ въ такія минуты,—лучше ужъ лечь на земь и погибнуть».

Онъ измучился отъ бѣга. Голова, шея и плечи обливались потомъ, который ошпаривалъ его точно кипяткомъ, и еслибъ не мысль о Лигіи и не ея «*sarritum*», которымъ онъ закрывалъ лицо отъ дыма, то онъ навѣрное-бы упалъ.

Однако, чрезъ нѣсколько минутъ, онъ ужъ не узнавалъ переулочка, по которому бѣжалъ. Мало по малу, онъ терялъ память и только помнилъ, что онъ долженъ бѣжать, потому что его ждетъ Лигія

на открытомъ полѣ. И имъ внезапно овладѣла странная, полулихорадочная и полугорячечная увѣренность, что онъ непременно долженъ увидѣть ее, повѣнчаться и сейчасъ умереть.

Теперь онъ бѣжалъ какъ пьяный, пошатываясь въ разныя стороны и переходя съ одной стороны улицы на другую. А между тѣмъ что то измѣнилось въ чудовищномъ пламени, охватившемъ весь городъ: все, что до настоящей минуты еще только тлѣло, очевидно, превратилось въ одинъ гигантскій пылающій костеръ. Вѣтеръ ужъ не гналъ облаковъ дыма, а тотъ, что былъ въ переулкахъ, развѣяло бѣшеннымъ стремленіемъ раскаленнаго воздуха. Въ своемъ быстромъ стремленіи, онъ гналъ миллиарды искръ, такъ что Виницій бѣжалъ какъ будто въ огненной тучѣ, среди которой ему было свѣтло, и въ моментъ, когда онъ, изнемогая отъ жары и усталости, готовъ былъ упасть, онъ увидѣлъ конецъ переулка, и это придадо ему силы. Повернувъ за уголь, онъ очутился въ улицѣ, ведущей къ Портовой, а за тѣмъ къ Кодетанскому полю. Искры перестали гнаться за нимъ и онъ понялъ, что если у него достанетъ силъ добѣжать до Портовой дороги, то будетъ спасень, хоть бы ему и пришлось упасть на ней. Однако, въ концѣ улицы онъ опять увидѣлъ какую то тучу, которая заграждала выходъ.

«Если это дымъ, подумалъ онъ,—то ужъ мнѣ не выйти изъ него живымъ».

Но онъ бѣжалъ. По дорогѣ, онъ скинулъ съ себя тунуку, которая загорѣлась на немъ и жгла его, какъ рубашка Несса²²⁰, и бѣжалъ нагій, съ однимъ «*caritium*» Лигии на головѣ. Подбѣжавъ ближе, онъ увидѣлъ, что видѣнный имъ дымъ былъ не больше какъ пыль, изъ которой къ нему доносились человѣческіе голоса и крики.

«Вѣроятно чернь грабить дома»,—подумалъ онъ.

Но онъ побѣжалъ по тому направленію, откуда слышались голоса. Все-таки тамъ были люди, которые могли ему помочь. Въ надеждѣ, что его услышатъ, онъ началъ громко кричать; но это было его послѣднее усиліе: онъ изнемогалъ отъ усталости, въ глазахъ все покраснѣло, дыханіе замирало въ груди и наконецъ онъ упалъ.

Однако, его должно быть услышали или, скорѣе, замѣтили, и двое какихъ-то людей побѣжали къ нему на помощь съ сосудами воды.

Виницій, упавшій только отъ безсилія, но при полной памяти, схватилъ одинъ изъ сосудовъ и выпилъ его почти до половины.

— Спасибо! сказалъ онъ.—Теперь помогите мнѣ встать, а далѣе ужъ я самъ пойду.

Второй изъ рабочихъ облилъ ему голову водою, а затѣмъ оба, вмѣсто того, чтобы помочь ему встать, взяли его на руки и понесли къ остальнымъ рабочимъ, которые окружили его и озабоченно начали разспрашивать, какъ онъ чувствуетъ себя.

Такая озабоченность крайне удивила Виниція.

— Кто вы? спросилъ онъ,—и что дѣлаете?

— Разрушаемъ дома, чтобы пожаръ не дошелъ до Портовой дороги, отвѣтилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Спасибо вамъ, что вы помогли мнѣ въ минуту моего безсилія.

— Мы никому не отказываемъ въ своей помощи, отозвалось нѣсколько голосовъ.

Виницій, смотрѣвшій съ утра на остервенѣлыя толпы, на драки и грабежи, посмотрѣлъ на окружавшихъ съ большимъ вниманіемъ и наконецъ произнесъ:

— Да наградить васъ... Христосъ!

— Слава Ему! отозвались всѣ хоромъ.

— Линней? спросилъ Виницій и далѣе не могъ не только разспрашивать, но и говорить, потому что совсѣмъ обомлѣлъ отъ испытанныхъ имъ волненій. Онъ пришелъ въ себя уже на Кодетанскомъ полѣ въ саду, среди нѣсколькихъ женщинъ и мужчинъ, и первыя слова его были:

— Гдѣ Линней?

— Никто не могъ отвѣтить на его вопросъ. Какъ вдругъ какой-то знакомый Виницію голосъ отозвался:

— За Номентанскими воротами... Два дня тому назадъ онъ ушелъ въ Остраніумъ... Миръ тебѣ, перскій король!..

Виницій поднялся и сѣлъ, узнавъ въ этомъ человѣкѣ Хилона.

— Вѣрно, твой домъ, господине, сгорѣлъ, продолжалъ грекъ,—потому что Карины въ огнѣ, но ты всегда будешь богатъ, какъ Мида²²¹). О, какое несчастье! Да, сыне Сераписа, христіане давно предсказывали, что этотъ городъ погибнетъ въ пламени... Ну, а Линней, вмѣстѣ съ дочерью Юпитера, въ Остраніумъ... О! какое несчастье для этого города!..

Виницій опять ослабъ...

— Ты видѣлъ ихъ? спросилъ онъ.

— Да, видалъ!.. Благодареніе Христу и всѣмъ богамъ, что я удостоился чести отплатить тебѣ доброю вѣстью за всѣ твои благодѣянія и милости ко мнѣ. Но и я тебѣ, Озирись, еще постараюсь отплатить и—клянусь этимъ пылающимъ въ огнѣ Римомъ...

На дворѣ смеркалось, но въ саду было видно, какъ днемъ, потому что пожаръ увеличился. Казалось, что горять не отдѣльныя части города, а весь городъ съ одного конца до другого, во всю длину и ширину. Все небо было красно и ночь—свѣтла.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Зарево отъ горѣвшаго города залило небо такъ широко, какъ только могъ охватить взоръ человѣка. Изъ-за горы выплыла луна, которая, принявъ окраску растопленной мѣди, какъ-бы съ тоскою смотрѣла на гибель всемірнаго города. На розовомъ небѣ ярко свѣтились розовыя звѣзды и, въ противоположность обыкновенныхъ ночей, земля была яснѣе, чѣмъ небо.

Римъ освѣщаль, въ видѣ колоссальнаго костра, всю Кампанью. При этомъ кровавомъ освѣщеніи были видны ближайшія горы, а на нихъ раскинутые небольшіе города, виллы, храмы и водопроводы, проведенные со всѣхъ окружающихъ горъ и идущіе по направленію къ городу; на послѣднихъ толпились люди, которые бѣжали отъ или просто собрались посмотрѣть на него.

Между тѣмъ пожаръ охватываль все новыя части и принималь громадныя размѣры. Несомнѣнно, какая-то преступная рука поджигала городъ, потому что загоралось все въ новыхъ мѣстахъ, далеко отстоящихъ отъ мѣста общаго горѣнія.

Съ холмовъ, на которыхъ былъ построенъ весь Римъ, пламя огня устремлялось, подобно морской волнѣ, на долины, тѣсно застроенныя пяти и шести-этажными домами, лавками, магазинами, деревянными подвижными амфитеатрами, построенными для различныхъ зрѣлищъ, и наконецъ, лѣсными складами, оливками, хлѣбомъ, орѣхами, шишками пиній, миндалевидными зернами которыхъ питался бѣдный

люды, и одеждой, которую цезарь жертвовалъ оборванцамъ, заселявшимъ всё закоулки города. Тутъ пожаръ находилъ себѣ достаточно пищи въ видѣ разнаго горючаго матеріала и съ неимовѣрною быстротою охватывалъ цѣлыя улицы. Люди, расположившіеся бивуаками за городомъ и на водопроводахъ, отгадывали по цвѣту пламени, что и гдѣ горитъ. Бѣшеный порывъ вѣтра поднималъ временами изъ огненной пучины миллионы раскаленныхъ скорлупъ отъ орѣховъ и миндаля, которыя внезапно устремлялись къверху, подобно стаѣ блестящихъ бабочекъ, и съ трескомъ лопались въ воздухъ, или, гонимыя вѣтромъ, засыпали собою новыя части и окружающія городъ поля и водопроводы. Всякая попытка къ спасенію была немыслима, смятеніе народа возросло съ каждой минутой все болѣе и болѣе, потому что съ одной стороны жители бѣжали во всё ворота за стѣны города, спасаясь отъ пожара, съ другой—тотъ же пожаръ привлекъ тысячи любопытныхъ окрестныхъ жителей, какъ изъ городовъ, такъ и деревень, а также разной черни и дикихъ пастуховъ съ Кампаньи, которыхъ привлекала надежда на удачную добычу при грабежѣ города.

Возгласы «Римъ гибнетъ!» исходили изъ устъ толпы; гибель этого города казалась въ это время концомъ владычества и развязкой тѣхъ узловъ, которые связывали весь народъ въ одно цѣлое. Толпа, состоящая большею частью изъ мѣстныхъ и вновь прибывшихъ рабовъ, для которыхъ ничего не значило владычество Рима и переворотъ котораго могъ освободить ихъ отъ ненавистнаго имъ господства,—принимала мѣстами грозный видъ, благодаря чему проявлялись грабежъ и насиліе.

Казалось, что только самый видъ гибнущаго города сдерживаетъ вспышку возстанія и рѣзню, которая, однако-же, начнется тотчасъ, какъ городъ превратится въ груды развалинъ. Сотни тысячъ рабовъ, забывъ о томъ, что Римъ обладаетъ, кромѣ храмовъ и стѣнъ, нѣсколькими десятками легионовъ во всѣхъ частяхъ свѣта,—только и ждали сигнала и своего вождя. Вездѣ упоминалось имя Спартака; но его не было. А между тѣмъ обыватели начали собираться вмѣстѣ и вооружаться, чѣмъ кто могъ. При всѣхъ воротахъ города происходили чудовищные толки по поводу пожара. Нѣкоторые утверждали, что это вулканъ, по приказанію Юпитера, истребляетъ Римъ вышедшимъ изъ земли огнемъ; другіе говорили, что Веста ²²²⁾ мститъ за весталку Рубрію. Народъ, увѣренный

въ своихъ предположеніяхъ, не хотѣлъ ничего спасать изъ своего имущества и, окружая храмы, только молилъ боговъ о помилованіи. Но больше всего говорили о томъ, что самъ цезарь велѣлъ поджечь городъ съ цѣлью уничтожить зловоніе, долетавшее до него отъ Субуры, и отстроить новый городъ подъ названіемъ Неронія. Молва росла и бѣшенство овладѣвало народомъ, и еслибъ, какъ думалъ Виницій, нашелся предводитель, который захотѣлъ-бы воспользоваться порывомъ народной ненависти, часы жизни Нерона были-бы сочтены раньше на многіе годы.

Говорили также, что будто цезарь съ ума сошелъ и приказалъ преторіанцамъ и гладіаторамъ ударить на народъ и произвести общую рѣзню. Нѣкоторые клялись богами, что рыжебородый приказалъ выпустить на народъ со всѣхъ звѣринцевъ звѣрей, что ужъ видѣли на улицахъ львовъ, съ пылающими гривами, взбѣсившихся слоновъ и туровъ, которые бросались на народъ и разрывали его. Впрочемъ, въ этомъ была доля правды: въ нѣсколькихъ мѣстахъ слоны, видя приближеніе пожара, разнесли виваріи и, вырвавшись на свободу, помчались въ дикомъ страхѣ въ противную отъ огня сторону, истребляя все, какъ ураганъ на своемъ пути. Были и такіе слухи, что десятки тысячъ людей погибло въ огнѣ. Дѣйствительно, погибло не мало. Многіе, потерявши все свое имущество и лицъ, дорогихъ ихъ сердцу, въ отчаяніи бросались въ огонь. Многіе были удушены дымомъ. Въ срединѣ города, между Капитоліемъ съ одной стороны и Квириналомъ, Винциналомъ и Эсквилиномъ—съ другой, какъ равно и между Палатиномъ и Целіемъ, гдѣ гуще всѣхъ были застроены улицы, пожаръ одновременно начинался во многихъ мѣстахъ, такъ что толпы народа, спасаясь бѣгствомъ въ противоположную сторону, какъ разъ попадали, совсѣмъ неожиданно, на новыя стѣны пламени и гибли страшной смертью среди огненнаго залива.

Народъ, объятый паникой, не зналъ куда бѣжать. Всѣ дороги были завалены имуществомъ, а многія тѣсныя мѣста просто-таки заперты. Всѣ искавшіе пріюта на рынкахъ и площадяхъ, гдѣ позже былъ построенъ Флавіанскій амфитеатръ, около храма Земли, возлѣ портика Ливія и выше, возлѣ храма Юноны и Люцініи, между *Clivus Sibirius* и старыми Эсквилинскими воротами, окружены были моремъ огня и погибли отъ жары. Въ мѣстахъ, куда, казалось, не достигло, пламя были найдены сотни обуглившихся тѣлъ. Несчастные, желая спастись отъ жары, вырывали каменныя плиты и зака-

пывали себя до половины въ землю. Ни одно почти семейство, жившее внутри города, не спаслось цѣликомъ, а потому у городскихъ стѣнъ, у всѣхъ воротъ и на всѣхъ дорогахъ раздавались отчаянные вопли женщинъ, оплакивающихъ и упоминающихъ дорогія имена погибшихъ въ огнѣ.

Итакъ, когда одни умоляли о милости боговъ, другіе богохульствовали и упрекали ихъ за эту кару. Многіе старики, обращаясь въ сторону храма Юпитера-Громовержца, протягивали къ нему руки взывали: «если ты спаситель, то спаси твой жертвенникъ и городъ!» Отчаяніе однако болѣе всего было обращено къ старымъ римскимъ богамъ, которые, по понятіямъ черни, должны были болѣе другихъ заботиться о городѣ. Но такъ какъ боги оказались безсильными, то надъ ними надсмѣхались. Случилось такъ, что по Азимарской дорогѣ показалась толпа египетскихъ жрецовъ, сопровождавшихъ статую Изиды, которую они спасли изъ храма, расположеннаго въ окрестностяхъ Порты Целимонтана. Толпа бросилась между жрецами, припряглась къ колесницѣ и потянула ее къ Аппійскимъ воротамъ, гдѣ отняла статую отъ жрецовъ и помѣстила ее въ храмъ Марса, не смотря на сопротивленіе жрецовъ послѣдняго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, народъ призывалъ Сераписа, Ваала или Іегова, почитатели которыхъ, высыпавъ изъ всѣхъ улицъ Субуры и Затибра, наполнили шумомъ и крикомъ всѣ поля, окружавшія городскія стѣны. Въ ихъ крикахъ слышны были ноты полнаго триумфа, потому что, когда одни изъ нихъ присоединялись къ хору славящему «Господа всего міра», другіе, возмущавшіеся этимъ радостнымъ шумомъ, старались заглушить его насиліемъ. Кое гдѣ раздалось пѣніе молодыхъ и стариковъ, женщинъ и дѣтей, которые пѣли дивную торжественную пѣснь, ни смысла ни значенія которой никто не могъ понять, но въ ней часто повторялись слова:

„Въ день гнѣва и бѣдствій придетъ судьба!“

Такая подвижная и бессонная людская волна окружала, какъ бующее море, весь плававшій городъ. Однако, ничто не помогло, ни отчаяніе, ни проклятія, ни пѣсни. Бѣдствіе оказалось неумолимымъ и неотвратимымъ, какъ судьба. Возлѣ амфитеатра Помпея загорѣлись склады пеньки и льну, которые требовались въ большомъ количествѣ въ цирки, арены и для различнаго рода ма-

шинъ, употребляемыхъ при зрѣлищахъ, а вмѣстѣ съ ними и строе-
нія съ бочками смолы, предназначенной для смазки льна. Нѣсколько
часовъ вся эта часть города, за которой лежало Марсово поле,
свѣтилась ярко желтымъ пламенемъ, такъ что многимъ, обезумѣв-
шимъ отъ страха, казалось будто ночь замѣнилась днемъ и что
они видѣли свѣтъ яркаго солнца. Но потомъ кровавый, плотно
слившійся, блескъ смѣнилъ все другія окраски пламени. Изъ моря
огня взлетали къ небу колоссальныя фонтаны и столбы пламени,
распадавшіеся въ воздухъ въ огненные кисти и перья, которыя
вѣтеръ, подхватывая и превращая въ золотыя нити и искры, уно-
силъ надъ Кампаньей къ Албанскимъ горамъ. Ночь становилась все
свѣтлѣе и самый воздухъ казался не только проникнутымъ блескомъ
огня, но и пламенемъ. Тибръ плылъ живымъ огнемъ. Несчастнѣйшій на-
родъ превратился въ огненное пекло. Пожаръ захватывалъ все
большее и большее пространство, бралъ штурмомъ холмы, разли-
вался по равнинамъ, заливалъ долины, бѣсновался, гудѣлъ и гремѣлъ.

II.

Ткачъ Макриній, въ домъ котораго принесли Виниція, обмылъ
его, одѣлъ и далъ ему поѣсть. Молодой трибунъ, подкрѣпивъ свои
силы, заявилъ, что въ эту-же ночь начнетъ дальнѣйшія поиски
Линнея. Макриній, который былъ христіаниномъ, подтвердилъ слова
Хилона, что Линней, вмѣстѣ съ старшимъ священникомъ Клемен-
тиемъ, отправились въ Остраніумъ, гдѣ Петръ предполагалъ кре-
стить всѣхъ послѣдователей новаго ученія. Въ кварталѣ, въ кото-
ромъ жилъ Линней, христіанамъ было извѣстно, что послѣдній по-
ручилъ надзоръ за своимъ домомъ нѣкому Гаю. Для Виниція те-
перь становилось яснымъ, что ни Лигія, ни Урсъ не остались дома,
и что они тоже отправились въ Остраніумъ.

Это значительно ободрило его. Линней былъ человѣкъ старый
и слабый, и ему было трудно ходить каждый день изъ-за Тибра
за отдаленныя Номентанскія ворота и возвращаться назадъ, а потому
весьма вѣроятно, что онъ поселился на нѣсколько дней у кого-либо
изъ своихъ единовѣрцевъ за городскими стѣнами, вмѣстѣ съ Лигією
и Урсомъ. Такимъ образомъ, они спаслись отъ пожара, который
не перебросился на другую сторону эсквилинскаго водоема. Виницій
видѣлъ во всемъ этомъ перстъ Христа, чувствовалъ надъ собою

Его опеку и сердцемъ, преисполненнымъ болѣе чѣмъ когда-либо любовью, поклялся Ему въ душѣ заплатить всей своей жизнью за эти видимые признаки Его милости къ нему. Тѣмъ болѣе онъ спѣшилъ въ Остраніумъ. Онъ отыщетъ Лигію, отыщетъ Линнея и Петра и возьметъ ихъ съ собою куда-нибудь далеко, въ одно изъ своихъ помѣстій, хотя-бы въ Сицилію. Черезъ нѣсколько дней, отъ Рима останется лишь куча развалинъ и пепла, такъ къ чему-же имъ оставаться здѣсь и видѣть бѣдствіе и разнузданность толпы? Тамъ окружатъ ихъ сотни дисциплинированныхъ невольниковъ и деревенская тишина и они будутъ жить спокойно подъ покровительствомъ самого Христа, благословенные Петромъ. Только-бы найти ихъ теперь!

Но не такъ это было легко. Виницій помнилъ съ какимъ трудомъ ему пришлось пробираться по Аппійской дорогѣ за Тибръ и какъ онъ долженъ былъ колесить, чтобы попасть на Портовую дорогу, а потому теперь онъ рѣшилъ обойти городъ съ противоположной стороны. Идя по Триумфальной дорогѣ, можно было дойти вдоль рѣки до моста Емилія, а оттуда, миновавъ Пинцій, вдоль Марсоваго поля, садовъ Помпея, Лукулла и Салюстія добраться до Номентанской дороги. Этотъ путь былъ самый кратчайшій, но Макриній и Хилонъ не совѣтовали ему идти по ней. Правда, огонь, пока, не успѣлъ коснуться этой части города, но всѣ улицы и рынки могли быть завалены вещами и переполнены людьми. Хилонъ совѣтовалъ отправиться черезъ Ватиканскій Агеръ ²²³⁾ къ порту Фламина, перейти тамъ рѣку и подвигаться далѣе за городскія стѣны, за сады Ацинія, къ порту Саларія.

Виницій, послѣ минутнаго колебанія, согласился на это.

Макриній долженъ былъ остаться оберегать свой домъ, но приготовилъ двухъ муловъ, которые могли-бы послужить для дальнѣйшаго путешествія Лигіи. Онъ хотѣлъ дать Виницію и невольниковъ, но послѣдній отказался, судя по тому, какъ это случилось прежде, что первый отрядъ преторіанцевъ, встрѣченный имъ въ дорогѣ, будетъ въ его распоряженіи.

Спустя минуту, Виницій и Хилонъ тронулись въ путь черезъ Яникульскій Пагусъ ²²⁴⁾ къ Триумфальной дорогѣ. И тутъ на открытыхъ мѣстахъ люди расположились лагеремъ, но они съ меньшимъ трудомъ пробирались черезъ нихъ, такъ какъ народъ, большею частью, бѣжалъ по Портовой дорогѣ къ морю. Проѣхавъ ворота Сеп-

тимія, они побѣхали между рѣкою и садомъ Домиція, въ которомъ громадныя кипарисы были освѣщены краснымъ отблескомъ пожара, точно вечерней зарею. Здѣсь дорога была гораздо свободнѣе и только по временамъ имъ приходилось встрѣчаться съ толпами деревенскихъ жителей, спѣшившихъ къ мѣсту пожара. Виницій погонялъ своего мула и Хилонъ, ѣдучи велѣдъ за нимъ, всю дорогу разговаривалъ самъ съ собою:

— Теперь пожаръ остался позади насъ и грѣбеть наши спины и никогда еще на этой дорогѣ не было такъ свѣтло ночью, какъ теперь. О, Зевесъ! если ты не пошлешь ливня на этотъ пожаръ, то значить ты не любишь Римъ. Вѣдь никакія человѣческія усилія не въ состояніи потушить пожаръ такого города, которому повиновалась вся Греція и весь свѣтъ! А теперь первый встрѣчный грекъ можетъ испечь свои бобы въ его золѣ. И кто могъ это ожидать!.. Теперь не будетъ больше ни Рима, ни его гордыхъ римлянъ и каждый посѣтитель можетъ ходить по немъ да посвистывать. Но, боги! какъ же можно свистать на пепелищѣ этого всемірнаго города!.. Однако же можно и свистать, потому что останутся лишь однѣ развалины да куча пеплу, который развѣетъ вѣтеръ. А вѣдъ пепелъ все равно, что послѣ города, что послѣ пастушскихъ лагучъ.

Говоря это, онъ часто обращался въ сторону пожара и глядѣлъ на волны огня съ лицомъ, на которомъ попеременно выражалась то злоба, то радость.

— Гибнетъ! гибнетъ! продолжалъ онъ, — и его больше не будетъ на землѣ. Но куда теперь свѣтъ станетъ вымывать свой хлѣбъ, масло и деньги? Кто ему будетъ добывать золото и вытирать слезы. Мраморъ не горитъ, но распадается въ огнѣ, а потому Капитолій и Палатинъ превратятся въ развалины. О, Зевесъ! Римъ считался пастыремъ, а его народъ — овцами и когда пастырь былъ голоденъ, то онъ рѣзалъ одну овцу и съѣдалъ ея мясо, а тебѣ, отецъ боговъ, отдавалъ шкуру. Кто же теперь, о, Громовержець! будетъ рѣзать овецъ и въ чьи ты руки отдашь пастушескій бичъ!.. Вѣдь Римъ горитъ такъ хорошо, какъ будто ты самъ, отецъ, зажегъ его молніей.

— Поспѣши! понуждалъ его Виницій. — Что ты тамъ ворчишь?

— Плачу надъ Римомъ, господинъ, отвѣтилъ Хилонъ, — надъ градомъ Юпитера!..

Нѣкоторое время, они ѣхали молча, вслушываясь въ гулъ

пожара, въ шумъ голубиныхъ крыльевъ и другихъ птицъ, которыя во множествѣ гнѣздились въ виллахъ и маленькихъ городкахъ Кампаньи, а также залетѣли съ взморья и изъ близъ лежащихъ горъ, очевидно, принимая пожаръ за солнечный свѣтъ. Кружась въ выси, они летѣли цѣлыми стаями прямо на огонь.

Виницій первый прервалъ молчаніе:

— Гдѣ ты былъ въ началѣ пожара?

— Я шелъ къ моему пріятелю Еврицію, который имѣетъ торговлю у Большого цирка. Идя туда, я размышлялъ объ ученіи Христа, какъ вдругъ раздались возгласы: «огонь!» Люди столпились около цирка, одни изъ любопытства, другіе—для спасенія его, но когда пламя окружило циркъ и начало появляться въ другихъ мѣстахъ, тогда ужъ пришлось заботиться и о собственномъ спасеніи.

— Видѣлъ ли ты людей, бросающихъ факелы въ дома?

— О, чего я только не видѣлъ, внукъ Енися!.. Я видѣлъ людей, которые мечемъ прокладывали себѣ дорогу; видѣлъ цѣлыя битвы и растоптанные внутренности людей на мостовой. О, господинъ! еслибъ ты это видѣлъ, то навѣрное подумалъ, что варвары взяли городъ и теперь празднуютъ въ немъ тризну, производя рѣзню. Люди вокругъ кричали, что насталъ конецъ свѣта. Нѣкоторые, потерявъ присутствіе духа и забывъ о спасеніи, въ отчаяніи ждали, пока ихъ охватитъ пламя. Одни обезумѣли отъ страха, другіе—вопили; но я видѣлъ и такихъ, которые плакали отъ радости. Да, много есть на свѣтѣ злыхъ людей, которые не умѣютъ цѣнить ни вашего милостиваго господства, ни тѣхъ правъ, въ силу которыхъ вы отнимаете все то, что есть у кажлаго и присваиваете себѣ. Люди не могутъ, да и не умѣютъ примириться съ волею боговъ!

Виницій черезчуръ былъ занятъ собственными мыслями и вѣрно не замѣтилъ ироніи въ словахъ Хилона. Дрожь пробѣжала по немъ при одной мысли, что Лигія могла быть въ числѣ тѣхъ людей, внутренности которыхъ Хилонъ видѣлъ раздавленными на улицѣ и хотя ужъ десять разъ спрашивалъ его обо всемъ, что тотъ видѣлъ, но еще разъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А ты видѣлъ ихъ собственными глазами въ Остраніумѣ?

— Видѣлъ, сынъ Венеры, видѣлъ дѣвицу добраго Лига, святаго Линнея и апостола Петра.

— Передъ пожаромъ?

— Передъ пожаромъ, Миэро²²⁵).

Но въ душѣ Виниція явились сомнѣнія, не лжетъ ли Хилонъ; онъ задержалъ своего мула, грозно взглянулъ на стараго грека и спросилъ:

— Что ты тамъ дѣлалъ?

Хилонъ смѣшался. Въ сущности, ему, какъ и многимъ другимъ, казалось, что вмѣстѣ съ гибелью Рима наступаетъ конецъ и римскому владычеству; а такъ какъ онъ былъ теперь съ глазу на глазъ съ Виниціемъ, то, вспомнивъ, что онъ, въ свое время, приказывалъ ему самъ слѣдить за христіанами, въ особенности за Линнеемъ и Мигіей, — прямо сказалъ:

— Господинъ, почему ты мнѣ не вѣришь, что я ихъ люблю? Да, я былъ въ Остраніумѣ, потому что на половину считаюсь христіаниномъ. Пиронъ научилъ меня уважать добродѣтель болѣе нежели философію, и я все болѣе и болѣе привязываюсь къ добродѣтельнымъ людямъ. А притомъ, вѣдь я нищій, и когда ты, Юпитеръ, былъ въ Антіѣ, я часто чуть не умиралъ отъ голода надъ книгами. Въ виду этого, я садился у стѣнъ Остраніума и христіане подавали мнѣ милостыню. Не смотря на то, что сами нищіе, они раздають подаваній больше, нежели всѣ, вмѣстѣ взятые, жители Рима.

Этого оправданія было досточно для Виниція, и онъ спросилъ менѣе сурово:

— Ты не знаешь, гдѣ на это время поселился Линней?

— Нѣтъ, не знаю... Вѣдь ты самъ однажды наказалъ меня жестоко за любопытство, отвѣтилъ старій грекъ.

Виницій замолкъ и они поѣхали дальше.

— Господине, отозвался спустя минуту Хилонъ, — тебѣ не найти бы дѣвушки безъ меня... и если ты отыщешь ее, то, надѣюсь, ты не забудешь о бѣдномъ мудрецѣ?

— Хорошо, не забуду... Ты получишь домъ съ виноградникомъ подъ Америколой, отвѣтилъ Виницій.

— Благодарю тебя, Геркулесъ! Благодарю! благодарю!..

Теперь они проѣзжали холмы Ватикана, которые были освѣщены краснымъ отблескомъ пожара. Миновавъ Навмахію, они повернули вправо, чтобы, пройдя Ватиканское поле, приблизиться къ рѣкѣ и, переправившись чрезъ нее, достигнуть порта Фламина. Вдругъ Хилонъ остановилъ мула и сказалъ:

— Господинъ! Мнѣ пришла въ голову хорошая мысль.

— Говори, отвѣтилъ Виницій.

— Между Яникульскимъ и Ватиканскимъ холмами, за садами Агриппины, есть подземелья, изъ которыхъ брали песокъ и камни, для постройки цирка Нерона... Такъ, вотъ, выслушай меня, господинъ! Въ послѣднее время евреи, которыхъ какъ ты знаешь много за Тибромъ, начали преслѣдовать христіанъ. Помнишь, что ужь и во времена божественнаго Клавдія тамъ происходили возмущенія, такъ что цезарь вынужденъ былъ прогнать ихъ изъ Рима. Въ настоящее время, всѣ они вернулись обратно и, благодаря покровительству августы, чувствуютъ себя довольно сильными и потому еще болѣе преслѣдуютъ христіанъ. Я это знаю, потому что самъ видѣлъ. Хотя не было издано ни одного эдикта противъ христіанъ, но евреи жалуются на нихъ префекту города, что они, будто бы, убиваютъ ихъ дѣтей, поклоняются ослу и проповѣдываютъ ученіе, не признаваемое сенатомъ, а между тѣмъ они сами бьютъ ихъ и нападаютъ на ихъ молитвенные дома такъ ожесточенно, что христіане должны скрываться отъ нихъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ Виницій.

— Да то, господинъ, что синагоги открыто существуютъ за Тибромъ, а христіане, желая избѣгнуть преслѣдованій, вынуждены молиться въ пустыхъ сараяхъ за городомъ или въ аренаріяхъ. Именно, живущіе за Тибромъ избрали себѣ мѣста, образовавшіяся отъ построекъ цирка и другихъ домовъ вдоль Тибра. Теперь, когда гибнетъ городъ, навѣрное послѣдователи Христа молятся, а потому мы застанемъ ихъ тамъ безчисленное множество... Въ виду этого, я совѣтую тебѣ, господинъ, заѣхать по дорогѣ въ эти подземелья.

— Но, вѣдь ты сказалъ, что Линней отправился въ Остра-ніумъ! воскликнулъ нетерпѣливо Виницій.

— Да вѣдь ты тоже обѣщаль мнѣ домъ съ виноградникомъ подъ Америкой! отвѣтилъ Хилонъ,—ну, вотъ я и хочу поискать дѣвушки вездѣ, гдѣ только есть надежда найти ее. Въ началѣ пожара, они могли вернуться за Тибръ... Могли такъ-же обойти городъ вокругъ, какъ и мы обходимъ его въ данное время. У Линнея тамъ собственный домъ и, быть можетъ, онъ захотѣлъ быть ближе него и убѣдиться въ томъ, пощадитъ ли пожаръ хоть эту часть города. Если только они вернулись, то, клянусь Персефоной! мы найдемъ ихъ на молитвѣ въ подземелья, а, въ крайнемъ случаѣ, наведемъ справки о нихъ.

— Ты правъ: веди туда! отвѣтилъ трибунъ.

Хилонъ, не долго думая, повернулъ въ лѣво, къ холму. На минуту, возвышеніе холма закрылъ отъ нихъ пожаръ и они остались въ тѣни. Миновавъ цркъ, они повернули еще лѣвѣй и вошли въ ущельѣ, въ которомъ было совершенно темно. Но въ темнотѣ Виницій замѣтилъ рой мелькавшихъ огоньковъ въ фонаряхъ.

— Это они! сказала Хилонъ.—Сегодня ихъ будетъ больше, чѣмъ когда либо, потому что всѣ другіе дома сгорѣли или переполнены дымомъ, какъ и все Затибрѣ.

— Да. Я ужъ слышу пѣніе, сказалъ Виницій.

Дѣйствительно, изъ темнаго отверстія вверху до нихъ доносилось стройное пѣніе и фонари, одинъ за другимъ, исчезали въ немъ. Но изъ боковыхъ ущелій появлялись все новыя фигуры, такъ что, спустя нѣкоторое время, Виницій и Хилонъ очутились среди большой толпы людей.

Хилонъ слѣзъ съ своего мула и, обратившись къ шедшему рядомъ подростку, сказалъ:

— Я священникъ Христовъ и епископъ... Подержи нашихъ муловъ и за это ты получишь мое благословеніе и отпущеніе грѣховъ.

И, не ожидая отвѣта, онъ бросилъ ему поводья и вмѣстѣ съ Виниціемъ прижнулся къ идущей толпѣ.

Черезъ минуту, они вошли въ подземельѣ и, подвигаясь при тускломъ свѣтѣ фонарей по темному корридору, дошли до обширной пещеры, въ которой, очевидно, брали камень, такъ какъ еще видны были въ стѣнахъ свѣжія глыбы.

Здѣсь было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ корридорѣ, потому что, кромѣ свѣтильниковъ и фонарей, были зажжены еще факелы. При свѣтѣ ихъ, Виницій увидѣлъ толпу людей, стоявшихъ на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками; но ни Лигіи, ни апостола Петра, ни Линнея онъ нигдѣ не замѣтилъ; за-то его окружали лица, преисполненныя торжества и вдохновенія. На нѣкоторыхъ изъ нихъ было замѣтно какое-то ожиданіе, тревога и надежда. Блескъ огней отражался въ поднятыхъ къ верху бѣлкахъ; потъ градомъ скатывался по блѣднымъ, какъ мѣль, лицамъ; нѣкоторые пѣли пѣсни, инныя произносили въ благочестивомъ экстазѣ имя Іисуса, а многіе били себя въ грудь. По всему этому можно было заключить, что всѣ ждали чего то необыкновеннаго.

Вдругъ всѣ умолкли и надъ собраніемъ въ тишѣ, образовав-

шейся отъ вынutoй каменной глыбы, появился знакомый Винницю Криспъ. Его лицо было блѣдно, фанатично и сурово. Глаза присутствующихъ обратились къ нему, точно въ ожиданіи подкрѣпляющихъ словъ и надежды; между тѣмъ онъ благословилъ всѣхъ и началъ свою рѣчь громкимъ и поспѣшнымъ голосомъ:

— Кайтесь въ грѣхахъ вашихъ—ибо насталь послѣдній часъ. На городъ зла и безпутства, на этотъ новый Вавилонъ, Господь ниспослаль всеуничтожающій огонь. Часъ суда, гнѣва и бѣдствій пробилъ... Господь заповѣдалъ Свое пришествіе и вы сейчасъ увидите его! Но Онъ не придетъ ужъ какъ Агнецъ, Который пролилъ кровь свою за грѣхи ваши, а какъ грозный судья; Онъ, по справедливости своей, приговоритъ грѣшниковъ и несправедливыхъ въ адъ или чистилище!.. Горе свѣту и горе грѣшникамъ, потому что для нихъ не будетъ милосердія!.. Я вижу тебя, Христе! Звѣзды палаютъ дождемъ на землю! Солнце меркнетъ, земля разверзается и мертвые встаютъ изъ гробовъ, а Ты, о, Господи, идешь среди трубныхъ звуковъ, окруженный ангелами, среди раскатовъ грома и молніи. Я вижу и слышу тебя, о, Христе!

Онъ замолчалъ и, возведъ глаза къ небу, казалось, будто всматривался во что то далекое и страшное. Въ это время въ подземельи раздался глухой раскатъ грома, повторившійся нѣсколько разъ:—то въ пылающемъ городѣ цѣлыя улицы сгорѣвшихъ домовъ начали обрушиваться съ трескомъ. Но большинство христіанъ приняла этотъ грохотъ за видимое знаменіе, что страшный часъ настаетъ, потому что вѣра во второе пришествіе Христа и въ конецъ міра была сильно между ними распространена, и теперь еще болѣе укрѣпилась вълѣдствіе пожара города. Толпу охватилъ страхъ. Многіе начали повторять:

„День суда насталь, и вотъ Онъ ужъ идетъ“!..

Нѣкоторые закрывали лицо руками въ ожиданіи, что земля тотчасъ вздрогнетъ въ основаніи и изъ ея разверзтой пасти выйдутъ страшилища ада и бросятся на грѣшныхъ. Многіе зывали: «Христе помилуй насъ! Спаситель, будь милостивъ»!.. Одни громко сознавались въ своихъ прегрѣшеніяхъ; другіе бросались въ объятія другъ друга, чтобы въ послѣдній страшный моментъ имѣть возлѣ себя кого нибудь близкаго ихъ сердцу.

Но были и такіе, лица которыхъ, какъ праведниковъ, были преисполнены не земной улыбкой. Эти послѣдніе не выказывали ни-

какого страха. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздавались глоссы²²⁶): это люди, въ религиозномъ экстазѣ, начали выкрикивать непонятныя слова и на непонятныхъ языкахъ. Кто то въ темномъ углу пещеры воскликнулъ: «Проснись, Который спишь!»—Но надъ всѣмъ этимъ раздавался голосъ Криспа: «Бдите и бодрствуйте!»..

Однако, по временамъ, воцарялась тишина, какъ будто всѣ сдерживали дыханія и ожидали, что будетъ дальше. Именно, въ это время ясно послышался отдаленный грохотъ обрушивавшихся зданій, послѣ чего снова раздались стоны, вопли, молитвы, глоссы и восклицанія: «Спаситель, помилуй насъ!» Отъ времени до времени Криспъ читалъ наставленія, громко крича, чтобы всѣ слышали его:

— Отрекийтесь отъ благъ земныхъ, ибо скоро нестанетъ земли подъ ногами вашими! Отрекийтесь отъ земной любви, потому что Господь накажетъ тѣхъ, которые любили женъ и дѣтей болѣе Него. Горе тому, кто любитъ творенія болѣе нежели Творца! Горе богачамъ! горе расточителямъ! горе безпутнымъ! горе мужьямъ, женамъ и дѣтямъ!..

Вдругъ, страшный трескъ, сильнѣе прежняго, потрясъ всей каменоломней! Всѣ упали на землю, распростеревъ руки въ видѣ креста, чтобъ этимъ знаменьемъ защитить себя отъ злаго духа. Наступила глубокая тишина, въ которой слышно было только учащенное дыханіе и испуганный шепотъ: «Иисусе! Иисусе! Иисусе!» и, мѣстами, плачь дѣтей.

Но въ этотъ самый моментъ, надъ лежащею чернью, чей то спокойный голосъ отозвался:

— Миръ вамъ!

Это былъ апостоль Петръ, который, за минуту до этого, вошелъ въ пещеру. При звукѣ его голоса, страхъ прошелъ мгновенно, какъ онъ проходитъ среди стада, при появленіи между нимъ пастуха. Всѣ поднялись съ земли; ближайшіе къ нему стали подползать къ его колѣнямъ, какъ бы ища защиты, между тѣмъ какъ онъ, распростеревъ надъ ними руки, сказалъ:

— О чемъ тревожатся сердца ваши? Кто знаетъ, что съ нимъ будетъ, прежде чѣмъ насталь его часъ? Господь наказаль огнемъ Вавилонъ, но надъ вами, омытыми святымъ крещеніемъ, грѣхи которыхъ искуплены кровью Агнца, пребудеть милосердіе Его и вы умрете съ именемъ Его на устахъ... Миръ вамъ!

Quo vadis?

Послѣ грозныхъ и суровыхъ словъ Криспа, слова Петра произвели дѣйствіе цѣлительнаго бальзама на присутствующихъ. Въмѣсто страха, всеми овладѣла любовь къ Богу: все опять узнали того Христа, какого полюбили по рассказамъ апостола, не какъ несо-страдательнаго судью, но какъ милостиваго и терпѣливаго Агнца, милосердіе Котораго стократно превышало зло людское. И чувства облегченія, и бодрость вмѣстѣ съ благодарностью апостолу охватило присутствующихъ. Со всехъ сторонъ раздались возгласы: «Мы твои овцы и ты нашъ пастырь!» Ближайшіе къ нему говорили: «не оставляй насъ въ дни бѣдствій!» Многіе становились передъ нимъ на колѣни. Видя это, Виницій приблизился къ нему, схватилъ край его одежды и, преклонивши голову, сказалъ:

— Апостолъ! спаси меня! Я искалъ ее въ дымѣ пожара, искалъ въ толпѣ народной и нигдѣ не нашель, но я вѣрю, что ты вернешь ее.

Петръ, положивъ ему руку на голову, отвѣтилъ:

— Уповай на Бога и слѣдуй за мною!

III.

Городъ продолжалъ горѣть. Большой циркъ превратился въ развалины; потомъ и кварталы, которые начали горѣть прежде, тоже загромождались цѣлыми переулками и улицами. Послѣ каждаго такого обвала, цѣлые столбы пламени взвивались къ небу. Вѣтеръ перемѣнился и дулъ теперь съ большей силой отъ моря, неся на Целій, Эсквилинь и Виминалій цѣлыя волны огня, головешекъ и искръ. Однако, ужъ были приняты мѣры и къ спасенію. По приказанію Тигелина, который прибылъ третьяго дня изъ Антія, начали разрушать дома на Эсквилинь, чтобы огонь, попавъ на пустыя мѣста, не имѣлъ пищи и погасалъ самъ собою. Разумѣется, это были запоздалыя мѣры, ради спасенія только остатковъ города, потому что спасти то, что было уже объято пламенемъ, нечего было и думать. Теперь ужъ явилась необходимость въ предотвращеніи послѣдствій этого бѣдствія. Вмѣстѣ съ Римомъ гибли огромныя богатства, гибло все имущество жителей, такъ что вокругъ стѣнъ бродили сотни тысячъ бѣдняковъ и нищихъ. На второй день, голодъ ужъ началъ надобѣдать черни, такъ какъ громадныя запасы жизненныхъ продуктовъ въ городѣ погибло въ огнѣ, а въ общемъ

возмущеніи и разнузданности частныхъ и начальствующихъ лицъ, никто и неподумаль о привозѣ новыхъ запасовъ хлѣба. Только по прибытіи Тигелина было сдѣлано распоряженіе послать за хлѣбомъ въ Остію, а между тѣмъ народъ начиналъ все болѣе ожесточаться.

Домъ при Aqua Appia²²⁷), гдѣ временно поселился Тигелинъ, окружали толпы женщинъ, которыя кричали съ утра до поздней ночи: «Хлѣба и крова!» И напрасно преторіанцы, вызванные изъ лагеря, расположеннаго между Саларской и Номентанской дорогами, старались установить порядокъ: чернь возмущалась и оказывала вооруженное сопротивленіе. Мѣстами народъ, указывая на пылающій городъ, кричалъ: «Убейте насъ при свѣтѣ этого огня!» Угрозы на цезаря, августіановъ и преторіанскихъ солдатъ сыпались со всѣхъ сторонъ и возбужденіе росло съ каждымъ часомъ, такъ что Тигелинъ, посматривая ночью на тысячи разложенныхъ вокругъ города костровъ, говорилъ про себя, что это все костры непріятельскихъ лагерей.

По его распоряженію было затребовано, кромѣ муки, множество испеченнаго хлѣба, который привезли не только изъ Остіи, но и изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и деревень. Однако, не успѣлъ придти ночью первый транспортъ въ Эмпорій, какъ народъ разбилъ главныя ворота со стороны Авентина и моментально расхваталъ всѣ продукты, производя страшную суматоху. При блескѣ луны, народъ дрался за хлѣбъ и много его было втоптанно ногами въ землю, а мука изъ разорванныхъ мѣшковъ покрыла какъ-бы снѣгомъ все пространство отъ складовъ до арокъ Друза и Германика. Борьба эта длилась до тѣхъ поръ, пока солдаты не окружили всѣхъ зданій и не начали разгонять толпу съ помощью стрѣлъ и рукопашнаго боя.

Никогда еще, со времени нашествія галловъ подъ командою Бренна, Римъ не постигало такое бѣдствіе. Теперь всѣ съ отчаяніемъ сравнивали эти два пожара. Но тогда уцѣлѣлъ по крайней мѣрѣ Капитолій, а теперь и Капитолій былъ окруженъ какъ-бы кольцомъ изъ пламени. Хотя мраморъ и не горѣлъ, но по ночамъ, когда вѣтеръ на мгновенье гналъ въ сторону пламя, видны были ряды колоннъ горнаго храма Юпитера, которыя были раскалены и свѣтились розовымъ блескомъ, точно горящіе уголья. Наконецъ, во времена Бренна въ Римѣ былъ дисциплинированный народъ, нераздѣльный, привязанный къ городу и храмамъ, а теперь вокругъ стѣнъ

пылающаго города бродили разноязычныя толпы, состоящія большей частью изъ невольниковъ и отпущенниковъ, разнузданныхъ, свирѣпыхъ и готовыхъ, подъ вліяніемъ нищеты, обратить свое оружіе противъ властей и города.

Но самая колоссальность пожара, наполняя сердца ужасомъ, обезоруживала до извѣстной степени чернь. За бѣдствіемъ огня могло придти бѣдствіе голода и эпидемическихъ болѣзней, потому что, въ довершеніе всѣхъ несчастій, насталь страшный іюльскій зной. Воздухомъ, раскаленнымъ огнемъ, и солнцемъ уже невозможно было дышать; ночь не только не уменьшала жару, а становилась настоящимъ адомъ. Днемъ представлялась ужасающая, зловѣщая картина: въ срединѣ, на горѣ, колоссальный городъ превратился въ ревущій вулканъ; кругомъ него, почти до Албанскихъ горъ, было одно сплошное кочевье, состоящее изъ будокъ, шатровъ, палатокъ, шалашей, воевъ, телѣгъ, тачекъ, носилокъ, лавочекъ, костровъ, и все это было покрыто дымомъ и пылью, освѣщенною ржавыми лучами солнца, проникавшаго чрезъ гарь, преисполненную шума, криковъ, угрозъ, ненависти и страха. Словомъ, чудовищный обродъ мужинъ, женщинъ и дѣтей.

Среди квиритовъ были греки; кудлатые, свѣтлоглазые народы сѣвера; африканцы и азіаты; а среди обывателей были рабы, отпущенники, гладіаторы, купцы, ремесленники, поселяне и солдаты—настоящее море людей, окружающее островъ огня.

Благодаря всякой сволочи, различные толки волновали это море, какъ вѣтеръ воду. Толки были благопріятные и неблагопріятные. Разсказывали о несмѣтныхъ занасахъ хлѣба и одежды, которые должны были придти въ Эмпоріумъ и розданы даромъ. Говорили также, что, по приказанію цезаря, провинціи Азіи и Африки будутъ ограблены и всѣ деньги, приобретенныя этимъ путемъ—раздѣлены между жителями Рима, такъ чтобъ каждый могъ построить себѣ домъ. Были и такіе слухи, что вода во всѣхъ водопроводахъ была отравлена и что Неронъ намѣренъ уничтожить городъ, перерѣзать всѣхъ жителей, переселиться въ Грецію или Египетъ и оттуда управлять всѣмъ свѣтомъ. Каждая такая вѣсть распространялась съ быстротою молніи и каждая находила вѣру и поддержку среди черни, которая проявляла порывы надеждъ и гнѣва, страха или бѣшенства. Наконецъ какая-то горячка охватила эти тысячи кочевниковъ. Вѣра христіанъ въ то, что ужь скоро приближается конецъ

свѣта, распространялась и между язычниками съ каждымъ днемъ все болѣе. Народъ цѣпенѣлъ и сумашествовалъ. Многимъ чудилось, что боги изъ-за облаковъ смотрять, какъ гибнетъ земля; вслѣдствіе этого они протягивали къ нимъ руки и то умоляли, то проклинали ихъ.

Между тѣмъ, солдаты, съ помощью горожанъ, продолжали разрушать дома на Эвсквилинѣ и на Целиусѣ, а также и за Тибромъ. Благодаря этому, большая часть зданій въ этой мѣстности уцѣлѣла. Въ самомъ же городѣ горѣли несмѣтные богатства, пріобрѣтенныя вѣками, драгоценныя произведенія искусствъ, величественные храмы и дорогіе памятники римской старины и римской славы. По всему было замѣтно, что отъ всего города уцѣлѣютъ только незначительныя части его на окраинахъ и что сотни тысячъ людей останутся безъ крова. Нѣкоторые изъ черни распространяли слухъ, что солдаты разрушаютъ дома не для того, чтобы прекратить пожаръ, а съ цѣлью уничтоженія остатковъ города, чтобы отъ него ничего не осталось. Тигелинъ слалъ гонца за гонцомъ въ Антій, умоляя въ каждомъ письмѣ цезаря, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣхать и, своимъ присутствіемъ, успокоить взволнованный и огорченный народъ. Но Неронъ тронулся съ мѣста лишь въ то время, когда пламя охватило «*Domus transitoria*», и онъ спѣшилъ, чтобы не упустить случая видѣть тотъ мигъ, когда пожаръ дойдетъ до апогея.

IV.

Огонь достигъ до Номентанской дороги, а оттуда при перемѣнѣ вѣтра, свернулъ къ Латинской дорогѣ и къ Тибру, окружилъ Капитолій и распространился по форуму *Voagium* и, истребляя все, что въ первый разъ не сжегъ, снова приближался къ Палатину. Тигелинъ собралъ всѣхъ преторіанцевъ и слалъ гонца за гонцомъ къ приближающемуся цезарю съ увѣдомленіемъ, что онъ ничего не потеряетъ изъ великолѣпія той картины, которую представлялъ пожаръ, возобновляясь съ новою силой. Но Неронъ хотѣлъ пріѣхать ночью, чтобы съ большимъ наслажденіемъ смотрѣть на гибнувшій городъ. Для этой цѣли онъ остановился въ окрестностяхъ *Aqua Albana* и, позвавъ къ себѣ въ шатеръ трагика Алитурга, сталъ изучать съ помощью его позы, мимику лица и взглядовъ, соотвѣт-

ствующихъ словамъ и жестахъ, горячо споря съ нимъ; напримѣръ, что онъ долженъ былъ дѣлать при словахъ: «О, святой градъ, который былъ прочнѣе Иды»...—поднять-ли вверхъ обѣ руки или, держа въ одной рукѣ форминксъ, опустить ее вдоль тѣла, а поднять только другую.

И этотъ вопросъ былъ для него гораздо важнѣе всѣхъ прочихъ. Наконецъ, при наступленіи сумерекъ, онъ еще совѣтовался съ Пестроніемъ, не помѣститъ-ли въ стихахъ, посвященныхъ бѣдствію, нѣсколько величественныхъ хуленій богамъ и не могли-бы-ли таковыя, смотря съ точки зрѣнія искусства, сорваться сами-собою съ устъ человѣка, находящагося въ положеніи лица, которое теряетъ свое отечество.

Около полуночи, онъ приблизился къ стѣнамъ города, вмѣстѣ съ своимъ величественнымъ штатомъ придворныхъ, дворянъ, сенаторовъ, рыцарей, отпущенниковъ, рабовъ, женщинъ и дѣтей. Шестнадцать тысячъ преторіанцевъ, разставленныхъ въ боевомъ порядкѣ по дорогѣ, охраняли безопасность его вѣзда, удерживая вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтственномъ разстояніи возмущенный народъ, которыхъ хоть и проклиналъ, кричалъ и свисталъ при видѣ кортежа, но не смѣлъ на него ударить. Однако, во многихъ мѣстахъ раздавались рукоплесканія, исходившія отъ всякаго сброда, которому нечего было терять въ пожарѣ, а напротивъ, который надѣялся на обильнѣйшую подачку хлѣба, масла, одежды и денегъ. Наконецъ, крики, свистки и рукоплесканія заглушилъ звукъ трубъ и роговъ, въ которые велѣлъ трубить Тигелинъ. Неронъ, пройдя Остійскія ворота, остановился на минуту и произнесъ: «Бездомный властелинъ бездомнаго народа! куда преклонишь на ночь свою несчастную голову!» потомъ, пройдя по *clivus Delphini*, онъ взшелъ по приготовленнымъ для него ступенямъ на Аппійскій водопроводъ; за нимъ послѣдовали августіане и хоръ пѣвцовъ, которые несли съ собой цитры, лютни и другіе музыкальные инструменты.

Всѣ затаили дыханія, ожидая, не скажетъ-ли Неронъ какихъ великихъ словъ, которые, для собственной безопасности, имъ слѣдуетъ запомнить. Но онъ стоялъ торжествененъ и нѣмъ, одѣтый въ пурпуровый плащъ съ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и всматривался въ бѣшенство бушующаго пламени. Когда Терпносъ подалъ ему золотую лютню, онъ поднялъ глаза къ залитому свѣтомъ луны небу и какъ-бы вдохновлялся.

Народъ издали указывалъ на него, облитого кровавымъ блескомъ. Вдали шипѣли пламенные звѣвидные языки огня, уничтожая древніе священные памятники. Горѣли: храмъ Геркулеса, воздвигнутый Евандеромъ, храмъ Юпитера Статора и храмъ Луны, построенный Сервіемъ Туліемъ; домъ Нумы Помпилия и чертогъ Весты съ пенатами ²²⁸) римскаго народа. Въ гривахъ раздуваемаго пламени иногда видѣнъ былъ Капитолій—горѣло прошлое и душа Рима; онъ-же, цезарь, стоялъ съ лютней въ рукѣ и лицомъ актера-трагика и думалъ не о погибающемъ отечествѣ, а о позахъ и патетическихъ словахъ, которыми хотѣлъ выразить свое сожалѣніе о великомъ бѣдствіи, вызвать удивленіе и сорвать единодушные аплодисменты.

Неронъ ненавидѣлъ этотъ городъ, ненавидѣлъ его жителей, а любилъ только свои пѣсни и стихи, а потому онъ былъ радъ въ душѣ, что, наконецъ, увидѣлъ подобіе той трагедіи, которую онъ написалъ. Стихотворъ былъ счастливъ, декламаторъ—вдохновленъ, искатель ощущений—опьяненъ страшнымъ зрѣлищемъ и съ восторгомъ думалъ, что гибель Трои было ничто въ сравненіи съ гибелью этого колоссальнаго города. Что-же ему было еще желать?

Вотъ горитъ Римъ, Римъ всевластвующій, а онъ стоитъ на аркѣ водопровода съ золотою лютнею въ рукѣ, видимый всѣмъ, гордый, пурпурный, восхищенный, величественный и поэтичный. А гдѣ-то тамъ, ниже, во мракѣ, ропщетъ и волнуется народъ! Но пусть ропщетъ. Пройдутъ вѣка, пройдутъ тысячелѣтія а люди будутъ помнить и славить того поэта, который въ такую ночь воспѣвалъ паденіе и пожаръ Трои. Чѣмъ-же, въ сравненіи съ нимъ, Гомеръ? Чѣмъ самъ Аполлонъ съ своимъ разбитымъ форминксомъ?

Наконецъ, онъ поднялъ руку и, ударивъ по струнамъ, запѣлъ словами Пріама:

О, родина отцовъ моихъ, о, дорогая колыбель!..

Голосъ его на открытомъ воздухѣ, при гулѣ пламени и дальнемъ шумѣ тысячныхъ топъ, казался слабымъ, дрожащимъ и глухимъ, а звукъ аккомпанимента казался жужжаніемъ мухъ. Но сенаторы, должностныя лица и августиане, собравшіеся на водопроводѣ, наклонивъ головы, слушали въ молчаливомъ восхищеніи.

Неронъ пѣлъ долго, все болѣе настраиваясь въ грустный тонъ, и въ моментъ, когда онъ останавливался перевести духъ, хоръ

пѣвчихъ повторялъ послѣдній стихъ, послѣ чего онъ опять, съ заученными отъ Алитура жестами рукъ, сбрасывалъ съ плечъ трагическую сирму²²⁹) ударялъ по струнамъ и продолжалъ пѣть.

Окончивъ, наконецъ, сочиненную имъ пѣснь, онъ началъ импровизировать, подыскивая подходящія фразы и сравненія къ виду, разстилавшемуся предъ нимъ. Лицо его начинало измѣняться. Его не тронула гибель отчужденнаго города, но онъ упивался пафосомъ собственныхъ словъ до такой степени, что его глаза наполнились слезами: онъ бросилъ со звономъ лютюю къ ногамъ и, завернувшись въ сирму, остался въ этой позѣ, точно окаменѣлый и похожій на одну изъ статуй Необиды, украшавшихъ Палатинскій дворъ.

Послѣ краткаго молчанія раздался громъ аплодисментовъ, въ отвѣтъ которымъ были вдали вой толпы. Теперь ужъ никто не сомнѣвался, что это самъ цезарь приказалъ сжечь городъ ради того зрѣлища, при которомъ онъ хотѣлъ пѣть свои пѣсни.

Неронъ, услышавъ крикъ сотни тысячъ голосовъ, повернулся къ августіанамъ съ печальной, но полной снисхожденія, улыбкой чело-вѣка, котораго обижаютъ, и сказалъ:

— Вотъ, какъ квиниты цѣнятъ меня и поэзію.

— Негодяи! отозвался Ватиній, — прикажи преторіанцамъ ударить на нихъ.

Неронъ обратился къ Тигелину.

— Могу-ли я рассчитывать на вѣрность солдатъ?

— Да, божественный! отвѣтилъ префектъ.

Но Петроній пожалъ плечами.

— На ихъ вѣрность, но не на число ихъ, сказалъ онъ. — Ты все-таки останься пока здѣсь: тутъ безопаснѣе, а народъ нужно успокоить.

Того-же мнѣнія былъ и Сенска, и консулъ Лициній. Между тѣмъ, возмущеніе внизу росло. Народъ вооружался камнями, дрѣвками отъ палатокъ, досками отъ телѣгъ и тачекъ и различнымъ желѣзомъ. Черезъ нѣкоторое время пришли нѣсколько предводителей отрядовъ съ вѣстями, что преторіанцы, тѣснимые толпою, съ большимъ трудомъ удерживаютъ боевой порядокъ и, не получая никакихъ приказаній, не знаютъ, что дѣлать.

— О, боги! что за ночь!.. воскликнулъ Неронъ. — Съ одной стороны пожаръ, а съ другой — свирѣпое море людей.

И онъ началъ подыскивать фразы, которыми хотѣлъ эффектиѣе охарактеризовать эту опасную минуту, но, видя вокругъ себя блѣдныя лица и безпокойные взгляды, испугался самъ.

— Дайте мнѣ темный плащъ съ капюшономъ! крикнулъ онъ. — Неужели и въ самомъ дѣлѣ дѣло дойдетъ до битвы?

— Божественный, отвѣтили измѣнившимся голосомъ Тигелинъ. — Я сдѣлалъ все, что могъ, но опасность велика... Скажи нѣсколько словъ народу и пообщай ему что нибудь.

— Цезарь станеть говорить съ чернью!.. Такъ пусть кто либо сдѣлаеть это отъ моего имени. Кто желаетъ говорить?

— Я! отвѣтилъ спокойно Петроній.

— Въ такомъ случаѣ, иди, пріятель. Ты всегда былъ вѣренъ мнѣ... Иди и не шайди обѣщаній.

Петроній обратился къ придворнымъ съ небрежнымъ и ироническимъ лицомъ.

— Всѣ присутствующіе здѣсь сенаторы, сказалъ онъ, — а также Пизо, Нерва и Сенецій поѣдутъ со мной.

Послѣ этого онъ спокойно сошелъ съ водопровода; приглашенные неохотно послѣдовали за нимъ, но съ полнымъ мужествомъ и спокойствіемъ, какое видѣли въ Петроніѣ. Послѣдній, остановившись у ступеней арки, приказалъ полать себѣ бѣлаго коня, на котораго онъ сѣлъ и поѣхалъ впереди всѣхъ посерединѣ рядовъ преторіанцевъ, къ черной воющей толпѣ. Онъ былъ безоруженъ; въ рукахъ его была только тонкая палочка изъ слоновой кости, на которую онъ обыкновенно опирался.

Подѣхавъ къ черни, онъ направилъ свою лошадь въ толпу. Вокругъ него, при свѣтѣ пожара, виднѣлись поднятыя вооруженныя различнымъ оружіемъ, руки, сверкавшіе глаза и вспотѣлыя лица. Народъ ревѣлъ съ пѣною у рта. Бѣшенныя волны окружили Петронія и его свиту; за нею виднѣлось море головъ, которыя двигались, волновались и страшно гондѣли.

Наконецъ крики еще болѣе усилились и смѣнились въ какой-то не человѣческой вой; дреколя, вилы и даже мечи заносились надъ головой Петронія; хищныя руки протягивались къ уздечкѣ его лошади и къ нему, но онъ хладнокровный, спокойный и гордый вѣвзжалъ все глубже въ толпу. Время отъ времени, онъ ударилъ палочкой по головамъ болѣе дерзкихъ, какъ будто прокладывая себѣ дорогу въ обыкновенной давкѣ, и эта его увѣренность, это

хлоднокровіе изумили бушевавшую чернь. Его узнали и тотчас раздался голоса:

— Петроній! *Arbiter elegantiarum* Петроній!

— Петроній!! загремѣло со всѣхъ сторонъ.

И, по мѣрѣ того, какъ повторялось его имя, лица окружающихъ становились менѣ грозными и крики—менѣ дикими, потому что этотъ изысканный патрицій, хоть и никогда не нуждался въ милостяхъ народа,—былъ любимцемъ его. Онъ слылъ за человѣколюбиваго и щедраго, и популярность его, какъ уже извѣстно, еще болѣе возросла съ тѣхъ поръ, когда онъ заступился за невольниковъ Педанія Секунда. Разумѣется, болѣе всѣхъ его любили невольники такою любовью, какою способны любить люди угнетенные тѣхъ, которые оказываютъ имъ хоть немного сочувствія. Кромѣ того, въ настоящее время, всѣхъ интересовало, что скажетъ посланный цезаря, такъ какъ никто не сомнѣвался, что самъ цезарь нарочно послалъ его.

Петроній снялъ съ себя бѣлую, окаймленную багрянаго цвѣта каймою, тогу, поднялъ вверхъ и началъ махать ею надъ головою, въ знакъ того, что онъ будетъ говорить.

— Молчать! молчать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Черезъ минуту воцарилась полнѣйшая тишина. Петроній выпрямился на лошади и началъ говорить громкимъ, спокойнымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Граждане! близко стоящіе и слышащіе меня, повторите мои слова тѣмъ, которые стоятъ далѣе; а все вмѣстѣ ведите себя какъ люди, а не какъ звѣри на аренѣ.

— Слушаемъ! Слушаемъ!.,

— Итакъ, внимайте! Городъ будетъ отстроенъ заново. Сады Лукулла, Мецената, цезаря и Агриппины будутъ для васъ открыты! Съ завтрашняго дня начнется раздача хлѣба, масла и вина столько, чтобы каждый былъ сытъ по горло! Затѣмъ, цезарь устроитъ для васъ такіа зрѣлища, какихъ еще свѣтъ невидѣлъ; а послѣ нихъ—васъ ждутъ пиры и подарки и вы сдѣлаетесь богаче послѣ пожара, нежели были предъ пожаромъ!

Отвѣтомъ на это былъ глухой говоръ, пробѣжавшій отъ центра, гдѣ стоялъ Петроній, во всѣ стороны, какъ расходится зыбь въ волѣ, въ которую бросили камень: это ближайшіе передавали дальнимъ слова Петронія.

Послѣ этого, мѣстами, раздались то гнѣвные то одобрительные крики, которые перешли наконецъ въ общій колоссальный крикъ:
— *Panem et circenses!* Хлѣба и зрѣлищъ!!

Петроній завернулся въ тогу и нѣкоторое время слушалъ неподвижно; будучи въ своей бѣлой одеждѣ, онъ былъ похожъ на мраморное изваяніе. Шумъ и крики усиливались, заглушая собою трескъ и отголоски пожара; со всѣхъ сторонъ раздавались крики, но посланный видимо хотѣлъ еще говорить и ждалъ. Наконецъ, онъ опять поднялъ вверхъ руку, требуя молчанія.

— Общаю вамъ «*panem et circenses*», сказалъ онъ, — а теперь крикните въ честь цезаря, который васъ кормитъ и одѣваетъ, и затѣмъ идите спать, милые голыши, потому что скоро станеть свѣтать.

Сказавъ это, онъ повернулъ коня и, ударяя слегка палочкой по головамъ и лицамъ тѣхъ, которыя становились ему на дорогѣ, спокойно проѣхалъ къ рядамъ преторіанцевъ.

Черезъ минуту, Петроній былъ у водопровода. Наверху онъ засталъ не малый переполохъ. Тамъ не поняли возгласа толпы: «*panem et circenses*», и полагали, что это новый порывъ ярости толпы. Всѣ оставшіеся при Неронѣ даже не надѣялись на то, что Петроній будетъ въ состояніи спастись, а потому Неронъ, увидѣвъ его, подошелъ къ ступенямъ и съ поблѣднѣвшимъ отъ волненія лицомъ началъ разспрашивать его:

— Ну, что?.. что тамъ дѣлается? Развѣ ужъ битва?

Петроній втянулъ въ себя воздухъ, глубоко вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Клянусь Поллуксомъ! потѣють и пахнутъ! Дайте мнѣ кто-нибудь эпилемму ²³⁰), иначе я упаду въ обморокъ.

Потомъ онъ повернулся къ цезарю и прибавилъ:

— Я общалъ имъ хлѣба, масла вина; общалъ открыть сады и устроить зрѣлища, и теперь они снова обоготворяютъ тебя и кричатъ запекшимися губами въ честь тебя. О, боги, и какой же неприятный запахъ отъ этихъ плебеевъ!

— Всѣ преторіанцы были у меня на готовѣ, сказалъ Тигелинъ, — и еслибъ ты не успокоилъ ихъ, то всѣ крикуны замолчали бы навѣки. Жаль, что ты, цезарь, не позволилъ мнѣ употребить силу.

Петроній посмотрѣлъ на говорившаго, пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Это еще не потеряно: Можетъ быть, завтра же придется употребить въ дѣло оружіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! вмѣшался поспѣшно цезарь.—Я прикажу имъ отворить сады и раздать хлѣбъ. Благодарю тебя, Петроній! Зрѣлища тоже устрою, а эту пѣснь, которую я вамъ пѣлъ сегодня, я пропою публично.

Сказавъ это, онъ положилъ руку на плечо Петронія, но молчалъ и наконецъ, успокоившись, спросилъ его:

— Скажи откровенно: какъ я тебѣ казался во время пѣнія?

— Ты былъ достоинъ зрѣлища, а зрѣлище—достойно тебя, отвѣтилъ Петроній и повернулся лицомъ къ пожару.

— Однако, прибавилъ онъ,—взглянемъ еще разъ и попросаемя навсегда со старымъ Римомъ.

V.

Слова апостола внушили упованіе въ души христіанъ. Конецъ міра имъ всегда казался близкимъ, но они ужъ начали вѣрить, что страшный судъ не наступитъ, и что предъ этимъ, быть можетъ, они увидятъ конецъ владычества Нерона, которое называли господствомъ сатаны, и кару за его преступныя дѣянія. Ободренные и подкрѣпленные словами Петра, христіане, по окончаніи молитвы, начали расходиться изъ подземелья въ свои временныя убѣжища, а также и на Затибрѣ, потому что вѣтеръ, подувъ къ рѣкѣ, не давалъ пожару распространяться.

Апостоль, въ сопровожденіи Виниція и идущаго за ними Хилона, также оставилъ подземелье. Молодой трибунъ не смѣлъ прервать его молчанья, и нѣкоторое время шелъ молча, только устремивъ на него умоляющій взоръ и дрожа отъ волненія. Но многіе еще подходили къ нему, цѣловали его руки и край одежды; матери подносили къ нему своихъ дѣтей для благословенія; иные становились на колѣни въ темномъ проходѣ, поднимали вверхъ свои свѣтильники и также просили благословить ихъ; нѣкоторые, идя рядомъ, пѣли священные гимны, такъ что не представлялось удобной минуты ни спросить, ни отвѣтить. То-же было и въ ущельи. Только когда они вышли на обширнѣйшее пространство, откуда уже былъ видѣнъ пожаръ, апостоль перекрестилъ городъ троекратно и наконецъ, обратившись къ Виницію, сказалъ:

— Не унывай! Неподалеку отсюда находится хижина могильщика, въ которой мы найдемъ Лигію съ Линнеемъ и вѣрнымъ ихъ слугой Урсомъ. Христось, Который предназначилъ ее для тебя, сохранилъ ее невредимо.

Виницій зашатался отъ радости и, чтобы не упасть, оперся рукой о скалу. Дорога изъ Антія, приключенія подъ стѣнами, розыски Лигіи среди пламени и дыма, безсонница и страшныя волненія чрезвычайно истощили его; а теперь ко всему этому прибавилась радостная вѣсть, что существо, которое для него дороже всего на свѣтѣ, было спасено и близко,—и совсѣмъ обезсилѣло его, такъ что онъ невольно опустился къ ногамъ апостола, охватилъ съ благодарностью его колѣни, и остался такъ, не будучи въ силахъ сказать ни одного слова.

Но Петръ, избѣгая благодарности, отстранилъ его и произнесъ:

— Не меня, не меня... благодари Христа!

— Какое прекрасное божество!.. отозвался Хилонъ. — Но я не знаю, что мнѣ дѣлать съ мулами, которые ждутъ насъ неподалеку отсюда.

— Встань и ступай за мной! прибавилъ Петръ, беря за руку молодого человѣка.

Виницій всталъ. При свѣтѣ луны видны были на его глазахъ слезы, которыя струились по блѣдному лицу, и губы его дрожали, какъ будто онъ молился.

— Пойдемъ! сказалъ онъ

Но Хилонъ опять отозвался:

— Что же мнѣ дѣлать съ мулами, которые насъ ждутъ? Можетъ быть этотъ почтенный пророкъ пожелаетъ ѣхать, а не идти?

Виницій не зналъ, что отвѣтить, но, узнавъ отъ Петра, что хижина могильщика находится тутъ-же, сказалъ:

— Отведи муловъ къ Макринію.

— Прости, господинъ, что я позволю себѣ напомнить о домѣ въ Америоліи. При видѣ такого большого пожара, легко забыть о такой мелочи.

— Хорошо, получишь!

— О, внукъ Нумы Помпилія! я никогда не сомнѣвался въ твоихъ обѣщаніяхъ, а теперь, когда эти обѣщанія слышалъ этотъ великодушный апостоль, то я только напомню о виноградникѣ... Pax vobiscum! Я еще увижусь съ тобой, господинъ. Миръ съ вами!

— И съ тобой! отвѣтили ему.

Послѣ этого они оба повернули направо, къ холмамъ. По дорогѣ Виницій сказалъ Петру;

— Апостолѣ! обмой меня святой водой, чтобы и я могъ называть себя истиннымъ христіаниномъ, ибо я люблю Христа всѣми силами души моеѣ. Обмой меня скорѣй, потому что я сердцемъ на все готовъ, и что ты мнѣ прикажешь, то я все сдѣлаю, только скажи, что я долженъ сдѣлать.

— Люби людей, какъ братьевъ своихъ, отвѣтилъ апостолъ,— ибо только любовью можешь угодить Ему.

— Да, я это понимаю и чувствую. Будучи еще ребенкомъ, я вѣрилъ въ римскихъ боговъ, но не любилъ ихъ, а этого, однако, я такъ люблю, что готовъ за Него съ радостью жизнь свою отдать.

И, смотря на небо, онъ продолжалъ говорить съ увлеченіемъ:

— Потому что Онъ одинъ есть! Онъ одинъ добръ и милосердъ! Пусть гибнетъ не только этотъ городъ, но весь свѣтъ, Ему одному я буду служить и Его одного признавать!

— И Онъ благословить тебя и твой домъ, закончилъ апостолъ.

Тѣмъ временемъ они свернули въ другое ущелье, въ концѣ котораго показался слабый огонекъ. Петръ, указавъ по направленію его рукою, сказалъ:

— Это и есть хижина землекопа, который пріютилъ насъ, когда мы вернулись съ большимъ Линнеемъ изъ Остраніума и ужъ не могли попасть за Тибръ.

Черезъ минуту они дошли. Хижина скорѣй была похожа на пещеру, выдолбленную въ горѣ, которая снаружи была отгорожена стѣной, сдѣланной изъ глины и тростника. Дверь была заперта, но чрезъ отверстіе, замѣнявшее окно, видна была внутренность, освѣщенная огнемъ.

Какая то темная колоссальная фигура поднялась на встрѣчу идущимъ и спросила:

— Кто вы?

— Слуги Христовы, отвѣтилъ Петръ.—Миръ тебѣ, Урсъ!

Урсъ преклонился передъ апостоломъ, а затѣмъ, узнавъ Виниція, схватилъ его руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

— И ты здѣсь, господинъ? сказалъ онъ радостно.—Да бу-

деть благословенно имя Агнца за ту радость, какую ты слѣлаешь Каллинь.

И онъ отворилъ двери хижины: они вошли. Больной Линией лежалъ на соломѣ. Его лицо было желтое, исхудалое, а лобъ казался точно выточеннымъ изъ слоновой кости. У очага сидѣла Лиція, въ рукахъ которой былъ пучекъ нанизанныхъ на шнурокъ рыбъ, видимо предназначенныхъ на ужинъ.

Занятая сниманіемъ со шнурка рыбъ и будучи увѣрена, что это вошелъ Урсъ, она не обратила вниманія и даже не подвняла глазъ. Виницій приблизился къ ней и, назвавъ ее по имени, протянулъ ей руку. Она быстро вскочила съ своего мѣста. Удивленіе и радость изобразились на ея лицѣ и она безъ словъ, какъ дитя, которое послѣ страха и бѣдствій находитъ отца или мать, бросилась въ его объятія.

Онъ обнялъ ее и прижалъ къ груди своей съ такимъ восторгомъ, какъ будто онъ отыскалъ чудомъ спасенную. Потомъ онъ началъ восторженно цѣловать ея голову и глаза, становился на колѣни и прижималъ къ сердцу ея руки. Радость его была безгранична, какъ и его любовь и счастье, что онъ засталъ ее въ живыхъ.

Наконецъ онъ началъ рассказывать, какъ онъ пріѣхалъ изъ Антія, какъ искалъ ее у городскихъ стѣнъ среди дыма въ домѣ Линнея, сколько онъ мучился, горевалъ и сколько настрадался, пока апостоль не указалъ ему настоящее мѣсто пребываніе.

— Но теперь, прибавилъ онъ, — когда я отыскалъ тебя, то ужъ не оставлю здѣсь, вблизи огня и бѣшеннoй толпы. Люди здѣсь убиваютъ другъ друга, возмущаются и рабы грабятъ городъ. Одинъ Богъ знаетъ, какія еще бѣдствія обрушатся на Римъ. Но я защищу тебя и вась всѣхъ. О, дорогая моя!.. Хотите ли ѣхать со мною въ Антію? Тамъ мы сядемъ на корабль и отплывемъ въ Сицилію. Всѣ мои владѣнія, въ то же время и ваши; мои дома, — ваши дома... Выслушай меня! Въ Сициліи мы найдемъ Плавтіевъ и я верну тебя Помпоніи, а потомъ возьму тебя отъ нея. Въдь ты, о, *carissima* ужъ не боишься меня болѣе. Правда, я еще не крещенъ, но спроси Петра, что я говорилъ ему, минуту тому назадъ, идя сюда... Я сказалъ ему, что желаю быть истиннымъ христіаниномъ и просилъ его крестить меня, хоть бы даже въ этой хижинѣ могильщика. Вѣрь мнѣ, моя дорогая, и вы всѣ повѣрьте мнѣ.

Лигія слушала его съ ликующимъ лицомъ. Всѣ здѣсь жили въ постоянной неизвѣстности и тревогъ, — прежде по причинѣ преслѣдованія со стороны евреевъ, а теперь — благодаря пожару и возмущенію, вызванному ужаснымъ бѣдствіемъ. Отъѣздъ въ спокойную Сицилію положилъ бы конецъ всѣмъ безпокойствамъ и, вмѣстѣ, съ тѣмъ, открылъ бы новую эпоху счастья въ ихъ жизни. Еслибъ Виницій хотѣлъ взять только одну Лигію, то навѣрно она воспротивилась бы такому искушенію, не желая бросить ни Петра, ни Линнея, да вѣдь Виницій сказалъ имъ: Поѣдемъ со мной! Мои владѣнія будутъ и вашими; мои дома — ваши дома!

И Лигія наклонилась, чтобы поцѣловать его руку, въ знакъ повиновенія.

— Гдѣ ты будешь Кайемъ, тамъ и я буду Кайей.

Сказавъ это, она покраснѣла, такъ какъ, согласно римскаго обычая, такія слова говоритъ только новобрачная своему жениху, — опустила голову и стала въ блескъ огня, боясь, чтобы эти слова ей не поставили во зло. Во взглядѣ Виниція изобразилось только безграничное обожаніе. Онъ обратился къ Петру и продолжалъ:

— Римъ горитъ по приказанію цезаря. Въ Антіѣ онъ жаловался, что никогда не видѣлъ большого пожара, и если онъ не остановился передъ такимъ преступленіемъ, то, подумайте, что можетъ произойти далѣе. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ призвалъ войска и велитъ истребить всѣхъ жителей. Кто знаетъ, какія наступятъ опалы; какія еще послѣ пожара настанутъ бѣдствія. Кто знаетъ, не произойдутъ ли домашнія войны, разбой и голодъ!.. Такъ спрячьтесь-же и спрячьте Лигію. Тамъ, въ тиши, вы прождете бурю, и когда она минетъ, вы опять вернетесь сѣять зерна правды на этой нивѣ.

Вдали, въ сторонѣ *ager Vaticanus*, какъ бы въ подтвержденіе опасеній Виниція, раздались какіе-то необыкновенные крики, преисполненные бѣшенства и ужаса. Въ эту минуту вошелъ могильщикъ-хозяинъ хижины, и, заперши поспѣшно за собой двери, воскликнулъ:

— Людей рѣжутъ около цирка Нерона. Рабы и гладіаторы напали на жителей.

— Слышите? сказалъ Виницій.

— Переполнилась чаша, сказалъ апостоль, — и бѣдствія будутъ какъ море неисчерпаемы.

Потомъ онъ обратился къ Виницію и, указавъ на Лигію, прибавилъ:

— Возьми дѣвушку, которую самъ Богъ тебѣ предназначилъ, и береги ее, а большой Линней и Урсъ пускай ѣдутъ съ вами.

Но Виницій, полюбившій апостола всѣми силами своей страстной души, воскликнулъ:

— Клянусь тебѣ, учитель, что я не оставлю тебя здѣсь на погибель!

— И Господь благословить тебя за твое желаніе, отвѣтилъ апостоль, — но развѣ ты не слыхалъ, что Христосъ трижды повторилъ мнѣ надъ озеромъ: «Паси мое стадо!»

Виницій умолкъ.

— Но если ты, которому никто не поручалъ заботиться обо мнѣ, говоришь, что не оставишь меня здѣсь на погибель, то какъ же ты хочешь, чтобы я оставилъ мою паству въ дни бѣдствій? Во время бури на озерѣ, когда мы были встревожены, Онъ не оставилъ насъ, то какъ же я, Его слуга, не пойду по слѣдамъ моего Господа?

Въ это время Линней поднялъ свое исхудалое лицо и спросилъ:

— А какъ же я, намѣстникъ Господній?.. Не долженъ ли я идти за твоимъ примѣромъ?

Виницій провелъ нѣсколько разъ рукой по головѣ, какъ бы борясь съ собою и своими мыслями, а затѣмъ, схвативъ за руку Лигію, сказалъ голосомъ, въ которомъ звучала энергія римскаго солдата:

— Выслушайте меня, Петръ, Линней и ты, Лигія! Я говорю, что мнѣ подсказалъ мой человѣческій умъ, но у васъ онъ иной, который не смотритъ на опасности, а блюдетъ приказанія Спасителя. Да! Я этого не понялъ и ошибся, потому что съ глазъ моихъ еще не снято бѣльмо и прежняя натура сказывается во мнѣ. Но, что я люблю Христа и хочу быть его слугою, то хотя здѣсь дѣло идетъ немного важнѣе моей собственной головы, но я, становясь передъ вами на колѣни, клянусь, что я исполню завѣтъ любви и не покину моихъ братьевъ въ дни бѣдствій.

Сказавъ это, онъ упалъ на колѣни, поднялъ руки и глаза вверхъ и воскликнулъ:

— Ужели, о, Христе я Тебя не понимаю? Ужели я не достоинъ Тебя?

Руки его дрожали, въ глазахъ блестѣли слезы и потѣлу пробѣжала дрожь. Тогда Петръ взялъ глинянную амфору съ водой и, приблизившись къ нему, торжественно произнесъ:

Quo vadis?

— Прими крещение, — во имя Отца и Сына, и Духа! Аминь!

Религиозное чувство охватило всех присутствующих. Имъ казалось, что хижина могильщика наполнилась какимъ то неземнымъ свѣтомъ; что они слышатъ звуки небесной музыки; что пещера раскрывается надъ ихъ головами и что съ неба сонмъ ангеловъ нисходитъ къ нимъ, — а тамъ наверху, гдѣ то очень высоко, видѣтъ крестъ и пробитыя руки, которыя благословляютъ ихъ.

А между тѣмъ извнѣ доносились крики сражающихся людей, шумъ и трескъ огня горѣвшаго города.

Конецъ шестой части.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Чернь расположилась въ великолѣпныхъ садахъ цезаря, принадлежавшихъ въ свое время Домицію и Агрипинѣ, на Марсовомъ полѣ и въ садахъ Помпея, Саллостія и Мепената. Она позаняла портики, и постройки, предназначенныя для игры въ мячъ, роскошныя лѣтніе дома и помѣщенія для животныхъ. Павлины, фламинги, лебеди и страусы; газели и антилопы изъ Африки; олени и дикія козы, служившія для украшенія садовъ, пошли подъ ножъ толпы.

Жизненные припасы начали доставлять изъ Остіи въ такомъ изобиліи, что по баржамъ и другимъ суднамъ можно было переходить Тибръ, какъ по мосту. Хлѣбъ отпускали по замѣчательно низкой цѣнѣ, а бѣднымъ—и совершенно даромъ. Привезены были также огромныя запасы вина, оливковаго масла и каштановъ; съ горъ пригоняли каждый день стада быковъ и овецъ. Нищія, скрывавшіеся передъ пожаромъ въ закоулкахъ Субуры и чуть не умиравшіе съ голода, теперь жили въ полномъ достаткѣ. Угрожающій голодъ былъ локализованъ, но, къ сожалѣнію, трудно было устранить разбой, грабежи и разнаго рода обманы. Бродячая жизнь избавляла отъ наказаній воровъ, тѣмъ болѣе, что они считались поклонниками и обожателями цезаря и не жалѣли для него аплодисментовъ, когда онъ показывался гдѣ либо. Притомъ блюстители порядка были заняты по горло, а вооруженной силы было мало и она не могла пресѣчь всѣхъ преступленій въ началѣ. Въ виду этого, свершались

такія дѣла, которыя превосходили всякое человѣческое воображеніе. Каждую ночь происходили драки, убійства, похищенія женщинъ и дѣтей. У порта Mugionis, гдѣ находилась стоянка для пригнанныхъ изъ Кампаньи стадъ, происходили такія битвы, въ которыхъ гибли сотни людей. Каждый день берега Тибра были покрыты утопленниками, которыхъ никто не хотѣлъ хоронить и которые, вслѣдствіе сильной жары, увеличиваемой пожаромъ, быстро разлагались и наполняли воздухъ зловонными испареніями. Благодаря этому въ становищахъ начались эпидемическія болѣзни.

А между тѣмъ городъ продолжалъ горѣть. На шестой день пожаръ, дойдя до пустого Эсквилинскаго пространства, на которомъ нарочно разрушили много зданій, началъ ослабѣвать. Только кучи углей горѣли еще такъ сильно, что народъ не хотѣлъ вѣрить наступленію конца бѣдствій. И дѣйствительно, на седьмую ночь пожаръ снова вспыхнулъ съ новою силой въ зданіяхъ Тигелина, но ненашедши себѣ много пищи, скоро прекратился; сгорѣвшіе мѣстами дома обрушивались, выбрасывая вверхъ длинные огненные языки и столбы искръ. Мало-по-малу, кучи углей, горѣвшихъ внутри, начали покрываться сверху золой и чернѣть. Небо послѣ заката солнца перестало свѣтиться кровавымъ заревомъ и только по временамъ, на всей простирающейся черной пустынѣ синіе огоньки лобзали воздухъ выходя изъ кучъ угля.

Изъ четырнадцати частей Рима едва осталось четыре, включая въ то число и Затибрые, а всѣ остальные пожрало пламя. Когда ужъ совсѣмъ испепелились всѣ груды угля, то отъ Тибра до Эсквилина представлялось огромное, сѣрое, печальное, мертвое пространство, на которомъ стояли ряды печныхъ трубъ, на подобіе надгробныхъ памятниковъ на кладбищѣ. Днемъ между этими колоннами сновали толпы людей, то отыскивающихъ дорогихъ вещей, то костей близкихъ лицъ, а ночью собаки выли на пепелищахъ прежнихъ домовъ.

Однако щедрость и помощь цезаря, которую онъ оказывалъ, не удержала народъ отъ проклятій и возмущенія. Довольны были только ворилки, голъ и бездомная нищета, которая теперь могла въ достаткѣ пить, ѣсть и грабить. Но люди, потерявшіе своихъ близкихъ и все состояніе не соблазнялись ни открытіемъ садовъ, ни раздачей хлѣба, ни обѣщаніемъ зрѣлищъ и наградъ. Несчастье было черезчуръ большое и неслыханное. Многихъ, въ комъ осталась еще искра любви къ городу и отечеству, приводила въ отчая-

не вѣсть, что старое названіе «Ромъ» должно исчезнуть съ лица земли и что цезарь намѣревается воздвигнуть изъ пепла новый городъ подъ названіемъ Neropolis. Волны неудовольствій росли и надвигались съ каждымъ днемъ и, не смотря на лесть августіановъ и на вранье Тигелина, Неронъ, будучи трусливѣе и впечатлительнѣе прежнихъ цезарей, не надѣялся на милость толпы и съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что, ведя глухую борьбу на жизнь или смерть съ патриціями и сенатомъ, у него можетъ не хватить поддержки. Не менѣе беспокоились и сами августіане, потому что каждый завтрашній день могъ принести имъ печальную гибель. Въ виду этого, Тигелинъ надумалъ перевести изъ малой Азіи нѣсколько легионовъ. Ватиній, смѣявшійся даже въ то время, когда его били по щекамъ, потерялъ веселое расположеніе духа, а Вителій—аппетитъ. Другіе совѣтовались между собою, какъ предотвратить бѣду. Никому не было тайной, что если вспыхнувшій бунтъ свергнетъ цезаря съ престола, то, за исключеніемъ одного Петронія, ни одинъ изъ августіановъ не останется въ живыхъ. Вѣдь ихъ вліянію приписывали все преступленія, какія только цезарь совершилъ. А потому ненависть была скорѣе противъ нихъ, нежели противъ цезаря.

Они начали ломать голову, какъ избѣжать отвѣтственности за сожженіе города. Но, желая предотвратить ее отъ себя, они должны были оградить и цезаря отъ подозрѣній, иначе никто не повѣрилъ бы, что они не были причиной бѣдствій. Тигелинъ совѣтовался по этому поводу съ Домиціемъ Афрономъ и даже съ Сенекой, хотя и ненавидѣлъ его. Пуппея, отлично понимая также, что гибель Нерона была бы и для нея приговоромъ, прибѣгла къ совѣту своихъ наперсниковъ и еврейскихъ священниковъ, такъ какъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ говорили, она исповѣдовала вѣру Іеговы. Съ своей стороны, Неронъ также подыскивалъ разныя средства для оправданія, подъ часъ страшныя, но болѣе глупыя, и попеременно впадалъ то въ страхъ, то забавлялся какъ дитя, но болѣе всего — измышлялъ.

Однажды, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ Тиберія происходилъ долгій, но безуспѣшный совѣтъ. Петроній былъ того мнѣнія: чтобы избавиться отъ лишнихъ хлопотъ, то нужно ѣхать въ Грецію, затѣмъ въ Египетъ и Малую Азію. Вѣдь это путешествіе было предрѣшено ужъ давно, такъ къ чему же его откладывать, когда въ Римѣ скучно и опасно!

Цезарь принялъ этотъ совѣтъ съ восторгомъ, но Сенека, подумавъ минутой, сказалъ:

— Сейчасъ то уѣхать легко, но потомъ вернуться будетъ трудно.

— Клянусь Геракломъ! отвѣтилъ Петроній, — вернуться можно во главѣ азіятскихъ легій.

— Такъ я и сдѣлаю! воскликнулъ Неронъ.

Но Тигелинъ воспротивился этому. Самъ онъ лучшаго не могъ придумать, и еслибъ мысль Петронія явилась въ его головѣ, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, уцѣпился-бы за нее, какъ за якорь спасенія, но его, главнымъ образомъ, безпокоило то, чтобы Петроній опять не оказался единственнымъ человѣкомъ, который въ тяжелыя минуты сдумаетъ все и всѣхъ защитить.

— Вотъ что, божественный цезарь, сказалъ онъ, — хотъ этотъ совѣтъ хорошъ, но и пагубенъ и прежде чѣмъ ты доѣдешь до Остіи, начнется внутренняя война. А кто знаетъ, не провозгласитъ-ли себя кто цезаремъ изъ находящихся еще въ живыхъ побочныхъ потомковъ божественнаго Августа? Тогда, что мы будемъ дѣлать, если легіи станутъ на его сторону.

— Да постараемся, прежде всего, заблаговременно отдѣлаться отъ этихъ потомковъ, отвѣтилъ цезарь. — Вѣдь ихъ немного осталось... значить, избавиться отъ нихъ не трудно.

— Разумѣется это возможно, но развѣ только о нихъ рѣчь? Мои люди, не далѣе какъ вчера, слышали въ толпѣ, что цезаремъ долженъ быть такой человѣкъ, какъ Трасей.

Неронъ закусилъ губы. Но, минутой спустя, онъ поднялъ вверхъ глаза и сказалъ:

— Ненасытные и неблагодарные! Вѣдь у нихъ теперь есть достаточно муки и углей, на которыхъ они могутъ свободно испечь лепешки—чего же они больше хотятъ?

— Мести! — отвѣчалъ Тигелиній.

Настало молчаніе, послѣ котораго цезарь внезапно поднялся съ своего мѣста и, поднявъ вверхъ руки, продекламировалъ:

„Сердца мечь призываютъ,
А мечь требуетъ жертвъ“.

Затѣмъ, забывъ обо всемъ, онъ просіялъ и воскликнулъ:

— Подать сюда таблетки и трость! Я хочу, записать этотъ

стихъ. Никогда еще Лукану не удалось ничего подобнаго сочинить. Вѣдь вы всё видѣли, что этотъ стихъ я сочинилъ моментально?

— О, несравненный! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Неронъ записалъ слова и прибавилъ:

— Да! месть требуетъ жертвъ.

Послѣ этого онъ обвелъ своимъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ:

— А что, если пустить слухъ, что это Ватиній приказалъ сжечь городъ и предоставить его гнѣву народа.

— О, божественный! Вѣдь я маленький человекъ! воскликнулъ Ватиній.

— Твоя правда! Надо побольше тебя... Вителія?..

Вителій поблѣднѣлъ, но насильственно засмѣялся и сказалъ:

— Отъ моего жиру еще больше разгорится пожаръ.

Но у Нерона была иная мысль: онъ искалъ такой жертвы, которая могла бы дѣйствительно успокоить гнѣвъ народа — и онъ нашелъ ее.

— Тигелинъ, сказалъ онъ помолчавъ: — ты сжечь Римъ!

По кожѣ присутствующихъ пробѣжала дрожь. Всѣ поняли, что цезарь на этотъ разъ не шутитъ и что настала какой-то ужасный моментъ, въ который долженъ рѣшиться назрѣвшій вопросъ.

Лицо Тигелина передернулось и сморщилось, какъ пасть у пса, готовящагося укусить.

— Да, я сжечь Римъ, но по твоему приказанію! отвѣтилъ Тигелинъ.

Неронъ и Тигелинъ, какъ два демона, начали смотрѣть другъ на друга, а вокругъ воцарилась такая тишина, что, казалось, можно было услышать полетъ мухи.

— Тигелинъ, сказалъ Неронъ, — любишь-ли ты меня?

— Ты знаешь, господинъ.

— Такъ пожертвуй собой для меня!

— Божественный цезарь! отвѣтилъ Тигелинъ, — зачѣмъ ты угощаешь меня сладкимъ напиткомъ, къ которому я не смѣю прикоснуться устами. Народъ недоволенъ и волнуется, такъ неужели ты хочешь, чтобы еще стали возмущаться и преторіанцы?

Приближеніе грозы сжало сердца присутствующихъ.

Тигелинъ былъ префектомъ преторіи и его слова имѣли значенія угрозы. Неронъ это понялъ и лицо его поблѣднѣло.

Въ эту минуту вошелъ Елафродитъ, отпущенникъ цезаря, и

сказалъ, что божественная августиа желаетъ видѣть Тигеллина, потому что у нея есть люди, которыхъ онъ долженъ выслушать.

Тигелинъ поклонился цезарю и вышелъ съ лицомъ спокойнымъ и гордымъ. Этимъ онъ далъ понять, кто онъ, и, зная трусость Нерона, былъ увѣренъ, что повелитель міра никогда не осмѣлится поднять на него руки.

Неронъ посидѣлъ минуту въ молчаніи, но, видя, что присутствующіе ждуть отъ него какого либо слова, отозвался:

— Откормилъ змѣю на своей груди!

Петроній вздернулъ плечами, какъ-бы этимъ хотѣлъ сказать, что такому змѣю не трудно голову свернуть.

— Что скажешь? Говори, совѣтуй! воскликнулъ Неронъ, замѣтивъ движеніе Петронія,—я вѣрю тебѣ одному, потому что ты одинъ умнѣ ихъ всѣхъ и больше любишь меня!

У Петронія готово было сорваться съ языка: «Назначь меня префектомъ преторіи, а я выдамъ Тигелина народу и успокою въ одинъ день городъ». Но врожденная лѣнь превозмогла. Быть префектомъ, значить, двигать на плечахъ своихъ цезаря и тысячи общественныхъ дѣлъ. Къ чему ему этотъ трудъ? Развѣ не лучше сидѣть въ роскошной библіотекѣ, читать стихи, смотрѣть на вазы, статуи и различныя изваянія, или держать въ объятіяхъ своихъ божественную Евнику, ласкать ее, гладить по золотистымъ волосамъ и цѣловать ее въ коралловыя уста. А потому онъ отвѣтилъ:

— Мой совѣтъ—ѣхать въ Ахайю.

— А! сказалъ Неронъ,—а я ждалъ отъ тебя больше. Сенатъ ненавидитъ меня. Когда уѣду, то кто мнѣ поручится, что онъ не возстанетъ противъ меня и не превозгласитъ другого цезаремъ? Народъ прежде былъ вѣренъ мнѣ, но сегодня пойдетъ за нимъ... Клянусь Гадесомъ! если-бы сенатъ и этотъ народъ думалъ одной головою...

— Позволь тебѣ сказать, божественный, прервалъ, улыбаясь, Петроній,—что, желая сохранить Римъ, нужно сохранить хоть нѣсколько римлянъ.

Но Неронъ началъ роптать.

— Что мнѣ Римъ и римляне! Меня могутъ слушать и въ Ахайѣ. Здѣсь меня окружаетъ одна только измѣна... Всѣ меня оставляютъ! И вы готовы измѣнить мнѣ... Я знаю это, знаю!.. Вы не думаете о томъ, что скажутъ о васъ потомки вѣковъ, когда лишитесь такого артиста, какъ я.

Причемъ онъ вдругъ ударилъ себѣ по лбу и прибавилъ:

— Но, что же это!.. я среди этой печали, самъ забываю, кто я.

Сказавъ это, онъ повернулся къ Петронію съ лицомъ, уже совершенно просіявшимъ.

— Народъ, сказалъ онъ, — волнуется, но еслибъ я взялъ лютню, вышелъ съ ней на Марсово поле и запѣлъ бы ему ту пѣснь, которую я пѣлъ вамъ во время пожара, то, какъ ты думаешь, Петроній, не очаровалъ бы ли я его своимъ пѣніемъ, какъ некогда Орфей очаровывалъ дикихъ звѣрей.

На это Тулій Сенепій, которому хотѣлось скорѣе пойти къ своимъ невольницамъ, привезеннымъ изъ Антія и который давно уже терялъ терпѣніе, — отозвался:

— Несомнѣнно, цезарь, если только тебѣ позволятъ начать.

— Ёдемъ въ Элладу! сказалъ неохотно Неронъ.

Въ это время вошла Поппея, а за ней — Тигелинъ. Глаза присутствующихъ невольно обратились на него: никогда еще ни одинъ побѣдитель не вѣзжалъ съ такой гордостью въ Капитолій, съ какою онъ остановился передъ цезаремъ и началъ говорить медленно, но выразительно, голосомъ, въ которомъ слышенъ былъ какъ бы звукъ скрипящаго металла.

— Выслушай меня, цезарь! началъ онъ: — могу тебѣ сказать, что я нашелъ ту жертву, которую требуетъ народъ, и не одну, а сотни и тысячи. Слышалъ-ли ты когда-нибудь, кто былъ Христосъ, Котораго распялъ Понтій Пилать, и знаешь-ли, что такое христіане? Вѣдь я ужъ не разъ говорилъ тебѣ о ихъ продѣлкахъ, позорныхъ обрядахъ и предсказаніяхъ, что конецъ свѣта начнется огнемъ? Народъ ненавидитъ ихъ и подозрѣваетъ. Никто и никогда не видалъ ихъ въ нашихъ храмахъ, ибо они называютъ боговъ нашихъ злыми духами; они не бываютъ въ стадіяхъ³³¹), потому что пренебрегаютъ ристалищами и никогда еще ни одинъ христіанинъ не аплодировалъ тебѣ и не признавалъ тебя за бога. Они враги рода человѣческаго, враги города и твои. Народъ ропщетъ на тебя, но не ты мнѣ велѣлъ сжечь Римъ и не я его сжегъ... Народъ жаждетъ мести, такъ пусть онъ мститъ; жаждетъ крови и зрѣлищъ — пусть смотритъ; подозрѣваетъ тебя — такъ пусть его подозрѣнія обратятся въ другую сторону.

Неронъ сначала слушалъ съ изумленіемъ. Но, по мѣрѣ рѣчи Тигелина, актерское выраженіе лица его мѣнялось постепенно и на

немъ выражались то гнѣвъ, то сожалѣніе, то участіе, то раздраженіе.

Но вдругъ онъ всталъ съ своего мѣста, сбросилъ съ себя тогу, которая упала къ его ногамъ, поднялъ вверхъ обѣ руки, остановился въ этой позѣ и началъ говорить трагическимъ голосомъ:

— Зевесъ! Аполлонъ, Геро, Аѳиль, Персефонъ и всѣ безсмертные боги, отчего вы не пришли къ намъ на помощь? Что сдѣлалъ этотъ несчастный городъ этимъ варварамъ, что они его такъ безчеловѣчно сожгли?

— Потому что они враги рода человѣческаго и твой,—отозвалась Поппея.

— Будь справедливъ и накажи поджигателей! воскликнуло нѣсколько голосовъ.—Сами боги требуютъ мщенія!

Неронъ опять сѣлъ, опустилъ голову на грудь и замолчалъ, точно злодѣйство, о которомъ онъ слышалъ, ошеломило его. Наконецъ онъ сдѣлалъ выразительный жестъ и, поднявъ руки, произнесъ:

— Какое же наказаніе и какія муки заслужили эти злодѣи?.. Но боги внушать мнѣ и я, съ помощью силъ Тартара²³²), дамъ насладиться моему бѣдному народу такимъ зрѣлищемъ, о которомъ онъ будетъ вспоминать съ благодарностью многіе вѣка.

На челѣ Петронія собрались тучи неудовольствія. Онъ подумалъ о той опасности, какая теперь стала грозить Лигіи и Виницію, котораго онъ любилъ, и о томъ народѣ, ученіе котораго онъ хоть и отвергалъ, но былъ убѣжденъ въ ихъ невинности. Онъ подумалъ и о томъ, что снова начнутся тѣ кровавыя оргіи, какихъ не переносили его глаза эстетика, и прежде всего, рѣшилъ спасти Виницію, который могъ съ ума сойти, если эта дѣвушка погибнетъ. Это обстоятельство онъ считалъ важнѣе всѣхъ другихъ, хотя прекрасно понималъ, что онъ затѣваетъ опасную игру, въ какую ему въ жизни не случалось играть.

Однако онъ началъ говорить свободно и смѣло, какъ всегда, когда критиковалъ или осмѣивалъ далеко не эстетическіе помыслы цезаря и августиновъ.

— И такъ. жертвы найдены! Хорошо! Ихъ можно послать на арену или одѣть въ «скорбныя туники». Все это отлично, но, послушайте меня. У васъ есть власть, есть преторіанцы и сила, но будьте же справедливы, хотя тогда, когда васъ никто не слышитъ. Обманывайте народъ, но не себя. Выдайте народу христіанъ, осу-

дите ихъ на какія хотите муки, но и сами имѣйте смѣлость сказать, что не они сожгли Римъ!.. Фи!.. Вы называете меня „арбитромъ элѣгантіи“, а потому я и говорю вамъ, что не сношу пошлыхъ комедій. Фи!.. Ахъ, какъ это все напоминаетъ мнѣ театральные балаганы около порта Асинарія, въ которыхъ актеры играютъ, для утѣхи пригородной черни, боговъ и королей, а по окончаніи заиваютъ лукъ кислымъ виномъ или получаютъ плети. Будьте же на самомъ дѣлѣ богами и королями!.. Что касается тебя, цезарь, то ты грозилъ намъ судомъ потомковъ цѣлыхъ вѣковъ, но, подумай, что они произнесутъ приговоръ также и наль тобой, клянусь божественной Кліей! Неронъ, повелитель міра; Неронъ—богъ сжегъ Римъ, потому что былъ могущественъ на землѣ, какъ Зевесъ на Олимпѣ. Неронъ—поэтъ и онъ любилъ поэзію настолько, что пожертвовалъ для нея отечествомъ. Отъ начала міра никто ничего подобнаго не сдѣлалъ и никто на это не осмѣлился, а потому закливаю тебя, во имя девяти Либетриды²³³),—не отказывайся отъ своей славы, ибо ее станутъ воспѣвать, а пѣсни о тебѣ—гремѣть во вѣки вѣковъ. Что въ сравненіи съ тобой Пріамъ? что Агамемнонъ? что Ахиллесъ? что сами боги? Не въ томъ бѣда, что сожженіе Рима дѣло нехорошее, но оно великое и необыкновенное!.. Кромѣ того, я увѣренъ, что народъ не подыметъ на тебя руки! Это неправда! Имѣй смѣлость и остерегайся поступковъ, недостойныхъ тебя, чтобы потомки не сказали о тебѣ: «Неронъ сжегъ Римъ, но, какъ малодушный цезарь и малодушный поэтъ, отрекся отъ этого великаго дѣла со страха и свалилъ всю вину на невинныхъ!»

Слова Петронія, вообще, всегда производили на Нерона сильное впечатлѣніе, но на этотъ разъ самъ Петроній сознавалъ, что сказанное имъ было не болѣе какъ послѣднее средство, которое можетъ, при счастливой случайности, спасти христіанъ, но еще легче—погубить его самаго. Но онъ былъ непоколебимъ, когда дѣло шло о Виниціи, котораго любилъ, и о той опасности, которой онъ игралъ. Но «кости брошены,—сказалъ онъ себѣ,—и теперь мы увидимъ, насколько у этой обезьяны страхъ за собственную шкуру перетянетъ вѣсы въ сторону любви къ славѣ».

И онъ въ душѣ не сомнѣвался, что страхъ перетянетъ.

Послѣ его словъ, воцарилось молчаніе. Пуппея и всѣ присутствующіе смотрѣли на Нерона, который не зналъ куда дѣвать глаза и затѣмъ началъ отпичивать губы, поднимая ихъ къ самымъ

ноздрямы, какъ это онъ дѣлалъ, когда не зналъ, что предпринять; наконецъ безпокойство и неудовольствіе отразились на его лицѣ.

— Государь!—сказалъ, видя это, Тигелинъ, — позволю мнѣ уйти... Если тебя хотятъ предать на гибель, называютъ малодушнымъ цезаремъ и поэтомъ, поджигателемъ и комедіантомъ, то уши мои не могутъ переносить такихъ словъ.

— Пронграль! подумалъ Петроній.

Но, обратившись къ Тигелину, онъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ аристократа и съ гордостью изящнаго человѣка отозвался:

— Да вѣдь я тебя назвалъ комедіантомъ Тигелинъ, потому, что ты, въ сущности, и есть комедіантъ, даже теперь.

— Не потому ли, что не хочу слушать твоихъ оскорбленій?

— Нѣтъ; а потому, что ты притворяешься безгранично-любящимъ цезаря, между тѣмъ какъ за минуту передъ этимъ ты грозилъ ему преторіанцами, что поняли всѣ мы и онъ—также.

Тигелинъ никогда не надѣялся, что Петроній осмѣлится бросить на столъ подобныя кости; онъ поблѣднѣлъ, растерялся и замолчалъ. Но это была послѣдняя побѣда арбитра элегантии надъ соперникомъ.

— Государь! отозвалась въ эту минуту Поппея, — какъ можешь ты позволить, чтобы даже подобная мысль могла прійти кому либо въ голову, а тѣмъ болѣе, кто смѣетъ высказывать ее громко въ твоемъ присутствіи.

— Накажи нахала! отозвался Вителій.

Неронъ опять поднялъ глаза и отпятилъ губы, а затѣмъ, уставивъ свой стеклянный взглядъ на Петронія, сказалъ:

— Такъ вотъ какъ ты платишь мнѣ за дружбу, которую я къ тебѣ всегда питалъ!

— Если я ошибаюсь, то докажи мнѣ это, отвѣтилъ Петроній.—Но знай, что я говорю правду, потому что такъ подсказываетъ мнѣ моя любовь къ тебѣ.

— Накажи нахала! повторилъ Вителій.

— Накажи! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Въ Атріумѣ произошелъ шумъ и движеніе: всѣ съ неудовольствіемъ отхлынули отъ Петронія. Даже Тулій Сенецій, его лучший другъ при дворѣ, отошелъ отъ него, а за нимъ—молодой Нерва-оказывавшій ему всегда почтеніе. Черезъ минуту Петроній остался по лѣвой сторонѣ атріума одинъ и, съ улыбкой на устахъ, раз-

глаживалъ рукой складки своей тоги и ждалъ, что станетъ дѣлать или скажетъ цезарь.

— Вы всё хотите, чтобы я его наказалъ, отозвался цезарь, — да вѣдь онъ мнѣ первый другъ и пріятель, и хоть онъ ранилъ мое сердце, но пусть знаетъ, что это сердце умѣетъ друзей только... прощать.

— Проигралъ и погибъ, — подумалъ Петроній.
Цезарь всталъ: совѣтъ былъ конченъ.

II.

Петроній отправился къ себѣ; Неронъ съ Тигелиномъ перешли въ атриумъ Понпеи, гдѣ ждали ихъ люди, съ которыми прежде разговаривалъ префектъ.

Тамъ были два раввина изъ-за Тибра, одѣтыхъ въ длинные, торжественные одежды, съ митрами на головахъ; молодой писецъ, ихъ помощникъ, и Хялонъ. При видѣ цезаря, жрецы поблѣднѣли отъ волненія и, приподнявъ въ уровень плечъ руки, наклонили головы до ладоней.

— Привѣтъ тебѣ, монархъ монарховъ и царь царей! сказала старшій, — привѣтъ тебѣ, повелитель земли, покровитель избраннаго народа и цезарь, левъ среди людей, царствованіе котораго уподобляется свѣту солнчному, кедръ ливанскому, живому источнику, пальмѣ и бальзаму іерихонскому!..

— А богомъ вы не называете меня? спросилъ цезарь.

Жрецы поблѣднѣли еще больше; наконецъ старшій снова продолжалъ:

— Слова твои сладки, какъ спѣлый виноградъ и винная ягода, потому что Иегова наполнилъ добротою сердце твое. Хотя предметникъ отца твоего, цезарь Кай былъ тиранъ, но посланные наши не называли его богомъ, предпочитая смерть оскорбленію закона.

— И Калигула велѣлъ ихъ бросить львамъ?

— Нѣтъ, государь! Цезарь Кай устранился гнѣва Иеговы.

И они приподняли головы, потому что имя всемогущаго Иеговы ободрило ихъ и придало смѣлости. Уповава на могущество Его, они ужъ смѣлѣе смотрѣли въ глаза Нерона.

— Вы жалуетесь на христіанъ, что они сожгли Римъ? спросилъ Неронъ.

— Мы жалуемся на нихъ, господинъ, только за то, что они враги нашего закона, враги рода человѣческаго, враги Рима и твои, и что они давно ужъ грозили городу и свѣту огнемъ. Остальное тебѣ скажетъ этотъ человѣкъ, уста котораго не осквернятся ложью, ибо въ жилахъ его матери текла кровь избраннаго народа.

Неронъ повернулся къ Хилону.

— Кто ты?

— Твой почитатель, Озирисъ, а притомъ—бѣдный стойкъ...

— Ненавижу стойковъ, сказалъ Неронъ,—ненавижу Трасея, ненавижу Мусонія и Корнута. Ненавистны мнѣ ихъ рѣчи, ихъ презрѣніе къ искусству, добровольная нищета и неопрятность.

— Государь! у твоего учителя Сенеки тысяча столовъ цитронаго дерева. Стоить тебѣ захотѣть и я буду имѣть ихъ вдвое больше. Я стойкъ, потому что такъ нужно. Укрась, о, лучезарный, мой стоицизмъ вѣнкомъ изъ розъ и поставь передъ нимъ кувшинъ вина, и онъ будетъ воспѣвать Анакреона такъ, что заглушитъ всѣхъ эпикурейцевъ.

Неронъ, которому понравилось названіе «лучезарный», улыбнулся и сказалъ:

— Ты мнѣ нравишься!

— Этотъ человѣкъ стоитъ столько-же золота, сколько самъ вѣситъ, сказалъ Тигелинъ.

— Прибавь, господинъ, къ моему вѣсу твою мудрость, отвѣтилъ Хилонъ,—иначе вѣтеръ унесетъ мою стоимость.

— Дѣйствительно, ты не перевѣсилъ бы Вителія, —прибавилъ цезарь.

— Да, сребролучистый, и мой разумъ не изъ олова.

— Я вижу, что твой законъ не воспрещаетъ тебѣ называть меня богомъ.

— О, безсмертный! мой законъ заключается въ тебѣ: христіане хулили этотъ законъ и за это я ихъ возненавидѣлъ.

— Что ты знаешь о христіанахъ?

— Позволишь ли мнѣ плакать, божественный?

— Нѣтъ, сказалъ Неронъ, — это скучно.

— Ты трижды правъ, потому что глаза, которые хоть разъ увидятъ тебя, должны навсегда обсохнуть отъ слезъ. Государь! спаси меня отъ моихъ враговъ.

— Говори о христіанахъ, сказала Поппея съ отгѣнковъ не-терпѣнія.

— Да будетъ такъ, какъ ты велишь, Изиди! — отвѣтилъ Хилонъ. — Съ молодости, я посвятилъ себя философіи и искалъ правды. Я искалъ ее и у прежнихъ божественныхъ мудрецовъ, и въ аѳинской академіи, и въ Александрійскомъ Серапіулѣ, и когда я слышалъ о христіанахъ, то полагалъ, что это какая то новая школа, въ которой я найду хоть нѣсколько зеренъ правды, и вотъ я свелъ знакомство съ ними, на мое не счастье!! Первый христіанинъ, съ которымъ меня сблизилъ злой рокъ, былъ нѣкій Главкъ, лекаръ изъ Неаполя. Отъ него я узналъ, что они почи-таютъ какого то Христа, Который обѣщалъ имъ сгубить всѣхъ людей и уничтожить на землѣ всѣ города, а ихъ оставить на землѣ, если они Ему помогутъ погубить Девкалионовыхъ дѣтей²²³). Отъ того-то они и ненавидятъ людей; оттого отравляютъ фонтаны съ водой и оттого на собраніяхъ своихъ проклинаютъ Римъ и всѣ наши храмы, въ которыхъ мы воздаемъ хвалу нашимъ богамъ. Христосъ былъ распятъ, но обѣщалъ имъ свое второе прише-ствіе, когда Римъ будетъ истребленъ ими огнемъ, и господство надъ землею...

— Теперь народъ пойметъ, почему Римъ сгорѣлъ, — прервалъ его Тигелинъ.

— Многіе ужъ понимаютъ, отвѣтилъ Хилонъ, — потому что я ходилъ по садамъ и Марсовому полю и поучалъ ихъ... Если вы удостоите меня выслушать, то я объясню, какія у меня есть причины для мести. Лекаръ Главкъ не обнаруживалъ предо мной, что ихъ уче-ніе предписываетъ имъ ненавидѣть людей. Напротивъ, онъ гово-рилъ мнѣ, что Христосъ — доброе божество и что основа его уче-нія это — любовь. Благодаря чувствительности моего сердца, я не могъ устоять противъ этихъ доводовъ, полюбилъ Главка и довѣ-рился ему. Я дѣлилъ съ нимъ каждый кусокъ хлѣба, каждый грошъ, и знаете-ли, чѣмъ онъ мнѣ отплатилъ за это? По дорогѣ изъ Неа-поля въ Римъ, онъ ткнулъ меня ножемъ, а мою жену, мою пре-красную и молодую Веронику — продалъ работнцамъ... Еслибы Софокль зналъ мою жизнь... но, что я говорю! меня слушаетъ лучший, чѣмъ Софокль.

— Бѣдный!.. отозвалась Поппея.

— Кто видѣлъ хоть разъ лицо Афродиты, тотъ-ужъ не мо-

жетъ считаться бѣднымъ, божественная,—а я смотрю на нее теперь... Послѣ того я и рѣшилъ искать утѣшенія въ философіи. Прибывъ въ Римъ, я отправился къ старшинамъ христіанъ, желая найти правосудіе на Главка. Я думалъ, что они прикажутъ ему возвратить мнѣ жену... Я познакомился съ ихъ первосвященникомъ, потомъ съ другимъ, нѣкимъ Павломъ, который былъ заключенъ въ Римъ, а потомъ освобожденъ на волю; познакомился съ сыномъ Заведея, Линнеемъ, Клетомъ и многими другими. Я знаю, гдѣ они сходятся, могу указать одно подземелье въ Ватиканскомъ холмѣ и одно кладбище за Номентанскими воротами, гдѣ они свершаютъ свои гнусные обряды. Я видѣлъ тамъ Петра и Главка, который убивалъ дѣтей, чтобы апостолу было чѣмъ окропить головы присутствующихъ; видѣлъ Лигію, воспитанницу Помпоніи Грецины, которая гордилась тѣмъ, что, не имѣя возможности достать крови дѣтей, она обрекла на смерть маленькую августу, твою дочь, о, Озирисъ!—и твою, о, Изида!

— Слышишь, цезарь! сказала Пoppея.

— Не можетъ быть! воскликнулъ Неронъ.

— Я могъ простить имъ свою обиду, продолжалъ Хилонъ,-- но, услышавъ о вашихъ, я хотѣлъ ткнуть ее ножомъ. Къ несчастью, мнѣ помѣшалъ въ этомъ благородный Виницій, который ее любить...

— Виницій? Да вѣдь она бѣжала отъ него?

— Она бѣжала, но онъ ее отыскалъ, потому что не могъ жить безъ нея. Я помогъ ему найти ее за маленькое вознагражденіе и указалъ домъ, въ которомъ она жила среди христіанъ за Тибромъ. Мы отправились туда вмѣстѣ, а съ нами—и твой борецъ—Кротонъ, котораго благородный Виницій нанялъ для безопасности. Но Урсъ, рабъ Лигіи, задушилъ его. Этотъ Урсъ—человѣкъ необыкновенной силы; онъ срываетъ головы быковъ такъ легко, какъ бы другой срывалъ головки мака. Авлій и Помпонія любили его за эту силу.

— Клянусь Геркулесомъ! воскликнулъ Неронъ.—Этотъ смертный, достоинъ, чтобы его изваяніе было на форумѣ. Но ты ошибаешься, или измышляешь, старикъ, потому что Кротона убилъ ножомъ Виницій.

— А!.. Такъ-то люди обманываютъ боговъ! О, государь! я самъ видѣлъ, какъ ребра Кротона ломалъ въ своихъ объятіяхъ

Урсъ... Послѣ этого онъ повалилъ и Виниція и навѣрное убилъ-бы его еслибъ не Лигія. Виницій долго послѣ этого былъ болѣнъ, но христіане ухаживали за нимъ, въ надеждѣ, что онъ, изъ любви къ ней, сдѣлается христіаниномъ. И они не ошиблись: теперь онъ сталъ христіаниномъ.

— Виницій?..

— Да.

— А можетъ быть и Петроній христіанинъ?—поспѣшно спросилъ Тигелинъ.

Хилонъ замылся, началъ тереть руки и наконецъ отвѣтилъ:

— Удивляюсь, господинъ, твоей проникательности! О!.. быть можетъ!.. очень можетъ быть!

— Теперь я понимаю, почему онъ такъ защищалъ христіанъ!

Но Неронъ разсмѣялся.

— Петроній христіанинъ!.. Петроній—врагъ жизни и роскоши!.. Не будьте глупцами и не увѣряйте меня, иначе, я готовъ ничему не вѣрить.

— Но благородный Виницій обратился въ христіане, и я клянусь тѣмъ блескомъ государь, который исходитъ отъ тебя, что говорю правду. Ничто такъ не противно для меня, какъ ложь. Помпонія—христіанка, маленькій Авлій христіанинъ, Лигія и Виницій тоже христіане. Хотя я служилъ Виницію вѣрно, но онъ, въ награду за мои услуги, по желанію лекаря Главка, велѣлъ меня высѣчь, не смотря на мою старость, болѣзнь и голодъ. Тогда-же я поклялся Гадесомъ, что не забуду этого. О, государь, отомсти имъ за мою обиду, а я выдамъ Петра, Линнея, Клета, Главка, Криспа всѣхъ старшинъ, а также Лигію и Урса; я укажу вамъ ихъ сотни, тысячи; укажу молитвенные дома и кладбища, такъ что всѣ ваши тюрьмы не вмѣстятъ ихъ!.. Безъ меня вы не сдумѣете отыскать ихъ!.. До этого времени, во всѣхъ моихъ несчастіяхъ я искалъ утѣшенія въ философіи, а теперь стану пользоваться тѣми милостями, какія ниспослетъ мнѣ твое великодушіе... Я старъ, но до-сихъ поръ не испыталъ хорошей жизни и хочу отдохнуть!..

— Хочешь быть стойкомъ только передъ полной миской, сказалъ Неронъ.

— Кто оказываетъ тебѣ услугу, тотъ этимъ самымъ наполняетъ ее.

— Не ошибаешься-ли, философъ?

Quo vadis?

Но и Поппея не теряла съ виду своихъ враговъ. Ей нравился Виницій, и хоть это было минутное увлеченіе, тѣмъ не менѣе оно теперь породило зависть и гнѣвъ оскорбленнаго самолюбія. Равнодушіе молодаго патриція задѣло ее за живое и поразило сердце кровной обидой. Одно то, что онъ предпочелъ ей другую, по ея мнѣнію требовало удовлетворенія и мести. Что касается Лигія, то она возненавидѣла ее съ первой минуты встрѣчи: красота этой съверной лиліи смутила и обезпокоила ее. Петроній, говорившій объ узкихъ бедрахъ, могъ уговорить только цезаря, а не ее. Будучи достаточно опытной, она съ одного взгляда опредѣлила, что въ цѣломъ Римѣ одна только Лигія можетъ соперничать съ нею и даже побѣдить ее. Съ этой минуты она поклялась погубить ее.

— Государь, сказала она, — отомсти за нашего ребенка!

— Да и поспѣшите! сказалъ Хилонъ, — поспѣшите! иначе Виницій скроетъ ее. Я укажу домъ, въ который они опять скрылись послѣ пожара.

— Возьми десять человѣкъ и ступай тотчасъ, — сказалъ Тигелинъ.

— Нѣтъ, господинъ! ты не видалъ Кротона въ рукахъ Урса, и если ты мнѣ дашь хоть пятьдесятъ человѣкъ, то я укажу домъ, да и то издали. А если вы не арестуете Виниція, то я пропаду.

Тигелинъ взглянулъ на Нерона.

— Не лучше-ли, божественный, было-бы прикончить вмѣстѣ съ дядей и племянникомъ?

Неронъ подумалъ минуту и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! не теперь!.. Народъ не повѣритъ, хоть-бы мы и сказали ему, что Петроній, Виницій или Помпонія Грецина подожгли Римъ: у нихъ тоже были свои прекрасные дома... Теперь нужны другія жертвы, а на этихъ лицъ еще придетъ очередь позже.

— Въ такомъ случаѣ, я прошу дать мнѣ солдатъ, которые защитили-бы меня, сказалъ Хилонъ.

— Тигелинъ подумаетъ о томъ.

— А пока, ты поселишься у меня, прибавилъ префектъ.

Лицо Хилона озарилось радостью.

— Выдамъ всѣхъ, только поспѣшите! Поспѣшите! воскликнулъ онъ охрипшимъ голосомъ.

III.

Петроній, выйдя отъ цезаря, приказалъ рабамъ нести себя въ свой домъ на Карины, который, будучи окруженнымъ съ трехъ сторонъ садами и имѣя впереди себя небольшой форумъ Цецилевъ, уцѣлѣлъ отъ пожара.

Въ виду этого, августіане, потерявшіе свои дома, а въ нихъ множество богатства и произведеній искусствъ, называли Петронія счастливецемъ. Еще раньше говорили о немъ, что онъ первенецъ Фортуны, а все болѣе увеличивающаяся дружба съ цезаремъ подтверждала это мнѣніе.

Но этотъ сынъ Фортуны теперь могъ только думать о непостоянствѣ своей матери и сравнивать ее съ Кроносомъ²³⁴), пожирающимъ собственныхъ дѣтей.

— Еслибъ мой домъ сгорѣлъ, говорилъ онъ самъ себѣ,—а съ нимъ вмѣстѣ—мои геммы, мои этрусскіе сосуды, александрійское стекло и коринѣская мѣдь, то можетъ быть тогда Неронъ забылъ бы обиду. Но, клянусь Полуксомъ! ужасъ подумать, что отъ меня зависѣло быть въ настоящую минуту префектомъ преторіантъ!.. Я провозгласилъ бы Тигелина поджигателемъ, какимъ онъ въ сущности и есть, надѣлъ бы на него позорную тунуку и выдалъ бы народу; спасъ бы христіанъ и отстроилъ Римъ... Кто знаетъ, можетъ быть тогда началась бы для честныхъ людей лучшая жизнь. Я долженъ былъ это сдѣлать, хотя бы ради Виниція... А въ случаѣ множества заботъ и работы, я могъ бы уступить ему мѣсто префекта и Неронъ не сталъ бы даже этому противиться... Пускай бы потомъ Виницій крестилъ всѣхъ преторіантъ и даже самаго цезаря,—для меня это безразлично!.. Неронъ набоженъ, добродѣтеленъ и милосердъ, и онъ представлялъ бы собою довольно оригинальный видъ.

Хоть его беззаботность была такъ велика, что онъ даже началъ улыбаться, однако, спустя минуту, его мысли направились въ иную сторону. Ему казалось, что онъ въ Антиѣ и что Павелъ тарсеянинъ говорить ему:

— «Вы называете насъ врагами жизни, но отвѣтъ мнѣ Петроній: еслибъ цезарь былъ христіаниномъ и поступалъ бы согласно нашему ученію, то развѣ жизнь ваша не была бы лучше и безопаснѣе?»

Вспоминая его слова, онъ продолжалъ про себя:

— Клянусь Касторомъ! сколько здѣсь истребить христіанъ, столько же Павелъ найдетъ новыхъ, ибо, если свѣтъ не можетъ держаться на разбоѣ, то онъ правъ... Но, кто знаетъ, очевидно можетъ, если держится. Однако я самъ, поучившійся не мало и ненаучившійся до сихъ поръ быть большимъ разбойникомъ, вынужденъ теперь вскрыть вены... Жаль мнѣ только Евники и моей миренской вазы, но Евника свободна, а ваза—пойдетъ за мной. Агенобарбъ не получитъ ее ни въ какомъ случаѣ... Жаль также и Виниція. Впрочемъ, хоть я и скучалъ за послѣднее время гораздо меньше, чѣмъ прежде, но я — готовъ. На свѣтѣ есть прекрасныя вещи, но люди, большею частью, настолько гадки, что жизни и не стоитъ жалѣть. Кто умѣлъ жить, тотъ долженъ умѣть и умереть. Хоть я и принадлежалъ къ августіанамъ, но я былъ человѣкомъ болѣе свободнымъ, нежели они полагали.

И онъ пожалъ плечами.

— Они тамъ, быть можетъ, думаютъ, что у меня въ эту минуту дрожать отъ страха колѣни и волоса на головѣ становятся дыбомъ, а я между тѣмъ, вернувшись домой, приму ванну изъ фіалковой воды, а потомъ моя златовласая Евника сама намаститъ меня и мы, подкрѣпившись яствами, велимъ пѣть себѣ гимнъ Апполону, который сочинилъ Ансѣмій. Я самъ когда то сказалъ, что о смерти не стоитъ думать, потому что она сама думаетъ о насъ. Однако, было бы удивительно, еслибъ существовали въ самомъ дѣлѣ какія-нибудь Елисейскія поля, а на нихъ—тѣни... Отъ времени до времени Евника ходила бы ко мнѣ и мы вмѣстѣ стали бы гулять по полямъ, поросшимъ асфоделями. Тамъ я нашелъ бы лучшихъ друзей и общество, чѣмъ здѣсь... Что за шуты! что за фигляры! что за чернъ плюговая безъ вкуса и доска! Десять арбитровъ элѣгантн не могли бы передѣлать этихъ Тримальхионовъ на приличныхъ людей. Клянусь Персефоной! — довольно ихъ...

И онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что его что-то раздѣляетъ отъ этихъ людей. Онъ зналъ ихъ прежде хорошо, и зналъ какъ о нихъ судить; но теперь они показались ему удаленными отъ него и достойными презрѣнія, больше чѣмъ прежде. И дѣйствительно, они надоѣли ему.

Теперь онъ привадумался надъ своимъ положеніемъ. Благодаря своей проницательности, онъ понялъ, что ему въ настоящую минуту еще не грозитъ опасность. Неронъ воспользовался удобнымъ слу-

чаемъ, сказать нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ о дружбѣ и о прощени, чтобы прикрыться ими и, пока, будетъ молчать. Теперь онъ станетъ искать предлоговъ и причинъ, а пока найдетъ ихъ, пройдетъ не мало времени.

— Прежде всего онъ устроить зрѣлища изъ христіанъ, сказалъ про себя Петроній, — а потомъ ужъ подумаетъ обо мнѣ, а если это такъ, то и не стоитъ ни призадумываться, ни измѣнять образа жизни. Большая опасность грозитъ Виницію!..

И онъ началъ думать о немъ и рѣшилъ во что бы то ни стало спасти его.

Четыре рослые виоимца быстро несли паланкинъ, среди развалинъ, пепелища и трубъ, какими еще были переполнены Карны, но онъ приказалъ имъ идти еще шибче, чтобы скорѣй очутиться у себя дома. Виницій, инсула котораго сгорѣла, жилъ у него и, къ счастью, былъ дома.

— Видѣлъ сегодня Лигію? спросилъ его, входя, Петроній.

— Я только что отъ нея.

— Слушай же, что я тебѣ скажу и не теряй время на пустыя разспросы. Сегодня у цезаря рѣшено свалить всю вину въ поджогъ Рима на христіанъ, которымъ теперь грозитъ гоненіе и муки. Охота на нихъ начнется очень скоро. Возьми Лигію и бѣги немедленно, хотя за Альпы или въ Африку. Поспѣши, потому что отъ Палатина ближе за Тибръ, нежели отсюда!

Виницій былъ солдатомъ и не любилъ тратить время на лишніе разспросы. Онъ слушалъ его нахмуривъ брови и съ грознымъ, но безъ ужаса, лицомъ. Очевидно, первое чувство, которое пробудилось въ этой натурѣ при видѣ опасности, было желаніе защищаться.

— Иду! сказалъ онъ.

— Еще одно слово: возьми кошелекъ съ золотомъ, оружіе и нѣсколько человекъ христіанъ. Въ случаѣ нужды — защищайся!

Виницій ужъ былъ у дверей атриума.

— Оповѣсти меня невольникомъ! прибавилъ онъ удаляющемуся Виницію.

Оставшись одинъ, онъ началъ ходить вдоль колоннъ, украшавшихъ атриумъ, думая о томъ, что будетъ далѣе. Онъ зналъ, что Лигія и Линней послѣ пожара вернулись въ прежній свой домъ, который, какъ и большая часть за Тибромъ, уцѣлѣлъ, и это было неблагопріятное обстоятельство, иначе среди толпы ихъ трудно было

найти. Однако онъ надѣялся, что въ Палатинѣ, никто не знаетъ, гдѣ они живутъ, и Виницій, во всякомъ случаѣ, опередить преторіанцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришло на мысль, что Тигелинъ, желая изловить побольше христіанъ, раскинетъ свою сѣть на весь Римъ, то есть, разобьетъ преторіанцевъ на маленькіе отряды.

«Если онъ пришлетъ за ней не болѣе десяти челоуѣкъ, то этотъ лигійскій колосъ переломастъ имъ кости, а что же будетъ, если Виницій присоединится къ нему!..»

Думая объ этомъ, онъ ободрился. Въ сущности, оказать вооруженное сопротивленіе преторіанцамъ, это было тоже самое, что начать открытую войну съ цезаремъ. Петроній зналъ также, что если Виницій скроется отъ мести Нерона, то эта месть обрушится на него, но онъ нисколько не заботился о томъ. Напротивъ, мысль разрушить планы Нерона и Тигелина развеселила его и онъ рѣшилъ не жалѣть на это ни денегъ, ни людей, потому что Павелъ, еще въ Ангіѣ, большую часть его рабовъ обратилъ въ христіанство, а потому онъ былъ увѣренъ, что въ дѣлѣ защиты христіанки онъ можетъ рассчитывать на ихъ готовность и самопожертвованія.

Приходъ Евники прервалъ его размышленія. При видѣ нея, всѣ его заботы и беспокойство исчезли безслѣдно. Онъ забылъ о цезарѣ и его опалѣ, въ какую онъ попалъ, о ничтожныхъ августианахъ, о преслѣдованіи христіанъ, о Виниціи и Лигіи,—и смотрѣлъ только на нее глазами влюбленнаго эстетика и любовника, на ея формы, которыя дышали жизнью и любовью. Одѣтая въ прозрачную фіолетовую одежду, называемую *Coa vestis*²³⁵), сквозь которую виднѣлось ея розовое тѣло, она была дѣйствительно прелестна, какъ божество. Чувствуя, что ею любятъ и любя его всей душой, она, жаждающая ласкъ его, вспыхнула отъ радости, точно невинная дѣвушка.

— Что скажешь, моя Харита? спросилъ Петроній, протягивая ей руки.

Евника наклонила къ нему свою свѣтловолосую головку и отвѣтила:

— Пришелъ Аннеимій съ пѣвцами и спрашиваетъ: не пожелаешь ли сегодня послушать его?..

— Пусть подождетъ. Онъ споетъ намъ за обѣдомъ гимнъ въ честь Апполона. Хотя кругомъ стоятъ развалины и пепелища, но мы будемъ слушать гимнъ Апполону... Клянусь пафійскими родами!

когда я вижу тебя въ этой *Coa vestis*, то мнѣ кажется, что Афродита, прикрывшись краюшкою неба, стоитъ предо мной.

— О, Господинь! смущенно отозвалась Евника.

— Поди ко мнѣ, обними меня и дай мнѣ поцѣловать тебя въ уста... Любишь ли ты меня?

— Не полюбила бы больше и Зевса.

И она прильнула своими устами къ его устамъ, дрожа въ его объятіяхъ отъ счастья.

— А еслибы намъ пришлось разстаться? спросилъ, помолчавъ, Петроній?..

Евника съ испугомъ посмотрѣла ему въ глаза.

— Какъ это, разстаться?

— Не бойся!.. Быть можетъ, мнѣ придется отправиться въ далекое путешествіе.

— Такъ возьми и меня съ собою...

Но Петроній быстро пережвнилъ разговоръ и спросилъ:

— Скажи мнѣ, есть-ли въ нашемъ саду, на лугахъ, асфодели?

— Въ саду всѣ кипарисы и травы пожелтѣли отъ пожара, а съ миртъ осыпались всѣ листья и цѣлый садъ выглядитъ какъ бы мертвымъ.

— Да и весь Римъ выглядитъ мертвымъ, а скоро превратится въ настоящее кладбище. Скоро будетъ изданъ эдиктъ противъ христіанъ и начнутся гоненія, во время которыхъ погибнутъ тысячи людей.

— За что же ихъ будутъ наказывать, господинь? Вѣдь они добрый и тихій народъ.

— Именно, за это.

— Такъ уѣдемъ за море. Вѣдь твои божественные глаза не могутъ смотрѣть на кровь.

— Хорошо, но тѣмъ временемъ я хочу выкупаться и ты приди въ олаотеку²³⁸) натереть мнѣ руки. Клянусь поясомъ Киприды! ты никогда не казалась мнѣ такой прекрасной. Я велю сдѣлать для тебя ванну въ видѣ раковины и ты будешь въ ней, какъ драгоценнѣйшая жемчужина... Приди, моя златоволосая!

И онъ ушелъ. Черезъ часъ, оба въ вѣнкахъ изъ розъ, возлежали съ отуманенными глазами за столомъ, уставленнымъ золотой посудой. Имъ прислуживали мальчики, одѣтые амурами, а они, попивая вино изъ кубковъ, украшенныхъ плющемъ, слушали гимнъ

Аполлону, который имъ пѣли, подъ звуки арфъ, пѣвцы, руководимые Анѳимемъ. Ихъ нисколько не безпокоило, что вокругъ ихъ дома стояли развалины, торчали обгорѣлыя трубы и вѣтеръ разносилъ пепель сожженнаго Рима. Они были счастливы и думали только о любви, которая превращала ихъ жизнь въ божественный сонъ.

Но, прежде чѣмъ гимнъ былъ оконченъ, въ залу вошелъ невольникъ, завѣдующій атриумомъ.

— Господинъ, сказалъ онъ тревожнымъ голосомъ, — центуріонъ съ отрядомъ преторіанцевъ стоитъ у воротъ и, по приказанію цезаря, желаетъ видѣться съ тобой.

Пѣніе и игра на арфахъ прекратились. Безпокойство и тревога сообщилась всѣмъ присутствующимъ, потому что цезарь никогда не посылалъ къ своимъ пріятелямъ преторіанцевъ и прибытіе ихъ въ это время ничего хорошаго не обѣщало. Одинъ только Петроній не оказалъ никакого волненія и сказалъ, какъ могъ говорить только человекъ, котораго постоянно часто безпокоятъ:

— И пообѣдать-то не дадутъ спокойно!.. Впусти центуріона, прибавилъ онъ завѣдующему атриумомъ.

Невольникъ исчезъ за занавѣсью; спустя минуту, послышались тяжелые шаги и въ залу вошелъ центуріонъ Афръ, знакомый Петронію, весь вооруженный и въ желѣзномъ шлемѣ на головѣ.

— Благородный господинъ! сказалъ онъ, — вотъ письмо отъ цезаря.

Петроній протянулъ лѣниво свою бѣлую руку, взялъ таблетку, взглянулъ на нее и совершенно спокойно, передалъ ее Евникѣ.

— Будетъ читать вечеромъ свою новую поэму о Троѣ, сказалъ онъ, — и зоветь меня послушать.

— Я имѣю приказаніе только отдать письмо, отозвался сотникъ.

— Хорошо. Отвѣта не будетъ. Но можетъ быть ты отдохнулъ бы немного съ нами и опрокинулъ кратеръ вина?

— Благодарю тебя, благородный господинъ! Кратеръ вина я охотно выпью за твое здоровье, но отдохнуть не могу, потому что я на службѣ.

— Почему это письмо отдано тебѣ, вмѣсто того, чтобъ послать его съ невольникомъ?

— Не знаю, господинъ. Можетъ быть, потому что я посланъ въ эту сторону по другому дѣлу.

— Знаю, сказалъ Петроній, — за христіанами.

— Да, господинъ.

— Давно-ли начались поиски?

— Нѣкоторые отряды посланы за Тибръ еще до полудня.

Говоря это, сотникъ сплеснулъ изъ чаши нѣсколько капель вина въ честь Марса на полъ, а потомъ осушилъ ее до дна и сказалъ:

— Да ниспошлютъ тебѣ боги, господинъ, чего ты желаешь!

— Возьми себѣ этотъ кратеръ, сказалъ Петроній.

Потомъ онъ далъ знакъ Анеимію окончить гимнъ Аполлону.

— Рыжебородый начинаетъ заигрывать со мной и съ Виниціемъ, отозвался онъ какъ бы про себя, когда заиграли на арфахъ.— Я угадываю цѣль! Онъ хотѣлъ меня испугать, приславъ приглашеніе съ центуріономъ. Вечеромъ будутъ разспрашивать сотника, какъ я его принялъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не обрадуешься многимъ, злая и ужасная кукла! Знаю, что ты не забудешь оскорбленія, знаю, что гибель моя неминуемая, но ты ошибаешься, думая, что я стану смотрѣть на тебя умоляющими глазами, что ты увидишь страхъ на моемъ лицѣ!.. Нѣтъ, ты жестоко ошибаешься въ этомъ.

— Цезарь пишетъ; «Приди, если есть охота», сказала Евника.— Пойдешь?

— Я теперь въ прекрасномъ расположеніи духа и могу слушать даже его стихи, отвѣтилъ Петроній,—и тѣмъ больше пойду, что Виницій не можетъ идти.

Послѣ обѣда и обычной прогулки, онъ отдался въ распоряженіе рабынь, которыя расчесали его волосы и расправили сборки тоги. Черезъ часъ, прекрасный какъ божокъ, онъ приказалъ нести себя въ Палатинъ. Было ужъ поздно, вечеръ тихій и теплый; луна свѣтила ярко, такъ что лампадаріи, идущіе впереди носилокъ, погасили свои фонари. По улицамъ и среди развалинъ сновали пьяныя толпы, съ убранными плуцемъ и повилюкой головами, несущіе въ рукахъ вѣтви миртъ и лавровъ, которыхъ было достаточно въ садахъ цезаря. Обиліе хлѣба и надежды на зрѣлища преисполняли весельемъ сердца народа. Кое-гдѣ пѣли пѣсни, восхваляющія «божественную ночь» и любовь; мѣстами, плясали при свѣтѣ луны. Словомъ, вездѣ было много народу, такъ что рабы должны были кричать, чтобы пропустили носилки «благороднаго Петронія». Толпа раздвигалась, издавая крики въ честь своего любимца.

Онъ между тѣмъ думалъ о Виниціѣ и удивлялся, что до сихъ

поръ не получилъ отъ него извѣстій. Онъ былъ эпикурейцемъ и эгоистомъ, но, имѣя постоянное общеніе то съ Павломъ, то съ Виниціемъ и слыша каждый день о христіанахъ—отчасти измѣнился, хотя и самъ не зналъ объ этомъ. На него повѣялъ какой-то вѣтеръ, который забросилъ въ его душу какое-то сѣмя, такъ что послѣ его собственной персоны его начали занимать и другіе люди. Къ Виницію онъ былъ привязанъ постоянно, потому что еще въ дѣтствѣ крѣпко любилъ его мать, а свою сестру; теперь-же, принявъ участіе въ его судьбѣ, онъ смотрѣлъ на него съ такимъ интересомъ, точно на какую-то трагедію.

Онъ не терялъ надежды, что Виницій опередилъ преторіанцевъ и бѣжалъ съ Лигіей, или, въ крайнемъ случаѣ, отбилъ ее отъ нихъ. Но онъ предпочиталъ быть увѣреннымъ во всемъ, такъ какъ предвидѣлъ, что ему придется отвѣчать на разные вопросы, и потому хотѣлъ быть заранѣе приготовленнымъ.

Остановившись передъ домомъ Тиберія, онъ вышелъ изъ носилокъ и чрезъ минуту вошелъ въ атриумъ, наполненный уже августианами. Вчерашніе друзья удивились, что онъ тоже приглашенъ, и все еще сторонились отъ него, но онъ свободно держалъ себя среди нихъ, прекрасный, безпечный и увѣренный въ себѣ, какъ будто онъ самъ могъ осчастливить кого своими милостями. Нѣкоторые, видя его у цезаря, безпокоились въ душѣ, не преждевременно ли они стали оказывать ему свое равнодушіе.

Цезарь сдѣлалъ видъ, что будто его не замѣчаетъ и не отвѣтилъ на его поклонъ, какъ бы занятый разговоромъ. вмѣсто него, къ Петронію подошелъ Тигелинъ и сказалъ:

— Добрый вечеръ, арбитръ элеганти! Ну, что ты еще не измѣнилъ своего мнѣнія, что христіане сожгли Римъ?

Но Петроній пожалъ плечами и, фамиллярно потрепавъ его по плечу, какъ отпущенника, отвѣтилъ:

— Ты тоже знаешь хорошо, какъ и я, что объ этомъ думать.

— Не смѣю равняться съ твоею мудростью.

— И, пока, ты правъ, потому что когда цезарь прочтетъ намъ свою новую пѣснь о Троѣ, то ты, вмѣсто того, что-бы кричать какъ павлинъ, долженъ высказать какое нибудь мнѣніе, хоть и нелѣпое.

Тигелинъ закусилъ губы. Онъ былъ недоволенъ, что цезарь рѣшилъ прочитать сегодня свою Трою, такъ какъ на этомъ полѣ

онъ не могъ соперничать съ Петроніемъ. Однако, Неронъ во время чтенія невольно, въ силу прежней привычки, взглянулъ въ сторону Петронія и внимательно посмотрѣлъ на него, какъ бы хотѣлъ вычитатъ что либо на его лицѣ. Но Петроній слушалъ, поднявъ вверхъ брови, мѣстами поддакивая, мѣстами напрягая свое вниманіе и какъ бы провѣряя себя, такъ ли онъ разслушалъ. А затѣмъ то хвалилъ, то порицалъ, требуя поправокъ и отдѣлки нѣкоторыхъ стиховъ. Самъ Неронъ понималъ, что другіе восторженно хвалили его ради самихъ себя и только одинъ Петроній занимается поэзіей, ради самой поэзіи; только онъ одинъ знаетъ и если онъ похвалитъ, то можно быть увѣреннымъ, что стихи дѣйствительно заслуживаютъ похвалы. Мало по малу онъ началъ разговаривать съ нимъ и спорить, и когда, наконецъ, Петроній выразилъ сомнѣніе въ точности одного выраженія, онъ сказалъ:

— Увидишь въ послѣдней пѣснѣ, почему я его употребилъ.

— А! подумалъ Петроній, — значить, мы дождемся и послѣдней пѣсни.

Не одинъ, слыша это, говорилъ про себя:

— Горе мнѣ! Петроній, имѣя много времени впереди, успеетъ вернуть расположеніе цезаря и низвергнетъ даже Тигелина.

И съ нимъ опять начали сближаться. Но конецъ вечера былъ менѣе счастливъ, потому что цезарь, въ моментъ, когда Петроній простался съ нимъ, вдругъ спросилъ его съ прищуренными глазами и лицомъ, выражавшимъ въ одно и то-же время злость и радость:

— Почему не пришелъ Виницій?

Если-бъ Петроній былъ увѣренъ, что Виницій съ Лигіей уже за воротами города, то онъ сказалъ-бы: «женился съ твоего позволенія и уѣхалъ», но, видя странную улыбку Нерона, отвѣтилъ:

— Вѣроятно, твое приглашеніе, божественный, не застало его дома.

— Скажи ему, что я радъ его видѣть, произнесъ Неронъ, — и скажи отъ меня, что бы онъ не пропустилъ зрѣлищъ, въ которыхъ примутъ участіе христіане.

Петронія обезпокоили эти слова; ему казалось, что они относятся прямо къ Лигіи. Сѣвъ въ носилки, онъ велѣлъ нести себя скорѣй домой. Но это было не такъ легко: передъ домою Тиберія стояла густая шумная толпа, пьяная какъ и прежде, но не поющая и не танцующая, а какъ бы возмущенная. Издали дохо-

дили какіе то крики, которыхъ Петроній сразу не могъ понять, но которые все увеличивались, росли и наконецъ превратились въ одинъ дикій крикъ:

— «Христіане для львовъ»!

Изящныя носилки придворныхъ двигались среди воюющей черни. Изъ глубины сгорѣвшихъ улицъ сбѣгались все новыя толпы людей, которые, услышавъ крикъ, начали вторить ему. Изъ устъ въ уста переходили вѣсти, что погоня за христіанами началась съ полудня и что ужъ много схвачено поджигателей. Вскорѣ по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ, лежащимъ въ развалинахъ вокругъ Палатина, по всѣмъ холмамъ и садамъ, раздались бѣшенныя крики:

— Христіане для львовъ!!

— Стадо! сказалъ съ презрѣніемъ Петроній, — народъ, достойный цезаря!

И онъ началъ думать, что этотъ свѣтъ, основывающійся на тиранствѣ и насиліи, о которомъ даже варвары не имѣли никакого понятія, на преступленіяхъ и бѣшенномъ распутствѣ, — не можетъ устоять. Римъ былъ правителемъ свѣта, но въ то-же время и болячкой его. Отъ него вѣяло трупнымъ запахомъ. На разлагающуюся жизнь падала тѣнь смерти. Не разъ объ этомъ было говорено даже между августіанами, но Петроній никогда такъ ясно не видалъ предъ своими глазами той правды, что эта увѣчанная колесница, на которой, въ видѣ триумфатора, стоитъ Римъ, влечетъ за собою стадо связанныхъ народовъ прямо въ пропасть. Жизнь всемірнаго сада казалась ему какимъ-то глупымъ хороводомъ и какой-то оргіей, которой, однако, долженъ быть конецъ. Теперь онъ понялъ, что у однихъ только христіанъ есть какое-то новое начало жизни, но полагалъ, что вскорѣ и отъ нихъ не останется слѣда. А тогда что?

Глупый хороводъ пойдетъ далѣе, подъ предводительствомъ Нерона, а если обойдетъ послѣдняго, то найдется другой, такой-же или хуже, потому что при такомъ народѣ и такихъ патриціяхъ нѣтъ надежды, чтобы нашелся кто-либо лучшій. Будетъ слѣдовательно новая оргія, съ каждымъ разомъ грязнѣй и омерзительнѣй.

Но и оргія не можетъ длиться вѣчно: нужно послѣ нея и отдохнуть, хотя-бы отъ самого истощенія.

Думая объ этомъ, Петроній чувствовалъ, что и самъ сильно усталъ. Стоять-ли жить, да еще жить въ неизвѣстности за завтрашній день и только для того, чтобы смотрѣть на подобный порядокъ

свѣта? Геній смерти не менѣе прекрасенъ, чѣмъ геній сна: и у него такіе-же крылья за плечами.

Носилки остановились у дверей дома Петронія. Чуткій привратникъ быстро отворилъ ихъ.

— Вернулся благородный Виницій? спросилъ его Петроній?

— Только что вернулся, господинъ! отвѣтилъ невольникъ.

«Вѣрно онъ не успѣлъ ее отбить!»! подумалъ Петроній.

Сбросивъ съ себя тогу, онъ вбѣжалъ въ Атріумъ. Виницій сидѣлъ на треножникѣ съ опущенной головой, положенной на ладони; услышавъ шаги, онъ поднялъ свое окаменѣлое лицо, въ которомъ свѣтились только одни глаза.

— Запоздалъ? спросилъ Петроній.

— Да. Ее арестовали передъ полуднемъ.

Настало минутное молчаніе.

— Видѣлъ ее?

— Да.

— Гдѣ она?

— Въ Мамертинской тюрьмѣ.

Петроній вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Виниція пытливымъ взглядомъ. Виницій понялъ этотъ взглядъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ. — Ее не посадили въ Туліаніумъ ²³⁷⁾ и даже не въ середину тюрьмы. Я подкупилъ сторожа, чтобъ онъ уступилъ ей свое помѣщеніе. Урсъ легъ у ея порога и караулить ее.

— Почему Урсъ не защитилъ ее?

— Да вѣдь пятьдесятъ преторіанцевъ... Къ тому-же ему запретилъ Линней...

— А Линней?

— Линней умираетъ и потому его не взяли.

— Что теперь намѣренъ дѣлать?

— Спасти ее или умереть вмѣстѣ... И я вѣрю въ Христа.

Все это Виницій говорилъ будто спокойно, но въ голосѣ его слышалось безысходное отчаяніе, такъ что сердце Петронія сжалось отъ сожалѣнія къ нему:

— Я понимаю, сказалъ онъ, — но какимъ образомъ ты хочешь ее спасти?

— Я подкупилъ стражу, во-первыхъ, для того, чтобы они

обращались съ ней лучше, и, во-вторыхъ, чтобы они не препятствовали ей побѣгу.

— Когда это случится?

— Они говорятъ, что теперь они не могутъ выдать ее, потому что боятся отвѣтственности. А когда тюрьма наполнится народомъ и потеряется счетъ узникамъ, то они отдадутъ ее мнѣ. Но это ужъ крайность! Лучше ужъ ты спаси ее и меня! Вѣдь ты другъ цезаря. Онъ самъ отдалъ ее мнѣ. Сходи къ нему и спаси!..

Петроній, вмѣсто отвѣта, позвалъ невольника и приказалъ ему принести два темныхъ плаща и два меча, а затѣмъ обратился къ Виницію и прибавилъ:

— По дорогѣ я отвѣчу тебѣ, а тѣмъ временемъ возьми плащъ и оружіе и мы пойдемъ въ тюрьму... Дай стражѣ сто тысячъ сестерцій, вдвое, впятеро больше, только пусть тотчасъ освободятъ Лигію, иначе будетъ поздно.

— Идемъ! сказалъ Виницій.

Черезъ минуту, они оба шли по улицѣ.

— Теперь слушай меня, продолжалъ Петроній.—Я не хотѣлъ напрасно тратить времени... Съ сегодняшняго дня, я нахожусь у цезаря въ опалѣ и моя собственная жизнь виситъ на волоскѣ, а потому я не могу ничѣмъ помочь тебѣ, а только испорчу дѣло. Я увѣренъ, что теперь цезарь сдѣлаетъ мнѣ наперекоръ. Если-бъ не это, то развѣ я сталъ-бы совѣтывать тебѣ бѣжать съ Лигіей? Вѣдь если ты успѣешь скрыться, то весь гнѣвъ цезаря обрушится на меня. Теперь онъ скорѣй уважитъ твою просьбу, нежели мою. Но не рассчитывай однако и на это, скорѣе освободи ее изъ заключенья и бѣги! Больше ничего не осталось дѣлать. А если это не удастся, тогда будетъ время подумать о другомъ... Да будетъ тебѣ извѣстно, что Лигія заключена въ тюрьму не за одну вѣру въ Христа: ее и тебя постигъ гнѣвъ Поппеи. Помнишь, какъ ты обидѣлъ августу и отвергъ ее ради Лигіи, которую она возненавидѣла съ первой встрѣчи. Она и прежде старалась погубить ее, приписывая смерть своего ребенка ей чарамъ. Всѣмъ этимъ несчастьемъ руководить рука Поппеи! Чѣмъ ты можешь объяснить себѣ, что Лигія первая была арестована? Кто могъ указать ей домъ Линнея? А я тебѣ скажу, что за ней слѣдили давно! Я знаю, что этою рѣчью я отнимаю у тебя послѣднюю надежду, но говорю это для того, что если тебѣ не удастся освободить ее, то вы оба погибли.

— Правда! понимаю! глухо отвѣтил Виницій.

По случаю позднего времени, улицы, казалось, были пусты; но вдругъ разговоръ ихъ былъ прерванъ пьянымъ гладиаторомъ, который шелъ съ противоположной стороны. Онъ былъ до того пьянъ, что шатался и, поровнявшись съ Петроніемъ, сильно покачнулся, положилъ ему руку на плечо, дохнулъ въ лицо виннымъ запахомъ и хрипло закричалъ:

— Христіане для львовъ!

— Слушай Мирмингонъ! ²³⁸) спокойно отозвался Петроній, — ступай своей дорогой.

Но пьяный схватилъ его и другой рукой за плечо.

— Сейчасъ кричи со мной: христіане для львовъ! иначе я сверну тебѣ шею.

Но нервы Петронія были разстроены и безъ этихъ криковъ. Съ момента его ухода изъ Палатина они душили его, какъ кошмаръ и раздирали слухъ, притомъ, когда онъ увидѣлъ надъ собою поднятый кулакъ великана, терпѣніе его лопнуло.

— Послушай пріятель, сказалъ онъ, — отъ тебя пахнетъ виномъ и ты мѣшаешь мнѣ пройти.

Сказавъ это, онъ вонзилъ въ грудь его по самую рукоятку свой короткій мечъ, которымъ вооружился выходя изъ дома, опять взявъ подъ руку Виниція и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ прерванный разговоръ:

— Цезарь сказалъ мнѣ сегодня: «Скажи отъ меня Виницію, чтобы онъ присутствовалъ на зрѣлищахъ, въ которыхъ примутъ участіе христіане. Понимаешь, что это значить?... Они хотятъ посмотреть на твои страданія и это ужъ дѣло рѣшенное. Можетъ быть, только поэтому до сихъ поръ и не арестовали ни тебя, ни меня. Если тебѣ не удастся освободить Лигію... тогда ужъ не знаю... Можетъ быть, Актея заступится за тебя, но едва ли и она сдѣлаетъ что-либо!.. Твои Сицилійскія владѣнія могутъ соблазнить Тигелина, а потому попробуй поговорить съ нимъ...

— Я готовъ отдать ему все, что имѣю, отвѣтилъ Виницій.

Отъ Каринъ до Форума было близко и они скоро дошли. Ночь ужъ начинала блѣднѣть и стѣны замка ясно обрисовывались въ тѣни.

Когда они повернули къ Мамертинской тюрьмѣ, Петроній вдругъ остановился.

— Преторіанцы!.. поздно! произнесъ онъ.

Тюрьму окружалъ усиленный караулъ солдатъ. Разсвѣтъ серебрилъ ихъ желѣзные шлемы и острія копій.

Виницій сдѣлался бѣлымъ, какъ мраморъ.

— Все таки пойдѣмъ! сказалъ онъ.

Черезъ минуту они остановились передъ солдатами. Петроній, который, будучи одаренъ необыкновенной памятью, зналъ не только старшинъ, но даже всѣхъ солдатъ преторіи. Замѣтивъ начальника когорты ²³⁹), онъ обратился къ нему.

— Что это значить, Нигръ? спросилъ онъ, — развѣ приказано охранять тюрьму?

— Да, благородный Петроній. Префектъ боится, чтобы не отбили поджигателей.

— И вамъ приказано никого не впускать? спросилъ Виницій.

— Нѣтъ, господинъ. Напротивъ, знакомые стануть посѣщать заключенныхъ и такимъ образомъ мы больше изловимъ христіанъ.

— Въ такомъ случаѣ,пусти меня.

И онъ пожалъ руку Петронія и прибавилъ:

— Пойдайся съ Актеей, а я приду узнать, что она отвѣтила тебѣ...

— Хорошо, отвѣтилъ Петроній.

Въ эту минуту въ подземельи и за толстыми стѣнами раздавалось пѣніе. Пѣсня сначала тихая и какъ бы подавленная раздавалась все громче. Мужскіе, женскіе и дѣтскіе голоса сливались въ одинъ стройный хоръ. Казалось, что вся тюрьма будто переполнилась звуками арфъ, при тишинѣ разсвѣта. Но это были не голоса отчаянія и жалобъ; напротивъ, въ нихъ звучали радость и торжество.

Солдаты посматривали другъ на друга съ недоумѣніемъ. На небѣ занималась золотисто-розовая заря.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Крики: «Христіанъ для львовъ!» раздавались во всѣхъ частяхъ города. Въ первый моментъ не только никто не сомнѣвался, но и не думалъ сомнѣваться, что они были дѣйствительной причиной бѣдствій, потому что казнь ихъ сулила занимательное зрѣлище для народа. Въ то же время, составилось мнѣніе, что бѣдствія не приняли бы такихъ гигантскихъ размѣровъ, еслибъ не гнѣвъ боговъ; въ виду этого, въ храмахъ начали совершать очистительныя жертвы. Согласно Сивилиныхъ²⁴⁰) книгъ сенатъ устроилъ торжественныя публичныя молебны Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ; женщины приносили жертвы Юнонѣ; цѣлыя толпы ихъ ходили въ видѣ процессіи на берегъ моря по воду, съ цѣлью окропленія этой водой статуи богини. Замужнія воздавали пиры богамъ и совершали ночныя бдѣнія²⁴¹). Весь Римъ очищался отъ грѣховъ и совершалъ жертвоприношенія, чтобъ умилостивить безсмертныхъ боговъ.

Тѣмъ временемъ на развалинахъ образовались новыя широкія улицы. Мѣстами ужъ заложены были фундаменты роскошныхъ домовъ, дворцовъ и храмовъ. Но, прежде всего, строили съ величайшею поспѣшностью огромные деревянные амфитеатры, предназначавшіеся для истребленія христіанъ. Тотчасъ послѣ совѣта въ домѣ Тиберія, были разосланы проконсуламъ приказы доставить дикихъ звѣрей. Тигелинъ опустошилъ виваріи всѣхъ городовъ Италіи. По его порученію, въ Африкѣ были устроены громадныя охоты и облавы, въ которыхъ принимали участіе всѣ туземцы. Въ Римъ доставляли

слоновъ и тигровъ изъ Азіи; крокодиловъ и гипопотамовъ — изъ Нила; львовъ — изъ Атланта, волковъ и медвѣдей — изъ Пиренскаго; бѣшеныхъ собакъ изъ Иверніи²⁴²); молосскіе псы — изъ Эпира; буйволы и свирѣпые туры — изъ Германіи. Въ виду многочисленности заключенныхъ, предстоящія зрѣлища должны были своимъ величіемъ, превзойти всѣ прежнія. Цезарь какъ будто хотѣлъ отрѣшиться отъ воспоминаній о пожарѣ и напоить кровью христіанъ весь Римъ, а потому разлитіе ея, какъ всѣ ожидали, должно было быть величественное.

Разохотившійся народъ помогаль преторіанцамъ разыскивать и ловить христіанъ. Это было не трудно, потому что многіе изъ нихъ, расположившись бивуаками въ садахъ, вмѣстѣ съ язычниками, открыто исповѣдывали свою вѣру, и когда солдаты окружали ихъ, то они становились на колѣни, пѣли пѣсни и безъ сопротивленія отдавались въ руки палачей. Но ихъ покорность еще больше возмущала народъ, который, не понимая почему они такъ терпѣливы, считалъ ихъ закоренѣлыми преступниками. Бѣшенство охватило преслѣдователей. Случалось, что чернь выривала христіанъ изъ рукъ преторіанцевъ и разрывала ихъ собственными руками; тянула женщинъ за волосы по улицамъ въ тюрьмы, а дѣтямъ разбивала головы о камни. Тысячи людей день и ночь съ бѣшеннымъ воемъ метались по разнымъ мѣстамъ, ища жертвъ среди развалинъ, въ дымовыхъ трубахъ сгорѣвшихъ домовъ и погребяхъ. Передъ тюрьмами, при свѣтѣ зажженныхъ костровъ, вокругъ бочекъ съ виномъ производились вакхическіе пиршества и танцы. По вечерамъ, всѣ съ наслажденіемъ слушали громоподобное рыканье звѣрей. Всѣ тюрьмы и подземелья уже были переполнены тысячами жертвъ, но чернь и преторіанцы каждый день прибавляли новыхъ. Никто ужъ не проявлялъ состраданія. Казалось, что люди забыли даже говорить и въ дикомъ безуміи только и твердили одинъ возгласъ: «христіанъ для львовъ!» А между тѣмъ начался небывалый зной: въ воздухѣ стояла духота и самая атмосфера, какъ будто, пропиталась бѣшенствомъ людей, кровью и преступленіями.

Этой переполненной чашѣ жестокости соотвѣтствовала и мѣра желанія страданій. Послѣдователи Христа шли добровольно на смерть и даже искали ее, пока ихъ не остановили серьезными мѣрами ихъ начальники. По приказанію послѣднихъ, они начали собираться только за городомъ въ подземельяхъ на Апшіевой дорогѣ и въ пригородныхъ виноградникахъ, принадлежащихъ патриціямъ-христіанамъ, между

которыми еще ни кого не арестовали. Въ Палатинѣ прекрасно знали, что къ христіанамъ принадлежатъ: Флавій, Домицій, Помпонія Гречина, Корнелій Пуденсъ и Виницій; однако цезарь боялся, что чернь не повѣритъ, чтобы такія лица подошли Риму: для того, чтобы увѣрить народъ нужно было не мало времени, а потому мечь и казнь ихъ были отложены на неопредѣленное время. Многіе думали, что этихъ патриціевъ защищала Актея. Но они ошибались. Петроній, разставшись съ Виниціемъ, дѣйствительно, обратился къ Актеѣ съ просьбой помочь Лигіѣ, но она могла только раздѣлять его сожалѣнія и слезы, такъ какъ и сама жила въ полномъ забытіи и скорби, скрывая свои страданія отъ цезаря и Поппеи.

Но она навѣстила Лигію въ тюрьмѣ, принесла ей одѣжду и пищу и, кромѣ того, защитила ее отъ обидъ со стороны и безъ того уже подкупленной стражи.

Петроній не могъ себѣ простить того, что по его мысли она была отнята отъ Плавтія, у котораго она, еслибъ осталась, не подверглась заключенію; въ виду чего онъ, желая выиграть игру съ Тигелиномъ, не жалѣлъ ни времени, ни стараній. Въ теченіе этихъ дней, онъ видѣлся съ Сенекой, Домиціемъ Афромъ и Криспиниллой, чрезъ которую хотѣлъ подѣйствовать на Поппею; съ Терпносомъ и Діодоромъ, съ прекраснымъ Пифагоромъ и наконецъ съ Алитуриемъ и Парисомъ²⁴³), которымъ цезарь ни въ чемъ не отказывалъ. Съ помощью Хризотемы, которая въ настоящее время была любовницей Ватинія, онъ старался расположить и его въ свою пользу, не жалѣя ни ему, ни другимъ обѣщаній и денегъ.

Но всѣ его усилія остались безплодны. Сенека, не увѣренный въ самомъ себя, объяснилъ ему, что если даже не христіане сожгли Римъ, то все-таки ихъ слѣдуетъ уничтожить для общаго блага. Терпносъ и Діодоръ взяли деньги, но ничего не сдѣлали, а Ватиній донесъ цезарю, что его хотѣли подкупить, — одинъ только Алитурій, сначала недружелюбно относившійся къ христіанамъ, теперь жалѣлъ ихъ и рѣшился замолвить слово цезарю о заключенной дѣвушкѣ и даже просить за нею; но ничего не выигралъ.

— Что-же ты воображаешь, сказалъ цезарь, — что я менѣе великодушенъ, чѣмъ Брутъ, который для блага Рима не пощадилъ собственныхъ сыновей?

И когда Алитурій повторилъ этотъ отвѣтъ Петронію, то послѣдній сказалъ:

— Коль скоро онъ началъ равняться съ Брутомъ, то ужъ нѣтъ спасенія.

Однако ему было жаль Виниція и онъ боялся, чтобы тотъ не посягнулъ на свою жизнь.

— Теперь, говорилъ онъ про себя,—его поддерживаютъ хлопоты и старанія спасти ее; ея образъ и самыя мученія, но когда ужъ ничего не поможетъ и угаснетъ послѣдняя искра надежды, то, клянусь Касторомъ! онъ не переживетъ ее и убьетъ себя.

Между тѣмъ, Виницій дѣлалъ все, что только подсказывалъ ему умъ, чтобы спасти Лигію. Онъ побывалъ даже у нѣкоторыхъ изъ августіанъ и, не смотря на всю свою гордость, умолялъ ихъ помочь ему. Онъ обѣщалъ Тигелину, чрезъ Вителія, отдать ему свои сициліанскія земли и все, что онъ ни пожелаетъ, но Тигелинъ, очевидно, не желая пойти противъ августы, отказался. Теперь оставалось только пойти къ самому цезарю и просить его, но и это ни къ чему бы не привело. Однако Виницій рѣшился и это сдѣлать, но Петроній, узнавъ о его намѣреніи, спросилъ:

— А если онъ откажетъ тебѣ хоть шуткой или подлой угрозой, то что ты тогда сдѣлаешь?

Выраженіе лица Виниція приняло болѣзненно-бѣшенный видъ и онъ заскрежеталъ зубами.

— Поэтому-то я и не совѣтую тебѣ идти къ нему, прибавилъ онъ,—тогда всѣ тропинки для спасенія ея заростутъ травойю.

Вскорѣ Виницій успокоился и, проведъ рукой по челу, покрытому холоднымъ потомъ, произнесъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я христіанинъ!..

— А все-таки забудешься, какъ забылся минуту тому назадъ. Ты имѣешь право погубить себя, но не ее. Вспомни, что испытала дочь Сеяна передъ смертію.

Но, говоря это, онъ не былъ искрененъ; онъ интересовался больше жизнью Виниція, чѣмъ Лигіи. Но Петроній зналъ, что ничѣмъ такъ не удержишь его отъ безразсуднаго поступка, какъ представленіемъ ему того обстоятельства, что этимъ самымъ онъ ускоряетъ гибель Лигіи. Наконецъ, онъ былъ правъ, потому что и въ Палатинѣ уже предвидѣли, что молодой трибунъ непременно придетъ и потому предприняли соотвѣтственныя предосторожности. Однако Виницій испытывалъ такія мученія, какія только въ состояніи вынести человѣкъ. Съ минуты заключенія Лигіи, на долю кото-

рой выпало счастье быть мученицей, онъ не только полюбилъ ее во сто разъ болѣе, но даже, въ душѣ своей, отдавалъ ей религіозныя почести, какъ неземному существу. А теперь, при мысли о томъ, что это существо, эта влюбленная и святая дѣвушка можетъ быть потеряна навсегда и что на нея обрушатся муки, страшнѣе самой смерти, — кровь стыла въ его жилахъ, душа сливалась на одинъ продолжительный стонъ и разсудокъ помрачался. Минутами, ему казалось, что черепъ его наполненъ живымъ огнемъ, который сожжетъ его. Онъ пересталъ понимать, что дѣлается вокругъ него; почему Христосъ, — всемилосердый Богъ! — не приходитъ на помощь своимъ дѣтямъ; почему законченныя дымомъ стѣны Палатина не провалятся сквозь землю, а вмѣстѣ съ ними — Неронъ, августіане, преторіанцы и весь преступный городъ. Онъ думалъ, что иначе не можетъ и не должно быть; что все то, на что смотрятъ его глаза и отъ чего рвется и ноетъ сердце — одинъ тяжелый сонъ. Однако, ревъ звѣрей напоминалъ ему, что это дѣйствительность. Стукъ топоровъ, подъ звуки которыхъ выросли арены, подтверждали это, а вмѣстѣ съ ними доказывалъ тоже самое вой народа и переполненныя тюрьмы. И онъ поражался силой вѣры во Христа, а это пораженіе тѣмъ больше мучило его. А между тѣмъ Петроній повторялъ ему:

— Вспомни, что передъ смертью испытала дочь Сеяна.

II.

Виницій во всемъ обманулся: онъ унизился до такой степени, что началъ искать поддержки даже у отпущенниковъ и невольницъ какъ цезаря, такъ и Пoppей, платилъ имъ за малѣйшія обѣщанія и располагалъ ихъ богатыми подарками. Онъ отыскалъ перваго мужа августы, Руфія Криспинія и заручился отъ него письмомъ къ ней; затѣмъ подарилъ виллу въ Антиѣ ея сыну отъ перваго брака, Руфію, но этимъ только разсердилъ цезаря, такъ какъ онъ ненавидѣлъ пасынка. Потомъ посылалъ нарочнаго гонца съ письмомъ къ другому мужу Пoppей, Оттону, въ Испанію, пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ и самимъ собою, и... наконецъ понялъ, что онъ не болѣе какъ игрушка людей и что еслибъ онъ притворился равнодушнымъ къ заключенію Лигіи, то скорѣе освободилъ ее.

То-же самое замѣтилъ и Петроній. А между тѣмъ проходили

день за днемъ. Амфитеатръ былъ готовъ; ужъ раздавали значки для входа въ циркъ. Но на этотъ разъ раннія зрѣлища, въ виду многочисленности жертвъ, должны были продолжаться не только дни, но и недѣли и даже мѣсяцы. Ужъ не знали, куда помѣстить христіанъ, такъ какъ всѣ тюрьмы были переполнены и въ нихъ ужъ развились инфекціонныя болѣзни. «Puticuli»²⁴⁴) начали переполняться трупами и явилось опасеніе, чтобы болѣзнь не распространилась на весь городъ. Благодаря этому обстоятельству, было рѣшено посѣщать со зрѣлищами.

Всѣ эти вѣсти доходили до Виниція и послѣдніе проблески надежды исчезали. Пока было время, онъ все еще надѣялся, что, быть можетъ, онъ сдѣлаетъ что-либо, но теперь ужъ было поздно. Зрѣлища должны были начаться и Лигія каждую минуту могла очутиться въ цирковомъ «cuniculum»²⁴⁵), откуда былъ только одинъ выходъ—на арену. Виницій, не зная, куда бросить ее судьба и жестокое насиліе, началъ обходить всѣ цирки, подкупать сторожей и «бестіаровъ», высказывая имъ свое желаніе, которое они не могли исполнить. По временамъ, ему казалось, что онъ работаетъ только надъ тѣмъ, чтобы облегчить ей смерть, которая казалась бы ей не такъ страшною, и отъ этого онъ приходилъ въ отчаяніе и чувствовалъ, что у него, вмѣсто мозга, раскаленный свинецъ.

Но онъ не хотѣлъ пережить ее и рѣшилъ погибнуть вмѣстѣ. Онъ думалъ, что страданія выжгутъ въ немъ сердце, прежде чѣмъ настанетъ ужасный срокъ. Его пріятели и Петроній думали, что не сегодня, то завтра для него отверзнется царство тѣней. Лицо его почернѣло и стало похоже на одну изъ тѣхъ восковыхъ масокъ, которыя держали въ лараріяхъ. Въ чертахъ застыло изумленіе, какъ будто онъ не понималъ, что случилось и что еще можетъ случиться, и если кто заговаривалъ съ нимъ, то онъ, механическимъ движеніемъ рукъ, хватался за голову, сжималъ ее и смотрѣлъ вопрошительнымъ взглядомъ на говорившаго. Ночи онъ проводилъ вмѣстѣ съ Урсомъ у дверей тюрьмы Лигіи, а если она просила его пойти отдохнуть, то онъ возвращался къ Петронію и ходилъ всю ночь по атриуму до утра. Часто рабы находили его стоявшаго на колѣняхъ съ поднятыми руками или лежащимъ ничкомъ на землѣ. Онъ молился и въ молитвѣ была его послѣдняя надежда, потому что все и всѣ обманули его. Лигію могло спасти только одно чудо и Виницій молился, кланяясь въ каменные плиты, свершить надъ ней это чудо.

Но въ немъ осталась еще доля разсудка и онъ понималъ, что молитва Петра достойнѣя его; Петръ отдалъ ему Лигію, обнадежилъ, окрестилъ его и самъ творилъ чудеса, такъ пусть же онъ и спасетъ ее.

И онъ однажды ночью отправился искать его. Христіане, которыхъ уже немного осталось, скрывали его одинъ передъ другимъ, чтобы кто-либо изъ слабѣйшихъ духомъ не выдалъ его нечаянно или умыленно. Виницій, будучи всецѣло поглощенъ мыслями объ освобожденіи Лигіи, среди общаго замѣшательства и погрома, потерялъ апостола изъ виду, такъ что, отъ времени своего крещенія, онъ видѣлъ его только одинъ разъ, передъ началомъ преслѣдованій христіанъ. И онъ пошелъ въ хижину могильщика, гдѣ его крестили, и узналъ отъ него, что въ виноградникахъ, лежащихъ за porta Salaria, принадлежащихъ Корнелію Пудену, состоится собраніе христіанъ. Могильщикъ взялся проводить Виниція туда, увѣряя, что тамъ они найдутъ Петра. Въ сумерки они вышли изъ хижины и, пройдя за стѣны, а потомъ миновавъ овраги, заросшіе тростникомъ, они достигли виноградниковъ, росшихъ въ сторонѣ въ дикомъ состояніи. Собраніе было въ сараѣ, въ которомъ выжимали вино. Подходя туда, до слуха Виниція дошелъ громкій шопотъ молитвъ. Онъ вошелъ и увидѣлъ при тускломъ свѣтѣ фонарей нѣсколько десятковъ людей, стоявшихъ на колѣняхъ и погруженныхъ въ молитву. Они читали молитву въ родѣ литаніи ²¹⁶), въ которой хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ, послѣ каждой строфы, повторялъ: «Христе, помилуй насъ!» Въ этихъ возгласахъ чувствовалась глубокая печаль и тревога.

Петръ тоже присутствовалъ тамъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ впереди, передъ деревяннымъ крестомъ, прибитымъ къ стѣнѣ сарая, и молился. Виницій издали узналъ его бѣлые волосы и поднятыя вверхъ руки. Первой мыслью молодого патриція было пройти чрезъ толпу, поклониться въ ноги апостолу и просить спасти! Но торжественность-ли молитвы или слабость ногъ заставили его невольно опуститься на колѣни у входа и повторять, вмѣстѣ съ другими, съ воплемъ наболѣвшей души: «Христе, помилуй насъ!» Еслибъ онъ былъ въ полномъ сознаніи, то онъ понялъ бы, что не въ одной его мольбѣ слышался стонъ и что не онъ одинъ изливалъ здѣсь свою печаль, скорбь и тревогу: въ этомъ собраніи не было ни одной человѣческой души, которая не лишилась бы дорогихъ существъ.

Когда ревностнѣйшіе и болѣе отважные христіане были уже заточены и когда ужь стали носиться слухи объ оскорбленіяхъ и мукахъ, какимъ подвергали христіанъ въ тюрьмѣ;—когда бѣдствія перешли границы и осталась только эта ничтожная горсть христіанъ, то среди нихъ ужь не было почти ни одного человѣка, который бы не поколебался въ вѣрѣ и не спрашивалъ въ сомнѣніи: «Гдѣ-же Христосъ и почему Онъ позволяетъ злу восторжествовать надъ добромъ и сдѣлаться могущественнѣе Бога?»

А между тѣмъ всѣ умоляли Его въ отчаяніи о милосердіи, потому что въ каждой душѣ еще тлѣлась искра надежды, что Онъ придетъ, уничтожитъ зло, свергнетъ въ пропасть Нерона и станетъ господствовать надъ свѣтомъ... Всѣ смотрѣли въ небо, прислушивались и съ трепетомъ молились. Виниція, по мѣрѣ того какъ онъ повторялъ: «Христе, помилуй насъ!» начало охватывать такое восхищеніе, какое онъ уже испыталъ однажды въ хижинѣ могильщика. Вотъ онъ ужь слышитъ, какъ его призываетъ изъ глубины пучины Петръ, значить, чрезъ минуту разверзнется небо, земля задрожитъ въ основаніи и Онъ сойдетъ въ необыкновенномъ блескѣ, окруженный звѣздами, милосердый, а въ то-же время и грозный, освободитъ своихъ вѣрныхъ и низвергнетъ въ пропасть преслѣдователей.

Виницій закрылъ лицо руками и наклонился къ землѣ. Вокругъ водворилась тишина, точно страхъ охватилъ всѣхъ, и ему казалось, что вотъ сейчасъ непременно свершится какое либо чудо. Онъ былъ увѣренъ, что когда онъ подниметъ и откроетъ глаза, то увидитъ свѣтъ, отъ котораго слѣпнуть глаза смертныхъ, и услышитъ голосъ, отъ котораго дрожать сердца.

Но тишина продолжалась, пока, наконецъ, ее прервали рыданія женщины. Виницій всталъ и посмотрѣлъ впередъ безумнымъ взоромъ.

Въ сараѣ, вмѣсто необыкновеннаго блеска, который онъ ожидалъ увидѣть, тускло мерцали фонари, да лучи мѣсяца, проникавшіе чрезъ отверстіе въ крышѣ, освѣщали внутренность серебристымъ свѣтомъ. Люди, стоявшіе на колѣняхъ возлѣ Виниція, смотрѣли заплаканными глазами на крестъ; тутъ и тамъ раздавались рыданія, а извнѣ доходили только тихіе свистки сторожей. Въ это время Петръ всталъ и, обратившись къ собранію, произнесъ:

— Дѣти, вознеситесь сердцами къ Спасителю нашему и принесите въ жертву Ему слезы ваши.

И онъ замолкъ, а въ это время изъ среды собравшихся отозвался голосъ женщины, преисполненный скорби и печали:

— Я—вдова; у меня единственный сынъ, который поддерживалъ меня... Верни мнѣ его, господинъ!

Опять воцарилась минутное молчаніе. Удрученный Петръ, молча, стоялъ передъ собраніемъ. Онъ казался въ эту минуту совсемъ дряхлымъ и немощнымъ... Тишину нарушилъ голосъ другой женщины:

— Палачи изнасиловали дочь мою, и Христось допустилъ совершить надъ нею это злодѣйство!

— Я осталась одна съ дѣтьми, отозвалась третья,—но когда схватятъ и меня, кто тогда накормитъ и напоитъ ихъ?

— Линнся, котораго сначала оставили въ покоѣ, схватили и увели въ тюрьму! сказала четвертая.

— Когда мы вернемся домой, то и насъ могутъ схватить преторіане, прибавила пятая,—и теперь мы не знаемъ куда скрыться...

— Горе намъ, горе! Кто защититъ насъ? завопили остальные.

И такъ, въ ночной тиши раздавались жалобы женщинъ. Старый рыбакъ закрылъ глаза и закачалъ головой надъ скорбью несчастныхъ. Опять воцарилась тишина, во время которой только и слышалось посвистываніе ночныхъ сторожей.

Виницій снова порывался пробратся сквозь толпу къ алостолу и попросить его защиты, но онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою пропасть, передъ которою совсемъ обезсилѣлъ и его ноги подогнулись. Что будетъ, если Петръ признаетъ свою слабость и если скажетъ, что римскій цезарь сильнѣе, чѣмъ Христось Назарянинъ? При этой мысли волосы на головѣ стали дыбомъ и онъ почувствовалъ, что въ эту пропасть упадутъ не только всѣ его надежды, но и онъ съ Лигіей, его любовью ко Христу, вѣрой и всѣмъ, чѣмъ онъ жилъ, и останется только одна смерть и мракъ, какъ безбрежное море.

Тѣмъ временемъ Петръ началъ тихо говорить, такъ что его едва можно было разслышать:

— Дѣти мои! Я видѣлъ, какъ прибывали Бога нашего къ кресту на Голгоѣ. Я слышалъ стукъ молотковъ и видѣлъ, какъ подняли вверхъ крестъ, чтобы дать народу полюбоваться смертію Сына человѣческаго... Видѣлъ, какъ Ему пробили бокъ и какъ онъ умеръ. И тогда я, возвращаясь отъ креста, съ тоскою вопилъ: «Горе! горе

намъ, Господи! Ты Богъ, такъ зачѣмъ Ты позволилъ распять Себя, зачѣмъ умеръ и зачѣмъ терзаешь сердца тѣхъ, которые вѣрили, что придетъ царствіе Твое?..

«... А Онъ, Господь нашъ и Богъ, воскресъ на третій день и былъ между нами до дня, когда въ сіяньи вознесся въ царствіе Свое... Съ этой минуты, мы понявъ наше маловѣріе и укрѣпившись сердцами, сѣмъ зерно; завѣщанной намъ правды...

Причемъ онъ повернулся въ ту сторону, откуда послышалась первая жалоба и заговорилъ болѣе сильнымъ голосомъ:

— На что вы жалуетесь?.. Самъ Богъ подвергся мученію и смерти, а вы хотите, чтобъ онъ защитилъ васъ передъ ними? О, маловѣрные! Развѣ такъ надо понимать Его ученіе? Развѣ Онъ далъ вамъ одну эту жизнь? Не Онъ-ли приходилъ къ вамъ и говорилъ: «Грядите моею стезею!». Не Онъ-ли призываетъ васъ къ себѣ, а вы хватаетесь за землю руками и вопіете: «Господи, спаси насъ!» Я—прахъ передъ Богомъ, но передъ вами я—апостоль Божій и намѣстникъ, а потому говорю вамъ во имя Христа: Не смерть передъ вами, а жизнь; не муки, а величайшее благо; не слезы и стоны, а пѣніе; не рабство—а царствіе! Я, апостоль Божій, повѣдаю тебѣ, вдова: сынъ твой не умретъ, а только возродится во славу для жизни вѣчной, и ты соединишься съ нимъ!.. А тебѣ отецъ, дочь котораго обезчестили палачи, глаголю, что ты найдешь ее чище и бѣлѣе хевронской лиліи. Вамъ, матери, у которыхъ, быть можетъ, отнять дѣтей; вамъ дѣти, которые теряете отцовъ; вамъ, которые жалуетесь; вамъ, которые будете смотрѣть на муки близкихъ сердцу вашему; вамъ, опечаленные, несчастные и объятые страхомъ, и вамъ готовящиеся умереть — глаголю во имя Христа, что всѣ вы пробудитесь якобы отъ сна для счастливаго, благословеннаго и вѣчнаго бодрствованія. Во имя Христа, повелѣваю вамъ прозрѣть!.. Пусть сойдетъ бѣльмо съ глазъ вашихъ и восплаютъ сердца!

Съ этими словами Петръ поднялъ руку, какъ-бы дѣйствительно повелѣвая, и всѣ почувствовали теплую кровь въ своихъ жилахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дрожь въ костяхъ... Теперь передъ ними стоялъ не дряхлый и опечаленный старецъ, а могущественный монархъ, управлявшій ихъ душами и устранявшій отъ нихъ тревогу и страхъ.

— Аминь! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Глаза его сіяли и, казалось, испускали изъ себя могущество, силу, величіе и святость. Всѣ головы преклонились предъ нимъ; а; когда всѣ умолкли, онъ продолжалъ:

— Сѣйте въ слезахъ, и пожинайте въ радости. Не бойтесь власти зла! Надъ всей землей, надъ Римомъ, надъ стѣнами этого города—естъ Господь, живущій въ васъ самихъ, и хотъ камни отсырѣютъ отъ слезъ вашихъ, а песокъ пропитается кровью и всѣ рвы наполнятся тѣлами вашими, но я повѣдаю вамъ: вы побѣдители! Господь грядетъ на помощь вамъ и накажетъ градъ преступлений, гоненій и гордости! И какъ Онъ самъ искупилъ Своєю кровью грѣхи всего свѣта, такъ Онъ хочетъ, чтобъ и вы искупили мукой и кровью этотъ вертепъ несправедливости... о чемъ и глаголетъ вамъ устами моими!

И Петръ распростеръ руки и началъ смотрѣть въ небо; сердца присутствующихъ почти перестали биться въ груди, такъ какъ всѣ были убѣждены, что онъ видитъ тамъ что-то, чего они не могутъ узрѣть своими смертными глазами.

Вскорѣ его лицо измѣнилось и видимо просіяло. Онъ смотрѣлъ еще нѣкоторое время молча, какъ-бы онѣмѣвъ отъ восторга, и затѣмъ опять раздался его голосъ:

— Вижу тебя Господи!.. Ты указуешь мнѣ пути Твои! О, Христе!! Неужто не въ Иерусалимѣ, а въ этомъ градѣ сатаны, Ты хочешь положить первый камень въ основаніе Твоего престола?.. хочешь воздвигнуть храмъ Твой изъ этихъ слезъ и крови? Ужели здѣсь, гдѣ царствуетъ Неронъ, должно быть вѣчное Твое! царствіе О, Господи, Господи!.. Ты приказываешь этимъ гонимымъ заложить изъ костей ихъ фундаментъ для всемірнаго Сіона и духу моему повелѣваешь управлять имъ и народами всей земли?.. Ты изливаешь изъ неизсякаемаго источника силу на слабыхъ, чтобы они стали сильными и мнѣ приказываешь пасти овцы Твоя, до конца вѣковъ... О, да будетъ славно имя Твое въ приказаніяхъ Твоихъ, ибо сими побѣдиши! Осанна! Осанна!..

Всѣ встревоженные и павшіе духомъ въ мигъ воспрянули, а сомнѣвавшіеся въ благодати Божьей—глубоко увѣровали, и одни повторяли: «Осанна!» другіе крикнули: «pro Christo!» — послѣ чего настала глубокая тишина. Яркія лѣтнія молніи освѣщали внутренность сарая и блѣдныя взволнованныя лица.

Петръ, вематриваясь въ видѣніе, долго еще молился и нако-

нецъ, точно очнувшись, взглянулъ на толпу съ сіяющимъ и вдохновеннымъ лицомъ:

— Вотъ, дѣти мои, отозвался онъ, — какъ Господь побѣдилъ сомнѣнія ваши, такъ и вы побѣждайте во имя Его!

Однако, хотъ онъ зналъ, что они побѣдятъ и что возникнетъ изъ ихъ слезъ и крови, тѣмъ не менѣе, его голосъ дрогнулъ отъ волненія; но онъ, благословивъ ихъ крестомъ, прибавилъ:

— А теперь благословляю васъ, дѣти мои, на муку, смерть и безсмертіе!

Всѣ бросились къ нему:

— Мы готовы! воскликнули они: — но Ты, святая глава, береги себя, потому что ты — намѣстникъ Божій и долженъ исполнить завѣтъ Христа!

Говоря это, они пѣплялись за его одежду, тогда какъ онъ полагалъ имъ руку на головы и благословлялъ каждого отдѣльно, какъ отецъ благословляетъ дѣтей, отпуская ихъ въ дальній путь.

Всѣ начали расходиться по домамъ, а оттуда — въ тюрьмы и на арены... Мысли ихъ ужъ отдѣлились отъ земли и души устремились въ вѣчность. Они шли какъ-бы во снѣ, восхищенные и вдохновенные, чтобы противопоставить свою силу противъ силы кровожадныхъ звѣрей.

Между тѣмъ Нерей, слуга Пуденса, взялъ апостола за руку и повелъ по тропинкѣ среди виноградника въ свой домъ. Виницій слѣдовалъ за ними, и когда они дошли до хижины Нерея, онъ стремительно бросился къ ногамъ Петра.

— Что съ тобою мой сынъ? спросилъ Петръ, узнавъ его.

Но Виницій послѣ того, что онъ слышалъ въ сараѣ, не смѣлъ просить ни о чемъ, и только, обнявъ его ноги, прижалъ къ нимъ свою голову, точно этимъ путемъ хотѣлъ вызвать его состраданіе.

— Знаю, сказалъ апостоль, — что у тебя отняли дѣвушку, которую ты возлюбилъ. Молись за нее...

— О, господинъ! простоналъ Виницій, обнимая сильнѣй его ноги. — Я жалкій червь, но ты зналъ Христа и ты моли Его и заступись за нее.

Онъ дрожалъ отъ боли и билъ челомъ въ землю. Испытавъ могущество апостола, Виницій былъ увѣренъ, что только онъ одинъ можетъ вернуть ее ему.

Петръ былъ тронутъ его печалью. Онъ вспомнилъ какъ нѣ-

когда Лигія, послѣ побранки ея Криспомъ, лежала также у ногъ его, моля о пощадѣ; вспомнилъ, какъ онъ поднялъ ее и утѣшилъ, а потому и теперь онъ поднялъ также и Виниція.

— Сынъ мой, сказалъ онъ,—я буду молиться за нее, но ты не забудь, что я сказалъ сомнѣвавшимся: самъ Богъ претерпѣлъ муки на крестѣ!.. а также помни, что послѣ этой жизни начнется жизнь вѣчная.

— Знаю... я слышалъ это! возразилъ Виницій, вдыхая воздухъ поблѣднѣвшими устами,—но самъ видишь, не могу! Если нужна кровь, то проси Христа, чтобъ Онъ взялъ мою... Я солдатъ. Пусть муки, предназначенные ей, Онъ удвоитъ, утроитъ—я выдержу! но пусть спасетъ ее. Она еще ребенокъ, а Онъ—могущественнѣе цезаря! Да, я вѣрю, что Онъ могущественнѣе!.. Вѣдь ты и самъ любишь ее... Ты благословилъ насъ! Она еще невинное дитя!..

И онъ опять нагнулся и, обнявъ колѣни Петра, началъ цѣловать ихъ.

— Ты зналъ Христа, господинь! ты зналъ Его и Онъ услышитъ тебя! Заступись за нее!

Петръ закрылъ глаза и началъ усердно молиться...

Молніи опять замелькали на горизонтѣ. Виницій, при блескѣ ихъ, всматривался въ уста апостола, ожидая отъ него приговора жизни или смерти. Въ ночной тишинѣ слышны были голоса перекликающихся въ виноградникахъ перепеловъ и глухой отдаленный стукъ мельницъ, расположенныхъ у дорогъ Саларія.

— Виницій, отозвался наконецъ апостоль,—вѣришь ли ты?

— Иначе я не пришелъ бы сюда, господинь! отвѣтилъ Виницій.

— Тогда вѣрь до конца, потому что вѣра горами двигаетъ, и хотя бы ты видѣлъ эту дѣвушку подъ мечемъ палача или въ пасти льва, то вѣрь еще и тогда, потому что Христось можетъ спасти ее. Вѣрь и молись Ему, и я помолюсь вмѣстѣ съ тобою.

Причемъ онъ вознесъ глаза къ небу и громко началъ читать молитву.

— Христось милосердный! взгляни на это разбитое сердце и утѣшь его! Христось милосердный! согласуй стихію съ шерстью ягненка. О, Христось милосердный! Ты, Который молилъ Отца Твоего удалить отъ Тебя горькую чашу, удали ее и отъ устъ этого раба твоего! Аминь.

А Виницій, простершій руки къ звѣздному небу, прибавилъ со стономъ:

— О, Иисусе Христе! Я твой! Возьми меня, вмѣсто нея!
На востокъ небо начало бѣлѣть.

III.

Виницій, разставшись съ апостоломъ, шелъ по дорогѣ къ тюрьмѣ съ сердцемъ, обновленнымъ надеждой. Хотя въ глубинѣ души его скрывался голосъ скорби и страхъ, но онъ заглушалъ въ себѣ этотъ голосъ. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобы участіе намѣстника Божьяго и сила его молитвы остались безъ дѣйствія. Онъ боялся потерять надежду и боялся усумниться. «Буду вѣрить въ милосердіе Его, говорилъ онъ себѣ,—хотя-бы видѣлъ ее въ пасти льва!» И при этой мысли, хоть и дрожало его сердце и хоть холодный потъ обливалъ его чело, но онъ вѣрилъ и каждый ударъ сердца его былъ молитвой. Онъ началъ ясно сознавать, что вѣра дѣйствительно горами двигаетъ, потому что чувствовалъ въ себѣ такую дивную силу, которою до сихъ поръ не обладалъ. Ему казалось, что онъ съ ней достигнетъ такихъ вещей, которыхъ онъ еще вчера не былъ въ состояніи сдѣлать. По временамъ, онъ представлялъ себѣ, что зло уже миновало, и когда въ душѣ его еще отзывался стонъ, то онъ приводилъ себѣ на мысль эту ночь и это святое, старческое лицо, вознесенное въ мольбѣ къ небу. «Нѣтъ! Христосъ не откажетъ своему первому ученику и пастырю Его стада! Христосъ не откажетъ,—а я не усомнюсь!» И онъ бѣжалъ къ заключенной, неся ей добрую вѣсть.

Но тутъ его встрѣтила непріятность.

Преторіанцы, стоявшіе на стражѣ у Мамертинской тюрьмы, знали его и не препятствовали ему свободно входить, но на этотъ разъ цѣпь не снялась и къ нему подошелъ сотникъ.

— Извини, благородный трибунъ, сказалъ онъ,—сегодня мы получили приказъ никого не впускать.

— Приказъ? блѣднѣя повторилъ Виницій.

Солдатъ сочувственно посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Да, господинъ, приказъ цезаря. Въ тюрьмѣ много больныхъ, а потому все боятся, чтобы посѣтители не разнесли заразы по городу.

— Но ты сказалъ, что это приказаніе только на сегодня?

— Въ полдень смѣняется стража...

Виницій умолкъ и снялъ съ головы «pileolus»²⁴⁷), потому что онъ казался ему тяжелымъ, какъ свинець.

Солдаты подошелъ ближе къ нему и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Успокойся, господинъ. Стража и Урсъ смотрятъ за ней.

Сказавъ это, онъ быстро нагнулся и начертилъ на каменной плитѣ своимъ длиннымъ галлійскимъ мечемъ изображеніе рыбы. Виницій взглянулъ на него.

— И ты... преторіанецъ?..

— Да, пока не попаду сюда, отвѣтилъ солдатъ, указывая на тюрьму.

— Я тоже вѣрую во Христа!

— Да будетъ благословенъ Господь нашъ! Я знаю, что ты христіанинъ, но впустить въ тюрьму не могу; но если ты напишешь письмо, то я передамъ его караульнымъ.

— Благодарю тебя, братъ!

И, пожавъ руку солдата, онъ ушелъ. Pileolus сдѣлался легче. Утреннее солнце поднялось надъ стѣнами тюрьмы, а вмѣстѣ съ его блескомъ, сердце его начало преисполняться надеждой и онъ ободрился. Этотъ солдатъ—христіанинъ послужилъ ему какъ-бы новымъ знаменемъ могущества Христа. Виницій остановился, смотря на розовыя облака, висѣвшія надъ Капитоліемъ и храмомъ Статора, и сказалъ:

— Хоть я не видѣлъ ее сегодня, но вѣрю, о, Господь, въ милосердіе Твое!..

Дома его ждалъ Петроній, который, по обыкновенію, мѣнялъ день на ночь. Онъ успѣлъ уже принять ванну и намаститъся передъ отходомъ ко сну.

— А у меня есть для тебя новость, сказалъ онъ Виницію. — Сегодня я былъ у Тулія Сенеція, у котораго былъ и цезарь. Не знаю, почему августа вздумала привести съ собой и маленькаго Руфія... Быть можетъ, для того, чтобы ребенокъ, своей красотой, смягчилъ сердце цезаря. Къ несчастію, усталый мальчикъ уснулъ во время чтенія, какъ нѣкогда Веспасіанъ. Видя это, Агенбарбъ бросилъ въ него бокаломъ и тяжело ранилъ. Поппея лишилась чувствъ, и всѣ слышали, какъ цезарь сказалъ: «Довольно!.. мнѣ надоѣлъ этотъ шенокъ!»—а это равняется смертному приговору!

— Значить, и надъ августой повисла кара Божья! отвѣтилъ Виницій:—но къ чему ты мнѣ это говоришь?

— Къ тому, что тебя и Лигію преслѣдовалъ гнѣвъ Поппеи, а теперь она, будучи занятой собственнымъ несчастіемъ, можетъ быть, забудеть о мести и легче примирится. Сегодня вечеромъ я повидаюсь съ ней и буду говорить...

— Благодарю тебя за добрыя вѣсти.

— Ну, а ты теперь выкупайся и отдохни. Твои губы совсѣмъ посинѣли и отъ тебя осталась только одна тѣнь.

— Не слыхаль-ли, когда начнется первый «*ludus matutinus*»²⁴⁸)? спросилъ Виницій.

— Черезъ десять дней. Но на первыя представленія пойдутъ люди изъ другихъ тюремъ. Чѣмъ больше будетъ въ нашемъ распоряженіи времени, тѣмъ лучше для насъ. Не все еще потеряно.

Утѣшая Виниція, онъ говорилъ то, во что ужъ и самъ не вѣрилъ: онъ зналъ прекрасно, что если цезарь отказалъ въ просьбѣ Алитурѣ громкой фразой, въ которой сравнивалъ себя съ Брутомъ, то для Лигіи уже нѣтъ спасенія. Но онъ скрывалъ это отъ Виниція, какъ и то, что слышалъ у Сенеція, что цезарь и Тигелинъ рѣшили выбрать для себя и для друзей красивѣйшихъ изъ христіанскихъ дѣвицъ и обезчестить ихъ передъ смертью, а остальныхъ отдать въ день зрѣлищъ преторіанцамъ и бестіаріямъ для потѣхи.

Зная, что Виницій ни въ какомъ случаѣ не захочетъ пережить Лигіи, онъ нарочно укрѣплялъ его надеждой, прежде всего, изъ сочувствія къ нему, а затѣмъ изъ-за того, что если Виницій и рѣшится умереть, то пусть умереть красивымъ, а не съ измученнымъ и почернѣвшимъ отъ страданій и бессонницы лицомъ.

— Я скажу сегодня августѣ такъ,—отозвался онъ:—спаси Лигію для Виниція, а я спасу для тебя Руфія... И я объ этомъ подумаю серьезно. Вѣдь ты знаешь, что говоря съ Агенбарбомъ одно слово, сказанное во время, можетъ спасти или погубить. Во всякомъ случаѣ, мы выиграемъ время.

— Благодарю! повторилъ Виницій.

— Тогда поблагодаришь, когда подкрѣпишь свои силы и отдохнешь. Клянусь Аѳиною! что Одиссей, даже въ самомъ большомъ несчастіи, думалъ о снѣ и ѣдѣ! Вѣрно ты всю ночь провелъ въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Виницій.—Я хотѣлъ зайти туда, но меня

не пустили: есть приказъ, чтобы никого не пропускать... Ты, пожалуйста, узнай, на какое время онъ имѣетъ силу: на сегодня или до начала игръ.

— Хорошо, я узнаю объ этомъ сегодня ночью, а завтра утромъ скажу тебѣ, по какому случаю онъ былъ отданъ и надолго-ли. А теперь, хоть-бы Гелій съ отчаянія и тоски ушелъ въ Кимерійскіе края, а я все-таки пойду спать, и ты послѣдуй моему примѣру.

И они разошлись, но Виницій пошелъ въ бібліотеку писать письмо къ Лигію.

Кончивъ писать, онъ самъ отнесъ его въ тюрьму и вручилъ воину-христіанину, который тотчасъ-же отправился съ нимъ въ камеру. Черезъ минуту онъ вернулся отъ Лигія и сказалъ, что сегодня-же онъ получить отвѣтъ.

Однако виницію не хотѣлось возвращаться домой и онъ, сѣвъ на камень, началъ ждать отвѣта. Солнце ужъ поднялось высоко и чрезъ *Clivus Argentarius* къ Форуму по обыкновенію шли толпы народа. Продавцы выкрикивали свои товары, ворожеи предлагали прохожимъ свои услуги, граждане тянулись важно къ рострамъ послушать ораторовъ, или подѣлиться свѣжими новостями. По мѣрѣ того, какъ солнце пригрѣвало сильнѣе, толпы зѣвакъ прятались въ портики храмовъ, откуда, что минуто вылетали съ шумомъ цѣлыя стаи голубей, блистая бѣлыми перьями въ солнечномъ свѣтѣ и въ синевѣ неба.

Находясь подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта и тепла, изнуренные глаза Виниція начали слипаться. Монотонные крики мальчишекъ, играющихъ вблизи него въ мору, и равномерные шаги солдатъ-караульныхъ убаюкивали его. Онъ нѣсколько разъ поднялъ голову, обвелъ взоромъ тюрьму, потомъ прислонился къ уступу скалы, вздохнулъ какъ дитя, которое передъ сномъ долго плакало, — и уснулъ.

Вскорѣ имъ овладѣли видѣнія. Ему казалось, что онъ среди ночи несетъ на рукахъ Лигію, чрезъ незнакомые ему виноградники, а предъ ними идетъ Помпонія Грецина съ свѣтильникомъ въ рукѣ и освѣщаетъ дорогу. Какой-то голосъ, какъ будто Петронія, зоветъ ихъ издалека: «вернитесь!» но онъ не обращаетъ вниманія на этотъ зовъ и идетъ далѣе за Помпоніей, до хижины, на порогѣ которой стоялъ апостоль Петръ. Онъ указалъ ему на Лигію и произнесъ: «мы идемъ съ арены, но не можемъ ее пробудить, — разбуди ты ее, господинъ». Но Петръ отвѣтилъ на это: «Христосъ самъ придетъ и разбудитъ ее!»

Потомъ видѣнія начали путаться. Онъ видѣлъ Нерона и Попею, державшими въ рукахъ маленькаго Руфiя съ окровавленнымъ челомъ, которое омывалъ Петронiй, а Тигелинъ посыпалъ золой столы, заставленные богатыми яствами,—и Вителiя, пожирившаго яства; и множество августiанъ, сидящихъ за столомъ, а онъ самъ возлежалъ полѣ Лигiи. Между столами ходили львы, у которыхъ по желтымъ подбородкамъ стекала кровь. Лигiя просила его, чтобы онъ вывелъ ее оттуда, но на него напало такое безсилie, что онъ даже не могъ повернуться. Потомъ въ его видѣнiяхъ все начало смѣшиваться и, наконецъ, сдѣлалось темно и все исчезло...

Его разбудилъ солнечный жаръ и крики, раздававшiеся подлѣ него. Виницiй протеръ глаза: улицы были полны народа, среди котораго бѣжали два скорохода, одѣтые въ желтыя туники, и раздвигали толпу длинными тростями, крича, чтобы дали дорогу носилкамъ, которые несли чetyре сильныхъ египетскихъ раба.

Въ паланкинѣ сидѣлъ какой-то человекъ, одѣтый въ богатыя бѣлыя одежды; лица его не было видно, потому что онъ держалъ передъ глазами свитокъ папируса и былъ углубленъ въ чтенiе.

— Мѣсто благородному августiанину! кричали скороходы.

Однако улица была настолько переполнена народомъ, что носилки должны были на минуту остановиться. Августiанинъ нетерпливо опустил свой папирусъ и, выставивъ голову изъ паланкина, крикнулъ скороходамъ:

— Разгоните этихъ негодяевъ!

Но вдругъ онъ замѣтилъ Виницiя и быстро прикрылъ лицо папирусомъ. Виницiй провелъ рукой по глазамъ, полагая, что онъ видитъ это во снѣ.

Въ носилкахъ сидѣлъ Хилонъ.

Тѣмъ временемъ скороходы расчистили дорогу и египтяне были готовы тронуться въ путь. Но молодой трибунъ, придя въ себя, вдругъ приблизился къ носилкамъ.

— Привѣтъ тебѣ, Хилонъ! сказалъ Виницiй.

— Юноша, отвѣтилъ съ достоинствомъ и гордостью грекъ, употребляя усилie придать своему лицу спокойное выраженiе, котораго не было въ душѣ,—привѣтствую и тебя, но не задерживай меня, потому что я спѣшу къ моему благородному другу Тигелину.

Виницiй схватился за край носилокъ, нагнулся къ нему и, глядя ему прямо въ глаза, полупшопотомъ спросилъ:

— Ты выдалъ Лигію?..

— О, Колоссъ Мемнонскій! воскликнулъ испуганно Хилонъ.

Но въ глазахъ Виниція не было угрозы, а потому испугъ стараго грека быстро прошелъ. Подумавъ, что онъ находится подъ покровительствомъ Тигелина и самого цезаря, то есть, тѣхъ лицъ, предъ которыми дрожить все и что его окружаютъ сильные рабы, а Виницій стоитъ предъ нимъ безоружный и изнуренный—онъ ободрился и къ нему вернулась его наглость. Онъ уставилъ на Виниція свои, окруженные красными ободками, глаза и также прошепталъ:

— А ты, когда я умиралъ отъ голода, не велѣлъ меня побить палками?

На минуту оба умолкли, потомъ Виницій отозвался глухимъ голосомъ:

— Да, я обидѣлъ тебя, Хилонъ!..

Грекъ, поднявъ голову и щелкнувъ пальцами, что въ Римѣ было знакомъ пренебреженія и презрѣнія, отвѣтилъ громко, чтобы всѣ слышали его:

— Послушай, пріятель, если у тебя есть просьба ко мнѣ, то приходи въ мой домъ на Эквилинѣ, рано утромъ, когда я, послѣ ванны, принимаю своихъ кліентовъ.

И онъ далъ знакъ рукой. Египтяне подняли посылки, а рабы, одѣтые въ желтые туники, начали громко кричать, махая своими тростями:

— Мѣсто посылкамъ благороднаго Хилона Хилонида! Мѣсто!.. мѣсто!..

IV.

Лигія въ длинномъ, поспѣшно написанномъ письмѣ, прощалась навсегда съ Виниціемъ. Ей было извѣстно, что въ тюрьму никого не допускаютъ и что она увидитъ Виниція только съ арены. Она просила его узнать, когда настанетъ ихъ чередъ и чтобы онъ присутствовалъ въ циркѣ, потому что она хотѣла еще разъ въ жизни взглянуть на него. Она писала, что какъ она, такъ и всѣ другіе, стремятся на арену, на которой получаютъ освобожденіе изъ заключенія. Ожидая пріѣзда Помпоніи и Авлія, она умоляла и ихъ придти въ циркъ. Въ каждомъ ся словѣ былъ слышенъ восторгъ и то

отрѣшеніе отъ жизни, которою жили всѣ заключенные, а вмѣстѣ и непоколебимая вѣра, что всѣ обѣщанія должны исполниться за гробомъ. «Теперь или позже Христосъ освободитъ меня, потому что Онъ отдалъ меня, устами апостола, тебѣ и я—твоя!» писала она; а затѣмъ просила, чтобы онъ не скорбѣлъ о ней и не далъ овладѣть собою тоскѣ. Смерть не была разрывомъ для ея обѣта. Она съ наивностью ребенка увѣряла Виниція, что сейчасъ, послѣ мукъ на аренѣ, скажетъ Христу, что у нея въ Римѣ остался ея женихъ, Маркъ, который тоскуетъ по ней. Лигія думала, что Христосъ позволить ея душѣ вернуться на мгновеніе къ нему, чтобы сказать, что она жива, что не помнитъ мученій и что она теперь счастлива. Все письмо ея дышало счастьемъ и надеждой, и въ немъ была только одна просьба, связывающая ее съ этимъ міромъ: чтобы Виницій взялъ ее тѣло съ арены и похоронилъ, какъ свою жену, въ той гробницѣ, въ которой самъ хотѣлъ быть погребеннымъ...

Онъ читалъ это письмо съ разбитымъ сердцемъ; но ему казалось неправдоподобнымъ, чтобы Лигія могла погибнуть отъ клыковъ дикихъ звѣрей, и чтобы Христосъ не сжалился надъ ней. На этомъ была основана вся его надежда и упованіе. Вернувшись домой, онъ написалъ ей, что онъ будетъ каждый день приходить къ стѣнамъ тюрьмы и ждать, пока Христосъ не сокрушитъ ихъ и не отдастъ ему ее. Виницій просилъ ее вѣрить, что Онъ можетъ ему отдать ее даже изъ цирка, что Великій Апостолъ молить Его объ этомъ и что минута освобожденія близка. Обращенный въ христіанство центуріонъ обѣщалъ ему отдать это письмо завтра.

Но когда Виницій пришелъ на слѣдующій день къ тюрьмѣ, то одинъ изъ воиновъ подошелъ къ нему и заговорилъ:

— Выслушай меня, господинъ!.. Христосъ оказалъ тебѣ свою милость. Сегодня ночью въ тюрьму приходили слуги цезаря и префекта, для выбора христіанскихъ дѣвицъ на поруганіе. Они справлялись и о твоей возлюбленной, но Господь ниспослалъ на нее горячку, отъ которой умираютъ многіе заключенные, а потому они оставили ее въ покоѣ. Вчера вечеромъ она была ужъ совсѣмъ безъ памяти,—и да будетъ благословенно имя Спасителя, потому что болѣзнь, которая спасла ее отъ позора, можетъ спасти и отъ смерти!

Виницій, чтобъ не упасть, оперся рукой о плечо солдата, который продолжалъ:

— Благодарю милосердіе Господа!.. Линнея схватили и начали мучить, но, видя, что онъ умираеть—отдали его. Можетъ и ее отдаютъ тебѣ и Христось возвратитъ ей здоровье...

Молодой трибунъ, стоявшій съ опущенной головой, вдругъ поднялъ ее и тихо сказалъ:

— Ты правъ, сотникъ. Христось, Который избавилъ ее отъ позора, избавитъ и отъ смерти.

Просидѣвъ подъ стѣнами тюрьмы до вечера, Виницій вернулся домой и послалъ своихъ людей за Линнеемъ, чтобы они перенесли больного въ одну изъ его подгородныхъ виллъ.

Петроній, узнавъ обо всемъ, рѣшился хлопотать до конца. Прежде всего, онъ ужъ побывалъ у августы, а теперь отправился къ ней во второй разъ и засталъ ее у постельки маленькаго Руфія. Дитя съ разбитой головой металось въ горячкѣ, мать облегчала его страданія съ отчаяніемъ и страхомъ въ сердцѣ, думая о томъ, что если она и спасеть его, то, быть можетъ, только для того, чтобы онъ, въ недалекомъ будущемъ, погибъ ужаснѣйшею смертью.

Будучи озабоченной собственнымъ горемъ, она не хотѣла даже и слушать о Виниціѣ и Лигіѣ, но Петроній поразилъ ее.

— Ты оскорбила, — сказалъ онъ, — новое, неизвѣстное тебѣ божество. Вѣдь ты, августва, чтить еврейскаго Іегову, но христіане доказываютъ, что Христось есть сынъ Его, тогда подумай, не преслѣдуетъ ли тебя гнѣвъ его отца. Кто знаетъ? То, что случилось съ тобою не есть-ли месть ихъ и жизнь Руфія не зависитъ-ли отъ того, какъ ты поступишь?

— Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлала? спросила пораженная Поппея.

— Ублажи гнѣвъ божества.

— Но какъ?

— Лигія больна. Повліяй на цезаря или Тигелина, чтобы ее выдали Виницію.

— Развѣ ты думаешь, что я могу это сдѣлать? спросила она въ отчаяніи:

— Тогда ты можешь сдѣлать, что либо иное. Когда Лигія выздоровѣетъ и должна будетъ идти на смерть, то поди въ храмъ Весты и устрой такъ, чтобы *virgo magna* какъ-бы случайно появилась около Туліанума въ тотъ моментъ, когда заключенныхъ

станутъ выводить на смерть, и приказала-бы освободить эту дѣвущку. Великая весталка не откажетъ тебѣ въ этомъ.

— А если Лигія умретъ въ горячкѣ?

— Христіане говорятъ, что хотя Христосъ мстителенъ, но справедливъ: быть можетъ, ты умилишь Его однимъ твоимъ желаніемъ сдѣлать добро.

— Пусть Онъ дастъ мнѣ какой либо знакъ, что Онъ исцѣлитъ моего Руфія.

Петроній пожалъ плечами.

— О, божественная! вѣдь я не пришелъ къ тебѣ въ качествѣ посла Его, а предлагаю только жить въ мирѣ со всѣми римскими и чужими богами.

— Хорошо, схожу! отвѣтила надломаннымъ голосомъ Поппея.

«Наконецъ то я, кажется, устроилъ дѣло!» подумалъ Петроній и, вернувшись къ Виницію, сказалъ ему:

— Проси своего Бога, чтобы Лигія не умерла отъ горячки, и тогда Великая весталка прикажетъ ее освободить. Сама августа будетъ ее объ этомъ просить.

Виницій посмотрѣлъ на него лихорадочно блѣстѣвшими глазами и отвѣтилъ:

— Ее освободитъ Христосъ.

Поппея, готовая для исцѣленія Руфія сжечь гекатомбы всѣмъ богамъ свѣта, въ тотъ же вечеръ отправилась на Форумъ къ весталкамъ, довѣривъ попеченіе надъ больнымъ ребенкомъ своей вѣрной нянькѣ, Сильвіи, которая нянчила и ее.

Но въ Палатинѣ ужъ состоялся приговоръ надъ ребенкомъ, и едва только носилки Поппеи скрылись за большими воротами, какъ въ комнату, въ которой спалъ маленькій Руфій, вошли двое отпущенниковъ цезаря: одинъ изъ нихъ бросился на старую Сильвію и заткнулъ ей ротъ, а другой, схвативъ мѣдную статуэтку Сфинкса, оглушил ее однимъ ударомъ. Потомъ оба подошли къ Руфію. Охваченный горячкой и находясь въ безпамятствѣ, мальчикъ не сознавалъ что вокругъ него дѣлается: онъ улыбался и шурилъ свои красивые глазки, какъ бы сляясь ихъ узнать. Но они, снявъ съ няньки поясъ, называемый «*circulum*», сдѣлали изъ него петлю и, набросивъ ее на шею малютки, затянули ее. Мальчикъ вскрикнулъ одинъ разъ «мама»! и тихо скончался. Послѣ этого они,

завернувъ его въ простыню и сѣвъ на приготовленныхъ коней, отправились въ Остію, гдѣ и бросили его тѣло въ море.

Поппея не застала могущественной весталки дома; она была вмѣстѣ съ другими у Ватинія, а потому скоро вернулась въ Палатинъ. Найдя пустую постельку сына и остывшее тѣло Сильвіи, она упала въ обморокъ, и когда ее привели въ чувство, то начала дико кричать, и такъ она кричала всю ночь и слѣдующій день.

Но на третій день цезарь приказалъ ей явиться на пиръ, Одѣвъ аметистовую туннику, она пришла въ триклиній и молча сидѣла съ окаменѣлымъ лицомъ, чудесная, но зловѣщая, какъ ангелъ смерти.

Конецъ восьмой части.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

До постройки Колизея Флавіями, большинство амфитеатровъ возводились деревянные и теперь всѣ они сгорѣли. Въ виду этого, Неронъ приказалъ построить нѣсколько новыхъ, между которыми—одинъ большой. Къ сооруженію этого послѣдняго, въ виду обѣщанныхъ зрѣлищъ, было приступлено тотчасъ по прекращеніи пожара. Для этой цѣли началась доставка крупнаго лѣса съ береговъ истока Атланта по морю и по Тибрю. Такъ какъ зрѣлища должны были отличаться какъ своею грандіозностью, такъ и количествомъ жертвъ, превышавшихъ всѣ прежнія зрѣлища, то для этой цѣли построили болѣе обширныя помѣщенія, какъ для людей, такъ и звѣрей. Тысячи разныхъ мастеровъ работали дни и ночи; строили и украшали безъ отдыха. Народъ рассказывалъ чудеса о барьерахъ, выложенныхъ и украшенныхъ бронзой, янтаремъ, слоновой костью, жемчужными и черепаховыми раковинами. Устроенные вдоль сидѣній водопроводы съ горной ключевой водой должны были поддерживать приятную прохладу даже въ самый сильный зной. Гигантскій пурпурный веларій защищалъ отъ солнечныхъ лучей. Между рядами скамеекъ поставлены кадилницы, для сожиганія на нихъ арабскихъ благовоній; вверху устроены аппараты-пульверизаторы, для спрыскиванія шафранной и вервенной жидкостью зрителей. Извѣстные архитекторы Северъ и Целлеръ употребили все свое знаніе, чтобы построить небывалый амфитеатръ, въ которомъ должно было помѣ-

ститься столько людей, сколько их помѣщалось во всѣхъ циркахъ заразъ.

Въ день, предназначенный для начала «*ludus matutinus*», толпы черни ожидали до свѣта открытія воротъ, вслушиваясь съ наслажденіемъ въ рыканье львовъ, хрипящій ревъ пантеръ и вытье собакъ. Всѣмъ звѣрямъ ужъ двое сутокъ не давали ѣсть, а только проносили мимо ихъ носовъ окровавленные куски мяса для возбужденія въ нихъ большей лютости и раздраженія аппетита. По временамъ, начинался такой дикій звѣриный концертъ, что нельзя было говорить, и люди, стоявшіе у стѣнъ цирка, блѣднѣли отъ страха. вмѣстѣ съ восходомъ солнца, внутри цирка раздалось величественное, но спокойное пѣніе, которое слушали окружающіе циркъ съ большимъ удивленіемъ; между народомъ послышались возгласы: «христіане! христіане!» Дѣйствительно, то были христіане, многочисленныя отряды которыхъ были пригнаны ночью изъ разныхъ тюремъ. Всѣ знали, что зрѣлища продолжатся недѣли и мѣсяцы, но между ожидающими произошелъ споръ, справятся-ли съ этою частью, назначенною на сегодня, христіанъ въ одинъ день. А между тѣмъ голоса мужскіе, женскіе и дѣтскіе пѣли утреннюю пѣснь. Ихъ было такъ много, что еслибъ на арену высылали по сто или двѣсти человѣкъ за разъ, то звѣрье измучится, нажрется и не успѣетъ до вечера разорвать всѣхъ. Многіе говорили, что большое количество жертвъ, одновременно выпущенныхъ на арену, разбрасываетъ вниманіе и не даетъ достаточно насладиться однимъ какимъ-либо зрѣлищемъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалась минута открытія корридоровъ, ведущихъ внутрь, въ такъ называемые *вомиторіа*²⁴⁹), народъ оживлялся, разсуждалъ и спорилъ о разныхъ вещахъ, касающихся зрѣлищъ. Въ виду этого, начали составляться партіи сторонниковъ, державшихъ пари за львовъ и тигровъ, кто изъ нихъ способнѣе раздирать людей. Многіе говорили о гладиаторахъ, которые должны состязаться на аренѣ съ христіанами. Здѣсь тоже составлялись сторонники изъ самнитовъ, галловъ, мирмиллоновъ, траковъ и другихъ. Еще раннимъ утромъ они ужъ начали появляться большими и малыми отрядами, подъ предводительствомъ опытныхъ ланистовъ. Не желая преждевременно мучить себя, они шли безъ оружія, одни совѣмъ нагіе, другіе — съ зелеными вѣтками въ рукахъ или въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, молодые, красивые и преисполненные жизни.

Упругія тѣла ихъ, точно изваянныя изъ мрамора, блестѣли отъ масла и приводили въ восторгъ любителей атлетики. Нѣкоторые изъ нихъ были извѣстны, такъ какъ народъ называлъ ихъ по именамъ: «Здравствуй, Фурній! здравствуй, Лео, Максимъ, Діомедъ!»— раздавалось въ толпѣ. Молодыя дѣвушки смотрѣли на нихъ влюбленными глазами, а гладиаторы высматривали себѣ по красивѣе, посылали имъ воздушные поцѣлун или обращались къ нимъ съ шутками, крича: «обними, пока смерть не обниметъ насъ!» И они исчезали въ воротахъ, изъ которыхъ ужъ не было выхода.

Однако, вниманіе народа обращалось еще и другими видами: за гладиаторами шли мастигифоры, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за правильностью игры и поощрять бичемъ состязателей. Послѣ нихъ шли мулы въ сторону споліарія²⁵⁰) цѣлыми вереницами, везя громадныя возы деревянныхъ гробовъ. Народъ радовался и вылъ отъ удовольствія, заключая по количеству гробовъ объ интересѣ зрѣлищъ. Послѣ нихъ шли люди для добыванія раненыхъ, одѣтые на подобіе Харона или Меркурія²⁵³); затѣмъ шли люди для наблюденій за порядками въ циркахъ, распредѣляющіе мѣста для публики; потомъ рабы—для разноски кушаній и прохладительныхъ напитковъ; наконецъ преторіанцы, которые у каждаго цезаря всегда находились подъ рукою.

Но, вотъ, открыли vomitorіи и толпы бросились въ середину. Но народу было такое множество, что онъ шелъ цѣлыми часами безъ конца, такъ что невольно приходилось удивляться, что амфитеатръ можетъ вмѣстить такое громадное количество черни. Рыканье и ревъ звѣрей усилился при наплывѣ народа, выдѣлявшаго изъ себя испаренія. Въ циркѣ при занятій мѣстѣ шумѣло, точно во время грозы.

Наконецъ, появился городской префектъ въ сопровожденіи вигилей, а послѣ него, непрерывной вереницей, начали подносить паланкины сенаторовъ, консуловъ, преторовъ, эдиловъ²⁵²), общественныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ, преторіанскихъ старшинъ, патриціевъ и изящныхъ женщинъ. Нѣкоторыя носилки сопровождали ликторы²⁵³), несшіе топоры среди пучковъ розокъ; а иные—только толпы рабовъ. На солнцѣ блестѣли и переливались золоченыя носилки, бѣлыя и разноцвѣтныя платья, перья, серьги, драгоценныя камни и стальные топоры. Изъ цирка наружу доносился крикъ, которымъ народъ привѣтствовалъ могущественныхъ сановниковъ. Отъ времени до времени подходили не большіе отряды преторіанцевъ.

Жрецы изъ разныхъ храмовъ прибыли нѣсколько позже; за ними несли священныхъ дѣвъ Весты, сопровождаемыхъ ликторами. Теперь только ожидали цезаря, который тоже не заставилъ себя долго ждать. Этою своею поспѣшностью, онъ хотѣлъ расположить чернь въ свою пользу, а потому прибылъ безъ проволочки, въ сопровожденіи августы и августіановъ.

Петроній прибылъ вмѣстѣ съ прочими августіанами, въ однихъ носилкахъ съ Виниціемъ, который, хотъ и зналъ, что Лигія больна и въ безпамятствѣ, однако не былъ увѣренъ, что ее нѣтъ среди жертвъ, предназначенныхъ на первый день зрѣлищъ. Въ послѣдніе дни доступъ въ тюрьмы строжайше былъ воспрещенъ, тѣмъ больше, что прежній караулъ былъ смѣненъ новымъ, которому было запрещено разговаривать даже съ сторожами, какъ равно послѣднимъ— бесѣдовать съ посѣтителями, приходившими справляться о заключенныхъ. Конечно, лвамъ на съѣденіе могли послать и больныхъ, но такъ какъ всѣ жертвы были обшиты звѣриними шкурами и высылаемы громадными толпами на арену, поэтому никто изъ зрителей не могъ провѣрить, больше или меньше въ извѣстной толпѣ однимъ человѣкомъ, а тѣмъ паче—узнать его. Всѣ сторожа и тюремщики были подкуплены, какъ равно была подкуплена цирковая прислуга, а также и бестіаріи, съ которыми былъ заключенъ договоръ, чтобъ они скрывали Лигію въ какомъ нибудь темномъ уголкѣ амфитеатра, а затѣмъ, ночью, выдали ее одному изъ арендаторовъ Виниціевыхъ виллъ, который и долженъ былъ увезти ее въ Албанскія горы. Петроній, посвященный въ эту тайну, посовѣтовалъ племяннику, чтобъ онъ открыто отправился въ амфитеатръ и, при входѣ въ него, пробрался черезъ толпы и проникъ въ подземелье, въ которомъ, во избѣжаніе ошибки сторожей,—указаль-бы нимъ Лигію.

Сторожа впустили его чрезъ маленькія дверцы, чрезъ которыя входили сами. Одинъ изъ нихъ, нѣкій Сира, повелъ его къ христіанамъ и по дорогѣ сказалъ:

— Не знаю, господинъ, отыщешь-ли ту, которую ищешь. Мы ужъ спрашивали всѣхъ о дѣвушкѣ Лигіѣ, но намъ никто не отвѣтилъ... Впрочемъ, это быть можетъ потому, что намъ не довѣряютъ.

— А много ихъ? спросилъ Виницій.

— Да; и многіе должны остаться на завтра.

— Есть между ними больные?

— Такихъ нѣтъ, которые не могли бы стоять на ногахъ.

Причемъ Сира отперъ дверь и они вошли въ большую низкую и темную избу, свѣтъ въ которую проникалъ только чрезъ рѣшетки въ отверстіяхъ со стороны арены. Сначала Виницій не могъ ничего разглядѣть и только слышалъ говоръ людей и крикъ, доходившій изъ амфитеатра. Но когда его глаза привыкли къ темнотѣ, онъ увидѣлъ толпы странныхъ существъ, въ видѣ волковъ и медвѣдей: то были христіане, обшитые въ звѣриныя шкуры. Одни изъ нихъ стояли, другіе молились на колѣняхъ. По длиннымъ волосамъ, разсыпаннымъ и ниспадавшимъ по шкурамъ, можно было узнать женщинъ. Матери, уподобленныя волчицамъ и медвѣдицамъ, держали на рукахъ обшитыхъ въ косматую шкуру дѣтей. Однако изъ подъ этихъ шкуръ виднѣлись свѣтлыя лица и глаза, блестящіе лихорадочнымъ огнемъ радости. Видно было, что большинствомъ этихъ людей овладѣвала исключительная, не земная мысль, которая заранѣе обезчувствовала ихъ ко всему, что происходило или что должно было произойти вокругъ нихъ. Нѣкоторые, спрошенные о Лигіѣ, какъ бы спросонокъ смотрѣли на Виниція и не отвѣчали на вопросы; иные улыбались ему и, положивъ палецъ на губы, указывали на желѣзныя рѣшетки, чрезъ которыя врывались лучи свѣта. Мѣстами, слышенъ былъ плачь дѣтей, испуганныхъ рыканьемъ звѣрей, воемъ собакъ, шумомъ людей и лохматыми фигурами собственныхъ родителей.

Виницій, проходя рядомъ съ сторожемъ Сиромъ, всматривался въ лица, искалъ и спрашивалъ о Лигіѣ, поминутно спотыкаясь на тѣла лицъ, обомлѣвшихъ въ этомъ натискѣ отъ удручиваго воздуха и жары.

Наконецъ онъ протолкался въ глубину темной избы, которая казалась на столько обширной, какъ весь амфитеатръ, и вдругъ остановился: ему показалось, что онъ слышитъ знакомый голосъ, который отозвался вблизи рѣшетки. Онъ прислушался, повернулъ въ ту сторону и, протиснувшись чрезъ толпу, остановился вблизи говорившаго, на голову которого падалъ лучъ свѣта. Благодаря ему, Виницій узналъ въ волчьей шкурѣ исхудалое, но неумолимое лицо Криспа.

— Кайтесь и сожалѣйте о грѣхахъ вашихъ! говорилъ онъ, — ибо пробилъ часъ вашъ. Но кто думаетъ, что смертію своею искупить всѣ прегрѣшенія, тотъ дважды грѣшитъ и будетъ низвер-

гнуть въ огонь вѣчный, ибо, каждымъ прегрѣшеніемъ вы бередите раны Спасителя!.. Посему, не мните, что смерть, ожидающая васъ, можетъ искупить ваши грѣхи вольные и невольные. Одинаковою смертию умрутъ сегодня праведники и грѣшники, но Господь отличить своихъ. Горе вамъ! ибо клыки звѣрей растерзаютъ тѣла ваши, но не прегрѣшенія и расчеты съ Богомъ, Который оказалъ достаточно Своего милосердія, позволивъ Себя распять на крестѣ; но отнынѣ Онъ будетъ грознымъ судіей и не оставитъ ни одной вины безъ достойнаго наказанія... Итакъ, тѣ, кто думаетъ, что мученіями искупитъ свои прегрѣшенія, — богохульствуетъ противъ милостей Божіихъ и за это будетъ жестоко наказанъ. Окончилось милосердіе и настала часъ гнѣва Божія: чрезъ минуту всѣ вы предстанете на страшный судъ, на которомъ задрожать и праведники. Кайтесь и сожалѣйте о грѣхахъ вашихъ: ибо раскрылись адскія челюсти и горе вамъ мужья и жены; горе родители и дѣти!..

И Криспъ протянулъ свои костлявыя руки и жестикулировалъ ими надъ преклоненными передъ нимъ главами, неустрашимо и неумолимо даже въ виду смерти, которою чрезъ нѣсколько минутъ должны были умереть всѣ эти приговоренные.

По окончаніи имъ этой строгой рѣчи, отовсюду послышались голоса: «Каемся въ грѣхахъ нашихъ!» и затѣмъ опять настало молчаніе, во время котораго можно было отличить удары кулаками о грудь, да, по временамъ, плачь какого-нибудь ребенка.

У Виниція кровь застыла въ жилахъ. Онъ, полагавшій всю надежду и упованіе на милосердіе Христа, вдругъ услышалъ, что насталъ день гнѣва и что даже смерть на аренѣ не умилостивитъ Его. Но въ то-же время у него мелькнула мысль, что апостоль Петръ иначе говорилъ бы съ приговоренными. Тѣмъ не менѣе, грозныя слова Криспа, преисполненные горечи и фанатизма; эта темная изба съ желѣзными рѣшетками, за которыми виднѣлась арена мученій и смерти, и наконецъ близость къ нему жертвъ, приготовившихся умереть, произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Ему показалось все, вмѣстѣ взятое, во сто разъ ужаснѣе тѣхъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Духота и жара подземелья начали душить его: онъ задыхался и холодный потъ обливалъ его лицо и лобъ. Онъ боялся упасть въ обморокъ, какъ падали тѣ, о тѣла которыхъ онъ спотыкался, — искавши въ глубинѣ подземелья дѣвушки. Подумавъ, что рабы каждую минуту

могутъ открыть рѣшетки и погнать христіанъ на арену, онъ громко началъ звать Урса и Лигію, въ надеждѣ, что если не они, то кто либо изъ христіанъ отвѣтитъ ему. И онъ не ошибся: какой-то челоуѣкъ, одѣтый по медвѣжьи, прикоснулся къ его тогѣ и отозвался:

— Она осталась въ тюрьмѣ, господинъ! Меня вывели оттуда послѣднимъ и я видѣлъ ее больною на постели.

— Кто ты? спросилъ Виницій.

— Могильщикъ, въ избѣ котораго тебя крестили. Меня арестовали три дня тому назадъ и я сегодня умру.

Виницій вздохнулъ свободнѣй. Входя сюда, онъ разчитывалъ найти Лигію, но теперь готовъ былъ возблагодарить Бога, что не засталъ ее, и въ этомъ онъ позналъ Божіе милосердіе надъ нимъ.

Между тѣмъ могильщикъ потянулъ его еще разъ за тогу и прибавилъ:

— Помнишь, господинъ, какъ я приводилъ тебя въ Корнелевскій виноградникъ, въ которомъ поучалъ Петръ?

— Помню, отвѣтилъ Виницій.

— Я видѣлъ его за день до моего ареста: онъ благословилъ меня и сказалъ, что придетъ въ амфитатръ благословить приговоренныхъ. Мнѣ хочется смотрѣть на него въ моментъ смерти и видѣть его благословеніе: тогда мнѣ будетъ легче умереть, и если ты знаешь, господинъ, гдѣ онъ, то скажи мнѣ.

— Онъ находится между рабами Петронія, шопотомъ отвѣтилъ ему Виницій,—въ одеждѣ невольника. Я не знаю, гдѣ они выбрали для себя мѣсто, но, вернувшись въ циркъ, я посмотрю... Ты только смотри на меня, а я встану и повернусь въ ихъ сторону. Тогда ты легко отыщешь его глазами.

— Благодарю и миръ съ тобою, господинъ.

— И съ тобою! Пусть надъ тобою смиляется Спаситель.

— Аминь!

Виницій ушелъ изъ «куникулюма» и вошелъ въ циркъ, гдѣ у него было мѣсто подлѣ Петронія, среди августіанъ.

— Ну, что?.. Есть? спросилъ Петроній.

— Нѣтъ, осталась въ тюрьмѣ.

— Послушай, что мнѣ пришло въ голову и, слушая, смотри хоть на Нигиду: пусть думаетъ, что мы говоримъ о ея прическѣ... Тигелинъ и Хилонъ тоже смотрятъ на насъ... Но ты слушай:

пусть Лигію положить въ гробъ и ночью унесутъ изъ тюрьмы, а остальное, надѣюсь, ты самъ догадаешься.

— Да, отвѣтилъ Виницій.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ былъ прерванъ Туліемъ Сенеціемъ, который, нагнувшись къ нимъ, спросилъ:

— Не знаете-ли, дадутъ-ли христіанамъ оружіе?

— Нѣтъ, не знаемъ, отвѣтилъ Петроній.

— Лучше-бы дали; иначе арена скоро превратится въ бойню... Однако, какой роскошный амфитеатръ.

И, въ самомъ дѣлѣ, амфитеатръ имѣлъ величественный видъ, Нижнія мѣста, набитыя тогами, бѣлѣли какъ снѣгъ. На вызолоченномъ подіумѣ²⁵⁴) сидѣлъ самъ цезарь въ брилліантовомъ ожерельи и золотомъ вѣнкѣ; рядомъ съ нимъ сидѣла красивая, но печальная Поппея, а по сторонамъ ихъ расположились весталки, первѣйшіе соновники, сенаторы въ окаймленныхъ плащахъ, военные старшины въ блестящемъ вооруженіи и одеждѣ; словомъ тамъ было все могущественное, изящное и богатое. Въ дальнѣйшихъ рядахъ сидѣли рыцари, а выше—чернѣлось море человѣческихъ головъ, надъ которыми, отъ столба къ столбу, свѣшивались гирлянды изъ розъ, лилій, плюща и винограда.

Народъ громко разговаривалъ, перекликался, пѣлъ, а иногда раздражался смѣхомъ надъ какимъ нибудь остроумнымъ словомъ, передаваемымъ изъ ряда въ рядъ, и стучалъ ногами, чтобы скорѣе начать игры.

Наконецъ этотъ стукъ превратился въ настоящій громъ. Въ виду требованія публики, префектъ города, объѣхавшій ужъ съ своей блестящей свитой вокругъ арены, махнулъ платкомъ. По этому знаку въ амфитеатрѣ раздалось общее: <а-а-а!> наконецъ-то!

Обыкновенно, зрѣлища начинались охотой на дикихъ звѣрей, въ которыхъ стрѣляли разные сѣверные и южные варвары; но на этотъ разъ звѣрей было черезчуръ много, а потому начали съ <андабатовъ>, то есть людей, одѣтыхъ въ глухіе шлемы, безъ отверстій для глазъ и бьющихся наобумъ. Выйдя на арену, они начали размахивать мечами въ воздухъ; мастигоры, вооруженные длинными вилами, подвигали ихъ одного къ другому, чтобы они встрѣтились. Болѣе умные зрители смотрѣли на эту игру равнодушно и даже съ презрѣніемъ, но народъ забавляли неуклюжія движенія гладіаторовъ,

и когда послѣдніе встрѣчались плечами, раздражался смѣхомъ и кричалъ: «вправо!» «влѣво!» «прямо!» умышленно сбивая противниковъ. Однако, нѣсколько паръ сцѣпились и началась кровопролитная борьба. Ярсе соперники бросали щиты, подавали другъ другу лѣвыя руки, чтобы ужъ больше не расходиться, и правыми дрались на смерть. Кто первый упалъ, тотъ поднималъ пальцы вверхъ, умоляя этимъ знакомъ пощадить; но вначалѣ зрѣлищъ народъ, по обыкновенію, требовалъ смерти раненыхъ, тѣмъ больше если дѣло касалось андабатовъ, у которыхъ лица были закрыты и оставались неузнаваемыми. Мало по малу, число состязавшихся уменьшалось, и когда ихъ осталось только двое, ихъ толкнули другъ на друга, такъ что они, встрѣтаясь, скоро упали на песокъ, проколовъ другъ друга. Послѣ криковъ: «peractum est»²⁵⁵), цирковые служители убрали трупы, юноши сравняли граблями мѣста борьбы и, засыпавъ кровавыя пятна пескомъ, присыпали ихъ шафранными листьями.

Послѣ этого должна была произойти борьба, интересующая не только чернь, но и благородныхъ людей, во время которой молодые патриціи, ставя громадныя пари, проигрывались до нитки. Въ ожиданіи начала состязаній, по рукамъ заходили таблетки, на которыхъ писались имена любимцевъ и сумма сестерцій, которая ставилась за избраннаго. Spectati, то есть, соперники, выступавшіе ужъ на аренахъ и побѣждавшіе на ней, имѣли больше другихъ своихъ приверженцевъ; но между народомъ были и такіе, которые ставили значительныя суммы за новыхъ гладіаторовъ, еще никому не извѣстныхъ въ надеждѣ, что они, въ случаѣ побѣды, случайно могутъ выиграть крупныя куши: это былъ своего рода тотализаторъ, въ который играли самъ цезарь, жрецы, весталки, сенаторы, военные и народъ. Чернь, въ случаѣ проигрыша или недостачи денегъ, ставила въ закладъ свою свободу, поэтому всѣ ждали съ бьющимися сердцами и даже тревогой, когда появятся состязатели, и не одинъ дѣлалъ обѣты богамъ, чтобы они ниспослали побѣду избранному ими любимцу.

Вскорѣ въ циркѣ раздались пронзительныя звуки трубъ и всѣ умолкли въ ожиданіи. Тысячи глазъ обратились къ большимъ воротамъ, къ которымъ подошелъ человекъ, одѣтый Харономъ, и, среди всеобщаго молчанія, троекратно стукнулъ въ нихъ молоткомъ, какъ-бы вызывая на смерть лицъ, скрывшихся за ними. Послѣ этого, обѣ половины воротъ медленно отворились, образовавъ чер-

ную часть, изъ которой начали выходить гладіаторы на ярко освѣщенную солнцемъ арену. Они шли отрядами по двадцатипяти чело-вѣкъ: отдѣльно—траки, отдѣльно мирмиллоны, самниты, галлы. Всѣ они были тяжело вооружены. За ними вышли ретіаріи²⁵⁶), державшіе въ одной рукѣ сѣть, а въ другой—трезубецъ. При выходѣ этихъ послѣднихъ, мѣстами раздались аплодисменты, превратившіеся за тѣмъ въ одинъ общій раскатъ грома. Съ верху до низу видны были покраснѣвшія лица, хлопающія руки и открытые рты, изъ которыхъ вырывались безконечные восторженные крики.

Между тѣмъ они обошли всю арену ровными и твердыми шагами, мелькая мечами и богатымъ вооруженіемъ, и гордо, но спокойно остановились передъ цезарскимъ подіумомъ. Пронзительный звукъ рога усмирилъ крики и аплодисменты; состязатели подняли правыя руки и глаза къ цезарю и зашѣли протяжнымъ голосомъ:

„Ave; caesar imperator!
Morituri te salutant! *).

Послѣ этого они быстро раздвинулись и заняли отдѣльныя мѣста въ кругу арены. Предположено было состязаніе по отрядно, но прежде дозволили болѣе извѣстнымъ гладіаторамъ сразиться въ одиночной борьбѣ, въ которой можно было проявить свою силу, ловкость и отвагу. Тотчасъ изъ отряда галловъ вышелъ одинъ гладіаторъ, любимецъ всего цирка и извѣстный подъ именемъ «Рѣзника» (Ланій), который отличался во многихъ состязаніяхъ и оставался побѣдителемъ. Будучи въ большомъ шлемѣ на головѣ и въ панцирѣ, обтягивающемъ вплотную его могучую грудь и спину, онъ выглядѣлъ на желтой аренѣ, какъ гигантскій блестящій жукъ. Противъ него выступилъ не менѣе извѣстный ретіарій Календіо. Между зрителями начали держать пари:

— Пятьсотъ сестерцій за галла!

— Пятьсотъ за Календіо!

— Тысячу!

— Двѣ тысячи!

Между тѣмъ галлъ, дойдя до середины арены, подставилъ мечъ и началъ отступать, сгибая голову и внимательно смотря на противника чрезъ отверстія въ забралѣ; а легкій, точно вычеканенный во всѣхъ чертахъ своего тѣла ретіарій, весь нагій, только съ опояскою на бедрахъ, началъ кружиться около тяжеловѣснаго противника,

ловко взмахивая сѣтью, нагибая или приподнимая трезубецъ и напѣвая обыкновенную пѣсенку ретиаріевъ:

„Non te peto, piscem peto,
Quid me fugi, Galle *).“

Но галлъ не пятился. Остановившись на мѣстѣ, онъ только сталъ повертываться незначительными полуоборотами, такъ чтобы всегда держать противъ себя противника. Въ его фигурѣ и чудовищно большой головѣ было нѣчто ужасное. Зрители отлично понимали, что этотъ тяжелый и закованный въ мѣдъ человекъ готовится къ внезапному нападенію, которое рѣшить бой. Между тѣмъ ретиарій то подскакивалъ къ нему, то отскакивалъ, дѣлая своими трезубцами движенія до того быстрыя, что зрители не успѣвали слѣдить за ними. Удары зубцовъ о щитъ раздались ужъ нѣсколько разъ, но галлъ стоялъ на мѣстѣ, какъ дубъ, доказывая свою непоколебимость и колоссальную силу. Все его вниманіе казалось было сосредоточено не на трезубцѣ, а на сѣти, которая постоянно кружилась надъ его головою, какъ зловѣщая птица. Зрители затаили дыханіе и слѣдили за мастерской игрою гладиаторовъ.

Наконецъ Ланіо, увидивъ удобный моментъ, бросился на противника, но послѣдній съ такою же быстротою прошмыгнулъ подъ его мечемъ въ поднятой рукѣ, выпрямился и бросилъ на него сѣть. Галлъ, повернувшись на мѣстѣ, удержалъ ее щитомъ и оба отскочили. Въ амфитеатрѣ раздались голоса: «Macte!» и въ нижнихъ рядахъ начали держать новыя пари. Самъ цезарь, разговаривавшій съ весталкой Рубріей и не обращавшій вниманія на состязателей, теперь повернулся къ аренѣ.

Противники продолжали борьбу такъ искусно и съ такою ловкостью, точностью и аккуратностью въ движеніяхъ, что какъ будто дѣло шло не о жизни и смерти, а объ отличіи и показѣ своихъ способностей. Ланіо, вывернувшись еще два раза изъ сѣти, началъ опять отступать въ кругъ арены. Въ это время, державшіе противъ него пари, не желая, чтобы онъ отдыхалъ, начали кричать: «напри!» Галлъ послушался и сталъ напирать и вдругъ плечо ретиарія обогрилось кровью и сѣть повисла. Ланіо нагнулся и прыгнулъ къ нему, съ цѣлю нанести ему послѣдній ударъ; но въ тотъ же моментъ Календіо, который притворился, что ужъ не можетъ дѣйствовать сѣтью, отскочилъ въ сторону, отразилъ ударъ и, ткнувъ трезубцемъ между колѣнъ противника, свалилъ его.

He mede ...

Ланіо хотѣлъ вскочить, но въ моментъ былъ спеленатъ роковою сѣтью, въ которой онъ, за каждыиъ движеніемъ, все больше запутывалъ руки и ноги, между тѣмъ какъ трезубецъ дѣлалъ свое дѣло и пригваждивалъ его къ землѣ. Ланіо употребилъ послѣднее усиліе подняться, оперся на локоть, приподнялъ ослабѣвшую руку къ головѣ и упалъ ужъ навзничъ. Календіо прижалъ зубцами вильшею его къ землѣ и, опершись обѣими руками на рукояти, повернулся къ цезарской ложѣ.

Весь циркъ задрожалъ отъ аплодисментовъ и криковъ. Для тѣхъ, кто держалъ пари за Календіо, въ настоящій моментъ онъ былъ выше цезаря; но они сочувственно отнеслись и къ Ланіо, который, цѣною своей жизни, наполнилъ ихъ карманы. Тѣмъ не менѣе, требованія народа раздѣлились: на всѣхъ скамьяхъ появились наполовину знаки смерти и наполовину — пощады. Но побѣдитель продолжалъ смотрѣть въ ложу цезаря и весталокъ, ожидая, какъ они рѣшатъ.

Къ несчастью, Неронъ не любилъ Ланіо, такъ какъ на послѣднихъ играхъ передъ пожаромъ, онъ проигралъ изъ-за него значительную сумму Липинію, а потому, высунувъ руку изъ ложи, онъ ткнулъ большимъ пальцемъ къ землѣ.

Весталки тотчасъ повторили этотъ знакъ, и Календіо, ставъ на колѣни на грудь гадла, вынулъ короткій ножъ изъ-за пояса и, отогнувъ панцырь у шеи противника, всадилъ трехгранный ножъ по рукоятку въ горло.

— *Peractum est!*.. раздалось по всему цирку.

Ланіо конвульсивно скорчился, какъ зарѣзанный быкъ, покопалъ землю ногами, потомъ вытянулся въ струнку и остался безъ движенія.

Здѣсь ужъ Меркурію не приходилось провѣрять калоннымъ желѣзомъ, живъ ли онъ или умеръ. Его тотчасъ убрали, а затѣмъ выпустили другія пары и наконецъ закипѣлъ бой цѣлыми отрядами. Народъ принималъ въ немъ участіе душою, сердцемъ и глазами: онъ вылъ, ревелъ, свисталъ, хлопалъ, смѣялся, подстрекалъ и бѣсился. На аренѣ отряды раздѣлились надвое и дрались съ азартомъ дней звѣрей: гладиаторы ударялись грудь о грудь, тѣла обнимались въ смертельныхъ объятыхъ, члены трещали въ суставахъ, мечи утопали въ грудяхъ и брюхахъ и поблѣднѣвшія губы обагрjali кровью песока. Нѣсколько новичковъ, испугавшись такой рѣзни и вырвав-

шись изъ этого омута, начали убѣгать съ арены, но мастигифоры опять загнали ихъ въ общую свалку кнѣтьями съ оловянными накопечниками. На пескѣ образовались кровяныя лужи; нагія и вооруженныя тѣла лежали, точно снопя, влокать. Оставшіеся въ живыхъ дрались на трупахъ: они спотыкались, ибплялись за щиты, окровавливали ноги поломаннымъ оружіемъ и падали. Народъ безумствовалъ и бѣсился отъ радости, пьянѣлъ отъ крови и смерти, дышалъ ею, наслаждался и втягивалъ въ легкія ея испаренія.

Наконецъ, побѣжденные легли почти все и только нѣсколько человѣкъ раненыхъ стали на колѣни посерединѣ цирка и, вознеся руки къ зрителямъ, молили о пощадѣ. Побѣдителямъ были розданы награды: вѣнки и оливковыя вѣтки. Послѣ этого насталь часъ отдыха, который, по приказанію всемогущаго цезаря, превратился въ пиръ. Кропильщики опрыскивали народъ шафрановою и фіалковою водою; въ вазахъ воскурились благовонія. Рабы начали разносить прохладительныя яства, жареное мясо, пирожное, вино, оливки и фрукты. Народъ все пожиралъ, разговаривалъ и кричалъ въ честь цезаря, чтобы расположить его къ щедрости. ^а

Послѣ того, какъ народъ удовлетворилъ голодь и жажду, сотни рабовъ внесли на арену корзины съ различными подарками. Мальчики, одѣтые амурами, вынимали изъ нихъ разные предметы и бросали ихъ обѣими руками въ народъ. Въ моментъ, когда начали раздавать лотерейныя тессеры, произошла драка: люди толпились, толкались, топтали другъ друга, молили о спасеніи, перескакивали чрезъ ряды скамеекъ и задыхались въ ужасной тѣснотѣ. Кому счастье улыбалось, то онъ получалъ счастливый номеръ, на который могъ выиграть домъ съ садомъ, невольника, прекрасную одежду или какого-нибудь особеннаго звѣря, котораго затѣмъ продавалъ въ амфитеатръ. Въ виду этого, происходила страшная давка, такъ что преторіанцы должны были возстановлять порядокъ. Послѣ каждой подобной раздачи, изъ цирка выносили людей съ поломанными руками, ногами и даже задавленными на смерть.

Разумѣется, богатые не принимали участія въ битвѣ за тессеры. Августіане забавлялись на этотъ разъ созерцаніемъ Хилона и наемѣшками надъ его тщетными усиліями доказать, что онъ можетъ свободно смотрѣть на пролитіе крови. И напрасно несчастный грекъ морщилъ брови, закусывалъ губы и сжималъ кулаки, такъ что ногти впивались въ ладони, но его греческая натура и врожденная тру-

сость не выносили такихъ зрѣлищъ. Онъ поблѣднѣлъ, на лбу выступили крупныя капли пота, губы посинѣли, глаза провалились, зубы стучали и по всему тѣлу бѣгали мурашки. По окончаніи гладіаторской борьбы, онъ отчасти пришелъ въ себя и успокоился, но когда всѣ взяли его «на зубокъ» и начали смѣяться надъ нимъ, онъ взбѣсилея и сталъ отгрызаться.

— А, грекъ! неприятеъ тебѣ видѣ разорванной человѣческой шкуры! сказалъ Ватиній, дергая его за бороду.

Хилонъ оскалилъ на него свои два послѣдніе пожелтѣвшіе зуба и мѣтко отвѣтилъ:

— Мой отецъ, не былъ сапожникомъ и не научилъ меня ни штопать, ни шивать.

— *Macte! habet!* воскликнули нѣкоторые.

— Да вѣдь чѣмъ онъ виноватъ, что у него вмѣсто сердца въ груди кусокъ сыру! воскликнулъ Сеней.

— Конечно, не ты виноватъ, что у тебя вмѣсто головы, бычій пузырь, возразилъ Хилонъ.

— Не желаешь-ли поступить въ гладіаторы?.. Ты прекрасно-бы выглядѣлъ съ сѣтью въ рукахъ на аренѣ...

— И еслибъ поймалъ въ нее тебя, то значить поймалъ бы смердящаго дурня.

— Ну, а какъ-же насчетъ христіанъ? спросилъ Фестій изъ Лигуріи.— Не пожелаешь-ли превратиться въ пса и кусать ихъ?

— Нѣтъ, я не хочу быть твоимъ братомъ.

— Ахъ, ты меоскій трутень!

— А ты лигурійскій мулъ!

— Видно, у тебя чешется спина; но я не совѣтую тебѣ просить меня почесать ее.

— Почеши свое лицо, и если счешешь всѣ прыщи, то лишишься того, что у тебя есть лучшаго.

Такимъ образомъ, они нападали на него, а онъ ядовито отражалъ удары при общемъ смѣхѣ. Цезарь аплодировалъ и, повторяя: «*Macte!*»—подстрекалъ пикирующихъ. Черезъ нѣкоторое время къ нему подошелъ Петроній и, дотропувшись до плеча грека палкой изъ слоновой кости, холодно сказалъ:

— Все это хорошо, философъ, но ты въ одномъ ошибся: боги создали тебя плутомъ, а ты сдѣлался демономъ, а потому—не выдержишь!..

Грекъ посмотрѣлъ на него своими покраснѣвшими глазами и на этотъ разъ не нашелся отвѣтить. Онъ молчалъ и потомъ ужъ какъ будто съ усиленіемъ произнесъ:

— Выдержу!..

Въ это время раздались звуки трубъ, оповѣщающіе, что антрактъ кончился. Люди, стоявшіе въ проходахъ между скамьями и разговаривавшіе между собою, начали занимать свои мѣста. Начались обыкновенныя ссоры изъ-за нихъ. Каждый хотѣлъ попасть на прежнее мѣсто. Сенаторы и патриціи тоже усѣлись и въ амфитеатръ постепенно возстановлялся порядокъ. На аренѣ появилось еще нѣсколько челоуѣкъ, чтобы разграбить и закрыть пескомъ кое-гдѣ оставшіеся слѣды запекшейся крови.

Приходила очередь христіанъ. Но такъ какъ это было новое и никогда еще невиданное зрѣлище, то народъ не зналъ, какъ они будутъ держать себя на аренѣ и ожидалъ съ большимъ интересомъ и любопытствомъ, что будетъ. Настроеніе черни было сосредоточенное и недружелюбное: всѣ ожидали необыкновенныхъ сценъ, потому что эти люди сожгли Римъ и всѣ его сокровища. Вѣдь они пили кровью дѣтей, отравляли воду, проклинали челоуѣчество и допускали себя до самыхъ ужасныхъ преступленій. Для народа, который кипѣлъ ненавистью и мстью было мало ожидаемой кары, и если имъ овладѣвали какія опасенія, то развѣ только заключавшіяся въ томъ, что будутъ-ли достаточны для нихъ тѣ муки, которыя предназначены, и удовлетворять ли онѣ народъ за преступленія, содѣянные приговоренными къ смерти.

А между тѣмъ солнце ужъ поднялось высоко и его лучи, проникая чрезъ пурпурный веларіумъ, освѣщали амфитеатръ кровавымъ свѣтомъ. Песокъ окрасился огненнымъ цвѣтомъ, и въ этой окраскѣ, и въ лицахъ, и въ самой аренѣ, которая сейчасъ переполнится народомъ и звѣрями,—было нѣчто поражающее и ужасное. Казалось, что въ воздухѣ носится смерть. Народъ, по обыкновенію веселый, какъ будто замеръ подъ вліяніемъ ненависти и молчанія. Они были раздражены.

Наконецъ, префектъ далъ знакъ: опять появился старикъ, одѣтый Харономъ и вызывавшій на смерть гладіаторовъ. Пройдя медленными шагами чрезъ всю арену среди глухой тишины, онъ опять постучалъ три раза молоткомъ въ ворота и по всему амфитеатру пробѣжалъ рокотъ:

— Христіане! христіане!..

Заскрипѣли желѣзныя рѣшетки; въ темныхъ отверстіяхъ раздались обычные крики мастифоровъ: «на песокъ!» и въ одну минуту арена переполнилась толпами людей, зашитыхъ въ звѣриныя шкуры. Всѣ быстро бѣжали на середину арены, становились одинъ подлѣ другого на колѣни и возносили вверхъ руки. Народъ думалъ, что этимъ они просятъ пощады и, возмущенный такою трусостью, началъ топтать ногами, свистать, бросать пустыми бутылками отъ вина, обглоданными костями и кричать: «звѣрей! звѣрей!..» Но, вдругъ произошло нѣчто неожиданное: изъ середины косматой толпы послышались голоса и въ моментъ раздалась торжественная пѣснь, которую въ первый разъ услыхали въ Римскомъ циркѣ:

„Christus regnat!.. *)

. . . . .

Народъ былъ удивленъ, тѣмъ больше, что приговоренные пѣли смотря не на цезаря, а на веларіумъ. Всѣ видѣли, что ихъ лица были блѣдны, но въ то-же время—вдохновенны, и поняли, что эти люди вовсе не просятъ пощады и даже какъ будто не замѣчаютъ ни цирка, ни народа, ни сената, ни цезаря. А между тѣмъ «Christus regnat» звучало все величественнѣе и въ скамьяхъ, переполненныхъ народомъ снизу доверху, не одинъ, быть можетъ, задавалъ себѣ вопросъ: что это творится и что это за Христось, Который царствуетъ въ устахъ людей, идущихъ какъ бараны на закланіе?

Въ то же время поднялась еще одна желѣзная рѣшетка и на арену высыпала съ дикимъ воемъ и лаемъ стая псовъ, между которыми были желтые гигантскіе молосы изъ Пелопонеза; полосатые—изъ Пиренея; волкодавы—изъ Гиберніи. Всѣ они были нарочно проморены голодомъ, съ впавшими боками и покраснѣвшими отъ голода глазами. Вой и визгъ ихъ раздался по всему амфитеатру.

Христіане, окончивъ пѣніе, продолжали стоять неподвижно на колѣняхъ, точно окаменѣлые, повторяя однимъ протяжнымъ хоромъ: «pro Christo! pro Christo!²⁵⁷». Собаки, почуявъ подъ звѣриными кожами людей и удивленные ихъ неподвижностью, не посмѣли сразу броситься на нихъ: однѣ прыгали на стѣнки ложъ, другія бѣгали кругомъ съ азартнымъ лаемъ, точно гоня невидимаго звѣря. Народъ обозлился. Раздалась тысячи голосовъ; нѣкоторые изъ зрителей подражали рыканью, реву звѣрей и лаю собакъ; иные наускивали

псовъ на всѣхъ языкахъ. Амфитеатръ дрожаль отъ крика и стука зрителей. Раздражаемые псы начали то нападать на христіанъ, то пятиться назадъ, оскалывать зубы и изподтишка хватать за шерсть. Наконецъ, одинъ изъ молосовъ впился клыками въ плечо стоявшей на колѣняхъ впереди всѣхъ женщины, рванулъ ее и подмялъ подъ себя.

Послѣ этого, десятки ихъ бросились въ середину, точно въ сдѣланную брешь. Народъ пересталь неистовствовать и сосредоточилъ свое вниманіе на нихъ. Среди лая и вытья еще слышны были жалобные стоны погибающихъ и слова: «pro Christo! pro Christo!» и вскорѣ на аренѣ превратилось все въ одну кучу дрыгающихъ въ предсмертной агоніи человѣческихъ и собачьихъ тѣлъ. Кровь лилась ручьями. Собаки, грызаясь между собою, вырывали другъ у друга окровавленные человѣческіе члены. Запахъ крови и разорванныхъ внутренностей заглушилъ благовоніе арабскихъ кадиль и переполнилъ имъ весь циркъ. Въ концѣ концовъ, остались только нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на колѣняхъ обособленно; воюющая стая набросилась на нихъ и покончина съ ними.

Виницій, когда христіане вышли на арену, согласно своему обѣщанію могильщику, всталъ съ своего мѣста и повернулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ апостоль Петръ среди невольниковъ Петронія, а затѣмъ опять сѣлъ и сидѣлъ съ лицомъ полумертваго человѣка, смотря стеклянными глазами на ужасное зрѣлище. Сначала онъ боялся, что могильщикъ могъ ошибиться и что Лигія могла быть среди этихъ жертвъ, а потому онъ какъ будто окаменѣлъ; но услышавъ возгласы: «pro Chisto!» и увидѣвъ мученія столькихъ жертвъ, которыя, даже умирая, свидѣтельствовали о существованіи Бога истинна, — имъ овладѣли инныя чувства, больно пронизывавшія его, и онъ подумаль, что если самъ Христось умеръ въ мученіяхъ и что теперь, когда по Его примѣру гибнуть тысячи людей, проливая за Него море крови, то одна капля крови его Лигіи ничего не значить и грѣшно даже просить Его о милосердіи. Эту мысль ему внушила арена, на которой со стономъ умирали христіане, и испараніе крови, которое доносилось до него. Онъ началъ молиться залепкившимися губами и повторять: «О, Христе, Христе! и твой апостоль молитъ за нея!» Послѣ этого, онъ забылся и не помнилъ, гдѣ онъ. Ему только казалось, что кровь на аренѣ все полняется, выходитъ изъ цирка и разливается по всему Риму. Впро-

чемъ, онъ ничего не слышалъ: ни воя, ни лая собакъ, ни крика народа, ни даже голосовъ августіанъ, которые вдругъ закричали:

— Хилонъ обомлѣлъ!

— Хилонъ обомлѣлъ! повторилъ Петроній, обращаясь въ сторону грека.

И дѣйствительно онъ обомлѣлъ: онъ сидѣлъ бѣлый, какъ полотно съ откинутой головой назадъ и широко раскрытымъ ртомъ, точно мертвецъ.

Въ этотъ моментъ начали выходить новыя жертвы въ звѣриныхъ шкурахъ на арену. Эти, какъ и первыя, тотчасъ стали на колѣни, но усталыя собаки ужъ не хотѣли терзать ихъ. Двѣ-три вначалѣ лѣниво бросились на ближайшихъ, а затѣмъ приумолкли, а многіе изъ нихъ даже порастянулись на землю и, поднявъ вверхъ окровавленные пасти, повысунулы языки и стали тяжело дышать.

Въ виду этого, взволнованный и опьяненный кровью народъ, началъ выходить изъ себя, и кричать:

— Львовъ! выпустить львовъ!

Львиная травля назначена была на завтра; но въ амфитеатрахъ народъ выражалъ свою волю всѣмъ, не исключая цезаря. Одинъ только Калигула былъ настолько смѣлъ, что иногда противился желанію народа и даже велѣлъ бить палками его; но и онъ, чаще всего, удовлетворялъ требованія. А Неронъ, для котораго аплодисменты были дороже всего на свѣтѣ, никогда не сопротивлялся, а теперь, когда послѣ пожара нужно было успокоить народъ, и недавно не хотѣлъ противиться, тѣмъ болѣе, что ему было необходимо свалить все несчастье Рима на христіанъ.

Онъ далъ знакъ отпереть куникулюмъ и народъ тотчасъ успокоился, Послышалось пронзительное скрипѣнье отодвигаемыхъ рѣшетокъ, за которыми сидѣли львы. Собаки, увидѣвъ ихъ, поджали хвосты, живо сбились въ кучу и, завизжавъ, умчались на противоположный конецъ цирка, между тѣмъ какъ львы выходили одинъ за другимъ на арену, потряхивая своими лохматыми гривами и головами. Самъ цезарь обратилъ на нихъ вниманіе и, повернувъ къ нимъ свое апатичное лицо, приложилъ изумрудъ къ глазу и началъ смотрѣть на нихъ. Августіане встрѣтили львовъ аплодисментами. Народъ считалъ ихъ по пальцамъ и съ жадностью слѣдилъ за христіанами, какое впечатлѣніе на нихъ производятъ эти звѣри. Но послѣдніе

были спокойны и, по обыкновенію, стали повторять непонятныя язычникамъ слова: «pro Christo! pro Christo!..»

Но львы, хоть и были голодные, однако же не спѣшили бросаться на свои жертвы. Красный блескъ на аренѣ ослѣплялъ ихъ и они жмурились глаза; нѣкоторые лѣниво потягивались и зѣвали, раскрывая свои ужасныя пасти и показывая громадные клыки. Однако, запахъ крови и видъ растерзанныхъ тѣлъ, лежавшихъ цѣлыми грудами, началъ раздражать ихъ аппетитъ: они дѣлались безпокойнѣе, гривы щетинились и ноздри расширялись, втягивая въ себя воздухъ. Но вдругъ одинъ бросился на разорванный трупъ женщины, положилъ свои лапища на ея тѣло и началъ слизывать своимъ шереховато-колючимъ языкомъ запекущую кровь на обезображенномъ лицѣ. Другой левъ подошелъ къ христіанину, который держалъ на рукахъ ребенка, зашитаго въ оленью шкуру.

Ребенокъ дрожалъ отъ страха и слезъ, конвульсивно обнимая шею отца. Послѣдній, желая продолжить хоть нѣсколько минутъ его жизнь, оторвалъ отъ себя его ручки, съ цѣлью передать его рядомъ стоящимъ съ нимъ на колѣняхъ. Но крикъ и движенія раздражили льва: онъ рыкнулъ отрывисто, измялъ однимъ ударомъ лапы ребенка, моментально изможилъ своими ужасными клыками голову отца и растерзалъ тѣло.

Видя это и всѣ другіе набросились на толпу христіанъ. Нѣсколько женщинъ не могли удержаться отъ крика, который однако же былъ заглушенъ хлопками народа. Въ это время представилась ужасная картина: цѣлыя головы печезали между челюстями львовъ; груди разрывались однимъ ударомъ лапъ и клыковъ; вырывали сердца и легкія; слышалось хрустѣнье костей на зубахъ. Нѣкоторые львы, схвативъ свои жертвы за бока или за поясницу, дѣлали бѣшенныя прыжки по аренѣ и какъ бы искали удобнаго мѣста, гдѣ-бы спокойно сожрать ихъ; иные грызлись между собою, поднимались на дыбы, обхватывались лапами, какъ борцы и такъ рыкали, что весь циркъ дрожалъ. Люди вставали съ своихъ мѣстъ, сходили ниже по головамъ другихъ, чтобы лучше видѣть происходящее и толпились до смерти. Казалось, что вся эта громадная толпа сама бросится на арену и станетъ раздирать другъ друга вмѣстѣ со львами. По временамъ, раздавались то ужасные крики, то аплодисменты, то рыканье, ворчанье, хрустѣнье костей на клыкахъ, вытье молосовъ и, наконецъ, одни стоны.

Цезарь, держа изумрудъ у глаза, смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ. Лицо Петронія выражало неудовольствіе и презрѣніе. Хилона ужъ раньше вынесли изъ цирка, а между тѣмъ изъ куникулюмовъ выталкивали все новыхъ жертвъ.

Петръ смотрѣлъ на все это съ самага верхняго ряда мѣсть амфитеатра. Никто на него не обращалъ вниманія, такъ какъ глаза всѣхъ были сосредоточены на аренѣ; а потому онъ всталъ и благословилъ жертвы, погибающія отъ клыковъ лютыхъ звѣрей, какъ благословлялъ ихъ въ Корнеліевскомъ виноградникѣ на смерть и на вѣчную жизнь; благословилъ ихъ кровь, ихъ страданія и мертвыя тѣла, превратившіяся въ обезображенныя массы, и наконецъ души, улетавшія въ небо съ окровавленнаго песку. Лица видѣвшихъ и узнавшихъ его сіяли и улыбались отъ радости, что они въ послѣднія минуты получали его благословеніе.

Между тѣмъ сердце Петрово обливалось кровью и рвалось на части.

— Господи! да будетъ воля Твоя!.. ибо они гибнутъ во славу Твою, во свидѣтельство истины Твоея!.. Ты, о, Господи, повелѣлъ мнѣ пасти стадо Твое и я сдаю Тебѣ его, а Ты посчитай твоихъ овецъ, возьми къ Себѣ, заживи ихъ раны, успокой ихъ боль и дай имъ больше счастья во царствіи Твоемъ, чѣмъ они испытали здѣсь мученій!

И онъ благословлялъ толпу за толпою съ такою любовью, точно всѣ эти люди были его родными дѣтьми, которыхъ онъ передавалъ въ руки самага Христа.

Наконецъ цезарь или осwirѣпѣлъ, или хотѣлъ, чтобъ зрѣлище прелвосхитило все, что до сихъ поръ видѣли римляне; онъ шепнулъ нѣсколько словъ префекту города, который тотчасъ оставилъ подиумъ и отправился въ куникулюмы. Народъ изумился, увидѣвъ отодвигающіяся желѣзныя рѣшетки, изъ-за которыхъ начали выходить евфратскіе тигры, нумидійскія пантеры, мѣдвѣди, волки, гіены и шакалы. Вся арена покрылась какъ бы движущеюся волной желтыхъ, полосатыхъ, бѣлыхъ, темныхъ и черныхъ шкуръ. Насталъ такой хаосъ и замѣшательство, въ которомъ нельзя было ничего разобрать и видѣть, кромѣ борьбы и кувирканья въ ней звѣрей. Зрѣлище теряло видъ дѣйствительности и превращалось въ оргію крови, въ ужасный сонъ или чудовищный бредъ больного воображенія. Чаша была переполнена. Посреди рыканья, воя и визга звѣрей, въ скамьяхъ

послышался пронзительный спазматическій смѣхъ обезспленныхъ отъ сильныхъ ощущеній женщинъ. Всѣмъ сдѣлалось жутко и страшно. Лица всѣхъ померкли и наконецъ раздались голоса:

— Довольно! довольно!..

Но звѣрей было легче выпустить, чѣмъ загнать въ клѣтки и цезарь придумалъ новый способъ очистки отъ нихъ арены, соединенный съ новымъ развлеченіемъ для зрителей. Вскорѣ во всѣхъ проходахъ скамеекъ появились отряды черныхъ, украшенныхъ перьями и серьгами, нумидійцевъ, съ луками въ рукахъ. Народъ догадался, что будетъ и встрѣтилъ ихъ крикомъ удовольствія. Нумидійцы подошли къ барьерамъ и, накладывая стрѣлы на тетивы, начали стрѣлять въ звѣрей. Это было дѣйствительно новое интересное зрѣлище. Смуглыя тѣла, точно изваянные изъ чернаго мрамора, перегибались назадъ и, сгибая упругіе луки, посылали стрѣлу за стрѣлою на арену. Ворчанье тетивъ и свистъ дротиковъ съ перьями смѣшались съ вытьемъ звѣрей и восторженнымъ крикомъ народа. Волки, медвѣди, пантеры и люди падали другъ подлѣ друга. Тамъ и сямъ какой нибудь левъ, почувствовавъ дротикъ въ боку, быстро обращался въ ту сторону, куда воткнулась стрѣла и, оскаливъ зубы, съ бѣшенствомъ хватался за дротикъ, чтобы изломать его. Нѣкоторые стонали отъ боли. Мелкое звѣрье, всполошенное выстрѣлами, бѣгало наобумъ по аренѣ и разбивало себѣ голову объ желѣзныя рѣшетки. а между тѣмъ дротики продолжали свистѣть, пока все, что было живое, не скончалось въ послѣднихъ судорожныхъ движеніяхъ...

Но вотъ на арену высыпали сотни рабовъ, вооруженныхъ лопатами, граблями, метлами, тачками и корзинами—для уборки тѣлъ и внутренностей—и мѣшками песку. Одни приходили, другіе уходили съ ношами и по всей аренѣ закипѣла лихорадочная работа, такъ что вскорѣ вся площадь цирковаго круга была очищена отъ труповъ, крови и кала, перерыта, сравнена и посыпана толстымъ слоемъ песку. Послѣ этого вбѣжали дѣвочки, одѣтыя амурами, и начали посыпать арену лепестками розъ, лилій и другихъ цвѣтовъ; въ урнахъ закурились благовонія; веларій отодвинули въ конецъ, потому что солнце значительно понизилось.

Народъ съ удивленіемъ посматривалъ другъ на друга и какъ бы спрашивалъ, какое еще зрѣлище предложить ему въ сегодняшній день.

А его дѣйствительно ожидало зрѣлище, какого еще никто не видалъ въ Римѣ. Вскорѣ цезарь, оставившій нѣсколько минутъ тому назадъ свой подіумъ, вдругъ вышелъ въ пурпурномъ плащѣ и золотомъ вѣнкѣ на расцвѣченную арену. За нимъ шли двѣнадцать пѣвцовъ съ цитрами; въ его рукахъ была серебряная лютня. Выйдя торжественнымъ шагомъ на середину и поклонившись нѣсколько разъ во все стороны зрителямъ, онъ вознесъ глаза къ небу, постоялъ такъ нѣкоторое время, точно ожидая вдохновенія, и наконецъ ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

О, лучезарный Леты сынъ
 Владѣтель Тенеды, Килии и Хризы,
 Ты-ли, все радѣя о насъ,
 Предалъ градъ Иліоны гнѣву ахивовъ
 И стерпѣлъ, чтобы престолы,
 Вѣчно курящія въ честь твою Олимпамъ,
 Обрызгались кровью Троянъ?
 Къ тебѣ простирали дрожащія руки
 Матери, слезы роняли
 И старцы вопіяли молениемъ къ тебѣ,
 Чтобы ты ихъ чадъ пожалѣлъ.
 И камень растрогался-оъ моленію ихъ.
 Но, глуше глыбы гранитной
 Ты оказался, Сминѳей, къ страданьямъ людскимъ!!.

Пѣсня мало по малу переходила въ жалобную и приспосаженную страдаіи элегію. Въ циркѣ воцарилась тишина, которою проникся и цезарь, и затѣмъ онъ продолжалъ:

Возможно-ль божественнымъ звукамъ форминкса
 Сердечные вопли глушить,
 Когда и по нынѣ глаза заплываютъ,
 Что цвѣты прозрачной росой,
 При звукахъ сей пѣсни печальной и грустной,
 Что воскрешаетъ изъ праха
 Память несчастій пожара и гибели дней...
 Гдѣ-же тогда былъ ты, Сминѳей?.. ²⁵⁸).

И голосъ его дрогнулъ, а глаза заволоклись слезами. На глазахъ весталокъ тоже показались слезы; народъ слушалъ въ безсловной тишинѣ, пока наконецъ разразился громомъ аплодисментовъ.

Тѣмъ временемъ извнѣ, чрезъ открытыя для провѣтриванія двери воиоторій, доходили отзвуки скрипящихъ телегъ, на которыя складывались окровавленные останки христіанъ, чтобы затѣмъ отвезти ихъ въ ужасныя ямы, называемыя puticuli.

Смотря на возмутительныя дѣйствія Нерона и на весь неистовствующій народъ, Петръ сжалъ свою старческую голову дрожащими руками и въ душѣ произнесъ:

— О, Господи, Господи! кому Ты поручилъ управление свѣтомъ?.. И, не смотря на все это, Ты хочешь основать Свою столицу на этомъ мѣстѣ!..

II.

Между тѣмъ солнце почти сѣло и какъ будто расплавилось въ вечерней зарѣ. Зрѣлища кончились. Народъ началъ расходиться чрезъ воиторіи и разсѣиваться по городу. Августіане только ожидали, чтобы народъ отплылъ, такъ какъ изъ-за него тѣсно было пройти. Цѣлая толпа ихъ, сойдя съ своихъ мѣстъ, собралась у подіума, въ которомъ опять появился цезарь слушать похвалу своихъ приближенныхъ. Хотя зрители не жалѣли для него хлопковъ по окончаніи пѣнія, но ему этого было мало: онъ ожидалъ восторга, доходящаго до бѣшенства. И напрасно теперь звучали похвальные гимны; напрасно весталки цѣловали его божественныя руки; напрасно Рубрія наклонилась такъ, что ея рыжеватая голова прикосалась къ его груди,—Неронъ оставался недовольнымъ и не скрывалъ этого. Въмѣстѣ съ тѣмъ, его беспокоило молчаніе Петронія. Какое нибудь меткое похвальное замѣчаніе по поводу спѣтой имъ пѣсни, въ данный моментъ, доставило бы ему громадное удовольствіе. Наконецъ онъ не выдержалъ и сдѣлалъ ему знакъ, и когда Петроній вошелъ въ подіумъ, онъ отозвался:

— Что жъ ты молчишь?.. Говори...

— Молчу, потому что не могу подыскать словъ, отвѣтилъ онъ холодно.—Ты превзошелъ самого себя.

— Да и мнѣ кажется это, однако-же народъ...

— Ну, захотѣлъ ты чего хорошаго отъ этой смѣси!.. Что она понимаетъ въ поэзіи?..

— А, значитъ и ты замѣтилъ, что меня не поблагодарили такъ, какъ я того заслуживалъ?

— Потому что ты избралъ неудобную минуту для пѣнія.

— Почему?

— Да потому что ихъ головы, опьяненныя испареніями крови, уже не могли слушать тебя со вниманіемъ.

Неронъ сжалъ кулаки.

— Ахъ, ужъ эти мнѣ христіане!.. Мало того, что сожгли Римъ, такъ еще обижаютъ меня!.. Какія-же еще наказанія придумать для нихъ?

Петроній замѣтилъ, что онъ пошелъ не той дорогой и что его слова производятъ обратное дѣйствіе тому, о чемъ онъ думалъ и чего желалъ достигнуть. Въ виду такой неудачи, онъ рѣшилъ отвлечь вниманіе цезаря въ противную сторону и, наклонившись къ нему, шепнулъ:

— Твоя пѣсня восхитительна и я едѣлаю только одно маленькое замѣчаніе: въ четвертомъ стихѣ третьей строфы неправиленъ размѣръ и его слѣдуетъ немножко исправить.

Неронъ покраснѣлъ отъ стыда, какъ будто его поймали на какомъ-то преступленіи. Онъ взглянулъ на Петронія испуганно и такъ же тихо отвѣтилъ ему:

— Ты все замѣтишь!.. Я самъ знаю и передѣлаю!.. Только ты ужъ не болтай никому... если жизнь тебѣ мила...

Петроній нахмурился и отвѣтилъ съ отѣнкомъ скуки и неудовольствія:

— Ты можешь меня приговорить къ смерти, божественный, если я тебѣ мѣшаю; но этимъ ты меня не испугаешь... боги прекрасно знаютъ, боюсь-ли я смерти!..

Говоря это, Петроній прямо смотрѣлъ ему въ глаза.

— Пожалуйста, не сердись, сказалъ цезарь:—Вѣдь ты знаешь что я тебя люблю.

«Скверно, подумалъ Петроній:—это плохой признакъ».

— Я хотѣлъ пригласить васъ сегодня на пиръ, продолжалъ Неронъ;—но предпочту запереться у себя въ комнатѣ и поработать надъ этой проклятой третьей строфой... Кромѣ тебя, могъ это замѣтить Сенека, а можетъ быть и Секунда Карина... но я скоро отдѣлаюсь отъ нихъ.

Причемъ цезарь подозвалъ къ себѣ Сенеку и объявилъ ему, чтобы онъ немедленно отправился вмѣстѣ съ Акратомъ и Секундомъ въ провинціи для сбора денегъ, приказывая ему брать ихъ съ городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, съ извѣстныхъ храмовъ, словомъ отъ всѣхъ, у кого ихъ можно взять или выжать. Но Сенека, понявъ, что ему поручаютъ должность грабителя, святотатца и разбойника, наотрѣзъ отказался:

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я вынужденъ уѣхать въ деревню и тамъ ожидать своей смерти... Я ужь слишкомъ старъ и мои нервы—больные...

Можетъ быть, иберійскіе нервы Сенеки были крѣпче хилоновскихъ и не больные, но его здоровье, вообще, было очень скверное: онъ выглядѣлъ, какъ тѣнь и голова его совсѣмъ побѣлѣла.

Неронъ, взглянувъ на него, подумалъ, что, быть можетъ, ему и въ самомъ дѣлѣ не долго ждать смерти, а потому отвѣтилъ:

— А! если ты боленъ, то я и не стану беспокоить тебя; но такъ какъ я люблю тебя и желаю имѣть постоянно подъ рукою, то ты, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ деревню, запишись у себя дома и не выходи изъ него.

И Неронъ разсмѣялся, а потомъ прибавилъ:

— Если я пошлю только Акрата и Карина, то это все равно что послалъ волковъ за овцами... Однако, кого-же мнѣ послать съ ними за старшаго?

— Меня! отозвался Домицій Афръ.

— Нѣтъ! Я не хочу навлекать на Римъ гнѣва Меркурія, котораго ты можешь посрамить своимъ злодѣйствомъ. Мнѣ нуженъ какой-нибудь стойкъ, вродѣ Сенеки или хоть моего новаго пріятели, философа Хилона.

Причемъ цезарь началъ озираться и потомъ спросилъ:

— А гдѣ же Хилонъ? Что съ нимъ случилось?

Хилонъ вынесеный изъ амфитеатра, пришелъ въ себя на свѣжемъ воздухѣ и вернулся вначалѣ пѣнія въ циркъ.

— Я здѣсь, божественный плодъ Солнца и Луны, отозвался онъ, подходя къ цезарю. — Я немножко заболѣлъ, но твое божественное пѣніе возвратило мнѣ здоровье.

— И прекрасно! Я хочу послать тебя въ Ахайю... Вѣдь ты долженъ знать, сколько тамъ есть денегъ въ каждомъ храмѣ.

— Такъ и пошли, Зевсъ, и боги соберутъ тебѣ такую дань, какой еще никому не собирали.

— Можетъ быть!.. Но я не хочу лишать тебя удовольствія присутствовать на зрѣлищахъ.

— О, Вааль... пробурчалъ Хилонъ.

Августіане, обрадованные тѣмъ, что цезарь въ хорошемъ настроеніи духа, начали смѣяться.

— Нѣтъ, божественный, говорили они,—ты ужъ не лишаи этого храбраго грека пріятныхъ зрѣлищъ.

— Только избавь меня отъ лицезрѣнія этихъ крикливыхъ капитолійскихъ гусей, всѣ мозги которыхъ, вмѣстѣ взятыя, не наполнили бы желудиною скорлупы, возразилъ Хилонъ.—Теперь я пишу по гречески гимнъ, въ честь тебя, первородный сынъ Аполлона, а потому мнѣ хочется провести нѣсколько сутокъ въ храмѣ Музъ и молить ихъ о вдохновеніи.

— Ну, нѣтъ! воскликнулъ Неронъ.—Ты хочешь отвернуться отъ слѣдующихъ зрѣлищъ, но это тебѣ не удастся!

— Клянусь тебѣ, что я пишу гимнъ.

— Ну, что-жь!.. Будешь писать его ночью... Моли Діану о вдохновеніи... Вѣдь это же сестра Аполлона.

Хилонъ опустилъ голову, метая злобные взгляды на августіанъ, которые насмѣхались надъ нимъ; между тѣмъ какъ цезарь обратился къ Сенепію и Суилію Нерулину.

— Представьте себѣ! сказалъ онъ: — мы едва справились съ половиной христіанъ, предназначенныхъ на сегодняшній день.

Старый Аквилій Регулъ, знатокъ всякихъ цирковыхъ удовольствій и игръ, призадумался на минуту и потомъ отозвался:

— Всѣ зрѣлища, въ которыхъ фигурируютъ люди «*sine armis et sine arte*»²⁵⁹), хоть и продолжаются значительно долго, но мало интересны.

— Я прикажу давать имъ оружіе, отвѣтилъ Неронъ.

Но суевѣрный Вестиній какъ будто проснулся отъ своей задумчивости и таинственно спросилъ:

— А вы замѣтили, что они, умирая, что-то видятъ? Они смотрятъ въ небо и умираютъ почти безъ страданій... Я увѣренъ, что они что-то видятъ...

Причемъ онъ взглянулъ въ отверстіе амфитеатра, надъ которымъ ночь распростерла свой звѣздный веларіумъ. Нѣкоторые отвѣтили ему смѣхомъ и шутками, что христіане могутъ видѣть въ минуту смерти.

Наконецъ цезарь далъ знакъ рабамъ съ факелами и оставилъ циркъ, а за нимъ—весталки, сенаторы, августіане, сановники и всѣ остальные.

Ночь была звѣздная, теплая. Передъ циркомъ еще толпился народъ, съ цѣлю посмотрѣть на отбѣздъ Нерона, но онъ былъ

какой-то мрачный и молчаливый. Мѣстами раздались хлопки и тотчасъ утихли. А между тѣмъ изъ споліаріума скрипяція тельги все еще увозили окровавленные останки христіанъ.

Петроній и Виницій молча возвращались домой, и только подходя къ виллѣ Петроній спросилъ:

— Ты подумалъ о томъ, что я тебѣ сказалъ?

— Да, отвѣтилъ Виницій.

— Ты знаешь, что теперь и для меня это дѣло имѣетъ большое значеніе: я долженъ освободить ее во что-бы то ни стало, вопреки нежеланію цезаря и Тигелина... Это нѣчто вродѣ битвы, въ которой я рѣшился побѣдить, или игры, которую хочу выиграть, хоть цѣною своей жизни. Сегодняшній день еще больше подстрекнулъ меня къ этому предпріятію...

— Награди тебя Господь за это!

— Увидишь.

Разговаривая такъ, они остановились у дверей виллы и вышли изъ носилокъ. Въ этотъ моментъ къ нимъ подошла какая-то темная фигура и спросила:

— Здѣсь живетъ благородный Виницій?

— Да, отвѣтилъ трибунъ:—что тебѣ?

— Я—Назарій, сынъ Маріамы... Я пришелъ изъ тюрьмы съ вѣсточкой отъ Лягій.

Виницій положилъ ему руку на плечо и началъ всматриваться въ него при свѣтѣ факеловъ, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова. Но Назарій угадалъ его мысль и отвѣтилъ:

— Она еще жива и Урсъ послалъ меня сказать, что она лежитъ въ горячкѣ, молится и поминутно вспоминаетъ твое имя.

— Слава Христу, Который можетъ вернуть ее мнѣ! отвѣтилъ Виницій и повелъ Назарія въ бібліотеку. Черезъ нѣсколько минутъ туда пришелъ и Петроній, съ цѣлью послушать, что будетъ говорить юноша.

— Эта болѣзнь спасла ее отъ позора, потому что палачи боятся ее, продолжалъ Назарій.—Урсъ и Главкъ ухаживаютъ за ней день и ночь.

— А сторожа все тѣ-же?

— Да, и она находится въ ихъ избѣ. Всѣ заключенные, которые были въ нижней тюрьмѣ, то поумирали отъ горячки, то позадохлись отъ зловоннаго воздуха.

— Кто ты? спросил Петроній.

— Благородный Виницій знает меня: я сынъ вдовы, у которой жила Лигія.

— И христіанинъ?

Юноша взглянулъ вопросительнымъ взглядомъ на Виниція, но, видя, что онъ молится въ эту минуту, отвѣтилъ:

— Да.

— Какимъ образомъ ты попалъ въ тюрьму?

— Да я нахожусь тамъ въ качествѣ наемщика для выноса мертвыхъ тѣлъ... Я нарочно нанялся, чтобы помочь моимъ братьямъ и извѣщать ихъ, что дѣлается въ городѣ.

Петроній началъ любоваться красивымъ лицомъ юноши, голубыми глазами и черными волосами.

— Откуда родомъ? спросилъ онъ.

— Я—галлилеянинъ.

— Хочешь, чтобъ Лигія была свободной?

— Хоть-бы мнѣ самому пришлось умереть за нея!.. отвѣтилъ юноша, вознося глаза къ небу.

Виницій кончилъ молиться.

— Такъ скажи сторожамъ, отозвался онъ, — чтобы они положили ее въ гробъ, какъ будто она умерла; подбери себѣ хорошихъ помощниковъ и унеси ее ночью изъ тюрьмы къ обшиму ямамъ, у которыхъ найдешь людей съ паланкиномъ, и отдай гробъ имъ; а сторожамъ обѣдай отъ меня столько золота, сколько каждый изъ нихъ унесетъ въ полахъ своихъ плащей.

Говоря это, Виницій оживился и мертвенная блѣдность сошла съ его лица: въ немъ проснулся солдатъ, которому надежда возвратила прежнюю энергію.

Назарій тоже покраснѣлъ отъ радости и, вознеся руки, воскликнулъ:

— Только-бы Господь послалъ ей здоровья, а она будетъ свободна!

— Ты думаешь, что тюремщики согласятся? спросилъ Петроній.

— Только-бы знали, что они не будутъ наказаны за это.

— Разумѣется! сказалъ Виницій.—Если они соглашались на ее бѣгство, то тѣмъ больше согласятся унести ее, какъ трупъ.

— Правда, есть контролеръ, который провѣряетъ людей раскаленнымъ желѣзомъ: живы они или умерли, сказалъ Назарій, — но

этотъ беретъ по нѣсколько сестерцій за то, чтобы не прикасаться къ лицамъ мертвецовъ, такъ что онъ за какой-нибудь ауресъ, вмѣсто лица, прикоснется желѣзомъ къ гробу.

— Скажи ему, что онъ получить полный кошелекъ ауресовъ. Но ты самъ съумѣешь ли подобрать хорошихъ помощниковъ? спросилъ Петроній.

— Подберу такихъ, которые за деньги готовы продать собственныхъ женъ и дѣтей.

— Гдѣ-же ты ихъ найдешь?

— Да въ самой тюрьмѣ или въ городѣ... Подкупленные тюремщики кого угодно пропустить въ тюрьму.

— Въ такомъ случаѣ, проведи и меня въ качествѣ наемщика, сказалъ Виницій.

Но Петроній рѣшительно возсталъ противъ его намѣренія, такъ какъ преторіанцы могли его узнать даже передѣтымъ и тогда все дѣло было-бы испорчено.

— Ни въ тюрьму, ни у общихъ ямъ ты не долженъ быть, сказалъ онъ Виницію.—Нужно сдѣлать такъ, чтобы всѣ, не исключая цезаря и Тигелина, были увѣрены, что она дѣйствительно умерла; иначе за нею пошлютъ въ погоню. Всякія подозрѣнія могутъ быть устранены только такимъ образомъ, если мы, отославъ ее въ Чалбанскія горы, сами останемся въ Римѣ. Черезъ недѣлю или двѣ ты тоже долженъ заболѣть и пригласить къ себѣ Нероновскаго лекаря, который и предпишетъ тебѣ уѣхать въ горы, гдѣ вы и встрѣтитесь, а потомъ...

Петроній призадумался на минуту, а затѣмъ, махнувъ рукой, прибавилъ:

— Потомъ, быть можетъ, настанетъ лучшее время.

— Пусть Господь смилуется надъ нею, отвѣтилъ Виницій:— Но вѣдь ты говоришь о Сициліи, а она больна и можетъ умереть...

— Пока, мы можемъ помѣстить ее поближе. Только-бы намъ выручить ее изъ тюрьмы, а тамъ—одинъ воздухъ можетъ спасти ее и поправить здоровье. Нѣтъ-ли у тебя въ горахъ какого-нибудь знакомаго сельскаго хозяина, на которого можно было бы положить?

— Есть, есть! поспѣшно отвѣтилъ Виницій.—Есть, близъ Коріоли, въ горахъ. Этотъ человекъ носилъ меня на рукахъ, когда я былъ совсѣмъ маленькимъ, и понынѣ любитъ меня.

Петроній подалъ ему таблетки.

— Сейчас напиши къ нему, чтобы онъ былъ завтра здѣсь. Я тотчасъ пошлю гонца.

Причемъ онъ позвалъ завѣдующаго атриумомъ и отдалъ ему со-ответственныя приказанія, а спустя нѣсколько минутъ невольникъ вскочилъ на коня и помчался въ ночь въ Коріоли...

— Мнѣ желательно, чтобы Урсъ сопровождалъ ее, сказалъ Виницій,—тогда я былъ бы спокоенъ...

— О, да это такой сильный человекъ, отозвался Назарій,—который легко выломаетъ рѣшетку и пойдетъ хоть на край свѣта за ней. Въ тюрьмѣ есть одно окно, надъ окружающею ее стѣною, гдѣ не ставится карауль. Я принесу Урсу веревку, а остальное ужъ онъ самъ догадается.

— Пусть онъ тамъ, какъ ему угодно бѣжить, произнесъ Петроній,—только не вмѣстѣ съ нею и не чрезъ два или три дня послѣ нея: иначе станутъ искать его и откроютъ убѣжище Лигіи. Клянусь Геркулесомъ!—этого нельзя!.. Вы погубите и ее и себя... Даже не проговаривайтесь о Коріоли—иначе я умываю руки.

Оба признали, что Петроній правъ и наконецъ Назарій началъ прощаться, обѣщая прійти завтра чуть свѣтъ.

Онъ былъ увѣренъ, что съ сторожами ему будетъ легко устроиться въ одну ночь, а пока ему хотѣлось навѣстить мать, о которой онъ сильно беспокоился, какъ равно беспокоилась и она, не зная живъ ли онъ или и его постигла участь всѣхъ христіанъ. Что касается помощника, то онъ рѣшилъ взять его изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ уносили трупы изъ тюрьмы.

Однако, передъ самымъ уходомъ, онъ остановился и, отвѣ-
Виниція въ сторону, быстро зашепталъ:

— Я никому не скажу, даже матери, о нашемъ намѣреніи, развѣ только одному Петру, который обѣщалъ зайти къ намъ изъ амфитеатра.

— Въ этомъ домѣ мы можемъ говорить громко, замѣтилъ ему Виницій. — Петръ былъ въ амфитеатрѣ съ людьми Петронія... Впрочемъ, я пойду съ тобой.

И онъ приказалъ полать себѣ невольничій плащъ; послѣ него оба ушли.

Петроній глубоко вздохнулъ.

«Прежде я желалъ, чтобы она умерла отъ этой болѣзни, по-

думалъ онъ,—и это было-бы для Виниція во сто разъ лучше; а теперь я готовъ пожертвовать Эскулапу золотой треножникъ, чтобы она выздоровѣла... Ахъ, Агенобарбъ, Агенобарбъ!.. Неужели ты хочешь насладиться страданіями возлюбленной?.. А ты, августъ?.. Прежде ты завидовала красотѣ этой дѣвушки и теперь живою бы съѣла ее, потому что твой Рудій погибъ?... Ты тоже, какъ Тигеллинъ, хочешь погубить ее на зло мнѣ?.. Но, посмотримъ!.. Я докажу вамъ, что ваши глаза не узрятъ ее на аренѣ... Она умретъ или собственной смертью, или я вырву ее у васъ, какъ отъ собакъ... да еще вырву ее такъ, что вы и сами того не замѣтите, а затѣмъ, сколько бы разъ я ни смотрѣлъ на васъ, всегда буду думать: вотъ, дурачье, которыхъ провель Кай Петроній.

И Петроній, довольный собою, перешелъ въ триклиніумъ, гдѣ и съѣлъ съ Евникой за ужинъ, во время котораго лекторъ читалъ имъ идиллію Теокрита. На дворѣ вѣтеръ понагналъ тучъ отъ Соракты и внезапная буря возмутила спокойствіе погожей лѣтней ночи. Отъ времени до времени раскатывался громъ надъ семью холмами, между тѣмъ какъ Петроній и Евника возлежали за столомъ и слушали произведеніе сельскаго поэта, который воспѣвалъ въ дорическомъ нарѣчій любовь пастуховъ, а затѣмъ собирались идти спать.

Въ это время вернулся Виницій. Петроній, узнавъ о томъ, пошелъ къ нему и спросилъ:

— Ну, что?.. Не придумалъ ли чего новаго?.. Назарій ужъ пошелъ въ тюрьму?

— Да, отвѣтилъ молодой трибунъ, расправляя промокшіе отъ дождя волосы.—Назарій пошелъ условиться съ сторожами... Я видѣлся съ Петромъ, который посовѣтовалъ мнѣ молиться и вѣрить...

— Это хорошо. Если все пойдетъ благополучно, то завтра ночью ее можно будетъ вынести...

— Поселенецъ съ людьми долженъ явиться передъ свѣтомъ...

— Ну, да здѣсь недалеко!.. Теперь совѣтую отдохнуть.

Но Виницій, вмѣсто того, чтобы лечь спать въ своемъ кубикулѣ, началъ молиться.

Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, прибылъ изъ подъ Коріоли арендаторъ Нигръ и привелъ съ собою, согласно порученію Виниція, муловъ, паланкинъ и четырехъ надежныхъ людей, выбранныхъ изъ

британскихъ рабовъ, которыхъ предусмотрительно оставилъ на постояломъ дворѣ въ Субурѣ.

Виницій, не спавшій всю ночь, вышелъ къ нему на встрѣчу. Нигръ взволновался при видѣ молодого человѣка и, цѣлуя его руки и глаза, произнесъ:

— Что съ тобой, дорогой господинъ? Ты боленъ или великія непріятности высосали всю кровь твою изъ лица?.. Я еле узналъ тебя.

Виницій позвалъ его во внутреннюю комнату, называемую Кси-стосомъ²⁶⁰) и тамъ посветилъ его въ свою тайну. Нигръ слушалъ его внимательно, и на его чертвомъ, загорѣломъ лицѣ проявилось большое волненіе, котораго онъ и не скрывалъ.

— Такъ она христіанка? спросилъ онъ, пытливо смотря на Виниція. Послѣдній угадалъ его мысль и вопрошательный взглядъ, а потому отвѣтилъ:

— Да. Я тоже—христіанинъ...

На глазахъ Нигра заблестали слезы. Онъ помолчалъ минуту, а затѣмъ, вознеся руки, сказалъ:

— О, слава Тебѣ, Христе, что Ты снялъ бѣльмо съ самыхъ дорогихъ для меня въ свѣтѣ очей!

И онъ обнялъ голову Виниція и, плача отъ радости, поцѣловалъ его въ лобъ.

Черезъ нѣкоторое время пришелъ Петрошій, ведя съ собою Назарія.

— Добрыя вѣсти! сказалъ онъ издали.

Дѣйствительно, вѣсти были не дурныя: во-первыхъ, Главкъ ручался за жизнь Лигія, хоть она и хворала тою самою горячкою, отъ которой умирали каждый день сотнями во всѣхъ тюрьмахъ. Во-вторыхъ, сторожа и контролеръ, провѣряющій мертвыхъ каменныхъ желѣзомъ, охотно согласились помочь. Въ третьихъ, помощникъ былъ нанятъ.

— Мы ужъ понадѣлали дыръ въ гробу, чтобы ей можно было дышать, отозвался Назарій. — Теперь вся опасность заключается лишь въ томъ, чтобы она не застонала или не кашлянула, когда мы понесемъ ее мимо преторіанцевъ. Но она очень слаба и лежитъ съ закрытыми глазами... Впрочемъ, Главкъ приготовитъ ей усыпляющій напитокъ изъ травъ, которыя я принесу ему изъ города. Крышка гроба не будетъ прибита... Вы легко возьмете больную и посадите въ носилки, а мы, вмѣсто нея, положимъ въ гробъ

продолговатый мѣшокъ съ пескомъ, который вы ужъ принесете съ собою.

Виницій, слушая Назарія, былъ блѣденъ какъ полотно, но все-таки слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ: казалось, онъ заранѣе угадывалъ, что послѣдній скажетъ ему.

— Не будутъ ли выносить еще какихъ труповъ? спросилъ Петроній.

— О, конечно! Въ эту ночь умерло около двухъ десятковъ, а до вечера еще умрутъ, — отвѣчалъ Назарій. — Но мы должны идти вмѣстѣ съ другими, только будемъ стараться отстать позади. На первомъ же поворотѣ, мой товарищъ нарочно захромаетъ и, въ виду этого, мы далеко отстанемъ, а вы ожидайте насъ около маленькаго храма Либитины... Только-бы Богъ далъ намъ темную ночь.

— Дастъ, отвѣтилъ Нигръ. — Вчера былъ ясный вечеръ, а потомъ вдругъ сдѣлалась буря. Сегодня опять хорошая погода, но очень ужъ съ утра начинаеть парить. Теперь каждую ночь будутъ дожди и бури.

— Вы пойдете съ фонарями? спросилъ Виницій.

— Нѣтъ, только впереди пойдутъ съ факелами. Во всякомъ случаѣ, вы будьте у храма Либитины, какъ только стемнѣетъ, хотя мы уносимъ трупы передъ самаго полночью.

Всѣ замолчали и только было слышно усиленное дыханіе Виниція.

Петроній обратился къ нему:

— Хотя вчера я сказалъ, что намъ необходимо остаться въ Римѣ, но теперь я вижу, что и мнѣ не усидѣть... Наконецъ, еслибъ дѣло касалось ея бѣгства, тогда пришлось-бы соблюсти осторожность, а такъ какъ ее унесутъ будто мертвую, то, мнѣ кажется, никому и въ голову не придетъ заподозрить насъ.

— Разумѣется! отвѣтилъ Виницій. — И я непременно буду и самъ выну ее изъ гроба.

— Ну, а ужъ разъ она попадетъ въ мой домъ подъ Кориоли, то я отвѣчаю за нея, — прибавилъ Нигръ.

На этомъ кончился ихъ разговоръ. Нигръ отправился на постоянный дворъ, а Назарій, положивъ подъ туннику кошелекъ съ золотомъ, пошелъ въ тюрьму, и для Виниція насталъ день безпокойства, тревоги и лихорадочнаго ожиданія.

— Мнѣ кажется, отозвался Петроній по уходѣ заговорщи-

ковъ,—что наше дѣло удастся, потому что оно хорошо обдуманно: лучшаго ничего нельзя и придумать... Однако, ты долженъ притворяться опечаленнымъ, ходить въ черной тогѣ и все-таки посѣщать цирки... Пусть всѣ видятъ тебя... Да, дѣйствительно, все хорошо обдуманно, но увѣренъ-ли ты въ своемъ поселеннѣ?

— Да вѣдь онъ христіанинъ!

Петроній взглянулъ на него удивленными глазами, пожалъ плечами и какъ-бы про себя сказалъ:

— Клянусь Поллуксомъ! это непостижимо!.. Какъ эта вѣра быстро распространяется и овлаживаетъ всѣми!... Благодаря такой ея силѣ, всѣ люди могутъ съ разу отречься отъ всѣхъ римскихъ, греческихъ и египетскихъ боговъ!... Однако, это очень странно... Если-бъ я вѣрилъ въ нашихъ боговъ и зналъ, что отъ нихъ зависитъ хоть что-нибудь, то пожертвовалъ-бы каждому изъ нихъ по шести бѣлыхъ быковъ, а капитолійскому Юпитеру — двѣнадцать... Но и ты не жалѣй обѣщаній твоему Христу...

— Я ужь пожертвовалъ Ему самого себя.

И они разошлись: Петроній ушелъ въ свой кубиклюмъ, а Виницій отправился къ водоему Ватиканскаго холма, въ избу могильщика, въ которой онъ былъ окрещенъ Петромъ. Ему казалось, что въ этой избѣ Христосъ скорѣе услышитъ его мольбу, а потому онъ, разыскавъ ее, бросился на полъ, напрягъ всѣ усилія своей наболѣвшей души и предался молитвѣ. Онъ до того увлекся ею, что даже забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось.

По полудни, его разбудили трубные звуки, доносившіеся изъ Нероноваго цирка. Онъ вышелъ изъ избушки и началъ озираться, какъ будто онъ только что проснулся отъ сна. На дворѣ стояла сильная жара и глубокая тишина, нарушаемая только по временамъ звуками бронзы и безумолчнымъ псыканіемъ полевыхъ кобылокъ. Въ воздухѣ парило; небо надъ городомъ было голубое, но въ сторону Сабинскихъ горъ, на горизонтѣ, собирались темныя тучи.

Виницій вернулся домой, гдѣ его въ атриумѣ ожидалъ Петроній.

— Я былъ въ Палатинѣ, сказалъ онъ,—и даже игралъ въ кости. Сегодня вечеромъ у Аниція ²⁶¹⁾ пиршество и я обѣщалъ ему быть у него только послѣ полуночи, такъ какъ долженъ выспаться... Конечно, я буду и совѣтую тебѣ пойти вмѣстѣ со мною.

— Не было-ли какихъ извѣстій отъ Нигра или Назарія? спросилъ Виницій.

— Нѣтъ. Но вѣдь мы увидимся съ ними около полуночи. Ты замѣтилъ, что, кажется, будетъ буря?

— Да.

— Завтра будетъ зрѣлище изъ распятыхъ христіанъ, если только дождь не помѣшаетъ.

Причемъ Петроній подошелъ къ Виницію и, прикоснувшись къ его плечу, прибавилъ:

— Но ты не увидишь ее на крестѣ... она ужъ будетъ въ Коріюли. Клянусь Касторомъ! что я не отдалъ-бы того момента, когда мы освободимъ ее, за всѣ геммы въ Римѣ. Но вечеръ ужъ близокъ и намъ не долго ждать.

А вечеръ и въ самомъ дѣлѣ приближался; сумерки охватили городъ раньше обыкновеннаго, вслѣдствіе черныхъ тучъ, закрывшихъ весь горизонтъ. вмѣстѣ съ наступленіемъ ночи, пошелъ сильный дождь, который, испаряясь на накалившихся за день каменьяхъ, окуталъ весь городъ туманомъ. Дождь шелъ съ небольшими перерывами: то онъ лилъ какъ изъ ведра, то совсѣмъ переставалъ.

— Надо поспѣшить, сказалъ наконецъ Виницій. — Въ виду сильной бури, тѣла могутъ вынести раньше полуночи.

— Да, пора! отвѣтилъ Петроній.

И, одѣвъ галльскіе плащи съ капюшонами, они вышли боковыми садовыми дверцами на улицу. Петроній тоже вооружился короткимъ римскимъ ножомъ, который онъ иногда бралъ при ночныхъ экспедиціяхъ.

Городъ былъ пустыненъ: всѣ попрятались отъ дождя въ свои конуры. Отъ времени до времени молніи разрѣзывали темныя тучи, освѣщая кровавымъ блескомъ небо, ново-построенныя или строящіяся стѣны зданій и мокрыя каменные плиты, которыми были вымощены улицы. При такомъ освѣщеніи, наши путники увидѣли вдали окопъ, въ которомъ стоялъ маленькій храмикъ Либитины, а у окопа—группу муловъ и лошадей.

— Нигръ! тихо позвалъ Виницій, подходя къ храмику.

— Я здѣсь! отозвался голосъ.

— Все готово?

— Да, дорогой господинъ... Какъ только стемнѣло, мы ужъ были на мѣстѣ. Однако, спрячьтесь, пока, отъ дождя, иначе промокнете насквозь... Ахъ, какая буря... Я думаю будетъ градъ.

Опасенія Нигра сбылись: вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ пошелъ

градъ, сначала мелкій, а потомъ и крупный. Благодаря ему, воздухъ освѣжился.

Всѣ стояли за валомъ около храма съ противоположной стороны вѣтра, закрытые отъ дождя и ледяныхъ капель, и шепотомъ разговаривали.

— Теперь хоть бы кто и увидѣлъ насъ, отозвался Нигръ,— то каждый подумаетъ, что мы переживаемъ бурю. Но я боюсь, чтобы не отложили выносъ труповъ до завтра.

— Градъ скоро пройдетъ, сказалъ Петроній,— и мы должны ждать хоть до разсвѣта.

И они ждали, прислушиваясь, не долетятъ ли до нихъ какія нибудь отголоски. Правда, градъ скоро прошелъ, но за нимъ настала сильный ливень. По временамъ поднимался вѣтеръ и несъ со стороны «вонючихъ ямъ» ужасный смрадъ отъ разлагавшихся труповъ, которые закапывали очень мелко и совсѣмъ небрежно.

— Вонъ, кажется, мелькаетъ огонекъ, произнесъ Нигръ,— одинъ, два, три... Это, должно быть, факелы... Смотрите, чтобы мулы не зафыркали,—прибавилъ онъ своимъ людямъ.

— Идутъ! сказалъ Петроній.

Огоньки въ фонаряхъ становились свѣтлѣе и черезъ минуту можно было видѣть, какъ вѣтеръ колебалъ въ нихъ пламя.

Нигръ перекрестился и началъ творить молитву, а между тѣмъ кортежъ приближался и, наконецъ, поровнявшись съ храмомъ Либитины, остановился. Петроній, Виницій и Нигръ прижались къ стѣнѣ вала, не понимая, что это значить. Но носильщики остановились только для того, чтобы обвязать себѣ носы и рты, въ защиту отъ удушающаго смрада, который вблизи «путикулей» становился невыносимымъ, и затѣмъ пошли дальше.

Одинъ изъ гробовъ остановился противъ самаго храма. Виницій подбѣжалъ къ нему; за нимъ подошли Петроній, Нигръ и два британца-невольники съ носилками.

Но прежде чѣмъ они подошли, въ темнотѣ послышался жалобный стонъ Назарія.

— Несчастье, господинъ! отозвался онъ:—вечеромъ ее перевели, вмѣстѣ съ Урсомъ, въ Эсквилинскую тюрьму, а мы несемъ другой трупъ!..

Петроній вернулся домой совсѣмъ мрачнымъ и даже не пытался утѣшать Виниція. Онъ зналъ, что освободить Лигію изъ Эсквилинскаго подземелья положительно невозможно и былъ увѣренъ, что ее перенесли изъ Туліанской тюрьмы вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ болѣзни, чтобы сохранить ее для амфитеатра. Это служило доказательствомъ, что о ней заботятся, думаютъ и берегутъ болѣе, чѣмъ другихъ. Хоть Петронію было жаль какъ ее, такъ и Виниція; но больше всего ему было досадно за то, что его, первый разъ въ жизни, постигла неудача и что онъ оказался побѣжденнымъ въ этой борьбѣ.

— Кажется, Фортуна начинаеть измѣнять мнѣ, сказалъ онъ про себя;—но боги ошибаются, если думаютъ, что я соглашусь на такую жизнь, какъ, напримѣръ, Виниція.

И онъ взглянулъ на него. Послѣдній тоже смотрѣлъ на Петронія расширенными зрачками.

— Что съ тобой? спросилъ Петроній. — Ты боленъ?

— Нѣтъ... Я все-таки вѣрю, что Онъ возвратитъ мнѣ Лигію, отвѣтилъ Виницій какимъ-то страннымъ дребезжающимъ голосомъ больного ребенка.

Надъ городомъ уже пронеслась буря и замерли послѣдніе отзвуки грома.

Конецъ девятой части.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

I.

Трехдневный дождь и градъ, падавшіе днемъ, вечеромъ и по ночамъ были исключительнымъ явленіемъ въ Римѣ и нарушали извѣстный порядокъ природы, вслѣдствіе чего зрѣлища прекратились. Страхъ обуялъ народомъ.

Предсказывали неурожай винограда, а когда однажды молнія растопила бронзовую статую Цереры въ Капитоліи, то народу было предписано совершить общія жертвоприношенія въ храмъ Юпитера Сальватора. Жрецы Цереры распустили слухъ, что гнѣвъ боговъ обратился на городъ по причинѣ весьма небрежнаго опредѣленія казни христіанъ, а потому толпа начала требовать, чтобы, не взирая на погоду, игры продолжались. И радость охватила опять цѣлый Римъ, когда было объявлено, что чрезъ три дня зрѣлища возобновятся.

Тѣмъ временемъ, погода установилась. Амфитеатръ съ расвѣта наполнился тысячами зрителей; цезарь съ весталками и дворомъ прибылъ также рано. Зрѣлище должно было начаться борьбой христіанъ между собою, которыхъ для этой цѣли одѣли гладіаторами и дали имъ различное оружіе, служившее борцамъ для наступательнаго и оборонительнаго боя. Но язычники тотчасъ разочаровались. Христіане побросали сѣтки, мечи, вилы и копыя, начали обниматься другъ съ другомъ и ободрять къ предстоящимъ мукамъ и смерти.

Толпа выразила неудовольствіе и раздраженіе. Одни бросали имъ упреки въ малодушіе и трусости; другіе доказывали, что они не хотятъ драться нарочно для того, чтобы, питая ненависть къ людямъ, не дать имъ насладиться зрѣлищемъ ихъ мужества. Въ виду этого, по приказанію цезаря, на арену выпустили настоящихъ гладіаторовъ, которые моментально изрубили всѣхъ стоявшихъ на кольняхъ безоружныхъ христіанъ.

По уборкѣ труповъ, зрѣлище превратилось въ рядъ мифологическихъ картинъ, придуманныхъ самимъ цезаремъ. Прежде всего, представленъ былъ Геркулесъ, пылающій живымъ на горѣ Эта²⁶²). Виницій вздрогнулъ при мысли, что для роли Геркулеса, быть можетъ, назначенъ Урсъ. Но, повидимому, еще не пришла очередь на вѣрнаго слугу Лигіи, потому что на кострѣ сгорѣлъ какой-то другой христіанинъ, котораго Виницій совсѣмъ не зналъ. Въ другой картинѣ Хилонъ, котораго цезарь не освободилъ отъ присутствія на играхъ, увидѣлъ знакомыхъ ему людей. Представлена была смерть Дедала и Икара²⁶³). Въ роли Дедала выступилъ Еврипій, тотъ самый старецъ, который когда то начертилъ Хилону рыбу, а въ роли Икара—его сынъ Квартъ. Съ помощью устроенной особо машины, ихъ подняли высоко вверхъ, а затѣмъ сбросили на арену, при чемъ молодой Квартъ упалъ такъ близко къ ложѣ цезаря, что обрызгалъ своей кровью не только наружныя украшенія ~~подолга~~, но даже пурпурную ткань на барьерѣ. Хилонъ не видѣлъ самаго паденія, потому что закрылъ глаза,—но слышалъ глухой ударъ тѣла, и когда увидѣлъ кровь тутъ же возлѣ себя, то чуть не лишился чувствъ. Картины мѣнялись очень часто. Позорное мученіе дѣвухекъ, предварительно обезчещенныхъ гладіаторами и переодѣтыхъ въ звѣрей, произвело большой восторгъ среди толпы.

Тутъ были жрицы Цибеллы и Цереры, были Данаида, Дирке и Пасифая²⁶⁴) и наконецъ дѣвочки, которыхъ разрывали дикія лошади. Народъ аплодировалъ новымъ выдумкамъ цезаря, который гордился, былъ счастливъ этимъ и ни на минуту не отнималъ изумруда отъ своихъ глазъ, наблюдая, какъ извивались въ конвульсіяхъ бѣлыя тѣла, разрываемыя желѣзомъ. Послѣ дѣвицъ, показывали картины изъ дѣяній города и вскорѣ всѣ увидѣли Муція Спеволу²⁶⁵), руку котораго прикрѣпили къ треножнику съ огнемъ, вслѣдствіе чего амфитеатръ переполнился запахомъ горѣлаго мяса; но праведный Спевола стоялъ безъ стона, съ поднятыми вверхъ

глазами и почернѣвшими губами, которыя шептали молитву. Затѣмъ его доби́ли и тѣло уволокли въ споліаріумъ. Послѣ этого настала полуденный перерывъ представленій. Цезарь, вмѣстѣ съ весталками и августианами ушелъ изъ амфитеатра въ громадный пурпурный шатеръ, въ которомъ были приготовлены для него и гостей великолѣпныя яства. Народъ, слѣдуя его примѣру, направился къ выходу. Выйдя изъ цирка, толпа расположилась художественными группами возлѣ шатра, чтобы дать отдыхъ своимъ усталымъ членамъ отъ долгаго сидѣнья и пообѣдать тѣми блюдами, которыми ихъ угощала цезарь и которыя его рабы разносили въ изобиліи.

Любопытнѣйшіе изъ народа, оставивъ свои мѣста, сошли на арену и, прикасаясь пальцами къ липкому отъ крови песку, разсуждали, какъ знатоки и любители, о томъ, что было и что еще осталось впереди. Но скоро и эти болтуны разошлись, боясь опоздать на пирь; остались только немногіе, которыхъ задержало въ циркѣ не любопытство, а сочувствіе къ будущимъ жертвамъ.

Эти послѣдніе скрылись въ проходахъ между рядами скамеекъ или въ нижнихъ мѣстахъ. Тѣмъ временемъ цирковые служители равняли песокъ на аренѣ и начали копать ямы рядами, чрезъ весь кругъ цирка, такъ что послѣдній рядъ пришелся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ложи цезаря. Снаружи доносился шумъ толпы, крики и аплодисменты, а здѣсь съ лихорадочною послѣдностью шли приготовленія къ какому-то новымъ мукамъ. Вскорѣ отворили бундулы и со всѣхъ дверей, ведущихъ на арену, начали выгонять натихъ христіанъ, которые несли на плечахъ своихъ кресты. Весь амфитеатръ быстро былъ занятъ ими. Тутъ шли старцы, согнувшіеся подъ тяжестью бревенъ, рядомъ шли мужи въ полной силѣ, женщины съ распущенными волосами, которыми они старались прикрыть свою наготу, юноши, дѣвочки и маленкія дѣти. Кресты, въ большей части какъ и жертвы ихъ, были украшены цвѣтами. Служители подгоняли этихъ несчастныхъ плетями, заставляя ихъ укладывать кресты подлѣ приготовленныхъ ямъ и стать рядами. Этимъ способомъ должны были погибнуть тѣ, которыхъ въ первый день зрѣлищъ не успѣли отдать на растерзаніе собакъ и дикихъ звѣрей. Черные рабы начали хватать ихъ и класть на кресты, а потомъ прибавать руки гвоздями къ поперечинамъ крестовъ. Работа быстро кипѣла; всѣ старались, чтобъ народъ, вернувшись въ циркъ послѣ перерыва, уже засталъ всѣ кресты поднятыми. По всему ам-

фитеатру раздавался стукъ молотковъ, эхо которыхъ откликалось во всѣхъ рядахъ и достигало на плацъ, окружающій амфитеатръ и шатерь, гдѣ пиروвалъ цезарь съ весталками и друзьями. Тамъ пили вино, шутили надъ Хилономъ и нашептывали циничныя слова жрицамъ Весты; на аренѣ же шла дѣятельная работа: гвозди погружались въ руки и ноги христіанъ и лопаты стучали, засыпая ямы, въ которыя воздружили кресты.

Между этими жертвами былъ и Криспъ. Львы не успѣли его растерзать и ему была назначена казнь на крестѣ. Но онъ давно былъ приготовленъ къ смерти и мысленно радовался, что наступаетъ его часъ. Сегодня онъ выглядѣлъ иначе: высохшее тѣло его было совсѣмъ обнажено, а только бедра были окружены опояскою плюща и на головѣ былъ вѣнокъ изъ розъ. Но въ глазахъ его блестѣла, какъ и всегда, энергія, лицо было сурово и фанатично. Да и сердце не измѣнилось, потому что онъ и теперь, какъ три дня тому назадъ въ куникулюмѣ, грозилъ гнѣвомъ Божиимъ всѣмъ обшитымъ въ звѣриныя шкуры. И сегодня, вмѣсто того, чтобъ утѣшить, онъ былъ безпощаденъ и грозилъ.

— Благодарите Спасителя, говорилъ онъ, — что Онъ позволяетъ вамъ умереть такою-же смертью, какою и Самъ умеръ. Можетъ быть, за это часть грѣховъ вашихъ простится, но все-же страшитесь: ибо справедливое мщеніе должно быть удовлетворено... награды не могутъ быть одинаковы, какъ за добрыя, такъ и за злыя дѣла.

Его словамъ вторили звуки молотковъ, которыми прибывали къ крестамъ. Съ каждой минутой, все болѣе и болѣе выросло на аренѣ крестовъ; между тѣмъ онъ, обращаясь къ тѣмъ, которые ждали своей очереди, стоя подлѣ своего креста, продолжалъ:

— Я вижу раскрытое небо, но вижу и разверзшійся адъ... Я самъ не знаю, какъ отдамъ отчетъ пзъ своихъ дѣяній жизни, хоть вѣрилъ и ненавидѣлъ зло. Я не смерти боюсь, но воскресенія, не муки, а суда, потому что насталь день гнѣва...

Въ это время, между ближайшими рядами отозвался чей-то спокойный, но торжественный голосъ:

— Не день гнѣва, но день милосердія, день спасенія и счастья, ибо, глаголю вамъ, что Христосъ приглубить и утѣшить васъ и посадить одесную. Уповайте на Бога, ибо небо отверзается надъ вами.

Глаза всѣхъ невольно повернулись къ скамьямъ; даже тѣ, ко-

торые были уже прибиты къ крестамъ, подняли блѣдныя измученныя головы и начали смотрѣть въ сторону говорившаго:

Между тѣмъ онъ, приблизившись къ барьеру, окружающему арену, началъ осѣнять ихъ знаменьемъ креста.

Криспъ протянулъ къ нему руку, точно желая и его громить, но, узнавъ его, онъ опустилъ длань, колѣни сами подогнулись и уста прошептали:

— Апостоль Павелъ!..

Къ величайшему изумленію всѣхъ цирковыхъ служителей, христіане, которыхъ еще не успѣли прибить къ крестамъ, стали на колѣни, а Павелъ обратился къ Криспу и прибавилъ:

— Не грози имъ, Криспъ, ибо они сегодня же будутъ вмѣстѣ съ тобой въ рай. Ты думашь, что они могутъ быть отринуты? Но кто же отринетъ и осудитъ ихъ? Не Господь-же, Который отдалъ за нихъ Сына своего? Не Христосъ, Который умеръ на крестѣ ради спасенія ихъ, какъ и они умираютъ въ прославленіе Его имени? Какъ-же можетъ осуждать Тотъ, Который милуетъ? Кто станетъ жаловаться на избранниковъ Божіихъ... Кто скажетъ, что эта кровь проклятая!..

— Господинъ, я ненавиждѣлъ зло... отвѣтилъ старый священникъ.

— Христосъ повелѣлъ намъ любить людей больше, чѣмъ ненавидѣть зло, такъ какъ Его ученіе заключается въ любви, а не въ ненависти...

— Прости, ибо согрѣшилъ и въ минуту смерти, отвѣтилъ Криспъ и началъ ударять себя въ грудь.

Въ это время къ апостолу подошелъ завѣдующій скамьями и спросилъ:

— Кто ты и по какому праву говоришь съ осужденными?

— Римскій гражданинъ, спокойно отвѣтилъ Павелъ и, повернувшись къ Криспу, продолжалъ:— Уповай и умри спокойно, слуга Божій!

Два негра приблизились къ Криспу, чтобы положить его на крестъ,—но онъ спокойно взглянулъ еще разъ вокругъ и воскликнулъ:

— Братья мои, молитесь за меня!..

Лицо его утратило суровость, сдѣлалось спокойнымъ и просвѣтлѣло. Онъ легъ, вытянулъ руки и, смотря на небо, началъ мо-

литься. Казалось, онъ не чувствовалъ боли, когда гвозди углублялись чрезъ его руки въ дерево, тѣло не содрогнулось и на лицѣ не появилось ни одной морщинки искаженія, даже когда крестъ подняли вверхъ и утаптывали вокругъ него землю. И только когда народъ со смѣхомъ и крикомъ началъ вваливаться въ амфитеатръ, брови старца нахмурились, точно онъ разсердился, что язычники мѣшаютъ ему спокойно умереть.

Когда всѣ кресты были уже подняты и вкопаны въ землю, то арена представляла цѣлый лѣсъ крестовъ съ висящими на нихъ жертвами. На крестовины и головы мучениковъ падалъ солнечный свѣтъ, а на арену ложилась густая тѣнь, представляющая рѣшетку, въ промежуткахъ которой былъ видѣнъ желтый песокъ. Зрѣлище это давало людямъ возможность насладиться медленной смертью мучениковъ. Никто еще до сихъ поръ не видѣлъ такого количества крестовъ: арена была до того переполнена ими, что служители съ трудомъ двигались между ними. Вокругъ висѣли преимущественно женщины; но Криспъ, какъ предводитель, висѣлъ впереди всѣхъ, почти у самаго цезарскаго подіума, будучи обвитымъ въ нижней части тѣла повиллицей. Никто изъ жертвъ еще не умеръ; только нѣкоторые, прибитые раньше другихъ, лишились чувствъ. Никто не стоналъ и не взывалъ о состраданіи. Нѣкоторые висѣли съ головами, то склоненными къ плечамъ, то опущенными на грудь, какъ бы объятые тихимъ сномъ, иные находились точно въ раздумьи; многіе смотрѣли на небо и тихо шевелили устами. Но въ этомъ ужасномъ лѣсу крестовъ, въ этихъ распятыхъ тѣлахъ и молчаливыхъ жертвахъ было что-то зловѣщее. Народъ, насытившійся и повеселѣвшій послѣ пира, входя съ крикомъ въ циркъ, вдругъ замолкъ, не зная, на которой жертвѣ остановить свои глаза и что думать. Нагота женскихъ тѣлъ, выпрямившихся отъ боли и страданій, уже не раздражала ихъ воображенія; теперь ужъ не держали обычныхъ пари, кто прежде изъ жертвъ умретъ. Казалось, что даже самъ цезарь скучалъ, потому что онъ, отвернувши голову, лѣниво поправлялъ свое ожерелье, съ лицомъ апатичнымъ и соннымъ.

Въ это время висѣвшій противъ него Криспъ, глаза котораго были до сихъ поръ закрыты, какъ у умирающаго или лишившагося чувствъ человѣка, вдругъ открылъ ихъ и вперилъ въ цезаря.

Его лицо опять приняло неумолимое выраженіе и глаза заблистали такимъ огнемъ, что августиане начали перешептываться между

собой, указывая на него пальцами. Даже самъ цезарь обратилъ на него вниманіе и дѣлливо приложилъ къ глазу свой изумрудъ.

Настала тишина; глаза присутствующихъ были обращены на Криспа, который какъ будто хотѣлъ оторвать руку отъ креста. Черезъ минуту, его грудь начала подниматься, ребра округлились, выступили на верхъ и онъ воскликнулъ:

— Горе тебѣ, матереубійца!..

Августіане, услышавъ жестокое оскорбленіе, брошенное владыкѣ свѣта прямо въ лицо, въ присутствіи многотысячной толпы, какъ бы замерли и затаили дыханіе. Хилонъ обмертвѣлъ. Цезарь вздрогнулъ и выпустилъ изъ руки изумрудъ. Народъ тоже застылъ на мѣстѣ. Но голосъ Криспа злобѣще раздавался по всему амфитатру.

— Горе тебѣ, убійца жены и брата! Горе тебѣ, Антихристъ! Адъ ужъ разверзся передъ тобою, смерть протягиваетъ къ тебѣ свои руки и гробъ ожидаетъ тебя! Горе тебѣ, живой покойникъ, ибо ты умрешь въ ужасѣ и погібнешь навѣки!..

И, не будучи въ состояніи оторвать руки отъ креста, сильно растянутый и страшный, похожій на скелетъ и непреклонный какъ сама судьба, онъ потрясалъ бѣлой бородою, отряхивая движеніемъ головы лепетки розоваго вѣнка, который былъ одѣтъ на его головѣ.

— Горе тебѣ, убійца! Чаша твоя переполнилась и твой часъ приближается!..

И онъ еще разъ потянулся: казалось, что еще одно мгновеніе и онъ оторветъ руку отъ креста и грозно протянетъ ее надъ цезаремъ, но вдругъ его исхудалыя руки вытянулись еще сильнѣе, тѣло осунулось, голова повисла на грудь и онъ скончался. Въ свою очередь, слабѣйшія изъ жертвъ тоже начали засыпать вѣчнымъ сномъ.

II.

— Божественный! говорилъ Хилонъ. — Теперь море спокойно, какъ оливковое масло, и волны спятъ... Поѣдемъ въ Ахайю. Тамъ ждуть тебя слава Аполлона; тамъ ждуть тебя вѣнки и триумфъ; тамъ люди обоготворятъ тебя и сами Боги примутъ тебя, какъ равнаго имъ гостя... здѣсь же, господишь...

И онъ замолчалъ, потому, что нижняя губа его такъ задрожала, что слова стали исходить непонятными звуками.

— Поѣдемъ по окончаніи зрѣлищъ, — отвѣтилъ Перонъ. —

Я знаю, что нѣкоторые называютъ христіанъ «*innoxia cogroga*» ²⁶⁶), но если-бъ я уѣхалъ, тогда это стали-бы повторять всё. Но чего ты боишься, паршивая скотинка?

Причемъ онъ нахмурилъ брови, посмотрѣлъ на Хилона пытливымъ взглядомъ, какъ-бы ожидая отъ него объясненій, потому что и самъ, только притворялся хладнокровнымъ: на послѣднемъ представленіи онъ до того испугался словъ Криспа, что, вернувшись домой, не могъ уснуть не только отъ бѣшенства и стыда, но и отъ страха.

Суевѣрный Вестиній, слушавшій молча ихъ разговоръ, осмотрѣлся кругомъ и таинственно сказалъ:

— Слушай ты этого старца!.. Но все-таки въ этихъ христіанахъ есть что то непостижимое... Хоть ихъ божество посылаетъ имъ легкую смерть, но оно можетъ быть мстительно.

— Да вѣдь не я устраиваю игры, а Тигелинъ! поспѣшно отвѣтилъ Неронъ.

— Да, это я! отвѣтилъ Тигелинъ, услышавшій слова цезаря.— Это я—и смѣюсь надъ всѣми божествами христіанъ. Вестиній, это надутый суевѣріемъ пузырь, а этотъ мужественный грекъ готовъ умереть отъ страха при видѣ насѣдки, защищающей своихъ цыплятъ.

— Все это хорошо, сказалъ Неронъ—но теперь прикажи отрѣзывать христіанамъ языки, или затыкать имъ рты, чтобъ они не болтали.

— Огонь заткнетъ ихъ, божественный.

— Горе мнѣ! застоналъ Хилонъ.

Но цезарь, которому спокойная увѣренность Тигелина придала храбрости, началъ смѣяться и, указывая на стараго грека, произнесъ:

— Смотрите, какъ выглядить этотъ потомокъ Ахиллеса!

Дѣйствительно, Хилонъ былъ страшенъ. Остатки бывшихъ на его черепѣ волосъ совсѣмъ посѣдѣли и на лицѣ какъ будто застыли безпокойство, тревога и угнетеніе. Минутами, онъ казался какъ-бы ошеломленнымъ и полупомѣшаннымъ, не отвѣчалъ на вопросы, впадалъ въ гнѣвъ и становился даже дерзкимъ, такъ что августіане не рѣшались трогать его. Въ настоящій моментъ, онъ былъ именно въ такомъ настроеніи.

— Дѣлайте со мной, что хотите, но я больше не стану при-

существовать на играхъ! воскликнулъ въ отчаяніи Хилонъ, щелкнувъ пальцами.

Неронъ посмотрѣлъ на него съ минуту и затѣмъ, повернувшись къ Тигелину, сказалъ:

— Наблуди за тѣмъ, что-бы этотъ стоикъ былъ поближе меня въ садахъ. Я хочу видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него наши факелы!

Хилонъ испугался угрозы, которая слышалась въ голосъ цезаря.

— Господинъ! отозвался онъ,—да вѣдь я все равно не увижу ничего, потому что ночью ничего не вижу.

— Ночь будетъ ясна, какъ день, отвѣтилъ цезарь съ страшною улыбкой.

Потомъ онъ обратился къ августіанамъ и началъ разговаривать съ ними о состязаніяхъ, которыя онъ намѣревался устроить подь конецъ всѣхъ зрѣлищъ.

Между тѣмъ къ Хилону приблизился Петроній и, прикоснувшись къ его плечу, сказалъ:

— Ну, что? Не я-ли говорилъ тебѣ: Не выдержишь?

— Надо напиться!.. отвѣтилъ Хилонъ и протянулъ дрожащую руку за кратеромъ съ виномъ, но онъ не могъ донести его ко рту. Видя это, Вестиній отнялъ отъ него кратеръ и, придвинувшись къ нему съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ, спросилъ:

— Никакъ тебя преслѣдуютъ Фуріи? А?

Старикъ посмотрѣлъ на него съ открытымъ ртомъ, какъ-бы не понимая вопроса и усиленно моргая глазами.

Вестиній повторилъ свой вопросъ:

— Не преслѣдуютъ-ли тебя Фуріи?

— Нѣтъ не Фуріи, отвѣтилъ Хилонъ,—а ночь передо мною...

— Какъ—ночь?.. Да сохранять тебя всѣ боги!.. Какъ ночь?

— Ужасная и непроницаемая, въ которой что то движется и идетъ ко мнѣ. Но я не знаю—что и страшно боюсь.

— Я былъ увѣренъ, что они чародѣя... Что-же, ты видишь что-либо во снѣ?

— Нѣтъ, ничего не вижу, потому что не сплю... Я не думалъ что ихъ такъ накажутъ.

— А развѣ тебѣ ихъ жаль?

— Да зачѣмъ вы столько проливаете крови? Ты слышалъ, что «тотъ» говорилъ съ креста?.. Горе намъ!

— Да, слышалъ, тихо отвѣтилъ Вестиній. — Но вѣдь они поджигатели.

— Неправда!

— Враги рода человѣческаго.

— Неправда!

— Отравители воды.

— Неправда!

— Убийцы дѣтей...

— Какъ же неправда? удивленно спросилъ Вестиній, — когда ты самъ говорилъ это—и предалъ ихъ въ руки Тигелина.

— Тогда тоже окружила меня ночь, а теперь смерть близится къ мнѣ... Иногда мнѣ кажется, что я уже умеръ... и все вмѣстѣ со мною.

— Нѣтъ! это они умираютъ, а мы живы. Но скажи мнѣ, что они видятъ, умирая?

— Христа...

— Это ихъ богъ, что ли, и могущественный богъ?

Но на это Хилонъ отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Что это за факела, которые будутъ горѣть въ садахъ и о которыхъ говорилъ цезарь? Слышалъ?..

— Слышалъ и знаю. Они называются «sarmentitii» и «semaхii». ²⁶⁷⁾ «Ихъ» одѣнуть въ скорбныя туники пропитанныя смолой, привяжутъ къ столбамъ и подожгутъ... Semaхii—это страшная казнь!

— Лучше это, чѣмъ кровь, — отвѣтилъ Хилонъ. — Прикази невольнику подать мнѣ бокаль вина къ губамъ. Я чувствую жажду но самъ не могу взять кратера, потому что мои руки дрожать отъ старости...

Другіе тоже разговаривали о христіанахъ; старый Домицій Афръ надсмѣхался надъ ними.

— Ихъ такое множество, что они могли-бы затѣять внутреннюю войну, сказалъ онъ.—Помнишь, какъ все мы боялись, чтобы они не стали защищаться, а они, наоборотъ, гибнутъ какъ овцы.

— Пусть бы попробовали иначе!.. сказалъ Тигелинъ.

— Ошибаетесь! отозвался Петроній.—Они защищаются.

— Какимъ образомъ?

— Терпѣніемъ.

— Это новый способъ.

— Вѣрно. Но можете ли вы сказать, что они умираютъ какъ

обыкновенные злодѣи?—Нѣтъ! Они умираютъ такъ, какъ бы были злодѣи тѣ, которые приговорили ихъ къ смерти: то есть—мы и весь римскій народъ.

— Что за вздоръ! воскликнулъ Тигеллинъ.

— *Nic Abdera!*²⁸⁸) отвѣтилъ Петроній.

Но многіе согласились съ его мѣткимъ замѣчаніемъ и начали съ любопытствомъ смотрѣть на него.

— Правда! говорили они: — въ ихъ смерти есть что то особенное.

— Говорю, что они видятъ свое божество! — отозвался Вестиній.

Нѣсколько августіанъ обратились къ Хилону.

— Послушай, старикъ, вѣдь ты ихъ знаешь хорошо?... Такъ скажи намъ, что они видятъ?

Грекъ выплонулъ вино на тунику и отвѣтилъ:

— Воскресеніе изъ мертвыхъ!..

И онъ вдругъ такъ вздрогнулъ, что сидящіе ближе къ нему гости разразились громкимъ смѣхомъ.

III.

Нѣсколько дней къ ряду Виницій проводилъ ночи внѣ дома. Петронію приходило на мысль, что онъ опять придумалъ какой либо новый планъ и работасть надъ освобожденіемъ Лигіи изъ эсквилинской тюрьмы, а потому и не спрашивалъ его, боясь своими разспросами досадить ему.

Съ того времени, какъ этотъ изысканный скептикъ потерпѣлъ неудачу въ освобожденіи Лигіи изъ Мамертинскаго подземелья, онъ пересталъ болѣе вѣрить въ свою путеводную звѣзду.

Впрочемъ, онъ и теперь не разсчитывалъ на удачныя послѣдствія хлопотъ Виниція. Эсквилинская тюрьма была устроена изъ погребовъ домовъ, разрушенныхъ для прекращенія пожара, и хотя она не была такъ страшна, какъ старый Туліанъ возлѣ Капитолія, но зато ее больше оберегали. Петроній прекрасно понималъ, что Лигію перевели туда только для того, чтобъ она не умерла и тѣмъ не избавилась отъ амфитеатра, а потому легко было догадаться, что ее берегли теперь какъ зеницу ока.

— Вѣроятно, говорилъ онъ себѣ,— цезарь вмѣстѣ съ Тиге-

линомъ придумываютъ для нея особенную и еще невиданную казнь, и Виницій скорѣй самъ погибнетъ, нежели ее освободить.

Виницій тоже потерялъ ужъ надежду на ся освобожденіе. Теперь это могъ сдѣлать только одинъ Христось, а потому молодому трибуну только хотѣлось увидѣться съ нею въ тюрьмѣ. Эта мысль не давала ему покоя. Если Назарій попалъ въ Марментинскую тюрьму какъ наемный рабочій, для выноса труповъ, то и онъ, Виницій, рѣшилъ пойти, по этой дорогѣ.

Подкупленный за огромную сумму смотритель «смердныхъ ямъ», принявъ его наконецъ въ число своихъ рабочихъ, которыхъ онъ каждую ночь посылалъ за трупами въ тюрьмы. Онъ не рисковалъ, что Виницій могъ быть узаннымъ, потому что ночь, невольничій костюмъ и тусклое освѣщеніе тюремъ благопріятствовали ему. Впрочемъ, кто могъ подумать, чтобы Патрицій, внукъ и сынъ консуловъ, могъ находиться между погребальной челядью, посылаемой въ тюрьмы для выноса тѣлъ въ «вонючія ямы» и исполнять ту работу, къ которой приневоливала людей только крайняя нужда и нищета.

Но онъ, когда насталъ желанный вечеръ, съ радостью подвязалъ, какъ рабъ, свои бедра, обвязалъ голову тряпкой, пропитанной терпентиномъ, и съ бьющимся сердцемъ отправился вмѣстѣ съ прочими въ Эсквилины.

Начальникъ преторіанской стражи, осмотрѣвъ при свѣтѣ фонаря ихъ тессеры, безпрепятственно отворилъ предъ ними большія желѣзныя двери тюрьмы и они вошли.

Виницій увидѣлъ передъ собою обширный сводчатый склепъ, изъ котораго можно было перейти въ другіе. Тусклые свѣтильники освѣщали внутренность, наполненную людьми. Нѣкоторые изъ нихъ лежали у стѣнъ, погруженные въ сонъ, а можетъ быть и мертвые. Иные окружали стоявшій посерединѣ большой сосудъ съ водою, изъ котораго пили, какъ больные горячкой, такъ и здоровые, или сидѣли опустивъ голову; кое-гдѣ спали дѣти, прижавшись къ матерямъ своимъ. Кругомъ слышенъ былъ стонъ, отрывистое дыханіе больныхъ, плачь, шепотъ молитвы, тихія пѣсни, пѣтыя въ полголоса, и проклятыя тюремщиковъ. Въ подземельи царилъ трупный запахъ и тѣснота. Въ мрачной глубинѣ виднѣлись при свѣтѣ мигающихъ огоньковъ мрачныя, блѣдныя, испуганныя и голодныя лица, съ мутными и воспаленными глазами, посинѣлыми устами и

слипшимися отъ пота волосами. По угламъ раздавались глухіе стоны больныхъ: кто просилъ воды, а кто — смерти. Однако-же эта тюрьма была менѣе ужасна, чѣмъ Туліанъ. При этой страшной картинѣ, у Виниція задрожали ноги и дыханіе замерло въ груди. При мысли, что Лигія тоже находится среди этой ужасающей обстановки, волосы его становились дыбомъ. Амфитеатръ, дикіе звѣри и кресты были, въ сравненіи съ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ, полнымъ трупнаго запаха — ничтожествомъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались умоляющіе голоса заключенныхъ:

— Ведите насъ на смерть!

Виницій сжалъ свои кулаки, чувствуя, что онъ слабѣетъ и можетъ лишиться чувствъ. Все, что онъ испыталъ до сихъ поръ, въ видѣ любви и страданій, смѣнилось въ одно желаніе смерти.

Вдругъ среди подземелья раздался голосъ зрителя «смердныхъ ямъ».

— Сколько сегодня труповъ?

— Около дюжины, отвѣтилъ тюремный сторожъ, — но къ утру ихъ будетъ больше, потому что ужъ нѣкоторые кончаются подъ стѣнами.

И онъ началъ обвинять женщинъ, которыя, якобы, скрываютъ своихъ умершихъ дѣтей, чтобы дольше продержатъ ихъ при себѣ и не отдавать въ «смердныя ямы», что трупы приходится узнавать уже по запаху и что воздухъ, и безъ того смердный, портится еще хуже.

— Я предпочелъ бы быть рабомъ въ деревенскихъ эргастулахъ, нежели сторожить этихъ гнѣющихъ заживо собакъ, — сказалъ онъ зрителю.

Послѣдній тоже увѣрялъ, что и его служба не легче. Въ это время Виницій пришелъ въ себя и началъ разсматривать подземельѣ. Но напрасно онъ искалъ глазами Лигію: ее здѣсь не было и онъ подумалъ, что едва-ли ему удастся увидѣть ее живою. Погребовъ было много и они сообщались между собою свѣжепрорытыми ходами. Похоронная челядь входила только въ тѣ изъ нихъ гдѣ нужно было убрать тѣла умершихъ, и Виниція охватилъ страхъ, что все то, что ему стоило не мало трудовъ, не послужитъ ни къ чему хорошему.

Къ счастью, его патронъ пришелъ ему на помощь.

— Скорѣй убирайте мертвыя тѣла! сказалъ онъ сторожамъ, —

потому что зараза болѣе всего распространяется отъ труповъ. Иначе умрете и вы, и заключенные.

— Да вѣдь на всѣ подземелья насъ только десять человѣкъ, отвѣтилъ сторожъ,— а намъ тоже нуженъ отдыхъ и сонъ.

— Въ такомъ случаѣ, я тебѣ оставлю моихъ четырехъ людей, которые ночью будутъ обходить погреба и смотрѣть за тѣми, кто умираетъ.

— Хорошо... За это выпьемъ завтра. Но пусть они каждого трупа относятъ для испытанія, потому что пришелъ приказъ, чтобъ умершимъ прокалывать шеи, а потомъ ужъ хоронить.

— Ладно, значить выпьемъ?! отвѣтилъ смотритель.

Послѣ этого разговора онъ назначилъ четырехъ людей и въ томъ числѣ—Виниція, а съ остальными началъ укладывать на носилки трупы.

Виницій вздрогнулъ. Теперь онъ былъ увѣренъ, что увидитъ Лигю. Прежде всего, онъ тщательно осмотрѣлъ первый погребъ, заглянулъ во всѣ темные его углы, куда не проникалъ блескъ свѣтильниковъ, осмотрѣлъ спящихъ у стѣнъ, покрытыхъ плащами, а также тяжело больныхъ, которые были постянуты въ особый уголь, но Лиги не могъ найти. Во второмъ и третьемъ погребѣ его поиски тоже не увѣнчались успѣхомъ.

Между тѣмъ время было позднее и тѣла умершихъ уже повывнесли. Сторожа улеглись въ корридорахъ, соединяющихъ погреба, и уснули; дѣти, изнуренные плачемъ, тоже умолкли и въ подземельяхъ только слышалось еще усиленное дыханіе больныхъ и кое-гдѣ—шепотъ молитвы.

Виницій, взявъ свѣтильникъ въ руки, вошелъ въ четвертый погребъ, объемомъ меньшій прежнихъ, поднялъ вверхъ огонь и сталъ его разсматривать. Но вдругъ онъ вздрогнулъ: ему показалось, что онъ увидѣлъ у оконной рѣшетки колоссальную фигуру Урса. Виницій быстро задулъ свѣтильникъ и, приблизившись къ нему, отозвался:

— Урсь, это ты?

Гигантъ-атлетъ повернулъ голову и, въ свою очередь, спросилъ:

— Кто ты?

— Не узнаешь меня? сказалъ молодой человѣкъ.

— Да вѣдь ты погасилъ свѣтильникъ и какъ же я въ темнотѣ могу узнать тебя?

Но Виницій увидѣлъ въ эту минуту Лигію, которая лежала на разостланномъ плащѣ, у стѣнки; не говоря ни слова, онъ упалъ предъ нею на колѣни. Теперь Урсъ узналъ его и сказалъ:

— Слава Тебѣ Христе! Но, не буди ее, господинъ.

Виницій стоялъ на колѣняхъ и сквозь слезы всматривался въ лицо Лигія. Не смотря на мракъ, онъ могъ отличить ея лицо, бѣлое какъ алебастръ и ея исхудалыя руки. При видѣ этой больной дѣвушки, имъ овладѣла такая безграничная любовь, которая рвала его сердце на части, встряхивая всѣмъ его существомъ, а въ то же время онъ почувствовалъ къ ней жалость и благоговѣніе, такъ что, упавъ лицомъ на землю, онъ началъ цѣловать край ея плаща, на которомъ почивало это, дорогое для него, существо.

Урсъ долгое время смотрѣлъ на него молча, наконецъ потянулъ его за тунику и спросилъ:

— Какъ ты попалъ сюда, господинъ, и не желаешь ли ее спасти?

Виницій поднялся и съ минуту боролся съ охватившимъ его волненіемъ.

— Укажи мнѣ способъ! отвѣтилъ онъ.

— Я думалъ, что ты нашелъ его... Мнѣ только одинъ приходилъ въ голову...

Причемъ онъ повернулъ глаза къ рѣшеткѣ и какъ бы отвѣчая самъ себѣ, прибавилъ:

— Сюда!.. Но тамъ солдаты...

— Сотня преторіанъ, отвѣтилъ Виницій.

— Значить, не пройдемъ!

— Нѣтъ!

Урсъ потеръ свой лобъ и повторилъ свой вопросъ:

— Какъ ты сюда попалъ, господинъ?

— У меня есть знакъ отъ зрителя «смердящихъ ямъ»...

И онъ вдругъ оборвалъ, точно ему блеснула какая мысль:

— Во имя мукъ Спасителя! сказалъ онъ поспѣшно. — Я останусь здѣсь, а она пусть возьметъ мой тессеръ, завяжетъ голову моею тряпкой, одѣнетъ мой плащъ и выйдетъ. Среди могильщиковъ есть нѣсколько юношей и преторіане не узнаютъ ее а когда она доберется до дому Петронія, то онъ ужъ спасетъ ее.

Но Урсъ, опустивъ голову на грудь, отвѣтилъ:

— Она не согласится на это, потому что любитъ тебя; при

томъ она больна и не можетъ стоять на ногахъ. Кромѣ того, если ты, господинъ, и благородный Петроній не могли раньше освободить ее, то кто-жъ теперь спасетъ ее?

— Одинъ Христосъ!.. отвѣтилъ Виницій и оба они умолкли.

Урсъ однако же думалъ своею простой головой: «Конечно, Онъ могъ бы освободить ее, но если не дѣлаетъ этого, то видно настала часъ мученій и смерти». И онъ былъ готовъ умереть, но ему было жаль до глубины души этого ребенка, который выросъ на его рукахъ и котораго онъ любилъ, какъ свою жизнь.

Виницій опять сталъ на колѣни при Лигіи. Въ подземелье, сквозь рѣшетку, проникъ свѣтъ луны и освѣтилъ лучше, чѣмъ свѣтильникъ, который мерцалъ надъ дверями.

Вдругъ Лигія открыла глаза и, положивъ свою горячую руку на руку Виниція, отозвалась:

— Вижу тебя... Я знала, что ты придешь!

Онъ схватилъ ея руку и началъ прижимать ее къ головѣ и сердцу, потомъ приподнялъ Лигію и положилъ ея голову на свою грудь.

— Пришелъ, дорогая Лигія! отвѣтилъ онъ. — Да сохранишь тебя Христосъ, защититъ и спасетъ!..

Дальше онъ не могъ говорить, потому что сердце его сжалось отъ страшной боли, въ которой онъ однако-же не хотѣлъ сознаться.

— Я больна, Маркъ, отвѣтила Лигія, — и должна умереть здѣсь или на аренѣ... Но я молилась предъ этимъ, чтобы тебя еще разъ увидѣть, и Христосъ выслушалъ мою молитву!

Но Виницій не въ состояніи былъ ничего отвѣтить и только судорожно прижималъ ее къ груди, а она продолжала:

— Я видѣла тебя чрезъ окно въ Туліанъ и знала, что ты хотѣлъ прийти... Теперь Спаситель возвратилъ мнѣ память и я могу проститься съ тобою. Скоро я пойду къ Нему, Маркъ, но я люблю тебя и всегда буду любить.

Виницій подавилъ въ себѣ душевныя муки и началъ говорить голосомъ, которому хотѣлъ придать полное спокойствіе.

— Нѣтъ, дорогая. Ты не умрешь. Апостолъ приказалъ мнѣ вѣрить и общалъ молиться за тебя; а онъ зналъ Христа: Христосъ его любилъ и Онъ не откажетъ ни въ чемъ Петру... Еслибъ тебѣ нужно было умереть, то онъ не сказалъ бы мнѣ «надѣйся», а онъ именно сказалъ это... Нѣтъ, Лигія! Христосъ сжалится

надъ нами... Онъ не хочетъ твоей смерти и не допустить ес...
Клянусь тебѣ именемъ Спасителя, что Петръ молится за тебя!

Настала тишина. Единственный свѣтильникъ, висѣвшій надъ дверью, погасъ, зато луна ярко освѣщала черезъ окно все под-земелье. Въ противоположномъ углу раздался плачь ребенка и затихъ. Извнѣ доходили голоса преторіанцевъ, которые, послѣ смѣны, играли подъ стѣнами въ «scriptae duodecim»²⁶⁹).

— Маркъ!, сказала Лигія,—самъ Христось взывать къ отцу: «удали отъ меня эту горькую чашу». Онъ самъ умеръ на крестѣ, а теперь за Него гибнуть тысячи... Такъ зачѣмъ же Ему шадить меня одну? Кто я... Я слышала какъ Петръ сказалъ, что и онъ умретъ въ мученіяхъ, а кто-же я противъ него? Когда къ намъ пришли преторіанцы, я боялась смерти и мукъ, но теперь ужъ не боюсь. Смотри, какая ужасная эта тюрьма, а вѣдь я пойду на небо. Подумай: здѣсь цезарь, а тамъ—Спаситель, добрый и милосердный, и тамъ нѣтъ смерти. Вѣдь ты меня любишь, Маркъ? Такъ вообрази, какъ я буду счастлива. Вѣдь и ты придешь ко мнѣ?

Она умолкла на минуту, чтобы перевести духъ и потомъ поднесла его руку къ губамъ и продолжала:

— Маркъ!

— Что, дорогая?

— Не плачь обо мнѣ, и помни, что ты туда придешь ко мнѣ. Хоть я немного жила на свѣтѣ, но Богъ послалъ мнѣ твою душу. И вотъ, я хочу сказать Христу: «хоть я умерла и Ты смотрѣлъ на смерть мою; хоть твое сердце было разбито, но ты не ропталъ и не шелъ противъ Его воли, а любишь Его всегда». А ты будешь любить Его и терпѣливо перенесешь смерть мою?.. Тогда Онъ соединитъ насъ, а я тебя люблю и хочу быть съ тобой...

Ей опять нехватило воздуха и она едва слышно окончила:

— Обѣщай мнѣ это, Маркъ!..

Виницій обнялъ ее дрожащими руками и отвѣтилъ:

— Клянусь твоей священной головою!..

Лицо Лигіи просіяло и она еще разъ поднесла его руку къ своимъ губамъ и слабо прошептала:

— Я твоя жена!..

За стѣной игравшіе преторіанцы подняли громкій споръ, но больная и Виницій забыли о тюрьмѣ, о стражѣ и о всей зем-

лъ. Чувствуя въ себя взаимно ангельскія души они оба начали молиться.

IV.

Три дня или, точнѣе, три ночи ни что не смущало ихъ покой. Когда обыкновенныя работы въ тюрьмѣ, состоящія въ отдѣленіи мертвыхъ отъ живыхъ и больныхъ отъ здоровыхъ, оканчивались и изнуренные тюремщики ложились спать въ корридорахъ, Виницій входилъ въ подземелье Лигія и проводилъ съ ней ночь, пока дневной свѣтъ не проникалъ въ рѣшетку окна. Она клала ему голову на грудь и они тихо разговаривали о любви и смерти. Оба невольно удалялись отъ жизни, какъ мыслями и разговорами, такъ и желаніями и надеждами, и даже не ощущали ее. Оба чувствовали себя какъ люди, которые, сѣвъ на корабль, отчалили отъ берега и удалялись въ безконечность. Оба превращались постепенно въ существа печальныя, взаимно влюбленныя другъ въ друга, любящія Христа и готовые вмѣстѣ умереть. Только по временамъ въ его сердце чувствовалась боль, и надежда, какъ молнія освѣняла его, что Господь всемилостивъ; надежда, порождаемая любовью и вѣрой въ распятаго Христа; но съ каждымъ днемъ онъ все больше отрывался отъ земли и отдавался въ распоряженіе смерти.

Утромъ, выходя изъ тюрьмы, онъ смотрѣлъ ужъ на свѣтъ, на городъ, на знакомыхъ и на всякія житейскія дѣла, какъ будто сквозь сонъ. Все ему казалось чуждымъ, далекимъ и тлѣннымъ. Его ужъ перестали пугать даже ужасныя мученія, такъ какъ онъ предчувствовалъ, что ихъ можно пройти какъ бы въ задумчивости, смотря на чтонибудь другое, а не на муки. А вмѣстѣ имъ обоимъ казалось, что ихъ уже окружаетъ вѣчность и они разговариваютъ о любви и о томъ, какъ они будутъ любить другъ друга живя въ загробной жизни. Только по временамъ мысли ихъ касались земнаго существованія и то единственно въ томъ видѣ, какъ-бы они готовились въ дальній путь и говорили о самыхъ обыкновенныхъ приготовленіяхъ... Впрочемъ, ихъ окружала такая тишина, какая окружаетъ двѣ колонны, забытыя гдѣ-то въ пустынѣ. Теперь они желали одного, чтобы Христосъ не разлучалъ ихъ; и когда каждая минута укрѣпляла ихъ въ этомъ убѣжденіи, то они возлюбили Его, какъ кольцо, которое должно было соединить ихъ на-

вѣки для безконечнаго счастья и спокойствія. Находясь еще на землѣ, на нихъ былъ и прахъ земной, но души ихъ были чисты какъ слеза. Имѣя въ виду грозную смерть среди нужды и страданій въ тюремной берлогѣ, они не думали о ней и видѣли только небо, потому что она, точно святая, брала его за руку и вела къ вѣчному источнику жизни.

Петроній изумлялся, видя, что лицо Виниція дѣлалось съ каждымъ днемъ все спокойнѣе и веселѣе. По временамъ, у него являлась мысль, что Виницій нашелъ путь къ спасенію, и ему было неприятно, что онъ не хочетъ посвятить его въ свою тайну. Наконецъ онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Теперь ты выглядишь иначе... Не скрывай-же отъ меня тайны, потому что я хочу и могу быть тебѣ полезнымъ... Скажи, ты придумалъ что-нибудь?

— Да, придумалъ, отвѣтилъ Виницій, — но ты мнѣ въ этомъ не можешь быть полезнымъ. Послѣ ея смерти, я объявлю, что и я христіанинъ, и пойду вслѣдъ за ней.

— Значить, нѣтъ болѣе надежды?

— Напротивъ, есть. Самъ Христосъ отдастъ ее мнѣ и я болѣе никогда съ ней не разстанусь.

Петроній началъ ходить по атриуму съ лицомъ, преисполненнымъ разочарованія и нетерпѣнія, а потомъ сказалъ:

— Для этого не нужно вашего Христа, потому что такую услугу можетъ сдѣлать и нашъ Фанатъ²⁷⁰).

Но Виницій грустно улынулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, дорогой, ты не хочешь этого понять.

— Не хочу и не могу, да и не время теперь для препира-тельствъ... Лучше скажи, помнишь ли, что ты сказалъ мнѣ, когда намъ не удалось освободить ее изъ Туліана? Тогда я ужъ потерялъ всякую надежду, а ты, когда мы вернулись домой, произнесъ: «Я вѣрю, что Христосъ можетъ мнѣ вернуть ее». Пусть же Онъ возвратитъ ее тебѣ. Если я брошу дорогой бокалъ въ море, то ни одинъ изъ нашихъ боговъ не будетъ въ состояніи возвратитъ его. Итакъ, если и вашъ Богъ не лучше нашихъ, то, не понимаю, къ чему мнѣ почитать его болѣе другихъ.

— Онъ мнѣ отдастъ ее! спокойно отвѣтилъ Виницій.

Петроній пожалъ плечами.

— Знаешь ли, спросил онъ,—что завтра христіанами хотять освѣтить всѣ сады цезаря?

— Завтра? переспросилъ Виницій.

И въ виду близкой и страшной дѣйствительности, сердце его болѣзненно забилося. Подумавъ, что это можетъ быть послѣдняя ночь, которую онъ проведетъ съ Лигіей, Виницій простился съ Петроніемъ и быстро направился къ смотрителю путикулей за своимъ тессеромъ.

Но здѣсь его постигла неудача: смотритель не хотѣлъ ему выдать знака.

— Прости, господинъ! сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ для тебя все, что могъ, но не могу пожертвовать своею жизнью. Сегодня ночью поведутъ христіанъ въ цезарскіе сады, въ тюрьмѣ будетъ много солдатъ и начальства и, если тебя узнаютъ, то пропаду я и мои дѣти.

Виницій понялъ, что настаивать на своемъ былъ бы напрасный трудъ. Однако ему блеснула мысль, что солдаты, видѣвшіе его прежде, быть можетъ, пропустятъ его и безъ знака. Въ виду этого, какъ только наступилъ вечеръ, онъ одѣлся по обыкновенію въ погребальную тунуку и, обернувъ тряпицей голову, направился къ воротамъ тюрьмы.

Но въ этотъ вечеръ знаки провѣряли съ большею тщательностью, чѣмъ прежде, а главное, сотникъ Сцевиній, преданный душою и тѣломъ цезарю солдатъ, узналъ Виниція.

Но, повидимому, въ его окованной желѣзомъ груди тлѣла еще искра сожалѣнія къ людскимъ невгодамъ, потому что онъ, вмѣсто того, чтобы ударить копьемъ въ щитъ въ знакъ тревоги, отвелъ Виниція въ сторону и сказалъ:

— Господинъ, возвращайся къ себѣ! Я узналъ тебя, но буду молчать, не желая погубить тебя. Я не могу пропустить тебя, возвращайся домой и пусть всѣ боги ниспослють тебѣ успокоеніе!

— Если ты не можешь пропустить меня, сказалъ Виницій,—то позволь мнѣ хоть остаться здѣсь и видѣть тѣхъ, которыхъ будутъ выводить.

— Приказъ, данный мнѣ, не запрещаетъ этого, отвѣтилъ сотникъ.

Виницій сталъ у воротъ и ждалъ, пока поведутъ осужденныхъ.

Около полуночи, раскрылись ворота тюрьмы и въ нихъ показались ряды заключенныхъ, всякого возраста и пола, окруженныхъ

вооруженными преторианцами. Ночь была свѣтлая; полная луна свѣтила на небѣ, такъ что можно было ясно разглядѣть всѣ лица несчастныхъ, которые шли попарно длинной безконечной вереницей. Тишина царилъ кругомъ и нарушалась только бряцаніемъ оружія солдатъ. Осужденныхъ вели такое множество, что казалось будто всѣ подземелья останутся порожними.

Въ концѣ этой вереницы, Виницій увидѣлъ лекаря Главка, но ни Лигія, ни Урса не было между осужденными.

V.

Еще не совсѣмъ смерклося, какъ ужъ первыя волны народа начали наплывать въ сады цезаря. Толпа, разодѣтая въ праздничныя одежды, съ вѣнками на головахъ, веселая и поющая, а отчасти и пьяная, шла смотрѣть на новое величественное зрѣлище. Возгласы: «*Semaxii! sargentiti!*» раздавались на *via Tecta*, на мосту Эмілія и на другой сторонѣ Тибра, по Триумфальной дорогѣ, возлѣ цирка Нерона и даже на Ватиканскомъ холмѣ. Хотя въ Римѣ и прежде видѣли, какъ жгли на столбахъ людей, но не въ такомъ количествѣ. Цезарь и Тигелинъ, желая покончить скорѣе съ христіанами и вмѣстѣ съ тѣмъ пресѣчь распространявшуюся заразу, которая изъ тюремъ переносилась въ городъ, приказали очистить всѣ подземелья и оставить въ нихъ лишь нѣсколько десятковъ лицъ, для окончанія всѣхъ зрѣлищъ.

Толпа, пройдя въ ворота садовъ, онѣмѣла отъ удивленія. Всѣ главныя и боковыя аллеи, тянувшіяся среди деревьевъ и луговъ, среди кустарниковъ, вокругъ прудовъ и водоемовъ, кругомъ клумбъ съ цвѣтами, словомъ, вездѣ были переполнены осмоленными столбами, къ которымъ попривязали христіанъ. На высокихъ мѣстахъ, гдѣ деревья не заслоняли вида, можно было видѣть цѣлые ряды мачтъ съ привязанными къ нимъ людьми; украшенными цвѣтами, листьями миртъ и плюща. Всѣ столбы тянулись такъ далеко, что ближніе казались высокими мачтами, а дальніе—точно воткнутые въ землю цвѣтныя тирсы или пики. Несмѣтное множество ихъ превзошло всякія ожиданія народа. Можно было подумать, что тутъ привязанъ къ столбамъ какой-то чуждый народъ, для утѣхи Рима и цезаря. Толпы зрителей останавливались передъ мачтами и съ любопытствомъ разсматривали жертвы, ихъ возрастъ, тѣла, лица, вѣнки, цвѣты и гир-

лянды изъ плюща; потомъ шли далѣе и далѣе, съ изумленіемъ спрашивая себя: «Неужели все это виновники пожара? Неужели Римъ поджигали даже дѣти, которыя едва-ли еще могли сами ходить?» И изумленіе ихъ постепенно переходило въ сомнѣніе.

Тѣмъ временемъ настали сумерки и на небѣ заблестѣли первыя звѣзды. Какъ только стемнѣло, при каждомъ приговоренномъ сталъ невольникъ съ факеломъ въ рукѣ, и когда звуки трубъ раздались въ разныхъ частяхъ садовъ, оповѣщая о началѣ зрѣлищъ, они приложили факелы къ столбамъ.

Скрытая подъ цвѣтами и политая смолою солома живо занялась яркимъ пламенемъ, которое быстро поднималось вверхъ, развивало гирлянды плюща и достигало до ногъ жертвъ. Народъ умолкъ, а сады огласились однимъ, душу леденящимъ, стономъ и криками отъ боли. Нѣкоторыя жертвы, поднявъ головы къ звѣздному небу, начали пѣть во славу Христа. Народъ слушалъ. Но и самыя твердыя сердца преисполнились ужасомъ, когда съ небольшихъ мачтъ раздались раздирающіе душу дѣтскіе крики и возгласы: «Мама! мама!» Дрожь пробѣгала даже у пьяныхъ зрителей, при видѣ этихъ головокъ и невинныхъ личекъ, искажавшихся отъ боли и задыхающихся въ дымѣ, который ужъ началъ душить жертвы. Пламя распространялось, ползло вверхъ и сжигало вѣнки изъ розъ и плюща. Разгорѣлись главные и боковыя аллеи, пылали группы деревьевъ, луга и цвѣтныя клумбы; заблестѣла вода въ прудахъ и сажалкахъ; покраснѣли листья на деревьяхъ и сдѣлалось видно какъ днемъ. Сады переполнились запахомъ горѣвшихъ тѣлъ, въ виду чего невольники начали сыпать въ приготовленные заранѣе между столбами курыльницы мирру и алой. Въ толпѣ стали раздаваться по всюду крики, не то сочувствія, не то опяняющей радости, которые усиливались съ каждой минутой вмѣстѣ съ огнемъ, охватывавшимъ столбы, поднимавшимся къ грудямъ жертвъ, скручивавшимъ палящимъ дыханіемъ волосы на ихъ головахъ, заслонявшимъ ихъ почернѣлыя лица и наконецъ съ трескомъ взвивавшимся все выше и выше, какъ-бы торжествуя побѣду надъ тою силою, которая приказала его зажечь.

Неронъ пріѣхалъ въ самомъ началѣ зрѣлища на великолѣпной цирковой квадрыгѣ, запряженной четырьмя бѣлыми аргамаками, одѣтый возницей въ цвѣтъ сторонниковъ зеленыхъ, къ которымъ принадлежали цезарь и весь его дворъ. За нимъ шли другія колесницы,

переполненныя придворными, разодѣтыми въ блестящія одежды, сенаторами, жрецами и нагими вакханками съ вѣнками изъ розъ на головѣ и кувшинами вина въ рукахъ, уже опьянѣвшими и издававшими дикіе крики. Рядомъ съ ними шли музыканты, одѣтые фаунами и сатирами, которые играли на цитрахъ, форминксахъ, флейтахъ и рогахъ. Далѣе, ѣхали полунагія римскія женщины и дѣвушки, тоже пьяныя. Обокъ съ квадрыгами шли прыгуны съ тирсами, разукрашенными лентами, и бубнами; иные изъ нихъ сыпали цвѣты. Весь этотъ блистательный кортежъ подвигался впередъ съ крикомъ: «ево!» по широкой садовой аллеѣ, среди дыма и человѣческихъ факеловъ. Вмѣстѣ съ цезаремъ ѣхали Тигелинъ и Хилонъ, страхомъ котораго забавлялся цезарь, самъ правившій лошадьми. Онъ ѣхалъ шагомъ, любуясь пылающими тѣлами и вмѣстѣ съ тѣмъ прислушиваясь къ крику народа. Стоя на высокой золотой колесницѣ, окруженной народомъ, который низко кланялся ему, при блескѣ огня, въ золотомъ вѣнкѣ цирковаго побѣдителя, онъ былъ выше цѣлой головой придворныхъ и казался колоссомъ. Его чудовищныя руки, державшія возжи, казались какъ будто благословляли народъ. На его лицѣ и прищуренныхъ глазахъ играла улыбка, и онъ блисталъ надъ людьми, какъ солнце или божество, — страшное, но величественное и могущественное.

По временамъ, онъ останавливался посмотрѣть то на дѣвушку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ, то на конвульсивное движеніе ребенка и затѣмъ ѣхалъ далѣе, ведя за собою бѣшеный и разнузданный кортежъ. Отъ времени до времени, онъ кланялся народу или, натянувъ золотыя возжи и перегибаясь назадъ, разговаривалъ съ Тигелиномъ.

Наконецъ, доѣхавъ до большаго фонтана, стоявшаго на перекресткѣ двухъ дорогъ, онъ сошелъ съ колесницы и, сдѣлавъ знакъ пріятелямъ, смѣшался съ толпой.

Народъ привѣтствовалъ его криками и рукоплесканіями. Вакханки, нимфы, сенаторы, августіане, жрецы, фауны, сатиры и солдаты, окружили его кольцомъ, а онъ, имѣя съ одной стороны Тигелина, а съ другой—Хилона, обходилъ фонтанъ, вокругъ котораго пылало нѣсколько десятковъ факеловъ, останавливался передъ каждымъ, дѣлалъ замѣчанія относительно жертвъ или надсмѣхался надъ старымъ грекомъ, на лицѣ котораго рисовался безконечный ужасъ.

Наконецъ они остановились предъ высокой мачтой, разукрашен-

ной миртами и обвитой повиллицей. Красные огненные языки доходили до колѣнъ жертвы, но лица его нельзя было сразу узнать, и только когда легкій ночной вѣтерокъ отклонилъ дымъ въ сторону, то все увидѣли голову старца съ сѣдой бородою, склоненною на грудь.

При видѣ его, Хилонъ моментально свернулся въ клубокъ, какъ раненая змѣя, и изъ усть его вырвался крикъ, скорѣе похожій на хриплое карканье ворона, чѣмъ на голосъ человѣка.

— Главкъ! Главкъ!.. воскликнулъ онъ.

Дѣйствительно, то былъ лекарь Главкъ, который смотрѣлъ прямо на Хилона.

Онъ былъ живъ. Лицо, выражавшее страданіе, было наклонено, точно онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего палача, который измѣнилъ ему, лишилъ его жены и дѣтей и подослалъ къ нему убійцу, и когда все это ему было прощено во имя Христа, онъ еще предалъ его въ руки палачей. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ такой страшной и кровной обиды! И вотъ теперь жертва его пылаетъ на смоляномъ столбѣ, а палачъ стоитъ у его ногъ. Глаза Главка не отрывались отъ лица грека. По временамъ, дымъ закрывалъ ихъ, но когда вѣялъ вѣтеръ, то Хилонъ видѣлъ тѣ же глаза, уставленные на него. Онъ всталъ и хотѣлъ бѣжать, но ноги отказывались ему служить, точно они были налиты свинцомъ и какая то невидимая рука удерживала его нечеловѣческой силой у столба. Онъ окаменѣлъ, но чувствовалъ, что въ немъ что-то переполняется и что-то рвется; чувствовалъ, что ужъ достаточно пролито крови, что наступаетъ конецъ его жизни и что все вокругъ исчезаетъ: и Цезарь, и дворъ, и толпа; что наконецъ его окружаетъ какая-то страшная черная пустота, въ которой онъ видитъ только глаза мученика, призывающаго его на судъ. А жертва все ниже и ниже наклоняла голову и всматривалась въ него. Окружающіе предугадывали, что между этими людьми что-то произошло, но смѣхъ ихъ замеръ на устахъ, потому что въ лицѣ Хилона было что-то страшное: оно исказилось ужасомъ и такую болью, какъ будто пламя жгло его собственное тѣло. Вдругъ онъ пошатнулся, вознесъ вверхъ руки и воскликнулъ душоу раздирающимъ голосомъ:

— Главкъ! Во имя Христа! прости!!!

Все вокругъ умолкло, дрожь пробѣжала по тѣламъ присутствующихъ и глаза всѣхъ невольно поднялись вверхъ. Голова му-

ченика слегка шевельнулась и сверху мачты послышался голосъ, похожій на стонъ:

— Прощаю!!..

Хилонъ бросился лицомъ на землю, завывъ какъ дикій звѣрь, и, набравъ земли въ обѣ руки, посыпалъ ею себѣ голову. Тѣмъ временемъ пламя достигло груди и лица Главка, расплело мртвовый вѣнокъ на головѣ его и поднялось выше по столбу, который весь запылалъ яркимъ свѣтомъ.

Чрезъ минуту Хилонъ поднялся съ земли съ измѣнившимся лицомъ, такъ что августианамъ казалось, что они видятъ передъ собою иного человѣка. Его глаза блестѣли необыкновеннымъ блескомъ, а морщинистое лицо выражало восторгъ; слабый и тщедушный минуту тому назадъ грекъ выглядѣлъ теперь точно жрецъ, вдохновенный божествомъ, который хотѣлъ повѣдать правду міру.

— Что это съ нимъ? Онъ помѣшался! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Между тѣмъ, онъ повернулся къ народу, поднялъ правую руку вверхъ и началъ говорить или, вѣрнѣе, кричать такъ, чтобы его слышали не только августиане, но и весь народъ:

— Римляне! Клянусь моею смертью, что эти жертвы гибнутъ невинно, а поджигатель—это онъ!!..

И Хилонъ указалъ пальцемъ на Нерона.

Воцарилась убійственная тишина. Придворные оцѣпенѣли, а Хилонъ все еще стоялъ съ протянутой дрожащей рукой и пальцемъ, указывавшимъ на цезаря. Вдругъ произошло сильное смятеніе: народъ, точно волна, поднятая внезапнымъ ураганомъ, двинулся къ старцу, чтобы лучше разглядѣть его. Тамъ и сямъ раздались возгласы: «держи?», а затѣмъ: — «Горе намъ!». Въ толпѣ послышались свистки и крики: «Агенобарбъ! Матереубійца! Поджигатель!» Смятеніе возростало каждую минуту. Вакханки съ визгомъ попрятались въ колесницахъ; нѣсколько перегорѣвшихъ столбовъ погнулись и упали, разсыпая вокругъ искры и производя еще большее замѣшательство. Слѣпая, сплоченная толпа подхватила Хилона и унесла въ глубину сада... Вскорѣ столбы вездѣ начали перегорать и падать, заграждая всѣ дороги, наполняя аллеи дымомъ, искрами, гарью и смрадомъ обгорѣлаго человѣческаго мяса. Мало-по-малу, факела, ближніе и дальніе, гасли. Въ садахъ потемнѣло. Мрачныя, испуганныя и обезпокоенныя толпы бросились къ воротамъ. Вѣсть

о томъ, что произошло, переходила изъ устъ въ уста, уже измѣненная и преувеличенная. Одни рассказывали, что цезарь лишился чувствъ; другіе, будто онъ сознался, что самъ поджегъ Римъ; третьи, что онъ внезапно тяжело заболѣлъ; а иные, что онъ ужь умеръ и его мертвого увезли въ колесницѣ домой. Мѣстами слышались сочувственные христіанамъ голоса:

— Нѣтъ, не они сожгли Римъ, а потому, зачѣмъ столько крови, мукъ и несправедливости? Развѣ боги не отомстятъ за невинныхъ? Какія-же теперь жертвы въ состояніи ублажить и умиловить ихъ?

Слова: «*innoxia cogroga*» повторялись все чаще. Женщины сожалели дѣтей, которыхъ такъ много было брошено дикимъ звѣрямъ, прибито къ крестамъ и сожжено въ этихъ проклятыхъ садахъ. Наконецъ сожалѣнія превратились въ злорѣчія и проклятія цезарю и Тигелину. Но были и такіе, которые, останавливаясь на дорогѣ, вдругъ задавали вопросы себѣ или другимъ:

— Что-же это за божество, которое придаетъ христіанамъ столько силы и энергіи для мученій и смерти!?

И они возвращались домой въ большомъ раздуміи.

Хилонъ бродилъ еще нѣкоторое время по садамъ, не зная куда идти и къ кому обратиться. Теперь онъ опять почувствовалъ себя безсильнымъ, тшедушнымъ и больнымъ старцемъ. Онъ натыкался на обгорѣлыя тѣла и задѣвалъ ногами головешки, которыя бросали за нимъ цѣлый рой искръ; минутами садился и смотрѣлъ вокругъ себя помутившимся взглядомъ. Въ садахъ совершенно стемнѣло. Между деревьями виднѣлась блестящая луна, тускло освѣщая аллеи, лежащія впоперекъ нихъ почернѣвшіе столбы и обратившіяся въ безформенную массу жертвы. Но старому греку казалось, что въ лунѣ онъ видитъ лицо Главка и что глаза его постоянно смотрятъ на него, и онъ прятался отъ свѣта. Наконецъ онъ вышелъ изъ тѣни и невольно, какъ бы подталкиваемъ невѣдомой силой, направился къ фонтану, у котораго Главкъ испустилъ свой послѣдній вздохъ.

Вдругъ чья то рука опустилась ему на плечо. Старецъ оглянулся и видя передъ собой незнакомое лицо, спросилъ съ испугомъ:

— Кто здѣсь... Кто ты?

— Апостолъ Павелъ изъ Тарса.

— Я проклятый!.. Что тебѣ надо отъ меня?

— Хочу спасти тебя, отвѣтилъ апостолъ.

Хилонъ оперся о дерево; его ноги подогнулись и руки опустились вдоль тѣла.

— Для меня нѣтъ спасенія! отвѣтилъ онъ глухо.

— Развѣ ты не слыхалъ, что Богъ простилъ разбойника на крестѣ? спросилъ Павелъ.

— Да знаешь-ли ты, что я сдѣлалъ?

— Я видѣлъ скорбь твою и слышалъ, какъ ты изрекъ правду.

— О, господинъ...

— И если служитель Спасителя простилъ тебя въ часъ самыхъ мукъ и смерти, то какъ же Христосъ не простить тебя?

Но Хилонъ сжалъ свою голову руками и какъ помѣшанный повторялъ:

— Прощеніе! для меня прощеніе!

— Богъ нашъ,—Богъ милосердія, отвѣтилъ апостоль.

— Для меня!? повторилъ Хилонъ и началъ стонать, какъ человѣкъ, у котораго не достаетъ силъ перенести мученія и страданія.

— Обопрись на меня и слѣдуй за мною! сказалъ апостоль и, взявъ Хилона подъ руку, Павелъ повелъ его къ перекрестку улицъ, направляясь на звукъ фонтана, который, казалось, оплакивалъ среди ночи погибшихъ жертвъ.

— Богъ нашъ, — Богъ милосердія! повторилъ апостоль.— Если-бъ ты сталъ у моря и началъ бросать въ него камни, могъ ли-бы ты засыпать морскую пучину? А милосердіе Христа, что море, и грѣхи, и зло людское потонуть въ немъ, какъ камни въ безднѣ моря. Ты страдалъ стоя у столба Главка и Христосъ видѣлъ твои страданія. Ты, не взирая на то, что тебя можетъ встрѣтить завтра, сказалъ: «Онъ поджигатель!»—и Христосъ запомнитъ слова твои, потому что миновали твои ложь и злоба, а въ сердце твоёмъ осталось одно глубокое раскаяніе... Иди за мной и слушай, что я стану говорить: Я тоже ненавидѣлъ Его и преслѣдовалъ Его избранниковъ. Я не хотѣлъ Его понять и не вѣрилъ Ему, пока Онъ не убѣдилъ меня и не позвалъ къ себѣ. Съ тѣхъ поръ я люблю Его... Теперь Онъ и тебѣ ниспослалъ огорченія, тревогу и муки, чтобъ призвать тебя къ Себѣ. Ты Его ненавидѣлъ, а Онъ любилъ тебя; ты предалъ на муки Его послѣдователей, а Онъ хочетъ простить и спасти тебя!..

Изъ груди Хилона вырвался вопль: казалось, что душа

его была потрясена до основанія, между тѣмъ какъ Павелъ, обнявъ его, вель, точно воинъ плѣннаго солдата.

Помолчавъ минуту, онъ продолжалъ:

— Слѣдуй за мною, и я поведу тебя къ Нему. Онъ приказалъ мнѣ собирать кающіяся души во имя милосердія и я исполняю волю Его: иначе я и не пришелъ-бы къ тебѣ. Ты мнишь, что ты проклятъ, а я глаголю тебѣ: увѣруй въ Него и ты будешь спасенъ. Ты думаешь, что Онъ возненавидѣлъ тебя, а я повторяю: Онъ любитъ тебя. Возьми примѣръ съ меня! Когда я не зналъ Его, то сердце мое было преисполнено зла, а теперь Его любовь замѣняетъ мнѣ отца и мать, богатство и господство. Въ Немъ одномъ наше убѣжище, Онъ одинъ оцѣнитъ раскаяніе твое, увидитъ нищету души твоей, сниметъ съ сердца твоего скорбь и возьметъ къ себѣ.

Говоря это, онъ привелъ его къ фонтану, серебряныя струи котораго блестяли при лунномъ свѣтѣ. Вокругъ царила глубокая тишина; невольники убирали обвѣгившіеся столбы и тѣла мучениковъ.

Хилонъ бросился со стономъ на колѣни и закрылъ лицо руками. Павелъ вознесъ глаза къ звѣздному небу и началъ молиться:

— Господи, взгляни на этого несчастнаго раба Твоего, на скорбь его, на слезы и муки! Господи милосердный! Ты пролилъ кровь свою за грѣхи наши и ради мукъ Твоихъ, смерти и воскресенія Твоего, прости ему!

И онъ умолкъ, но долго еще затѣмъ смотрѣлъ на небо и тихо молился. А въ это время у ногъ его раздался, подобно стону, возгласъ Хилона:

— Господи Іисусе Христе!.. прости меня!..

Павелъ подошелъ къ фонтану, почерпнулъ въ пригоршни воды, вернулся къ стоявшему на колѣняхъ несчастному старику и произнесъ:

— Крещу тебя Хилонъ: во имя Отца, и Сына, и святаго Духа! Аминь!

Хилонъ приподнялъ голову, распростеръ руки и остался такъ неподвижно. Луна полнымъ блескомъ освѣщала его побѣлѣвшіе волосы и одинаково бѣлое, неподвижное, омертвѣвшее или какъ будто изваянное изъ камня лицо... Время шло незамѣтно, въ садахъ Доміція уже зашѣли пѣтухи, а Хилонъ все еще стоялъ на колѣняхъ, точно надгробная статуя.

Наконецъ онъ очнулся, всталъ и, обратившись къ апостолу, спросилъ:

— Что я долженъ сдѣлать передъ смертю, господинъ?

Павель тоже вышелъ изъ задумчивости: онъ думалъ о той могущественной силѣ, противъ которой не могла устоять даже такая душа, какъ у этого грека, и отвѣтилъ:

— Надѣйся и дай свидѣтельство правдѣ!

Затѣмъ они пошли вмѣстѣ. У воротъ сада апостоль еще разъ благословилъ старца и они разстались. Этого хотѣлъ и самъ Хилонъ, предвидя, что послѣ того, что произошло въ саду, цезарь и Тигелинъ будутъ преслѣдовать его.

И онъ не ошибся. Вернувшись къ себѣ, онъ засталъ домъ свой окруженнымъ преторіанцами, которые схватили его и, подъ предводительствомъ Сцевинія, отвели въ Палатинъ.

Цезарь ужъ отправился на покой, а Тигелинъ ожидалъ Хилона, и когда увидѣлъ несчастнаго грека, привѣтствовалъ его съ спокойнымъ, но злобѣющимъ лицомъ.

— Ты оскорбилъ его величество, сказалъ онъ,—и заслуженная кара не минуетъ тебя. Но если ты завтра засвидѣтельствуешь въ амфитеатрѣ, что ты былъ пьянъ и что именно христіане настоящіе поджигатели Рима, то наказаніе твое окончится плетями и изгнаніемъ...

— Не могу, господинъ! тихо отвѣтилъ Хилонъ.

Тигелинъ медленно подошелъ къ нему и тихимъ, но страшнымъ голосомъ произнесъ:

— А! не можешь, греческій песъ! Да развѣ ты и въ самомъ дѣлѣ не былъ пьянъ и не понимаешь, что тебя ожидаетъ? Смотри туда!

И онъ указалъ на уголъ атриума, въ которомъ по сторонамъ длинной деревянной скамьи неподвижно стояли во мракѣ четыре еракскихъ негра, съ веревками и плетями въ рукахъ.

— Не могу, господинъ! повторилъ Хилонъ.

Тигелина охватило бѣшенство, которое онъ однако-же подавлялъ въ себѣ.

— Ты видѣлъ, какъ умираютъ христіане? спросилъ онъ.— Не хочешь-ли и ты также умереть?

Хилонъ вознесъ вверхъ свое блѣдное лицо, его уста тихо зашевелились и потомъ онъ отвѣтилъ:

— Я вѣрую во Христа!

Тигелинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да что ты, песъ эдакій, взбѣсился!

И онъ вышелъ изъ себя, бросился на старца, схватилъ его за бороду, повалилъ на полъ и началъ топтать ногами, повторяя съ пѣной у рта.

— Откажись отъ этихъ словъ!.. Откажись!

— Не могу! отвѣтилъ Хилонъ.

— Пытайте его!

Негры схватили старца, растянули на скамьѣ, привязали веревками и начали сжимать клещами его исхудалые голени. Но Хилонъ, когда рабы привязывали его къ скамьѣ, покорно цѣловалъ ихъ руки, потомъ закрылъ глаза и казался мертвымъ.

Но онъ еще былъ живъ, и когда Тигелинъ нагнулся надъ нимъ и еще разъ спросилъ: «Откажешься?» — его побѣлѣвшія уста пошевелились и изъ нихъ вышелъ едва слышный шепотъ:

— Не могу!..

Тигелинъ приказалъ прервать пытку и заходилъ по атриуму, бѣсясь и не зная, что предпринять. Наконецъ ему, должно быть, пришла въ голову какая-то новая мысль и онъ, повернувшись къ невольникамъ, рѣшительно сказалъ:

— Врывать языкъ!

VI.

Драма «Авреоль», даваемая обыкновенно въ театрахъ или амфитеатрахъ, представлялась на двухъ сценахъ одновременно. Но послѣ зрѣлищъ въ садахъ цезаря, ее рѣшили поставить на одной сценѣ, чтобы зрители могли сосредоточить все свое вниманіе на смерть распятаго на крестѣ христіанина, котораго пожиралъ медвѣдь.

Въ театрѣ роль медвѣдя, по обыкновенію, исполнялъ зашитый въ кожу актеръ, но на этотъ разъ пьесу рѣшено было исполнить натурально. Это была новая выдумка Тигелина. Цезарь сначала отказался присутствовать въ циркѣ, но, по просьбѣ фаворита, измѣнилъ свое рѣшеніе, такъ какъ Тигелинъ объяснилъ ему, что послѣ случая въ садахъ, онъ тѣмъ болѣе долженъ показаться народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрилъ его, что распятый мученикъ не станетъ обвинять его, какъ это сдѣлалъ Криспъ. Народъ ужъ пресытился

и измучился кровавыми зрѣлищами; въ виду этого, ему была обѣщана новая, большая раздача лотерейныхъ билетовъ и подарковъ, и, кромѣ того, устроенъ вечерній пиръ, потому что представленіе было назначено вечеромъ, при полномъ освѣщеніи амфитеатра.

Въ сумерки, все зданіе наполнилось народомъ; августиане, во главѣ Тигелина, прибыли тоже, не столько для самаго зрѣлища, сколько для оказанія вѣрности цезарю и разговора о Хилонѣ, о которомъ говорилъ весь Римъ.

Поэтому случаю многіе шептали на ухо другъ другу, что цезарь, вернувшись изъ садовъ, впалъ въ бѣшенство и не могъ уснуть: его охватилъ страхъ и галлюцинаціи, послѣдствіемъ чего было его внезапное распоряженіе объ отъѣздѣ въ Ахайю. Нѣкоторые опровергали это и доказывали, что онъ теперь тѣмъ болѣе сдѣлается неумолимымъ и безпощаднымъ къ христіанамъ. Но были между ними и трусливые, которые предвидѣли, что обвиненіе, брошенное Хилономъ цезарю въ глаза, въ присутствіи всего народа, можетъ вызвать ужасныя послѣдствія.

Въ виду этого, нѣкоторые просили Тигелина прекратить, изъ челоуѣколюбія, преслѣдованіе и казнь христіанъ.

— Смотрите, куда идете! говорилъ Барей Соранъ ²⁷¹).— Вы хотите удовлетворить мечь людей и доказать имъ, что эта кара падаетъ именно на виновныхъ, однако-же послѣдствія оказались противными.

— Правда! прибавилъ Антистій Веръ ²⁷²),—теперь всѣ перешептываются между собой и говорятъ, что «они» невинны. И если это не острота, то Хилонъ былъ правъ, говоря, что всѣ ваши мозги не наполняютъ скорлупы одного желудя.

— Да вѣдь люди говорятъ тоже, отвѣтилъ Тигелинъ,—что твоя дочь Сервилія, Соранъ, и твоя жена, Веръ, скрываютъ своихъ невольниковъ-христіанъ отъ правосудія цезаря.

— Это неправда! воскликнулъ безпокойно Барей.

— А жену мою хотятъ погубить ваши наложницы-разводки, которыя завидуютъ ея добродѣтели! отозвался съ неменьшимъ безпокойствомъ Антистій Веръ.

Нѣкоторые разговаривали о Хилонѣ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? говорилъ Епрій Марцеллъ ²⁷³).— Вѣдь онъ самъ предалъ ихъ Тигелину и изъ бѣдняка сдѣлался богачемъ. Теперь онъ могъ-бы спокойно дожить свои дни, быть хо-

рошо похороненнымъ и на его могилѣ былъ-бы поставленъ ему памятникъ, а теперь—все потеряно!.. Очевидно, онъ съ ума сошелъ!

— Нѣтъ онъ не сошелъ съ ума, но остался христіаниномъ,— сказалъ Тигелинъ.

— Не можетъ быть! отозвался Вителій.

— А развѣ я не говорилъ! вмѣшался Вестиній. — Истребляйте сколько хотите христіанъ, но, не сопротивляйтесь и не войдите съ ихъ божествомъ: съ нимъ нельзя шутить!.. Смотрите, что дѣлается вокругъ васъ! Я вѣдь не поджигалъ Рима, но если-бъ цезарь позволилъ мнѣ, то я сейчасъ-бы совершилъ гекатомбу ихъ божеству. Да и всѣ должны сдѣлать тоже самое!.. Повѣрьте, съ нимъ нельзя шутить! Помните, что это я сказалъ вамъ.

— Ну, а я говорилъ нѣсколько иначе, отозвался Петроній,— но Тигелинъ разсмѣялся, когда я сказалъ, что они защищаются, а теперь скажу болѣе: они побѣждаютъ...

— Какъ это? Какъ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Клянусь Поллуксомъ!.. Если такой, какъ Хилонъ, не устоялъ противъ нихъ, то кто же устоитъ! Если вы думаете, что число христіанъ послѣ каждаго зрѣлища убываетъ то жестоко ошибаетесь и я совѣтую вамъ брить бороды, чтобы лучше знать, что дѣлается въ городѣ и что думаетъ народъ.

— Клянусь пеллономъ Діаны, — онъ говоритъ правду! воскликнулъ Вестиній.

— Однако, къ чему ты все это говоришь? спросилъ его Барей и куда ведешь?

— Къ тому, съ чего вы начали и чѣмъ я кончу: довольно крови и жертвъ!

Тигелинъ насмѣшливо взглянулъ на Петронія и сказалъ:

— Не мало-ли?.. Еще немножко!..

— Если у тебя не хватаетъ своей головы, то у твоей трости есть другая! отвѣтилъ Петроній.

На этомъ разговоръ оборвался, такъ какъ вошелъ цезарь и занялъ мѣсто подлѣ Пиеагора. Вскорѣ началось представленіе «Авреола», на которое мало кто обращалъ вниманіе, потому что мысли всѣхъ были заняты Хилономъ. Народъ, привыкшій къ мучкамъ и крови, тоже, скучалъ, шикалъ отпускалъ разныя шутки насчетъ придворныхъ и кричалъ, чтобы зкорѣ начинали сцену съ медвѣдемъ, которая только и представляла интересъ въ драмѣ.

Если-бъ не надежда увидѣть приговореннаго старца и получить подарки, то само зрѣлище не удержала-бы толпы.

Наконецъ настала желанная минута. Цирковая прислуга прежде всего внесла небольшой деревянный крестъ, что-бы медвѣдю легче было подняться по немъ и достать грудь мученика; потомъ двое людей ввели, или скорѣе приволокли Хилона, потому что онъ самъ не могъ идти съ раздробленными голенями. Его быстро прибили къ кресту, такъ что любопытные августіане не успѣли посмотрѣть на него, и только когда крестъ былъ установленъ въ ямѣ, глаза всѣхъ устремились на жертву, въ которой однако-же ужъ нельзя было узнать прежняго Хилона. Послѣ всѣхъ мученій, которыя онъ перенесъ по приказанію Тигелина, въ лицѣ его не было ни капли крови и только на бородѣ остался красноватый слѣдъ ея, послѣ того, какъ ему вырвали языкъ. Сквозь прозрачную кожу его едва можно было замѣтить выдавшіеся кости. Онъ казался гораздо старѣе и даже совсѣмъ дряхлымъ. Зато глаза его, бросавшіе всегда безпокойные и злобные взгляды, какъ равно и лицо, выражавшее постоянную тревогу и неувѣренность, теперь имѣла хоть и болѣзненный, но спокойный и свѣтлый видъ, какой можетъ быть только у спящихъ или мертвыхъ. Можетъ быть, этотъ видъ придавало ему воспоминаніе о разбойникѣ, котораго Христосъ простилъ на крестѣ, а можетъ быть онъ молился въ душѣ и говорилъ:

— Господи! я кусалъ, какъ ядовитый змѣй, но я былъ всю жизнь бѣднякомъ, умиралъ отъ голода и люди топтали меня ногами, били и издѣвались надо мною. Я былъ бѣденъ и несчастенъ, а теперь, когда меня прибили къ кресту, Ты, милосердый, не оттолкни меня въ часъ моей смерти!

Никто не смѣялся и не шутилъ, потому что распятый, старецъ казался такимъ дряхлымъ, безпомощнымъ и покорнымъ, что каждый невольно задавалъ себѣ вопросъ: «къ чему мучить и распинать людей, которыя уже и сами умираютъ»? Толпа молчала. Вестиній, сидя между августіанами, нагибался то направо, то налево и шепталъ испуганнымъ голосомъ: «смотрите, какъ они умираютъ»! Но всѣ ждали медвѣдя, желая, что-бы скорѣе окончилось это зрѣлище.

Наконецъ, медвѣдь вышелъ на арену, мотая своей, низко наклоненной, головой. Онъ смотрѣлъ и какъ будто раздумывалъ о чемъ-то или чего-то искалъ. Замѣтивъ крестъ, а на немъ нагое тѣло,

онъ подошелъ къ нему, поднялся на заднія лапы, потомъ опустился, сѣлъ у креста и началъ ворчать, какъ будто почувствовавъ своимъ звѣринымъ сердцемъ сожалѣніе къ этому человѣку.

Въ виду такой нерѣшительности, раздались поощрительные крики цирковыхъ служителей; но народъ молчалъ. Тѣмъ временемъ Хилонъ поднялъ свободнымъ движеніемъ голову и нѣсколько времени водилъ взглядомъ по цирку. Наконецъ глаза его остановились на верхнихъ рядахъ амфитеатра, его грудь оживленно задышала и послѣ этого случилось то, что привело зрителей въ смущенье. Лицо мученика озарилось улыбкой, а голову какъ будто окружилъ ореолъ: глаза поднялись еще разъ вверхъ и двѣ крупныя слезы медленно скатились по щекамъ.

И онъ умеръ.

Въ это время чей то громкій мужской голосъ раздался вверху подъ веларіумомъ:

— Миръ мученикамъ!!!

Въ амфитеатрѣ царилъ гробовая тишина.

Конецъ десятой части.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Послѣ ужасныхъ зрѣлищъ въ цезарскихъ садахъ, всѣ тюрьмы значительно опустѣли. Правда, еще производились единичные аресты заподозрѣнныхъ лицъ, которыя признавали «восточное суевѣріе», но облавы эти съ каждымъ днемъ слабѣли и едва доставляли столько людей, сколько ихъ нужно было для удовлетворенія звѣрскихъ инстинктовъ толпы при слѣдующихъ зрѣлищахъ, которыя, кетати сказать, ужъ близились къ концу. Народъ, пресыщенный христіанскою кровью, выказывалъ неудовольствіе и даже безпокойство по поводу небывалаго равнодушія приговоренныхъ къ смерти. Опасенія суевѣрнаго Вестинія охватили и тысячи другихъ и въ народѣ разсказывались довольно странныя вещи о какой-то мстительности христіанскаго божества. Тюремный тифъ, распространившійся и по городу, увеличилъ всеобщій страхъ. Вида частыя похороны, люди говорили о необходимости совершить новыя жертвоприношенія, чтобы умиловить неизвѣстнаго имъ бога, а между тѣмъ онѣ совершались въ храмахъ Юпитера и Либитины. Наконецъ, не смотря на всѣ усилія Тигелина и его клеветовъ прекратить всякіе разговоры о пожарѣ, въ городѣ упорно держались слухи, что Римъ былъ сожеженъ по приказанію самого цезаря и что христіане страдаютъ невинно.

Именно, поэтому самому, Неронъ и Тигелинъ не прекращали своихъ гоненій, а чтобы успокоить народъ, сдѣлали вновь распоряженіе относительно раздачи хлѣба, вина и масла; были обнару-

дованы указы и предписанія, касающіеся постройки домовъ на разныхъ льготныхъ условіяхъ для домовладѣльцевъ, ширины улицъ и матеріаловъ, изъ которыхъ слѣдуетъ возводить зданія, чтобы впоследствии избѣгнуть несчастія отъ пожаровъ. Самъ цезарь началъ присутствовать на засѣданіяхъ сената и обсуждать съ «отцами города» вопросы о благополучіи народа и благоустройства города; но ни малѣйшей тѣни его милостей не проявилось для приговоренныхъ христіанъ. Властелинъ свѣта заботился прежде всего о томъ, чтобы внушить народу убѣжденіе, что всѣ эти жестокія казни постигаютъ только однихъ виноватыхъ. Въ сенатѣ тоже никто не ступался за христіанъ, не желая огорчать и досаждать цезарю. Кромѣ того, люди, предвидѣвшіе будущее, доказывали, что при новой вѣрѣ основы римскаго государства непремѣнно поколеблутся.

Единственной льготой для христіанъ была отдача родственникамъ тѣлъ умирающихъ или умершихъ, такъ какъ римскій законъ не мстилъ мертвымъ. Для Виниція и это было утѣшеніемъ: если Лигія умретъ, то онъ похоронитъ ее въ своемъ семейномъ склепѣ и самъ ляжетъ подлѣ нея. Онъ ужъ не питалъ никакой надежды на спасеніе ея отъ смерти, да и самъ, будучи полуоторваннымъ отъ жизни и думая только о Христѣ, мечталъ не о жизненномъ, а о вѣчномъ соединеніи съ нею. Его вѣра въ Бога истиннаго сдѣлалась непоколебимой, такъ что вѣчность казалась ему болѣе дѣйствительной, чѣмъ временная жизнь, составлявшая только переходъ отъ жизни къ смерти. Еще при жизни, онъ началъ превращаться почти въ безплотное существо, которое, тоскуя по совершенному освобожденію своей души изъ тѣла, желалъ того-же самаго и для любимаго существа. Ему казалось, что тогда они оба возьмутъ другъ друга за руки и вмѣстѣ отойдутъ въ небо, гдѣ самъ Христосъ благословитъ ихъ союзъ и позволить имъ поселиться гдѣ-нибудь въ спокойномъ свѣтѣ, который будетъ блещать какъ заря. Виницій только молилъ Господа, чтобы Онъ пощадилъ Лигію отъ мученій въ циркѣ и позволилъ ей почить спокойно въ тюрьмѣ, такъ какъ былъ увѣренъ, что и самъ умретъ вмѣстѣ съ нею. Онъ думалъ, что, въ виду цѣлаго моря пролитой крови, онъ не смѣетъ даже надѣяться, чтобы она была спасена. Вѣдь онъ слышалъ отъ Петра и Павла, что и они должны умереть мученическою смертью. Видъ Хилона на крестѣ убѣдилъ его, что смерть, хотя и мученическая, можетъ быть пріятна, а потому желалъ, чтобы она при-

шла къ обоимъ, какъ желанная перемена печальной жизни на радостную.

По временамъ, онъ ужъ ощущалъ вкусъ загробной жизни. Та печаль, которая витала надъ ихъ душами, теперь ужъ теряла прежнюю жгучую горечь и постепенно превращалась въ какое-то неземное самоотданіе и покореніе волѣ Божіей. Прежде онъ съ трудомъ плылъ противъ теченія, боролся и мучился, а теперь предалъ себя въ распоряженіе волнъ, вѣря, что онѣ унесутъ его въ вѣчную, спокойную и тихую даль. Онъ уже угадывалъ, что Лигія тоже готовится къ смерти, что, не смотря на разделяющія ихъ каменные стѣны тюрьмы, они идутъ вмѣстѣ на тотъ свѣтъ и онъ улыбался этой мысли, какъ величайшему счастью.

И дѣйствительно они шли мирно, точно каждый день дѣлились своими мыслями. У Лигіи тоже не было никакихъ ни желаній, ни надеждъ и она тоже думала только о загробной жизни. Смерть представлялась ей не только какъ освобожденіе изъ страшныхъ стѣнъ тюрьмы, изъ рукъ цезаря и Тигелина; не только какъ спасеніе, но и какъ соединеніе брачными узами съ Вниціемъ. Благодаря этому все остальное не имѣло никакого значенія. Только по смерти для нея начинались счастье и даже земная жизнь и она ждала ея, какъ невѣста ждетъ свадьбы.

То же необыкновенное теченіе вѣры, которая отрывала отъ жизни и уносила въ гробъ тысячи первыхъ послѣдователей Христа, унесла и Урса. И онъ долго не могъ примириться съ мыслью, что Лигія должна умереть; но когда къ нему каждый день доходили чрезъ каменные стѣны слухи о томъ, что дѣлается въ амфитеатрахъ и садахъ; когда смерть казалась всеобщей и неизбѣжной для всѣхъ христіанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлась величайшимъ счастьемъ, то и онъ не смѣлъ даже молиться и просить въ своихъ молитвахъ Христа освободить Лигію отъ этого счастья и продолжить ея жизнь на многіе годы. Урсъ, по своей душевной простотѣ, думалъ, что на долю королевской дочери придется больше небесныхъ благъ, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ простачковъ, къ которымъ и онъ принадлежалъ, и что въ раю она возсядетъ ближе къ Богу, чѣмъ всѣ другіе. Правда, онъ слышалъ, что для Бога — всѣ равны, но сердце его говорило, что дочь царя, да еще лигійскаго, — не первая встрѣчная невольница. Онъ даже надѣялся, что Господь позволить ему служить ей и на томъ свѣтѣ. Что касается его самого, то у него было

только одно тайное желаніе, а именно: умереть такъ, какъ умеръ Христосъ — на крестѣ. Такая смерть казалась ему величайшемъ счастьемъ, о которомъ онъ боялся даже думать, хотъ и зналъ, что въ Римѣ распинаютъ многихъ и даже самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ. Мысль о томъ, что ему придется умереть отъ зубовъ какого либо лютаго звѣря очень сокрушали его. Съ дѣтства онъ воспитался въ дремучихъ пушахъ и постоянныхъ охотахъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе и въ которыхъ, благодаря своей нечеловѣческой силѣ, еще будучи юношей, онъ приобрѣлъ извѣстность силача среди лигійцевъ. Охота составляла его любимыя занятія, такъ что позже, когда онъ попалъ въ Римъ и ему поневолѣ пришлось отказаться отъ охоты, онъ ходилъ въ виваріи и амфитеатры съ цѣлю только посмотреть на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему звѣрей. Видъ ихъ всегда возбуждалъ въ немъ желаніе поборотся съ ними и теперь онъ боялся, что если ему придется встрѣтиться съ какимъ нибудь изъ нихъ въ амфитеатрѣ, то имъ навѣрное овладѣютъ мысли и желанія, недостойныя христіанина, который долженъ умирать спокойно и терпѣливо. Впрочемъ, онъ не отчаивался. Онъ слышалъ, что святой «Агнецъ» объявилъ войну нечистой силѣ, къ которой вѣра христіанская причисляла всѣхъ языческихъ божествъ, а потому былъ увѣренъ, что онъ пригодится въ этой войнѣ и сдѣлаетъ услужить Богу лучше другихъ. Онъ не допускалъ, что его душа менѣе сильна, чѣмъ души всѣхъ остальныхъ мучениковъ. Но больше всего онъ молился по цѣлымъ днямъ, прислуживалъ узникамъ, помогалъ тюремщикамъ и утѣшалъ свою королеву, которая, по временамъ, сожалѣла, что она не могла, въ своей краткой жизни, исполнить столько добрыхъ дѣлъ, сколько ихъ исполнила извѣстная Фабита, о которой ей рассказывалъ апостоль Петръ. Даже всѣ сторожа въ тюрьмѣ боялись ужасной силы это колосса, но вскорѣ однако полюбили его за мягкость характера и услужливость. Часто они удивлялись его сіяющему лицу и спрашивали его, чему онъ радуется. Урсъ отвѣчалъ имъ съ полною увѣренностью, какая жизнь ждетъ его послѣ смерти, такъ что они, слушая его, рѣшали, что и въ мрачное подземелье, не проникаемое для солнца, можетъ проникнуть счастье. Были случаи, когда онъ уговаривалъ сторожей увѣрять во Христа, благодаря чему имъ приходило въ голову, что дѣйствительно ихъ служба — невольничья, а жизнь — нищенская и ее слѣдуетъ перемѣнить. Въ виду этого, они приза-

думывались надъ своей судьбой, окончаніемъ которой, по ихъ мнѣнію, было только одна смерть. Последняя не только пугала ихъ, но и не обѣщала имъ послѣ себя ничего хорошаго, между тѣмъ какъ этотъ великанъ-лигіецъ и дѣвушка, уподоблявшаяся цвѣтку, брошенному на тюремную солому, встрѣчали ее съ радостью и сами охотно шли къ ней на встрѣчу.

II.

Однажды вечеромъ Петронія посѣтилъ сенаторъ Сцевиній и завелъ съ нимъ разговоръ о тяжелыхъ временахъ и о цезарѣ. Онъ говорилъ такъ свободно и откровенно, что Петроній, не смотря на свою съ нимъ дружбу, сдѣлался осторожнымъ. Сцевиній сѣтовалъ, что свѣтъ идетъ вкривъ и вкосъ и что все, вмѣстѣ взятое, должно кончиться для Рима какимъ нибудь несчастьемъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ пожаръ. Онъ говорилъ также, что даже августіане недовольны цезаремъ; что Феній Руффъ, второй префектъ преторіанцевъ, съ принужденіемъ переноситъ омерзительное правленіе Тигелина и что весь родъ Сенеки доведенъ до крайности поступками цезаря, который одинаково поступаетъ какъ съ старымъ учителемъ, такъ и съ Луканомъ. Наконецъ онъ началъ намекать о неудовольствіи народа и даже преторіанцевъ, значительную часть которыхъ Феній Руффъ счумѣлъ расположить въ свою пользу.

— Зачѣмъ ты это говоришь мнѣ? спросилъ Петроній.

— Изъ сочувствія къ цезарю, отвѣтилъ Сцевиній. — У меня въ преторіанцахъ служить мой далекій родственникъ, то же Сцевиній, и отъ него я знаю все, что дѣлается въ обозѣ... И тамъ обнаруживаются неудовольствія... Калигула тоже былъ бѣшенный и ты знаешь, что случилось!.. Нашелся Кассій Херей²⁷⁴)... Хоть его дѣйствія были ужасны и никто изъ насъ не похвалитъ его поступка, однако-же свѣтъ освободилъ Херея отъ чудовища.

— Другими словами, ты говоришь: «Я не хвалю Херея, но эта былъ прекрасный человѣкъ и пошли намъ боги побольше такихъ людей»!..

Но Сцевиній перемѣнилъ разговоръ и началъ неожиданно хвалить Пизона, его родъ, благородство, его привязанность къ женѣ, наконецъ умъ, ровность характера и умѣніе располагать къ себѣ людей.

— Цезарь—бездѣтный, сказалъ онъ,—и всѣ считаютъ Пизона наслѣдникомъ престола. Несомнѣнно, каждый охотно отъ всей души поможетъ ему взойти на престолъ. Его любитъ Феній Руффъ, да и родъ Аннеевъ весь преданъ ему. Что касается Плавтія Латерана и Тулія Сенеція, то они пошли-бы за него въ огонь и въ воду. То же самое сдѣлали-бы Наталій, Субрій Флавій, Сульпицій Асперъ, Атаній Квинтіанъ и даже Вестиній²⁷⁵).

— Ну, отъ этого послѣдняго для Пизона мало пользы, отвѣтилъ Петроній,—Вестиній боится даже собственной тѣни.

— Онъ боится сновъ и духовъ; но все-таки онъ дѣльный человѣкъ и не напрасно его хотятъ назначить консуломъ. А что онъ въ душѣ противится гоненію христіанъ, то этого нельзя ставить ему въ упрекъ; да и для тебя самого было-бы лучше, чтобы это безуміе прекратилось скорѣе.

— Не для меня, а для Виниція... Ради Виниція, мнѣ хотѣлось освободить одну дѣвушку, но я не могу, потому что самъ попалъ въ немилость Агенобарба.

— Какъ? Да развѣ ты не замѣчаешь, что цезарь опять сблизается съ тобою и ужъ начинаетъ разговаривать? И я тебѣ скажу почему. Вѣдь онъ опять собирается въ Ахайю, гдѣ хочетъ пѣть греческія пѣсни своего издѣлія. Онъ рвется туда, но въ то же время боится и дрожитъ при мысли, что греки станутъ насмѣхаться надъ нимъ. Онъ воображаетъ, что его тамъ встрѣтитъ или величайшій триумфъ, или полный провалъ. По этому онъ нуждается въ добромъ совѣтѣ и знаетъ, что только ты одинъ можешь дать его. Вотъ тотъ поводъ, по которому онъ приближаетъ тебя къ себѣ и возвращаетъ тебѣ свое расположеніе.

— Меня можетъ замѣтить Луканъ.

— Рыжебородый ненавидитъ его и ужъ въ душѣ давно приговорилъ его къ смерти; онъ только ожидаетъ случая и какъ всегда, ищетъ предлога. Луканъ понимаетъ это и говоритъ, что надо поспѣшить.

— Клянусь Касторомъ! воскликнулъ Петроній,—быть можетъ это правда. Но у меня есть еще одинъ способъ быстро вернуть его расположеніе къ себѣ.

— Какой?

— Да повторить ему то-же самое, что ты сказалъ мнѣ минуту тому назадъ.

— Я ничего не сказалъ! возразилъ съ безпокойствомъ Сцевиній.

Петроній положилъ ему руку на плечо и прибавилъ:

— Ты назвалъ цезаря безумцемъ, предвидишь воцареніе Пизона и говоришь! «Луканъ понимаетъ это и говоритъ, что надо поспѣшить...» Съ чѣмъ это вы хотите поспѣшить, *carissime*?

Сцевиній поблѣднѣлъ и оба молча посмотрѣли другъ на друга.

— Не повторишь? продолжалъ Петроній.

— Клянусь бедрами Киприды! какъ ты меня хорошо знаешь. Нѣтъ, не повторю!

— Ну, а я ничего не слыхалъ, да и не желаю слышать... Понимаешь?.. Жизнь черезчуръ коротка для какихъ-бы то ни было предпріятій. Теперь только объ одномъ попрошу: посѣти сегодня же Тигелина и поговори съ нимъ такъ-же откровенно, какъ говорилъ со мною и такъ-же долго... словомъ, говори о чемъ хочешь.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы, если когда-либо Тигелинъ мнѣ скажетъ: «Сцевиній былъ у тебя?» я могъ-бы отвѣтить ему: «Да, и у тебя онъ былъ въ тотъ же вечеръ!»

Сцевиній сломалъ палку изъ слоновой кости, которую онъ держалъ въ рукахъ и взволнованно отвѣтилъ:

— Пусть злой рокъ кончится этой палкой. Но я буду у Тигелина, а потомъ на пиру у Нервы. Надѣюсь, и ты придешь туда? Во всякомъ случаѣ, до свиданья, послѣзавтра въ амфитеатрѣ, на аренѣ котораго выступать остатки христіанъ!.. До свиданья!

— Послѣзавтра! повторилъ Петроній, оставшись одинъ.— Значить, нельзя терять времени. Агенобарбъ дѣйствительно будетъ нуждаться во мнѣ въ Ахайѣ, а потому, можетъ быть, теперь станеть считаться со мною.

И онъ рѣшилъ испытать послѣднее средство.

Будучи на пиршествѣ у Нервы, цезарь самъ пожелалъ, чтобы Петроній возлежалъ противъ него, такъ какъ онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ объ Ахайѣ и о городахъ, въ которыхъ онъ намѣревался выступить въ качествѣ пѣвца, и пожать тамъ всѣ лавры. Главнымъ образомъ, онъ интересовался аеинянами, которыхъ боялся. Многіе изъ августіанъ внимательно прислушивались къ ихъ разговору, чтобы, запасшись осколочками мнѣвій Петронія, потомъ выдать ихъ за свои.

— Мнѣ кажется, сказалъ Неронъ, — что я еще не жилъ и долженъ за это вознаграждать себя въ Греціи.

— Тамъ ты возродишься для новой славы и безсмертія, отвѣтилъ Петроній.

— Надѣюсь, что это такъ будетъ и что Аполлонъ не станетъ завидовать мнѣ. Если я вернусь оттуда съ триумфомъ, то пожертвую ему такую гекатомбу, какой еще ни одинъ богъ не получалъ.

Въ это время Сцевиній продекламировалъ гораціевскій стихъ:

*„Sic te diva potens Cypri
Sic fratres Helenae, lucida sidera,
Ventorumque regat Pater...“*²⁷⁶).

— Корабль ужъ ждетъ въ Неаполѣ, сказалъ Неронъ, — и я готовъ завтра уѣхать.

Петроній посмотрѣлъ прямо въ глаза Нерону и, поднявшись съ своего мѣста, произнесъ:

— Не спиши, божественный, и позволъ раньше попировать на свадьбѣ, на которую я приглашу тебя прежде всѣхъ другихъ.

— На свадьбѣ? На чьей? спросилъ Неронъ.

— На Виницевой съ дочерью короля лигійскаго, твоей заложницей. Хотя она въ настоящее время въ тюрьмѣ, но, во-первыхъ, она, какъ заложница, не можетъ быть узницей и, во-вторыхъ, ты самъ позволилъ Виницію жениться на ней... а такъ какъ твои приговоры, какъ приговоры Зевса, не могутъ быть измѣняемы, то прикажи выпустить ее изъ тюрьмы и я передамъ ее возлюбленному.

Хладнокровіе и спокойная самоувѣренность, съ какою онъ говорилъ это, смутили Нерона, который всегда смущался, если съ нимъ говорили такимъ образомъ.

— Знаю, сказалъ онъ, опуская глаза. — Я думалъ о ней и о томъ силачѣ, который задушилъ Кротона.

— Въ такомъ случаѣ, оба спасены, спокойно отвѣтилъ Петроній.

Но Тигелинъ выручилъ цезаря и, вмѣсто него, отвѣтилъ:

— Она въ тюрьмѣ по волѣ цезаря; а вѣдь ты самъ сказалъ, что приговоры его не измѣняемы.

Всѣ присутствующіе, зная исторію Виниція и Лигіи, поняли, въ чемъ дѣло, а потому молчали, ожидая, чѣмъ кончится разговоръ.

— Она въ тюрьмѣ по твоей ошибкѣ и по твоему незнанію

народныхъ законовъ, — вопреки волѣ цезаря, возразилъ Петроній, подчеркивая слова. — Хотя ты очень наивный человекъ, Тигелинъ, но и ты не станешь утверждать, что она подожгла Римъ... а если бы ты и сталъ доказывать противное, то цезарь не повѣритъ тебѣ.

Неронъ успокоился. Къ нему вернулось его хладнокровіе и онъ началъ прищуривать свои близорукіе глаза, выразившіе безусловную злобу.

— Да, Петроній правъ, отозвался онъ помолчавъ.

Тигелинъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и вопросительно.

— Петроній правъ, повторилъ онъ: — завтра откроются тюремныя ворота, а о свадьбѣ мы поговоримъ послѣзавтра, въ амфитеатрѣ.

«Опять проигралъ», подумалъ Петроній.

И, вернувшись домой, онъ былъ убѣжденъ, что минуты жизни Лигіи уже сочтены. Въ виду этого, на слѣдующій день онъ послалъ своего вѣрнаго отпущенника къ завѣдующему споліаріумомъ условиться съ нимъ о выдачѣ ея тѣла, которое онъ хотѣлъ отдать Виницію.

III.

Въ царствованіе Нерона вошли въ обычай, рѣдко и даже въ исключительныхъ случаяхъ даваемыя, вечернія представленія какъ въ циркахъ, такъ и въ амфитеатрахъ. Августіане любили ихъ, потому что послѣ нихъ почти всегда происходили пиры и пьянство, продолжавшіеся до утра. Хотя народъ ужъ достаточно насытился кровавыми зрѣлищами, но когда разошлась вѣсть, что зрѣлища подходятъ къ концу и что послѣдніе христіане должны умереть на вечернемъ представленіи, то къ амфитеатру потянулись неисчислимыя толпы народа. Августіане прибыли всѣ до послѣдняго, предугадывая, что это будетъ не обыкновенное представленіе и что цезарь рѣшилъ создать себѣ трагедію изъ страданій Виниціи. Тигелинъ держалъ въ тайнѣ, какой родъ мученій предназначенъ для невѣсты молодого трибуна и это обстоятельство подстрекало всеобщее любопытство. Видѣвшіе въ свое время Лигію у Плавтія, рассказывали теперь чудеса объ ея красотѣ. Многихъ однако интересовалъ вопросъ, увидятъ-ли они ее сегодня на аренѣ, потому что отвѣтъ цезаря Петронію можно было истолковать надвое. Нѣкоторые допускали,

что Неронъ отдастъ или ужь отдалъ дѣвушку Виницію, такъ какъ она была заложницей и могла исповѣдывать вѣру, какую ей угодно; къ тому же и народный законъ запрещалъ карать заложниковъ.

Неувѣренность, ожиданіе и любопытство овладѣли всеми зрителями. Цезарь пріѣхалъ раньше обыкновеннаго времени, благодаря чему все начали шептаться, что вѣрно произойдетъ что-либо исключительное, тѣмъ болѣе, что его сопровождалъ, кромѣ Тигелина и Ватинія, — центуріонъ Кассій, человекъ-великанъ и силачъ, котораго онъ бралъ съ собою только для охраны своей личности въ такое время, когда, напримѣръ, ему приходила охота поискать ночныхъ приключеній на Субурѣ или устроить сагатию, заключающуюся, какъ ужь извѣстно, въ подбрасываніи дѣвушекъ вверхъ на солдатскомъ плащѣ. Все замѣтили, что даже въ самомъ амфитеатрѣ приняты особенныя мѣры предосторожности: отрядъ преторіанской стражи былъ увеличенъ и командованіе имъ поручено не центуріону, а трибуну, Субрію Флавію, самому преданному изъ трибуновъ цезарю. Разумѣется, все поняли, что Неронъ нарочно запасся тѣлохранителями отъ нападокъ Виниціи, которыя могли произойти вслѣдствіе его отчаянія, — и поэтому любопытство всехъ возросло.

Взгляды всехъ обращались на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ несчастный женихъ Лигіи. Онъ былъ блѣденъ, съ каплями пота на лбу, очевидно, безпокоясь, какъ и все зрители, что будетъ. Петроній, не зная и самъ, что произойдетъ въ циркѣ, ничего не сказалъ ему и только вернувшись отъ Нервы спросилъ, приготовился ли онъ ко всему и будетъ ли онъ присутствовать на представленіи?

Виницій отвѣтилъ на оба вопроса утвердительно, но при этомъ мурашки пробѣжали по его тѣлу; онъ догадался, что Петроній спрашиваетъ не безъ причины. Самъ онъ ужь жилъ полу-жизнью; самъ, такъ сказать, окунулся въ смерть, былъ полумертвымъ и ужь соглашался на смерть Лигіи; но теперь онъ понялъ, что — большая разница думать вдаль о послѣдней минутѣ, какъ о спокойномъ снѣ и дѣло иное пойти и смотрѣть на мученія дорогаго существа. Все пережитыя имъ страданія отозвались съ новою силой: успокоившееся отчаяніе опять завопило въ немъ и у него проявлялось прежнее желаніе спасти ее во что-бы то ни стало, хоть цѣною собственной жизни. Онъ съ утра хотѣлъ проникнуть въ куникуломы и провѣрить, тамъ-ли его Лигія; но, къ несчастью, преторіанцы заняли караулъ у всехъ входовъ и выходовъ, а приказанія не впускать

никого были настолько строги, что даже знакомые солдаты не смягчились ни его просьбой, ни золотомъ. Благодаря этому, Виницію казалось, что неизвѣстность убьетъ его раньше, чѣмъ онъ дождется зрѣлищъ. Только минутами появлялась смутная надежда, что, быть можетъ, ее нѣтъ въ амфитеатрѣ и что всѣ опасенія его напрасны, и онъ хватался за эту слабую надежду, какъ за якорь спасенія. Онъ представлялъ себѣ, что Христосъ ужъ взялъ ее къ Себѣ изъ тюрьмы и не допуститъ, чтобы ее мучили въ циркѣ... Прежде онъ соглашался во всемъ съ Его волей, а теперь, когда его не пустили въ куникулюмы; когда вернулся на свое мѣсто въ амфитеатрѣ и понялъ изъ любопытныхъ взглядовъ на него, что его самыя ужасныя предположенія могутъ быть вѣрны, — онъ страстно началъ умолять Его о спасеніи: «Ты можешь!» говорилъ онъ въ душѣ, конвульсивно сжимая кулаки, — «можешь!» Притомъ онъ и не подумалъ, что ужасный моментъ ея появленія на аренѣ, когда онъ превратится въ дѣйствительность, будетъ такъ страшенъ. Теперь, не отдавая себѣ яснаго отчета, что съ нимъ дѣлается, онъ, однако, чувствовалъ, что если онъ увидитъ мученія Лигіи, то его любовь превратится въ ненависть, а его вѣра—въ отчаяніе. Но въ то же время онъ пугался этихъ предчувствій, боясь оскорбить Христа, Котораго онъ просилъ о помилованіи и проявленіи чуда. И онъ пересталъ просить о жизни: теперь его желанія были, чтобы она умерла прежде, чѣмъ ее выведутъ на арену и онъ началъ молить съ болью въ душѣ:

— Хоть въ этомъ не откажи Ты мнѣ, Господи!... а я Тебя полюблю еще больше, чѣмъ любилъ до настоящей минуты!

Наконецъ его мысли растрепались, какъ тучи, бросаемыя бурей во всѣ стороны. Въ немъ проявлялись желанія мести и крови, охота броситься на Нерона и задушить его воочію всѣхъ зрителей; но тутъ же одновременно онъ чувствовалъ, что одною этою мыслью и желаніемъ онъ оскорбляетъ Бога и нарушаетъ Его приказанія. Однако, отъ времени до времени, у него мелькали мимолетныя надежды, что все то, передъ чѣмъ дрожало его сердце и ныла душа, предотвратитъ рука Всевышняго; но надежды эти моментально какъ-бы утопали въ его скорби и обидѣ, что Тотъ, Кто могъ однимъ словомъ Своимъ разрушить циркъ и освободить Лигію, оставилъ ее, хотя она любила Его и вѣрила Ему всѣми силами своего чистаго сердца.

Далѣе онъ думалъ, что она лежитъ въ темномъ куникулюмѣ,

слабая, беззащитная, оставленная на милость или немилость озвѣрившихся сторожей, испускающая быть можетъ, послѣднее дыханіе, а онъ беспомощно ждетъ здѣсь, въ этомъ ужасномъ амфитеатрѣ, не зная, какія муки придумали для нея и что онъ увидитъ черезъ нѣсколько минутъ. Но, какъ человѣкъ падающій въ пропасть хватается за что попало, что растеть на краю ея, такъ и онъ обѣими руками ухватился за мысль, что только одна вѣра можетъ спасти ее: да вѣдь и осталось только одно это средство, одна надежда! Не даромъ же Петръ сказалъ, что вѣра можетъ двигать всей землею.

Въ виду такихъ мыслей, онъ побѣдилъ въ себѣ сомнѣнія, сосредоточилъ всю свою душу въ одно слово: «вѣрю», вооружился терпѣніемъ и ждалъ.

Но, какъ натянутая черзчуръ туго струна можетъ вдругъ лопнуть, такъ и его силы вдругъ изсякли: мертвенная блѣдность покрыла его лицо, а тѣло начало отягощаться и слабѣть... и онъ невольно подумалъ, что его моленье услышано и что онъ умираетъ. Ему показалось, что и Лигія, должно быть, тоже умерла и что Господь беретъ ихъ такимъ образомъ къ Себѣ. Арена, бѣлыя тоги неисчислимыхъ зрителей, свѣтъ отъ тысячъ лампъ и факеловъ, словомъ, все исчезло передъ его глазами.

Къ счастью, его слабость оказалась непродолжительной. Чрезъ минуту онъ проснулся или, точнѣе, его привело въ себя топанье народа.

— Ты боленъ? отозвался къ нему Петроній.—Прикажи отнести себя домой.

И не думая о томъ, что скажетъ цезарь, Петроній всталъ, чтобы помочь Виницію уйти. Его сердце преисполнилось сочувствіемъ къ нему и притомъ его раздражало, что Неронъ смотритъ черезъ изумрудъ на Виниція, штудирруя съ наслажденіемъ его страданія, быть можетъ только потому, чтобы потомъ описать ихъ въ патетическихъ стихахъ и вызвать аплодисменты слушателей.

Виницій отрицательно покачалъ головой: онъ могъ умереть въ этомъ циркѣ, но не уйти изъ него. Вѣдь представленіе сейчасъ начнется.

И дѣйствительно, почти въ тотъ же моментъ, префектъ города махнулъ краснымъ платкомъ и по этому знаку заскрипѣли желѣзные засовы у дверей, находящихся противъ цезарскаго подіума, и изъ темнаго отверстія вышелъ на освѣщенную арену Урсъ.

Атлетъ заморгаль глазами отъ сильнаго свѣта, потомъ двинулся на середину арены и началъ осматриваться кругомъ, какъ бы желая увидѣть, съ кѣмъ ему придется встрѣтиться и имѣть дѣло. Всѣмъ августіанамъ, какъ и многимъ изъ зрителей, было извѣстно, что это тотъ самый человѣкъ, который задушилъ Кротона, а потому по всему цирку прокатился одобрителный рокоть. Въ Римѣ было не мало гладіаторовъ выше обыкновеннаго человѣческаго роста, но подобнаго еще никогда не видали глаза квиритовъ. Кассій, стоявшій позади цезаря, казался при этомъ лигійцѣ маленькимъ, невзрачнымъ человѣчкомъ. Сенаторы, весталки, цезарь, августіане и народъ смотрѣли съ восхищеніемъ знатоковъ и любителей атлетовъ на его толстыя, какъ бревна, бедра, на грудь, похожую на два соединенные щита и на геркулесовскія руки. Рокоть возрасталъ съ каждой минутой. Для этой толпы не существовало большаго удовольствія, какъ видѣ мускулистаго тѣла, напрягавшагося во время борьбы. Шумъ мало-по-малу превращался въ оживленные вопросы, гдѣ живетъ тотъ народъ, въ которомъ рождаются такіе великаны?.. Между тѣмъ онъ стоялъ нагій посрединѣ амфитеатра, похожій скорѣе на каменный колоссъ, чѣмъ на человѣка, съ сосредоточеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ лицомъ варвара и, видя пустую арену, смотрѣлъ съ удивленіемъ то на цезаря, то на желѣзныя рѣшетки куниколомовъ, откуда ожидалъ палачей.

Выходя на арену, его простое сердце забилося въ послѣдній разъ надеждой, что, можетъ быть, его ожидаетъ крестъ, но не увидѣвъ ни креста, ни выкопанной ямы, онъ подумалъ, что не достоинъ этой благодати и что ему придется умереть отъ звѣрей. Онъ былъ безоруженъ и рѣшился умереть, какъ подобаетъ христіанину, спокойно и терпѣливо. А пока ему захотѣлось помолиться и онъ сталъ на колѣни, сложилъ руки и вознесъ глаза къ звѣздамъ, сверкавшимъ въ громаднѣйшемъ отверстіи цирка.

Такая его поза не понравилась зрителямъ. Довольно ужъ они видѣли христіанъ, умиравшихъ какъ овцы. Всѣ понимали, что если великанъ не пожелаетъ защищаться, то зрѣлище потеряетъ интересъ. Мѣстами, раздалось шиканье. Нѣкоторые стали вызывать мастифоровъ, которые обязаны были подстрекать гладіаторовъ кнутыями къ борьбѣ. Однако всѣ скоро умолкли: никто не зналъ, что ожидаетъ великана и не станетъ ли онъ защищаться, если встрѣтится лицомъ къ лицу со смертью.

Не долго пришлось ожидать.

Вдруг раздался пронзительный звук мѣдныхъ трубъ и поэтому сигналу поднялась рѣшетка противъ цезарской ложи, а вслѣдъ затѣмъ на арену выскочилъ, при сильномъ крикѣ bestiаровъ, чудовищный германскій туръ, неся на рогахъ тѣло женщины.

— Лигія! Лигія! вскричалъ Виницій, схватившись за голову обѣими руками и вдругъ онъ согнулся въ дугу, какъ человѣкъ, почувствовавшій въ себѣ остріе копыя, и завопилъ хрипящимъ, нечеловѣческимъ голосомъ:

— Вѣрую! вѣрую, о, Господи!.. соверши чудо!..

И онъ не замѣтилъ, что въ этотъ моментъ Петроній закрылъ его голову своей тогой. Ему казалось, что это смерть затуманила его глаза. Онъ не смотрѣлъ и не видѣлъ, а только чувствовалъ, что его окружаетъ какая-то ужасная пустота. Въ головѣ не было ни одной мыслишки и только уста невольно повторяли:

— Вѣрую! вѣрую! вѣрую!

Весь амфитеатръ вдругъ умолкъ. Всѣ августиане поднялись съ своихъ мѣстъ, потому что на аренѣ произошло нѣчто небывалое: покорный и готовый уже умереть, лигеецъ, увидѣвъ на рогахъ тура свою королеву, быстро вскочилъ, точно его подожгли раскаленнымъ желѣзомъ и, нагнувшись, моментально прыгнулъ къ взбѣсившемуся звѣрю.

У всѣхъ вырвался отрывистый крикъ изумленія, послѣ котораго воцарилась глубокая тишина. Урсъ, очутившись впереди быка, схватилъ его за рога.

— Теперь смотри! сказалъ Петроній, срывая тогу съ головы Виниція.

Послѣдній поднялся, закинулъ слегка назадъ свое блѣдное какъ полотно лицо и началъ смотрѣть на арену какимъ то стекляннымъ, безумнымъ взглядомъ.

Всѣ затаили дыханіе, такъ что въ амфитеатрѣ можно было слышать полетъ мухи: люди не смѣли вѣрить своимъ глазамъ. Какъ стоять Римъ, никто и никогда не видалъ ничего подобнаго.

Между тѣмъ Урсъ держалъ дикаго звѣря за рога. Его ноги зарылись выше щиколокъ въ песокъ, спина выгнулась, какъ натянутый лукъ, голова спряталась между плечами, а мускулы на рукахъ до того натужились, что, казалось, кожа лопнетъ отъ напряженія; но онъ осадилъ быка на мѣстѣ: человѣкъ и звѣрь остались въ непод-

вижной позѣ, такъ что ихъ можно было принять за картину, изображающую какое либо дѣйствіе Геркулеса или Трасея, или изваянную изъ камня группу. Но въ этомъ кажущемся спокойствіи видны были двѣ борющіяся неестественныя силы. Ноги тура тоже вѣхали въ землю, а его черное косматое тѣло скорчилось такъ, что онъ сдѣлался похожимъ на громадный шаръ. Кто первый изнеможетъ и кто первый упадетъ?—это былъ вопросъ, который имѣлъ для любителей подобныхъ зрѣлищъ большее значеніе, чѣмъ ихъ собственная судьба, чѣмъ весь Римъ со всею его властью надъ цѣлымъ свѣтомъ. Теперь этотъ лигіецъ былъ для нихъ богъ, достойный почестей, славы и изваяній.

Цезарь тоже всталъ. Узнавъ о колоссальной силѣ этого чловека, онъ съ Тигелиномъ рѣшилъ нарочно устроить такое зрѣлище и оба въ шутку говорили: «Пусть же этотъ Кротоноубійца побѣдитъ тура, котораго мы сами выберемъ ему». Теперь они смотрѣли съ удивленіемъ на эту картину и не вѣрили своимъ глазамъ, что это дѣйствительность. Въ амфитатръ можно было видѣть людей, которые подняли отъ удивленія руки вверхъ и замерли въ этой позѣ; многіе потѣли, точно сами боролись съ звѣремъ, и въ циркѣ слышалось только шипѣніе пламени въ лампахъ и шелестъ угольковъ, опадавшихъ съ факеловъ. Никто не испустилъ ни одного возгласа, за то сердца такъ бились, какъ будто хотѣли разнести грудь: всѣмъ казалось, что борьба продолжается цѣлую вѣчность.

А Урсъ и звѣрь стояли на мѣстѣ въ ужасномъ напряженіи, точно вкопанные въ землю.

Но вдругъ глухой ревъ раздался на аренѣ, послѣ котораго у всѣхъ вырвался невольный крикъ и—замеръ; люди думали, что все это они видятъ во снѣ: чудовищная голова быка начала поворачиваться въ желѣзныхъ рукахъ варвара.

Лицо Урса, плечи и руки сдѣлались красными, какъ пурпуръ, а спина выгнулась еще сильнѣе: видно было, что онъ проявляетъ послѣднія усилія, которыхъ однако-же не на долго хватитъ ему.

А тѣмъ временемъ глухой, хрипящій и болѣзненный ревъ тура смѣшался съ свистящимъ дыханіемъ великана. Голова звѣря поворачивалась въ одну сторону все сильнѣе и изъ пасти высунулся длинный въ пѣнь языкъ.

Еще минута—и до слуха зрителей долетѣло какъ-бы хрустѣніе

изломанныхъ костей, послѣ чего звѣръ свалился на землю со свернутой шеей.

Въ тотъ же моментъ великанъ мигомъ сдвинулъ веревки съ его роговъ, схватилъ дѣвушку на руки и перевелъ дыханіе.

Онъ поблѣднѣлъ; волоса слились отъ пота, а плечи и руки какъ будто были облиты водою. Онъ постоялъ минуту въ полузабытій и наконецъ поднялъ голову и обвелъ глазами зрителей.

Весь амфитеатръ точно взбѣсился и занеистовствовалъ. Стѣны зданія начали дрожать отъ крика и рукоплесканій нѣсколькихъ десятковъ тысячъ зрителей. Никто не запомнилъ такого восторга. Сидящіе въ верхнихъ рядахъ оставили свои мѣста и сошли внизъ, толпясь и толкаясь между рядами, чтобы ближе посмотрѣть на силача. Отовсюду послышались настойчивые голоса о помилованіи: голоса, которые вскорѣ слились въ одинъ общій гулъ, потому что этотъ великанъ теперь сдѣлался дорогимъ для этого, влюбленнаго въ физическую силу, народа и первымъ лицомъ въ Римѣ.

Урсъ понялъ, что народъ требуетъ даровать ему жизнь и свободу, но онъ, очевидно, заботился не о себѣ. Посмотрѣвъ вокругъ себя, онъ подошелъ къ цезарской ложѣ и, качая на своихъ протянутыхъ рукахъ дѣвушку, какъ малютку, поднялъ съ мольбою на ложу глаза, которые какъ будто говорили:

— Помилуйте ее!.. Ее спасите!.. Вѣдь я сдѣлалъ это для нея!

Зрители отлично поняли, чего онъ желаетъ. При видѣ дѣвушки въ обморокѣ, которая дѣйствительно казалась маленькимъ ребенкомъ при его гигантскомъ ростѣ, у всѣхъ проявилось большое сочувствіе, начиная отъ послѣдняго изъ народа и кончая сенаторами. Ея маленькое бѣлое тѣльце, точно изваянное изъ алебаstra; ея обморокъ и опасность, изъ которой ее освободилъ лигіецъ; наконецъ ея красота и привязанность къ ней великана потрясли сердца публики и сочувствіе вспыхнуло, какъ пламень. Довольно ужъ было мученій, крови и смерти, и народъ со слезами на глазахъ и рыданіемъ въ голоса началъ просить цезаря о помилованіи обоихъ.

А между тѣмъ Урсъ подвигался вокругъ арены и, безпрестанно качая Лигію на рукахъ, умолялъ жестаи и взглядами помиловать ее.

Вдругъ Виницій вскочилъ съ своего мѣста, перескочилъ черезъ барьеръ на арену и, подбѣжавъ къ Лигіѣ, скинулъ съ себя тогу и накрылъ ее нагое тѣло; а затѣмъ онъ разорвалъ на груди ту-

нику, открылъ рубцы, оставшіеся послѣ ранъ, полученныхъ имъ въ армянской войнѣ, и протянулъ руки къ публикѣ.

Въ это время крикъ народа превзошелъ всякія ожиданія: ничего подобнаго никогда не видано въ амфитеатрахъ: народъ началъ стучать ногами и выть; голоса о помилованіи становились угрожающими. Народъ заступался уже не только за атлета, но становился на сторону дѣвушки, солдата и ихъ любви. Тысячи зрителей обратились къ цезарю съ сжатыми кулаками и сверкающими гнѣвомъ глазами.

Но цезарь колебался и отвлекалъ. Хотя онъ ничего не имѣлъ противъ Виниція и его нисколько не интересовала Лигія, но онъ все-таки предпочиталъ видѣть ее распоротой рогами звѣря. Его жестокость, какъ равно чудовищное воображеніе и извращенныя желанія находили большое удовольствіе въ подобныхъ зрѣлищахъ. И вдругъ народъ хотѣлъ лишить его этого удовольствія. При одной этой мысли, гнѣвъ выразился на его расплывшемся лицѣ. Самолюбіе тоже недопускало его поддаться волѣ народа, а въ то же время, по врожденной ему трусости, онъ боялся сопротивляться ему.

Въ виду всего этого, онъ началъ посматривать на августіанъ, не замѣтитъ-ли между ними пальцевъ, обращенныхъ къ землѣ въ знакъ смерти. Но Петроній держалъ поднятую руку и смотрѣлъ на него почти вызывающимъ взглядомъ. Суевѣрный, но склонный къ увлеченіямъ Вестиній, боявшійся духовъ, но не людей, тоже сдѣлалъ знакъ помилованія. То же самое сдѣлали: сенаторъ Сцевиній, Нерва, Тулій Сенедій, старый и знаменитый вождь Осторій Скапулъ, Антистій, Пизонъ, Веттій, Криспинъ, Минуцій Термъ, Понтій Телезинъ и самый уважаемый народомъ Трасей. Видя все это, Неронъ отнял изумрудъ отъ глаза и отвернулся отъ нихъ съ презрѣніемъ и обидой. Но въ это время къ нему подошелъ Тигелинъ, который хотѣлъ сдѣлать зло Петронію, и прошепталъ:

— Не сдавайся и не уступай, божественный: вѣдь у насъ есть преторіанцы!

Неронъ повернулся въ сторону командира преторіанцевъ, Субрію Флавію, преданному ему всей душой, и онѣмѣлъ отъ ужаса: лицо стараго трибуна хоть и было грозно, но все залито слезами и онъ также держалъ поднятую руку, въ знакъ помилованія.

А между тѣмъ народъ началъ свирѣпѣть. Пыль изъ подъ ногъ стучавшаго народа переполнила весь амфитеатръ и, среди общихъ

возгласовъ, слышались ужъ голоса: «Агенобарбъ!» «Матерубійца!» «Поджигатель!»...

Неронъ испугался, потому что народъ былъ всемогущимъ господиномъ въ циркѣ. Прженіе цезари, въ особенности Калигула, иногда, позволяли себѣ идти вразрѣзъ желанію народа, что вызывало большія смуты, доходившія даже до кровопролитій. Но Неронъ находился въ другихъ условіяхъ. Пржеде всего онъ, какъ актеръ и пѣвецъ, нуждался въ ласкѣ народа; во-вторыхъ, онъ же былъ нуженъ ему: противъ сената и патриціевъ, и, наконецъ, послѣ пожара, онъ употреблялъ всѣ усилія расположить его въ свою пользу и обратить весь гнѣвъ его на христіанъ.

Наконецъ, онъ понялъ, что далѣе сопротивляться нельзя и опасно, потому что возмущеніе, начавшееся въ циркѣ, могло перейти въ городъ и вызвать весьма непріятныя послѣдствія.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на Субрія Флавія, на центуріона Сцевинія, родственника сенатора, и на солдатъ; но, видя вездѣ нахмуренныя брови, взволнованныя лица и устремленные на него глаза, сдѣлалъ знакъ помилованія.

Въ моментъ громъ рукоплесканій разразился по всему амфитеатру, снизу доверху. Теперь народъ былъ увѣренъ, что приговоренные прощены и что они уже находятся подъ его покровительствомъ, благодаря которому самъ цезарь уже не смѣлъ больше преслѣдовать ихъ своею местию.

IV.

Четыре виоимца осторожно несли Лигію въ домъ Петронія. Виницій и Урсъ шли подлѣ нея, спѣша, чтобы скорѣе отдать ее въ руки опытнаго греческаго лекаря. Всѣ шли въ молчаніи, потому что послѣ всего случившагося никто не находилъ словъ для разговора. Виницій все еще былъ, точно безумный. Онъ одно твердилъ, что Лигія спасена, что ей не угрожаетъ ни опасность, ни смерть въ циркѣ; что всѣ несчастія ихъ кончились и что онъ беретъ ее къ себѣ въ домъ съ тѣмъ, чтобы ужъ не разстаться. Ему казалось, что это скорѣе начало какой-то новой жизни, чѣмъ дѣйствительность. Отъ времени до времени, онъ нагибался надъ открытымъ паланкиномъ, чтобы посмотрѣть на любимое имъ лицо, которое, при свѣтѣ луны, казалось ему какъ бы уснувшимъ, и мысленно гово-

рилъ: «Да, это она и Христось спасъ ее!» Онъ припоминалъ себѣ, что въ споліаріумъ, куда онъ съ Урсомъ отнесъ Лигію, пришелъ какой-то незнакомый ему лекарь и убѣдилъ его, что она жива и будетъ жить. При мысли о томъ, онъ даже слабѣлъ отъ радости, такъ что по временамъ вынужденъ былъ опираться на плечо Урса: иначе онъ не могъ идти. Между тѣмъ Урсъ смотрѣлъ на звѣздное небо и молился.

Они шли очень быстро по улицамъ, на которыхъ воздвигались новые бѣлые дома, освѣщенные луною. Городъ былъ пустъ; только кое гдѣ небольшія группы людей, увѣчанныхъ плушемъ, пѣли и танцевали передъ портиками подъ звуки флейтъ, пользуясь чудною ночью и праздникомъ, который продолжался съ самаго начала игръ и зрѣлищъ. Они ужъ приближались къ дому, когда Урсъ, кончивъ молиться, тихо заговорилъ, точно боясь разбудить Лигію:

— Да, господинъ, это самъ Христось спасъ ее отъ смерти. Когда я увидѣлъ ее на рогахъ тура, то почувствовалъ внутри себя голосъ: «Защити ее!» а это вѣрно былъ голосъ «Агнца.» Хотя тюрьма лишила меня силъ, но тутъ онѣ вернулись ко мнѣ... Это Онъ внушилъ, чтобы народъ заступился за нея... Да будетъ Его святая воля!

— Да будетъ благословенно имя Его! отвѣтили Виниціи.

Но далѣе онъ не могъ говорить, чувствуя, что рыданія душатъ его. Имъ овладѣло большое желаніе броситься на землю и благодарить Господа за чудо и милосердіе.

Наконецъ они дошли до дому; слуги, предупрежденные нарочно посланнымъ впередъ рабомъ, всѣ вышли на встрѣчу. Павелъ тарсеянинъ еще въ Антіѣ обратилъ большую часть этихъ людей въ христіанство. Несчастье Виниціи имъ было отлично извѣстно, а потому радость ихъ была безгранична при видѣ жертвъ, вырванныхъ изъ рукъ Нерона, и увеличилась тѣмъ больше, когда лекарь Теоклъ, освидѣтельствовавъ Лигію, сказалъ, что она не потерѣла физическаго поврежденія и что она будетъ здорова, какъ только окрѣпнетъ послѣ тюремной горячки.

Въ эту же ночь къ ней вернулось сознание. Проснувшись въ прекрасномъ кубикулумѣ, освѣщенномъ коринескими лампами, въ запахъ вербены и нарда, она не знала, что съ нею и гдѣ она находится. Она помнила, что ее привязывали къ рогамъ тура, стоявшаго на цѣпи; теперь же, видя передъ собою Виницію, освѣщен-

наго мягкимъ цвѣтнымъ свѣтомъ, она думала, что ужъ не живетъ на землѣ. Мысли ея еще путались въ больной головѣ. Ей казалось вѣроятнымъ, что они остановились гдѣ то по дорогѣ въ небо, въ виду ея слабости. Однако, не чувствуя никакой боли, она улыбнулась Виницію и хотѣла спросить, гдѣ они, но изъ устъ ея вышла только тихій шепотъ, въ которомъ онъ еле разобралъ собственное имя.

Онъ сталъ на колѣни у ея постели и, положивъ руку на ея лобъ, произнесъ:

— Христосъ спасъ тебя и возвратилъ мнѣ!

Ея губы опять зашевелились непонятнымъ шепотомъ; но чрезъ минуту ея глаза закрылись, грудь всколыхнулась отъ легкаго вздоха и она впала въ глубокой сонъ, котораго ожидалъ лекарь Теоклъ и послѣ котораго предсказывалъ ей здоровье.

Виницій остался у ея постели, погруженный въ молитву. Душа его таяла отъ любви, такъ что онъ совсѣмъ забылся. Теоклъ нѣсколько разъ входилъ въ кубикулюмъ; нѣсколько разъ показывалась также изъ-за портьеръ бѣлокурая головка Евники и, наконецъ, раздались голоса журавлей, воспитанныхъ въ садахъ, оповѣщая о наступленіи дня; а Виницій все еще обнималъ мысленно ноги Спасителя, не видя и не слыша, что вокругъ него дѣлается. Его сердце преисполнилось благодарности и восторга къ Нему, точно онъ при жизни переселялся въ небо.

· · · · ·

Петроній, по освобожденіи Лигіи, не желая дразнить цезаря, отправился вмѣстѣ съ прочими августіанами прямо въ Палатинъ. Ему хотѣлось послушать, о чемъ тамъ будутъ говорить, въ особенности провѣрить Тигелина, не замышляетъ ли онъ чего новаго для гибели дѣвушки. Хотя она и Урсъ теперь ужъ находились, нѣкоторымъ образомъ, подъ покровительствомъ народа и безъ особаго возмущенія не обошлось бы, еслибъ кто осмѣлился наложить на нея руку,—однако-же Петроній, зная о ненависти, какую къ нему питалъ всемогущій префектъ преторіанцевъ, допускалъ, что онъ, будучи не въ состояніи досадить ему, будетъ стараться излить свою месть, хоть косвеннымъ образомъ, на его племянникъ Виниціѣ.

Неронъ былъ золъ и раздраженъ, потому что представленіе

кончилось иначе, чѣмъ онъ желалъ. Сначала онъ даже не хотѣлъ смотрѣть на Петронія, но послѣдній прехладнокровно и съ полной непринужденностью арбитра подошелъ къ нему.

— Знаешь ли, божественный, сказалъ онъ, — что мнѣ пришло на мысль? Напиши пѣсню о дѣвушкѣ, которую цезарь освобождаетъ отъ роговъ тура и отдастъ ее возлюбленному. У грековъ чувствительныя сердца и я убѣжденъ, что такая пѣсня очаруетъ ихъ.

Не смотря на раздраженное состояніе, мысль эта понравилась цезарю по двумъ причинамъ: во-первыхъ, тема была прекрасная и, во-вторыхъ, онъ могъ воспѣть въ ней самого себя, какъ великодушнаго владыку свѣта. Онъ посмотрѣлъ съ минуту на Петронія и потомъ сказалъ:

— Да! Можетъ быть ты и правъ! Но хорошо-ли будетъ воспѣвать собственную доброту?

— Зачѣмъ-же называть себя? Каждый въ Римѣ такъ угадаетъ, въ чемъ дѣло, а вѣдь изъ Рима вѣсти расходятся по всему свѣту.

— И ты убѣжденъ, что эта пѣсня понравится въ Ахайѣ.

— Клянусь Поллуксомъ! закончилъ Петроній.

И онъ ушелъ. Теперь онъ былъ увѣренъ, что Неронъ, который согласовалъ всю жизнь свою съ литературными помыслами, — не захочетъ испортить себѣ темы, а этимъ самымъ онъ свяжетъ руки Тигелину. Однако-же это обстоятельство не измѣнило его намѣреній отправить Виниція изъ Рима, какъ только здоровье Лигіи поправится и перестанетъ служить тому препятствіемъ.

На слѣдующій день, увидѣвшись съ Виниціемъ, онъ прямо сказалъ ему:

— Увези ее въ Сицилію. Случилось нѣчто такое, что теперь вамъ ничего не угрожаетъ со стороны цезаря, но Тигелинъ готовъ пустить въ дѣло даже ядъ, если не изъ ненависти къ вамъ, то — ко мнѣ.

Виницій улыбнулся и отвѣтилъ.

— Она была на рогахъ тура, да и то Господь спасъ ее, а что-же Тигелинъ!

— Такъ отблагодари Его ста быками, прибавилъ съ нетерпѣніемъ Петроній, — но не проси спасать ее другой разъ... Помнишь, какъ Эоль принялъ Одиссея, когда тотъ пришелъ къ нему второй разъ просить о благопріятномъ направленіи вѣтровъ? Божества не любятъ повторяться!

— Какъ только выздоровѣть, я отвезу ее къ Помпоніѣ Грецинѣ.

— Тѣмъ лучше. Кстати теперь Помпонія лежитъ больной. Мнѣ говорилъ о томъ родственникъ Авлія, Антистій... А между тѣмъ здѣсь переменяются событія и люди позабудутъ о васъ. Въ настоящее тяжелое время только тотъ и счастливъ, о комъ позабыли... И пусть Фортуна послужитъ вамъ солнцемъ зимою и тѣнью—лѣтомъ.

Сказавъ это, онъ предоставилъ Виниція своему счастью, а самъ пошелъ къ лекарю Теоклу разспросить его о здоровьи Лигіи.

Но опасность ужь миновала. Еслибъ она находилась въ тюрьмѣ, то конечно, ее убилъ-бы затхлый, спертый, вонючій воздухъ и всякія неудобства, а теперь она была окружена нѣжными попеченіями, довольствіемъ, всеми удобствами и роскошью. По истеченіи двухъ дней, ее начали, съ разрѣшенія лекаря, выносить въ садъ, окружавшій виллу, въ которомъ она просиживала долгое время. Виницій украшалъ ее паланкинъ анемонами и ирисами, въ воспоминаніе атріума въ домѣ Плавтіевъ. Сидя въ тѣни вѣтвистыхъ деревьевъ, они держались за руки и разговаривали о прошлыхъ страданіяхъ и тревогахъ. Лигія говорила, что Христосъ нарочно провелъ его чрезъ всѣ степени мученій, чтобы измѣнить въ немъ его душу и приблизить къ Себѣ, и онъ соглашался съ этимъ, такъ какъ и самъ чувствовалъ, что въ немъ ничего не осталось отъ прежняго патриція, который признавалъ только собственное «я». Но въ этихъ воспоминаніяхъ не было ничего огорчительнаго. Имъ обоимъ казалось, что многіе годы промчались надъ ихъ головами и что ужасное прошлое кануло въ Лету.

А между тѣмъ ими овладѣвало полнѣйшее спокойствіе, какого они еще никогда не испытывали. На встрѣчу имъ шла новая, блаженная жизнь, манившая ихъ къ себѣ. Теперь цезарь не существовалъ для нихъ: онъ могъ безумствовать, бѣситься, съума сходить, приводить въ трепетъ весь свѣтъ, но не ихъ, потому что они чувствовали надъ собою покровительство всемогущаго Бога и не боялись цезаря; для нихъ онъ пересталъ быть властелиномъ ихъ жизни и смерти.

Однажды они, при закатѣ солнца, услышали рыканье львовъ въ отдаленныхъ виваріяхъ. Въ былое время, эти звѣринные возгласы преисполняли ихъ сердца тревогой и служили сквернымъ предзна-

менованіемъ; а теперь они только улынулись, посмотрѣли другъ на друга и вознесли свои глаза къ горящимъ звѣздамъ. По временамъ, Лигія, будучи еще слабой, засыпала въ садовой тиши; Маркъ присматривалъ за нею и, вглядываясь въ ея лицо, невольно думалъ, что это ужъ не та Лигія, которую онъ встрѣтилъ у Авлія: заключеніе въ тюрьму и болѣзнь оставили на немъ замѣтные слѣды и лишили ее той красоты, которою можно было гордиться. Какъ въ самомъ началѣ его знакомства съ нею, такъ и позже, въ домѣ Маріамы, она была чудесна, какъ изваяніе; а теперь ея лицо сдѣлалось прозрачнымъ отъ худобы и болѣзни, губы поблѣднѣли и глаза провалились. Бѣлокурая Евника, приносившая ей цвѣты и драгоценныя ткани для прикрытія ногъ, выглядѣла при ней, какъ кипрское божество. Эстетикъ Петроній, смотря на Лигію, пожималъ плечами и думалъ, что эта тѣнь изъ Елисейскихъ полей не стоила тѣхъ заботъ и хлопотъ, тѣхъ страданій и мукъ, которыя едва не лишили жизни самого Виниція. Но послѣдній теперь полюбилъ ее еще больше и, наблюдая за нею спящей, преисполнялся такимъ чувствомъ, какъ будто онъ наблюдалъ за всѣмъ свѣтомъ.

VI.

Вѣсть о чудесномъ спасеніи Лигіи быстро разнеслась между остатками христіанъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома. Ея единовѣрцы приходили толпами, чтобы взглянуть на ту, надъ которой Господь простеръ Свою всемилостивую длань. Прежде другихъ пришелъ Назарій съ Маріамой, у которыхъ скрывался апостоль Петръ, а за ними и многіе другіе. Всѣ, вмѣстѣ съ Виниціемъ, Лигіей и невольниками Петронія слушали разсказъ Урса о томъ внушеніи свыше, которое онъ чувствовалъ въ моментъ, когда увидѣлъ Лигію на рогахъ тура; внушеніи, заставлявшемъ его побѣдить дикаго звѣря. Благодаря этому разсказу, всѣ уходили ободренные и съ надеждой, что Господь не допуститъ уничтожить до послѣдняго изъ христіанъ, пока Самъ не придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И эта надежда подкрѣпляла ихъ, такъ какъ гоненія все еще не прекращались. Кто-бы ни указалъ на христіанина, какъ его тотчасъ арестовывали и отправляли въ тюрьму. Правда, жертвъ ужъ сдѣлалось меньше, потому что почти всѣхъ предали смерти, а оставшіеся или уходили изъ Рима, чтобы вдали отъ него переждать грозу, или старательно скры-

вались и собирались только на общія молитвы въ аренаріяхъ, лежащихъ далеко за городомъ. Однако за ними слѣдили, и не смотря на то, что зрѣлища уже кончились, ихъ держали для слѣдующихъ или судили судомъ и предавали смерти. Хотя римляне уже не вѣрили, что христіане были причиной пожара, все-таки называли ихъ врагами человѣчества и всего государства, и эдиктъ сохранялъ свою силу по прежнему,

Петръ долго не могъ показаться въ домъ Петронія. Однако, какъ-то вечеромъ, Назарій доложилъ о приходѣ апостола. Лигія, уже ходившая безъ посторонней помощи, и Виницій вышли къ нему на встрѣчу и начали обнимать его ноги, а онъ съ тѣмъ большимъ радушіемъ и волненіемъ привѣтствовалъ ихъ, что ужъ немного осталось овецъ въ его паствѣ, судьбу которой оплакивало его великое старческое сердце. Виницій первый заговорилъ съ нимъ.

— Благодаря твоимъ молитвамъ, апостоль, сказалъ онъ,—Господь возвратилъ ее мнѣ.

— Нѣтъ, Онъ вернулъ ее тебѣ ради твоей собственной вѣры, отвѣтилъ Петръ,—ради того, чтобы не замолкли всѣ уста, прославляющія Его святое имя!

Очевидно, онъ думалъ о тѣхъ тысячахъ своихъ дѣтей, которыя были преданы на пожраніе звѣрямъ; о тѣхъ крестахъ, которыми были переполнены арены и о тѣхъ, пылавшихъ огнемъ, живыхъ факелахъ, сожженныхъ въ садахъ «бестіи», потому что онъ говорилъ объ этомъ съ большимъ сожалѣніемъ. Виницій и Лигія замѣтили, что его волосы еще больше побѣлѣли, вся фигура согнулась, а въ лицѣ было столько печали и страданій, какъ будто онъ самъ прошелъ чрезъ всѣ перипетіи безумства и жестокостей Нерона. Но они оба прекрасно понимали, что если Самъ Христосъ поддался мученіямъ и смерти, то никто не долженъ избѣгать ихъ. Однако же ихъ сердца рвались отъ боли, при видѣ апостола, угнетеннаго трудомъ и годами. Въ виду этого, Виницій, намѣревавшійся чрезъ нѣсколько дней отвезти Лигію въ Неаполь, гдѣ они должны были встрѣтиться съ Помпоніей и прослѣдовать въ Сицилію, началъ уговаривать его уѣхать вмѣстѣ съ ними изъ Рима.

Но апостоль, положивъ руку на его голову, отвѣтилъ:

— Я слышу еще гласъ Господень въ душѣ моей, Который сказалъ мнѣ на Тиверіадскомъ озерѣ: «Когда ты былъ молодъ, то опоясывался и ходилъ, куда угодно; но когда состаришься, то про-

стрешь руки свои и иной опояшетъ тебя и поведетъ тебя куда ты не захочешь идти». Поэтому я долженъ слѣдовать за паствою моею.

Всѣ молчали, не понимая смысла того, что онъ говоритъ. Между тѣмъ онъ прибавилъ:

— Мой трудъ приходитъ къ концу, но гостепріимный отдыхъ трудамъ моимъ я найду только въ храмѣ Господа моего... Помните обо мнѣ, продолжалъ онъ помолчавъ,—потому что я любилъ васъ, какъ родныхъ дѣтей, и что въ жизни станете дѣлать, то дѣлайте во славу Божию.

Причемъ онъ распростеръ налъ ними свои дрожація руки и благословилъ ихъ, а они прижимались къ нему, чувствуя, что, быть можетъ, это его послѣднее благословеніе для нихъ.

Однако сама судьба предназначила имъ увидѣть его еще разъ. Вскорѣ обнаружилось, что одинъ изъ отпущенниковъ цезаря былъ христіанинъ и у него нашли письма Павла тарсеянина, а также Якова, Іуды и Іоанна. О пребываніи Петра въ Римѣ Тигелину уже раньше было извѣстно; но онъ думалъ, что Петръ погибъ вмѣстѣ съ другими христіанами. Теперь же оказалось, что оба начальника новой вѣры были живы и находятся въ столицѣ. Поэтому былъ отданъ приказъ розыскать ихъ и схватить, въ той надеждѣ, что одновременно со смертью этихъ двухъ лицъ послѣдніе корни ненавистной секты будутъ вырваны и преданы забвенію. Петроній узналъ отъ Вестинія, что самъ цезарь отдалъ приказъ, въ которомъ было сказано, чтобы они, въ продолженіи трехъ дней, были розысканы и заключены въ Мамертинскую тюрьму и что для этой цѣли уже были посланы отряды преторіанцевъ перетрасти всѣ дома за Тибромъ.

Узнавъ о томъ, Виницій рѣшился предостеречь апостола. Вечеромъ, онъ и Урсъ, одѣвъ гальскіе плащи, закрывающіе лицо, отправились къ Маріамѣ, жившей на окраинѣ Затибрянской части города, у подножія Яникульскаго холма. По дорогѣ, они видѣли лицъ, окруженныхъ солдатами, которыхъ сопровождали какіе-то неизвѣстные люди. Весь кварталъ былъ обезпокоенъ; мѣстами собирались толпы людей, которыхъ разспрашивали центуріоны, какъ равно и схваченныхъ христіанъ, о Петрѣ и Павлѣ.

Виницій и Урсъ, опередивъ солдатъ, благополучно дошли до жилища Маріамы, у которой застали Петра, окруженнаго толпою христіанъ. Тимофеей, помощникъ Павла, и Линней, находились при апостолѣ.

Узнавъ объ опасности, Назарій вывелъ всѣхъ чрезъ скрытую калитку въ саду, а затѣмъ проводилъ ихъ въ бывшія каменноломни, находившіяся неподалеку отъ Яникульскихъ воротъ. Урсъ вынужденъ былъ нести Линнея, ноги котораго еще не срослись послѣ пытокъ. Однако, очутившись въ подземельи, они почувствовали себя въ безопасности и при свѣтильникѣ, который зажегъ Назарій, начали совѣтоваться, какъ спасти дорожную жизнь апостола.

— Апостолѣ! отозвался Виницій,—позволь Назарію проводить тебя завтра утромъ изъ города къ Албанскимъ горамъ. Тамъ мы встрѣтимъ тебя и возьмемъ съ собою въ Антію, гдѣ насъ ожидаетъ корабль, который перевезетъ насъ въ Неаполь и Сицилію. Счастливъ будетъ для насъ тотъ день и часъ, въ который ты войдешь въ домъ мой и благословишь нашъ очагъ.

Всѣ съ удовольствіемъ слушали его и когда онъ кончилъ, обратились къ апостолу.

— Побереги себя, святой человѣкъ, потому что въ Римѣ неужиться тебѣ. Побереги истину, чтобы она не погибла вмѣстѣ съ нами и съ тобою. Послушай насъ, какъ дѣтей своихъ, умоляющихъ отца.

— Сдѣлай это, во имя Христа! воскликнули остальные хоромъ, цѣпляясь за его одежду.

— Дѣти мои! отвѣтилъ Петръ.—Никто не знаетъ, гдѣ Господь назначить мнѣ окончить мою жизнь.

Но онъ не сказалъ, что не оставитъ Рима: онъ и самъ колебался, не зная, какъ поступить, потому что въ его сердцѣ давно вкралась неувѣренность за свое будущее. Но его стадо разсѣялось, все дѣло разрушено и церковь, которая до пожара процвѣтала, какъ плодовое дерево, подпала подъ власть «бестія». Теперь ничего не оставалось, кромѣ воспоминаній, слезъ, мученій и смерти. Посѣвъ далъ обильный урожай, но дьяволъ истопталъ его ногами. Сонмы ангеловъ не пришли на помощь погибающимъ и теперь Неронъ возсѣдаетъ во славу всего свѣта страшный и могущественнѣйшій, чѣмъ былъ прежде, повелѣвая морями и сушей. Ужь не разъ Божій рыбакъ возносилъ свои руки къ небу и спрашивалъ:

— Господи! что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ удержаться и какъ я, безсильный старикъ, смогу бороться съ этимъ чрезвычайнымъ зломъ, которому Ты дозволилъ владѣть всемъ и побѣждать!

И онъ вопилъ такъ въ глубинѣ души своей и съ наболѣвшимъ сердцемъ повторялъ:

— Ужъ нѣтъ моихъ овецъ, которыхъ Ты повелѣлъ мнѣ пасти, и нѣтъ Твоей церкви: кругомъ пустота въ Твоей столицѣ... Такъ что-же прикажешь мнѣ дѣлать? Остаться-ли мнѣ здѣсь или вывести остатокъ Твоего стада куда-нибудь за море, чтобы тамъ прославлять Твое святое имя?

И онъ колебался. Хоть онъ вѣрилъ, что правда никогда не погибнетъ и должна имѣть перевѣсъ надъ зломъ, но онъ думалъ, что еще не пришло время и что оно настанетъ въ день Страшнаго Суда, когда Господь снизойдетъ во славу и могущество, въ тысячу разъ сильнѣе Нероновскихъ.

Часто ему казалось, что если онъ оставитъ Римъ, то всѣ послѣдователи пойдутъ за нимъ и онъ отведетъ ихъ въ тѣнистыя рощи Галлилеи, къ тихому берегу Тиверіатскаго моря, къ пастухамъ, спокойнымъ какъ голуби или овцы, пасущіяся среди луговъ, произрастающихъ чаберомъ и нардомъ. И съ каждымъ разомъ имъ овладѣвало желаніе тишины и отдыха, тоска по озеру и Галлилеи; съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе обливалось кровью его рыбацкаго сердца и глаза заливались слезами.

Но когда онъ ужъ дѣлалъ выборъ, имъ овладѣвалъ внезапно страхъ и беспокойство. Какъ онъ оставитъ городъ, въ которомъ столько мученической крови впитала въ себя земля и гдѣ столько умирающаго народа засвидѣтельствовало о существованіи Правды? Можетъ-ли онъ отклониться отъ этого и что онъ скажетъ Господу, когда Онъ изречетъ: «Они умерли за вѣру свою, а ты бѣжалъ!»

Такимъ образомъ, дни и ночи проходили въ неприятностяхъ и заботѣ. Всѣ, разорванные львами, распятые на крестѣ и сожженные на мачтахъ, послѣ краткихъ мученій сладко почивали въ Бозѣ, а онъ не могъ заснуть, чувствуя муки сильнѣйшія, чѣмъ-бы ихъ придумали для него палачи. Часто разсвѣтъ ужъ бѣлилъ крыши домовъ, а онъ все еще взывалъ ко Господу съ глубины своего скорбѣвшаго сердца:

— Господи! Зачѣмъ Ты повелѣлъ мнѣ основать въ семь градъ Твой столъ?

Въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ по смерти Спасителя Петръ не зналъ покоя и съ посохомъ въ рукахъ ходилъ по свѣту оповѣщать народы о Бого-человѣкѣ. Его силы изсякли въ трудѣ и пу-

тешествіи, пока ему удалось обосновать и укрѣпить въ этомъ градѣ, считающемся главою свѣта,—дѣянія его Божественнаго Учителя, которыя однако-же сожгло своимъ огненнымъ дыханіемъ зло. Теперь онъ видѣлъ, что ему надо начинать борьбу сначала; да еще какую борьбу. На одной сторонѣ стояли: цезарь, сенатъ, народъ и легіоны, охватывающіе, точно желѣзнымъ обручемъ, весь міръ, неисчислимое количество городовъ и земель; словомъ, могущество, больше котораго не было на свѣтѣ; тогда какъ на другой сторонѣ стоялъ только онъ одинъ, согбенный лѣтами и трудомъ, съ дрожащими руками, которыя едва удерживали его дорожный посохъ.

Поэтому, онъ видѣлъ ясно, что не ему мѣряться своими слабыми силами съ цезаремъ Ромы и что это можетъ доказать только самъ Христосъ.

Всѣ эти мысли теперь промелькнули въ его озабоченной головѣ; но онъ продолжалъ слушать просьбу послѣдней горсточкой своихъ собратьевъ, которые окружали его все тѣснѣе и повторяли:

— Побереги себя Равви и освободи себя и насъ отъ власти бестіи ²⁷⁷).

Наконецъ и Линней склонилъ предъ нимъ свою больную голову.

— Господине! отозвался онъ:—Тебѣ Христосъ приказалъ пасти стадо Его овецъ; но ихъ ужъ здѣсь нѣтъ или завтра-же не будетъ, а потому поиди туда, гдѣ ты можешь ихъ отыскать. Еще царствуетъ слово Божіе и въ Иерусалимѣ, и въ Антиохіи, и въ Эфесѣ, и въ другихъ городахъ. Что ты выиграешь, если останешься въ Римѣ? Если ты умрешь, то своею смертию только увеличишь торжество Нерона. Господь не предназначилъ Иоанну конца его жизни; а Павелъ—римскій гражданинъ и его не могутъ казнить безъ суда. Но если надъ тобою, Равви, разразится буря и ты погибнешь, то тѣ, кто упалъ духомъ, станутъ спрашивать: кто больше Нерона? Ты—скала, на которой основанъ храмъ Господень. Позволь намъ умереть, но не позволяй восторжествовать антихристу надъ намѣстникомъ Божьимъ и не возвращайся сюда, пока Господь не сокрушитъ того, кто пролилъ кровь невинныхъ!

— Взгляни на наши слезы! повторяли приеутствующіе.

У Петра тоже катились слезы по лицу. Однако онъ всталъ и, распростеревъ надъ ними руки, рѣшилъ:

— Да будетъ благословенно имя Его и да будетъ воля Его!

VII.

На слѣдующій день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, два темныхъ силуэта подвигались по Аппійской дорогѣ къ равнинамъ Кампаньи. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ Назарію, другой—Петру, оставлявшему Римъ и мучимыхъ въ немъ послѣдователей Христа.

Небо на Востокъ окрашивалось легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ, образовавшимъ постепенно внизу шафрановую кайму. Деревья съ посеребренными листьями, бѣлыя мраморныя вилы и арки водопроводовъ, идущія длинной полосой по равнинѣ къ городу, мало по малу, выдвигались изъ тьмы. Зеленъ неба какъ будто пропитывалась золотомъ. Востокъ началъ краснѣть и наконецъ освѣтилъ Албанскія горы, которыя окрасились чудеснымъ лилейнымъ цвѣтомъ, какъ будто состоявшимъ изъ одного искрящагося блеска.

Свѣтъ ужъ отражался въ капляхъ росы, дрожащихъ на листьяхъ деревъ. Туманъ рѣдѣлъ, открывалъ обширный видъ на равнину, на дома, расположенные на ней; на кладбища, мѣстечки и группы деревьевъ, между которыми бѣлѣлись колоннады храмовъ.

Дорога была пустынна. Поселяне, возившіе овощи въ городъ, очевидно, еще не успѣли запретъ муловъ въ свои возы. На каменныхъ плитахъ, которыми была выложена дорога до самыхъ горъ, раздавались отголоски деревянныхъ башмаковъ, одѣваемыхъ обыкновенно путешественниками.

Наконецъ солнце вышло изъ-за вершинъ горъ. Апостолъ взглянулъ по тому направленію и былъ пораженъ страннымъ видомъ: ему показалось, что золотой дискъ, вмѣсто того, чтобы полнѣе выше, сдвинулся съ холмовъ и покатился по дорогѣ.

Петръ остановился.

— Видишь этотъ яркій свѣтъ? спросилъ онъ Назарія.

— Ничего не вижу, отвѣтилъ послѣдній.

Петръ прикрылъ ладонью глаза и, помолчавъ, прибавилъ:

— На встрѣчу намъ идетъ человекъ въ солнечномъ сіяньи!

Однако до ихъ слуха не доносилось ни одного отзвука шаговъ. Кругомъ царствовала полнѣйшая тишина. Но Назарій замѣтилъ, что вдали трепетали деревья, точно кто потрясалъ ими, и что блескъ все шире распростирался по равнинѣ.

Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на апостола.

— Равви, что съ тобою? испуганно спросилъ онъ.

Изъ рукъ Петра выпалъ его посохъ; его глаза смотрѣли неподвижно впередъ; губы раскрылись, а на лицѣ проявились удивленіе, радость и восторгъ.

Вдругъ онъ упалъ на колѣни, протянулъ впередъ руки и изъ его устъ вырвался крикъ:

— Христось! Христось!..

И онъ приникъ головою къ землѣ, какъ будто пѣлуя чьи-то ноги.

Долго продолжалось молчаніе, которое однако-же было нарушено отрывистыми рыдающими словами старца:

— *Quo vadis, Domine?*.. Куда грядешь, Господи?

Назарій не слышалъ отвѣта, но до ушей старца долетѣлъ хоть грустный, но въ то-же время сладостный голосъ:

— Если ты оставляешь народъ мой, то я иду въ Римъ, чтобы меня распяли второй разъ.

Апостоль лежалъ на землѣ безгласно и неподвижно. Назарію казалось, что онъ обомлѣлъ или даже умеръ. Но Петръ скоро всталъ, поднялъ дрожащими руками свой посохъ и, не говоря ни слова, повернулъ къ семи холмамъ города.

Видя его уходящимъ, юноша, точно эхо, отозвался:

— *Quo vadis, Domine?*

— Въ Римъ! тихо отвѣтилъ апостоль.

И онъ ушелъ.

Павель, Іоаннъ и Линней встрѣтили его съ изумленіемъ и тревогой; тѣмъ больше, что послѣ его ухода преторіанцы окружили квартиру Маріамы и искали въ ней апостола. Но онъ, на всѣ ихъ разспросы, спокойно и радостно отвѣчалъ:

— Я видѣлъ Господа!

Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ отправился въ Остраіумъ поучать и крестить людей, изъявившихъ желаніе быть христіанами.

Съ этого раза онъ ходилъ туда каждый день, а за нимъ шли толпы народа. Казалось, что изъ каждой мученической слезы родятся все новые послѣдователи, и что каждый стонъ на аренѣ отзывается въ тысячахъ сердцахъ. Цезарь плавалъ въ крови, а Римъ и весь свѣтъ—сбума сходилъ. Но тѣ, которымъ надоѣло его зло-

дѣйство; тѣ, которыхъ попирали ногами и жизнь которыхъ была рядомъ притѣсненій и угнетеній; всѣ несчастные, усугубленные и печальные шли послушать чудный разсказъ о Богѣ, Который изъ любви къ человѣчеству позволилъ распять Себя и кровью Своєю искупить народъ.

Стремясь къ тому Богу, Котораго они могли любить, они находили въ Немъ то, что не могъ имъ дать современный свѣтъ, а именно— счастье и любовь.

Петръ понялъ, что ни цезарь, ни всѣ его легіоны не могутъ уничтожить живую Правду; что ее не зальютъ ни слезы, ни кровь и что теперь начинаются ея новыя побѣды. Понялъ также, почему Господь вернулъ его съ дороги. И, вотъ, городъ спѣси, гордости, кичливости, злодѣйства, разврата и могущества становился его городомъ, двойною столицей, изъ которой исходило правленіе всѣмъ свѣтомъ и человѣческими душами.

VIII.

Наконецъ настала часть для обоихъ апостоловъ. Но, какъ бы для окончанія службы, дана была возможность божьему рыбаку поймать еще двѣ рыбы въ самой тюрьмѣ. Солдаты Прокесъ и Мартиналъ, караулившіе Петра въ Мамертинской тюрьмѣ, приняли крещеніе, послѣ чего пробилъ его послѣдній часъ. Нерона не было въ Римѣ и приговоръ былъ исполненъ двумя его отпущенниками Геліемъ и Политетіемъ, которымъ онъ довѣрилъ управление городомъ на время своего отсутствія. Вѣковой апостоль, прежде всего, былъ приговоренъ къ наказанію розгами, а на слѣдующій день онъ былъ выведенъ за городскія стѣны для распятія на крестѣ. Солдатъ очень удивили толпы, собравшіяся передъ тюрьмою. По ихъ понятіямъ, смерть простаго человѣка, а тѣмъ больше чужестранца, не должна была интересовать никого; но они не понимали, что это были толпы не любопытныхъ, а христіанъ, желавшихъ сопровождать до мѣста казни великаго апостола.

Наконецъ, по полудни, отворились тюремныя ворота и Петръ показался въ нихъ, конвоируемый преторіанцами. Солнце ужъ склонялось въ сторону Остіи. День былъ чудный и тихій. Имѣя въ виду старость Петра, его освободили отъ несенія креста и даже не вздѣли ему аркана на шею, чтобы не затруднять его движеній. Онъ

шелъ свободно, такъ что всѣ могли видѣть его. Въ моментъ, когда его сбѣдая голова показалась среди желѣзныхъ шлемовъ солдатъ, въ толпѣ раздался плачь, который однако-же тотчасъ прекратился, потому что лицо старца было совсѣмъ веселое и сіяло радостью. Всѣ поняли, что это идетъ не жертва на казнь, а побѣдитель совершаетъ свою торжественную прогулку.

Дѣйствительно, такъ и было. Петръ, всегда покорный и согнувшійся, шелъ теперь прямо и серьезно, будучи ростомъ выше солдатъ. Никогда еще не видѣли въ его осанкѣ столько величія! Можно было подумать, что это идетъ монархъ, окруженный тѣлохранителями. Со всѣхъ сторонъ слышались голоса: «Вотъ какъ Петръ отходить къ Господу!» Всѣ какъ будто позабыли, что его ожидаютъ мученія и смерть, и шли въ торжественномъ молчаніи и спокойствіи, чувствуя, что отъ смерти на Голгоѣ не было до сихъ поръ ничего болѣе величественнаго и что какъ та смерть искупила міръ, такъ эта искупить этотъ городъ.

Люди, шедшіе по дорогѣ, останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на этого старца. Христіане, сопровождавшіе его, клали имъ руки на плечи и спокойно говорили: «Смотрите, какъ умираетъ праведникъ, знавшій Христа и проповѣдывавшій любовь». Тѣ призадумывались и, уходя своей дорогой, бурчали про себя: «Воистину, этотъ человѣкъ не могъ быть не праведникомъ!»

По дорогѣ умолкали уличные возгласы. Отрядъ подвигался посреди вновь построенныхъ домовъ и большихъ колоннъ храмовъ, надъ начолками которыхъ какъ будто висѣло голубое небо. Всѣ шли въ молчаніи, нарушаемомъ изрѣдка звономъ солдатскаго оружія или шепотомъ молитвъ, въ которыя Петръ вслушивался. Сердце Петрово радовалось и глаза сіяли, видя что съ каждой минутой отрядъ сопровождающихъ христіанъ все увеличивается до тысячъ. Онъ чувствовалъ, что всѣ они—дѣло его рукъ и зналъ, что та Правда, которую онъ проповѣдывалъ, зальетъ весь свѣтъ и что никто ее не удержитъ. Думая объ этомъ, онъ возносилъ глаза къ небу и въ душѣ говорилъ:

— Господи! Ты приказалъ мнѣ покорить этотъ городъ и я покорилъ его. Приказалъ основать здѣсь столъ и я основалъ его: это Твой городъ, а я иду къ Тебѣ, потому что ужъ достаточно потрудился...

Проходя мимо языческихъ храмовъ, онъ говорилъ имъ: «будете

храмами Христа», а смотря на рой людей, шедших мимо него, онъ отзывается къ нимъ словами: «Если не вы, то ваши дѣти будутъ служителями Христа»,—и такъ онъ шель гордясь своей побѣдой и сознавая свои заслуги, спокойный и великій. Солдаты провели его чрезъ Триумфальный мостъ, какъ бы невольно признавая въ немъ побѣдителя, и затѣмъ далѣе, къ Навмахіи и къ цирку. Затибрянскіе христіане тоже присоединились къ сопровождающимъ, вслѣдствіе чего сдѣлалось до того тѣсно, что центуріонъ, начальствовавшій надъ преторіанцами, догадавшись, что они ведутъ какого нибудь первосвященника и что ихъ окружаютъ его поклонники,—очень обезпокоился малочисленностью охраны. Но ни одного возмутительнаго возгласа не раздалось среди этой толпы. Лица всѣхъ были проникнуты торжественностью минуты и преисполнены ожиданія, не случится ли какого нибудь чуда. Всѣ помнили, что при смерти Христа земля разверзалась отъ ужаса и мертвые вставали изъ гробовъ, а потому думали, что и теперь проявятся какіе либо признаки, благодаря которымъ никогда не забудется смерть апостола.

— А вдругъ Господь изберетъ этотъ часъ, говорили въ толпѣ,—и Онъ снизойдетъ съ неба и станетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Думая такъ, они поручали себя Его милосердію, но кругомъ было все спокойно. Холмы, казалось, грѣлись и отдыхали на солнцѣ.

Наконецъ солдаты остановились между циркомъ и Ватиканскимъ холмомъ. Одни изъ нихъ начали копать яму, другіе положили на землю крестъ, молотки и гвозди, ожидая, пока будетъ вырыта яма. Народъ молча опустился на колѣзни.

Апостоль, голова котораго была освѣщена золотыми лучами, обратился къ городу взглянуть на него въ послѣдній разъ. Вдали нѣсколько ниже, виднѣлся Тибръ, на другомъ берегу котораго лежало Марсово поле; выше стоялъ мавзолей Августа, ниже него—колоссальныя термы, которыя началъ строить Неронъ; еще ниже—театръ Помпея, а за нимъ, мѣстами видныя и мѣстами закрытыя, постройки Септа Юлія, множество портиковъ, колоннъ, храмовъ и разныхъ многоэтажныхъ зданій; наконецъ, вдали—холмы, окруженные домами, и рой людей, вереницы которыхъ исчезали въ отдаленномъ голубомъ туманѣ; словомъ, было видно все гнѣздо злодѣйства, силы, безумства, а въ то же время и порядка; гнѣздо, сдѣлавшееся

всемирнымъ городомъ, притѣснителемъ свѣта, но въ то же время его закономъ и спокойствіемъ; гнѣздо всемогущества, непобѣдимости и вѣчности.

Петръ, окруженный солдатами, смотрѣлъ на все это, точно царь на свои владѣнія, и говорилъ: «Все искуплено и мое!» Но никто не только изъ солдатъ, копавшихъ яму для креста и стоявшихъ въ ожиданіи, но даже христіане не могли угадать, что между ними дѣйствительно стоитъ царь и настоящій владыка этого теченія времени; что пройдутъ всѣ цезари, проплывутъ волны варварства, промчатся годы и вѣка, а этотъ старецъ будетъ непрерывно царствовать здѣсь.

Солнце еще ниже склонилось къ Остіи и сдѣлалось большимъ и краснымъ. Вся западная сторона неба, горѣла яркимъ блескомъ. Солдаты приблизились къ Петру раздѣть его. Но онъ, молясь, вдругъ выпрямился и вознесъ правую руку. Палачи остановились, точно испугавшись его позы; христіане тоже затаили дыханіе, ожидая, что Петръ скажетъ что нибудь. Воцарилась невозмутимая тишина.

Между тѣмъ Петръ, стоя на возвышеніи съ поднятой рукой, началъ, благословлять христіанъ въ послѣднюю минуту своей жизни, и произнесъ:

— *Urbi et orbis!*

Въ тотъ же чудный вечеръ другой отрядъ преторіанцевъ вель по Остійской дорогѣ апостола Павла къ мѣстности, называемой *Aqua Salviae*. За нимъ тоже шла большая толпа послѣдователей Христовыхъ, которыхъ онъ обратилъ на путь истины. Встрѣчая близкихъ знакомыхъ, онъ останавливался и разговаривалъ съ ними. Солдаты дозволяли ему разговаривать, потому что онъ былъ римскій гражданинъ. За Тергеминскими воротами, онъ встрѣтился съ Плавтиліей, дочерью префекта Флавія Сабина, и, видя ея молодое лицо, залитое слезами, сказалъ:

— Плавтилія, дочь вѣчнаго спасенія, гряди въ покоѣ!.. Только одолжи мнѣ твой личной покровъ, которыми мнѣ завяжутъ глаза, когда я стану отходить ко Господу!

И, взявъ отъ нея покровъ, онъ пошелъ дальше, обрадованный и сіяющій, какъ работникъ, который, потрудившись весь день, ве-

село возвращается домой. Его мысли были также спокойны и погожи, какъ вечернее небо. Онъ смотрѣлъ задумчиво на равнину, разстлавшуюся передъ нимъ; на Албанскія горы, освѣщенные солнечнымъ закатомъ, и размышлялъ о своихъ путешествіяхъ, дѣяніяхъ, трудахъ, побѣдахъ и церквахъ, которыя основалъ въ разныхъ концахъ земли, будучи увѣренъ, что заслужилъ этотъ, предстоящій ему, вѣчный отдыхъ. Онъ чувствовалъ, что свершилъ великое дѣло, что его посѣвъ не развѣетъ злобный вѣтеръ и отходилъ съ тою увѣренностью, что въ войнѣ, объявленной имъ міру, правда побѣдитъ, и это обстоятельство озаряло его лицо счастьемъ.

Дорога на мѣсто казни была далекая и ужъ начинало смеркаться. Горы дѣлались пурпурными и постепенно углублялись въ мракъ. Стада возвращались домой. Тамъ и сямъ шли толпы рабовъ съ орудіями ихъ труда. По дорогѣ, около домовъ, забавлялись дѣти, съ любопытствомъ посматривая на проходившихъ солдатъ. Въ самомъ вечерѣ, какъ и въ прозрачномъ воздухѣ было не только спокойствіе и тишина, но и какая-то гармонія, которая, казалось, возносила отъ земли къ небу. Павелъ слышалъ эту гармонію и его сердце преисполнилось радостью при мысли, что къ этой божественной гармоніи свѣта и онъ прибавилъ свой голосъ, котораго въ немъ не было и безъ котораго вся земля была «что звенящая мѣдь или гремящіе кимвалы²⁷⁸».

И онъ вспомнилъ, какъ онъ училъ народъ любить и какъ говорилъ ему, что хоть-бы они роздали всѣ свои богатства нищимъ, говорили на всѣхъ языкахъ, знали всѣ тайны и науки, — все это ни что безъ любви, которая ласкова, милостива, терпѣлива, безобидна не требовательна и не жадна; которая все переноситъ, всему вѣритъ, на все надѣется, предъ всемъ устоитъ и не нуждается въ почетѣ.

Весь вѣкъ онъ прожилъ въ ученіи этой истины и теперь говорилъ себя: какая простая сила ея, но кто-жъ ее побѣдитъ? Самъ цезарь не можетъ низвергнуть ее и истребить, хоть-бы у него было дважды столько легионовъ, городовъ, морей, земли и народовъ, сколько у него есть въ настоящее время.

И онъ шелъ за наградой, какъ побѣдитель.

Наконецъ отрядъ свернулъ съ большой дороги на тропинку къ Сальвійскимъ Водамъ. На верескѣ лежали красные лучи солнца. Центуріонъ остановилъ отрядъ у источника, ибо настала часъ.

Но Павелъ, перебросивъ покровъ Плавилліи черезъ плечо, вознесъ въ послѣдній разъ глаза свои къ небу;—глаза, преисполненные безконечнаго спокойствія,—къ вечерней зарѣ и началъ молиться.

Да! настала часъ; но онъ видѣлъ передъ собою большую дорогу изъ звѣздъ, ведущую прямо къ небу, и въ душѣ говорилъ тѣ самыя слова, которыя записалъ въ предчувствіи окончанія своего служенія и конца земной жизни:

«Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ и вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды».

IX.

А между тѣмъ Римъ безумствовалъ по прежнему. Казалось, что городъ, покорившій свѣтъ, начинаетъ, за недостаткомъ вожаковъ, раздирать самого себя. Еще до наступленія послѣдняго часа апостоловъ, случился заговоръ Пизона, а за нимъ настала такая беспощадная косяба верховныхъ главъ, что даже тѣ, которые искренно почитали Нерона божествомъ радости и веселья, начали считать его божествомъ смерти. На весь городъ легъ трауръ, всѣ дома и сердца преисполнились ужасомъ и страхомъ, хотя поршики ихъ и были увѣнчаны плющемъ и цвѣтами. Да иначе и нельзя было держать себя, потому что всякая жалость по умершимъ была воспрещена. Люди, вставая по утрамъ, задавали себѣ вопросы: чья сегодня очередь настала? Отрядъ привидѣній и призраковъ, летѣвшихъ за цезаремъ, увеличивался съ каждымъ днемъ.

Пизонъ заплатилъ своею головою за заговоръ, а за нимъ пошли: Сенека и Луканъ; Феній Руфъ и Плавтій Латеранъ; Флавій Сцевиній и Афраній Квинтианъ; развратный спутникъ безумныхъ дѣйствій Нерона—Тулій Сенецій; Прокулъ и Арарикъ; Тугуринъ Гратъ, Силанъ, Проксимъ, Субрій Флавій—когда-то преданный всей душой Нерону—и наконецъ Сульпицій Аспръ. Однихъ губило собственное ничтожество; другихъ — трусость; третьихъ — богатство, четвертыхъ—мужество. Цезарь, пораженный количествомъ заговорщиковъ, покрылъ солдатами всѣ стѣны города, который держалъ точно въ осадѣ, посылая каждый день центуріоновъ съ приговорами смерти къ заподозрѣннымъ лицамъ. Приговоренные оправдывались еще и унижались въ письмахъ, преисполненныхъ лести, и

благодаря цезаря за приговоръ, записывали ему часть своего состоянія, а остальное сберегали для дѣтей. Казалось, что Неронъ нарочно переходить границы, съ цѣлью убѣдиться, до какой степени оподлились люди и какъ долго они перенесутъ его кровопролитное правленіе. За заговорщиками были казнены также ихъ родственники, друзья, пріятели и даже простые знакомые. Жители великолѣпныхъ, вновь сооруженныхъ послѣ пожара домовъ, выходя на улицу, были увѣрены, что они увидятъ цѣлыя вереницы похоронъ. Помпей, Корнелій Марціанъ, Флавій Непотъ и Статій Домицій погибли за недостаточность любви къ цезарю; Новій Прискъ — какъ другъ Сенеки; Руфій Криспъ былъ лишень огня и воды, потому что онъ былъ когда-то мужемъ Поппеи. Великаго Трасея погубила добродѣтель. Многіе заплатились жизнью благодаря своему благородному происхожденію; даже Поппея сдѣлалась жертвой минутнаго раздраженія цезаря.

А сенатъ унижался передъ ужаснымъ властелиномъ, воздвигалъ въ честь его храмы, совершалъ жертвы, вѣнчалъ его изваянія и назначалъ ему жрецовъ, какъ божеству. Сенаторы съ дрожью сердца ходили въ Палатинъ восхвалять пѣніе «Періодонизія» и безумствовать вмѣстѣ съ нимъ среди оргій нагихъ тѣлъ, вина и цвѣтовъ.

А тѣмъ временемъ съ низу на нивѣ, удобренной кровью и слезами, тихо произрасталъ и укоренялся могущественный и плодоносный посѣвъ Петра.

Х.

Виницій къ Петронію;

«Мы знаемъ и здѣсь, *carissime*, что дѣлается въ Римѣ; а чего не знаемъ, то мнѣ досказываютъ твои письма. Когда бросишь камень въ воду, то круглыя волны расходятся все дальше и дальше. Такая же волна бѣшенства, безумія и злобы дошла и до насъ изъ Палатина. По пути въ Грецію, былъ присланъ сюда отъ цезаря Каринъ, который ограбилъ города и храмы, чтобы пополнить опустѣвшую казну, и теперь, цѣною пота и слезъ людскихъ, въ Римѣ строить «*domus augea*»²⁷⁹). Быть можетъ свѣтъ еще не видалъ такого зданія, но онъ не видѣлъ и такихъ обидъ. Вѣдь ты хорошо знаешь Карина: подобный ему былъ Хилонъ, пока не заплатился жизнью. Но до нашихъ селъ, и мѣстечекъ, находящихся въ

окрестностяхъ, еще не достигли его люди, можетъ быть потому, что здѣсь нѣтъ ни храмовъ, ни богатствъ. Ты спрашиваешь: въ безопасности-ли мы? На это я могу отвѣтить, что мы забыты, и этого отвѣта тебѣ будетъ достаточно. Въ данную минуту, съ портика, откуда я пишу къ тебѣ, я вижу нашъ спокойный заливъ, а на немъ—Урса въ ладѣ, заводящаго свѣти въ чистыя воды. Моя жена сидитъ подлѣ него и прядетъ красную шерсть, а въ саду, въ тѣни миндальныхъ деревьевъ, поютъ наши невольники. У насъ царствуетъ полное спокойствіе, *carissima*, и полное забытье прежнихъ тревогъ и мукъ. Но это не Парки, какъ ты пишешь, прялутъ такъ сладостно нить нашей жизни, это благословляетъ насъ Христось, возлюбленный нашъ Богъ и Спаситель! Мы понимаемъ состраданіе и слезы, потому что наша вѣра велитъ намъ плакать надъ чужимъ горемъ и судьбой, но даже въ этихъ слезахъ заключается чуждая и неизвѣстная вамъ радость, такъ какъ думаемъ о томъ, что когда протекуть часы жизни нашей, то мы найдемъ всѣхъ дорогихъ намъ, которые погибли и еще должны погибнуть за Христа. Для насъ Петръ и Павелъ не умерли, а возродились во славу. Наши души видятъ ихъ, и когда глаза наши плачутъ, то сердца веселятся ихъ веселіемъ. О, да, дорогой мой, мы счастливы тѣмъ счастьемъ, котораго ни что не въ состояніи нарушить, потому что смерть, которая для васъ будетъ концомъ жизни, для насъ послужитъ переходомъ только къ спокойствію, любви и радости.

«И такъ здѣсь протекаютъ наши дни и мѣсяцы въ полной радости. Наши слуги и рабы вѣрують одинаково съ нами во Христа, а такъ какъ Онъ приказалъ любить, то мы и любимъ другъ друга. Часто, когда солнце скрывается за горизонтомъ и когда луна заблеститъ на водѣ, мы разговариваемъ съ Лигіей о прошломъ, которое теперь кажется намъ минувшимъ сномъ. Думая о томъ, какъ дорога мнѣ эта головка, которая каждый день почиваетъ на груди моей и которая была близка къ смерти, я всей душой восхваляю моего Господа, потому что Онъ вырвалъ ее у смерти и отдалъ мнѣ ее на всегда. О, Петроній! ты ужъ самъ видѣлъ, сколько это ученіе даетъ намъ непоколебимости и утѣхъ; сколько энергіи, терпѣнія и смѣлости смотрѣть въ глаза смерти!.. Такъ пріѣжай и посмотри, сколько оно же даетъ намъ счастья въ нашей обыденной жизни. Люди до сихъ поръ не знали Бога, Котораго нужно любить, а потому и не любили своихъ ближнихъ, а отсюда исходили всѣ не-

взгоды, ибо какъ свѣтъ отъ солнца, такъ и счастье вытекаетъ изъ любви. Ихъ не учили этой истинѣ ни законодатели, ни философы, и не было ее ни въ Греціи, ни въ Римѣ; и если я говорю: «ни въ Римѣ», то это значитъ—на всей землѣ. Сухое и холодное ученіе стоиковъ, къ которому такъ стремятся добродѣтельные люди, только закаляетъ сердца, какъ сталь, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ лучшими оно только охлаждаетъ ихъ и портитъ. Впрочемъ, зачѣмъ это я говорю тебѣ, который знаетъ больше меня и который учился и читалъ больше, чѣмъ я. Вѣдь ты зналъ Павла и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ, а потому отлично знаешь, что всѣ тѣ истины, которыя онъ высказывалъ,—золото, въ сравненіи съ ученіемъ вашихъ философовъ и риториковъ. Ихъ ученіе—это мыльные пузыри и пустой звукъ словъ безъ значенія. Помнишь ли ты тотъ вопросъ, который онъ задалъ тебѣ: «Еслибъ цезарь былъ христіаниномъ, то развѣ вы не чувствовали бы себя безопаснѣе и болѣе увѣренными въ завтрашнемъ утрѣ?» Но тогда ты говорилъ, что наше ученіе—врагъ жизни, а теперь я отвѣчу тебѣ на это, что еслибъ я съ начала моего письма повторялъ одну и ту же фразу: «я счастливъ!» то все-таки не могъ бы еще достаточно выразить моего счастья. Ты скажешь, что все мое счастье это—Лигія! Да, дорогой! Потому что я люблю ее безсмертной душой и потому что мы оба любимъ Христа; а въ такой любви нѣтъ ни разлуки, ни измѣны, ни старости, ни смерти. Пройдетъ молодость и красота; завянетъ тѣло и придетъ смерть, но любовь все-таки останется. Прежде чѣмъ открылись мои глаза на свѣтъ, я готовъ былъ, ради Лигіи, сжечь свой домъ, но все-же я не любилъ ее и только Христосъ научилъ меня любить, ибо въ Немъ источникъ счастья и покоя. Это обстоятельство говоритъ само за себя. Сравни всю вашу, преисполненную страхомъ, роскошь, ваши оргіи, уподобляющіяся поминальнымъ признамъ, съ жизнью христіанъ и ты найдешь отвѣтъ. Но чтобы ты лучше могъ сравнить все это, то пріѣзжай въ наши, преисполненные ароматомъ чабера, горы, въ наши тѣнистыя оливковыя рощи и наши, покрытые плющемъ, берега. Здѣсь тебя ждетъ покой, какого ты давно не испытывалъ, и сердца, которые искренно любятъ тебя. Обладая доброй и благородной душою, ты долженъ быть счастливъ. Твой быстрый умъ сумѣетъ отличить правду, и когда ты узнаешь ее, то и полюбишь. Можетъ быть кто и способенъ быть ея врагомъ, какъ цезарь и Тигелинъ но быть равнодушнымъ къ ней—никакъ не возможно.

О, дорогой Петроній, мы оба утѣшаемъ себя надеждой, что скоро опять увидимъ тебя. Будь счастливъ и здоровъ».

Петроній получилъ письмо Виниція въ Кумъ, куда онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ другими августіанами за цезаремъ. Долголѣтняя борьба его съ Тигелиномъ близилась къ концу, и Петроній зналъ прекрасно, что ему придется пасть жертвой. По мѣрѣ того, какъ цезарь съ каждымъ днемъ все болѣе унижался до роли комедіанта, скомороха и возницы и по мѣрѣ того, какъ онъ погружался въ болѣзненный, мертвый и вмѣстѣ съ тѣмъ грубый развратъ, то изящный «арбитръ элеганти» все болѣе становился ему тяжестью. Если Петроній молчалъ, то Неронъ видѣлъ въ его молчаніи порицаніе, а въ похвалѣ—насмѣшку. Изящный патрицій раздражалъ его самолюбіе и возбуждалъ въ немъ зависть. Его богатство и драгоценности искусства стали предметомъ желанія какъ самого повелителя, такъ и его могущественнаго министра. Его только пощадили изъ-за отъѣзда въ Ахайю, въ которомъ вкусъ арбитра и его знакомство съ Греціей могли имъ пригодиться. Но Тигелинъ постепенно началъ уговаривать цезаря, что Карина стоитъ выше Петронія какъ по своему знанію, такъ и по вкусу и что онъ гораздо лучше сумѣетъ устроить въ Ахайѣ всякія игры, приемы и триумфъ. Съ этой минуты судьба Петронія была рѣшена. Но въ Римѣ его не осмѣлились приговорить къ смерти, такъ какъ цезарь и Тигелинъ отлично помнили, что этотъ поклонникъ женской красоты, дѣлающій изъ ночи день, занятый только роскошью, искусствомъ и пирами, выказалъ удивительную энергію и трудолюбіе, какъ въ бытность свою проконсуломъ Виеиміи, такъ и консуломъ въ столицѣ. Всѣ его считали способнымъ человѣкомъ и знали, что его любить не только народъ, но и преторіанцы. Разумѣется, никто изъ приближенныхъ цезаря не могъ предвидѣть, какъ онъ въ данномъ случаѣ поступитъ съ нимъ; но всѣ находили болѣе удобнымъ и легкимъ избавиться отъ него въ провинціи.

Въ виду этого, Петроній получилъ приглашеніе поѣхать вмѣстѣ съ другими августіанами въ Кума. Хотя онъ и понялъ цѣль цезаря, но поѣхалъ для того, чтобы еще разъ показать цезарю и августіанамъ свое веселое и безпечное лицо и одержать свою послѣднюю побѣду надъ Тигелиномъ.

А между тѣмъ Тигелинъ успѣлъ его обвинить въ дружбѣ съ сенаторомъ Сцевиніемъ, который былъ душою заговора Пизона. Благодаря этому, всѣ рабы Петронія, оставшіеся въ Римѣ, были аре-

стованы, а домъ—окруженъ преторіанцами; но Петроній, узнавъ объ этомъ, не только не оказалъ тревоги, но даже не смутился и съ улыбкой сказалъ августіанамъ, которыхъ принималъ въ собственной роскошной виллѣ въ Кума:

— Нашъ Агенобарбъ не любитъ прямыхъ вопросовъ, и вы увидите, какъ онъ сконфузится, когда я спрошу его, не онъ ли приказалъ арестовать всю мою «фамилію» въ столицѣ.

И онъ пригласилъ ихъ на пиръ «передъ отбѣдомъ въ дальнѣйшій путь», и въ то время, когда онъ былъ занятъ приготовленіемъ къ нему, получилъ письмо Виниція.

Прочитавъ его, онъ призадумался, но черезъ минуту лицо его просвѣтлѣло и вечеромъ того же дня онъ написалъ ему слѣдующій отвѣтъ:

«Радуюсь вашему счастью и удивляюсь вамъ, *carissime*, такъ какъ не ожидалъ, чтобы двое влюбленныхъ могли думать о третьемъ лицѣ, далеко находящемся отъ нихъ. Но вы не только не забыли обо мнѣ, а еще и зовете къ себѣ въ Сицилію, чтобы подѣлиться со мной вашимъ хлѣбомъ и вашимъ Христомъ, Который, какъ ты пишешь, такъ щедро наградилъ васъ счастьемъ.

«Если это вѣрно, то и почитайте Его. Я-же думаю, дорогой мой, что Лигію помогъ тебѣ, отчасти, спасти Урсъ, а отчасти—народъ. Но если ты думаешь, что ее спасъ Христосъ, то я и не стану спорить съ тобою и ты не жалѣй для Него жертвъ. Прометей тоже пожертвовалъ собою для людей, но, увы!—онъ ни что иное, какъ вымыселъ поэтовъ, тогда какъ люди, достойные довѣрія, говорили мнѣ, что видѣли Христа своими глазами. Я тоже думаю, что Онъ честнѣйшій изъ боговъ.

«Я отлично помню вопросы Павла и соглашаюсь съ тѣмъ, что если-бы, напримѣръ, Агенобарбъ жилъ согласно ученія Христа, то можетъ быть я и выбралъ-бы времячко пріѣхать къ вамъ въ Сицилію. Тогда мы, подъ тѣнью деревъ, у источника воды стали-бы бесѣдовать о всѣхъ богахъ и истинахъ, какъ бесѣдовали когда то греческіе философы. Но сегодня я могу одно отвѣтить: я знаю только двухъ порядочныхъ философовъ: одинъ называется Пирронъ, другой—Анакреонъ, остальныхъ я продамъ тебѣ очень дешево со всѣми греческими и нашими школами стойковъ. Да, дорогой Виницій, правда живетъ такъ высоко, что даже боги съ Олимпа не могутъ ее узрѣть; но тебѣ, *carissime*, кажется, что вашъ Олимпъ нахо-

дится еще выше и ты, стоя на немъ, зовешь меня: «Взойди, и ты увидишь такіе виды, какихъ никогда не видалъ. Вѣрю!» Но я тебѣ отвѣчу: «Не могу, пріятель, ибо слабъ ногами!» И когда ты дочитаешь до конца это письмо, то самъ скажешь, что я былъ правъ.

«Нѣтъ! счастливый мужъ утренней зари! Ваше ученіе не для меня. Могу-ли я любить воеинцевъ, которые носятъ мой паланкинъ; египтянъ, которые отапливаютъ мои бани, и Агенобарба или Тигеллина? Клянусь тебѣ! хоть-бы я и хотѣлъ ихъ полюбить, но не сумѣю. Въ Римѣ, по меньшей мѣрѣ, есть сто тысячъ людей, у которыхъ кривыя, или толстыя, или худыя ноги; круглые глаза или большія головы. Такъ развѣ прикажешь мнѣ тоже любить ихъ?»

«Откуда-же я возьму эту любовь, если ее нѣтъ въ моемъ сердцѣ? А если вашъ Богъ хочетъ, чтобъ я любилъ ихъ всѣхъ, то почему Онъ своимъ могуществомъ не придалъ имъ вида тѣхъ нѣвидовъ, которыхъ ты видѣлъ въ Палатинѣ? Кто любитъ красоту, тотъ не можетъ любить уродовъ. Иное дѣло не вѣрить въ нашихъ боговъ, но любить ихъ можно такъ, какъ любили ихъ ваятели: Фидій, Пракситель, Миронъ, Скопа и Лизій. Еслибъ даже я хотѣлъ пойти туда, куда ты меня зовешь, то не могу. Ты вѣришь, какъ и Павелъ, что вы увидите когда либо, съ другой стороны Стикса, на какихъ-то Елисейскихъ поляхъ, вашего Христа. Хорошо! Такъ пусть Онъ самъ тебѣ тогда скажетъ, приметъ-ли Онъ меня со всѣми моими прихотями, смиренскими вазами, моею золотоволосой Евникой и всѣми моими изданіями Соса. При этой мысли мнѣ хочется смѣяться, такъ какъ и Павелъ изъ Тарса говорилъ мнѣ, что для Христа нужно отказаться отъ вѣнковъ изъ розъ, всякихъ пировъ и роскоши. Правда, онъ обѣщаль мнѣ за это иное счастье, но я отвѣтилъ ему, что ужъ устарѣлъ для иного и что розы всегда будутъ ласкать мой взоръ, а аромат фіалокъ будетъ мнѣ милѣе зловоннаго запаха грязнаго «ближняго» съ Субуры.

«Вотъ вамъ причины, доказывающія что ваше счастье не для меня. Но есть и еще одна уважительная причина, которую я и оставилъ къ концу: меня ужъ призываетъ Θанать²⁸⁰). Для васъ еще только начинается разсвѣтъ жизни, а мое солнце ужъ закатилось и наступаютъ мрачныя сумерки; другими словами, *carissime*, — я долженъ умереть.

«Но не стоитъ объ этомъ говорить: такъ и должно было кончиться. Ты, зная Агенобарба, поймешь легко. Тигелинъ побѣдиль меня, хоть и не совсѣмъ: это только мои побѣды пришли къ концу. Я жилъ, какъ хотѣлъ, и умру, какъ мнѣ нравится.

«Но не принимай этого близко къ сердцу. Ни одинъ изъ боговъ не общалъ мнѣ безсмертіе, а потому это и не является для меня неожиданностью. Ты ошибаешься, Виницій, доказывая, что только ваше божество повелѣваетъ вамъ умирать спокойно. Нѣтъ, нашъ свѣтъ предвидѣлъ раньше васъ, что когда послѣдняя чара будетъ допита, то настанетъ пора отдохнуть—и мы съумѣемъ сдѣлать это съ подобающимъ спокойствіемъ и торжествомъ. Платонъ сказалъ когда-то, что добродѣтель—музыка, а жизнь мудреца—гармонія... А если это такъ, то я умру какъ жилъ—добродѣтельно.

«Теперь мнѣ хотѣлось-бы еще проститься съ твоей божественной женой тѣми словами, которыми я привѣтствовалъ ее когда-то въ домѣ Авлія: «Видалъ я много разнаго народа, но равной тебѣ—не знаю».

Итакъ, если душа считается чѣмъ-то большимъ, нежели полагалъ Пирронъ, то и моя душа, отправляясь въ дальній путь чрезъ Океанъ, залетитъ къ вамъ по дорогѣ и сядетъ у вашего дома въ видѣ бабочки, а можетъ быть, какъ вѣрятъ египтяне, и ястреба. Иначе я прибыть не могу.

«А пока пусть Сицилія превратится для васъ въ сады Гесперидъ²⁸¹⁾ и пусть боги полей, лѣсовъ и источниковъ усыпаютъ вашъ путь цвѣтами, а во всѣхъ акантахъ²⁸²⁾ и въ колоннахъ дома вашего пусть гнѣздятся бѣлые голуби».

XI.

Петроній не ошибся. Спустя два дня, молодой Нерва, преданный ему другъ, прислалъ въ Кума своего вѣрнаго отпущенника съ вѣстью обо всемъ, что дѣлалось при дворѣ цезаря.

Гибель Петронія была рѣшена. Завтра вечеромъ долженъ былъ прийти центуріонъ съ приказаніемъ никуда не отлучатся изъ Кума впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, а слѣдующій гонецъ долженъ былъ принести ему смертный приговоръ.

Петроній выслушалъ отпущенника Нервы безъ всякаго смущенія и потомъ сказалъ:

— Хорошо. Теперь ты отвези своему господину одну из моих вазъ, которую я вручу тебѣ передъ самымъ отъѣздомъ, и скажи ему отъ меня, что я благодарю его отъ всей души, ибо онъ далъ мнѣ возможность предупредить приговоръ.

И онъ размѣялся, какъ человѣкъ, озаренный внезапною мыслью, которую онъ въ состояніи осуществить.

Вечеромъ онъ разослалъ своихъ невольниковъ ко всѣмъ августіанамъ и августіанкамъ, находящимся въ Кумъ съ приглашеніями на пирь, который онъ намѣревался дать въ своей роскошной виллѣ.

Самъ-же онъ, между прочимъ, началъ читать письма въ своей бібліотекѣ, взялъ ванну, велѣлъ вестипликамъ одѣть себя въ роскошный нарядъ, и торжественный, стройный, точно божество, зашелъ въ триклиніумъ, чтобы посмотрѣть на приготовленія къ пиру, а затѣмъ прошелъ въ садъ, въ которомъ юноши и молодья гречанки съ острововъ приготовляли къ ужину вѣнки изъ розъ.

На лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшей тревоги, и слуги угадывали, что этотъ пирь долженъ быть чѣмъ-то необыкновеннымъ только потому, что Петроній приказалъ раздать большія награды тѣмъ, къ которымъ онъ былъ доволенъ, и велѣлъ слегка посѣчь тѣхъ, работа которыхъ не пришлась ему по вкусу, или они раньше почему либо заслужили наказаніе. Кромѣ того, онъ поручилъ щедро заплатить, до пира, всѣмъ цитристамъ и пѣсенникамъ и наконецъ сѣлъ въ одной изъ аллей подѣ букомъ, сквозь листья котораго пробивались солнечные лучи, играя на землѣ искрящимися пятнами, и позвалъ къ себѣ Евнику.

Она пришла одѣтая въ бѣлое, съ вѣточкой мирты въ волосахъ, чудная, какъ Харита. Онъ посадилъ ее возлѣ себя и, дотронувшись слегка къ ея вискамъ, началъ смотрѣть на нее съ такимъ умиле-ніемъ, какъ знатокъ смотритъ на божественную статую, вышедшую изъ подѣ рѣзца художника-ваятеля.

— Евника!—отозвался онъ,—знаешь-ли ты, что ты ужъ давно больше не рабыня?

Она подняла на него свой спокойный взглядъ голубыхъ очей и отрицательно покачала головой.

— Я всегда ею была и останусь, господинъ! отвѣтила она.

— Такъ можетъ быть ты не знаешь, продолжалъ Петроній,— что эта вилла, тѣ невольники, которые свиваютъ вѣнки, и все

что въ ней есть,—поля и стада,—принадлежать отъ сегодняшняго дня тебѣ.

Евника быстро отодвинулась отъ него и спросила голосомъ, выражавшимъ безпокойство:

— Къ чему ты мнѣ все это говоришь, господинъ?..

Потомъ она опять приблизилась къ нему и начала поглядывать испуганными глазами. Спустя минуту, она вдругъ поблѣднѣла, между тѣмъ онъ постоянно улыбался ей и наконецъ произнесъ лишь одно слово:

— Да!

Настало молчаніе, и только легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями бука. Петроній продолжалъ смотрѣть на нее, точно на изваяніе изъ мрамора, которое поставили передъ нимъ.

— Да, Евника,—рѣшительно прибавилъ онъ:—я хочу весело умереть.

Она взглянула на него съ горькою улыбкой и прошептала:

— Слушаю, господинъ.

Вечеромъ начали собираться гости, бывавшіе ужъ не разъ на пирахъ у Петронія. Они знали, что пиры цезаря были скучны въ сравненіи съ Петроньевскими, а потому собирались быстро и дружно цѣлыми толпами, но никому даже и въ мысль не пришло, что бы это былъ послѣдній «symposion». Правда, многіе ужъ знали, что надъ изящнымъ арбитромъ нависли тучи неудовольствій цезаря, но это ужъ случалось не разъ и Петроній всегда умѣлъ разгонять эти тучи какимъ нибудь ловкимъ поступкомъ или однимъ смѣлымъ словомъ, а потому никто и не придавалъ имъ серьезнаго значенія, а тѣмъ больше опасности. Его веселое лицо и обыкновенная безпечная улыбка подтверждали ихъ мнѣнія. Прекрасная Евника, для которой каждое его слово было какъ бы приговоромъ, тоже обладала въ божественныхъ чертахъ своихъ совершеннымъ покоемъ и какимъ то дивнымъ свѣтомъ въ зрячкахъ, который можно было принять за радость.

У дверей триклиніума стояли мальчики, на бѣлокурые волосы которыхъ были одѣты золотыя сѣтки, и возлагали на головы прибывающихъ розовые вѣнки, предупреждая ихъ, по обычаю, переступить правой ногой порогъ. Въ залъ распространялся тонкій аромат фіалокъ и лампы горѣли подъ разноцвѣтными абажурами изъ александрійскихъ стеколъ. У скамеекъ стояли молодыя дѣвушки

гречанки, которыя, по обыкновенію, окропляли духами ноги гостей, а у стѣнъ расположились цитристы и пѣсенники, ожидавшіе знака своего дирижера.

Пышное убранство стола отличалось своимъ богатствомъ, но не поражало. Веселость и свобода сливались съ ароматомъ фіалокъ по всему залу. Входя сюда, гости были увѣрены, что надъ ними не повиснетъ ни принужденіе, ни гроза, ни насиліе, какъ это бывало у цезаря, гдѣ, за недостаточную или не впопадъ высказанную похвалу его пѣнію или декламацию, можно было поплатиться жизнью. Находясь въ пріятномъ для глазъ освѣщеніи и при видѣ чаръ и покоившихся въ снѣговыхъ перинахъ охлаждавшихся напитковъ, а также изысканныхъ блюдъ, сердца гостей прониклись охотою къ бесѣдѣ и яствамъ. Разговоръ зашумѣлъ, точно рой пчелъ въ воздухѣ, надъ покрытой цвѣтами яблоней. По временамъ, раздавался взрывъ веселаго и непринужденнаго смѣха, иногда — похвалы, а то и громкій звукъ подблудя, запечатленный на шейкѣ какой либо изъ женщинъ.

Гости, попивая вино, по обыкновенію, выплескивали по нѣсколько капель въ честь безсмертныхъ боговъ, чтобы они ниспослали счастье и покровительство свое хозяину. Не смотря на то, что многіе не вѣрили въ боговъ, все-таки придерживались этого обычая. Петроній, возлежа подлѣ Евники, рассказывалъ о римскихъ новостяхъ и разводахъ; о любви и преслѣдованіяхъ; о новыхъ книгахъ Атракта и Соса. Сплеснувъ немного вина, онъ сказалъ, что это онъ дѣлаетъ въ честь повелительницы Кипра, потому что она старшая и лучшая изъ богинь, и одна только безсмертная, постоянная и властвующая.

Его разговоръ можно было сравнить съ лучами солнца, которые, что разъ, освѣщаютъ иные предметы, или съ лѣтнимъ вѣтеркомъ, который покачиваетъ цвѣтки въ саду. Наконецъ онъ далъ знакъ музыкантамъ. Раздались тихіе звуки цитръ и молодые голоса, вторившіе имъ. Послѣ пѣнія, танцовки изъ Косъ начали мелькать своими розовыми тѣлами, одѣтыми въ прозрачныя ткани. Ихъ смѣнилъ египетскій гадатель, предсказывавшій будущность гостей по движению «дорида»²⁸³), заключенныхъ въ хрустальномъ сосудѣ. Но когда ужъ всѣ забавы достаточно надоѣли, Петроній приподнялся на своемъ сирійскомъ ложѣ и небрежно сказалъ:

— Друзья! Простите меня, что я обращаюсь къ вамъ на пиру

съ просьбой: сдѣлайте одолженіе, примите отъ меня въ даръ тѣ чары, изъ которыхъ каждый изъ васъ выплеснулъ немного вина въ честь боговъ за мое здоровье и благополучіе!

Золотыя чары Петронія были украшены драгоценными камнями и художественной античной рѣзбой, и хотя раздача подарковъ въ Римѣ была вещь обыкновенной, но всѣ пришли въ восторгъ. Одни начали его благодарить и восхвалять; другіе говорили, что даже самъ Юпитеръ на Олимпѣ не почтилъ бы боговъ подобными подарками; третьи колебались принять, такъ какъ щедрость его выходила изъ ряда обыкновенныхъ.

Между тѣмъ, Петроній поднялъ свою драгоценную Смирнскую чашу, которая была положительно безцѣнна, и прибавилъ:

— А вотъ эта—моя, изъ которой я стяхнулъ нѣсколько капель вина въ честь повелительницы Кипра, и пусть же отнынѣ ни чьи уста болѣе не прикасаются къ ней и ни чья рука не сплеснетъ изъ нея вина въ честь иныхъ богинь!..

И онъ бросилъ драгоценный сосудъ на мозаическій полъ, посыпанный цвѣтами шафрана, которая и разбилась въ дребезги. Но, видя вокругъ себя удивленные взгляды, онъ продолжалъ:

— Не удивляйтесь, дорогіе мои, а лучше веселитесь!.. Старость и безсиліе, это печальные спутники послѣднихъ лѣтъ жизни. Но я вамъ дамъ хорошій примѣръ и добрый совѣтъ: можно, видите ли, не ждать ихъ и, прежде чѣмъ они придутъ къ вамъ, добровольно отправиться на тотъ свѣтъ, какъ и я отправляюсь!

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросило нѣсколько встревоженныхъ голосовъ.

— Ничего: хочу веселиться. пить вино, слушать музыку и смотрѣть на это чудное произведеніе боговъ, которое вы видите возлѣ меня, а потомъ уснуть съ увѣнчаной главой. Я уже простился съ цезаремъ, и хотите ли послушать, что я ему на прощанье написалъ?

Сказавъ это, онъ досталъ изъ подъ пурпурнаго изголовья письмо и началъ громко читать:

«Знаю, о, цезарь, что ты съ нетерпѣніемъ ждешь моего пріѣзда и твое вѣрное сердце друга тоскуетъ по мнѣ день и ночь. Я знаю, что ты засыпалъ бы меня своими подарками и довѣрилъ бы мнѣ профектуру преторіи, а Тигелину приказалъ быть тѣмъ, къ чему его создали боги, то есть, погонщикомъ муловъ въ тѣхъ земляхъ, ко-

торыя ты унаслѣдовалъ послѣ отравленія Домиціи. Но, прости меня...
 клянусь тебѣ Адомъ, а въ немъ—тѣнью твоей матери, жены, брата
 и Сенеки, что я не могу прибыть къ тебѣ. Жизнь—это калоссаль-
 ное богатство, мой дорогой, и я умѣлъ брать изъ этого богатства
 драгоцѣннѣйшіе клейноды; но въ жизни же есть еще то, чего я
 ужъ дольше не могу переносить. Ты не подумай, что меня пора-
 зило то обстоятельство, что ты убилъ мать, жену, брата, сжегъ
 Римъ и отправилъ въ Эребъ всѣхъ честныхъ людей въ твоемъ
 царствѣ. Нѣтъ, мой дорогой внукъ Хрона. Смерть есть удѣломъ
 каждаго человѣка, а отъ тебя же лучшихъ поступковъ и нельзя
 было ожидать... Но калѣчить свои уши, слушать твое пѣніе еще
 многія лѣта, видѣть твое домиціевское брюхо на тонкихъ ногахъ,
 выкидывающихъ различные пируэты; слушать твою игру, декламацію
 и твои поэмы, бѣдный поэтъ изъ предмѣстья,—вотъ, что лишило
 меня силъ и возбудило охоту къ смерти. Римъ затыкаетъ уши, слу-
 шая тебя, а свѣтъ надсмѣхается надъ тобой и ужъ больше я не хочу
 краснѣть за тебя, да и не могу. Вой цербера, мой дорогой, хотя
 и похожій на твое пѣніе, менѣе беспокоилъ бы меня, потому что
 я не былъ его другомъ и за голосъ его мнѣ краснѣть не приходи-
 лось. Будь же здоровъ, но не пей; убивай, но не пиши стиховъ;
 отравляй, но не танцуй; поджигай, но не играй на цитрѣ. Того
 тебѣ желаетъ и этотъ послѣдній дружескій совѣтъ посылаетъ Ар-
 битръ Элегантій».

Собесѣдники опѣшили, такъ какъ знали, что если-бъ Неронъ
 лишился своего царства, то такой ударъ былъ-бы для него менѣ
 обиденъ. Они поняли тоже, что человѣкъ, который написалъ такое пись-
 мо, долженъ умереть, да и сами испугались, что слушали это письмо.

А Петроній разсмѣялся такимъ искреннимъ и веселымъ смѣхомъ,
 какъ будто это была самая невинная шутка, а потомъ, обвивъ
 присутствующихъ взглядомъ, весело прибавилъ:

— Веселитесь же! отгоните далеко ваши тревоги и не хва-
 стайтесь, что слушали это письмо; а я похвастаюсь только развѣ
 Харону, въ моментъ моей переправы черезъ Стиксъ.

И онъ сдѣлалъ знакъ греку-лекарю и протянулъ ему руку.
 Послѣдній въ мгновенье перевязалъ ее выше локтя золотой тесь-
 мой и открылъ жилу на сгибѣ руки. Кровь брызнула фонтаномъ на
 изголовье и облила Евнику, которая, поддерживая голову Петронія,
 нагнулась надъ нимъ и сказала:

— Не думаешь ли ты, что я тебя оставлю? Да если-бъ боги обѣщали мнѣ даровать безсмертіе, а цезарь—свою власть надъ свѣтомъ, то я все-таки пошла-бы за тобой.

Петроній улыбнулся и слегка приподнявшись, поцѣловаль ее въ уста.

— Хорошо, ступай за мной! сказалъ онъ.

Евника тоже протянула свою розовую руку къ лекарю и чрезъ секунду ея кровь смѣшалась съ кровью Петронія, который далъ знакъ музыкантамъ, чтобы они играли. И снова раздались звуки музыки и чудное пѣніе. Сначала пропѣли «Армадія», а потомъ «Анакреона». Въ этой пѣснѣ поэтъ жалуется, что однажды онъ нашель у дверей иззябшее и заплаканное дитя Афродиты. Онъ взяль его, обогрѣль, осушилъ крылышки, а негодный ребенокъ, въ благодарность за это, пронзилъ ему сердце дротикомъ, послѣ чего онъ потеряль спокойствіе...

Между тѣмъ, самоубійцы, прекрасные какъ два божества, обнявшись, слушали пѣніе, улыбались и постепенно блѣднѣли.

По окончаніи пѣнія, Петроній приказаль далѣе разносить вина и яства, и началъ бесѣдовать съ близъ сидящими гостями о разныхъ хоть плоскихъ, но прекрасныхъ вещахъ, какъ это было принято на пирахъ.

Потомъ онъ подозваль къ себѣ грека и велѣль ему на минуту перевязать жилу, потому что его ужъ начало клонить ко сну, а онъ хотѣль еще предаться «Гипнозу»²⁸⁴), пока Фанатъ не усыпить его на вѣки.

И онъ задремаль, а когда очнулся, то голова дѣвушки, лежавшая на его груди, была похожа на бѣлый цвѣтокъ; онъ положиль ее на подушку, чтобы еще разъ взглянуть на нее, и снова велѣль открыть вену.

Пѣвцы, по его знаку, опять запѣли новую пѣснь Анакреона, которой тихо вторили цитры, чтобы не заглушать словъ. Петроній блѣднѣль все больше, и когда замолкли послѣдніе звуки пѣсни, онъ еще разъ обратился къ собесѣдникамъ и сказалъ:

— Друзья, признайтесь, что вмѣстѣ съ нами гибнетъ...

Но онъ не могъ кончить, его рука судорожно обняла тѣло Евники, голова упала на подушку и онъ умеръ.

Однако гости, смотря на эти два бѣлыя тѣла, похожія на чудныя изваянія, отлично поняли, что вмѣстѣ съ ними гибнетъ то, что единственно осталось въ ихъ свѣтѣ—это его поэзія и красота.

Э П И Л О Г Ъ .

Сначала бунтъ галійскихъ легионовъ подъ предводительствомъ Виндекса казался не особенно грознымъ. Цезарю было всего трицать одинъ годъ отъ роду и никто не ожидалъ, чтобы свѣтъ вдругъ освободился отъ душившаго его гнета. Конечно, вспоминали о томъ, что и въ прежнее время происходили возмущенія, которыя однако же оканчивались спокойно, не навлекая никакихъ переменъ въ царствованіи. Напримѣръ, Тиберій Друзъ усмирилъ бунтъ Панонскихъ легій.

Да, — кто-же наконецъ, — говоритъ народъ, — замѣститъ Нерона, когда все потомство божественнаго Августа погибло въ его царствованіе?

Иные, смотря на изваянія, изображающія его, какъ Геркулеса, невольно представляли себѣ, что ни какая сила не сломитъ такой власти. Между народомъ были и такіе, которые тосковали по немъ, когда онъ уѣхалъ въ Ахайю, какъ напримѣръ, отпущенники Гелій и Политектъ, которымъ онъ поручилъ правленіе Римомъ и Италіей: — они управляли ими еще жесточе. Никто не былъ увѣренъ въ цѣлости своихъ жизни и имѣній: законъ пересталъ защищать ихъ. Съ этого времени исчезли человѣческое достоинство и добродѣтель; порвались семейные союзы и погибла надежда на что нибудь лучшее. Изъ Греціи доходило эхо о небываломъ триумфѣ цезаря, о тысячныхъ побѣдахъ и лаврахъ, которые онъ пріобрѣлъ, покоряя своихъ соперниковъ. Весь свѣтъ казался какой то кроваго-шутковской оргіей, но въ то же время привилось мнѣніе, что пробилъ часъ добродѣтели и серьезности, а настало время танцевъ, музыки и разврата, и что такъ ужъ и должна идти вся жизнь. Самъ цезарь,

которому бунтъ открылъ дорогу къ новымъ грабежамъ, совсѣмъ не заботился о возмущеніи легій Виндекса²⁸⁵); напротивъ, онъ даже высказывалъ свою радость по этому поводу. Онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Ахайи, и только когда Гелій донесъ ему, что дальнѣйшій мятежъ можетъ довести его до потери государства, тогда онъ выѣхалъ въ Неаполь.

Тамъ онъ опять игралъ и пѣлъ, не обращая вниманія на извѣстія о грозящей ему опасности. И напрасно Тигелинъ старался ему объяснить, что прежніе бунты не имѣли порядочнаго вождя, тогда какъ теперь во главѣ его стоитъ мужъ изъ прежнихъ аквитанскихъ королей, славный и доблестный воинъ. Но на все это у Нерона былъ одинъ отвѣтъ: «здѣсь меня слушаютъ греки, которые умѣютъ слушать и достойны моего пѣнія». Онъ говорилъ, что его дѣло—это искусство и слава, но когда, наконецъ, до него дошла вѣсть, что полководецъ Виндексъ объявилъ его ничтожнымъ артистомъ, то онъ встрепенулся и уѣхалъ въ Римъ. Раны, нанесенныя ему Петроніемъ, которыя онъ залѣчилъ въ Греціи, снова открылись въ его сердцѣ и онъ рѣшилъ потребовать удовлетворенія за всѣ обиды у сената.

По дорогѣ, цезарь увидѣлъ группу, отлитую изъ бронзы и изображающую галлійскаго воина, котораго повалилъ римскій рыцарь. Онъ счелъ это за хорошее предзнаменованье и съ этого времени если и вспоминалъ о возмущеніи легій и Виндекса, то единственно только для того, чтобъ посмѣяться надъ ними. Въѣздъ его затмилъ все то, что до сихъ поръ было видано въ Римѣ. Онъ въѣхалъ на той самой колесницѣ, на которой нѣкогда Августъ въѣзжалъ, какъ побѣдитель. Въ виду этого былъ разрушенъ одинъ уголъ цирка для свободнаго шествія. Сенатъ, рыцари и многочисленная толпа вышли ему на встрѣчу; стѣны города дрожали отъ криковъ: «Да здравствуетъ Августъ, да здравствуетъ Геркулесъ! Да здравствуетъ единственный олимпійскій, пнѣійскій и безсмертный богъ!» За нимъ несли вѣнки, полученные имъ за пѣніе, названія городовъ, въ которыхъ онъ отличился, и таблеты, на которыхъ были написаны имена побѣжденных имъ артистовъ. Неронъ и самъ былъ опьяненъ этимъ торжествомъ и не безъ волненія спрашивалъ окружающихъ его августіанъ: чѣмъ былъ триумфъ цезаря, въ сравненіи съ его триумфомъ? Мысль о томъ, чтобы рука кого-либо изъ смертныхъ могла подняться на такого артиста-полубога, какъ онъ, не хотѣла помѣститься

въ его головѣ и онъ самъ чувствовалъ себя олимпійцемъ, а восторгъ и неистовство толпы еще больше разжигали его самолюбіе, такъ что казалось, что въ этотъ день не только цезарь и городъ, но и весь свѣтъ ошалѣли.

Но подъ цвѣтами и вѣнками никто не могъ замѣтить бездонной пропасти. Въ тотъ же вечеръ всѣ колонны и стѣны храмовъ были испещрены надписями, въ которыхъ поименовывались всѣ преступленія цезаря и въ которыхъ ему грозили местию и осмѣвали какъ актера. Изъ устъ въ уста переходила молва, — «что онъ пѣлъ до тѣхъ поръ, пока не разбудилъ пѣтуховъ» (галловъ). Тревожныя вѣсти начали чудовишно быстро распространяться по городу. Страхъ охватилъ августіановъ, и люди, не увѣренные, что покажетъ будущее, не смѣли высказывать ни своихъ желаній, ни надеждъ, а тѣмъ больше чувствовать и мыслить.

А между тѣмъ Неронъ жилъ только театрами и музыкой. Его занимали вновь изобрѣтенные музыкальные инструменты и новый водяной органъ, опыты надъ которымъ производились въ Палатинѣ. Благодаря его ребяческой неспособности и отсутствію здраваго смысла, онъ воображалъ себѣ, что предполагаемая въ будущемъ представленія и зрѣлища предотвратятъ опасность. Всѣ его приближенные, видя, что онъ, вмѣсто того, чтобы думать о средствахъ и войскахъ, старается только придумывать слова, характеризующія приближающуюся опасность, — теряли голову. Многіе думали, что онъ своими цитатами хочетъ только заглушить себя и другихъ, предвидѣвшихъ зло, вслѣдствіе чего его дѣйствія сдѣлались лихорадочными и тысячи различныхъ плановъ ежедневно мелькало въ его головѣ. По временамъ, онъ срывался съ мѣста, чтобы уйдти отъ опасности, приказывалъ укладывать на возы цитры и лютни, вооружать молодыхъ невольницъ, какъ амазонокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ собирать войска съ Востока. Иногда онъ думалъ, что не войной, а пѣніемъ онъ можетъ усмирить бунтъ галлійскихъ легій, и его душа умилялась при мысляхъ, что онъ своей пѣсней побѣдитъ солдатъ, которые со слезами на глазахъ станутъ слушать его, а послѣ этого начнется золотая эпоха для него и Рима. По временамъ, онъ требовалъ крови; по временамъ, объяснялъ, что онъ удовлетворится великоправленіемъ въ Египтѣ; иногда вспоминалъ гадателей, которые предсказывали ему господство въ Іерусалимѣ; проникался мыслью, что онъ, какъ странствующій пѣвецъ, станетъ зарабатывать себѣ

насущенный хлѣбъ пѣнїемъ и что народы стануть почитать не цезаря и властелина земного шара, а пѣвца, какого до сихъ поръ не производило человѣчество.

И такъ, онъ бросался, безумствовалъ, игралъ, пѣлъ, мѣнялъ намѣренїя, питаты и превращалъ жизнь свою и свѣта въ какой то непонятный, фантастическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшный сонъ, въ какую-то травлю, преисполненную надутыхъ фразъ и выраженій, пошлыхъ стиховъ и стонувъ, слезъ и крови, а тѣмъ временемъ туня на Западѣ росли и становились грознѣе съ каждымъ днемъ. Чаша была переполнена и пошлая комедїя замѣтно близилась къ концу.

Когда вѣсть о Гальбѣ²⁸⁶) и о присоединенїи Испанїи къ бунту дошла до его ушей, то онъ впалъ въ бѣшенство, побилъ во время пира всѣ чаши, опрокинулъ столъ и отдалъ приказъ, который не могъ исполнить ни Гелїй, ни самъ Тигелинъ. Ему казалось, что истребить всѣхъ галловъ, жившихъ въ Римѣ, поджечь опять городъ, выпустить дикихъ звѣрей изъ аренарїй и перенести столицу въ Александрію было дѣломъ очень легкимъ и даже великимъ. Но дни его могущества ужъ были сосчитаны, такъ что даже участники его прежнихъ злодѣяній начали на него смотрѣть, какъ на безумца.

Однако смерть Виндекса и раздоръ сбунтовавшихся легїй, казалось, перевѣсили чашу вѣсовъ на его сторону. Начались новые пиры, новые триумфы и новыя обѣщанья Риму; какъ вдругъ ночью изъ лагеря преторїанцевъ примчался на вепѣнномъ конѣ гонецъ съ донесенїемъ, что въ самомъ городѣ солдаты подняли знамя возстанїя и провозгласили Гальбу цезаремъ.

Неронъ спалъ, и когда онъ проснулся, то ужъ напрасно призывалъ тѣлохранителей, стоявшихъ у дверей его комнатъ: во дворцѣ ужъ не было никого. Невольники уже грабили въ отдаленныхъ частяхъ дворца все, что только можно было наскоро ограбить, и появленїе его только разсѣяло ихъ, такъ что онъ бродилъ одиноко по дворцу, напрасно оглашая его тревожнымъ и отчаяннымъ крикомъ.

Наконецъ его отпущенники: Фаонъ, Спиръ и Епафродитъ явились къ нему на помощь и предложили ему немедленно бѣжать, такъ какъ же оставалось ни одной лишней минуты для спасенїя; но онъ все еще сомнѣвался и думалъ, что если онъ одѣнется въ трауръ и обратится къ сенату, то послѣдній навѣрное уважить его просьбу и слезы. Кромѣ того, онъ можетъ употребить все свое краснорѣчіе и

актерскія способности, а потому—кто же осмѣлится противорѣчить ему? Наконецъ, развѣ ему не ладуть даже профектуры Египта?

Отпущенники, привыкшіе къ лести, не смѣли спорить съ нимъ, но только предупредили его, что онъ не успѣетъ дойти до Форума, какъ народъ можетъ разорвать его на части и, кромѣ того, пригрозили, что если онъ тотчасъ не согласится сѣсть на лошадь, то и они оставятъ его.

Фаонъ предложилъ ему пріютъ въ своей виллѣ, за Номентанскими воротами. Черезъ минуту, они сѣли на коней и, закрывъ головы капюшонами, помчались по улицамъ. Ночь блѣднѣла; на улицахъ начиналось движеніе, предвѣщавшее незаурядный случай. Солдаты, то по одиночкѣ, то небольшими группами разсыпались по городу. Неподалеку отъ лагеря, конь цезаря внезапно отскочилъ въ сторону, увидѣвъ трупъ. Капюшонъ сползъ съ головы всадника и воинъ, проходившій въ это время мимо и узнавшій Нерона, смѣшавшись отъ неожиданной встрѣчи, невольно отдалъ ему воинскую честь. Но, проѣзжая мимо лагеря преторіанцевъ, Неронъ услышалъ крики, раздававшіеся въ честь Гальбы, и онъ понялъ, наконецъ, что минута его смерти приближается. Его охватилъ страхъ и въ немъ заговорила совѣсть. Онъ говорилъ, что видитъ передъ собою темноту, въ видѣ черной тучи, изъ которой выдвигаются знакомыя ему лица: матери, жены и брата. Онъ задрожалъ, зубы его застучали отъ страха, но его актерская душа находила и въ этомъ евою прелесть: быть повелителемъ всей земли и вдругъ потерять все—это выше всякой трагедіи, въ которой онъ игралъ первую роль до конца! Его охватило желаніе сказать монологъ, который могъ-бы остаться въ памяти слушателей, въ назиданіе потомству. Минутами, онъ говорилъ, что онъ хочетъ умереть и призывалъ къ себѣ Спикула, который лучше всѣхъ убивалъ гладиаторовъ. По временамъ, онъ декламировалъ: «Мать, жена и отецъ призываютъ меня умереть!» Однако, проблески надеждъ, отъ времени до времени, еще проявлялись въ немъ, и хотя онъ видѣлъ приближавшуюся смерть, но не вѣрилъ въ нее.

Номентанскія ворота были открыты. Проѣзжая далѣе, они миновали Остраніумъ, гдѣ Петръ крестилъ и поучалъ народъ, и съ разсвѣтомъ прибыли на виллу Фаона.

Тамъ ужъ отпущенники не скрывали, что ему пора умереть. Неронъ приказалъ вырыть для себя могилу и легъ на землю, что—

бы они могли снять мёрку съ его тѣла. Но при видѣ выбрасываемой изъ ямы земли, его охватилъ страхъ и его жирное лицо поблѣднѣло, а на лбу выступили капли холоднаго пота. Онъ началъ говорить дрожащимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, актерскимъ голосомъ, что минута его еще не настала. Потомъ онъ началъ читать монологи и, наконецъ, попросилъ, чтобы его сожгли.

— И какой великій артистъ погибаетъ! произнесъ онъ, какъ бы въ задумчивости.

Тѣмъ временемъ прибылъ гонецъ Фаона съ извѣстіемъ, что ужъ сенатъ произнесъ свой приговоръ и что <parricida>²⁸⁷) долженъ быть казнень по древнему обычаю.

— Въ чемъ же состоитъ этотъ обычай? спросилъ онъ поблѣвшими губами.

— Да въ томъ, что тебя схватятъ вилами за шею и будутъ сѣчь до смерти, а потомъ бросать въ Тибръ!—рѣзко отвѣтилъ Епафродитъ.

Неронъ раскрылъ на груди плащъ и, посмотрѣвъ на небо, сказалъ:

— Значить—пора!.. Но какой великій артистъ гибнетъ въ эту минуту!.. прибавилъ онъ помолчавъ.

Въ это время раздался лошадиный топотъ: это центуріонъ, во главѣ солдатъ, ѣхалъ за головой Агенобарба.

— Поспѣши! крикнули ему отпущенники.

Неронъ приложилъ ножъ къ шеѣ и робко началъ колоть; но видно было, что онъ боялся погрузить все остріе въ горло. Въ виду этого, Епафродитъ неожиданно толкнулъ его руку, ножъ вонзился по рукоятку въ горло и испуганные, страшные глаза Нерона выкатились изъ орбитъ.

— Приношу тебѣ жизнь! сказалъ центуріонъ, поспѣшно подходя къ нему.

— Поздно!.. прохрипѣлъ Неронъ, а затѣмъ прибавилъ:—Вотъ она преданность!..

Въ моментъ смерти начала туманить глаза. Кровь изъ его толстой шеи брызнула чернымъ ручьемъ на садовые цвѣты, ноги начали рыть землю и онъ скончался.

Вѣрная ему Актея, на слѣдующій день, завернула его въ дорожную ткань и сожгла на переполненномъ благовоіями кострѣ.

И такъ сократился Неронъ, какъ сокращаются вихрь, буря, пожаръ, война или моръ, а базилика Петра господствуетъ и по нынѣ и процвѣтаетъ на Ватиканскихъ высотахъ, управляя городомъ и христіанскимъ міромъ. А возлѣ прежнихъ Капенскихъ воротъ и сегодня еще стоитъ маленькая часовня съ истершеюся отъ времени надписью:

«Quo vadis, Domine?»...

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) *Петроній* служилъ съ честію консуломъ въ Виѣннѣ; искалъ славы въ наслажденіи и пользовался расположеніемъ Нерона; но не могъ побѣдить затѣянныхъ противъ него придворныхъ интригъ и, заподозрѣнный въ участіи въ заговорѣ Пизона, собственноручно умертвилъ себя. Былъ авторомъ нравоописательнаго романа «Сатириконъ».
- 2) *Бани* у древнихъ римлянъ составляли первое удовольствіе и строились со всею роскошью. Въ нихъ сосредоточивалось все, что только могло быть лучшаго, умнѣйшаго, ученаго и знаменитаго въ столицѣ. Они дѣлились на нѣсколько отдѣленій, каждое изъ которыхъ носило специальное названіе: напр. 1-е отдѣленіе называлось Пинакотека; далѣе: Лаконіумъ, Тепидаріумъ, Писцина, Фригидаріумъ, Ункторіумъ, Олаотека и проч.
- 3) *Эфебы*, — залы для атлѣтическихъ упражненій молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отроческаго возраста, называемыхъ эфебами.
- 4) *Инсула*, — отдѣльно стоящій домъ, окруженный улицами.
- 5) *Ватиній*—августіанинъ, придворный.
- 6) *Бальнеаторъ*, — банщикъ-массажистъ.
- 7) *Геммы*,—драгоценныя камни съ вырѣзанными на нихъ изображеніями и надписями.
- 8) *Албанскія горы*. У подошвы этой горы находились виллы многихъ римлянъ, изъ которыхъ образовался городъ Альбанъ, находящійся по Аппіевой дорогѣ.
- 9) *Тепидаріумъ*,—одна изъ залъ въ баняхъ. См. Бани, 2.
- 10) *Номенклаторъ*,—рабъ, докладчикъ.
- 11) *Варвары*,—всякій иноплеменный народъ, чужестранцы.
- 12) *Аруленъ*,—знатный римлянинъ и народный трибунъ.
- 13) *Пирронъ*,—основатель скептической школы, современникъ Аристотеля.
- 14) *Сизенинъ*,—потомокъ благородной фамиліи, жившей около 119 в. до Р. X.
- 15) *Асклепиада*, — Мифологическій богъ врачеванія, вообще—врачъ. *Асклепиады*, — послѣдователи древняго врача Эскулапа.
- 16) *Инкубуація*,—обычай спать въ

- храмъ, съ цѣлю получить облегченіе отъ болѣзни.
- 17) *Гипокаустъ*, — клозеть.
- 18) *Хариты*, — тоже, что граціи, дочери Зевса и Геры.
- 19) *Епилаторы* — рабы, при ваннахъ.
- 20) *Туники*, — нижнее платье безъ рукавовъ.
- 21) *Лизиппъ*, — извѣстный ваятель-самоучка, современникъ Александра Великаго.
- 22) *Луканъ*, — поэтъ - придворный, котораго цезарь не любилъ за его стихотворенія и казнилъ какъ соучастника въ заговорѣ Пизона.
- 23) *Вейентонъ*, — преторъ, который потомъ за пасквили на жрецовъ и другія безчинства былъ сосланъ.
- 24) *Мусоній и Трасей*, — августіане, философы-стоики, какъ и Сенека.
- 25) *Фригидариумъ*, — прохладительная комната въ баняхъ. См. бани, 2.
- 26) *Скавръ*. — (прозвище нѣкоторыхъ римскихъ вельможъ) — ввукъ извѣстнаго Аврелія Мессалина, получавшій ежегодное содержаніе.
- 27) *Поппея Сабина*, — жена Нерона, развѣшавшаяся съ двумя мужьями, извѣстная развратница, благодаря которой Неронъ убилъ свою мать.
- 28) *Оттонъ*, — августіанинъ, раздѣлявшій развратъ Нерона, назначенный намѣстникомъ затѣмъ въ Лузитанію.
- 29) *Унктуариумъ* (ункторіумъ) — одно изъ отдѣленій бань. См. бани, 2.
- 30) *Фамилія*, — домашніе рабы и всѣ принадлежащія къ нимъ лица.
- 31) *Басъ*, — лирикъ. Погибъ при изверженіи Везувія.
- 32) *Помпонія Грецина*, — жена Авлія Плавтія, заподозрѣнная въ въ исповѣданіи христіанской религіи, вслѣдствіе чего былъ назначенъ судъ, въ которомъ ее оправдалъ ея мужъ.
- 33) *Субіакскія роши* отличались особенной красотой и тишиной и считались священными.
- 34) *Гермундуры*, — народъ жившій по берегу Дуная, принадлежавшій Германіи и носившій въ позднѣйшее время названіе тюринговъ.
- 35) *Легиъ*, — легионъ. Въ каждомъ легионѣ во времена цесарства считалось болѣе 12000 человекъ пѣшихъ и конныхъ солдатъ.
- 36) *Монсъ*, — полубогъ и знаменитый оракулъ, предсказывавшій судьбу.
- 37) *Venus Genitrix*, — Венера, богиня супружеской любви, возведенная Энеемъ въ прародительницу римскаго народа; имѣла свои святилища и называлась различными именами.
- 38) *Эротъ*, — богъ любви, вызвавшій свѣтъ изъ тьмы. Онъ считается древнѣйшимъ изъ боговъ: сперва былъ Хаосъ, затѣмъ сдѣлались земля, Тартаръ и Эротъ.
- 39) *Асфоделъ*, — родъ растецій изъ семейства лилейныхъ. Одинъ изъ видовъ этого растенія произрасталъ на подземныхъ поляхъ и служилъ пищею умершимъ.
- 40) *Унивѣра*, — добродѣтельная.
- 41) *Фениксъ*, — баснословная птица въ Арабіи, которая живетъ болѣе 300 лѣтъ, передъ смертью сжигаетъ себя, а затѣмъ изъ пепла его является молодой.
- 42) *Домитій Асфръ*, — африканецъ

- изъ Невмаза; пользовался славой оратора и былъ консуломъ.
- 43) *Тишелинъ*, — былъ сосланъ Калигулой за незаконную связь съ сестрами своими, — Агриппиной и Юлией; возвращень Клавдіемъ и заслужилъ благоволеніе Нерона за выѣзду лошадей и сдѣланъ префектомъ преторіи. Чрезъ его козни погибли благороднѣйшіе люди. Онъ сжегъ Гимъ, измѣнилъ Нерону и, приговоренный къ смерти, самъ себя лишилъ жизни.
- 44) *Агенобарбъ*, — цезарь Неронъ, сынъ Гн. Домитія Агенобарба и Агриппины, вышедшей 2-й разъ замужъ за имп. Клавдія. Родился въ Антиѣ; былъ женатъ на дочери императора Октавія. Послѣ умерщвленія Клавдія, онъ вступилъ на престолъ съ помощью преторіанцевъ и былъ признанъ сенатомъ цезаремъ.
- 45) *Сенека и Бурръ*. — Сенека былъ учителемъ Нерона, старавшійся избавить его отъ вліянія честолюбивой матери. Бурръ, вмѣстѣ съ Сенекой, дѣйствовалъ на Нерона; былъ хорошимъ солдатомъ и государственнымъ челоуѣкомъ. Умерщвленъ Нерономъ посредствомъ яда.
- 46) *Триклиній*, — столовая; обѣденное ложе, на которомъ возлежали во время ѣды.
- 47) *Лары*, — боги-покровители у древнихъ римлянъ; усопшія души предковъ, возведенныя въ боговъ. — *Ларарій*, полочка близъ очага, на которомъ стояли лары.
- 48) *Гелій*, — богъ Солнца.
- 49) *Елена*, — любившая Александра Македонскаго.
- 50) *Котара*, — портьера, замѣняющая дверь.
- 51) *Термы*, — то же, что бани.
- 52) *Форумы*, — мѣста управы или площадь, куда собирались для суда, гдѣ бывали ярмарки и гдѣ совѣщались о разныхъ дѣлахъ.
- 53) *Атриумъ*, — часть римскаго дома, представляетъ родъ крытаго портика, въ передней части.
- 54) *Веларій*, — занавѣсъ, которымъ закрывались амфитеатры и атриумы въ средней части отъ солнца и дождя.
- 55) *Кубикулюмъ*, — спальня.
- 56) *Палатинъ*, — дворецъ, на Палатинскомъ холмѣ.
- 57) *Лициній Сталонъ*, — народный трибунъ, а затѣмъ консулъ, нарушившій аграрный законъ о земляхъ.
- 58) *Булла*, — плоская сумочка въ видѣ медальона или ладонки, которую носили на ленточкѣ на шеѣ, какъ амулетъ, знатныя и свободно рожденныя дѣти. Она снималась только по возрастѣ лѣтъ, когда юноши одѣвали тогу.
- 59) *Амадриады*, — нимфы, носившія разныя названія водяныхъ, лѣсныхъ, горныхъ и проч. нимфъ.
- 60) *Гелотій*, — содержатель института, пользовавшася дурной славой.
- 61) *Плиній*, — прокураторъ Испаніи, погибшій при изверженіи Везувія.
- 62) *Апицій*, — знаменитый гастрономъ и кутила. Прожилъ свое состояніе и отравился, боясь умереть съ голода.
- 63) *Форумъ-Боаріумъ*, — площадь, у подножія палатинскаго холма, на которую соеѣдніе народы пригоняли скотъ для обмѣна на военную добычу.
- 64) *Форумъ Романумъ* (римскій), — здѣсь собирався въ важныя слу-

- чаи сенать, ораторы, триумфаторы и побѣдители, которые получали почетныя вознагражденія и здѣсь жерѣшались судьбы всего древняго міра.
- 65) *Капитолій*, — зданія, получившія названіе отъ Капитолійскаго холма: храмъ верховнаго Юпитера, Юноны, Минервы и вообще святилища.
- 66) *Ростры*, — ораторскія трибуны, устроенныя на площадяхъ изъ носовыхъ частей кораблей, взятыхъ у непріятели.
- 67) *Систры, самбуки и флейты*, — музыкальные инструменты. *Систра*, — металлическая погремушка. *Самбукъ* — родъ арфы, съ пронзительными тонами, треугольная. *Флейта*, что свирѣль.
- 68) *Вигиль*, — народная стража, городовые.
- 69) *Квириты*, — почетное имя древнихъ гражданъ, послѣ соединенія съ ними сабинянь.
- 70) *Британикъ*, — сводный братъ Нерона, сынъ имп. Клавдія, отъ Мессалины. Былъ названъ Германикомъ и получилъ отъ сената имя Британика.
- 71) *Яниторъ*, — придворный, привратникъ.
- 72) *Остій*, — переднія сѣни.
- 73) *Норикумъ*, — родъ соуса.
- 74) *Веларій*, — тѣлохранитель. См. 54.
- 75) *Таблинумъ*, — задняя комната, первая за атриумомъ.
- 76) *Пентурионъ*, — сотникъ, начальникъ роты.
- 77) *Претексти*, — верхняя одежда, отороченная красной узкой обшивкой, какъ знакъ отличія благородныхъ дѣтей обоого пола до совершеннолѣтія.
- 78) *Либитина*, — богиня, покровительница смерти и похоронъ.
- 79) *Кимерійскія края*, — царство вѣчнаго мрака.
- 80) *Актеонъ*, — охотникъ, увидѣвшій однажды Діану, купающеюся съ своими нимфами. Раздраженная его нескромными взглядами, она превратила его въ оленя, котораго и растерзали его собственныя собаки.
- 81) Обычай древнихъ римлянъ, состоявшій въ томъ, что невѣста, приходя въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ въ первый разъ въ домъ жениха съ прялкою и веретеномъ, обвивала дверныя косяки шерстяными нитями, въ доказательство своего цѣломудрія и для предотвращенія волшебныхъ чаръ, обмазывала ихъ волчьимъ саломъ, послѣ чего входила въ домъ и становилась на овечью шкуру.
- 82) *Авенеи*, — современникъ Архимеда, ученый.
- 83) *Деметрія*, — богиня растительнаго міра и особенно хлѣбныхъ зеренъ, божественная мать земли.
- 84) *Пинакотека*, — картинная галерея въ домѣ римлянъ, а также же въ баняхъ. См. Бани, 2.
- 85) *Лупинарій*, — домъ публичныхъ женщинъ.
- 86) *Сестерція*, — мелкая серебряная монета отъ 5—15 коп. на наши деньги.
- 87) *Лукуста*, — колдунья-отравительница.
- 88) *Мина*, — деньга, равняющаяся нашимъ почти 25 руб. звонкой монеты.
- 89) *Проколотыя уши*. — знакъ рабства.

- 90) *Ункторіумъ*, — тоже что унктуаріумъ. См. бани, 2.
- 91) *Пеплонъ*. — широкая одежда, надѣвавшаяся сверхъ туники.
- 92) *Синтезисъ*, — накидка безъ рукавовъ.
- 93) *Криптопортикъ*, — балкообразное углубленіе съ колонками.
- 94) *Квадрига*, — колесница, запряженная четырьмя лошадьми.
- 95) *Тога*, Тоги были разныя. Вообще одѣяніе римскаго гражданина, носимое такъ, чтобы правая рука была свободна. См. 97.
- 96) *Стола*, — длинная женская одежда древнихъ римлянковъ.
- 97) *Тога*, — сановниковъ была обшита пурпурою широкою каймою внизу. См. 95.
- 98) *Калигула*, — императоръ, близкій къ сумашествію, былъ кровожаденъ и требовалъ, чтобы его считали богомъ. Свое сумасбродство довелъ до того, что назначилъ свою лошадь консуломъ съ тою цѣлью, чтобы у римлянъ была одна его голова. Былъ убитъ за всѣ свои сумасбродства.
- 99) *Кассій Херей*, — трибунъ императорской гвардіи; убитъ за то, что Калигулла своими насмѣшками оскорблялъ его.
- 100) *Друзы и Гемеллей*, — Друзы: одинъ — сынъ Тиберія; другой — Германика. Когда начались гоненія, которымъ подверглась фамилія Германика, послѣдній былъ заточенъ въ Палатинѣ и уморенъ голодомъ; а первый, сдѣлавшись трибуномъ, былъ заподозрѣнъ Сеяномъ, который хотѣлъ воспользоваться его женой, отравилъ его медленнымъ ядомъ. Что касается Геммелея, то этотъ послѣдній былъ народнымъ трибуномъ и исканіе консульства навлекло на него много неприяностей и онъ былъ осужденъ за подкупъ, но не казненъ.
- 101) *Клавдій*, — императоръ, отравленный женой.
- 102) *Германикъ*, — сынъ Нерона Клавдія Друза, былъ отравленъ, по порученію Тиберія, намѣстникомъ Сиріи, Пизономъ.
- 103) *Клиенты*, — протежируемыя и покровительствуемыя лица.
- 104) *Виницій*, — сынъ консула, Марція Виниція, кончившаго жизнь ядомъ.
- 105) *Вестиній*, — сначала другъ, а затѣмъ противникъ Нерона, котораго онъ раздражалъ своими насмѣшками.
- 106) *Проконсуль*, — военный трибунъ или бывший консуль, управляющій провинціей.
- 107) Всѣ пиршества Нерона отличались особенностями. Такъ онъ однажды устроилъ пиръ, во время котораго всѣхъ засыпалъ розами, падавшими съ потолка на пирующихъ, благодаря чему, вслѣдствіе ихъ душистости, всѣ опьянялись до безчувствія, а нѣкоторые и умирали.
- 108) *Лютня*, — имѣетъ видъ бандуры или греческой буквы Δ
- 109) *Набліумъ*, — родъ цитры.
- 110) *Фаунъ*, — богъ и покровитель хлѣбопашества, скота и пастуховъ, родоначальникъ разныхъ мелкихъ божествъ, извѣстныхъ подъ этимъ же именемъ.
- 111) *Лемуралия*, — поминовеніе умершихъ.
- 112) *Тимпанъ*, — ударный инструментъ, ручная литавра съ выпуклою декой, обтянутой пергаментомъ.
- 113) *Сатиры* — мифическія отвратительныя существа, жив-

- шія въ лѣсахъ и покищавшія нимфѣ.
- 114) *Носилки*, — паланкинѣ, для переноски люпей. Паланкины дѣлались открытыми и закрытыми и украшались различными дорогими отдѣлками.
- 115) *Августа*, — священная.
- 116) *Тачанн* — свѣтильники, замѣнявшіе лампы.
- 117) *Кай или Гай*, — слово, которое употреблялось въ смыслѣ приданія человѣку названія или титула, которымъ онъ не обладалъ, но вообще какъ человѣку умному.
- 118) *Нардъ*, — колосистое растеніе изъ семейства валеріановыхъ съ сильнымъ запахомъ и горькимъ вкусомъ. Вообще, благовонное вещество.
- 119) *Гадеса*, — владыка подземнаго міра.
- 120) *Сбирь*, — полицейскій саражъ.
- 121) *Триножники*, — подставки для желѣзныхъ тазовъ, наполняемыхъ горячими углями для куренія благовоній.
- 122) *Лампадаріи*, — фонарщики или факельщики.
- 123) *Педисеки*, — провожатые тѣлохранители.
- 124) *Эристулы*, — каторги для рабовъ, въ которыхъ они должны были исполнять всѣ тяжелыя и полевыя работы въ оковахъ.
- 125) *Импловій*, — цистерна съ водой, находившаяся въ атриумѣ.
- 126) *Эребъ и Геката*, — первый — богъ Ночи; — вторая — дочь Тартара, преисподней; богиня, которая управляла небомъ, землей и морями.
- 127) *Фортуна*, — богиня счастья, изображаемая съ завязанными глазами, такъ какъ она слѣпо раздавала свои дары.
- 128) *Таблетки*, — дощечки, облитыя тонкимъ слоемъ воску, по которому писали какъ на папирусь, замѣнявшемъ нынѣшнюю бумагу.
- 129) *Атриенсис*, — гофмейстеръ, заведующій атриумомъ, картинной галлереей, столовой и проч. Вообще почетная должность.
- 130) *Гекатомба*, — жертвоприношеніе въ видѣ 100 быковъ.
- 131) *Люцерна*, — невольничій плащъ.
- 132) *Фонтей Капитонъ*, — работоровецъ.
- 133) *Скопа*, — извѣстнѣйшій ваятель.
- 134) *Геката Триморфисъ*, — троевидная или троеобразная: дочь Персея и Астеріи; дочь Зевса и Геметры или Геры; дочь Тартара.
- 135) *Ланистъ*, — учитель фехтованія.
- 136) *Аренариумъ*, — мѣсто всего амфитеатра, или поле состязаній или сраженія.
- 137) *Оболь*, = 4 коп.
- 138) *Кипарисъ*, — обозначаетъ трауръ въ томъ домѣ, гдѣ онъ былъ выставленъ у воротъ при нахожденіи покойника въ домѣ.
- 139) *Нюба*, — изваяніе богини, гордившейся многочисленностью (12-ю) дѣтей. Но, желая поставить себя рядомъ съ Летою, имѣвшей только двухъ дѣтей, она разгнѣвала боговъ Аполлона и Артемида, которые застрѣлили ихъ, вслѣдствіе чего Нюба окаменѣла.
- 140) *Антій*, — древній портовый городъ въ Лаціумѣ, стоящій на вершинѣ горы и вдающійся въ море.

- 141) *Байи*,—городъ въ Кампаннѣ, славящійся силою своихъ цѣлебныхъ источниковъ и купаньями, застроенный дачами римскихъ богачей.
- 142) *Атлантъ*,—Атласъ, обозначающій громадную силу моря, поддерживающій небо и землю на плечахъ своихъ.
- 143) *Геркулесовскіе столпы*, — назывались два утеса, стоявшіе по сторонамъ Гибралтарскаго пролива. *Арсія* — пограничная рѣка между верхней Италіей и Илиріей.
- 144) *Ассъ*, — единица монеты и вѣса. Ассъ=17—18 коп.
- 145) *Мора*, — итальянская игра, вродѣ орлянки.
- 146) *Амфитрида*, — богиня моря.
- 147) *Силанъ*,—умерщвленный Нерономъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего соперника.
- 148) *Тиридатъ*,—имя одного изъ армянскихъ царей, пареянскаго происхожденія, и *Вологезъ*—его братъ, царь пареянъ.
- 149) *Корбулонъ*,—полководецъ, побѣдитель во многихъ войнахъ.
- 150) *Субура и Затибръе*,—части города, въ которыхъ сосредоточены жилища подонковъ общества и черни.
- 151) *Эмпоріумъ*,—хлѣбные склады и вообще склады различныхъ товаровъ.
- 152) *Ахайя*,—вся Греція до Θεσαλίи, Римская провинція.
- 153) *Беневентъ*,—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи.
- 154) *Тирсъ*,—жезлъ, обвитый плющомъ, который носилъ бахусъ, вакханки и остальные его спутники.
- 155) *Смирнская чара* (*murrina vasa*) самые дорогіе сосуды, за которые платили баснословныя деньги и которые служили предметомъ роскоши.
- 156) *Фатумъ*,—рокъ, судьба или предопредѣленіе.
- 157) *Энней*,—поэтъ, драматургъ.
- 158) *Мая*,—богиня природы, служеніе которой приурочено къ Маю мѣсяцу.
- 159) *Гипогеи*,—тоже что катакомбы или склепы для погребенія покойниковъ.
- 160) *Кантръ*,=3 ведрамъ.
- 161) *Scriptae duodecim*, — игра, сходная съ шахматной игрою въ саду, гдѣ игрокъ долженъ былъ побить или запереть камешки противника.
- 162) *Скрупулъ*, — самая мелкая мѣдная монета, въ три динарія.
- 163) *Аганы*,—собранія, на которыхъ язычники предавались любовнымъ наслажденіямъ.
- 164) *Крипта*, — тоже, что катакомбы, склепъ.
- 165) *Лотофаци*,—африканскій народъ, питающійся цвѣтами лотоса.
- 166) *Маронафа*,—гимнъ: «Господь нашъ придет!»
- 167) *Сика*,—кривой короткій ножъ.
- 168) *Зедъ*,—Аэдона—жена скиѣскаго царя, обращенная Зевсомъ въ соловья за умерщвленіе по ошибкѣ своего сына Иоила.
- 169) *Неморозскія роши*,—лиственные лѣса, въ которыхъ совершались лѣсныя празднества, называемыя неморалиями.
- 170) *Компедиторъ*,—землекопъ.
- 171) *Гибернія*, — древне римское названіе Ирландіи.
- 172) *Дельфійская пивія*,—пророчествующая жрица Аполлона, избиравшаяся изъ низшаго класса, которую сажали на тренож-

- никъ, изъ котораго выходили одуряющіе пары.
- 173) *Пифійскія роши*,—у города Пафоса, принадлежавшія Венерѣ.
- 174) *Верра*,—граматикъ и изслѣдователь древности.
- 175) *Мемнонскій памятникъ*,—разрушившійся во время землетрясенія, послѣ чего отъ бывшей статуи, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, началъ исходить звукъ разорванной струны. Находится у Мединеть-Габу, въ Эіюпіи.
- 176) *Луна*,—богиня мѣсяца, называемая римлянами Селеной.
- 177) *Дриады*,—См. Амадріады, 59.
- 178) *Диспенсаторъ*,—рабъ, кассиръ и домоправитель.
- 179) *Ата и Фурія*,—Ата—богиня слѣпоты и всякихъ бѣдствій;—Фурія,—карательница преступниковъ.
- 180) *Парки*,—три богини судьбы, отъ которыхъ зависѣла жизнь и смерть человѣка.
- 181) *Пронуба*,—сваха и опытная въ жизни женщина.
- 182) *Банки*,—замѣняли переплеты для книгъ.
- 183) *Мая*. См. 158.
- 184) *Булла*, См. 58.
- 185) *Лета*,—рѣка забвенія въ аду, преисподняя.
- 186) *Камни*.—драгоценные камни.
- 187) *Прандіумъ*,—полдникъ.
- 188) *Сикамбры*,—могущественное германское воинственное племя.
- 189) *Вестіаріи*,—укротители звѣрей и завѣдующіе звѣринцами, а также бойцы со звѣрями.
- 190) *Охотники*,—жители Италіи еще при Августѣ были освобождены отъ военной службы, вслѣдствіе чего, такъ называемая,
- cohors Italica, стоящая по обыкновенію въ Азіи, была составлена изъ охотниковъ. Точно также были охотники и среди преторіанцевъ.
- 191) *Мисте*.—Браво!
- 192) *Матереубійца*, тиранъ, злодѣй и проч. эпитеты.
- 193) *Луцианъ Пизонъ*,—усыновленный Гальбою, назначенный его пріемникомъ и убитый въ извѣстномъ заговорѣ.
- 194) *Легионъ* (легія),—во время имперіи имѣлъ болѣе 12,000 челов. См. 35.
- 194а) *Лаврентъ*,—очень древній городъ, резиденція царя Латина.
- 195) *Оттонъ*,—бывшій мужъ Понпеи, раздѣлялъ развратъ Нерона и былъ посланъ въ Лузитанію въ качествѣ намѣстника. См. 28.
- 196) *Девкаліонъ*,—мифологическій царь, спасшійся отъ всемірнаго потопа и сдѣлавшійся родоначальникомъ рода человѣческаго. Камни считаются имъ костями земли.
- 197) *Амфора*,—глиняный сосудъ.
- 198) *Алумны*,—бѣдные воспитанники закрытыхъ учебныхъ заведеній, которые за даровое обученіе должны были исполнять нѣкоторыя должности въ заведеніи.
- 199) *Пандарія*,—островъ въ Тирренскомъ море, куда ссылались члены царствующаго дома.
- 200) *Виварій*,—вмѣстилище для дикихъ звѣрей.
- 201) *Папирусъ*,—тростниковое растеніе, изъ котораго выдѣлывался родъ бумаги.
- 202) *Банки*,—переплеты, даренные Нерономъ, были очень богаты: золотые, рѣзные съ драгоценными камнями.

- 203) *Демокритъ*, — ученый; былъ основателемъ атомистики, состоящей изъ атомовъ тончайшаго свойства.
- 204) *Афродита*, тоже, что Венера, богиня брака.
- 205) *Нерва*, — августіанинъ, другъ Нерона.
- 206) *Эмпирея*, — небо, мѣсто свѣта.
- 207) *Троилъ и Крессидя*, — младшій сынъ пріама, павшій отъ руки Ахиллеса, — былъ влюбленъ въ Крессиду, дочь Океана.
- 208) *Люкреція*, — патриціанка, жена Тарквинія Коллатина, прославившаяся своимъ цѣломудріемъ и вслѣдствіе произведеннаго надъ нею насилія лишила себя жизни.
- 209) *Форминксъ*, — музыкальный инструментъ, въ родѣ цитры.
- 210) *Vae misero mihi!* — Горе мнѣ несчастному!
- 211) *Спартакъ*, — еракіецъ - разбойникъ, собравшій многочисленныя отряды, до 120,000, покорялъ многие города.
- 212) *Албанъ и Албалона*. — Подъ этимъ именемъ извѣстны дачи римлянъ, у подошвы горы, гдѣ была расположена *Albalonga*, т. е. Помпей и проч. См. 8.
- 213) *Акведуки*, — водопроводы, снабжавшіе городъ водою, проведенною съ далекихъ мѣстъ. Великолѣпное сооруженіе въ видѣ арокъ, устроенныхъ на горахъ и долинахъ.
- 214) *Бреннъ*, — предводитель галловъ, напавшій на Италію и Римъ, который сжегъ и осадилъ Капитолій, спасенный гусями, которые закричали въ моментъ осады и тѣмъ обратили вниманіе защищавшихъ.
- 215) *Авентинъ*, — царскій Римъ, находившійся на Палатинскомъ холмѣ, населенный жителями покоренныхъ городовъ.
- 216) *Мисридатъ*, — перебившій всѣхъ римлянъ (150,000) въ Малой Азіи.
- 217) *Назмазія*, — мѣсто, гдѣ устранился корабельный бой для удовольствія. Мѣсто это было осушено Нерономъ и здѣсь представлялось сухопутное сраженіе.
- 218) *Катехумъ*, — новообращенный, готовящійся къ крещенію.
- 219) *Капитиумъ*, — родъ фуфайки, а также шапка.
- 220) *Рубашика Несса*, — драгоценная одежда, пропитанная волшебствомъ любви, которая, согрѣвшись на тѣлѣ, разъѣдала его.
- 221) *Мида*, — древній царь бриговъ, позже — фригійцевъ, который просилъ бога, чтобы онъ превращалъ въ золото все то, къ чему онъ прикоснется. Просьба была исполнена; и даже купанья, къ которымъ онъ прикасался, превращались въ золото.
- 222) *Веста*, — богиня цѣломудрія.
- 223) *Агеръ*, — общественная земля, находившаяся на Ватиканскомъ холмѣ.
- 224) *Паусъ*, — въ родѣ нашей слободы, принадлежащей къ городу.
- 225) *Миеро*, — персидскій богъ, отождествленный съ солнцемъ.
- 226) *Глосса*, — непонятный языкъ.
- 227) *Домъ при Aqua Appia*, — названіе мѣста съ минеральными и лѣчебными источниками.
- 228) *Пенаты*, — боги, хранители семействъ и государства.
- 229) *Сирма*, — платье съ длиннымъ шлейфомъ, употреблявшееся въ трагедіяхъ.
- 230) *Этиллема*, — возраженіе

- 231) *Стадія*, — ристалища гдѣ происходили бѣга.
- 232) *Тартаръ*, — подземное царство, гдѣ грѣшники получаютъ наказаніе.
- 233) *Девкаліонъ*, См. 196.
- 234) *Кроносъ*, — тоже что Сатурнъ, сынъ Неба и земли; ему было предсказано, что онъ будетъ свергнуть съ трона своими дѣтьми; въ виду чего онъ проглатывалъ своихъ дѣтей.
- 235) *Coa vestis*, — прозрачная туника.
- 236) *Олаотска*. См. Бани, 2.
- 237) *Туланумъ*, — нижняя часть тюрьмы, подъ землею.
- 238) *Мирмионъ*, — гладиаторъ, съ изображеніемъ рыбы на шпакѣ.
- 239) *Копорта*, — легионъ въ 600 чел., или вспомогательная войска союзниковъ.
- 240) *Сивилины книги*, — въ которыхъ заключались предсказанія судьбы римскаго народа.
- 241) *Ночныя бднія*, — (Lectisteria v. Selisteria) торжественныя обѣды, устраиваемыя въ честь боговъ во время какихъ либо опасностей; утреннія забавы.
- 242) *Ивернія*, — тоже, что Гибернія, нынѣшняя Ирландія.
- 243) *Аматуръ и Парисъ*, — любимцы Нерона, августяне.
- 244) *Ритисилъ*, — вонючія ямы, куда сбрасывали мертвыя тѣла, гдѣ они и разлагались, едва открытыя землею.
- 245) *Синисилумъ*, — общія комнаты, въ которыхъ помѣщались приговоренные къ смерти.
- 246) *Литанія*, — молитва о ниспосланіи благодати: къ Богу, Богородицѣ или святымъ.
- 247) *Pileolus*, — скорѣе шапка, чѣмъ шляпа.
- 248) *Ludus matutinus*, — общественныя игры; утреннія забавы.
- 249) *Вомиторіи*, — крытые корридоры, ведущіе непосредственно къ мѣстамъ для зрителей.
- 250) *Сполиаріи*, — мѣсто, куда выносили умершихъ на аренѣ.
- 251) *Харонъ и Меркурій* — Харонъ, — перевозчикъ умершихъ черезъ р. Стиксъ за извѣстную плату. Меркурій, — богъ воровства и торговли.
- 252) *Эдилы*, — чиновники, наблюдающіе за строеніями.
- 253) *Ликторы*, — публичные служители высшихъ начальниковъ, разгонявшіе толпу впереди нихъ.
- 254) *Подіумъ*, — цезарская ложа.
- 255) *Peractum est*. — кончено!
- 256) *Ретіаріи*, — бойцы съ сѣтью, которую накидываютъ на противника, чтобы запутать его.
- 257) *Pro Christo*, — за Христа.
- 258) *Сминоей*, — прозваніе Аполлона по городу Троянской области.
- 259) *Sine armis et sine arta*. — Безъ оружія и необученные борьбѣ.
- 260) *Ксисность*, — терраса передъ колоннадами.
- 261) *Анѳуцій*, — преторъ.
- 262) *Эта*, — отдѣляется къ Востоку отъ Пинда. На ней будто-бы Гераклъ (Геркулесъ), сжегъ себя.
- 263) *Дедалъ и Икаръ*, — отецъ и сынъ. Дедалъ — изобрѣтатель, художникъ, архитекторъ. Онъ изобрѣлъ топоръ, пилу, буравъ,

- гончарный и токарный станки, построилъ лабиринтъ, въ который потомъ и былъ заключенъ съ сыномъ. Тамъ онъ изобрѣлъ крылья и улетѣлъ вмѣстѣ съ сыномъ изъ заключенія чрезъ море. Во время полета сынъ поднялся къ солнцу, близъ котораго крылья, укрѣпленныя воскомъ, растаяли и онъ упалъ въ море Икарское, въ которомъ и утонулъ, а Дедалъ вернулся въ городъ Кума, въ которомъ построилъ храмъ Аполлону.
- 264) *Цибелла, Церера, Данаида, Дирка и Пасифая*, — 1) мать олимпійскихъ боговъ; 2) Церера, ея дочь; 3) одна изъ 50 дочерей Даная; 4) жена Лика, брата властителя Фивъ; 5) богиня-прорицательница, въ храмъ которой получались предсказанія по сневидѣнιάмъ.
- 265) *Муцій Сцевола*, — народный трибунъ, сожженный въ 485 г. до Р. X. за нарушеніе мира.
- 266) *Innoxia corpora*, — невинныя жертвы.
- 267) *Sarmentitii, semaxii*, — христіане, которыхъ сожигали привязанными виноградными вѣтвями къ осмоленнымъ столбамъ.
- 268) *Hic abdera*, — глупцы.
- 269) *Scriptae duodecim*, — родъ шахматовъ. Игра въ осаду, въ которой игрокъ долженъ побить или запереть камешки противника. См. 161.
- 270) *Θανατος*, — олицетвореніе смерти.
- 271) *Борей Саранъ*, — проконсулъ Малой Азіи, котораго ненавидѣлъ Неронъ за его честность и справедливость.
- 272) *Антистій Веръ*, — консулъ.
- Заподозрѣнный Нерономъ въ заговорѣ Пизона, умертвилъ себя добровольно.
- 273) *Епрій Марцеллъ*, — намѣстникъ Передней Азіи, ненавидимый за вымогательства, доносчикъ.
- 274) *Кассій Херей*, — трибунъ императорской гвардіи, пытавшійся возстановить республику и мужественно умершій за свою идею. См. 99.
- 275) *Наталій, Субрій, Флавій, Сульпицій, Асперъ, Атаній Квинтіанъ и Вестиній, Феній, Руффъ и проч.*, — сановники, приближенные цезаря, августіане; казнены цезаремъ за участіе въ заговорѣ Пизона.
- 276) Пусть руководятъ тобою могущественная богиня Кипра и братья Елены, блестящія звѣзды и отецъ вѣтровъ.
- 277) *Бестія*, — звѣрь; слово примененное къ Нерону.
- 278) *Кимвалъ*, — музыкальный инструментъ, употреблявшійся іудеями, при богослуженіи.
- 279) *Domus aurea*, — домъ насилія.
- 280) См. 270.
- 281) *Геспериды*, — нимфы, жившія на Атласскихъ горахъ; въ ихъ садахъ росли золотые яблоки.
- 282) *Акантъ*, — украшеніе на колоннахъ въ видѣ широкихъ листьевъ и растеніе съ листьями, похожими на медвѣжьи лапы.
- 283) *Дориды*, — рыба, золотистые карпы, по которымъ гадали.
- 284) *Гипнозъ*, — Богъ сна.
- 285) *Виндексъ*, — пропреторъ сѣверной Галліи, возмущившійся тираніей Нерона и возвѣвшій на престолъ Гальбу.

286) *Галба*, — правитель Африки; провозглашенный на римский престоль, а затѣмъ убитый Оттономъ, провозглашеннымъ на его мѣсто.

287) *Parricida*, — матере-или-отцеубійца.

Пропуски примѣчаній на стр. 433, 434 и 439.

*) Здравствуй цезарь императоръ, привѣтствуютъ тебя идущіе на смерть.

*) Не тебя ловлю, рыбу ловлю; куда уходишь, галль?

*) Христось побѣждаетъ.

